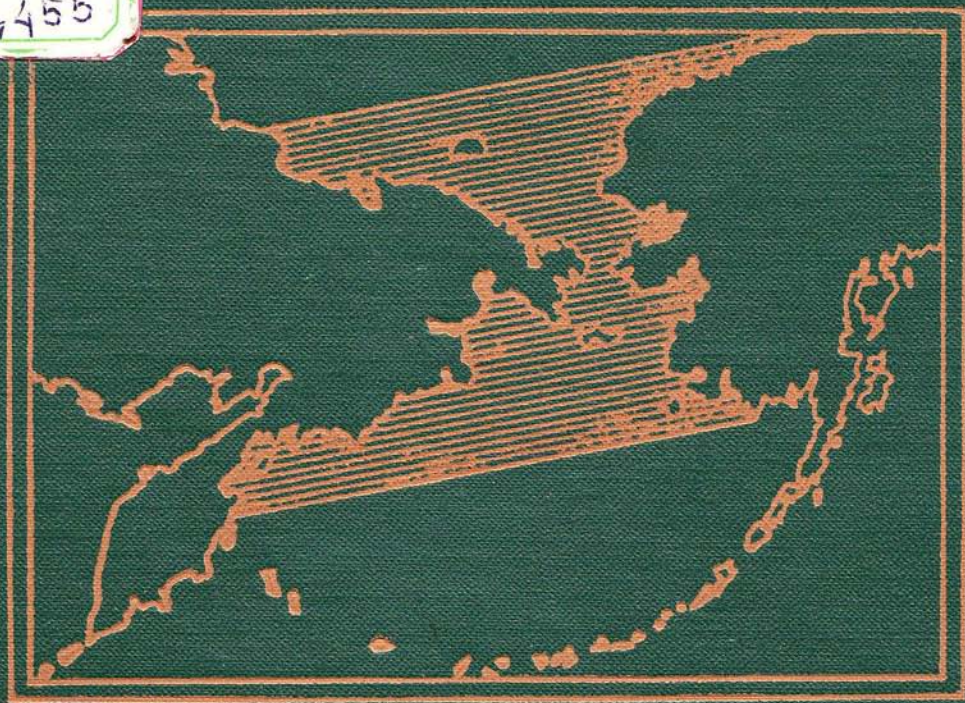

Кр.Т4

Д.455

И. И. ДИКОВ

Археологические
памятники
Камчатки,
Чукотки
и Верхней Колымы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Дальневосточный научный центр

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

Far Eastern Sci. Centre

the North-Eastern complex research institute

N. N. DIKOV

Archeologic monuments
in Kamchatka, Chukotka
and the upper reaches
of the Kolyma

ASIA JOINING AMERICA
IN ANCIENT TIMES

«NAUKA» PUBLISHING HOUSE

MOSCOW 1977

КРТУ 27-002
4458

Н. Н. ДИКОВ

Археологические
памятники
Камчатки, Чукотки
и Верхней Колымы

АЗИЯ НА СТЫКЕ С АМЕРИКОЙ
В ДРЕВНОСТИ

805809

МАГАДАНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

АБОНЕМЕНТ

Данная первая часть монографии о древних культурах Северо-Восточной Азии посвящена стратиграфии, характеристике и датировке археологических памятников широкого хронологического диапазона (от палеолита до неразвитого железного века), обнаруженных и исследованных автором. Книга является источниковедческой основой для второй собственно интерпретационной части.

Ответственный редактор
академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

Предисловие

В историческом отношении Крайний Северо-Восток Азии — Камчатка, Чукотка и Приколымье — единый регион с общей археологической проблематикой. Издавна он служил естественным мостом в Америку, по которому шло ее заселение из Азии. Населенный главным образом северо-восточными палеоазиатами, он с некоторых пор надолго стал в Азии уникальным «заповедником» каменного века, где сравнительно недавно, еще в прошлом столетии, как в машине времени, можно было наблюдать удивительные, давно ушедшие в прошлое явления общественной жизни, обычаи и нравы.

Единство исторических судеб, разумеется в самом общем смысле, совмещалось здесь с разнообразием природно-климатических условий, которое и определяло в конце концов конкретные направления хозяйственной и культурной деятельности древних обитателей Чукотки, Колымы и Камчатки.

С востока на запад, от м. Дежнева до устья Колымы, Северо-Восток простирается на полторы тысячи километров, а с севера на юг, от Ледовитого океана до м. Лопатка на Камчатке — на две с половиной тысячи.

Мысом Дежнева Чукотка обращена на восток к Аляске. Здесь сливаются воды Тихого и Ледовитого океанов, здесь стык двух самых крупных материков — Азии и Америки. Их разделяет только узкий Берингов пролив, на берегах которого живет один народ — полярные эскимосы.

Мыс Лопатка смотрит на юг, в сторону Курильских и Японских островов. Отсюда сравнительно недалеко до теплых стран Восточной Азии. Здесь свежи еще предания об айнах, возможно проникавших на самый юг Камчатки всего несколько столетий назад.

Большие полноводные, обильные рыбой реки — Колыма, Чаун, Пеггымель, Амгуэма, Анадырь, Канчалан, Великая, Пенжина и многие другие поменьше — несут свои воды с гор по просторным равнинам тундры Чукотки и Северной Камчатки к Восточно-Сибирскому, Чукотскому, Берингову и Охотскому морям. Издавна этот край отличался изобилием зверя и птицы. По его моховищам бродили многотысячные стада диких северных оленей, в лесах и тундре обитали ценные пушные звери — лисицы, песцы, горностаи, россомахи, волки; бурый медведь в этом районе — истинный хозяин всего животного царства. А на морском побережье, там где на крутых утесах шумят многоголосые птичьи базары, начинались

владения белых медведей. У подножия скал устраивали свои лежбища огромные стада клыкастых моржей, сивучей, лахтаков, нерп. В открытом же море обитали гиганты животного мира — киты.

Средняя и Южная Камчатка — край вулканов и неисчерпаемых рыбных ресурсов. Главная река этой области — Камчатка, протскает среди настоящей тайги. Тундра и лесотундра здесь составляют исключение, они оттеснены в высокогорные районы. Негде здесь разгуляться северным оленям, всюду надо продираться сквозь густые заросли и буреломы, и только с высоких берегов реки взору предстают широкие, поросшие лесами долины, сопки и заснеженные конусы вулканов.

На территории Камчатки, Чукотки и Колымы известно в настоящее время много археологических памятников: древних стоянок, могильников, наскальных рисунков. Значительная часть их была обнаружена и исследована автором в 1955—1975 гг.¹

О том, что собою представляют памятники каменного века Камчатки, Чукотки и Колымы и как постепенно с XVIII в. собирались сведения о них, о древних культурах этой обширной части Северо-Восточной Азии, вы прочтете в предлагаемой работе. Она обобщает все известные в настоящее время археологические данные об этой территории.

Первая часть монографии является источниковедческой. Исследование публикуемых в ней археологических памятников с культурно-исторических позиций будет дано автором в следующей второй части монографии.

Подготавливая эту работу, автор использовал, помимо публикаций, также и музейные материалы, в частности Государственного исторического музея, Областного камчатского краеведческого музея в городе Петропавловске-Камчатском, Приморского краеведческого музея во Владивостоке, Хабаровского, Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, Музея антропологии и этнографии АН СССР и Эрмитажа в Ленинграде, а также Музея антропологии Московского государственного университета. Руководителям названных музеев автор приносит свою благодарность за их любезное содействие данной работе.

Глубокую признательность автор считает своим долгом выразить также самоотверженным участникам его полевых маршрутов, товарищам, чей энтузиазм и добросовестный труд обеспечили успех археологических поисков и раскопок порой в весьма трудных условиях, а также художникам И. И. Гурину и Л. Н. Коршковой, выполнившим все графические иллюстрации к данной монографии. И, наконец, особо обязан автор академику Н. А. Шило за его всемерное и постоянное содействие археологическим исследованиям на Камчатке, Чукотке и Колыме.

¹ В 1955—1960 гг. автор работал директором Чукотского окружного краеведческого музея в пос. Анадырь, а с 1960 г. по настоящее время — заведующий лабораторией археологии, истории, этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР в Магадане.

Основные этапы и проблемы археологического изучения Крайнего Северо-Востока Азии

В XVII в. первые русские путешественники-землепроходцы, проникнув на крайний северо-восток Сибири, обнаружили, что его обитатели по своему хозяйственно-бытовому укладу делятся на три основные группы. Одна из них вела более или менее подвижный образ жизни в глубине тундры и лесотундры, в континентальных районах Чукотки и Северной Камчатки. Это были оленеводы — чукчи и коряки, а также пешие охотники на диких оленей и рыболовы — юкагиры. Вторая группа, оседлые приморские обитатели Чукотки, Камчатки и северо-охотского побережья — эскимосы, «сидячие» чукчи, коряки и керекы, — занималась преимущественно морской охотой. Третью группу составляли оседлые рыболовы Средней и Южной Камчатки — ительмены и, вероятно, смешанные с ними на самом юге полуострова айны.

Особенно поражало первооткрывателей Северо-Востока то, что все перечисленные его народы жили в первобытных условиях самого настоящего каменного века. Исай Игнатьев, говоря о меновой торговле с чукчами Чаунской губы, в 1647 г. с удивлением отмечает: «...деланы у них пещни, да топоры из той кости», т. е. из моржового зуба. В том же духе, с не меньшим изумлением об аллюторских коряках свидетельствует в конце XVII в. В. Атласов: «...ружье у них, луки и стрелы костяные и каменные»¹. Количество подобных свидетельств можно было бы умножить.

Исторически сложилось так, что Камчатка явилась первой в России областью, где стали проводиться фундаментальные этнографические исследования. Первым исследователем общественного строя, материальной и духовной культуры, обычая ее первобытных народов стал в середине XVIII в. С. П. Крашенинников, участник Второй Камчатской экспедиции от Российской Академии наук. Наблюдая в натуре в течение четырех лет (с 1737 по 1741 гг.) «живой» каменный век, С. П. Крашенинников дал классическое описание первобытного хозяйства и родового строя ительменов, коряков и айнов — основных обитателей тогдашней Камчатки, нарисовал яркую картину многих этнографических явлений, уже давно ушедших в прошлое и потому ставших вскоре объектом археологического изучения².

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.—Л., 1952, с. 110; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935, с. 26.

² Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки, т. II. СПб., 1755.

Рассматривая пароды Камчатки на широком историческом фоне, С. П. Крашенинников поставил задачу определения их исторической роли в заселении соседнего континента — Америки. Он первым высказал гипотезу о существовании сухопутного моста, соединявшего некогда Чукотку и Аляску, по которому в далеком прошлом обитатели Азии переселились в Америку³.

Спустя лет сто после работ С. П. Крашенинникова, потребовались уже специальные разведки и раскопки для обнаружения на Камчатке следов каменного века.

О многочисленных руинах ительменских жилищ как об археологических памятниках впервые упоминает В. Головин, заметивший их на западном берегу Камчатки между Большерецком и Кихчигой (311)⁴.

К. Дитмар обнаруживает огромное количество подобных руин, так называемых юртович, в виде глубоких, заросших травой ям на восточном берегу Южной Камчатки между устьем р. Нальчевая и м. Шипунский (251—255). В Бичевинской губе (255) и на м. Шипунский (251) он производит первые раскопки этих юртович, отмечает наличие у них двух входов, находит в сравнительно неглубоком культурном слое одни и те же предметы: костяные наконечники копий, обломки глиняной посуды «самой примитивной работы», каменные наконечники стрел и копий, топоры и скребки. Много полуобвалившихся ям от древних землянок Дитмар заметил также и севернее по тому же берегу полуострова Камчатка, недалеко от устья речки Жупановская (247), в устье р. Семячик (241) и в окрестностях Кроноцкого озера (231, 232). Этот исследователь заинтересовался также остатками бывшего острога Ешкун при устье речки Кродакыга. Он первым обратил внимание и на древности Старого острога (Елизово), жители которого выкапывали из расположенных вблизи этого села юртович обсидиановые, яшмовые наконечники стрел и скребки⁵.

В течение последующих 50—60 лет, до начала XX в., от различных лиц поступают все новые и новые сведения о старых ительменских юртовичах и отдельных находках древних вещей во многих местах Камчатского полуострова и на соседних ему островах. В 1889 г. М. Тильман нашел два каменных топорика на Командорских островах⁶. В 1890 г. от О. Ф. Герца Музеем антропологии и этнографии АН СССР была получена коллекция из 25 каменных предметов из Старого острога (Елизово): топоры, скребки и несколько осколков со следами обработки⁷. В тот же музей в 1898 г. доставил древние каменные вещи начальник Чукотского

³ Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 175, 179.

⁴ Материалы для истории Русских заселений по берегам восточного океана.— «Морской сборник», 1861, № II, вып. 2. Приложение.

Здесь и ниже цифры в скобках соответствуют нумерации археологических памятников в Приложениях I, II и на карте.

⁵ Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1858 гг., ч. I. СПб., 1901, с. 210—212.

⁶ Приморский краеведческий музей, коллекция 462.

⁷ МАЭ, коллекция 566.

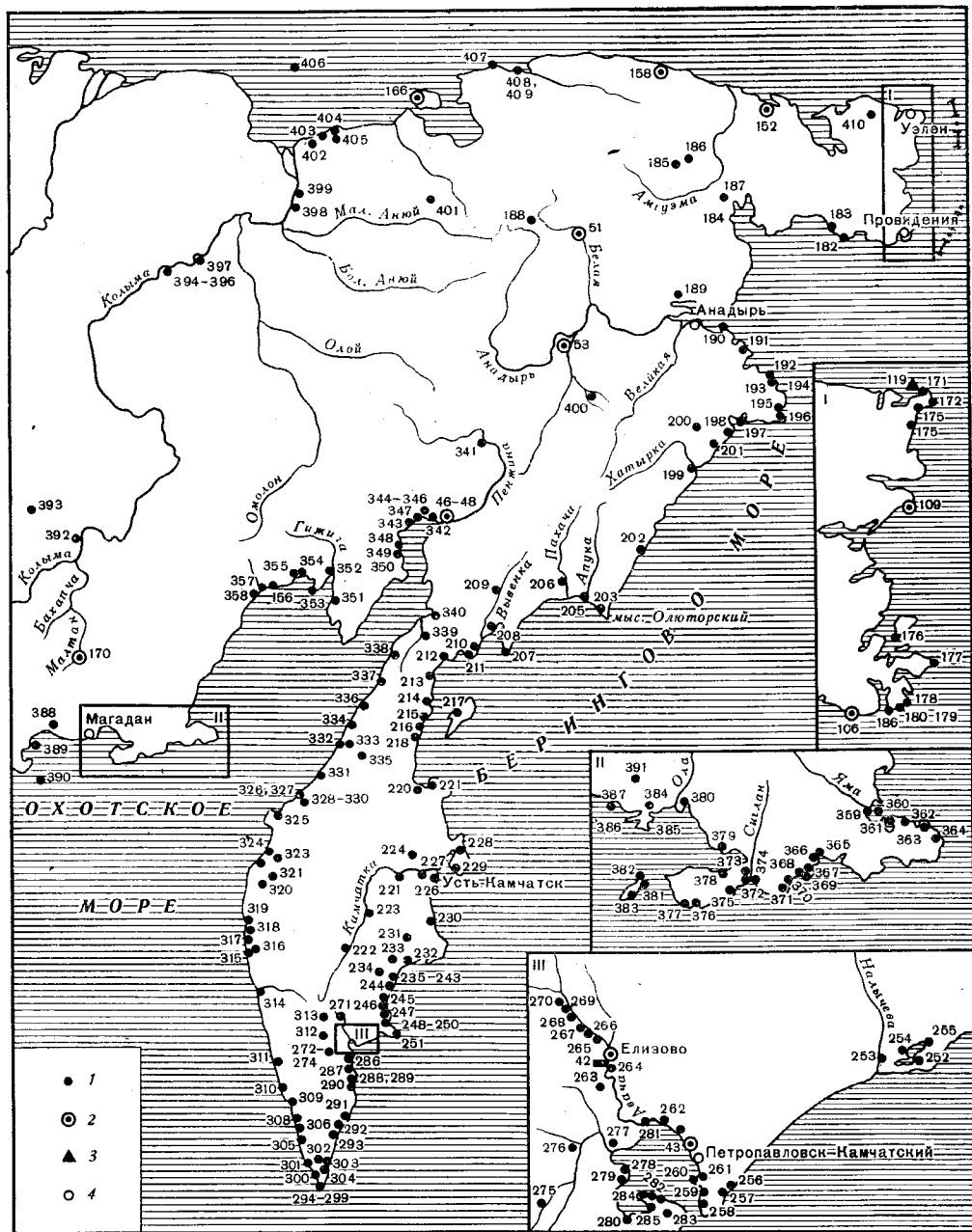

Рис. 1. Археологические памятники, кроме обнаруженных автором (см. Приложение II)

1 — стоянки; 2 — стоянки, раскопанные впоследствии автором; 3 — могильники; 4 — современные населенные пункты

округа Н. Гондатти из трех пунктов — из Сероглазки (262), возле Петропавловска (всего четыре предмета)⁸, из с. Карага (216, семь предметов: каменный скребок и различные осколки), из Большерепка (310, несколько осколков орудий)⁹. Из Явино (306) и Голыгино (308) на самом юге Камчатского западного побережья К. И. Богданович в конце прошлого века прислал в этнографический отдел Русского музея большую, но, к сожалению, смешанную коллекцию из 8 каменных топоров, более 20 наконечников стрел, скребков, ножей и других предметов¹⁰. К тому же времени относится упоминание о старых юртовницах, замеченных Н. В. Слюниным в Налычево (253), Усть-Камчатске (227) и на одном из островов Харчинского озера (224)¹¹ и В. Н. Тюшевым — недалеко от с. Ича, где он видел остатки старого селения под названием «Старый острог» (316)¹². Наконец, небезынтересно отметить несколько находок, поступивших во Владивостокский музей: в 1907 г. от сотрудника Восточного института Керра — каменный топор из Усть-Камчатска (227)¹³ и в 1908 г. от профессора А. И. Державина — каменные ступенчатое тесло и светильник из с. Ключевское (225) на р. Камчатка¹⁴. Наконец, чрезвычайно интригующая коллекция из 6 больших, частично по краям регупированных, кремневых ножевидных пластин поступила (рис. 2) в 1867 г. из Минералогического музея (где она находилась еще с XVIII в.) в этнографический. Точное местонахождение этих очень архаичных на вид пластин неизвестно. Возможно они с Камчатки, Курильских или Алеутских островов, но в любом случае это едва ли не самая первая находка ножевидных пластин в Северо-Восточной Азии или в Русской Америке¹⁵.

Одновременно поступали случайные отрывочные сведения и о древностях Чукотки.

Чуть первого упоминания и вместе с тем первых раскопок археологического памятника на Чукотке принадлежит участнику полярной экспедиции И. Биллингса Г. А. Сарычеву, на что впервые в свое время обратил внимание А. П. Окладников. В 1787 г. Г. Сарычев заметил развалины древних землянок на Барановом мысе вблизи устья Колымы (402), раскопал одну из них, обнаружив в ней много каменных и костяных изделий первобытных морских охотников¹⁶. Почти через 100 лет, в 1878 г., другим полярным исследователем А. Е. Норденшельдом раскопки подобных землянок были произведены на м. Шмидта (158)¹⁷. При-

⁸ МАЭ, коллекция 442.

⁹ МАЭ, коллекция 445.

¹⁰ ГМЭ, коллекция 1775.

¹¹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I. СПб., 1900, с. 396.

¹² Тюшев В. Н. По западному берегу Камчатки. — В кн.: Записки ИРГО по общей географии, XXXVII, № 2. СПб., 1906.

¹³ Приморский Краеведческий музей, коллекция 2139.

¹⁴ Там же, коллекция 585.

¹⁵ МАЭ, коллекция 70 (1—6).

¹⁶ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, ч. 2. СПб., 1802; изд. 2. М., 1952; Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае. — ВДИ, 1947, № 1, с. 179.

¹⁷ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», ч. II. Л., 1936.

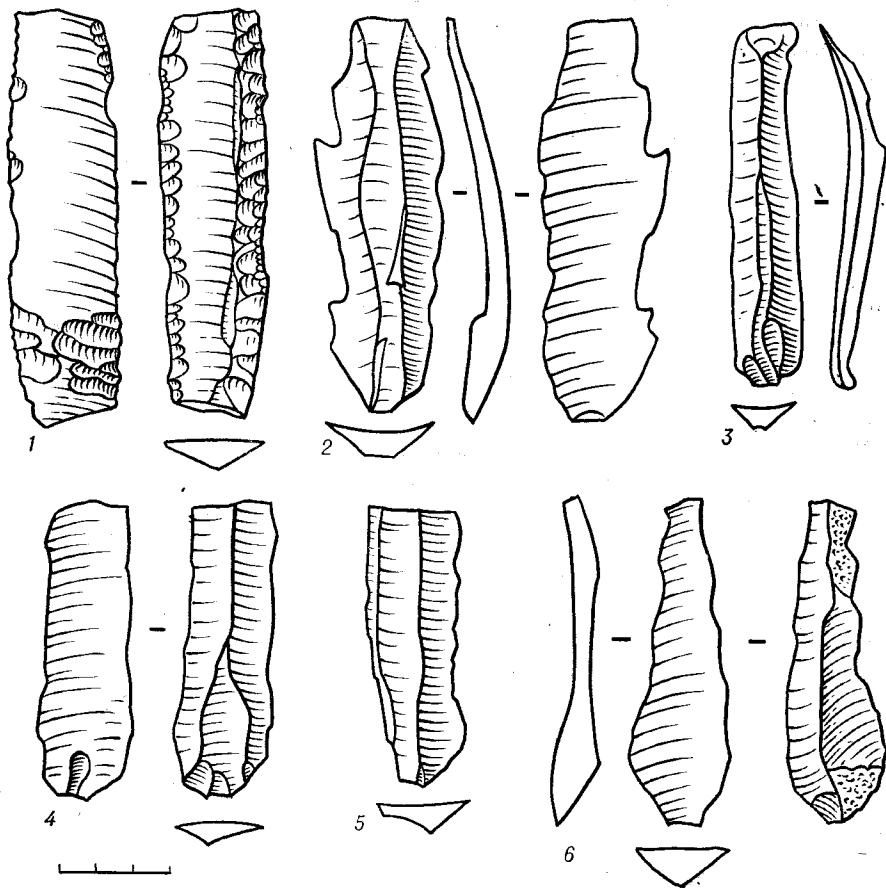

Рис. 2. Кремневые ножевидные пластины, обнаруженные на Тихоокеанском Севере в XVIII в. (1—6)

мерно к тому же времени были опубликованы случайные археологические находки русского миссионера А. Аргентова и руководителя большой Чукотской экспедиции Г. Л. Майделя: «омокские», как называет их А. Аргентов, костяной наконечник стрелы, а также каменный молот или пещня с ушками и нефритовый топорик, доставленный Г. Л. Мейделем с р. Анадырь¹⁸. Первая значительная коллекция древних вещей из внутриконтинентальной Чукотки была собрана в 1904—1907 гг. по р. Анадырь возле с. Усть-Белая и выше с. Марково начальником Чукотской округи Н. П. Сокольниковым. Незаслуженно забытая коллекция этого энтузиаста-собира-теля состоит из 21 фрагмента глиняной посуды, двух предметов из мор-

¹⁸ Попов Н. И. Об орудиях каменного века на севере и востоке Сибири.— В кн.: Известия Восточно-Сибирского отделения РГО, т. IX, № 1—2. Иркутск, 1878.

жового клыка и различных каменных изделий: четырех призматических и конусовидных нуклеусов, четырех топоров и тесел, 26 ножей и наконечников стрел или копий. Она долгие годы хранилась в Государственном музее этнографии в Ленинграде и недавно поступила в Эрмитаж (колл. 3984). Н. П. Сокольников не был специалистом-археологом или этнографом. Поэтому археологические и этнографические предметы, собранные им, не имеют надлежащей этикетировки и, к сожалению, не расчленены по местонахождениям¹⁹.

В 1910—1911 гг. намечился некоторый сдвиг в изучении древней культуры Крайнего Северо-Востока. В течение этих двух лет на Камчатке проводились сравнительно интенсивные целенаправленные раскопки сразу тремя исследователями: К. Д. Логиновским, Г. А. Крамаренко и В. И. Йохельсоном.

К. Д. Логиновский осуществил по сути дела первую специальную археологическую разведку на Северо-Востоке Сибири. По поручению этнографического отдела Русского музея, он за один полевой сезон 1910 г. извездил Камчатку из конца в конец, от залива Корфа до Авачинской губы, побывал и внутри полуострова, на реках Быстрая и Камчатка. Развалины древних землянок и древние культурные слои он обнаружил во многих местах: на побережье залива Корфа в Тиличихах (208) и на о. Корфа (210), в с. Карага (216), на о. Карагинский (217), в Усть-Камчатске (227), на склоне Мишенной горы в Петропавловске, у с. Халахтырка (256), у д. Завойково (42), на одном из островов в устье р. Авачи (281), на берегу Тарьинской губы (282), в верховьях р. Быстрая возле сел Малка (312) и Ганал (313) и по р. Камчатке в Ключах (225), Харчино (224) и Камаках (18). Везде он собрал коллекции древних вещей (сначала они были переданы в этнографический отдел Русского музея, а оттуда поступили в Эрмитаж)²⁰. При этом наиболее значительные раскопки К. Д. Логиновский произвел в трех местах — на о. Карагинский (217) и возле сел Малка (312) и Ганал (313). На западной стороне острова, внизу, на берегу бухты Ложных вестей, в Кэвлу (217) он раскопал одно позднее, вероятно XVII в.²¹, жилище с чисто корякскими костяными подполозками нарт, обломком железного топора, железными наконечниками стрел, глиняными черепками. Там же, в Кэвлу, чуть повыше, на холме К. Д. Логиновский вскрыл три более древних жилища только с каменными или костяными вещами — наконечниками копий, стрел, теслами, шильями, скребками, в числе которых были и наконечники стрел из обсидиана, за неимением этого материала на острове доставленного, как предполагается²², с материка.

В с. Ганалы (313) К. Д. Логиновский раскопал еще три древних жилища, а у с. Малка (312) — семь. Там ему достались каменные наконечники стрел и жирник.

¹⁹ Диков Н. Н. Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2. Магадан, 1961.

²⁰ Эрмитаж, отдел археологии, коллекция 2151.

²¹ Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки. — СЭ, 1948, № 1, с. 154.

²² Там же.

Г. А. Крамаренко копал в том же 1910 г. в Камаках, где до него побывал К. Д. Логиновский. Судя по хранящейся ныне в Музее антропологии и этнографии коллекции каменных вещей из этих раскопок (топора, топоры, сланцевый нож и отщепы)²³ ему попался довольно поздний культурный слой.

Наиболее существенных результатов достиг в археологических раскопках на Камчатке в 1910—1911 гг. В. И. Иохельсон. Сосланный в 1888 г. на Колыму за участие в народолюбческом движении, он начал успешно изучать историю, языки и быт местного населения и получил затем возможность принять участие в трех больших этнологических экспедициях, организованных Ф. П. Рябушинским и Джесуппе для исследования культурно-исторических связей Северо-Восточной Азии и Северной Америки. Будучи к тому времени уже известным знатоком этнографии юкагиров и коряков, не проходившим равнодушно, судя по публикации им древних каменных наконечников и скребел из с. Каменское на р. Пенжина²⁴, мимо археологических памятников, В. И. Иохельсон очень энергично и со знанием дела взялся за изучение древностей Алеутских островов²⁵, а затем, в качестве начальника археологического отряда Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского — за археологическое обследование Камчатки.

Разведывательные раскопки В. И. Иохельсон начал на берегу Авачинской губы и вблизи нее в Налычево, т. е. в том наиболее перспективном для поисков районе, где уже побывали Дитмар, Гондатти, Логиновский. За полтора месяца, начиная с конца августа 1910 г., он заложил несколько шурфов на юге Авачинской губы вблизи Соленого озера (281, 283) в районе Богатыревской (282, 284) и Тарьинской бухт (эти шурфы дали очень мало находок), вскрыл весьма интересный культурный слой в поселке Сероглазка (262) (обнаружив там, между прочим, кольцо из порфира) и две землянки в с. Завойково (42) (с керамикой и с большим, тонко ретушированным лавролистным каменным наконечником), а затем перебазировался в Налычево, где раскопал еще 12 землянок (4 из них — на берегу оз. Налычево (254), 2 — вблизи него (253) и 6 — на м. Налычево (255)) с большим количеством каменных изделий и с глиняной посудой с внутренними ушками (отныне В. И. Иохельсон называет ее керамикой «налычевского типа»).

В 1911 г. В. И. Иохельсон начал полевые работы в начале лета на противоположной стороне Камчатского полуострова — в устьях рек Кулка и Кавран. В Кулке (328) он вскрыл две округлых землянки, огражденных валами и содержащих большое количество керамики уже совсем иного типа (без ушек) и различных каменных изделий. В Кавране (323), где было раскопано три таких землянки за земляным валом, подоб-

²³ МАЭ, коллекция 1755.

²⁴ *Iochelson W. I. The Koryak.— The Jesup North Pacific Expedition.— In: Memoir of the American Museum of Natural History*, vol. VI, part II. New York, 1908, p. 608—610, fig. 135, 136.

²⁵ *Iochelson W. I. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands.— In: Carnegie Institution of Washington. Publication, № 367. Washington, 1925.*

ных вещественных остатков было вырыто еще больше. Причем, весьма интересно, что среди них на глубине 1,5 м найдено два нуклеуса для скалывания ножевидных пластин: один призматический, другой конусовидный.

В августе того же года В. И. Иохельсон обследовал третий район, так же как и второй до него никем из археологов не посещавшийся — самый юг полуострова. В устье р. Озерная (302) он раскопал две прямоугольные землянки с японской монетой и керамикой нальчевского типа, а затем с большими трудностями поднялся вверх по этой реке в оз. Курильское, где на берегу Сивуйского мыса (303) за пять дней произвел раскопки еще 18 прямоугольных землянок с такой же керамикой, еще с тремя медными японскими монетами, с огромным количеством различных каменных изделий (наконечников стрел и копий, скребков, тесел, молотов и рыболовных грузил).

В общей сложности за три с половиной месяца полевых работ в течение 1910—1911 гг. В. И. Иохельсон вскрыл 35 древних жилищ разных типов на территории расселения коряков, ительменов и, вероятно, древних айнов. Многочисленные материалы его экспедиций были опубликованы только через 17 лет²⁶. Они хранились в Музее антропологии в Москве, в настоящее время они находятся в Государственном историческом музее, к сожалению, в весьма неупорядоченном состоянии (колл. 96). Керамика и каменные изделия из различных местонахождений смешаны в общих лотках и в большинстве случаев не имеют этикеток. Некоторые древние вещи уже утеряны.

Итак, в досоветский период были предприняты самые первые, робкие шаги в познании археологии и древней истории Камчатки и Чукотки. Были обнаружены только хорошо заметные, сравнительно поздние памятники, так называемые юрговища, в виде глубоких ям, представляющих собой остатки землянок позднего пережиточного неолита. Их раскопки осуществлялись к тому же, как правило, любительски, подчас далеко не научными методами. Исключение составляют разве только экспедиционные исследования В. И. Иохельсона, фиксировавшего свои полевые наблюдения.

Только в советское время стремительный рост производительных сил, всестороннее социалистическое, а затем и коммунистическое строительство на Северо-Востоке СССР по-настоящему обеспечили возможность изучения его исторического прошлого.

В. И. Ленин и Коммунистическая партия с первых же дней Советской власти придавали большое значение выявлению, изучению и сохранению памятников истории и культуры, в частности археологических. Всем известно воззвание к народу в 1918 г. Совета рабочих и солдатских депутатов: «...охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость»²⁷. А в 1919 г. в разгар гражданской войны В. И. Ленин подписывает декрет о создании в Петро-

²⁶ *Iochelson W. I. Archaeological Investigations in Kamchatka.*— In: Carnegie Institution Washington. Publication № 388. Washington, 1928.

²⁷ Охрана памятников истории и культуры (сборник документов). М., 1973, с. 14.

граде Российской Академии истории материальной культуры²⁸, вскоре ставшей Государственной Академией, в 1937 г. преобразованной в Институт истории материальной культуры АН СССР (с 1960 г. он называется Институтом археологии). Этому специальному археологическому учреждению, переведенному впоследствии в Москву, но сохранившему свое отделение в Ленинграде, была поручена охрана всех древних памятников на территории молодого социалистического государства.

Но мало было только охранять и приумножать, надо было изучать и прежде всего переосмысливать на основе марксистской методологии научное наследство, полученное от дореволюционной археологии. В конце 20 — начале 30-х годов в Государственной Академии истории материальной культуры развернулась борьба взглядов о судьбах советской археологии, ее задачах, методах и теориях. В ходе этой ожесточенной дискуссии были развенчаны чуждые диалектическому материализму старые эволюционные теории. Их место, к сожалению, заняли социологические схемы, оторванные от исторических фактов. Это стало возможным как следствие той гипертрофированной критики, которой были подвергнуты старые испытанные и добротные методы типологического и культурно-исторического анализа. Вместе с ними были подвергнуты неоправданному сомнению попытки этнической интерпретации археологических культур, огульно третировались идеи их миграции и заимствования. Стали господствовать вытекающие из учения академика Н. Я. Марра идеи утрированного автохтонизма и упрощенной стадильности культурного развития. Однако к середине 30-х годов эти ошибки преодолеваются и постепенно осуществляется возврат к конкретно-историческим исследованиям.

Этот первый довоенный этап развития советской археологии был исключительно плодотворен. Отмеченный творческими дискуссиями и поисками новых путей в молодой науке о древностях, он привел ее к преодолению плоского эволюционизма и вещеведения (но, к счастью, не к изгнанию типологического и культурно-исторического методов), к утверждению в ней исторического материализма. Эта огромная работа по обобщению и марксистскому переосмыслению археологических фактов нашла свое выражение в опубликованном в 1939 г. макете первого тома «Истории СССР». Разумеется, что наряду с этой теоретической перестройкой шло и неуклонное накопление самих материалов.

Все эти годы, начиная с гражданской войны и периода послевоенной разрухи, по всей стране ежегодно снаряжались сотни археологических экспедиций. В конце концов пришли они и на Северо-Восток Сибири, но не сразу.

На Северо-Востоке советским археологам досталось от их дореволюционных предшественников довольно бедное научное наследство. Древности огромного края были почти не исследованы. Отдельные разрозненные коллекции, добытые из земли археологами-любителями, были заново погребены в различных столичных и провинциальных музеях.

²⁸ Декрет о Российской Академии истории материальной культуры.— В кн.: Устав Российской Академии истории материальной культуры. Л., 1926, с. 1—2.

Гражданская война на Северо-Востоке еще не окончилась, а шведские, затем и японские археологи уже проводили раскопки на Камчатке. Участники шведской Ботанической экспедиции — Бергман и Шнелл — копали поздненеолитические жилища на юге полуострова, в бухтах Лиственничная (290) и Тарья (283) в 1920—1922 гг.²⁹ Японцы Ямада Сигекура и Накаяма проводили раскопки столь же поздних руин жилищ в районе Усть-Камчатска (227) и на западном берегу Камчатского полуострова (305, 309, 315, 319) в 1924, 1928, 1932—1933 гг.³⁰ Плохо документированные коллекции были увезены за границу — в Японию и Швецию.

Совершенно особое значение имеют в эти годы археологические изыскания В. К. Арсеньева, совершившего в 1918 г. путешествие на Камчатку, а в 1923 г. — на Командорские острова. В береговых обнажениях и на галечных отмелях р. Камчатка между селениями Шапино, Кирганик и Машура он находит огромное количество костей мамонтов, первобытных быков и носорогов. Он узнает также о вероятной, по его мнению, находке скелета мамонта на Командорских островах. На некоторых костях, поступивших в Хабаровский музей из Анадырского края, т. е. с Чукотки, он обнаруживает явственные следы рук человека: кости, отмечает он, расколоты и обожжены, и, следовательно, человек был на Чукотке современником мамонта, следовательно, заселение Америки происходило по Берингийскому сухопутному соединению Азии с Америкой³¹. Эти выводы В. К. Арсеньева не утратили своего значения и в настоящее время. Они указывают на исключительную перспективность поисков палеолита на Чукотке, миновать которую по пути к Америке люди, конечно, не могли. Обратил внимание В. К. Арсеньев и на более поздние остатки каменного века: в с. Култушное возле Петропавловска-Камчатского он нашел различные каменные неолитические изделия, в настоящее время, к сожалению, утраченные³².

На Чукотке много художественных косторезных изделий из древнеэскимосских разрушенных землянок утрачено. Лишь часть этих вещей благодаря Г. У. Свердрупу в 1920 г. (с о. Айон, 166) и в 1925 г. (с о. Шалауров, 407)³³, а также Расмуссену в 1924 г. (из поселка Наукан, 172) была передана в советские музеи.

Только с конца 20-х годов, когда на Северо-Востоке началось советское культурное строительство, проводятся первые уже вполне научные полевые археологические поиски.

²⁹ *Shnell J.* Prehistoric finds from the Island World of Far East.— «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (Ostasiatiska samlingarna)». Stockholm, 1932.

³⁰ *Nakajama E.* Excavation of the Old Dwelling sites at Ust-Kamchatsk of the Eastern coast of the Kamchatka Peninsula.— «Journal Anthropology Society of Tokyo», 1933, vol. XLVIII, 2 (544); *Nakajama E.* Neolithic Remains from Eastern coast of Kamchatka peninsula.— «Journal Anthropology Society of Tokyo», Oktober 1934, vol. XLIX, 10 (564).

³¹ *Арсеньев В. К.* Ледниковый период и первобытное население восточной Сибири.— Сочинения, т. V. Владивосток, 1948, с. 118—123.

³² «Полярная звезда», 1923.

³³ *Свердруп Г. У.* Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского.— В кн.: Материалы комиссии по изучению Якутской АССР, вып. 30. Л., 1930.

Особая роль принадлежит активной участнице культурной революции среди малых северных народов, сподвижнице К. Я. Лукса, этнографу-лингвисту Е. П. Орловой. В 1928 г. ею были обнаружены интересные находки из двуслойной стоянки на склоне Мишенной сопки (43) в Петропавловске-Камчатском и в культурном слое при устье р. Плахэн (320) возле устья р. Хайрюзовая (322) и ею же позднее частично опубликованные ³⁴.

Кипучую деятельность предпринимает в это время Краеведческое общество изучения Камчатки, образованное в 1926 г. из кружка изучения Камчатки. Организатором и душой его был один из первых представителей местной интеллигенции ительмен Прокопий Трифонович Новограбленных. В июне 1927 г. он совершил экскурсию в бухту Тарья «для осмотра древнейших стойбищ ительменов» и собрал там коллекцию поздненеолитических каменных изделий.

Многосторонность и широту интересов этого общества прекрасно характеризует один из сохранившихся планов работы его историко-этнографического отдела на 1930 г.:

«1. Собрание орудий каменного века по округу, в особенности на Камчатке.

2. Составление археологической карты с нанесением местонахождений бывших стойбищ и поселений.

3. Составление этнографической карты Камчатского округа.

4. Принять меры к разыскиванию и описанию «дикарских» пещер у Толбачика и Паланы.

5. Собрание фольклорного материала (сказание о Кутхе и Коотынэку у коряков).

6. Обработать имеющиеся рукописи по словарям: Логинова — по корякскому языку, Айвакова — по эскимосскому языку и принять меры к их изданию» ³⁵.

Как видно, деятельность общества не ограничивалась только Камчаткой. В 1927 г. были оформлены его филиалы в Гижиге и в Анадыре. В 1932 г. был поставлен вопрос о необходимости подыскания помещения для Петропавловского краеведческого музея, и вскоре музей был создан; были организованы первые краеведческие музеи в Анадыре, Зырянке и Палане.

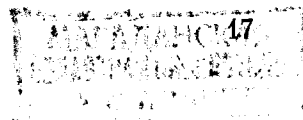
В 1931 г. на основе краеведческой выставки Нагаевской культбазы начали свое существование кружок краеведения по изучению Охотско-Кольмского края, а с 1934 г. — Охотско-Кольмской (ныне Магаданский) краеведческий музей, куда сразу же стали поступать различные археологические находки.

В 1930—1932 гг. сотрудники Нагаевской культбазы М. Г. Левин и В. И. Левин провели значительные археологические разведки. На о. Завьялов, где еще в 1920-х годах Озолин обнаружил древнюю стоянку (382), они нашли не только относительно поздние стоянки морских охотников (382, 383) — предков коряков, но и более древнюю культуру

³⁴ Орлова Е. П. Археологические находки на Камчатке. — КСИИМК, 1947, вып. 21.

³⁵ Государственный архив Камчатской области, ф. Р-45.

608508

развитого неолита. Но, к сожалению, эти коллекции очень долго пролежали в фондах музея антропологии МГУ в Москве, прежде чем были опубликованы после смерти их собирателей³⁶.

К ареалу коряков относятся находки, собранные в 1931 г. краеведом Пенжинской культбазы Н. Н. Билибиным в Парени (350) и А. Г. Аполловым (по заданию Корякского краеведческого пункта) в юртовичах возле с. Каменское, а также подъемные находки, собранные на берегу бухты Корфа (208)³⁷ учителем Тиличкинской школы, а затем (с 1934 г.) находки К. А. Новиковой, К. И. Поповой, геолога В. А. Цареградского (на о. Завьялов и в Атаргане — 380). Наконец, сотрудники Охотско-Колымского музея производят хотя и небольшие, но специальные археологические раскопки древних корякских землянок в Атаргане (в 1939 г.) и эвенкийского могильника в Дукче в 10 км от Магадана (в 1941 г.)³⁸.

На территории древних керек археологические находки были собраны тогда впервые Вернадером на берегу залива Омаян (202) (в 1930 г.) и буровым мастером геологической экспедиции Горного управления Главсевморпути П. Васильевым — в районе бухты Угольной на глубине 0,5 м, среди моржовых черепов и костей, при раскопках стойбища керек (192) в 1937 г.

Еще в 1930 г. в «Известиях Русского географического общества» была перепечатана на русском языке, вышедшая в 1928 г. в США публикация наиболее крупной и значительной археологической коллекции с Камчатского полуострова, собранной в 1910—1911 гг. В. И. Иохельсоном³⁹. Подготовленная к изданию в США в то время, когда сама она хранилась в Московском археологическом музее, эта коллекция, естественно, не могла получить полного и всестороннего освещения и не была использована в достаточной мере как исторический источник. Однако значение этой книги В. И. Иохельсона немалое, так как это первая солидная публикация археологических памятников Камчатки.

В. И. Иохельсон оставил открытым вопрос о датировке раскопанных им землянок и культурных слоев. Он ограничивается предположением о более древнем возрасте южного комплекса находок с оз. Курильское, о более позднем двух других комплексов — северного, с р. Кавран (323) и Кулка (328) и среднекамчатского, с бухты Тарья, возле Петропавловска⁴⁰. Находка японских монет, датируемых, по его мнению, XI в., в землянке с оз. Курильского приводит его к мысли о еще более молодом возрасте тарьянских, кавранских и кулкинских находок.

³⁶ Васильевский Р. С. К истории древних культур Охотского побережья (по археологическим материалам коллекций М. Г. Левина с острова Завьялова).— СЭ, 1965, № 1.

³⁷ Билибин Н. Н. Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы.— «Проблемы истории докапиталистического общества», 1934, № 6, с. 47, 49.

³⁸ Симоненко И. Ф. К вопросу археологических раскопок на северном побережье Охотского моря.— «Колыма» (Магадан), 1939, № 9; Архив МОКМ, д. 127.

³⁹ Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке.— В кн.: Известия РГО, т. XII, вып. 3 и 4. Л., 1930.

⁴⁰ Iochelson W. I. Archaeological investigations in Kamchatka, с. 61.

В. И. Иохельсон показал читателю камчатские материалы на общем фоне сибирской археологии и пытался осмыслить их с помощью этнографических сопоставлений. Он систематизировал типы раскопанных им землянок и отметил сходство северных округлых с коряжскими, а южных прямоугольных с ительменскими. Вместе с тем он предложил свою типологию керамики, связав северную с древней ительменской, а южную — с внутренними ушками для подвешивания — с айнской. Явно неудачной оказалась, однако, гипотеза В. И. Иохельсона о происхождении айнов — загадочного, резко отличающегося от монголоидов, необычно волосатого народа, который он принимает за ветвь долихоцефальных арийцев (динпинов), пришедших с запада. Вся несостоятельность такого «решения» айнской проблемы стала очевидной уже через год, когда вышло в свет обстоятельное исследование Л. Я. Штернберга, обосновавшего их южное австронезийское происхождение⁴¹. Не выдержали критики и другие этнографические гипотезы В. И. Иохельсона — американского происхождения северо-восточных палеоазиатов и так называемого «эскимосского клина»⁴². Согласно последней гипотезе, эскимосы, подобно клину, рассекли сплошной чукотско-индийский этнический массив и обосновались между резко отличными от них и якобы сходными между собой чукчами и индейцами.

Против концепции В. И. Иохельсона об американской прародине северо-восточных палеоазиатов выступил В. Г. Богораз. Во всем остальном он, однако, был согласен с В. И. Иохельсоном, но гипотезу эскимосского клина принимал с той оговоркой, что эскимосы пришли не с северо-востока, из арктической Америки, а с запада, из Азии.

Дальнейшее развитие науки отбросило начисто обе эти концепции, и позиция В. Г. Богораза по отношению к эскимосскому клину оказалась неправильной. Однако совершенно бесспорной является его заслуга в том, что он впервые пытался наметить важнейшие вехи социальной истории древних эскимосов и их культуры⁴³. Ему это удалось сделать благодаря широкому привлечению и глубокому исследованию преимущественно фольклорных и этнографических данных, и лишь в очень малой мере археологических, которых у американских археологов было уже порядочно. В. Г. Богораз высказывает предположение о наличии у эскимосов в прошлом двух стадий охоты. На первой стадии они охотились на тюленей и из-за недостатка ворвани для отощления и освещения жили по нескольку семей в больших общих землянках. На второй — они стали охотиться на китов и моржей, ворвани стало больше, и каждая семья могла устроиться в своем собственном отдельном маленьком жилище.

В. Г. Богораз приходит к убедительному выводу о том, что, находясь ныне на завершающей стадии отцовского рода, в прошлом эскимосы пережили матриархальную ступень родового общества, пережитки которой он усматривает в первоначальных, позднее трансформированных чертах

⁴¹ Штернберг Л. Я. Айнская проблема. — В кн.: Сб. МАЭ, т. VIII. Л., 1929.

⁴² Iochelson W. I. The ethnological problems of Bering Sea. *Natural History*. — «The Journal of the American Museum of Natural History» (New York), 1926, vol. 26.

⁴³ Богораз В. Г. Социальный строй американских эскимосов. — «Труды Института антропологии, археологии и этнографии», (М.—Л.), 1936, т. IV.

эскимосских женских богинь, прежде всего безобразной владычицы Седны, полуморжихи-полуженщины.

В целом В. Г. Богоразу в советском периоде его творчества свойственно стремление по-марксистски подойти к истории народов Северо-Востока. В. И. Иохельсон же окончил жизнь на чужбине, в Америке, оставаясь до конца дней своих эволюционистом, не способным подняться до диалектического метода и исторического материализма.

Вслед за В. Г. Богоразом молодой ленинградский археолог П. И. Борисковский, ныне крупный советский ученый, стремится проследить перспективы в глубь времен, изменения общественной жизни на Крайнем Северо-Востоке. Умело используя этнографический материал, данные о пережитках, он дает яркую характеристику трех последовательных ступеней родовых отношений — от материнского к разлагающемуся отцовскому роду у юкагиров охотников-рыболовов, оленных юкагиров и коряков⁴⁴.

Со своеобразной стадияльной концепцией хозяйственного, общественного и этнического развития народов Северо-Востока Азии выступил А. М. Золотарев. Он подверг критике теорию эскимосского клина с этнографических позиций и, широко используя в качестве исторического источника древнеэскимосские археологические материалы, выдвинул идею исходной, общей для народов Северо-Востока хозяйственной стадии, характеризующейся комплексным сочетанием рыболовства, морского зверобойного промысла и охоты на северного оленя. Последующую этническую дифференциацию он связывал с развитием специализации этого исходного комплекса хозяйства⁴⁵.

Не прошла незамеченной вышедшая в эти годы небольшая, но очень содержательная, чисто археологическая публикация, посвященная коллекции каменных изделий из бухты Тарья (284) возле Петропавловска-Камчатского. Собрал коллекцию — капитан траулера «Красноармеец» Н. А. Гурьев, а опубликовал ее — Д. Н. Лев, молодой ленинградский (а в последствии самаркандский) археолог. Он интерпретирует серию каменных тесел и ножей, наконечников и человекоподобных фигурок из остатков тарьинской землянки, привлекая этнографические аналогии из жизни ительменов и калифорнийских индейцев.

Первым обратив внимание на сходство тарьинских обсидиановых антропоморфных фигурок с подобными изделиями конца неолита в США, Англии, Швейцарии и Франции, а также на Волосовской поздненеолитической стоянке близ Муромы, Д. Н. Лев делает первую и при этом весьма удачную попытку датировки всего тарьинского комплекса. По его мнению, он «возможно, относится к концу неолита Камчатки и, судя по давно заброшенной и оплывшей яме землянки с остатками керамики, — безусловно ко времени до завоевания Камчатки русскими»⁴⁶.

⁴⁴ Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки). — СЭ, 1935, № 4, 5.

⁴⁵ Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. — «Известия Воронежского государственного педагогического института», 1938, т. IV.

⁴⁶ Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки. — СЭ, 1935, № 4, 5.

Отныне тарьинским находкам суждено стать приманкой для археологов. Создается впечатление, что здесь, в Тарье, — наиболее древняя камчатская культура. Напомним, что в 1932 г., незадолго до публикации Д. Н. Лева, Шнелл опубликовал, наконец, свои южно-камчатские коллекции и в их числе тарьинскую⁴⁷.

Теперь нужно было сделать только один шаг, чтобы объединить все новые и старые находки в единую историческую картину. Это сделал молодой археолог А. П. Окладников, тогда уже известный удачными раскопками палеолитических жилищ и неолитических погребений в Прибайкалье и открытием неандертальца в Средней Азии.

А. П. Окладников обобщил все известные к концу 30-х годов археологические данные по Северо-Востоку СССР в соответствующем разделе макета «История СССР с древнейших времен до образования Русского государства». В этом живо и интересно написанном очерке дается целостное марксистское освещение исторического процесса на Чукотке и Камчатке, выявляются основные его этапы и предлагается культурно-историческая характеристика. Наиболее древней культурой А. П. Окладников признает тарьинскую, относя ее к развитому неолиту в пределах I—II тысячелетий до н. э. и связывая ее с предками ительменов. Более поздними он считает находки В. И. Йохельсона на Курильском озере, которые он тоже интерпретирует как протоительменские. Еще более поздние, по его мнению, землянки Каврана и Кулки, оставленные (как считал в свое время и В. И. Йохельсон) предками коряков. Приморские древности Чукотки А. П. Окладников полагает возможным отнести по крайней мере к трем периодам развития ранней протоэскимосской культуры: древнеберингоморскому, пунукскому и туле. В его очерке подкупает глубокое проникновение в жизнь древних обитателей Севера, широкое использование этнографических и фольклорных материалов С. П. Крашенинникова, В. И. Йохельсона, В. Г. Богораза и многих других русских и зарубежных этнографов и, разумеется, исчерпывающая подача самого археологического материала⁴⁸.

Почти одновременно, в 1941 г., появляется другая интересная, правда небольшая, работа А. В. Мачинского, вводящая в научный оборот часть древнеэскимосских вещей из коллекции Д. Е. Беттака и Н. П. Борисова, хранящейся в Государственном музее этнографии в Ленинграде⁴⁹.

Оценивая в целом археологические исследования на Северо-Востоке в довоенный период, следует отметить, что перед ними, как и перед всей советской археологией довоенных лет, стояли две основные задачи: переосмысление с позиций исторического материализма старого материала и накопление (и, разумеется, обобщение) нового.

⁴⁷ Schnell I. Prehistoric finds from the Island World of the Far East.— «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», (Stockholm), 1932, № 4.

⁴⁸ Окладников А. П. Север Сибири в первом тысячелетии н. э.— В кн.: История СССР с древнейших времен до образования Русского государства, ч. III, IV. М.—Л., 1939 (на правах рукописи).

⁴⁹ Мачинский А. В. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове.— КСИИМК, 1944, № 9.

Идеологическая интерпретация археологических материалов проходила здесь благополучнее, чем во многих других областях нашей археологии. Меньше было ошибок и заблуждений, меньше проявилось увлечение социологизаторским схематизмом, не были отвергнуты типологический и сравнительно-исторический методы. Преобладание этнографической проблематики, господство этнографических, в сущности всегда сравнительно-исторических приемов исследования в трудах таких классиков русской этнографии, как В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг во многом способствовали конкретно-историческому подходу в археологических исследованиях.

Большую роль в преодолении социологизаторского схематизма сыграло известное совещание по этногенезу народов Севера, состоявшееся в Институте истории материальной культуры в мае 1940 г. Критике была подвергнута прежде всего абстрактно-стадиальная концепция А. М. Золотарева, согласно которой в прошлом народы Сибири, Северной Америки и отчасти Европы прошли сначала стадию зимних рыболовов, а затем пещерных охотников⁵⁰. Вопросы этногенеза были поставлены на конкретно-историческую почву в тесной связи с историей культуры. Особо важное значение имел в этом отношении доклад А. П. Окладникова, обобщивший с этих позиций колоссальный материал по неолиту Сибири, выявивший в нем ряд локальных культур: байкальскую, амурскую, обскую, две камчатских (южную айную и среднекамчатскую ительменскую) и арктическую. Это основанное на конкретных археологических и этнографических фактах обобщение во многом не утратило своего значения и до наших дней, оно положило начало подлинно марксистской разработке этногенетических проблем Сибири, и в частности ее Северо-Востока⁵¹.

В накоплении археологических материалов наметилось значительное отставание. На Камчатке и Чукотке были выявлены памятники только пережиточного и самого позднего неолита, вся же более древняя история оставалась погребенной в темноте веков. Естественно, что такая хронологическая ограниченность доступных археологических источников тормозила развитие проблематики, которая в рассмотренный период сводилась, как мы видели, в основном только к айнской и эскимосской проблемам.

Великая Отечественная война вычеркнула пять лет в археологическом изучении нашей страны и, в частности ее Крайнего Северо-Востока. Но едва война кончилась, археологические экспедиции возобновились с еще большим размахом. А. П. Окладников, успешно осуществивший обширные и очень плодотворные археологические исследования в Якутии, по всему протяжению р. Лена⁵², доказывал необходимость дальнейшего

⁵⁰ Золотарев А. М. Из истории...

⁵¹ Толстов С. П. Итоги совещания по этногенезу народов Севера.— КСИИМК, 1941, № 9; Окладников А. П. Неолитические памятники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока.— КСИИМК, 1941, № 9.

⁵² Окладников А. П. Ленские древности, вып. 1. Якутск, 1945; вып. 2. Якутск, 1946; вып. 3. М.—Л., 1950; он же. Якутия до присоединения к Русскому государству.— В кн.: История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955.

расширения работ на Севере, справедливо указывая, что без истории северных народов Всемирная история будет неполной. В 1945 г. он писал о том грустном факте, что археологическое изучение Арктики отстало от ее геологического изучения примерно на 150—200 лет⁵³.

В первый же послевоенный год в Москве созывается Всесоюзный съезд археологов, наметивший грандиозную программу возобновления и развертывания по всей стране археологических исследований. Было решено устраивать ежегодно всесоюзные сессии при Институте археологии, на которых будут заслушиваться отчеты о полевых исследованиях археологов по всей стране. Быстро стало возрастать количество археологических экспедиций. В первые послевоенные годы их были десятки, а сейчас уже более 300.

В 1945 г. из Ленинграда от Института Арктики отправляется экспедиция к Берингову проливу во главе со старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры профессором С. И. Руденко. Результаты ее значительны. Она исследовала ряд древних эскимосских становищ (106, 107, 171—173, 176—181). Собранный на них в береговых обнажениях и осыпях обильный подъемный материал дал возможность с большой полнотой восстановить ход развития культуры предков азиатских эскимосов. В книге, изданной после экспедиции и включившей также материалы разведок в 1945 г. И. П. Лаврова (182, 183), С. И. Руденко выделяет теперь уже не только древнеберингоморскую и пунукскую хронологические группы азиатских древнеэскимосских находок, но и более древнюю, по его мнению, узелно-оквикскую. Все эти периоды развития культуры, как и прежде, переносятся с разработанной американским археологом Генри Коллинзом схемы развития эскимосов о. Лаврентия⁵⁴.

Снаряженная на другой год (из Ленинграда) археологическая экспедиция во главе с А. П. Окладниковым побывала в тех местах Охотского побережья, где М. Г. Левин в 1930—1932 гг. обнаружил следы протоэскимосских культур (380, 382), нашла там и другие, столь же поздние стоянки (376, 377), которые дали повод выдвинуть гипотезу об особом очаге формирования зверобойной культуры на Охотском побережье⁵⁵.

Экспедиция А. П. Окладникова в тот же сезон прошла Колыму до ее устья, установив в низовьях реки наличие позднего неолита нижне-ленского облика (394—399), и детально исследовала древнеэскимосские жилища новой, бирнирской стадии (в сопоставлении с той же американской схемой), в 1787 г. найденные и частично раскопанные здесь Г. Сарычевым (402—405). Эскимосская культура предстала теперь на огромном протяжении северного побережья Чукотки⁵⁶.

⁵³ Окладников А. П. К археологическому изучению Советской Арктики (итоги и перспективы).— «Проблемы Арктики», (М.—Л.), 1945, № 2.

⁵⁴ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.

⁵⁵ Окладников А. П. Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае.— ВДИ, № 1 (19), 1947.

⁵⁶ Окладников А. П. Древние культуры...; Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.

Теперь советские археологи могли разрабатывать эскимосскую проблему более полно, чем прежде, на отечественных материалах. И если раньше в вопросе происхождения эскимосов преобладали (особенно в Америке) теории их американского происхождения, то теперь еще большим признанием стала пользоваться гипотеза их азиатского происхождения.

А. П. Окладников, не без основания усматривая южные корни эскимосов, вскоре придал этой гипотезе дальневосточную направленность, связав такие элементы древнеэскимосской культуры, как сланцевые гарпунные наконечники и поворотные гарпуны с подобными им находками в раковинных кучах Советского Приморья. Он выдвинул идею ее первоначального зарождения у морских охотников, собирателей и земледельцев южной части советского побережья Японского моря, идею распространения оттуда на далекий север Северо-Восточной Азии и Америки, где она и приобрела вполне эскимосский облик⁵⁷.

Эта новая гипотеза дополнялась гипотезой того же автора об особом охотском очаге зарождения и формирования зверобойной культуры. Чем больше накапливалось материалов к эскимосской проблеме, тем сложнее, запутанней и противоречивей она становилась.

На Камчатке в эти годы еще не проводились новые полевые археологические изыскания. Зато шло дальнейшее обобщение ранее накопленных коллекций. Сначала С. И. Руденко⁵⁸, а затем В. В. Антропова⁵⁹ выступили со статьями, обобщающими археологические данные, относящиеся к этому полуострову. Профессор С. И. Руденко в сжатом изложении предложил очень обстоятельную типологию основных категорий каменных и костяных орудий, а также керамики. Он признал хронологическую схему А. П. Окладникова и, вопреки В. И. Йохельсону, пришел к выводу о том, что тарьинский культурный слой древнее южнокамчатского комплекса с Курильского озера. Его общий вывод довольно пессимистичен, так как он вынужден признать, что на Камчатке до сих пор известны только сравнительно поздние памятники. Три выделенные им группы памятников он связывает с коряками (северную), ительменами (центральную) и айнами (южную).

Послевоенный период завершается в 1953 г. двумя статьями А. П. Окладникова об открытии геологами Н. Н. Легошиним и Н. А. Граве неолитической культуры во внутренней части Чукотского полуострова⁶⁰, выходом в свет второго тома «Очерков истории СССР», одна из глав которого посвящена древней истории народов Северо-Восточной Сибири, а также публикацией больших обобщающих работ Г. Ф. Дебеца.

В названных двух статьях А. П. Окладников интерпретирует несколько обломков керамики, а также немногочисленные каменные наконечники

⁵⁷ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.

⁵⁸ Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки.— СЭ, 1948, № 1.

⁵⁹ Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки.— В кн.: Сб. МАЭ, т. XI. Л., 1949.

⁶⁰ Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова.— КСИИМК, 1950, вып. XXXI; он же. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова.— «Изв. ВГО», 1953, № 4.

ки стрел и ножевидные пластинки, обнаруженные Н. Н. Ливошиным⁶¹ в 1947 г. на р. Якитикивеем (186) и Н. А. Граве — на озере Чировом (51) как вещественные доказательства особой, ранее неизвестной внутриконтинентальной культуры бродячих охотников — предков юкатиров. Таким образом, в археологии Крайнего Северо-Востока впервые возникает юкагирская проблема, проблема происхождения этого некогда очень многочисленного палеоазиатского народа, обитавшего к приходу на Северо-Восток в XVII в. русских в бассейны рек Колыма и Анадырь.

В главе «Очерков истории СССР»⁶² А. П. Окладников повторяет и суммирует свои взгляды на древнюю историю Камчатки, Чукотки и Охотского побережья, и мы еще раз видим тот предел, к которому подошла и глубже которого так и не смогла тогда проникнуть археология на Северо-Востоке. Предел этот — неолит (и притом сравнительно поздний). Но уже тогда были поставлены многие интересные проблемы, преимущественно этногенетического характера. Интерпретация отдельных групп памятников в качестве эскимосских, корякских, ительменских, айпских и юкагирских стимулировала не только дальнейшие археологические поиски, но и соответствующие антропологические изыскания.

В 1951 г. появляются обстоятельные обобщающие работы ведущего советского антрополога Г. Ф. Дебца. Одна из них является монографическим обобщением антропологических материалов Северо-Восточной экспедиции, организованной Институтом этнографии в 1945 г.⁶³ в Камчатскую область (в нее тогда, вплоть до образования в 1953 г. Магаданской области, входил и Чукотский национальный округ).

Автор устанавливает генетические взаимоотношения физических типов эскимосов, чукчей, коряков и ительменов как между собой, так и с типами других народов Азии и Америки. На большом краниологическом материале он подтверждает заключение А. М. Золотарева и М. Г. Левина⁶⁴ о том, что с антропологической точки зрения, эскимосы не отделяют чукчей от индейцев, не образуют между ними «клина», а занимают промежуточное положение. Далее Дебец высказывает очень плодотворную идею о дифференциации эскимосского (куда входят и береговые чукчи) и оленного (внутриконтинентальные чукчи и коряки) типов на основе разделения древнего населения Северо-Восточной Сибири на береговых охотников на морского зверя и на охотников на северного оленя. Эта идея хорошо согласуется с выдвинутой незадолго до этого гипотезой этнографа И. С. Вдовина о том, что чукчи жили охотой на диких оленей на первоначальных этапах их истории в ту пору, когда складывался их язык⁶⁵.

⁶¹ Ливошин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях реки Якитикивеем. — КСИИМК, 1950, вып. XXXI.

⁶² Окладников А. П. Народы Северо-Востока Сибири. — В кн.: Очерки истории СССР, период феодализма, IX—XV вв. М., 1953.

⁶³ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. — ТИЭ, нов. сер., 1951, т. XVII.

⁶⁴ Левин М. К антропологии эскимосов. — СЭ, 1947, вып. VI—VII; он же. Краниологические типы чукчей и эскимосов. — В кн.: Сб. МАЭ, т. XX, 1949.

⁶⁵ Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей. — «Уч. зап. ЛГУ», (Л.), 1950, вып. 115.

На основании антропологических данных Г. Ф. Дебец приходит также к выводу о глубокой древности берингоморского антропологического типа и о большей вероятности тихоокеанского, а не собственно сибирского пути заселения Северо-Восточной Азии, а затем и арктической Америки людьми этого антропологического типа. Большой интерес, с точки зрения проблемы первоначального заселения Северо-Востока Азии и Америки, представляет вывод Г. Ф. Дебца об отсутствии у неолитического населения Прибайкалья европеоидной примеси и о том, что кажущаяся примесь европеоидности есть не что иное, как та смягченная монголоидность, которая присуща монголоидам в начале их развития, а также америндам — коренному населению Америки, в условиях изоляции сохранившему эту особенность до настоящего времени.

В специальном исследовании⁶⁶ Г. Ф. Дебец на археологическом, этнографическом и антропологическом материале рассматривает проблему первоначального заселения Америки и впервые в нашей отечественной литературе так убедительно обосновывает гипотезу заселения этого континента со стороны Северо-Восточной Сибири по Берингову сухопутному «мосту» в конце четвертичного времени.

Наряду с названными выше советскими работами, делаются попытки обобщения археологического материала по широким регионам и за рубежом. Уже в 1944 г. норвежский археолог Джессинг осуществил такую попытку историко-археологического синтеза по всему полярному побережью Старого и Нового Света, выделив единую, по его мнению, для всей этой обширной территории так называемую циркумполярную культуру морских охотников каменного века⁶⁷. А двумя годами позже, археологию всего севера Тихоокеанского бассейна обобщил с точки зрения циркумтихоокеанских культурных связей французский ученый Леруа Гуран⁶⁸.

Слабость этих двух работ в их методологии. Они страдают тем самым эволюционизмом и сугубо вещеведческим подходом, который к тому времени уже полностью был изжит у советских ученых. Однако обе они, особенно книга Леруа Гурана, сыграли большую роль в развитии широкого взгляда на исторический процесс в периферийных областях Старого и Нового Света, продемонстрировали, сколь глубокими были контакты между культурами этих областей в древности. В этих трудах привлекаются археологические материалы как Советского Севера и Северо-Востока, так и Американской Арктики.

Никогда еще не было так очевидно, что исторические процессы далекого прошлого Северо-Востока Сибири имеют далеко не местное значение. Исследование этих процессов неизбежно заставляет привлекать данные по археологии различных областей Азии, а также Америки. Что касается последней, то решение проблемы ее первоначального заселения и этногенеза ее северных коренных народностей в свою очередь немислимо в отрыве от археологии Советского Северо-Востока.

⁶⁶ Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки.— ТИЭ, нов. сер., 1951, т. XVI.

⁶⁷ Gjessing Gutorm. Circumpolar Stone age.— «Acta Arctica», (Kobenhavn), 1944, fasc. II.

⁶⁸ Gouran Leroi. Archeologie du Pacifique Nord. Paris, 1946.

Однако совместное взаимосвязанное изучение этой общей проблематики существенно затруднялось и задерживалось отставанием развития археологических исследований у нас на Северо-Востоке от археологических исследований на американском Северо-Западе.

Археологические исследования в Западном секторе американской Арктики еще накануне войны и в послевоенный период пошли значительно более ускоренными темпами, чем на Крайнем Северо-Востоке СССР. Уже в 30-х годах, а затем в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы американцы провели археологическое обследование по рекам Юкон, Тэнэн, Мекензи и Кобук, а также по трассе Большой дороги на Аляске и во многих местах обнаружили там следы внутриконтинентальной культуры с пожевидными пластинками, а близ р. Иеллоунайф — к северу от Большого Невольничьего озера — Мак Нейшем были найдены признаки присутствия значительно более древней культуры с наконечниками типа Плейнвью⁶⁹.

Древняя эскимосская культура на арктическом побережье Америки была уже довольно хорошо известна благодаря исследованиям Маттиасена, Рейни, Коллинза, Ларсена, де Лагуны и многих других американских и датских археологов⁷⁰.

В 1939 г. был открыт наиболее впечатляющий памятник приморской культуры в Ипиутак на м. Хоп, на Аляске. Здесь оказался целый «город» из 800 земляных домов, значительная часть которых была вскрыта и раскопана так же, как и 500 относящихся к нему могил⁷¹.

Уже к началу 50-х годов поиски на Аляске привели к открытию стратифицированных стоянок раннеолитического и мезолитического возраста. На м. Денби Гиддингс исследовал первый многослойный памятник, который сразу приобрел ключевое значение для периодизации древних культур восточноазиатского-американского сектора Арктики. Наиболее древние мезолитические находки этого памятника приобрели широкую известность как «кремневый комплекс Денби»⁷². Вскоре Гиддингс обнаружил и исследовал последовательную хронологическую

⁶⁹ *Ratney F. G.* Archaeology in central Alaska.— In: Anthropological papers of the American Museum of Natural History, part IV. New York, 1939; *Solecki R. S.* Archaeology and ecology of the Arctic slope of Alaska. Annual Report of the Smithsonian Institution for the year 1950. Washington, 1951; *Mac Neish R. S.* Reconnaissance of the Mackenzite river drainage.— In: Annual Report of the National Museum of Canada 1951—1952. Ottawa, 1953, № 128.

⁷⁰ *Mathiassen Th.* Archaeological collections from the western Eskimos.— In: Report of the fifth Thule expedition 1921—1924, vol. X, № 1. Copenhagen, 1930; *Larsen Helge.* Dødenandsbugten an Eskimo settlement on Clavering Island. Meddelelser om Grønland, Bd. 102, № 1. København, 1934; *Colins H. B.* Archaeology of st. Lawrence Island. Smithsonian Miscellaneous collections, vol. 96, № 1. Washington, 1937; *Rainey F. G.* Eskimo prehistory, the Okvik site on the Penuk Islands.— In: Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXVII, p. IV. New York, 1941.

⁷¹ *Larsen N.* and *Rainey F.* Ipiutak and Arctic Whale Hunting Culture.— In: Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. 42. New York, 1948.

⁷² *Giddings I. L. Jr.* The Denbigh flint complex.— «American antiquity», vol. XVI, № 3; *Giddings I. L. Jr.* The archaeology of cape Denbigh. Brown university Press. Providence. Rhode Island, 1964.

серию стоянок на морских валах м. Крузенштерн, где наряду с более древними и молодыми комплексами был прослежен тот же кремневый комплекс Денби⁷³. Доэскимосские памятники, близкие комплексу Денби, неожиданно появились по всему огромному пространству американской Арктики, вплоть до Гренландии. Ларсен нашел один из них на полуострове Сьюард в пещере Трейл Крик⁷⁴, Мельдгард — на западном побережье Гренландии, в заливе Диско обнаружил их целую серию, в количестве 26 (за ними закрепилось название культуры Саркак)⁷⁵; еще одну аналогичную культуру, под названием Индепенденс нашла в Гренландии датская археологическая экспедиция под руководством Кнута Айгиля⁷⁶. Но едва ли не самым интересным оказалось открытие в 1938 г. еще более древней культуры на о. Анангула в цепи Алеугских островов американцем Лафлином, сотрудником экспедиции Грдлички. В 1952 г. Лафлин начал систематическое многолетнее исследование этого интересного памятника, проливающего свет на один из ранних этапов заселения Америки и связанного с историей древнейших алеутов⁷⁷.

Большая роль в освещении в русской литературе зарубежных археологических исследований в арктических областях Америки принадлежала американскому антропологу А. Грдличке⁷⁸, советским американистам Э. В. Зиберт⁷⁹ и Б. Шаревской⁸⁰ и особенно советскому археологу Н. А. Береговой.

Помимо своих статей об археологических материалах Чукотки Н. А. Береговая с 1950 г. публикует много статей и рефератов, в которых нашли отражение проблемы и материалы северо-американской археологии и связанные с ними гипотезы автора⁸¹.

⁷³ *Giddings I. L. Ir. Cultural continuities of Eskimos.*— «American Antiquity», 1961, vol. XXVII, № 2.

⁷⁴ *Notes and News, Arctic.*— «American Antiquity», 1951, vol. XVI, № 3, p. 285; *Rainey Fr. The significance of recent archaeological discoveries in island Alaska.*— «Memoirs of the Society for American Archaeology» (Salt Lake city), 1953, № 9, p. 45.

⁷⁵ *Meldgaard I. A Paleo-Eskimo culture in West Greenland.*— «American antiquity», 1952, vol. XVII, № 3, p. 220—230; *Larsen H. and Meldgaard I. Paleo-Eskimo cultures in Disco Bugt, West Greenland.* Kbh. Reitzel, 1958.

⁷⁶ *Eigil Knuth. A report on the first Peary Land Expedition, 1947—50.*— «Polar Record», 1952, vol. 6, № 44.

⁷⁷ *Laughlin W. S. Notes on the core and blade industry.*— «American Antiquity», 1951, vol. XVII, № 1, p. 52—55; *Laughlin W. S. and March G. H. The lamellar flake manufacturing site on Anangula island in the Aleutians.* «American Antiquity», 1954, vol. XX, № 1, p. 27—39; *Laughlin W. S. The Earliest Aleuts.*— APUA, 1963, vol. 10, № 2, p. 73—91; *Laughlin W. S., Aigner J. S. Preliminary analysis of Anangula unifacial core and blade industry.*— ArA, 1966, vol. 3, № 2, p. 41—56.

⁷⁸ О докладе американского антрополога доктора А. Грдлички в Институте этнографии АН СССР см.: СЭ, 1940, № 3.

⁷⁹ *Зиберт Э. В. Археологические находки на Аляске.*— СА, 1937, № 2.

⁸⁰ *Шаревская Б. Полевые археологические исследования в Америке (за последние годы).*— СЭ, 1947, № 2.

⁸¹ *Береговая Н. А. О путях и следах заселения человеком территории Аляски.*— «Уч. зап. ЛГУ», 1950, № 115; *она же. Находки доэскимосских поселений на Аляске и в прилегающих областях по работам 1945—1954 гг. (к вопросу о заселении Америки).*— СЭ, 1957, № 2; *она же. Некоторые новые радиоуглеродные датировки древнейших поселений человека в северной Америке.*— СА, 1958, № 2.

Весьма плодотворная деятельность Н. А. Береговой способствовала активизации интереса советских археологов к арктической археологии, сближению и координации исследований по обе стороны Берингова пролива.

В свою очередь зарубежные археологи, ощущая острую потребность знать как можно больше об археологических находках, добытых на Советском Северо-Востоке, уже с 1940 г. стали пристально следить за всеми публикациями этих материалов в СССР и издавать у себя сначала спорадически, а потом все более систематически посвященные им рефераты, обзоры и специальные исследования⁸².

Подобную полезную координирующую деятельность начал в конце рассматриваемого периода и американский археолог Честер Чард, которую он успешно продолжает и в настоящее время. Его перу принадлежит наибольшее количество обзоров и оригинальных исследований по археологии Северо-Востока СССР и по проблемам древних культурных и этнических связей этой части Азии, а также Японии с Америкой⁸³.

Подводя итог всему послевоенному этапу (1945—1953 гг.) в развитии археологии на Северо-Востоке, надо отметить, что за эти годы произошло дальнейшее расширение проблематики (впервые на археологическом материале поставлена юкагирская проблема) и углубление теоретических исследований с широким привлечением антропологических и этнографических данных. Вместе с тем наметилось некоторое отставание в накоплении полевых археологических материалов, вследствие чего стал увеличиваться разрыв между изученностью Советского Северо-Востока и Американского Севера-Запада. Преодоление этого отставания связано с третьим этапом археологического изучения Северо-Востока нашей страны.

Он начался с образования в 1953 г. Магаданской области и продолжается до сих пор. Бурное развитие производительных сил области, резкий подъем ее культуры, интерес к всестороннему изучению края и, главное, повышение роли местных специалистов во всем этом — способствовали эффективности и планомерности археологических исследований.

Чукотский, Магаданский и в какой-то мере Корякский краеведческие музеи выступили организаторами археологических экспедиций. За не-

⁸² *Devis E., Mott Jr.* Archaeology of Northeastern Asia.— «Papers of the Excavators Club», 1940, vol. 1, № 1 (Cambridge); *Quimby George.* The prehistory of Kamchatka.— «American Antiquity», 1947, № 3; *Oswalt.* Northeast Asian and Alaskan Pottery Relationships.— «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, vol. 9, № 4; *Tolstov Paul.* The archaeology of the Lena Basin and its New World relationships, part I, II.— «American Antiquity», 1958, XXIII, № 4.

⁸³ *Chard S. Chester.* An early pottery site in the Chukchi peninsula.— «American antiquity», 1955, XX, № 3; *idem.* An outline of the prehistory of Siberia, part I: The Premetal periods.— «Southwestern Journal of anthropology», 1958, vol. 14, № 1; *idem.* Routes to Bering strait.— «American antiquity», 1960, vol. 26, № 2; *idem.* The Neolithic in Northern Asia: a culture Area Approach.— «Anthropologica» (Ottawa, N. S.), 1960, vol. II, № 2; *idem.* Recent archaeological work in the Chukchi peninsula.— «Anthropological papers of the University of Alaska», 1960, vol. 8, № 2; *idem.* A time Depth and culture process in Maritime Northeast Asia.— «Asian perspectives», 1961, vol. V, № 2; *idem.* The Old World Roots and speculations.— «Anthropological Papers of the University of Alaska», 1963, vol. 10, № 2.

сколько лет они смогли существенно расширить круг археологических источников.

Сотрудники Магаданского краеведческого музея А. В. Беляева (при участии Г. А. Пытлякова и В. Е. Липовского) и Р. С. Васильевский провели в 1955—1964 гг. раскопки поздненеолитических и древнекорякских поселений на северном побережье Охотского моря (351, 354—387, 388) и на о. Недоразумения (387)⁸⁴. Затем, в 1966 г. А. В. Беляева предприняла археологические поиски и раскопки в районе расселения древних кереков в устье р. Хатырка (199) на Юго-Восточном побережье Чукотки, где еще в 1950 г. Н. Коравье заметил древние керекские жилища. А совсем недавно несколько древних керекских поселений здесь нашли В. В. Леонтьев, Э. В. Гунченко и А. А. Орехов (190—198).

Директором Чукотского окружного музея В. В. Нарышкиным в 1953—1954 гг. были раскопаны древние землянки в устье р. Канчалан (489), принадлежащие к неизвестной до того культуре⁸⁵.

В 1959 и 1960 гг. археологические разведки по северной части Охотского побережья Камчатской области проводил Паланский краеведческий музей Корякского национального округа. В устье р. Палана (332) были собраны неолитические каменные наконечники, скребки и другие впоследствии, к сожалению, утерянные изделия⁸⁶. На побережье Пенжинской губы на протяжении до 300 км (от бывшего селения Хаимчик до с. Манилы) были обнаружены следы нескольких древнекорякских поселений (48, 342, 344—349), из культурных напластований которых удалось извлечь 300 каменных и костяных предметов⁸⁷.

Благодаря возросшему интересу к краеведению существенный вклад в поисковую археологическую работу внесли и археологи-любители, участники различных неархеологических экспедиций и просто местные

⁸⁴ Беляева А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье.— В кн.: Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958; Пытляков Г. А., Беляева А. В. Археологические работы на Охотском побережье.— В кн.: Краеведческие записки, вып. I. Магадан, 1957; Беляева А. В. Древние погребения на Охотском побережье.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (М.), 1967, вып. 17; Васильевский Р. С. Итоги полевых исследований на Охотском побережье в 1958 году.— В кн.: Краеведческие записки, вып. II. Магадан, 1959; он же. Археологические материалы поселения Атарган.— В кн.: Краеведческие записки, вып. III. Магадан, 1960; он же. Археологические исследования на побережье Тауйской губы.— В кн.: Краеведческие записки, вып. V. Магадан, 1965; он же. Древняя корякская культура (по археологическим раскопкам на Охотском побережье).— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; он же. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

⁸⁵ Окладников А. П., Нарышкин В. В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове (древнее поселение на р. Канчалан).— СЭ, 1955, № 1; Дикова Т. М. Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (Магадан), 1964, вып. 8.

⁸⁶ В архиве Института истории, филологии и философии СО АН СССР в Новосибирске сохранилась статья А. В. Семенова об этом интереснейшем усть-паланском неолитическом комплексе. Прекрасные рисунки из этой статьи использованы Р. С. Васильевским в диссертации и опубликованы им в книге «Древние культуры Тихоокеанского севера» (Новосибирск, 1973, рис. 17, табл. XXII—XXIV).

⁸⁷ Семенов А. В. О древней культуре Корякского округа.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1964, вып. 8.

жители: Абакумов Г. С. (180), Андерсон Я. М. (45), Анжиков О. (264), Апрельков С. Е. (271), Афанасьев А. (260), Баранов М. Н. (307), Беляева А. В. (199), Бялобжеский С. Г. (201), Вдовин И. С. (1971), Власов Г. М. (288), Воробьев В. А. (409), Гайдукевич (220), Герасимчук В. И. (393), Горбач А. А. (223), Горчаков А. Н. (267), Дунин-Барковский Р. Л. (304), Заярнов В. И. (340), Зеленский М. (109), Зимин Д. К. (222), Змиев (325), Иванов О. Н. (174, 175, 400), Ивтегин И. (200), Калинин А. А. (402), Калясников Ю. А. (201), Катенин А. Е. (187), Клубов Б. А. (410), Красков В. (408), Круглов (280), Кукин (286), Лебедев (163), В. Б. Лебедев (184), Лупкевич П. Д. (279), Малюкович В. Н. (207, 208, 211—215, 218, 219, 230, 285, 314, 324, 337—339), Несмашный (285), Никонов (228, 229), Панура Б. П. (18), Петров О. А. (151), Похилайнен В. П. (343), Примаков В. (261), Пчелко С. А. (407), Семенов В. И. (234), Серошкин А. (260), Скворцов, Смирнов В. Н. (185), Соловьев А. (262), Стефанов Ю. М. (224), Ткаченко В. (44), Шеймович В. С. (289, 292, 293) и др. Их коллекции с самых различных древних стоянок поступили в музей и в СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР. Некоторые из них уже опубликованы⁸⁸.

Наиболее интересные находки принадлежат сотрудникам Анадарской мерзлотной станции А. К. Саяпину и И. А. Некрасову. Летом 1955 г. они обнаружили неолитическую стоянку и тайник в самом центре Чукотки — на берегу оз. Эльгыгытгын (188)⁸⁹, а еще через два года И. А. Некрасову посчастливилось найти культурный слой на р. Анадырь вблизи рыбалки Вакарево (53). Он был обильно насыщен остатками

⁸⁸ Слепов Ю. М., Харченко Ю. И. Древние стоянки в пределах Южной Камчатки.— В кн.: Вопросы географии Камчатки, № 3. Петропавловск-Камчатский, 1965; Беляева А. В. Работы музея по археологии и этнографии (1955—1965 гг.).— В кн.: Краеведческие записки, вып. VII. Магадан, 1968; Береговая Н. А. Археологические находки на острове Шалаурова.— МИА СССР. М.—Л., 1960, вып. 86; Бялобжеский С. Г., Диков Н. Н., Калясников Ю. А., Иванов О. Н., Смирнов В. Н. Следы каменного века на Чукотке (на Корякском нагорье и в низовьях р. Майна).— В кн.: Краеведческие записки, вып. X. Магадан, 1976; Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историческое значение.— В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века.— В кн.: Сб. МАЭ, ХХVII. Л., 1971; Диков Н. Н., Герасимчук В. И. Следы верхнего палеолита у ручья Шило в бассейне Колымы.— В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971; Иванов О. Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на побережье Берингова пролива.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17; Диков Н. Н., Катенин А. Е. Стоянки каменного века у ручья Матаген в Иульгинском районе на Чукотке.— В кн.: Краеведческие записки, вып. X. Магадан, 1976; Диков Н. Н., Смирнов В. Н. Новая ранненеолитическая стоянка в бассейне р. Амгуэмы на Чукотке (на озере Экитыкы).— В кн.: Краеведческие записки, вып. X, 1976; Дикова Т. М., Воробьев В. А. Новый памятник бирнирской культуры на севере Чукотки.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 6. Магадан, 1973; Калинин А. А. Чаун-Чукотка ждет археологов.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961; Красков В., Дикова Т. М. Новый памятник приморской культуры на севере Чукотки (полуостров Аачим).— В кн.: Краеведческие записки, вып. IV. Магадан, 1966; Малюкович В. Н. Штурманы деревянных катамаранов.— «Камчатский комсомолец», 1972, 2 ноября.

⁸⁹ Саяпин А. К., Диков Н. П. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгыгытгын).— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1. Магадан, 1958; Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытгын).— СА, 1957, № 2.

иной, более поздней культуры совсем неожиданного облика. По определению А. П. Окладникова этот памятник культуры рыболовов и охотников находится в какой-то связи с находками на древнем поселении в устье р. Канчалан (182)⁹⁰.

Ведущую роль в смежных с археологией антропологических исследованиях на Северо-Востоке по-прежнему играет Институт этнографии. После упомянутой выше работы Г. Ф. Дебеца в 1958 г. вышла в свет большая монография другого известного антрополога — профессора М. Г. Левина, посвященная проблемам этногенеза народов Дальнего Востока⁹¹. Эта книга обобщила все данные антропологии и археологии о народах рассматриваемой нами области. В ней дан глубокий анализ таких узловых этнографических проблем, как эскимосская, айнская. Все стороны освещены новые проблемы происхождения чукчей и коряков, ительменов и юкагиров. Однако нельзя при этом сказать, что автор окончательно их решил. Для этого М. Г. Левину нехватало прежде всего археологических материалов. Их недостаток остро ощущался и авторами других историко-этнографических трудов, вышедших в самое последнее время и принадлежащих перу Г. А. Меновщикова⁹², Л. А. Файнберга⁹³, И. С. Вдовина⁹⁴. Археологических материалов было еще сравнительно немного, и все они были по-прежнему не древнее неолита. Впрочем, в первом томе «Всемирной истории», вышедшем в 1955 г., на карте неолитических культур на месте Камчатки и Чукотки все еще имелись «белые пятна». Так что в то время известный камчатско-чукотский неолит все еще не получил всеобщего признания.

К этому последнему периоду относятся и археологические исследования, осуществленные на Чукотке и Камчатке автором.

Первую серию археологических экспедиций провел автор на Чукотке в 1956—1959 гг. будучи директором Чукотского окружного краеведческого музея в Анадыре. Поиски и раскопки ежегодно велись во внутриконтинентальных районах Чукотки и на ее морском побережье.

Была произведена сплошная археологическая разведка двух больших рек Чукотского национального округа — Анадыря и Амугэмы, частично р. Ванкарем и озер Красное и Чировое.

Самым замечательным памятником оказался Усть-Бельский могильник (72) с каменными и бронзовыми орудиями труда, расположенный на месте неолитического стойбища по среднему течению р. Анадырь. На ее берегах удалось обнаружить и раскопать неолитические стоянки и в других местах: в Вакарево (53), Усть-Майне (54), Омрыне (73), Утесиках (61), Вилке (59—60), Увеснования (57), Анокаттары (62), Чикае-

⁹⁰ Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине р. Майна (по работам 1957 года). — МИА СССР. М. — Л., № 86, 1960.

⁹¹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

⁹² Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959.

⁹³ Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине). М., 1964.

⁹⁴ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. — Л., 1965; он же. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.

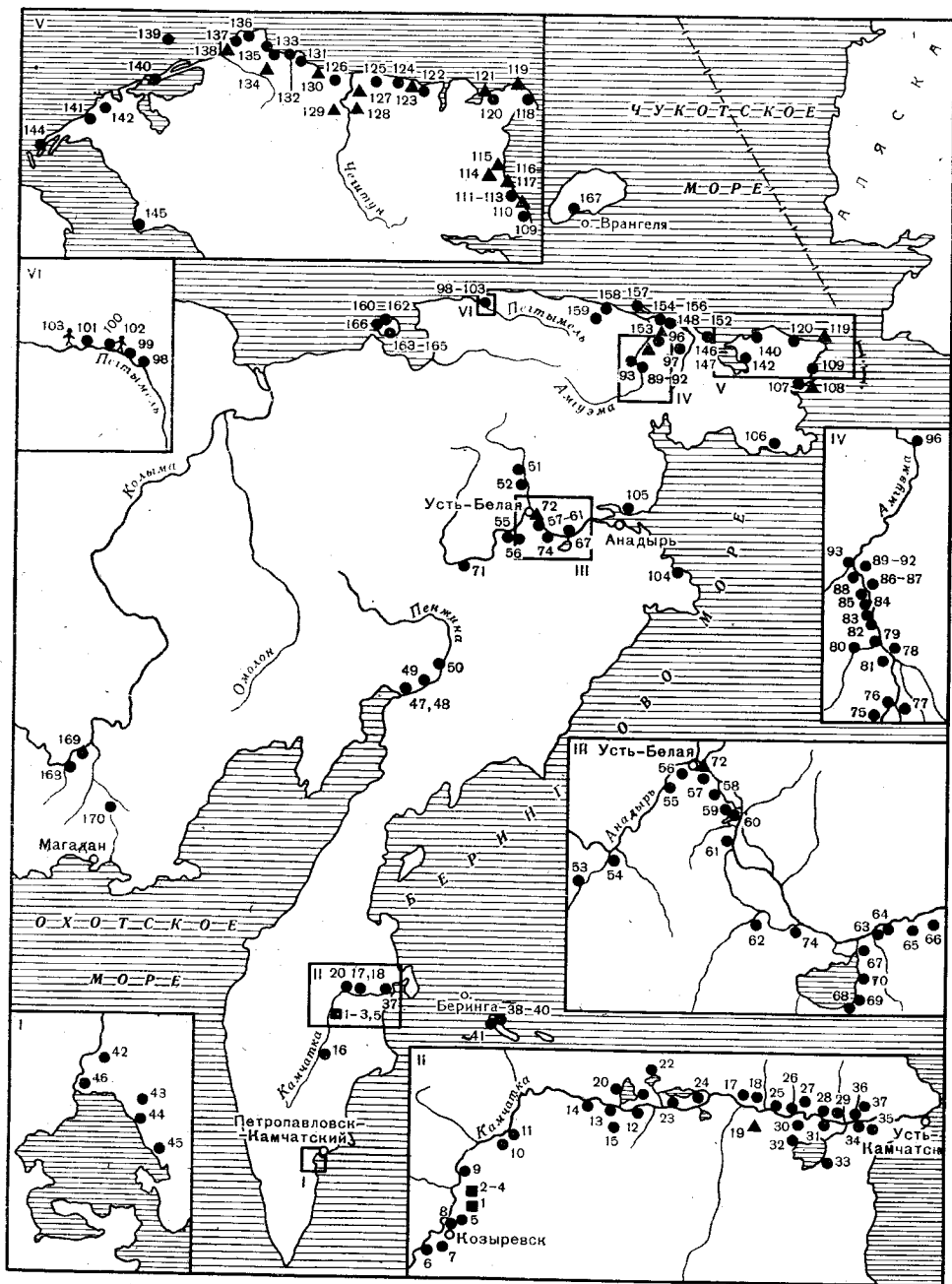

Рис. 3. Археологические памятники, исследованные автором (условные обозначения см. на рис. 1; см. Приложение I)

во (74), на Осиновой сопке (66), на косах при входе в Красное озеро (67—70). На Амгуэме было найдено еще несколько неолитических стоянок, наиболее интересные из них встретились против 102 км автогассы (78—81). Обильные неолитические коллекции были добыты из культурного слоя стоянки на Чировом озере (51) и на о. Айон (160—163, 165). Все это были большей частью памятники ранее неизвестных древних культур, и в целом они дали впервые по-настоящему представительный материал, включающий не только всевозможные типы каменных изделий, но и богатую коллекцию разнообразной керамики. Уже в результате предварительного анализа стало ясно, что за всеми этими материалами стоит не одна, а несколько разновременных забытых древних культур и что они дают возможность значительно полнее и во многом по-новому реконструировать историческое прошлое Чукотки⁹⁵.

На морском побережье автором еще в 1956 г. были предприняты поиски древнеберингоморских памятников. Производились разведывательные раскопки на Уэленском могильнике (119) (случайно обнаружен А. Т. Спмбирским, одну могилу до нас в 1955 г. раскопал Д. А. Сергеев⁹⁶) и на нецрстуйном укрепленном поселении Селлун (118). В 1957 г. разведка была продолжена и привела к обнаружению древних землянок на м. Шмидта (158, 159), на косе Двух пилотов (157) и в Ванкареме (148—154). В Ванкареме был найден могильник (152). В 1958 г. работы на Уэленском могильнике возобновились. Были обнаружены оквикские, древнеберингоморские и бирнирские захоронения⁹⁷.

Часть полевых работ на Уэленском могильнике проводилась совместно с Институтом этнографии АН СССР, который снарядил туда в 1957—1961 гг. экспедицию во главе с антропологом М. Г. Левиным. Основным результатом исследований сотрудников Института этнографии на Уэленском могильнике явилась типология поворотных наконечников гарпунов, на основе которой были внесены изменения в периодизацию древнеэскимосских культур. По мнению авторов этой формальной типологии, оквикская культура отчасти более поздняя, чем древнеберингоморская⁹⁸. Этой

⁹⁵ Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника, по данным 1958 года.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961; *он же*. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961; *он же*. По следам древних костров. Магадан, 1960; *он же*. Первые археологические исследования на острове Айон.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961; *он же*. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 году.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1, 1958; *он же*. Древнее заселение Чукотки.— В кн.: Древняя Сибирь (макет I тома «История Сибири»). Улан-Удэ, 1964; Диков Н. Н. Archaeological Materials from the Chukchi Peninsula.— «American Antiquity», 1963, № 4. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974.

⁹⁶ Сергеев Д. А. Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке.— КСИЭ, 1959, вып. XXXI.

⁹⁷ Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 г.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1, 1958; *он же*. Уэленский могильник, по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 гг.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17.

⁹⁸ Левин М. Г. Работы на Чукотке в 1957 году.— СЭ, 1958, № 1; *он же*. Древнеберингоморский могильник в Уэлене (предварительное сообщение о раскопках

неубедительной, как мы покажем ниже (во второй части монографий), типологии придерживаются они и в своей последней работе, посвященной исследованному ими большому древнеберингоморскому Эквенскому могильнику⁹⁹.

В 1959 г. были обнаружены и исследованы культурные слои с остатками становищ древних морских охотников на о. Айон, на западном его берегу, возле Полярной станции (166), и на северной стороне Анадырского лимана (напротив г. Анадырь), у 7-го причала (105). Особенно интересной оказалась последняя стоянка. Здесь встретилось большое количество захоронений человеческих черепов¹⁰⁰.

Уже первые исследования на Чукотке позволили автору выдвинуть новые гипотезы: первоначального заселения Чукотки в палеолите, северного автохтонного происхождения эскимосской культуры; проточукотской, а не юкагирской этнической принадлежности внутриконтинентальной неолитической культуры, в частности усть-бельской; полуоседлости, а не бродячего образа жизни неолитических обитателей Чукотки. Автором была сформулирована также новая проблема закономерной динамики культурных связей между скотоводческо-земледельческим югом и охотничье-рыболовецким севером, проблема зависимости этих связей от уровня хозяйственного развития на юге¹⁰¹.

Организация в 1960 г. в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института с археологической лабораторией в его составе еще более приблизила исследование археологии северо-восточной окраины нашей страны к своему объекту изучения, усилило роль областных кадров в исследовании проблемы исторического прошлого Северо-Восточной Сибири. Все это позволило значительно расширить не только масштаб, но и тематику исследований.

Морское побережье Северо-Восточной Чукотки в 1963 г. подверглось сплошному археологическому обследованию (маршрут был пройден на вельботах). В результате были выявлены и исследованы не только древнеэскимосские стоябища, но и довольно много могильников разных этапов — в Яндогае (107), Нуямо (109), Чини (110, 111), Энмынытныне (113—117), Инчоуне (120—121), Утене (122—123), Четтуне (124), Екичувервееме (125), Чегитуне (126—129), Сешане (131—132), Иголиврунвееме (133—134), Кенишхуне (135), Энурмино (136—138), на о. Илитлене (139), в Нешкане (140), Джедретлене (141—143), на косе Беляка (144), в Анаяне (145), на о. Колючине (146—147) и снова в Ванкареме

1958 г.).— СЭ, 1960, № 1; *Левин М. Г., Сергеев Д. А.* К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры).— СЭ, 1960, № 3; *Левин М. Г., Сергеев Д. А.* Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы.— VII МКАЭН, (М.), 1964; *Аругунов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

⁹⁹ *Аругунов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.

¹⁰⁰ *Диков Н. Н.* Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году; *он же.* Первые археологические исследования на острове Айон.

¹⁰¹ *Диков Н. Н.* Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1, 1958; *он же.* По следам древних кастров. Магадан, 1960.

(148—153)¹⁰². Из 14 обнаруженных древнеэскимосских могильников три древнеэскимосских кладбища — два Энмынытнынских (115, 116) и Чинийское (110), — были раскопаны автором в 1965 г. полностью¹⁰³, остальные пока частично¹⁰⁴. Представление о распространении и развитии древних эскимосских культур стало более определенным, в частности, подтвердился факт проникновения с середины I тысячелетия н. э. со стороны Аляски по северному побережью Чукотки так называемой бирнирской культуры древних морских охотников¹⁰⁵.

Часть исследований на побережье проводилась в контакте с геологами, что еще более пополнило материалы. В. Красков, О. Н. Иванов, В. П. Похпалайнен нашли очень интересные стоянки древних морских охотников (118, 174, 175, 343) и затем исследовали их совместно с археологами Северо-Восточного института¹⁰⁶.

Но, пожалуй, самым значительным археологическим открытием стали здесь сначала случайно обнаруженные геологом Н. М. Саморуковым, а затем полностью выявленные и исследованные автором петроглифы (102, 103) северного побережья Чукотки. Эти первые наскальные рисунки в ярких образах представили нам жизнь древних обитателей Чукотского побережья. Оказалось, что основой ее было комплексное охотничье хозяйство. Главными объектами охоты были морские звери и северные олени¹⁰⁷.

Продолжаются исследования неолита Амгузмы и Анадыря. Там автором в 1963 г. обнаружены еще два неолитических могильника — Омрынский (73) и Экиатапский (95) — такого же типа, как изученный в 1958—1959 гг. в долине р. Аныдырь Усть-Бельский. Тем самым на Чукотке впервые конкретно очерчивается ареал неолитических охотников на север-

¹⁰² Диков Н. Н. По морскому побережью Чукотки — к предкам эскимосов. — В кн.: Краеведческие записки, вып. V, 1965; *он же*. Древности Сешана. — В кн.: Краеведческие записки, вып. VI. Магадан, 1966; *он же*. Ванкаремские древности. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 5. Магадан, 1968.

¹⁰³ Диков Н. Н. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 4. Магадан, 1967; *он же*. Чинийский могильник (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974.

¹⁰⁴ Диков Н. Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники. — Там же.

¹⁰⁵ Диков Н. Н. Ванкаремские древности..., 1968.

¹⁰⁶ Красков В., Дикова Т. Новый памятник приморской культуры на севере Чукотки (полуостров Аачин); Иванов О. Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на побережье Берингова пролива. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17.

¹⁰⁷ Диков Н. Н. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки (петроглифы на реке Пегтымель). — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, (Магадан), вып. 31; *он же*. Открытие петроглифов на Чукотке. — В кн.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968; *он же*. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях реки Пегтымель на Чукотке. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969; *он же*. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов. — В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов северной Азии». Новосибирск, 1969; *он же*. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971; Диков Н. Н., Саморуков Н. М. Наскальные рисунки (петроглифы), обнаруженные на Чукотке в 1965 году. — В кн.: Краеведческие записки, вып. IX. Магадан, 1972; Dikov N. N. Les pétroglyphes de Pegtymel et leur appartenance ethnique. — «Inter-Nord», (Paris), 1972, № 12.

ного оленя, которые совершенно неожиданно оказались представителями арктической расы¹⁰⁸, вопреки мнению М. Г. Левина¹⁰⁹ об их юкагирской этнической принадлежности.

Более поздняя анадырско-майнская (вакаревская) культура, вероятно предков юкагиров, оказалась в значительной степени территориально совмещенной с усть-бельской культурой неолитических предков арктического протоэскимосского населения, и один из основных ее памятников — стоянка (56), которая тоже находится в с. Усть-Белая, но не на сопке, где расположен неолитический могильник, а внизу — на первой надпойменной террасе. Эта нижняя Усть-Бельская стоянка (56), исследованная автором в 1966 г., дала большую коллекцию костяных ножей для разделки рыбы, копий и наконечников стрел. Древние обитатели всего этого имущества были рыбаками и охотниками, какими и должны быть в то время предки юкагиров, если судить об этом по их этнографическим характеристикам¹¹⁰.

В планомерные поиски теперь включается и Камчатка, куда Северо-Восточный институт уже в 1961 г. снаряжает археологическую экспедицию под руководством автора. У нее конкретная задача: идя от известного к неизвестному, исследовать сначала памятники пережиточного, самого позднего неолита, оставленные предками коряков и ительменов, а затем найти и более ранние неолитические стоянки. Главный маршрут экспедиции был проведен на ботах по р. Камчатка — самой основной жизненной артерии полуострова, где всего вероятнее было встретить наиболее древнюю культуру.

На р. Никулка удалось найти и почти полностью раскопать большое укрепленное городище (16) из необычных сдвоенных землянок. Вскоре на берегах р. Камчатка было разыскано еще около 50 древнеительменских городищ (17—37) и даже могильник возле одного из них в Камаках (19).

Что же касается неолитических остатков, то можно было предполагать, что в долине р. Камчатка среди них непременно будут ножевидные пластинки. Это можно было предвидеть по некоторым косвенным данным — по единичным каменным пластинкам Тарьинской стоянки, по двум кремневым нуклеусам (призматическому и коническому) со стоянки Кавран (323), опубликованным В. И. Иохельсоном¹¹¹, и по беспаспортному призматическому нуклеусу, который давно уже хранится в Петропавловском музее. Именно с таких нуклеусов скалывались тонкие ножевидные пластинки в неолите циркумполярной зоны, и было бы весьма странным и непонятным, если бы эта в высшей степени экспансивная техника миновала долину р. Камчатка, как ошибочно предполагали в то время археологи, которые занимались этой проблемой¹¹².

¹⁰⁸ Готман И. И. Древний череп с Чукотки.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961.

¹⁰⁹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

¹¹⁰ Диков Н. Н. Об охране памятников истории и культуры на территории Магаданской области.— В кн.: Краеведческие записки, вып. VII, 1968.

¹¹¹ Иохельсон В. И. Археологические исследования..., с. 358, 359, рис. 7, 25, 26.

¹¹² Ларичев В. Е. Неолитические памятники бассейна верхнего Амура (Ананци, Дунбей).— МИА, 1960, № 86, с. 119, рис. 23.

Действительно, осенью того же 1961 г. наша экспедиция нашла там пелую серию неолитических стоянок с ножевидными пластинками — на берегу Ушковского озера (1), в Доярках (10—11), в Ключах (12, 13).

В следующем 1962 г. неолитические стоянки исследовались автором и в других районах Камчатки: на юге полуострова вблизи Петропавловска-Камчатского (в Раковой бухте (45), на Кирпичной улице (44), в пос. Елизово (42)) и на севере Камчатского полуострова — в долине р. Пенжина: на Зеленом (47) и Большом (48) мысах, в Манилах (49), вблизи с. Каменское (50).

В 1963 г. предварительной рекогносцировке подверглись Командорские острова, но выяснилось, что они были заселены сравнительно поздно и сохранили следы культуры только неолитических морских охотников (38—41) ¹¹³.

Еще в 1962 г. в долине р. Камчатка, на берегу Ушковского озера на двух стоянках (Ушки-I и II) под культурным слоем неолита автором был вскрыт на большой площади ранне-неолитический культурный слой и слой еще более древний, который сначала был отнесен к самому раннему мезолиту и который впоследствии стало возможным интерпретировать как позднепалеолитический с абсолютной датой 10360 ± 350 (Mo-345) ¹¹⁴. Его позднепалеолитическая принадлежность стала еще более очевидной после вскрытия в 1964 г. на стоянке Ушки-I еще более глубокого, бесспорно верхнепалеолитического слоя со значительно более древними верхнепалеолитическими следами. В нем оказались и кострища, и погребальная яма с весьма эффектными остатками захоронения в виде множества каменных подвесок и бусинок, а также резцевидных инструментов для изготовления подобных украшений ¹¹⁵.

В 1965 и 1966 гг. наша экспедиция обнаружила и раскопала в позднепалеолитических слоях стоянок Ушки-I (1) и Ушки-IV (3) несколько жилищ разных типов с большим ассортиментом каменных изделий ¹¹⁶.

Уже после первых палеолитических находок встала проблема связи их с американскими древностями и мы вплотную подошли к проблеме первоначального заселения Нового Света. Теперь к этой сложной проблеме можно было отнестись не только с антропологических и этнографических позиций, но и с вполне определенными и достоверными археологическими материалами.

¹¹³ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969.

¹¹⁴ Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1964, вып. 8; Виноградов А. П., Девирц А. Д., Добкина Э. И., Маркова Н. Г. Определение абсолютного возраста по C-14. Сообщение 5. — «Геохимия», 1966, № 10; Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17.

¹¹⁵ Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17; Dikov N. N. The discovery of the palaeolithic in Kamchatka and the problem of the initial occupation of America. — «Arctic Anthropology», 1968, vol. V, № 1.

¹¹⁶ Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки. — СА, 1969, № 3; он же. Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки-IV. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

Открытие в 1961—1962 гг. раннеолитических стоянок, а затем в 1964—1966 гг. верхнепалеолитических жилищ и погребений позволило проникнуть в значительно более далекие глубины исторического прошлого Крайнего Северо-Востока Сибири.

Неуклонное нисхождение по ступеням тысячелетий ко все более древним культурам Камчатки сопровождалось и подкреплялось тщательными стратиграфическими исследованиями с применением новейших методов: палинологического, тефростратиграфического, радиоуглеродного. И именно сочетание этих естественно-научных методов с собственно археологическими сравнительно-типологическими приемами исследования позволило создать основу периодизации развития культуры, разработка которой является наиболее значительной и актуальной задачей советской археологии на Северо-Востоке Азии.

Уже на циркумполярной конференции в Копенгагене в 1958 г. советские археологи, этнографы и антропологи сформулировали основные проблемы археологического и антропологического изучения Советской Арктики, и ее восточного сектора, в частности¹¹⁷. В 1964 и 1968 гг. на VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве и Токио советскими учеными были продемонстрированы новые материалы, позволяющие конкретно и доказательно нарисовать картину этногенеза и прогрессивного исторического развития северных народов и на основе археологических фактов зримо представить их забытую историю¹¹⁸.

На основе археологических данных Чукотки и Камчатки впервые была поставлена проблема этнической дифференциации населения Северо-Востока в ходе его исторического развития¹¹⁹. Проблема этногенеза применительно к этой части нашей страны приобрела более глубокую хронологическую перспективу вплоть до позднего палеолита и вполне сопоставимую с возрастом древнейших достоверных открытых к тому времени культур Канады и Аляски¹²⁰.

В 1971 г. автор обобщил в своей работе все основные положения, к которым он пришел в результате своих четырнадцатилетних исследований на Северо-Востоке¹²¹. И в том же году приступил к новому циклу полевых работ на Чукотке, Камчатке и Колыме.

¹¹⁷ Okladnikov A. P. Archaeology of the Soviet Arctic.— «Acta Arctica», fasc. XII. Copenhagen, 1958—1960.

¹¹⁸ Долгих Б. О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики.— СЭ, 1964, № 4; Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре.— VII МКАЭН, (М.), 1964.

¹¹⁹ Диков Н. Н. Новые данные по археологии северо-востока Сибири.— VII МКАЭН, 1964; он же. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», 1967, вып. 17.

¹²⁰ Dikov N. N. Palaeolithic culture of Kamchatka.— «Proceeding VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. III (Ethnology and Archaeology). Tokyo, 1970.

¹²¹ Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Некоторые выводы этих исследований нашли отражение в коллективной монографии: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, с. 18—75, 395, 396.

В 1972 г. на острове Айон им были обнаружены и разведаны новые неолитические стоянки (161, 162, 164) и проведено стратиграфическое определение мамонтовых горизонтов, а на острове Врангеля в 1975 г. им была открыта древнейшая в Азии палеоэскимосская культура (167). В том же 1975 г. вблизи поселка Беринговский, южнее Анадырского лимана, была выявлена еще одна додревнеберингоморская культура (104) и начаты первые детальные раскопки древнеберингоморского жилища на м. Шмидта.

В нижних слоях Первой Упковской стоянки (1) в 1971—1974 гг. проводилось систематическое вскрытие двух древнейших на Северо-Востоке палеолитических поселков — палеоиндейского (в слое VII) и протоэскимосско-алеутского (в слоях VI и V). Теперь были прослежены и раскопаны жилища не только в V и VI слоях, но и в VII слое, причем там жилище оказалось необычно большим и очень своеобразным по своему устройству. В жилищах же VI слоя оказались захоронения собаки и человека и множество различных каменных изделий в сопровождении позднеплейстоценовой фауны¹²². В 1974 г. были начаты, а в 1975 г. продолжены раскопки еще на одной многослойной стоянке — Ушки-V (4), содержащей VII, VI и V палеолитические слои¹²³.

Особенно интересными и результативными оказались исследования в зоне затопления Колымской ГЭС. Здесь в 1971 г. были обнаружены, а в 1972—1975 гг. раскапывались стоянки реликтового палеолита у ручьев М. Сибердик (168) и Конго (169). На этих стоянках впервые на Крайнем Северо-Востоке Азии найдены чопперы — подтесанные с одной стороны по краю галечные орудия, очень сходные с ниже- и среднепалеолитическими чопперами Южной и Юго-Восточной Азии (а также с более поздними чопперами Монголии, Якутии и Приамурья) — с одной стороны, и с еще более поздними чопперами Северной Америки — с другой. Эти колымские чопперы позволяют теперь проложить «мостик» между древними галечными культурами Азии и Америки¹²⁴.

В настоящее время археологическое изучение Северо-Восточной Азии разворачивается со все возрастающей интенсивностью. Особенно способствует этому организация в рамках СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции (под руководством автора). Ее отряды работают в самых различных районах Чукотки, Колымы и Камчатки, включая Командорские острова и о. Врангеля. Этими отрядами во главе с Т. М. Диковой, А. А. Ореховым, Т. С. Теином, В. И. Рубаном и А. К. Понамаренко, В. Н. Малюковичем уже достигнуты значительные результаты, выявлено много новых различных археологических памятников на самом юге Камчатки (257, 258, 263—

¹²² Диков Н. Н. Исследования палеолита на Камчатке.— В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973; он же. Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке.— «Тр. СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР», (Магадан), 1976, вып. 67.

¹²³ Диков Н. Н. Исследование палеолита на Камчатке.— В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

¹²⁴ Диков Н. Н. Исследования в зоне затопления Колымской ГЭС.— В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974; Диков Н. Н., Дикова Т. М. Археологические исследования в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС в 1971—1973 гг.— В кн.: Краеведческие записки, вып. X, 1976.

269, 272—278) и, в частности, на м. Лопатка (294—299), на Юго-Восточном и Северном побережьях Чукотки (190—198), на Восточной (234—240, 242, 243, 245, 246, 248—250) и Западной (317, 318, 324, 326, 327, 329, 330) Камчатке, на Охотском побережье (384)¹²⁵.

Эти существенные сдвиги в археологии на Крайнем Северо-Востоке подкрепляются достижениями советской археологии в Якутии, на Охотском побережье и на юге Дальнего Востока, где в свое время значительных результатов достиг А. П. Окладников. Его учениками в последние годы открыты там новые интереснейшие памятники и прослежены неизвестные ранее культуры.

Ю. А. Мочанову удалось обнаружить в Якутии на р. Алдане ряд стратифицированных стоянок и с их помощью существенно уточнить периодизацию каменного века Якутии. На основе новых материалов Ю. А. Мочанов выделил три отличающихся своей керамикой неолитических культуры: сылахскую раннеолитическую (IV тыс. до н. э.), белькачинскую среднеолитическую (III тыс. до н. э.) и ымыяхтахскую позднеолитическую (II тыс. до н. э.), а также дюктайскую, ихиненскую и сумнагинскую позднепалеолитические культуры (последняя относится к раннему голоцену)¹²⁶. Эти новые палеолитические материалы с территории Якутии очень важны и для собственной ее древней истории, и для правильного понимания развития древних культур самого Крайнего Северо-Востока Сибири — Камчатки, Чукотки и Приколымья¹²⁷.

Р. С. Васильевский, осуществивший, как мы уже отмечали выше, археологическое изучение древнекорякской культуры на северо-охотском побережье, опубликовал недавно вторую свою книгу¹²⁸, в которой вслед за В. Лафлином¹²⁹ рассматривает ряд вопросов происхождения алеутов и в которой присоединяется к гипотезе Ж. Малори о раннем распространении зверобойного промысла на северных берегах Тихого океана¹³⁰. Автор этой небольшой, но интересной книги разделяет также наши ранее высказанные мнения о сильном азиатском воздействии на древнеберингоморскую культуру азиатских культур, в частности — усть-бель-

¹²⁵ Дикова Т. М. Работы Южно-Камчатского отряда.— В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974; она же. К вопросу о пребывании айнов на мысе Лопатка.— В кн.: Краеведческие записки, вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1974; Орехов А. А. Археологические исследования в северо-западном Беринговом море.— В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976; Пономаренко А. К. Новые археологические памятники южной Камчатки.— В кн.: Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976.

¹²⁶ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.

¹²⁷ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения северо-восточной Азии и Аляски.— СЭ, 1969, № 1.

¹²⁸ Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.

¹²⁹ Laughlin W. S. Human migration and permanent occupation in the Bering Sea area.— In: The Bering Land Bridge. Stanford University Press, 1967.

¹³⁰ Malaurie J. Pour une préhistoire des cultures maritimes, presquimales du Pacifique Nord et des mers arctiques adjacentes.— In: Etudes d'Histoire Maritime. Présentées au XIIIe Congrès International des Sciences Historiques. Moscou, 1970.

скую¹³¹, и о том, что не все так называемые древнеэскимосские культуры являются эскимосскими в этническом отношении¹³².

Наконец, прямое отношение к нашим исследованиям на Северо-Востоке в тех аспектах, которые касаются древнеалеутской истории, имеют очень интересные работы советско-американской экспедиции во главе с академиком А. П. Окладниковым и В. Лафлином на Алеутских островах — на многослойных древних стоянках о-ва Анагула в 1974 г.¹³³

Итак, мы видим, как от этапа к этапу происходило накопление археологического материала и как шло развитие связанной с этим проблематики. Накопление новых археологических материалов стимулировалось сознанием важности проблемы древней истории Северо-Востока, но в настоящее время возникла диспропорция между количеством материалов и качеством их обобщения. Исключительно важная и актуальная проблема развития древних культур на Северо-Востоке Азии, на стыке с Америкой, приобретает теперь возможность значительного углубления. Новые обильные археологические данные требуют их теоретического обобщения и осмысления.

Исходя из результатов предшествующих археологических исследований и имея в виду названную диспропорцию, мы приступаем к выполнению основных задач нашего исследования. Первой из них — и именно ей посвящена вся данная книга — является полное описание обнаруженных и изученных автором археологических памятников, обоснование опорной стратиграфии и выделение опорных культурных комплексов. Вторая же часть работы, выполненная в виде следующего отдельного тома, целиком посвящена культурно-исторической и этнической интерпретации этих памятников и стоящих за ними древних культур.

¹³¹ Васильевский Р. С. Древние культуры..., с. 212; Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Новосибирск, 1971, с. 33. Автореф. докт. дис.

¹³² Васильевский Р. С. Древние культуры..., с. 210; Диков Н. Н. Новые данные к истории эскимосской культуры. — В кн.: Краеведческие записки, вып. IX. Магадан, 1972, с. 107.

¹³³ Лафлин В. С., Окладников А. П. Совместные исследования американских и советских археологов на Анагуле (Алеутские острова, Аляска). — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 5—18; Laughlin W. S. Aleuts: Ecosistem. Holocene History and Siberian Origin. — «Science», 1975, vol. 189, № 4202.

Археологические памятники в долине р. Камчатка (1—37)

Многослойные стоянки (палеолит-неолит, 1—4)

На южном берегу Ушковского озера, соединяющегося протокой с р. Камчатка и расположенного примерно в 18 км от поселка Козыревска, нами с 1961 г. исследуются четыре многослойных стоянки — Ушки-1, II, IV и V (рис. 4, 5). Они имеют исключительно четкую стратиграфию и являются поэтому ключевыми для периодизации памятников Северо-Восточной Азии. Даем послойное описание этих ушковских стоянок.

Первая Ушковская стоянка (Ушки-1) (1)

Находится на Каменном мысе южного берега Ушковского озера (рис. 4). Каменный мыс имеет высоту 3,5—4 м над меженным уровнем воды в озере. На доколе, сложенном коренными породами, здесь залегают плотные конгломераты, состоящие из слегка окатанных вулканических бомб. Конгломераты перекрываются слоем зеленовато-серого тонкозернистого песка мощностью около 0,3 м, на нем залегают супесчано-суглинистые горизонтальные слоистые отложения.

Ниже приводится один из наиболее полных, в свое время исследованных геологами Н. А. Шилов, А. В. Ложкиным¹, разрезов восточной части раскопа на Каменном мысе (сверху вниз, мощность в см, см. рис. 6):

	см
1. Растительный слой	8
2. Супесь черного цвета, местами включающая угли (культурный слой I-a)	12
3. Вулканический пепел (I)	2—4
4. Супесь черного цвета гумусированная, местами углистая (культурный слой I-б)	2—3
5. Супесь светло-коричневого цвета	4—5
6. Вулканический пепел (II)	1—2
7. Супесь коричневого цвета, сверху более темного, гумусированная, наверху углистая (культурный слой I-в)	5—6
8. Песок крупный темно-серый	4—5
9. Пепел вулканический (III)	1—2
10. Песок вулканический	1—2

¹ Шилов Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки.— «Гр. СВ КНИИ СО АН СССР», (М.), 1967, вып. 17.

11. Супесь светло-коричневого цвета	5—6
12. Пепел вулканический (III-a)	1—2
13. Супесь светло-коричневого цвета	5—6
14. Пепел вулканический (IV)	6—8
15. Супесь желтовато-серого цвета	до 10
16. Вулканический пепел (IV-a)	0—1
17. Супесь желтовато-серого цвета (культурный слой II)	до 50
18. Супесь светло-желтого цвета (культурный слой III)	10
19. Пепел вулканический ярко-желтый (V)	2—5
20. Супесь черного цвета гумусированная (культурный слой IV)	10—15
21. Супесь охристого цвета	5—10
22. Пепел вулканический (VI)	2—4
23. Супесь буровато-желтого цвета с углистой прослойкой в средней части слоя (культурный слой V)	35—45
24. Суглинок охристо-зеленовато-серого цвета с углистой прослойкой в нижней части слоя (культурный слой VI)	20—25
25. Суглинок серовато-охристого цвета с прослойками песка	10—15
26. Суглинок розовато-желтого цвета	6—10
27. Охра красная (культурный слой VII)	1—2
28. Песок светло-желтого цвета	0—1
29. Супесь серовато-бурая с включениями угля	5—6
30. Супесь охристо-зеленовато-серого цвета	5
31. Гумусированные прослойки органического вещества серого цвета с включениями угля (культурный слой VIII)	1—2
32. Супесь охристо-зеленовато-серого цвета	5
33. Суглинок буровато-желтого цвета	5—7
34. Суглинок ржаво-бурого цвета	1—2
35. Суглинок зеленовато-желтовато-серого цвета	2
36. Супесь зеленовато-желтовато-серого цвета	5
37. Песок зеленовато-серого цвета	25—30
38. Конгломерат слабо цементированный, состоящий из обломков вулканических бомб	более 50

Уровень воды в озере в пору наивысшего ее подъема (в середине июля) достигает слоя 14 (IV слоя пепла) и Каменный мыс возвышается тогда над водой только на 0,5 м. С осени до марта-апреля вода спадает на 3—3,5 м и все культурные слои (а не только верхний) оказываются тогда выше ее уровня. Высота мыса над уровнем воды достигает тогда 3,5—3,8 м.

В настоящее время, к 1976 г., на Первой Ушковской стоянке раскоп достигает 1500 кв. м (рис. 7). В 1962 г. было вскрыто 344 кв. м на глубину до слоя 23 включительно (рис. 9). Углубиться дальше помешала грунтовая вода, так как раскопки проводились летом, в пору высокого уровня воды в озере. В результате были исследованы только верхние, неолитические культурные слои I—IV и частично позднепалеолитический слой V.

В 1964 г. раскопки стоянки были продолжены с осени и это позволило углубиться до скалистого подола мыса на прежнем, центральном

Рис. 4. Расположение древних стоянок на Б. Ушковском озере

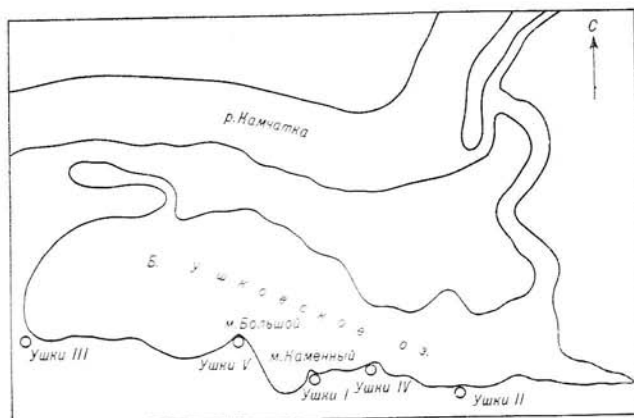
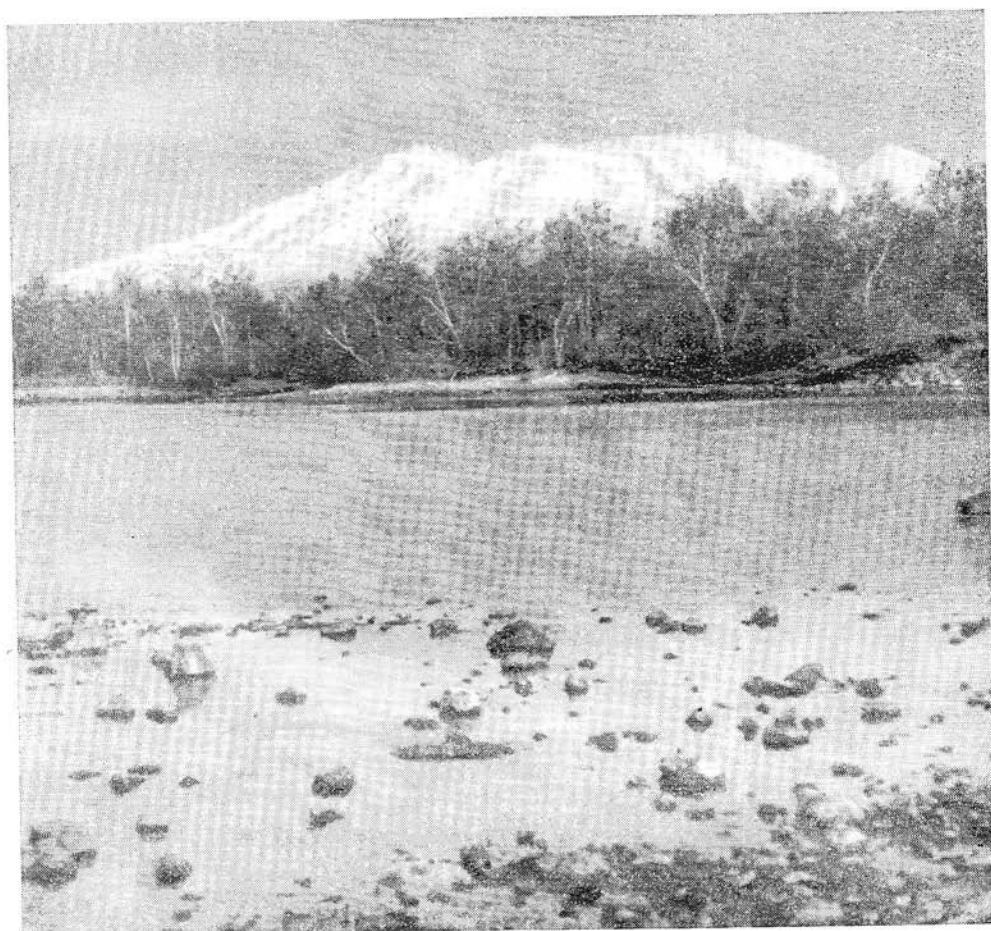

Рис. 5. Вид на ушковские стоянки

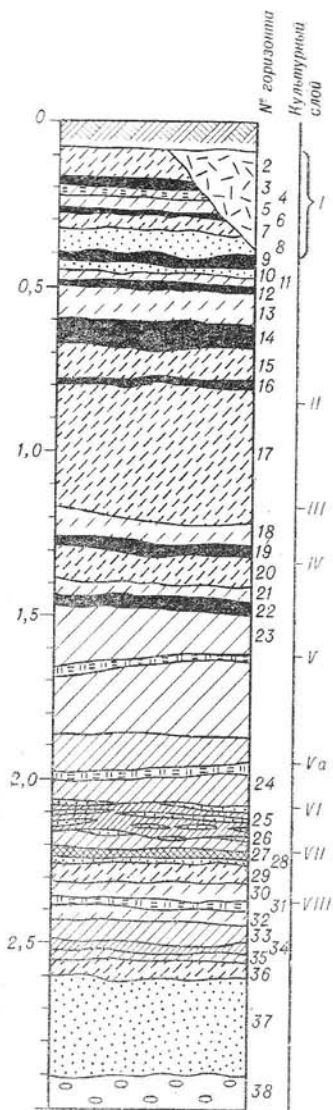

Рис. 6. Обобщенная стратиграфия стоянки Ушки-1

площади к югу и востоку от Каменного мыса верхние, не содержащие никаких культурных остатков слои (вплоть до пещла V) были аккуратно удалены бульдозером (на рис. 8 граница площади, вскрытой бульдозером, обозначена тонким длинным пунктиром).

участке раскопа, площадь которого была расширена лишь незначительно — к северо-востоку, где в слое 27 оказалось верхне-палеолитическое погребение (культурный слой VII).

В 1965 г. раскоп был существенно расширен и общая площадь его достигла 576 кв. м.

Были исследованы два участка, являющиеся продолжением прежнего раскопа с двух сторон его: с северо-восточной и юго-западной. На этих двух участках почти не было находок из верхних слоев (они здесь просто выклипены), зато нижние слои VI и VII, относящиеся к двум этапам позднего палеолита, оказались насыщенными весьма интересными остатками и притом не только отдельных предметов, но также очагов и даже жилищ.

В 1971 г., после длительного перерыва, работы на стоянке были возобновлены. Раскапывалась восточная ее часть, содержащая только VII и VI палеолитические слои общей площадью 250 кв. м, причем наиболее обильные находки были получены из самого нижнего, VII слоя.

В 1972—1973 гг. было продолжено вскрытие восточного и центрального участков стоянки на площади в 180 кв. м (в 1972 г.) и 470 кв. м (в 1973 г.). В результате резко расширилось представление о палеолитическом поселке в VI культурном слое, а также в V. Расширилась картина и палеолитического стойбища VII слоя. Наиболее же ценные материалы из этого самого древнего культурного слоя получены нами в 1974 г. на юго-западном участке раскопа площадью 220 кв. м, где оказались остатки огромного жилища.

На стоянке уже давно (с 1971 г.) полностью выклинились в ходе раскопок все культурные слои, кроме нижних — в V, VI и VII (рис. 9). Поэтому после закладки пяти разведывательных траншей на значительной

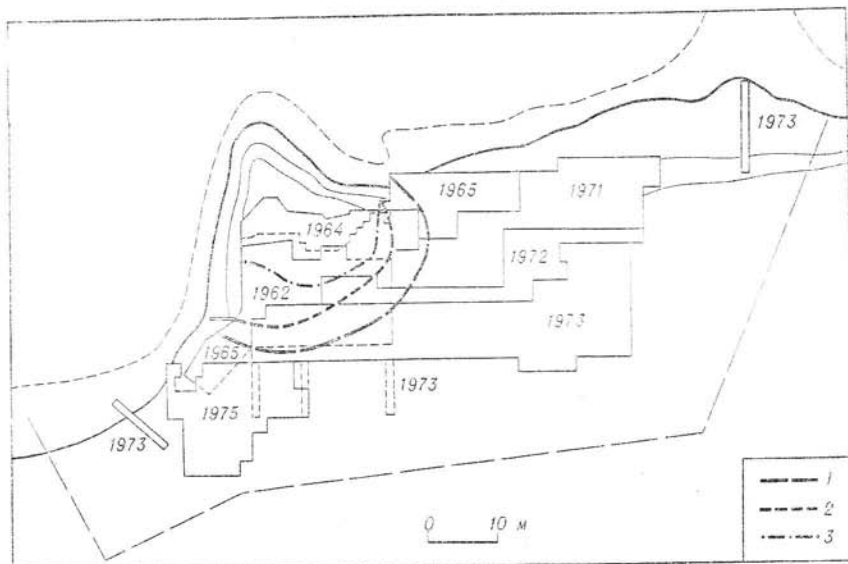

Рис. 7. Схема раскопов и границ культурных слоев на стоянке Ушки-1
1 — слой I; 2 — слой II; 3 — слой IV

Первая Ушковская стоянка, как и другие стоянки на берегу Ушковского озера, таит еще много ценнейших материалов и неожиданностей, и раскопки ее будут продолжены.

Пока же мы даем здесь несколько обобщенную, суммарную характеристику ее культурных слоев (начиная от более древних) и обнаруженных в них находок. Причем в данной книге основное внимание уделяется стратиграфии и общей планировке культурных и жилых комплексов, а в следующей, второй книге в разделах о палеолитических культурах — более подробной характеристике ее каменной индустрии и некоторых наиболее значительных ее объектов.

Седьмой верхнепалеолитический слой. Этот наиболее древний палеолитический слой Первой Ушковской стоянки прослеживается в розовато-желтом суглинке (26) на глубине 2,1—2,2 м и подстилается серовато-желтой супесью (29) (см. рис. 8). В слое сохранились остатки становища и погребения.

К остаткам становища относятся следы двух жилых комплексов на противоположных сторонах (западной и восточной) раскопа и большое количество очажных пятен на обширном пространстве между ними (рис. 8).

Так, на западной стороне раскопа оказались вполне определенные следы большого наземного двухкамерного жилища (площадью более 100 кв. м). Сохранившаяся от жилища углистая площадка имеет весьма своеобразные очертания. В целом по внешним контурам самой слабой углистости — это неправильный, слегка вдавленный с боков овал. Но

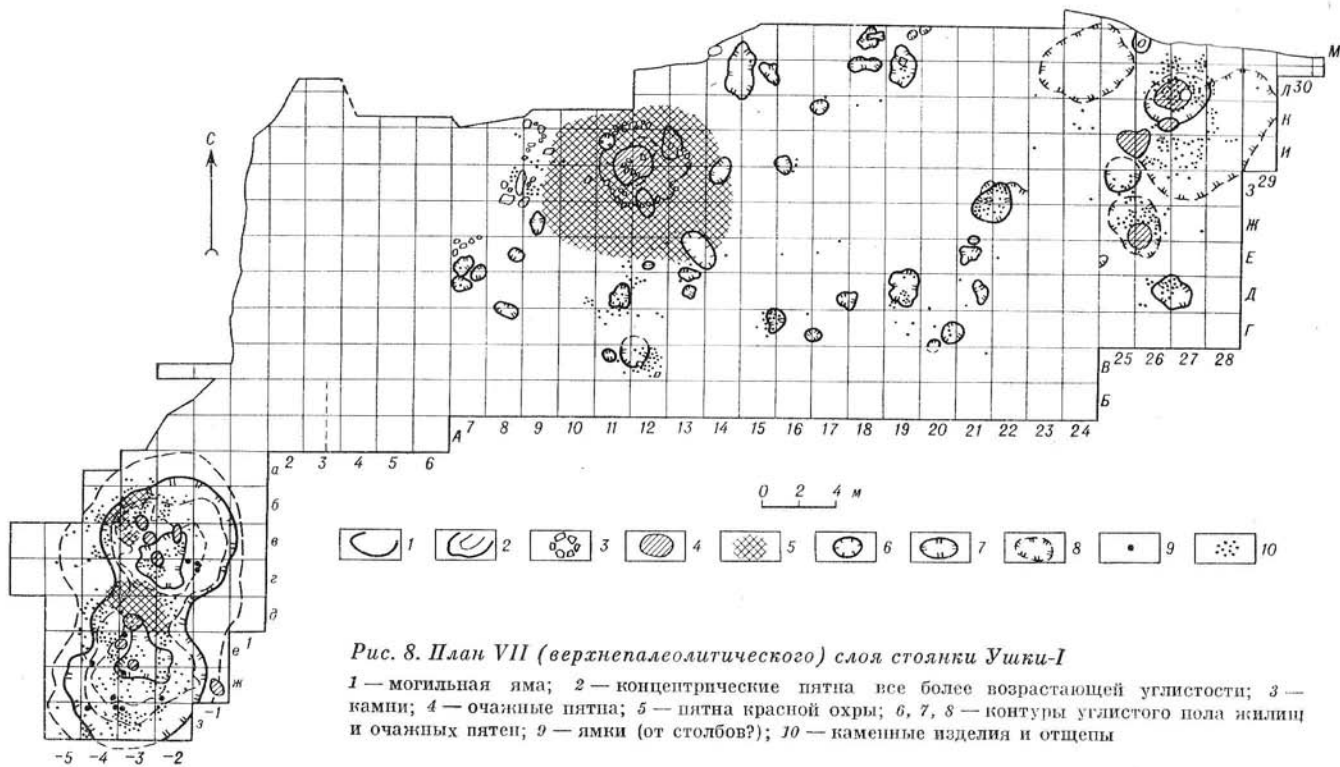

Рис. 8. План VII (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-1

1 — могильная яма; 2 — концентрические пятна все более возрастающей углистости; 3 — камни; 4 — очажные пятна; 5 — пятна красной охры; 6, 7, 8 — контуры углистого пола жилищ и очажных пятен; 9 — ямки (от столбов?); 10 — каменные изделия и отщепы

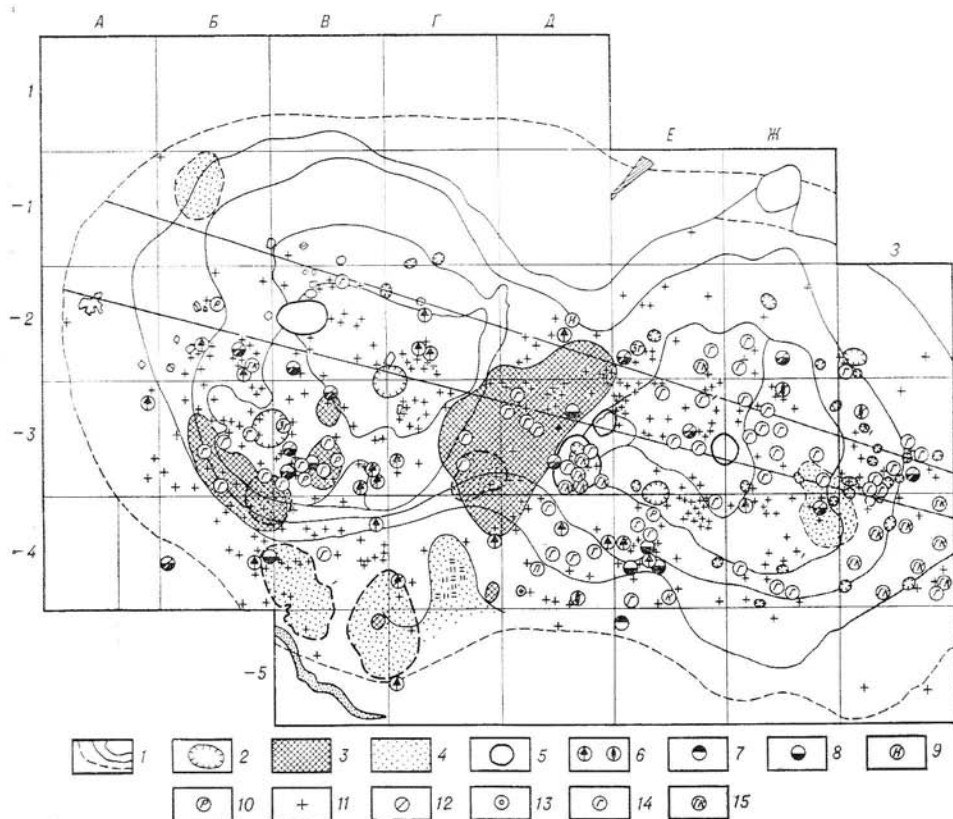

Рис. 9. План палеолитического жилища в VII слое стоянки Ушки-1

1 — контуры возрастающей углистости; 2 — ямки и углубления; 3 — пятна красной охры; 4 — линзы песка; 5 — камни; 6 — наконечники стрел; 7 — нож; 8 — скребок; 9 — нуклеус; 10 — резец; 11 — отщепы; 12 — расколотые орудия; 13 — каменная подвеска; 14 — гематит; 15 — горелые кости

если выделить различные зоны по мере возрастания углистости, то становится очень заметным сужение пятна в его средней части. Наконец, самая интенсивная углистость образует уже два совершенно изолированных обширных пятна, соответствующих основаниям пристроенных друг к другу больших шалашей. При этом в каждой из этих двух площадок наблюдаются зоны еще более высокой концентрации угля, соответствующие очажным кострищам (рис. 9).

Для определения вертикального профиля жилища были исследованы его продольные и поперечные разрезы. Судя по этим разрезам, двойное жилище лишь слегка (примерно на 20—30 см) было углублено в землю, причем каждое из сдвоенных жилищ образовывало впадину и в пределах каждой из них были замечены отдельные углубления и ямки.

К стратиграфическим особенностям остатков этого древнейшего на Камчатке палеолитического жилища относятся довольно значительные (до 2 м в поперечнике) линзы чистого песка, намытого, очевидно, уже после разрушения жилища, так как все они перекрывают углистую площадку (рис. 9). Ни одна пепловая прослойка над жилищем не нарушена.

На полу жилища сохранились обильные следы красной охры. Особенно много ее было в наиболее узкой средней части площадки, т. е. между шалашами, а также на полу северного шалаша. Обильны также находки мелких кусочков красного красящего минерала — гематита, причем особенно часто он встречался в южном отделении двойного жилища, где не было охры.

Кроме многочисленных отщепов на полу жилища найдены 23 черешковых каменных наконечника от стрел (большой частью обломанные), 17 целых и обломанных андезито-базальтовых и кремневых ножей, несколько скребков, скребел, резцы, нуклеус, заготовки орудий и точильные песчаниковые плитки, три очень своеобразных каменных подвески. Встречались также следы отдельных костей животных, а на квадрате (-2)А был обнаружен относительно хорошо сохранившийся лосиный рог, обрубленный у основания.

Судя по конфигурации углистых пятен и расположению вещественных остатков, выходы в оба помещения жилища были, вероятно, с западной стороны (именно с этой стороны больше всего оказалось каменных изделий, да и очаги расположены ближе именно к этой стороне).

В целом исследованное в VII культурном слое двукамерное жилище напоминает своей планировкой палеолитическое жилище на стоянке Пушкина, раскопанное и реконструированное П. И. Борисовским².

Остатки жилища на восточной стороне культурного слоя имели вид больших примыкающих друг к другу углистых пятен довольно расплывчатых очертаний. В северной части одного из них (площадь около 60 кв. м) прослежено внутреннее более интенсивное пятно с двумя линзами перегоревших обломков костей — явные признаки некогда очень долго горевшего здесь очага жилища целиком наземного типа, имевшего, судя по очертаниям внешнего углистого пятна, весьма неправильные контуры в плане. В этом более обширном углистом основании жилища было найдено много различных каменных вещей и поделок, большая часть которых концентрировалась вблизи его кострища. Здесь были обнаружены каменные бусы и подвески, а также их заготовки, резцевидные халцедоновые острия для их изготовления, скребки, черешковые, обработанные с обеих сторон отжимной ретушью, листовидные ножи и наконечники копий, а также много отщепов и ножевидные пластинки (табл. 1; см. цветную вклейку, стр. 64—65). Здесь сохранились также следы охры и костей.

По всей площади этого палеолитического становища среди кострищ или в них самих также попадались следы охры, кусочки красного гематита, каменные отщепы, ножи, наконечники стрел, скребки, халцедоновые резцевидные острия, целые пиррофилитовые бусинки и их заготовки,

² Борисовский П. И. Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40, рис. 89.

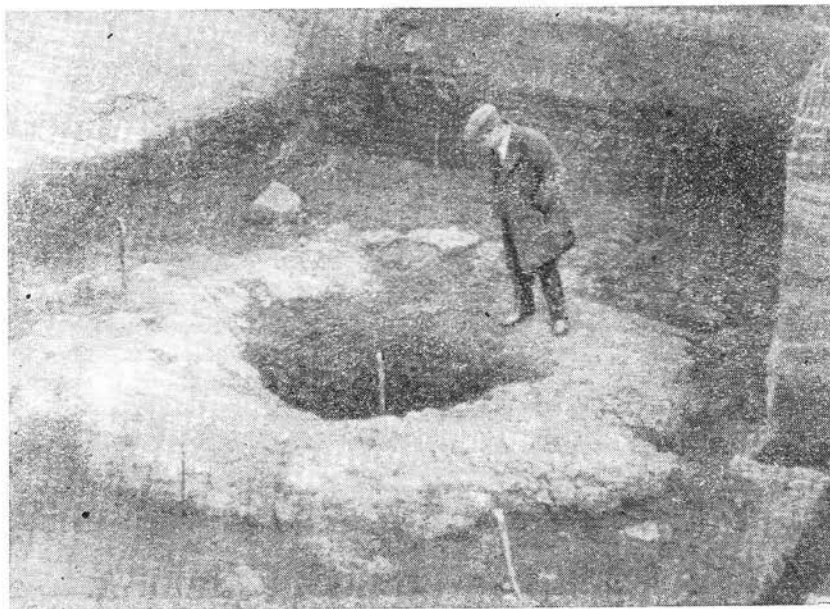

Рис. 10. Палеолитическое погребение в VII слое стоянки Ушки-I

обломки точильных камней, камушки из утиных желудков, следы костей животных.

Центральное положение в рассматриваемом VII слое занимает погребение, достаточно подробно охарактеризованное в наших предыдущих публикациях³. Напомним, что оно было совершено в округлой яме, глубиной 0,7 м и 1,8 м в поперечнике (рис. 10), вырытой с уровня тонкой прослойки песка (слой 28), и что кости погребенного в ней человека сохранились очень плохо — только в виде их следов. Зато прекрасно уцелели обнаруженные в яме пирофилитовые бусинки и резцевидные острия из халцедона (определение геолога М. Л. Гельман). Могильная яма и окружающее ее пространство были обильно засыпаны красной охрой. Именно на этой окрашенной красной охрой площадке вокруг могильной ямы и под выбросом из нее, состоящем из супеси и вулканических бомб из нижележащих слоев (38 и др.), встретились нам первые черешковые метательные наконечники, получившие впоследствии название «ушковских» (табл. 1).

Судя по стратиграфии, погребение относится к более позднему уровню VII культурного слоя: кострища стойбища перекрываются выбросом из могильной ямы. Похоже, что первобытные охотники и рыболовы жили

³ Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (М.), 1967, вып. 17; Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки.— СА, 1969, № 3.

здесь в жилищах типа чумов или вигвамов, жгли здесь и открытые костры в разное время, занимаясь возле них своими повседневными делами. Затем на этом палеолитическом стойбище было устроено погребение и, возможно, стойбище было временно покинуто.

Радиоуглеродные даты угля из заполнения могильной ямы: 13600 ± 250 (ГИН) и 14300 ± 200 (ГИН — 167).

Шестой верхнепалеолитический слой. Он залегает в основании серовато-желтого суглинка (слой 24) и в верхней части серовато-зеленовато-желтого темного суглинка с горизонтальными прослойками песка (25), на глубине около 1,8—1,9 м (рис. 8).

В этом культурном слое сохранились остатки большого, еще полностью не раскопанного поселения. На площади в 1500 кв. м вскрыто уже более 13 различных жилищ. Они распределены более или менее равномерно по раскопанной части стоянки, что хорошо видно по размещению на нашем плане углистых площадок их пола (рис. 11).

Благодаря тонкой методике раскопок, основанной на советском опыте исследования палеолитических жилищ, с достаточной определенностью выявлены планировочные особенности этих замечательных ушковских жилищ сооружений, позволяющие разделить их на три основные группы:

1) жилища слегка углубленные, «грибовидной» формы в плане, с кольцевой обкладкой очага камнями, со входным коридором;

2) округлые в плане жилища с кольцевым обрамлением очага камнями;

3) жилища целиком наземные, неправильно овальных очертаний с неогороженным камнями очагом.

Жилищ первого типа пока раскопано четыре: одно — в северной части раскопа, другое — в западной, два — в восточной.

Вот, к примеру, методика раскопок и устройство первого из них (кстати, это было первое, раскопанное еще в 1965 г., жилище VI слоя). Его контуры в плане (рис. 12а) стали проступать по мере расчистки VI слоя и обнаружения в нем отдельных вещественных находок. Выявление пятна земли, заполнявшей эту очень неглубокую полуземлянку, облегчалось тем, что она была заложена на уровне самого низа слоя 24, прорезала верхнюю песчаную прослойку слоя 25 и отчетливо, таким образом, выделялась на фоне окружающего ее серого песка. Ее пологие низкие борта были четко выявлены на стенах двух шурфов, заложенных на квадратах 13-И и 14-Л. Они четко прослеживались по разрезам, на которых ясно видны были продольный и поперечный профиль основания жилища, заполненного мешаным серовато-желтым суглинком, глубина пола которого от уровня верхнего слоя песка слоя 25 не превышала 30—40 см (рис. 12б).

В процессе раскопок этого жилища для выявления его границ использовались два общепринятых метода в их совокупности: установление границ жилища по профилям и выявление их зачисткой пола от центра по краям. Последнее облегчалось тем, что почти весь пол жилища вокруг его кольцевого очага из камней был покрыт углистой корочкой, постепенно сходящей на нет к краям жилища. Вещи, обнаруженные на полу, не извлекались до окончательного выявления пола жилища по всей его пло-

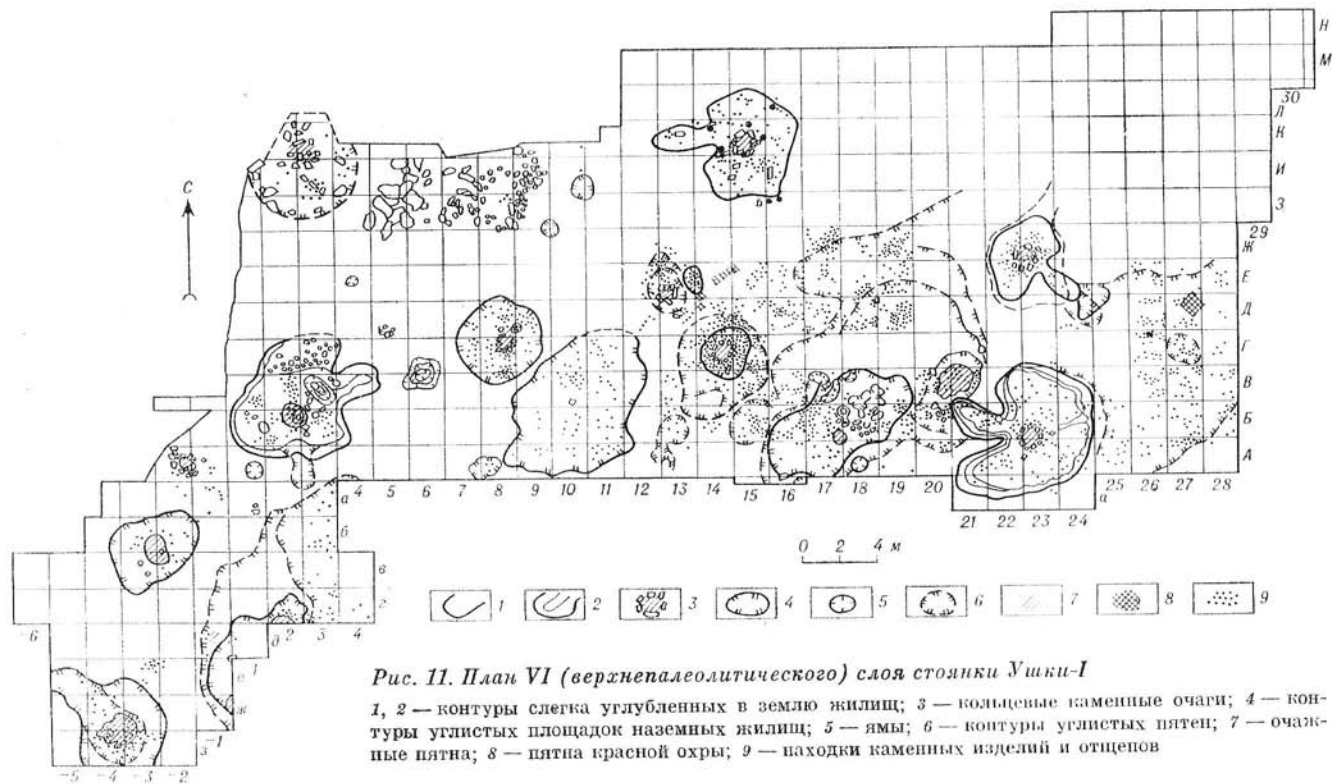
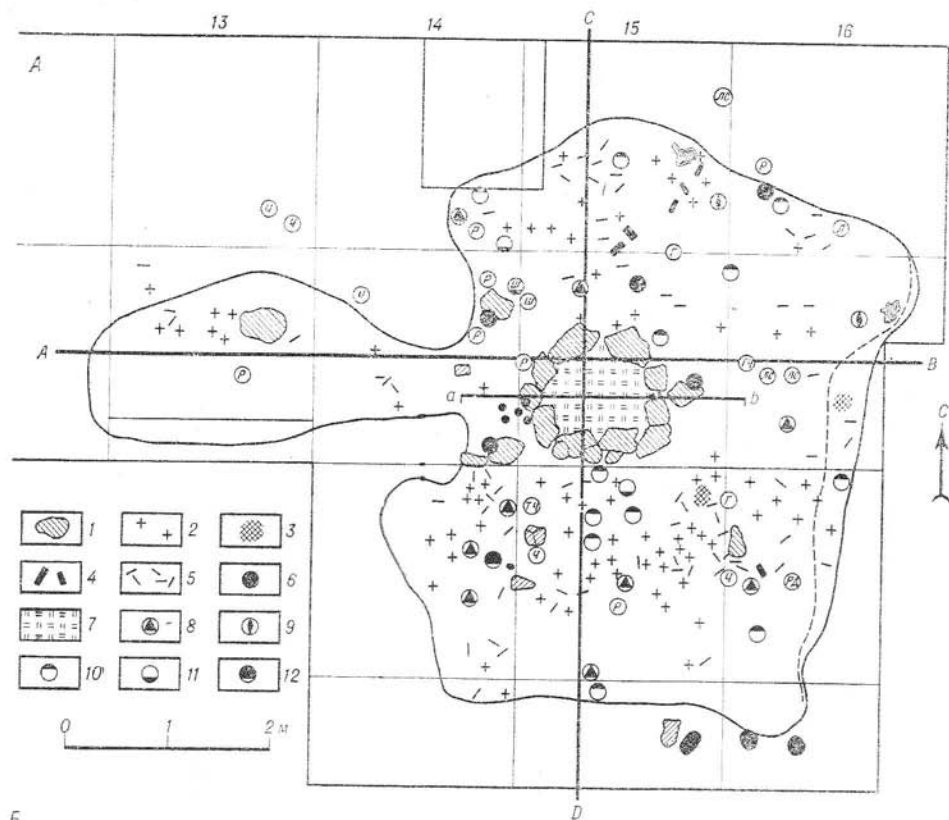

Рис. 11. План VI (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-1

1, 2 — контуры слегка углубленных в землю жилищ; 3 — кольцевые каменные очаги; 4 — контуры углистых площадок наземных жилищ; 5 — ямы; 6 — контуры углистых пятен; 7 — очажные пятна; 8 — пятна красной охры; 9 — находки каменных изделий и отщепов

Б

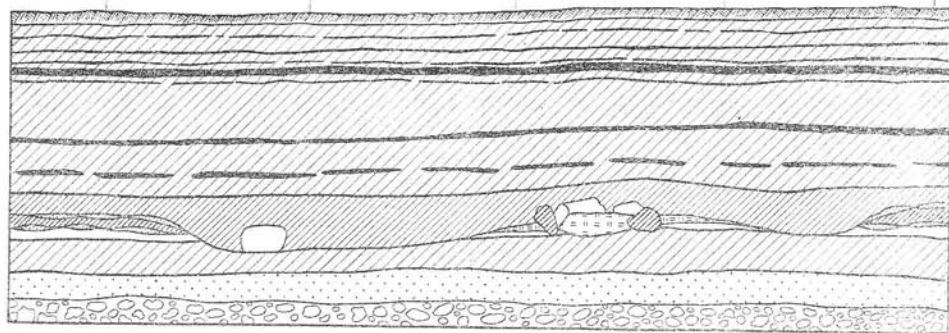

Рис. 12. План и разрез палеолитического жилища в VI слое стоянки Ушки-1

1 — камни; 2 — отщепы; 3 — красная охра; 4 — кости; 5 — ножевидные пластинки; 6 — ямки; 7 — угли; 8 — клиновидный нуклеус; 9 — наконечник стрелы; 10 — скребок; 11 — нож; 12 — скребло; Г — гематит; Р — резец; ЛС — лыжеподобный скол; Ш — шлифованный нож; У — ударное орудие; Рд — пиритовая руда, ТЧ — точильный камень

щади. В результате сочетания названных двух методов расчистки удалось с предельной конкретностью выследить весьма характерные конструктивные особенности впервые обнаруженной на Камчатке палеолитической очень наглубокой полуземлянки. Ее форма в плане оказалась весьма своеобразной: в общем пятиугольная, с неглубокими нишами-закруглениями на углах, коридорообразным входом с западной стороны (вдоль берега озера), кольцевым очагом из крупных плотно уложенных друг к другу камней и со столбами, несущими всю конструкцию, следы которых в виде ямок выявлены как в середине (вокруг очага), так и вдоль ее стен.

Очаг расположен не строго в середине жилища, а ближе к его входу, так что две ямки (по 15 и 20 см в поперечнике) от столбов — с западной стороны, находятся вместе с тем по обеим сторонам туннелевидного входа в жилище. Видимо, эти два столба были подперты каждый большим камнем, которые лежат сейчас, прикрывая частично эти ямки. Две других ямки от столбов (по 10—15 см в поперечнике) оказались с северо-восточной стороны очага. Похоже на то, что на эти четыре столба опиралась рама входа через дымовое отверстие (ительменская, корякская и вместе с тем встречающаяся у индейцев конструкция), остальные четыре столба (ямки от них по 10—15 см), располагавшиеся по краям жилища, служили, видимо, для укрепления стен и для опоры стропилам крыши. Последняя была скорее всего из шкур животных, а стропила — деревянными, так как нет каких-либо определенных признаков ее другого устройства (например, столь обычных для перекрытия палеолитических жилищ, костей крупных млекопитающих).

С западной и восточной сторон очага обнаружено по 4—5 ямок меньшего диаметра (около 5 см), служивших, видимо, для укрепления тагана.

Исследование разреза очага показало сложную структуру его напластований, свидетельствующую о долговременном, но вместе с тем периодическом, сезонном обитании людей в данном жилище. Внутри очага скопился мощный слой углисто-костной массы, в котором хорошо различаются три последовательных фракции: сверху слой золы и угля в 10—15 см толщиной, посередине — более плотный слой золы и угольков около 5 см толщиной и в самом низу — смесь из золы, мелких древесных угольков и очень мелких обожженных остатков костей различных животных, среди которых различимы косточки птиц и рыб. Мощность этой самой нижней фракции около 5 см. С внешней стороны очага, под камнем, примыкающим снаружи к очажному кольцу, четко видны 7 тонких углистых прослоек, разделенных тонкими стерильными прослойками серо-желтого суглинка. В этом чередовании углистых и стерильных прослоек — бесспорное свидетельство определенной периодичности в обитании людей в жилище.

Вполне естественно, что подобные прослойки не прослеживаются на более значительном расстоянии от очага: там земляной пол утаптывался и углистые прослойки утаптывались и перемешивались вместе с вещами и их обломками, валявшимися на нем. Именно поэтому мы наблюдали в центральной части вокруг очага довольно значительную (до 2—3 см толщиной) углистую «корочку» пола, постепенно сходящую на нет к зад-

ней и боковым стенам жилища, но довольно интенсивную в туннелевидном проходе. Все вещественные находки были встречены в этом углистом слое вокруг очага (в самом очаге попала только одна пожевидная пластинка).

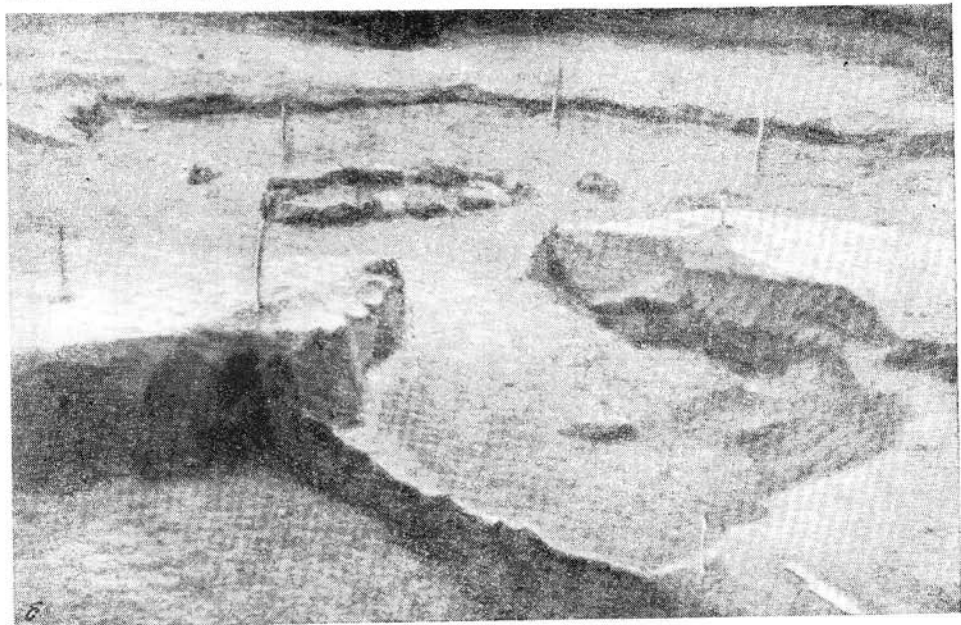
Из более крупных предметов домашнего обихода и хозяйственного следует отметить полуметровый камень-наковальню в коридорообразном входе в жилище и две оббитых каменных заготовки меньшего размера в южной части жилища. Возле последних двумя группами лежали большие каменные орудия труда: ближе к входу валялись большое базальтовое клиновидное орудие, заготовка скребла высокой формы (табл. 6). Остальной каменный инвентарь в жилище более или менее равномерно рассеян вокруг очага вплоть до стен. Это клиновидные нуклеусы с микропластинками и лыжевидными сколами (табл. 3), продолговатые листовидные наконечники стрел (табл. 4, 1, 2), ножи-бифасы (табл. 5, 2) и скребки (табл. 4, 4, 8; табл. 5, 9—13), кусочки пришлифованной абразивной пемзы (табл. 5, 14, 16), комки и пятна красной охры, обломок лопатки из кости крупного животного, вероятно, мамонта (табл. 4, 3), следы костей животных. Кроме того, пол землянки был обильно усыпан каменными отщепами и пожевидными пластинками маленьких размеров, причем они встретились даже на полу коридорообразного входа.

Примерно такой же состав находок выявлен и в других трех жилищах первого типа. Однако в северо-восточной полуземлянке, оказавшейся трехслойной, в полу среднего ее уровня обнаружено погребение домашней собаки (определение И. Н. Верещагина), а в западном — погребение с пока еще неопределенными костями. Самое большое грибовидное жилище (рис. 13, а и 13, б) — на юго-восточном краю раскопа — оказалось и самым бедным по находкам. Общей особенностью всех этих жилищ, так же как и остальных ушковских палеолитических жилищ является наличие в их очажной углистой массе пережеванных очень мелких обломков костей, в том числе и рыбных, вероятно, лососевых (определение Е. А. Цепкна).

Ко второму типу жилищ относятся по крайней мере четыре округлых площадки с каменными очагами. Одна из них — в северо-западном углу раскопа, там где имеются выходы скалы, обильно использованные, кстати, при сооружении этого жилища, остальные три — в центре раскопа между грибовидными жилищами (их очаги размещаются на кв. 8—Г, 13—Е и 14—Г). Вероятно, еще одному жилищу подобного устройства принадлежит очаг с раскиданными камнями в кв. (—2) — А.

Наконец, среди углистых площадок в шестом культурном слое хорошо выделяются следующие пять, которые вполне могут быть отнесены к жилищам третьего типа: на юго-западном участке раскопа — две и между западным и юго-восточным грибовидными жилищами на южной стороне раскопа — еще три. Среднее из этих пяти углистых «топталниц» наиболее обширное, площадью около 48 кв. м. В его кострище (в кв. 10—В) сохранился обожженный очажный камень.

Следует отметить, что четкое разграничение между перечисленными типами жилищ не всегда возможно и в значительной мере условно. Жилища второго типа могут быть в отдельных случаях плохо сохранивши-

*Рис. 13. Раскопки палеолитического жилища в VI слое стоянки Ушки-1
 а — вид на очаг со стороны входа в жилище; б — общий вид жилища*

мися жилищами первого типа, или являются более уцелевшими вариантами жилищ третьего типа. Бесспорно наличие на этом становище крайне противоположных типов — первого и третьего.

Судя по остальным размытым углистым площадкам на юго-западной и восточной сторонах раскопа, на становище были и другие жилища,

целиком наземные сооружения. Они, вероятно, перекрывали друг друга, но от них не сохранилось четких следов.

В восточной части раскопа культурный слой был рассечен сравнительно слабо выраженным мерзлотным полигональным растрескиванием. Желоба протаивания — неширокие (до 15—20 см) и неглубокие (около 10—15 см) — имели клиновидное поперечное сечение, и на дне их прослеживались охристые красноватые осадки. В этой части раскопа нами была выявлена большая углистая площадка, уходящая за восточный борт раскопа, с большим очажным пятном (около 2 м в поперечнике) посреди нее (в кв. 27—Г), с каменными отщепами, ножевидными пластинками, ножом и клиновидным нуклеусом внутри его и с двумя пятнами красной охры рядом.

Для полноты обрисованной картины этого интереснейшего палеолитического становища следует добавить, что сохранились на нем также отдельные пятна кострищ (в кв. 10 — З, 11 — И, 8 — А) и отдельные ямы (в кв. 1—А, 18—А, 13—Е, 4—Е). В одной из таких ямок (в кв. 4—Е) оказался «клад» каменных листовидных наконечников прекрасной выделки. Встречались и другие находки каменных изделий за пределами жилищ, как видно по плану слоя VI (рис. 12), но большинство их часто все же концентрировалось внутри жилищ. В каждом из них независимо от типа мы встречали обилие изделий и отходов камнеобрабатывающей техники, но сводилось оно в основном к клиновидным нуклеусам и снятым с них микропластинкам и лыжевидным сколам, к бифасам (ножам и удлиненным листовидным наконечникам), скреблам и скребкам, грубым ударным орудиям и к декоративным подвескам. В слое были встречены остатки зубов бизона и лемминга (определение Н. К. Верещагина).

Радиоуглеродный возраст углей из слоя VI: $10\ 360 \pm 350$ (Мо — 345) и $10\ 760 \pm 110$ (МАГ — 219), а также $21\ 000 \pm 100$ (ГИН — 186). Последняя дата по образцу угля, залегавшему в непосредственном контакте с вулканическим пеплом, над повышением цоколя террасы (на кв. 3 — К).

Пятый финальнопалеолитический слой. Пятый культурный слой (V) прослеживался в нижней части буровато-желтой супеси (слой 23), на глубине 1,3—1,5 м (рис. 6). В этом слое, содержащем остатки одной из наиболее поздних на Северо-Востоке Азии верхнепалеолитических культур, оказались следы четырех наземных жилищ, имевших, вероятно, вид шалашей (рис. 14).

От первого жилища, обнаруженного в юго-западной части раскопа, сохранилась овальная, совершенно плоская площадка его основания, постепенно выклинивающаяся к периферии. Ее длина — 7 м, ширина — 4 м. Никаких признаков «плечиков» или других признаков жилой выемки не оказалось. От очага в середине жилища сохранилось только два обгоревших камня (поперечником около 20 см). Неподалеку от них обнаружены две ножевидные пластинки и отщеп.

От второго жилища (в северо-восточной части раскопа) тоже сохранилась углистая площадка пола, но она была округлой в плане, около 6 м поперечником. Ничего, кроме двух обожженных камней, от очага и одного кремневого отщепа в жилище не уцелело.

От третьего жилища, расположенного рядом со вторым, северо-восточ-

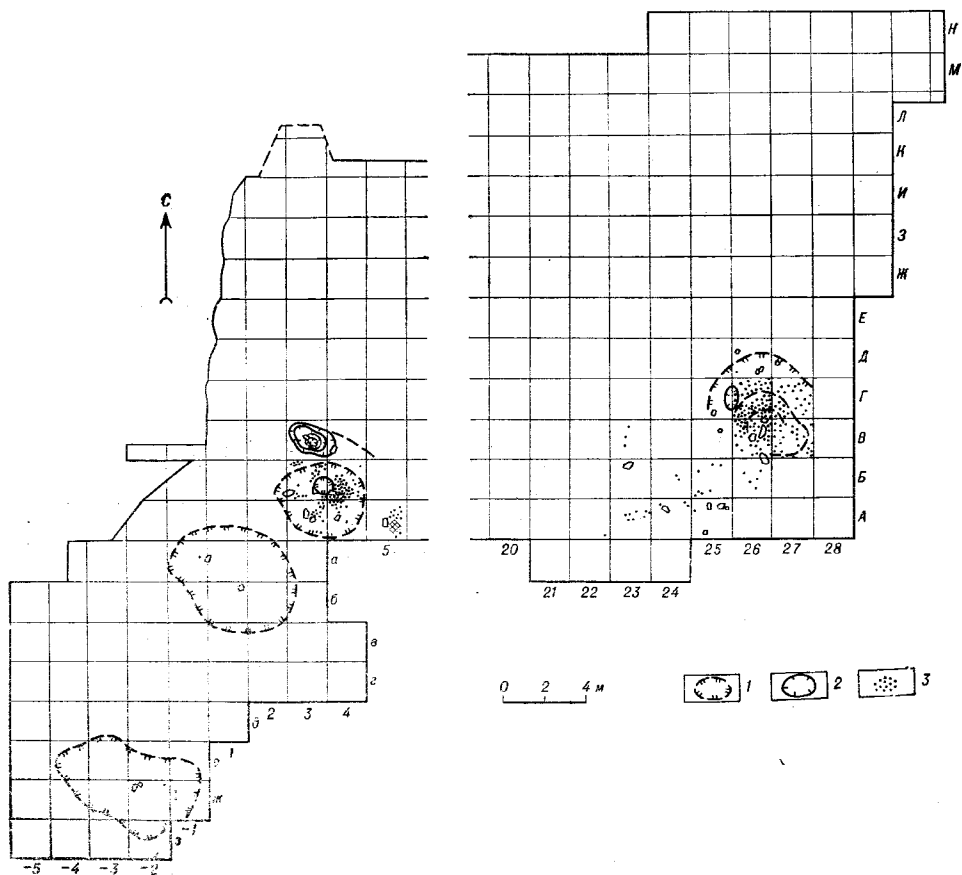

Рис. 14. План пятого (финальнопалеолитического) слоя стоянки Ушки-1

1 — контуры углистых пятен оснований наземных жилищ; 2 — ямы; 3 — каменные изделия и отщепы

нее его, сохранилась округлая и плоская углистая площадка основания, постепенно выклинивающаяся к периферии. Диаметр этой горизонтальной площадки около 4 м. Никаких признаков плечиков или других признаков жилой выемки не оказалось, зато рядом в кв. В—3 была обнаружена овальная яма (2×1,5 м в плане) глубиной 0,6 м от уровня слоя V, с которого она вырыта. В яме, заполненной мешаной землей, никаких вещей не было, но заметны следы совсем истлевших костей животных. Основные вещественные находки концентрировались на углистой площадке жилища, вокруг очага, преимущественно с южной и восточной его стороны. Сам очаг представлял собой, очевидно, выкладку из камней, но в первоначальном своем виде не сохранился. Только три камня находились возле округлого кострища в середине жилища, остальные четыре были

раскиданы по сторонам. Все эти камни — обгоревшие, а один из них, самый большой (до 0,6 м в длину), имел плоскую поверхность и, возможно, служил для жарения на нем рыбы (подобно тому, как это практиковалось еще недавно у местного коренного населения). Заметим при этом, что в костре среди горелой костной массы ясно прослеживались отдельные обгоревшие рыбы косточки, преимущественно позвонки и ребра. Итак, вещи найдены вокруг очага. Это три каменных нуклеуса (один из них клиновидный), ножевидные пластинки, отщепы, три каменных скребка и один нож. Интересно, что к югу от очага было два скопления обсидиановых микроотщепов, что свидетельствует, вероятно, о ретушировании здесь, в жилище, каменных изделий. В четырех местах сохранились следы сгнивших костей. Вокруг этого жилища находки незначительны: обломок ножа и несколько отщепов в кв. Б—3 и пятно охры с камнем и еще несколько отщепов — в кв. А—5.

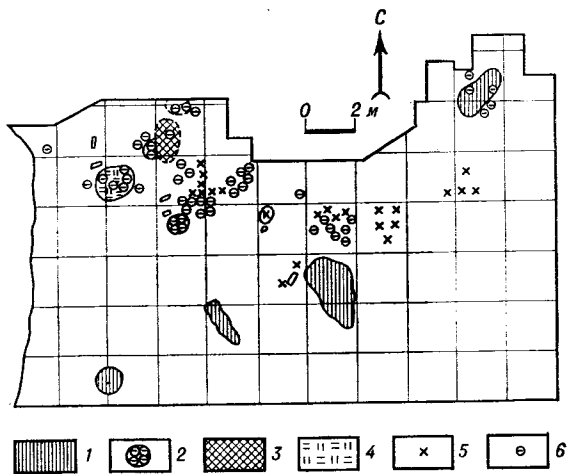
Более многочисленными были находки в четвертом жилище на восточной стороне стоянки. От него тоже сохранилась горизонтальная углистая площадка округлых очертаний без каких-либо признаков плечиков (рис. 14). Тремя концентрическими пунктирными линиями мы показали на плане степень насыщенности этой площадки углем. Наивысшая она в середине, где лежат три больших обгоревших камня, конечно, очажных, наиболее слабая — к периферии. К северо-западу от очага наблюдалась овальная, очень неглубокая ямка (длина чуть более 1 м, глубина около 15—20 см). Вероятно, и в этом наземном жилище часть камней очага была смещена с первоначального места на довольно значительные расстояния — в квадраты 27—Б, 27—Г, 26—Б. Находки распределялись так, как показано на плане (рис. 14) — очень густо в очаге и вокруг него. На периферии жилища находок было значительно меньше. Обращает на себя внимание присутствие здесь кусочков гематита (в кв. 26—В, 26—Г), осколков горелых костей, точильных песчаниковых камней, мелких камешков из утиных желудков. Среди каменных изделий преобладали отщепы, ножевидные пластинки, клиновидные и обычные нуклеусы. Встретились здесь также два наконечника (листовидные) стрел, пять скребков, четыре ножа, резец (табл. 7). Как и в первом жилище, возле одного из камней (в кв. 27—Г) найдено очень много микроотщепиков-чешуек из обсидиана и кремня от ретуширования каменных изделий.

Что касается промежуточной площадки между двумя последними жилищами, то там находок нашлось немного. Все они тяготели к четвертому жилищу (рис. 14). Здесь было три каменных ножа, два скребка, два точильных песчаниковых камня, обломки костей животных, отщепы и ножевидные пластинки. В кв. 25—Б был найден комок рассыпавшегося глауконитового песчаника зеленого цвета.

Раннеолитический слой IV. Прослежен в черной погребенной почве (слой 20) сразу же под слоем V пепла (рис. 8). В западной части раскопа оказались две ямки (2,1) с плоским дном глубиной 0,4 и 0,3 м (диаметр первой около 1 м, второй — 0,5 м), содержащие отдельные угольки (рис. 15). В этих ямках обнаружены обсидиановые ножевидные пластины. Остатками погребения, возможно, является большое пятно охры овальной формы (1,3×0,7 м), где также оказались ножевидные пластин-

Рис. 15. План четвертого (ранне-неолитического) слоя стоянки Ушки-1

1 — ямы верхнего культурного слоя; 2 — ямы данного слоя; 3 — пятно красной охры; 4 — угли; 5 — отщепы; 6 — ножевидные пластинки

ки и следы совсем разрушившихся костей, вероятно, человека, хотя сохранность их настолько плохая, что утверждать это нельзя. Одна из ножевидных пластинок обнаружена *in situ* в пазу длинного костяного стержня. Большое количество ножевидных пластин, три призматических нуклеуса и отщепы найдены в северной части раскопа (табл. 8).

Средне-неолитический слой III фиксируется десятью сантиметрами выше пеплового слоя V, в светло-желтой супеси (слой 18). В этом культурном слое (на кв. 1—Ж) обнаружены два обсидиановых черепков трехгранных наконечника стрел, а в стороне — несколько ножевидных пластинок (табл. 9).

Поздне-неолитический слой II прослеживался в желтовато-серой слоистой супеси (слой 16) между IV и V слоями пепла. В трех местах слой разрушен прорезающими его ямами верхнего слоя (от землянки, жертвенного места). На плане эти места отмечены вертикальной штриховкой (рис. 16). В центральной части раскопа удалось проследить 17 необгоревших деревянных жердей (диаметром 15—20 см), сохранившихся полностью, и четыре ямки от столбов такой же толщины. Допустимо предположение, что это остатки разрушившегося жилища на столбах. Никаких признаков другого рода жилищ во втором слое не обнаружено. Зато вполне определенными следами обживания Каменного мыса в период второго культурного слоя являются 10 различных ям. Семь из них (1—7) бесспорно хозяйственного назначения. Они разного размера и формы (рис. 16), но внутри каждой встречены рыбы кости и угольки. Трудно определить, для чего служили три других ямы (8, 9, 10), округлые, чашевидной формы. Их неподходящий пока объяснению особенностью является то, что эти ямы четырехслойные: внутри внешней, большей по диаметру (1,6 м) ямы, устланной остатками бересты, устроены три чашевидных углубления меньших диаметров (1,2 м, 0,8 м, 0,4 м), наподобие «матрешки» расположенных одно внутри другого и тоже выстланных берестой. Можно предположить, что эти ямы — вместилища для какой-то жид-

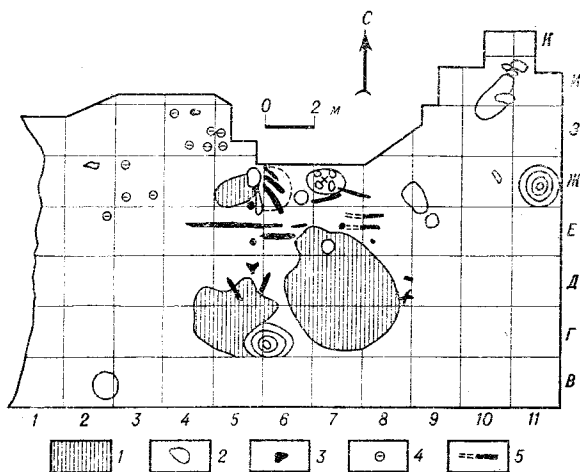

Рис. 16. План второго (неолитического) слоя стоянки Ушки-1

1 — ямы верхнего культурного слоя; 2 — ямы; 3 — остатки столбов; 4 — пожевидные пластинки; 5 — горелые жерди

кости. Не исключено, что жидкость в таких ямах могла разогреваться раскаленными камнями.

В западной части раскопа оказалась большая часть каменных изделий: пожевидные пластинки, два обсидиановых скребка и два шлифованных обломка желтого песчаника.

Культурный слой I (перезиточный неолит). К этому слою отнесены все культурные остатки, встреченные во вскопанной под огород земле между дерном и пеплом IV (между 1 и 12 слоями). Преобладающая часть находок этого культурного слоя относится к верхнему горизонту, идущему непосредственно под дерном (рис. 8). Находки по своему облику здесь нередко весьма архаичны (например клиновидные нуклеусы, пожевидные пластинки), и это объясняется примесью из нижележащих слоев II, III, IV, V и VI. Смешанность данного слоя совершенно очевидна. О ней свидетельствует явная нарушенность нижележащих пепловых прослоек, прорезанных землянкой и ямой, о которых речь будет ниже. Не проникают эти ямы только в VII культурный слой, благодаря чему примесь культурных остатков из него здесь совершенно исключена.

Верхний культурный слой сохранил остатки сезонного, зимнего поселения древних рыбаков (рис. 17). В центре располагалась небольшая землянка площадью около 12 кв. м, рядом с ней — жертвенное сооружение, а вокруг — множество кострищ и ям хозяйственного назначения.

Становище верхнего слоя на Каменном мысе погибло от пожара и благодаря этому неплохо сохранилось. Последствия пожара ярко предстали перед нами, когда мы раскопали землянку. Под оранжевой перегоревшей землей лежали полностью обуглившиеся жерди остова жилища, местами под ними — береста, тоже обуглившаяся. Между жердями и ниже до пола — местами оранжевая, местами синеватая земля. Пол углистый, кое-где на нем обрывки обожженной бересты и соломы. Под углистой корочкой пола — розовато-желтая костная масса очага (рис. 18). Расположение рухнувших деревянных стропил и жердей земляной крыши,

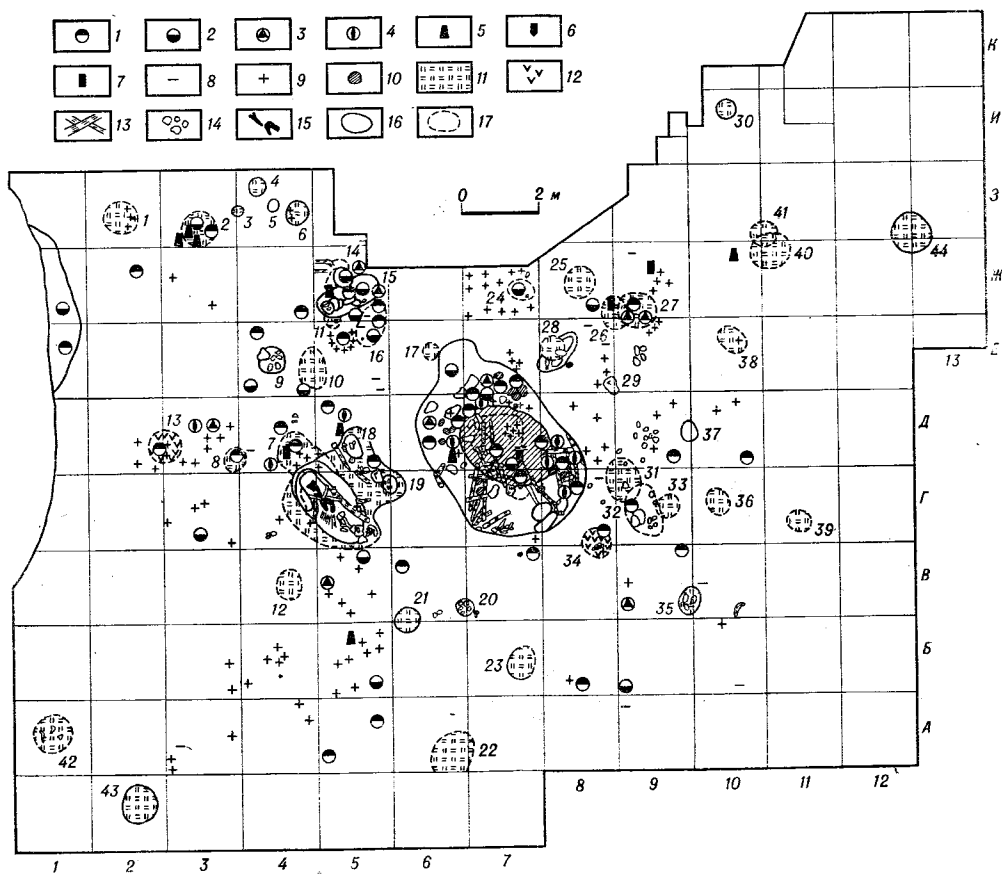
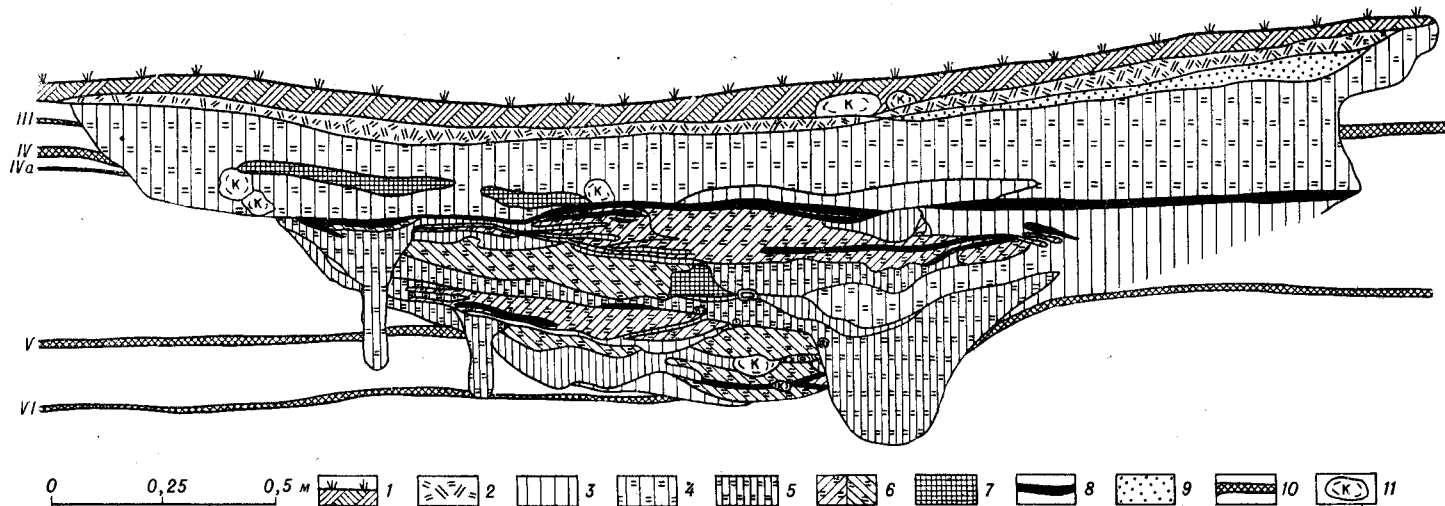

Рис. 17. План первого (верхнего) слоя стоянки Ушки-1

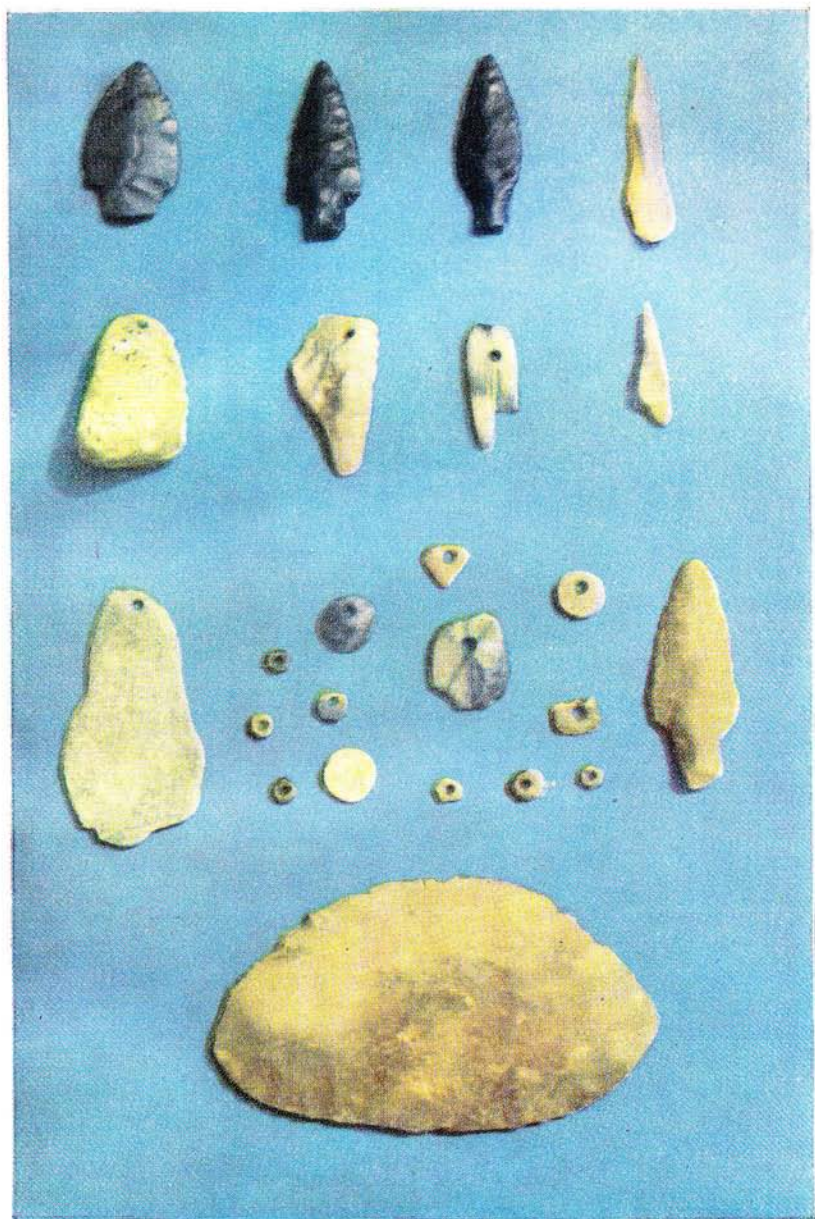
1 — каменный скребок; 2 — нож; 3 — клиновидный нуклеус; 4 — наконечник стрелы; 5 — топор; 6 — резец; 7 — призматический нуклеус; 8 — ножевидная пластинка; 9 — отщеп; 10 — ямки от столбов; 11 — угли; 12 — обломки костей; 13 — обуглившиеся жерди; 14 — камни; 15 — обуглившийся макет рыбы из жердей; 16 — ямы; 17 — контуры кострищ

наличие ямок от столбов на полу жилища вокруг центрального очага позволяют вполне определенно восстановить вид жилища. Это была землянка явно ительменского типа: стропила крыши опирались нижними концами на края жилого углубления, верхними — на четырехугольную раму, покоившуюся на центральных столбах. Крыша была, очевидно, покрыта берестой, а поверх нее — дерном и землей. Вход был со стороны реки, в виде короткого коридора. Над костром было дымовое отверстие в крыше (у ительменов оно служило вторым входом). Сам очаг очень велик, занимает одну треть полезной площади землянки. Это округлой формы (до 2 м в поперечнике) скопление золы и пережженных костей: рыбных, птичьих и др. Толща этой плотной костной массы розоватого цвета

Рис. 18. Разрез через жилище верхнего слоя стоянки Ушки-I

1 — дерн; 2 — корье; 3 — суглинок; 4 — суглинок светло-коричневый с угольками; 5 — суглинок темно-коричневый; 6 — костная горелая масса розового цвета; 7 — подочажный оранжевый суглинок; 8 — углистые прослойки; 9 — серый песок; 10 — вулканический пепел; 11 — камень

Каменные наконечники стрел, резцевидные остря, подвески и халцедоновый нож из палеолитического слоя VII Камчатской стоянки Ушки-1

достигает метра и состоит из четырех отдельных слоев, очевидно соответствующих основным периодам обитания в землянке (см. разрез очага землянки, рис. 18). В костной очажной массе и вокруг очага встречено довольно большое количество отщепов из глинистого сланца и немало орудий труда, но так как землянка глубоко врезана в нижние слои, то все это — смешанный комплекс из разных культурных слоев стоянки. Здесь оказались восемь ножевидных пластинок, листовидные ножи-бифасы из черного кремнистого сланца, нож-бифас треугольной формы из зеленого глинистого сланца, трапециевидное тесло из зеленого кремнистого сланца, миниатюрное зубило из коричневого кремня, два обломанных обсидиановых наконечника стрелы, три срединных и два боковых резца из кремнистого сланца, пять клиновидных пуклеусов из кремнистого сланца и один из зеленого кремня, несколько скребел (часть из них высокой формы), десять различных скребков и, в том числе, концевые, обломок шлифовального камня, костяной нож с отверстием, а также два костяных наконечника и двузубчатый гарпун, фрагмент игольника из кости и костяная рыбовидная фигурка (табл. 10).

Хозяйственные ямы имеют различное устройство. В каждой из них обнаружены остатки рыбных косточек, угольки, камни.

Наиболее крупная яма (в кв. 5—5) существенно отличается от всех прочих и, будучи перекрытой остатками сгоревшего шатра, очень напоминает собой жертвенное место (рис. 19). Примечательно и то, что на различных ее уровнях сохранились следы костров с обильными остатками пережженных рыбных костей (рис. 20). Но самое интересное, что на глубине 1,2 м между двумя очажными прослойками в ней оказались остатки перегоревших жердей, как бы образующих схематическое изображение рыбы (рис. 19). В головной части (разрушенной) этой рыбободобной выкладки из жердей оказались головные рыбы косточки, а на куске бересты, изображавшей, очевидно, желудок — рыбы кости остальной части скелета. Каменных изделий в этой яме оказалось мало, и почти все они преимущественно встречены по ее краям: обломок обушка тесла из черного кремнистого сланца, кремневый пуклеус, два скребка и две ножевидных пластинок.

Кроме четырнадцати ям, в верхнем слое стоянки оказались остатки от 30 отдельных кострищ. О том, как были расположены в верхнем культурном слое все прочие вещественные остатки человеческой деятельности, позволяет судить общий его план (рис. 17). Встреченные среди них костные остатки, судя по определению В. И. Цалкина, принадлежат северному оленю (3/1), лисице (3/1), выдре (1/1) и птицам (23).

Радиоуглеродные даты угля из слоя I: 235 ± 145 (Mo) и 675 ± 80 (ЛЕ—70).

Вторая Ушковская стоянка (Ушки-II) (2)

Располагается в 500 м к востоку от первой стоянки (рис. 5). Пятислойная и в верхней части она имеет такую же точно стратиграфию, как и первая стоянка.

Еще в 1962 г. здесь был заложен раскоп площадью в 48 кв. м на глубину в 2 м. Тогда же была исследована стратиграфия этой стоянки,

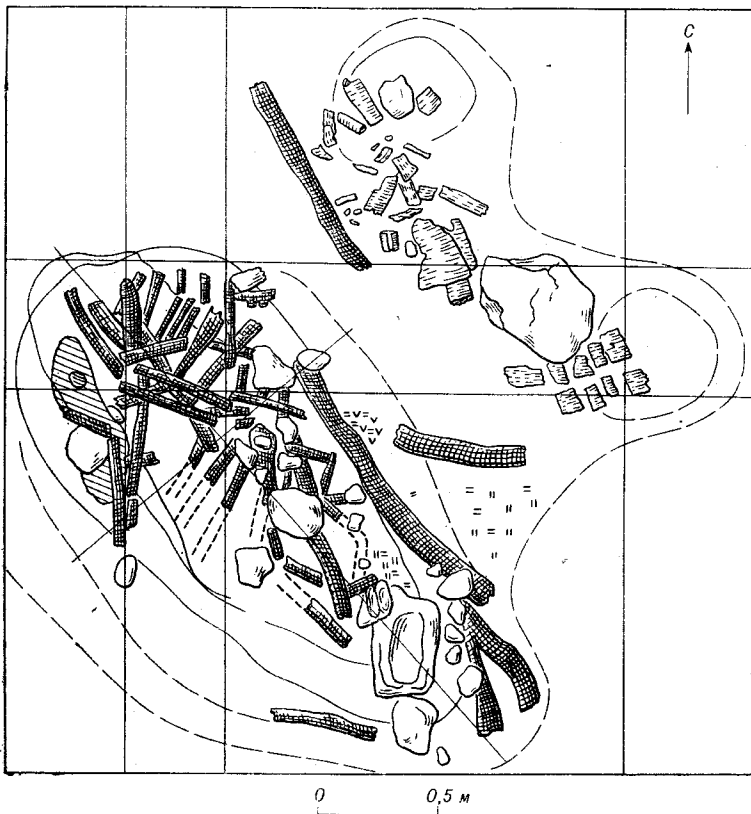

Рис. 19. План жертвенного сооружения в верхнем слое стоянки Ушки-1

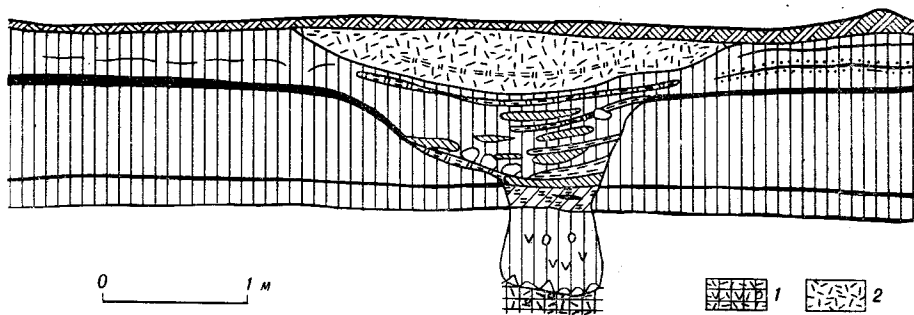

Рис. 20. Разрез через жертвенную яму в верхнем слое стоянки Ушки-1 (см. условные обозначения на рис. 18)

Разрез продольный Ушки 2

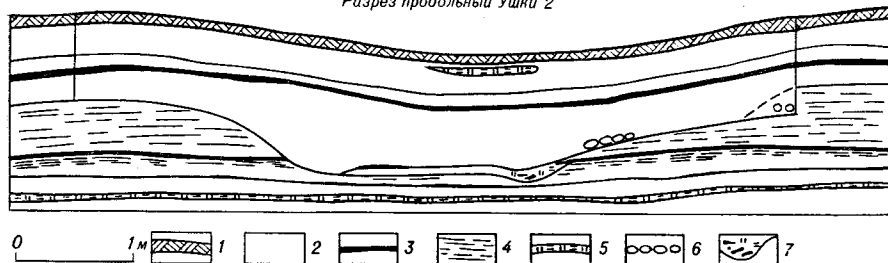

Рис. 21. Разрез стоянки Ушки-II

1 — дерн; 2 — суглинок; 3 — вулканический пепел; 4 — слоистые прослойки; 5 — углистые прослойки; 6 — камни; 7 — очаг с утиными костями

выявлены все ее культурные слои вплоть до самого нижнего финального палеолитического, соответствующего слою V Первой Ушкковской стоянки (рис. 21). В верхнем слое тогда был обнаружен очаг, в слое II — небольшая полуземлянка, а в нижнем, финальнопалеолитическом — скопление каменных изделий, тоже свидетельствующие о наличии какого-то жилища, очевидно, наземного типа.

В 1964 г. здесь были предприняты довольно значительные раскопки, в результате которых общая площадь раскопа достигла 260 кв. м. По обе стороны прежнего раскопа было вскрыто еще 212 кв. м, в результате чего раскоп принял в плане очертания вытянутого вдоль берега правильного прямоугольника длиной в 26 м, шириной в 10 м (рис. 22).

Стратиграфия по всей этой площади в общем и целом почти такая же, как и Первой Ушкковской стоянки. Ей присуща следующая почти одинаковая для всей площади раскопа последовательность напластований (рис. 21).

	см
1. Растительный слой	8
2. Супесь черная гумусированная, местами углистая (культурный слой I-a)	3—10
3. Пепел вулканический (I)	2—4
4. Супесь черная гумусированная, местами включающая угли (культурный слой 1-6)	2—3
5. Супесь светло-коричневого цвета	4—20
6. Пепел вулканический (II)	1—2
7. Супесь коричневого цвета, местами с прослойкой крупного темно-серого песка в средней части слоя	5—25
8. Супесь светло-коричневого цвета, в верхней части содержащая прослойку вулканического пепла (III), подстилаемую прослойкой вулканического песка, ниже которого содержатся остатки материальной культуры (культурный слой I-в)	10—30
9. Пепел вулканический (IV)	6—10
10. Супесь желтовато-серого цвета с прослойкой вулканического пепла (IV-a) и культурными остатками (культурный слой II) в верхней части	60—70

11. Супесь светло-желтого цвета с культурными остатками в верхней части (культурный слой III)	6—10
12. Вулканический пепел (V)	4—6
13. Супесь черного цвета, гумусированная, с культурными остатками (культурный слой IV)	10—15
14. Супесь охристого цвета	5—15
15. Пепел вулканический (VI)	2—4
16. Суглинок буровато-желтого цвета	15—30
17. Суглинок серый, плотный, спрессованный, с культурными остатками (культурный слой V)	25—30

Глубже, как показал разведывательный шурф в квадратах Д—7, 8, 9 идут супесчано-суглинистые прослойки без вулканических пеплов и без культурных остатков общей мощностью 50—55 см (слои 18, 19, 20). Еще глубже слой руслового песка (слой 21) зеленовато-серого цвета (25—30 см), под которым на большую, но неизмеренную глубину залегает тоже русловый конгломерат, состоящий из обломков слабо окатанных вулканических бомб (слой 22).

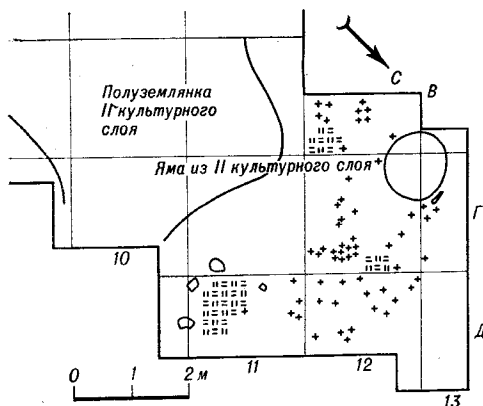

Рис. 22. План пятого слоя (финальнопалеолитического) стоянки Ушки-1 (условные обозначения см. на рис. 17)

Рассмотрим теперь результаты раскопок каждого из пяти культурных слоев.

Финальнопалеолитический слой V. Этот слой перекрыт ненарушенной пепловой прослойкой и поэтому является несмещанным. В нем выявлены четыре маленьких ямки (15—25 см в поперечнике, глубиной в 20 см) и следы костра. Встретилось довольно значительное количество каменных изделий и отщепов (рис. 14).

Каменные изделия представлены следующими категориями: клиновидные нуклеусы (табл. 11, 1—6), скребками концевыми, грушевидной формы (табл. 11, 12, 16, 17, 18), скребками концевыми короткими невыработанной формы (табл. 11, 13, 15, 17), обломками наконечников стрел узкой листовидной формы (табл. 12, 10, 11), нуклеусами невыработанной подпризматической и подконусовидной формы (табл. 12, 2, 8), отщепами пластинчатыми (табл. 12, 1, 3, 10) и ножевидными пластинками

(табл. 11, 18). Кроме того, встретилось массивное скребло из плоской гальки, грубо оббитое с одной стороны по ее продольному краю (табл. 12, 9), и несколько заготовок орудий.

Кремневых осколков разного цвета оказалось 41 шт., отщепов из глинистого сланца — 13, кусков пемзы — 3, мелких ножевидных пластинок из кремнистого сланца — 8 шт.

Ранненеолитический слой IV прослеживается сразу же под пепловым слоем V в черной гумусированной супеси (слой 14) в самой ее верхней части. Расположение находок (рис. 23) на этом уровне совсем обратно тому, каксе наблюдалось в вышележащем, третьем культурном слое. В северо-западной половине раскопа находки были сравнительно редки, основное их количество было сосредоточено в юго-восточной половине; там отщепов, ножевидных пластин и различных каменных изделий обнаружено так много, и они размещались так густо, что вряд ли может быть сомнение в том, что и здесь встретились остатки пола какого-то наземного жилища вроде чума или шалаша. Судя по размерам этого скопления находок, площадь жилища была весьма значительной — не менее 60 кв. м. В средней части этой, насыщенной остатками человеческой деятельности, площадки сохранились следы от очага в виде углистого пятна округлых очертаний 60 см в поперечнике. Возле были найдены мелкие осколки кальцинированных костей и совершенно плоская обточенная галька как бы с прочерченным рисунком (в кв. В—7). Вокруг всюду было множество мельчайших каменных чешуек — явный признак интенсивной производственной деятельности: окончательной обработки и ретуширования здесь, на этом месте, каменных изделий. Каменные изделия, встреченные среди всего этого обилия отходов и полуфабрикатов — ножевидных пластин (порой весьма крупных, до 16 см), призматических, конических и карандашевидных нуклеусов (табл. 14) — были следующие: во-первых, сами ножевидные пластинки, обработанные ретушью или резцовыми сколами (табл. 15, 4, 5; 14, 1—5). Последние в кв. В—7, 8; Г—6. Затем, полностью ретушированные наконечники стрел ромбического поперечного сечения с коротким треугольным черешком в кв. В—7, В—7, Г—7, Г—8, Д—8 (табл. 16, 2—6, 11), один грубо ретушированный крупный наконечник стрелы с широким черешком (табл. 16, 1), два обломка частично ретушированных наконечников стрел или дротиков, сделанных из больших ножевидных пластин, с широким и длинным нечетко намеченным черешком (табл. 16, 7, 12). Один листовидный, двусторонне ретушированный наконечник стрелы (табл. 16, 4). Большой, массивный, листовидный нож-бифас (табл. 15, 9) и обломок такого ножа меньшего размера (табл. 16, 12). Скребки преимущественно концевые (табл. 16, 13, 16; 15, 1, 2, 3) в кв. В—8, Г—7, А—8. Наконец, особенно примечательным среди всех этих находок является тесловидно-скребловидное орудие, обработанное со всех сторон сколами и без каких-либо признаков шлифовки (табл. 16, 11) в кв. Г—8. Шлифованных орудий в этом слое вообще не оказалось, так же как не оказалось и керамики.

Особо следует отметить, что данный слой является несмешанным, так как с его уровня не вырыто никаких ям, нарушающих нижележащие пепловые прослойки.

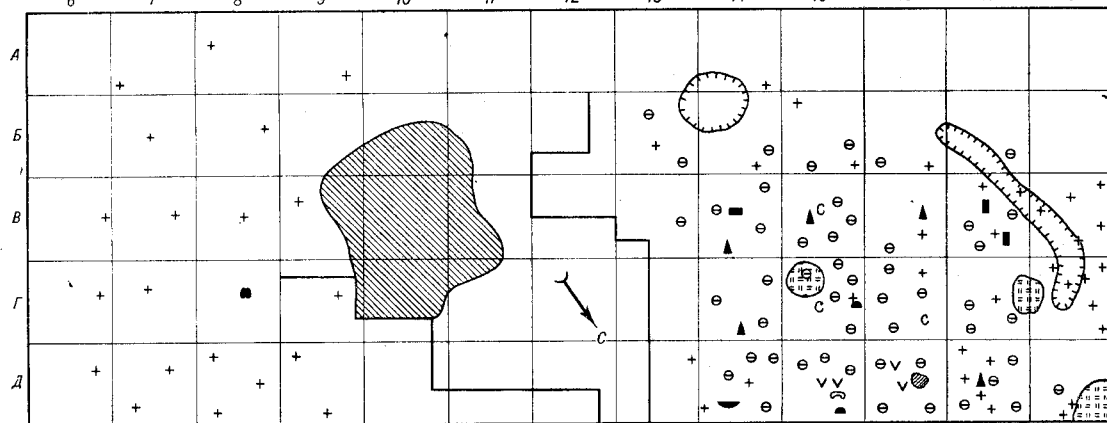
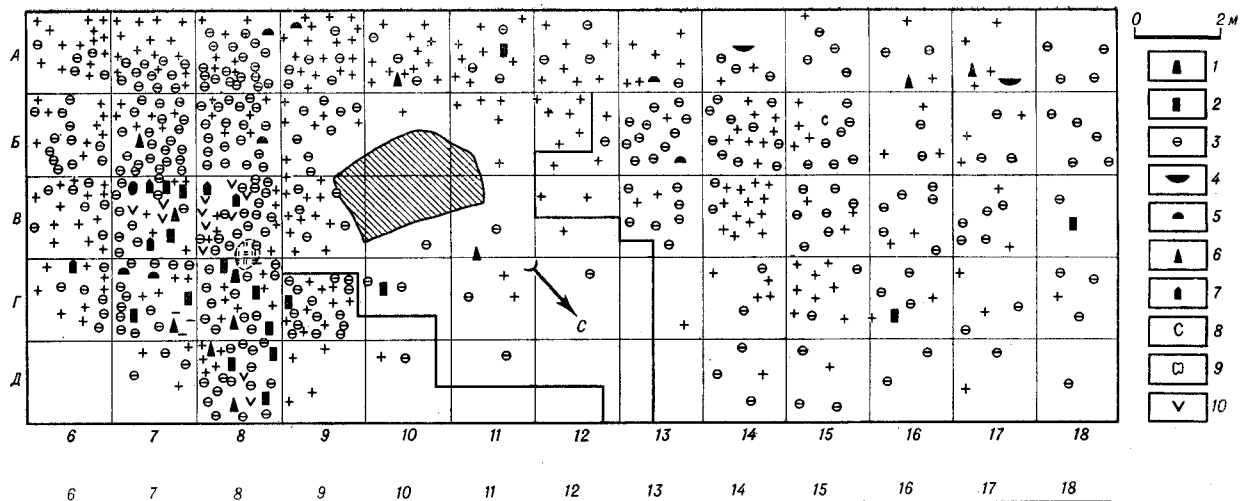

Рис. 23. План четвертого (раннеолитического) слоя стоянки Ушки-II

1 — топор-тесло; 2 — нуклеус; 3 — ножовидная пластинка; 4 — нож; 5 — скребок; 6 — наконечник стрелы; 7 — резец; 8 — скол с нуклеуса; 9 — грузило; 10 — обломки костей

Рис. 24. План третьего (неолитического) слоя стоянки Ушки-II (условные обозначения см. на рис. 23)

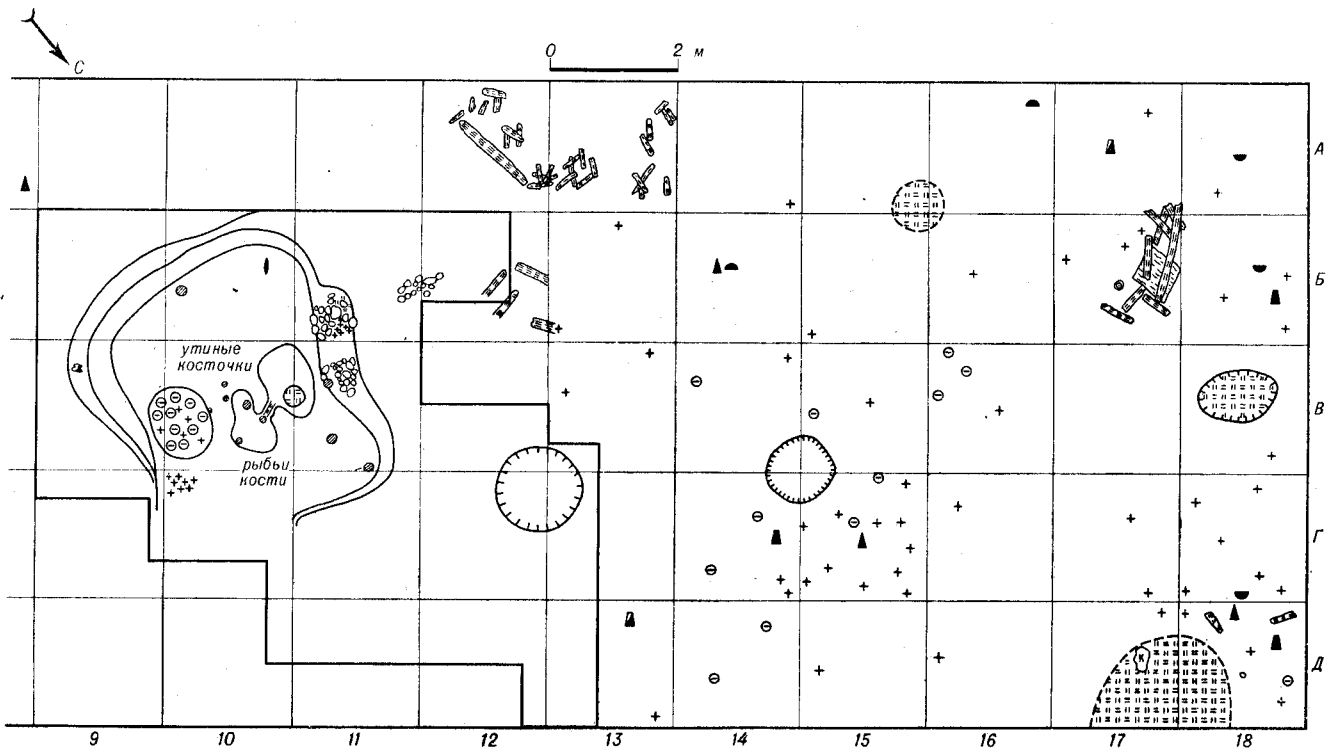

Рис. 25. План второго (неолитического) слоя стоянки Ушки-II (условные обозначения см. рис. 23)

Неолитический слой III фиксируется сразу же над пепловым слоем V в светло-коричневой супеси (слой 12), достигающей мощности около 10 см.

Большая часть находок компактно сконцентрирована в северо-западной части раскопа, где сохранились остатки от трех кострищ, одна яма и канава (рис. 24). Одно из этих углистых костровых пятен открыто лишь частично, так как большая его часть уходит за пределы раскопа (в кв. Д—18). Другое — округлое, около 70 см в поперечнике (толщина до 5 см), находится в центре площадки, усеянной отщепами, микроотщепами, ножевидными пластинками, различными каменными изделиями, обломками костей и в данном месте (в кв. Г—15) является остатками очага некогда бывшего здесь наземного жилища, на полу которого и были оставлены все эти вещи. В таком случае, это жилище имело довольно значительную площадь, не менее 50 кв. м, будучи ограничено с западной его стороны искусственно сделанной канавой длиной в 5 м и шириной в 50—70 см, вырытой над слоем пепла V на глубину в 15 см, так что названный слой пепла был ею прорезан и выброшен на стороны. Третье очажное пятно такой же формы и размеров находилось с внутренней стороны этой канавы (в кв. Г—17, 18). Большая же округлая чашевидной формы яма поперечником в 1,7 м и глубиной 0,4 м обнаружена с южной стороны этого скопления находок, сразу же за пределами его.

Среди каменных изделий, собранных на месте предполагаемого жилища, встретились (что вполне, естественно при обилии здесь ножевидных пластин) призматический обсидиановый пуклеус (в кв. В-14) и два карандашевидных (в кв. В—17). Затем здесь найдены четыре трехгранных обсидиановых наконечника стрел (табл. 17, 1, 2, 3) в кв. 17—Д, 16—В, 15—В, 14—В. В кв. Д—14 оказался большой обсидиановый нож-скребок на массивной пластине, ретушированный по краю со стороны спинки (табл. 17, 17), в кв. Д—15 массивное тесловидно-скребловидное орудие (табл. 18, I), а в кв. В—17 и Г—15 — по обломку двусторонне обработанных, широких, листовидных ножей (табл. 17, 6, 18). Надо при этом отметить, что многие из 163 найденных здесь ножевидных пластин тоже представляют собой не просто заготовки, а настоящие орудия труда: в тех случаях, когда они ретушированы по краю (в одном случае даже сплошь двусторонней отжимной ретушью) или когда на них вовсе не имеется вторичной обработки (табл. 17, 8—15). У одной ножевидной пластинки имеется черешок, она служила, вероятно, наконечником стрелы (табл. 17, 16).

Юго-восточная половина раскопа совсем бедна находками, здесь лишь немногие отщепы, однако среди них встретилось одно грузило, сделанное из плоской гальки путем выбивки на ней крест-на-крест четырех выемок для привязывания.

Отмеченные выше находки из данного слоя составляют чистый комплекс — без примесей из нижележащих слоев, о чем убедительно свидетельствует отсутствие ям в этом слое, которые прорезали бы нижележащие слои.

Поздненеолитический слой II прослеживается на двух уровнях: между пепловыми слоями IV и IV-а, а также ниже — в слое горелой земли с угольками, под слоем пепла IV-а (рис. 21).

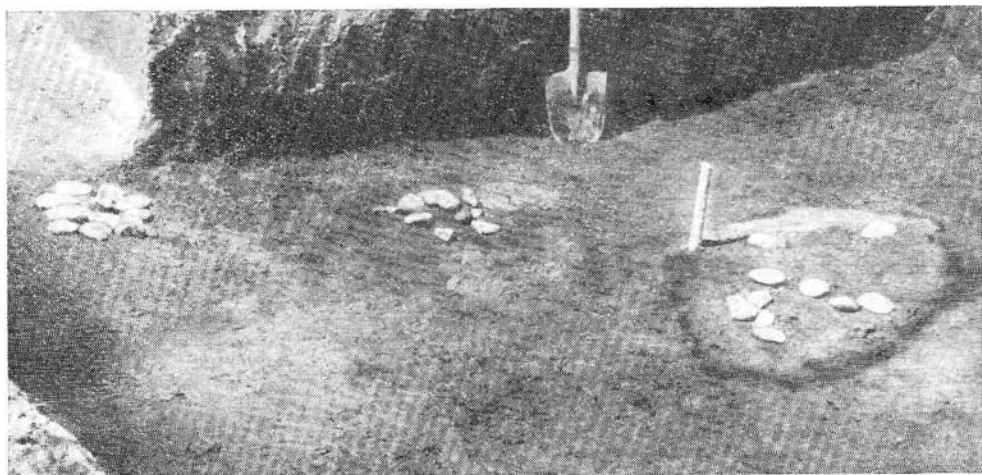

Рис. 26. Вид на второй культурный слой стоянки Ушки-II

Сразу же под слоем пепла IV в центральной части раскопа оказались остатки землянки площадью 16 кв. м (см. разрезы и план, рис. 25), яма с угольками.

В центральной части землянки — очажная ямка (20 см глубиной, 40 см в поперечнике), заполненная золой и углями. Она находится в более широком углублении, где встретились лишь отдельные угольки и много утиных костей. В другом углублении, находящемся рядом с первым, к востоку от него, преобладали рыбы кости. Еще восточней, в неглубоком (около 10 см) понижении, прорезывающем V слой пепла, найдено большое скопление ножевидных пластин и отщепов. В западной части землянки находились три каменных кладки (рис. 26) из речных галек, одна из них отдаленно напоминает изображение черепахи. В одной кладке оказалась кучка из мельчайших чешуек обсидиана (признак производившей здесь ретушировки каменных изделий). В центре землянки обнаружено 4 ямки от столбов (диаметром 10—15 см), одна ямка (диаметром 15 см) была в северо-восточном углу жилища. Кроме отщепов и ножевидных пластин в этом слое обнаружены также обсидиановый ромбический наконечник стрелы (табл. 19, 2), лабретка (рис. 19, 14), обломок обуха тесла.

На юго-западной и северо-западной сторонах раскопа под слоем пепла IV лежали обгорелые жерди, много углей (в кв. Д, Г, Б — 16, 17 и в кв. А — 12, 13) — явные следы сгоревшего здесь наземного жилища. Проба угля для определения радиоуглеродного возраста взята с кв. Г, Д — 17 между пеплами IV и IV-а. По этой пробе получена дата: 10522 ± 25 (МАГ-32).

Вещественные находки из этого верхнего горизонта второго культурного слоя (между IV и IV-а пеплами) концентрируются в двух местах:

1) возле округлого кострового пятна (диаметром около 2 м) с яркой прокаленной землей в центре (в кв. Д—17, 18), прорезающего слой пепла IV-а. Здесь лежали трапециевидное тесло из глинистого сланца (табл. 19, 13), плоская, окрашенная охрой галька-палетка для растирания охры, концевой скребок из коричневого кремня (табл. 19, 7), обломок обсидианового, двусторонне ретушированного, листовидного наконечника (табл. 19, 1), отщепы и ножевидные пластинки;

2) вокруг пустой, округлой в плане конической ямы (поперечником в 1 м и глубиной в 0,5 м), перекрытой, т. е. сплошь устланной на плечиках и по ее дну слоем пепла IV,— много отщепов, ножевидных пластинок и каменный, листовидный, с черешком наконечник стрелы (табл. 19, 3) в кв. 7—15.

На нижнем уровне второго культурного слоя, под пепловым отложением IV-а сохранились остатки другого, бывшего на этом месте древнего становища. В кв. Б—17 были расчищены обгорелые жерди, большие куски бересты и основание вертикально врытого столба (диаметром 15 см), вероятно, от наземного сооружения вроде ительменского балагана, а рядом (в кв. В—18) — овальная (1,2×0,8 м) и неглубокая (15 см глубиной) угольная яма, устланная слоем (15 см) горелой земли, при разборке которой внутри встретились немногие горелой бересты. Вблизи были найдены каменные отщепы, острообушковое сланцевое тесло (табл. 19, 12) в кв. В—18, обломок шлифованного тесла (табл. 19, 14) в кв. А—17, халцедоновый концевой скребок (табл. 19, 8) в кв. А—16, сланцевый листовидный нож (в кв. А—18) и обсидиановый концевой скребок (в кв. Б—18).

Данный слой является смешанным, так как с его уровня вырыта землянка, прорезающая культурные слои IV и III.

Культурный слой I (перезжиточный неолит). Верхние почвенные слои на северо-западной половине раскопа вскопаны под огород, вследствие чего стратиграфия там вплоть до пепла III (слой 8) нарушена. Однако, в юго-восточной части, там где верхние слои не нарушены, в черной гумусированной супеси (слой 4) удалось выявить в 1962 г. кострище с отщепами вокруг него, а в 1964 г.— углистое пятно площадью 18 кв. м, уходящее далее на юг за пределы раскопа (рис. 27). Очевидно, это остатки позднего наземного жилища. Рядом с этим углистым пятном (в кв. В—8) сохранились остатки горелых жердей и несколько отщепов. Немного в стороне (в кв. Д—8), в огородном перекопанном слое оказалась плоская овальная серьга из сланца и костяной двузубчатый наконечник гарпуна (табл. 20, 15). Все эти остатки составляют комплекс самого верхнего (I-б) культурного слоя.

Остатки культурного слоя I-в, сохранившиеся в северо-западной части раскопа в слое 8 (между слоями пепла III и IV) представлены костровым углистым пятном, на краю которого ямка, глубиной 15 см и диаметром 20 см, выстланная слоем пепла III. Еще три таких ямки расположены рядом, как бы по углам квадрата, на расстоянии 2,5 м друг от друга. Тут же оказались отщепы, ножевидная пластина, каменный скребок и зуб медведя. В квадратах Б—12 и Б—13 лежали обгорелые жерди, очевидно, остатки наземной конструкции и обломок обсидианового наконечника копья.

В квадратах А—13, 14, 15 встретилась большая яма, уходящая за пределы раскопа и прекрасно прослеживаемая по разрезу на продольной стене раскопа. Она современного происхождения. В ней хранили рыбу жители рыбозаводного завода в 20-х годах. Потом яма заплыла, а при возделывании огорода ее совсем сравняли с поверхностью почвы.

Следует отметить, что, в отличие от верхнего слоя Ушков-I, данный верхний культурный слой является несмешанным, так как с его уровня не вырыто ни одной ямы, уходящей в нижележащие слои (подстилающие

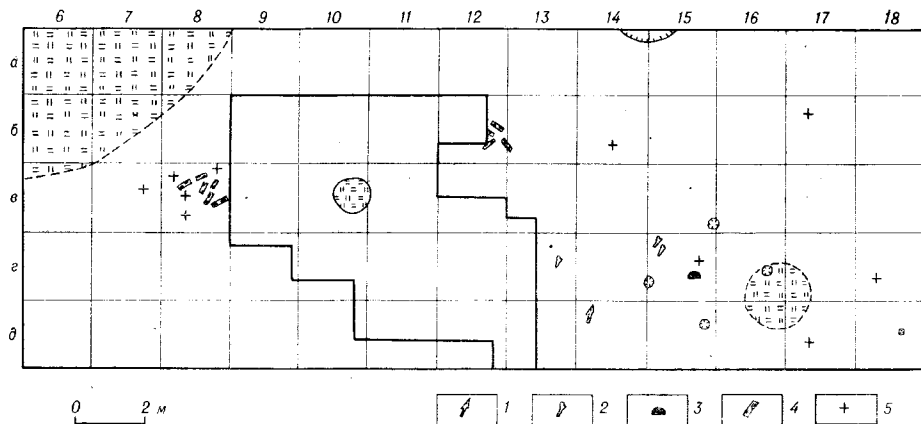

Рис. 27. План верхнего слоя стоянки Ушки-II

1 — костяная острога; 2 — остатки кости; 3 — скребок; 4 — горелые дерево и береста; 5 — отщеп

его пепловые прослойки совсем не нарушены). Таким образом, комплекс находок из этого культурного слоя является абсолютно чистым, без примесей. Он включает в себя, если рассматривать его в целом, двусторонний зубчатый костяной наконечник простого гарпуна (табл. 20, 15), листовидные двусторонне обработанные ножи (табл. 20, 2), концевые скребки (табл. 20, 10, 11, 12), призматические нуклеусы и ножевидные пластинки (табл. 20, 7, 17—21), рыболовные грузила из галек с выемками с четырех сторон (табл. 20, 14).

Среди фаунистических остатков встречены кости собаки ($\frac{1}{1}$), медведя ($\frac{2}{1}$), птицы (2) — по определению В. И. Цалкина.

Радиоуглеродные даты: 220 ± 140 (Mo—353); 675 ± 80 (JE—70).

Четвертая Ушковская стоянка (Ушки-IV) (3)

Стоянка расположена на так называемом Первом мысу южного берега Ушковского озера между Каменным мысом, где находится Первая Ушковская стоянка, и Второй Ушковской стоянкой. Здесь заложено два небольших раскопа — западный и восточный, расположенных в 25 м друг от друга (рис. 28).

Верхнепалеолитический слой VI. Восточный участок. Раскоп заложен вдоль края первой надпойменной террасы на площади в 64 кв. м (длинной в 20 м и шириной в 2—6 м).

Каких-либо следов культуры (кроме двух обломков ножевидных пластин) в верхних горизонтах заложенного нами раскопа не оказалось. Они были обнаружены только на самом нижнем уровне с глубины 1,5—1,55 м в сером плотном суглинке (слой 17), имеющем здесь мощность от 20 до 30 см. По всей толще этого слоя отмечены вкрапления единичных углей. Извлечь их не удалось, так как они разложились и только в слое имеют форму и цвет (при попытке взять их — моментально рассыпаются).

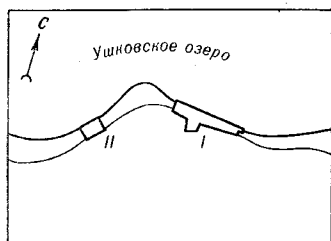

Рис. 28. Общий план стоянки Ушки-IV (западный и восточный участки)

Вышележащие слои в литологическом отношении совершенно идентичны соответствующим слоям приведенного выше стратиграфического разреза Второй Ушковской стоянки. Лишь общая средняя мощность некоторых слоев здесь несколько меньшая (см. разрез, рис. 29), вследствие чего глубина культурного слоя V здесь не 1,7, а 1,55 м. Структура же и цвет супесчано-суглинистых отложений и маркирующих их семи пепловых прослоек точно такие же, как и на стоянке II. Совершенно аналогичны отложениям стоянки II и нижележащие слои (под слоем 17), исследованные нами до русловой гальки в специальном шурфе (в кв. 7—А, 8—А).

Каменный и костяной инвентарь найден преимущественно в основании слоя и на 5—7 см выше.

Никаких ям на территории раскопа не встречено, кроме пустой ямы глубиной около 0,5 м (в кв. В—5), в которой не было никаких находок (рис. 30).

Большое округлое углистое пятно в основании слоя 17 (поперечник около 5 м и площадь около 20 кв. м), обнаруженное в середине раскопа, является, конечно, «полом» жилища наземного типа. Часть его со стороны берегового уступа, там где углистость становилась более интенсивной, смыта озером. Слой угля в этом пятне достигает толщины в 1—1,5 см. При его зачистке создавалось впечатление, что этот слой угля был рассеян по рыхлому суглинку, после чего по нему много ходили. Вследствие этого в углистом слое образовались складки и ямки.

На северной стороне этой утоптанной углистой площадки было обнаружено округлое, диаметром 0,7 м зольно-углистое линзовидное костровое пятно, разумеется, на месте бывшего здесь, в жилище, очага.

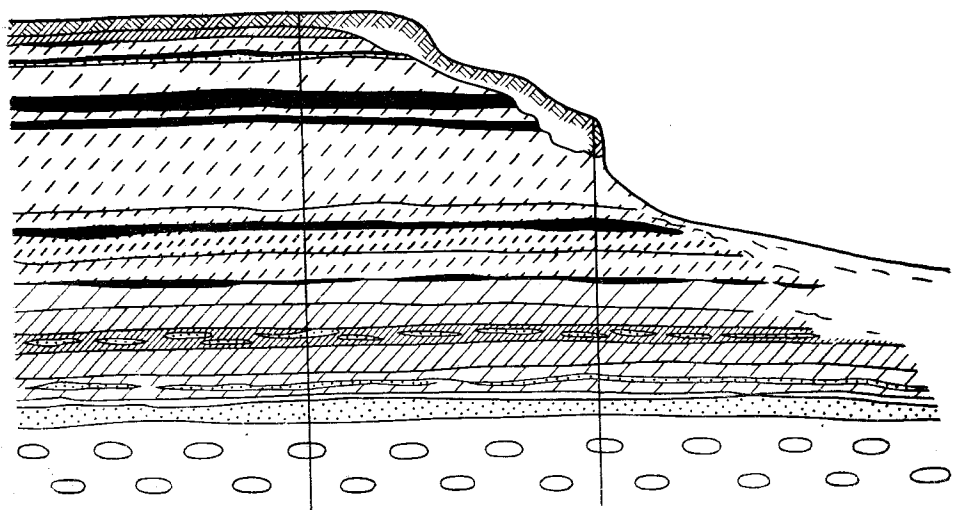

Рис. 29. Разрез по юго-западной стенке восточного участка раскопа стоянки Ушки-IV
Черным обозначены пепловые прослойки

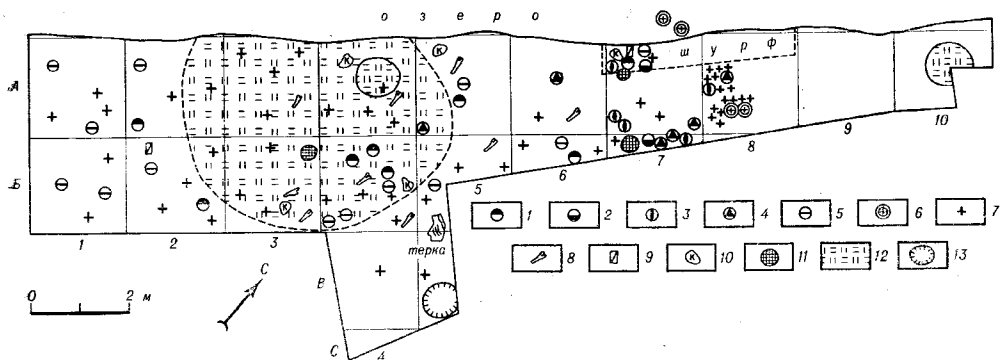

Рис. 30. План VI (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-IV (восточный участок)

1 — каменный скребок; 2 — нож; 3 — наконечник стрелы; 4 — клиновидный нуклеус; 5 — ножевидная пластина; 6, 7 — отщепы; 8 — кости; 9 — заготовки; 10 — камни; 11 — пятого охры; 12 — кострище; 13 — яма

Почти по всей площади углистого пятна встречались следы костей. Кости были плохой сохранности, что не позволяло их расчистить. В кв. В-3 был встречен кусок кости длиной 8 см, по контуру напоминающий удлиненный треугольный наконечник стрелы или дротика; в кв. А-5 — кусок трубчатой кости животного среднего размера (олень?), расколотый пополам. В кв. В-4 — лопатка примерно такого же животного. Другие мелкие фрагменты встреченных костей определить не удалось. О наличии костей узнавали по цвету и структуре слоя.

Близко к центру основания жилища встретился большой кусок охры, сохранившийся в виде пятна диаметром около 10 см. Найдены здесь — один у очага и два у юго-восточного края — небольшие камни диаметром около 10—15 см, а по всей площади пятна валялись кремневые отщепы и несколько мелких и средних пожевидных пластинок. В кв. 5—А обнаружен также кремневый клиновидный нуклеус, а в кв. 4—Б — обломок нуклеуса, обломок скребла и обломок заготовки какого-то орудия.

С юго-западной стороны жилища встретились два скребка, точильный камень из песчаника, отщепы и пожевидные пластинки (табл. 21).

С восточной и северо-восточной стороны — следы обломков костей, камень наподобие терки, отщепы, пожевидные пластинки и (на кв. А-5) грубое массивное орудие удлинённой формы из песчанистого сланца с грубой ретушью по краям со стороны «спинки» и скребловиднооформленным поперечным краем (табл. 22, 7).

Еще юго-восточнее, там где раскоп сужается до 2,5—2 м, на расстоянии 2 м от жилища, оказалось густое скопление находок — остатки целой «мастерской», среди которых было много микроотщепов, явно свидетельствующих об изготовлении орудий именно в этом месте. Здесь было еще пять клиновидных нуклеусов, листовидный, двустороннеобработанный наконечник копья, широкий, так же двусторонне отделанный листовидный нож, два двустороннеобработанных, удлиненно-листовидных наконечника стрелы или дротика, еще один, более короткий наконечник и неполностью ретушированный, листовидный нож на широком отщепе, скребки, отщепы, маленькие и тонкие пожевидные пластины и два точильных камня с продольными желобками из вулканического туфа (табл. 22). Там же нашлись два кусочка окаменевшей охры, а также два охристых пятна. Лежащие здесь же куски камней (4 шт. по 10—15 см размером) так же, как и микроотщепы, придают всему этому комплексу сугубо производственный характер. Четырьмя метрами дальше, отделенное от этого места пространством без находок, обнаружено углистое пятно, тоже оказавшееся без вещественных находок.

Западный участок

Двуслойное верхнепалеолитическое жилище (слой VI). Здесь было обнаружено и раскопано еще одно палеолитическое жилище. К началу раскопок (конец августа 1966 г.) оно уже в значительной мере было обнажено — почти вся двухметровая толща земли над ним была размывта и обгорелые очажные камни жилища выступали у самой воды на пляжной полосе. Однако разрез через этот очаг поперек берега дал возможность проследить связь окружающей очаг углистой прослойки с верхней границей хорошо знакомого нам слоя суглинка серовато-охристого цвета с прослойками песка (слой 25), к которому была приурочена большая часть обнаруженных нами ранее верхнепалеолитических жилищ Первой Ушковской стоянки (рис. 8). Выше этого слоя, в разрезе первой надпойменной террасы ясно виден хорошо известный уже набор супесчано-суглинистых слоев (общей толщиной в 2 м), с определенной ритмичностью расчлененных прослойками вулканического пепла, ниже, менее чем на метровую

глубину, — супесчано-суглинистые слои 29—36 (слои 26—28 здесь отсутствовали), слой 37 песка и слой руслового галечного аллювия 38 (см. разрез на рис. 29). Хорошо знакомая стратиграфическая картина. К ней добавились только подмытые снизу пласты дерна, которые нависли с верхнего края данного участка второй надпойменной террасы прямо на остатки палеолитического жилища, да тонкий слой недавно намывого на них озерного песка.

Выявление внешних контуров жилища производилось сочетанием двух методов: наблюдением за разрезами на бровках и зачисткой углистого пятна от костра к краям жилища. Расчищали пол жилища последовательными двухметровыми по ширине полосами от берега к неразмытой части террасы. В результате получили четыре поперечных разреза и планы жилища на двух его уровнях обитания, ибо оно оказалось двухслойным⁴.

Северо-западная часть его пола (со стороны озера) не сохранилась, но судя по уцелевшей части оно было округлым в плане, с кольцевым каменным очагом наверху и с очагом только из трех камней внизу⁵. Оно вполне сопоставимо с жилищами второго типа в шестом слое стоянки Ушки-I. И вещественные находки в нем такие же, как и в жилищах шестого слоя Ушков-I: клиновидные нуклеусы, лыжеподобные сколы, микропластинки, узкие листовидные наконечники стрел, обломки ножей-бифасов, скребки, грубые ударные и скобелевидные орудия, плитка для растирания охры⁶.

Пятая Ушковская стоянка (Ушки-V) (4)

В 1974 г. были начаты археолого-стратиграфические исследования многослойной стоянки Ушки-V. Эта стоянка, также как и стоянка Ушки-I, II, IV, находится на южном, более высоком берегу Ушковского озера, на Большом мысе, к западу от Каменного мыса, на котором расположена стоянка Ушки-I (рис. 5).

Первые сборы подъемного материала на отмели у Большого мыса относятся еще к 1964 г. В 1974 г. на Большом мысе автором были заложены разведывательные шурфы и осуществлены зачистки берегового обнажения (рис. 31). Были исследована стратиграфия, выявлены культурные слои и получены из них первые археологические вещественные находки. Производилось также (геологом Э. Э. Титовым) специальное геоморфологическое исследование данного местонахождения. Были взяты образцы грунта на спорово-пыльцевой анализ и образцы древесного угля на определение возраста по С-14.

Здесь мы кратко изложим некоторые основные результаты этих комплексных исследований⁷.

⁴ Диков Н. Н. Палеолитическое жилище на камчатской стоянке Ушки-IV.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 34—42.

⁵ Там же, рис. 2.

⁶ Там же, рис. 3—5.

⁷ Диков Н. Н., Титов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки-V на Камчатке.— «Труды Магаданского отделения Географического общества», (Владивосток), 1977, вып. I.

Разрез рыхлой толщи наиболее полно представлен в пункте 3 на западной стороне Большого мыса, где он имеет видимую мощность в 2,95 м и не изучен глубже из-за выхода на этой отметке грунтовых вод. Толща представлена более или менее однородными темными супесями и суглинками (рис. 32), содержащими семь светлых слоев вулканических пеплов и несколько слоев гумусированных темно-бурых супесей (сверху вниз, мощность в см).

Культурные остатки, обнаруженные в шурфах и при зачистке разрезов многослойной стоянки Ушки-V, пока еще немногочисленные, но весьма характерные. Они свидетельствуют о наличии на Большом мысе почти всех культурных слоев, исследованных ранее на Ушках-I, II, IV.

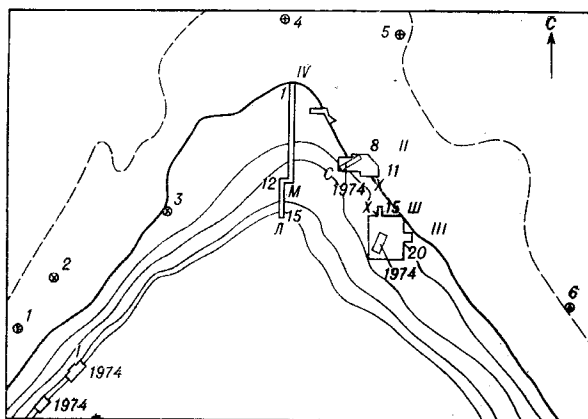

Рис. 31. Общий план стоянки Ушки-V. Показаны разведывательные раскопы и траншеи 1974, 1975 гг.

1—6 — находки каменных изделий на отмели
I—IV — раскопы 1975 г. Остальными цифрами показана общая поквадратная разметка раскопов

В верхнем культурном слое I хорошо прослеживаются угли. Слои II и III пока находок не дали, но не исключено, что они появятся при расширении раскопок. Зато относительно обильный материал получен из слоя IV.

Культурный слой IV оказался особенно выразительным на западной стороне мыса, в шурфе-зачистке 2. Он был вскрыт на глубине 1,3 м в гумусированной супеси (слой 16), на площади 6 кв. м, и сразу же в нем встретились два очажных пятна с разбросанными вокруг кремневыми и обсидиановыми отщепами и ножевидными пластинками. Последние имеют правильные призматические очертания, у одной по-резцевидному оформлен конец. Оказалось здесь и два обломанных наконечника от стрел — оба ромбического поперечного сечения. Один из них, наиболее полно сохранившийся, имеет треугольный черешок, от другого остался только кончик. Оба из серого кремнистого сланца и обработаны тонкой косой отжимной ретушью. По своему облику они точно такие же, как и ранее обнаруженные в IV культурном слое на стоянках Ушки-I, II.

В шурфе № 1 (площадью 8 кв. м) были обнаружены два этих палеолитических слоя — V и VII. Слой V — на глубине 1,65 м, в гумусированной черно-бурой супеси (слой 24). В нем встретились только кремневые

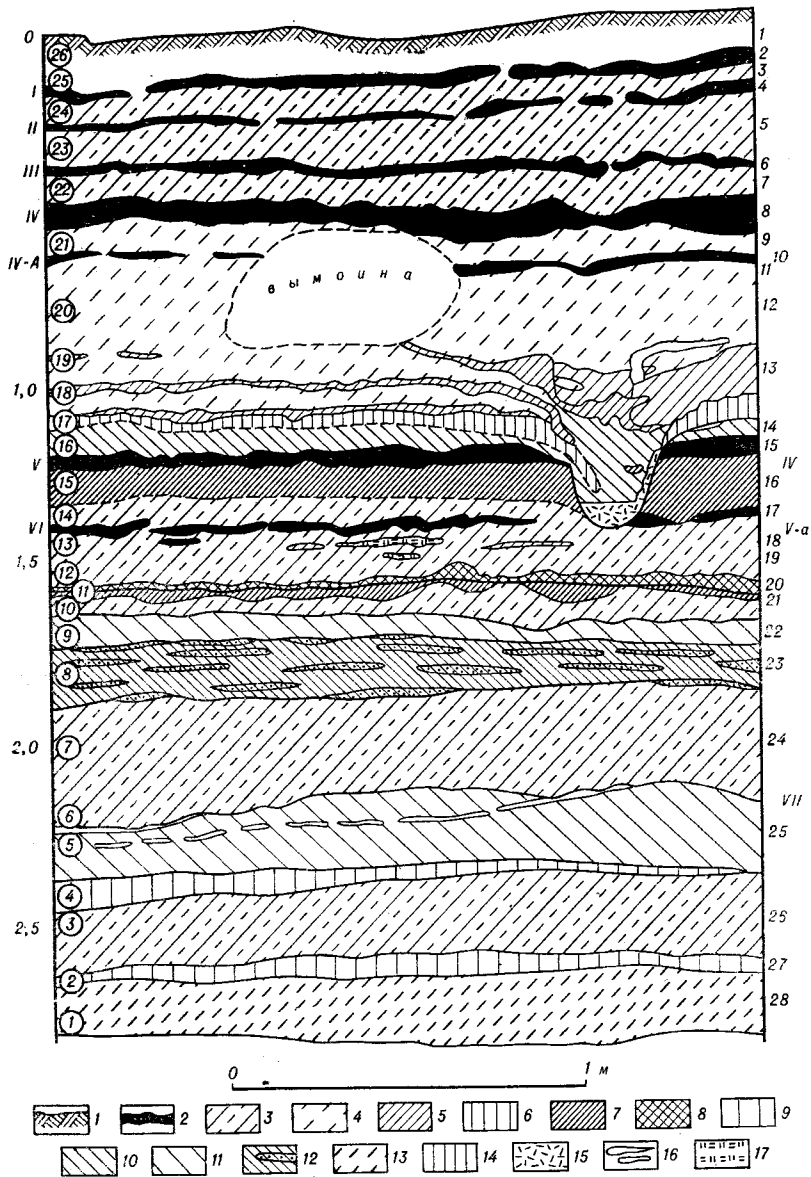

Рис. 32. Стратиграфический разрез стоянки Ушки-V (зачистка на западной стороне мыса, на раскопе 1)

1 — дерн; 2 — вулканический пепел; 3 — желтовато-серая супесь; 4 — светло-коричневый суглинок; 5 — темный гумус; 6 — зеленовато-желтый пепел (?); 7 — черный гумус; 8 — оранжевый суглинок; 9 — желтая глина; 10 — желтовато-зеленовато-серый суглинок; 11 — желтовато-серая супесь; 12 — желтовато-зеленовато-серый суглинок; 13 — серая супесь; 14 — вулканический пепел (?); 15 — мешанный грунт; 16 — белый тонкий песок или пепел; 17 — углистые прослойки. Арабскими цифрами справа пронумерованы все слои; римскими справа — прослойки вулканического пепла; римскими справа — культурные слои; арабскими в кружках — палинологические пробы

и обсидиановые отщепы, а в слое VII, на глубине 2,40 м, в рыжевато-коричневом суглинке (слой 25), — угольки.

Дополнительные сведения о VII культурном слое мы получили в траншее № 4 (длина 8 м, ширина 0,5 м). VII культурный слой в ней оказался близким к дневной поверхности, так как верхние слои здесь смыты. В желтом, типичном для VII слоя ушковских стоянок суглинке попались два очень характерных предмета: обсидиановый поперечный скол с призматического нуклеуса (табл. 23, 2) и халцедоновый наконечник стрелы, характерный для этого слоя черешковой формы, обработанный с обеих сторон отжимной ретушью (табл. 23, 1). Его особенностью является некоторая ассиметричность и наличие у черешка неглубоких боковых выемок. Тем самым он имеет подчеркнуто американский вид.

Интересно, что слой VI не дал пока находок ни в одном шурфе. Но, судя по подъемному материалу, и этот палеолитический культурный слой на Большом мысе, вероятно, все-таки имеется. Об этом свидетельствует подъемный материал.

Обнаружение на Ушковском озере новой многослойной стоянки имеет, естественно, большое значение.

Сама ее привязка к более низкому (всего 2,5 м), чем у ранее известных здесь местонахождений мысу с учетом новых данных по генезису слагающих его отложений позволяет уточнить прежнюю интерпретацию этих отложений. Как показали геоморфологические исследования, мы имеем здесь дело не с надпойменной террасой, а лишь с подрезанным рекой разновысотным (от 4 до 2 м) краем флювиогляциальной равнины, перекрытой пирокластическим чехлом с культурными остатками⁸.

Несмешанные (неолитические) стоянки (5—14)

Однослойная стоянка в Култуке (Ушки-III) (5)

В самом углу Ушковского озера, к западу от первой стоянки, заросший лесом берег возвышался до 5—7 м. Здесь в 1962 г. нами обнаружено три большие, до 80 см глубиной и более 10 м в поперечнике, округлые ямы от древних землянок.

Одна из них полностью и самым тщательным образом раскопана. Развалины ее оказались погребенными под слоем пепла IV (стратиграфия в этом месте точно такая же, как и на месте Первой и Второй стоянок). Удалось расчистить все бревна и жерди рухнувшего во время пожара перекрытия этой землянки. Почти все они были насквозь обуглившиеся, только концы бревен, заваленные землей, не обуглились, но тем не менее тоже хорошо сохранились (рис. 33, 34). В этой огромной землянке, вокруг центрального очага кольцо располагается еще шесть малых очажных кострищ (под ними оранжевая подочажная горелая земля). Конструкция перекрытия в принципе такая же, как и в малой землянке на стоянке Ушки-I. Только центральная прямоугольная рама, на которую

⁸ Диков Н. Н., Титов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки-V на Камчатке.

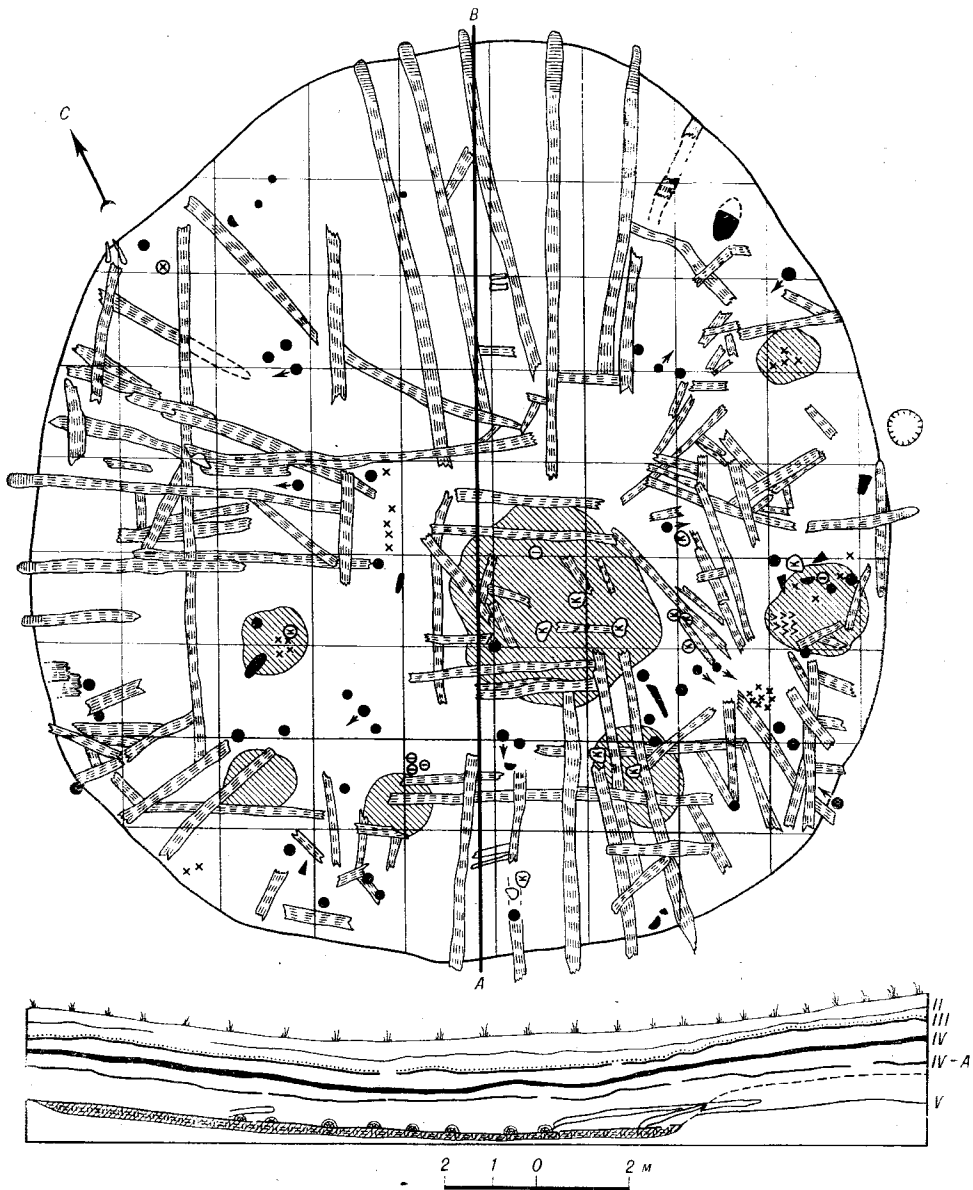

Рис. 33. План землянки в Кулжукe

Рис. 34. Обуглившиеся стропила культурного жилища

сквозь обуглившегося. Радиоеуглеродные даты: 2070 ± 190 (Mo — 354), 2160 ± 290 (МАГ—5) и 2440 ± 80 (РУЛ—607).

Однослойная неолитическая стоянка в Застойчике (6)

Так называется местность на правом берегу р. Камчатка в 4—5 км вверх по ее течению от Козыревска. Здесь на поляне среди кустарника обнаружено 10 поросших высокой травой ям от древних землянок (рис. 35). Диаметр ям от 4 до 12 м, глубина от 0,5 до 1,2 м. Входы в них замечены с разных сторон (в частности, с западной, со стороны реки и с южной).

Древний поселок располагается на стометровом участке берега, высота которого 4 августа была от 4 м на северо-восточном конце и до 1 м на юго-западном. Берег обрывист, и слагающие его пласты обнажены. У него каменистый цоколь, перекрытый 0,5—3-метровой толщиной серо-желтого суглинка, расчлененного слоями пепла и культурными прослойками.

Нами была в 1961 г. произведена зачистка северо-западного участка берегового обнажения в том месте, где в него попадают две, наполовину смытые рекой, землянки. Последовательность слоев, сопровождающих культурные напластования, здесь такова (рис. 36).

опирались верхние концы стропил, покоились, очевидно, не на четырех столбах, а на 12 (по три с каждого угла), причем четыре столба (каждый средний из трех столбов с каждого угла) были наклонены в сторону углов землянки, служа распорками крыши. О таком именно положении столбов свидетельствуют тройные ямки в полу, сохранившиеся от столбов. Каждая средняя из них направлена с определенным наклоном в наружную сторону, что отмечено на плане стрелкой (рис. 33). Среди камешных вещей, обнаруженных в землянке, оказалось шесть скребков, два обломка тесла, нож, три больших киркообразных орудия, нуклеус, наконечник стрелы, ножевидные пластинки и отщепы (табл. 24). Встретились также кости соболя (7/1) — (определение В. И. Цалкина).

В восточном углу жилища оказались остатки большого корытообразного деревянного сосуда, на-

см

1. Дерн	20
2. Серо-желтый суглинок	15
3. Вулканический пепел (IV — ?)	8
4. Горелый оранжевый суглинок	20
5. Углистая прослойка	5
6. Горелый оранжевый суглинок	10
7. Углистая прослойка	8
8. Серо-желтый суглинок с угольями	15
9. Серо-желтый суглинок	2
10. Скала	

На месте несмытых еще остатков двух землянок, попадающих в данный участок разреза, было заложено рядом два разведывательных раскопа: 1) длиной 8 м (вдоль берега) и шириной 3 м; 2) длиной 5 м, шириной 3 м. Раскопы были осуществлены на глубину 1 м, до стерильного серо-желтого суглинка.

Первым раскопом были выявлены уцелевшие от размывающего действия реки остатки юго-восточной половины большой землянки около 9 м (рис. 37). Углистая прослойка 5 (см. выше описание разреза) ока-

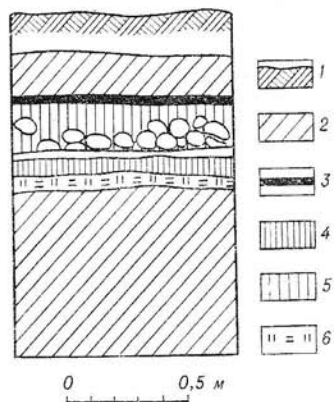
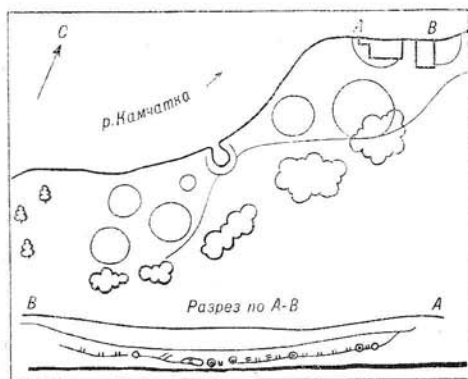

Рис. 35. Неолитическая стоянка на Застойчике

Рис. 36. Разрез раскопа (восточная стенка) на Застойчике через жилище

1 — дерн; 2 — серо-желтый суглинок; 3 — вулканический пепел; 4 — оранжевый суглинок (подочажный); 5 — оранжевый суглинок; 6 — углистые прослойки

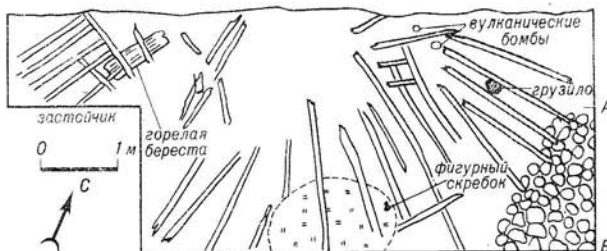

Рис. 37. План неолитического жилища на Застойчике (раскоп I)

залась ее сгоревшей кровлей. Слой углей 7 на глубине 80 см соответствует полу землянки и рухнувшим на него в огне пожара жердями перекрытия крыши. Последние направлены от краев жилища к ее середине, и такое их расположение свидетельствует о шатровом устройстве деревянной основы земляной крыши. В восточном углу раскопа выявлена кладка из мелких камней длиной 2 м, шириной 1,5 м, уходящая за пределы раскопа. Она была сразу же под вулканическим пеплом, подстилалась двумя

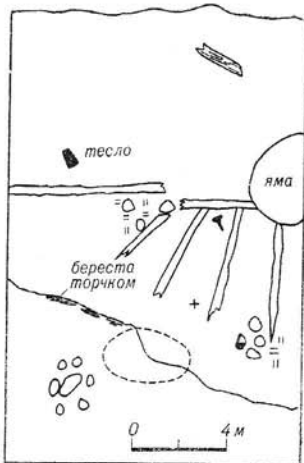

Рис. 38. Часть неолитического жилища на Застойчике (раскоп 2)

углистыми прослойками, между которыми проходил слой горелой оранжевой земли (толщиной 10–15 см). Рядом с этой каменной кладкой при зачистке пеплового слоя (3), следовательно, выше основного культурного слоя, к которому относится землянка, обнаружено углистое пятно метрового диаметра. На этом же уровне, выше основного культурного слоя, на глубине 20 см найдено большое каменное грузило для невода (с поперечным желобком) и несколько вулканических бомб.

Находок, связанных с землянкой немного: обломок пожа из серого кремнистого сланца, кремневый фигурный скребок, миниатюрный овальный скребочек и скол со шлифованного тесла (25) — все это в восточном углу раскопа, но за пределами упомянутой каменной кладки. На западном краю раскопа, в нижнем углистом слое, среди обгоревших бревен перекрытия землянки встретились большие куски бересты (тоже обгоревшей). Второй раскоп захватил только часть землянки (рис. 38). Сразу под IV слоем

пещла (слой № 3 разреза) было встречено каменное шлифованное острообушковое тесло и пять халцедоновых ретушированных осколков (табл. 25). В углистом слое 7 обгоревшие стропила лежали в таком же, как и в первой землянке, порядке — от краев к центру. Край землянки очень отчетливо прослеживался по вертикально расположенной бересте (облицовке стены) ниже пеплового слоя. За краем жилища, так же как и на первом раскопе, — кучка камней, только значительно меньшая. В середине жилища была яма более чем метрового диаметра, полуметровой глубины, чашевидная, а вокруг — вулканические бомбы и обломки нескольких каменных изделий: шпильки из серого кремнистого сланца, халцедонового наконечника стрелы и скребка из серого кремнистого сланца, а также целый скребочек из халцедона (табл. 25).

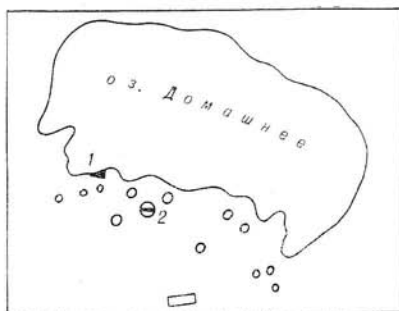
В 1973 г. в береговом обнажении культурного слоя данной стоянки мы обнаружили андезит-базальтовый ширококлипковый горбатый нож (табл. 25).

Однослойная неолитическая стоянка на Домашнем озере (7)

Домашнее озеро расположено на северо-восточной окраине с. Козыревска. Озеро узкой протокой соединяется с р. Камчатка.

Стоянка представляет собой остатки землянок на поверхности в виде углублений диаметром 3—4,5 м и глубиной 20—35 см. Расположены они на юго-восточном берегу озера. Насчитывается таких углублений свыше 50 (рис. 39). Стоянка обнаружена нами еще в 1961 г., но приступить к ее раскопкам мы смогли только в 1962 г. Для выявления стратиграфии слоев стоянки выровняли и зачистили стенки шурфа-раскопа, сделанного еще в 1961 г. в центре углубления, на краю обрыва высотой

Рис. 39. Расположение древних землянок на берегу Домашнего озера.

около 3 м над уровнем озера. Получился раскоп 6×2 м (рис. 40, кв. 2, 3, 4, АБ). В результате зачистки здесь выявились следующие слои.

1. Дерновый слой	4—5 см
2. Слой I вулканического пепла	1—2 см
3. Супесь светло-охристого цвета. Толщина этого слоя различна. Колеблется от 4 до 20 см.	
4. Тонкий слой вулканического пепла II в слое № 3.	
5. Слой вулканического пепла III.	
6. Слой вулканического песка, подстилающего III слой вулканического пепла.	
7. Супесь ярко-охристого цвета, слой 6—20 см толщиной.	
8. Мощный слой IV вулканического пепла от 4 до 20 см.	
9, 10. Слой мелкой супеси охристого цвета в 10—45 см толщиной.	
На разрезе в наиболее мощном наслоении видны три камня по 20—25 см в диаметре. В слое, наименее мощном, видна прослойка IV-а пепла с подстилающими ее разводами горелой земли с мельчайшими вкраплениями угольков.	
11. Суглинок темно-коричневого цвета. Мощность его 40—70 см. В центре толщи его проходит тонкий слой разложившейся костной массы, как бы выстилающей небольшую (40 см в диаметре и 20 см глубиной) яму. В костном слое встречается обгорелая береста.	
12. Супесь коричневого цвета, мощностью 65—50 см. Слой 11 вклинивается в него и доходит до нижних горизонтов. Слой пепла IV-а вместе с разводами горелой земли проходит на уровне 40 см от скалы.	

Сначала в 1961 г. мы раскопали только тот участок берега, где в слое 11 сохранились остатки почти полностью смытой в озеро полуземлянки. Обнаружили там обсидиановые наконечники стрел, скребки, отщепы, ножевидную пластинку.

Затем раскоп был расширен еще на 64 кв. м, так что в него вошла часть разрушенной береговым обнажением землянки и часть другой смежной землянки вместе с соединяющим их коридором (рис. 40). Рас-

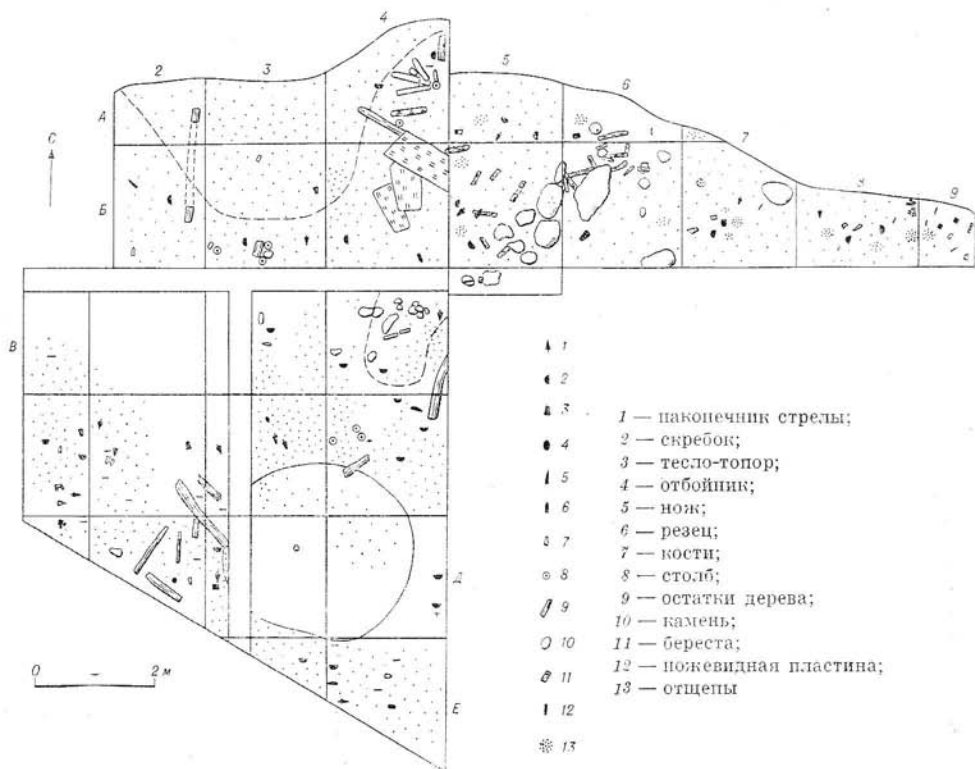

Рис. 40. План раскопа неолитической стоянки на Домашнем озере

копки вели послойно, руководствуясь выявленной стратиграфией, причем основная масса культурных остатков была обнаружена под IV-а слоем вулканического пепла в мешаном темно-коричневом суглинке, заполнявшем землянки. В основном это были обломки каменных изделий (листовидных наконечников стрел, ножей, скребков, тесел и др.) и сравнительно редко — целые (табл. 26, 27). Зато попадалась масса отщепов, несколько ножевидных пластинок, и совсем не было керамики. Специфической формой данного комплекса являются продолговатые листовидные ножи-бифасы с боковыми ушками-выступами у черешковой их части (табл. 26, 3).

В северо-восточной части раскопа, в квадрате 4 — В под IV слоем пепла встречен слой бересты сверху хорошей сохранности, а внизу обгоревшей (ее возраст по С-14: 760 ± 90 , МАГ — 227). Береста прикрывала яму. Под берестой идет прослойка земли черного цвета, затем слой песка с перегнившей костной массой и единичными сохранившимися косточками. Некоторые из них — обгорелые, кальцинированные. Дальше — слой черной с желтизной перегоревшей земли и мелкие угольки. Видимо, это остатки своеобразной ямной земляной печи.

В центральной части поселка было исследовано еще одно жилище. В заложённой поперек него траншее обнаружены многочисленные каменные изделия тех же типов, что и на основном раскопе: листовидные наконечники стрел, скребки, обломки ножей-бифасов, пожевидные пластины, грузило в виде плоской гальки с поперечным углубленным пояском и боковой резец на пожевидной пластине (табл. 28).

Наконец, на бечевнике озера, вдоль берегового обнажения культурного слоя встретилось много других каменных вещей и, в том числе, лабретная шпилька (табл. 29, 17), горбатый нож (табл. 29, 20) и обломок ножа с боковыми ушками-выступами (табл. 29, 16).

Однослойная стоянка в Козыревске (8)

В этом поселке на правом берегу р. Камчатка возле электростанции произведена записка культурного слоя. Последний прослеживается в верхней части берегового обрыва, достигающего здесь пятиметровой высоты. Записка сделана на протяжении 9 м. Ею выявлена часть наполовину смытой рекой землянки, частично перекрытой только верхним слоем вулканического пепла, вырытой в оранжевом суглинке. В серовато-коричневой земле заполнения землянки (на глубине 1,2 см) обнаружен обломок каменного тесла, запачканный охрой-кровоавиком. Глубже (на глубине около 1,6 см) из центральной части жилища извлечены для радиоуглеродного анализа угли от сгоревшего деревянного столба. Встретились также обломок черепа горного барана, обломки черепов и трубчатых костей собак, несколько костей соболя, лисицы и птицы (определение В. И. Цалкина). Различные каменные изделия были собраны также на бечевнике (табл. 30).

Однослойная неолитическая стоянка в Козыревском совхозе (9)

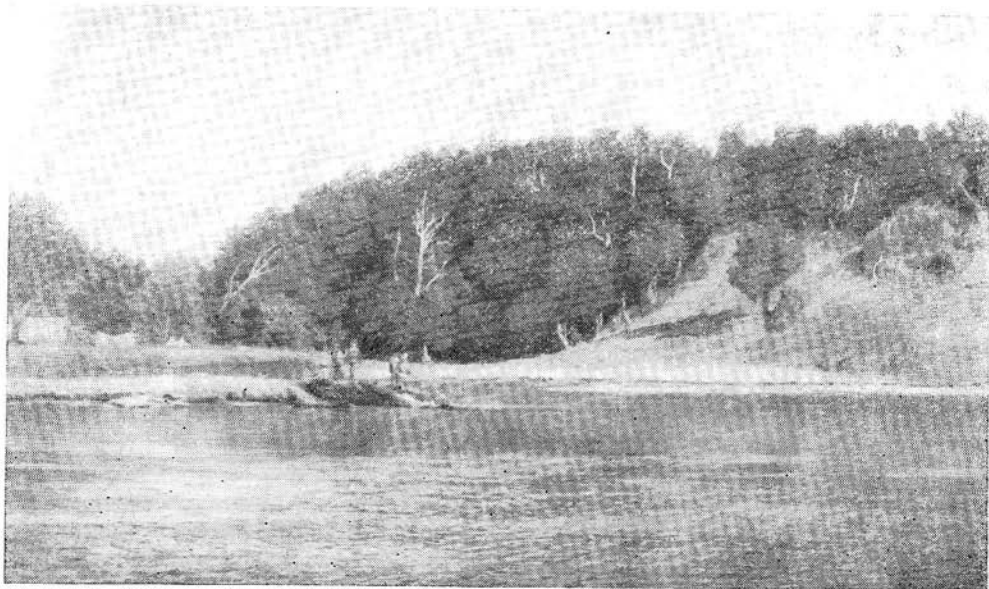
В верхней части яра высотой 7,8 м, возле совхозного беззосклада обнаружен культурный слой от землянки, вырытой сквозь верхние пеплы. В ее заполнении (на глубине около 60 см) обнаружены аморфные из серого кремнистого сланца тесло и продольный скол с такого же тесла. Глубже, на глубине 70 см, в нечетких стратиграфических условиях (очевидно, ниже IV слоя вулканического пепла) из обнажения культурного слоя извлечено острообушковое тесло из зеленовато-серого кремнистого сланца. Собран также подъемный материал (табл. 31).

Двуслойная поздненеолитическая стоянка в Доярках (10)

Эта стратифицированная стоянка оказалась на правом низком берегу р. Камчатка, в Доярках. Подъемный материал был собран здесь нами на бечевнике по обе стороны впадающего в этом месте в Камчатку ручья (ножевидные пластины, отщепы, скребки, наконечники стрел).

Сама стоянка располагалась на правой стороне ручья, на 2,5-метровой пойменной террасе (рис. 41). На поверхности террасы почти никаких признаков жилищ заметно не было, зато по всему обнажению берегового обрыва четко прослеживались облекаемые слоями вулканического пепла широкие впадины, соответствующие жилищам. В 1961 г. мы здесь огра-

Рис. 41. Вид на древние стоянки в Доярках

ничились только разведывательными раскопками, расчистив в обнажении на углу террасы очаг над белым пеплом. Очаг представлял собой овальное (поперечником 1 м) скопление камней, углей и золы с рыбьими косточками на глубине 1,5 м. Среди камней очага встретилось несколько обсидиановых отщепов, грузило и скребок из кремнистого сланца (табл. 33, 7, 8). В 1962 г. мы произвели в Доярках более обширные раскопки, вскрыв культурные слои на протяжении 32 м вдоль берега р. Камчатка и на 16 м вдоль впадающего в нее ручья (рис. 42, 43). Под вторым сверху слоем вулканического пепла было обнаружено еще три очага со скоплениями вокруг них разнообразных каменных изделий: обломков тесел, ножей, наконечников, скребков, отщепов, нескольких грубых пожевидных пластинок, грузил (табл. 32, 33, 6, 9). Глубже, под II-а слоем пепла встретились тесло и два наконечника от стрел (табл. 33, 1, 3, 4), а на глубине 1,7 м, на 30 см выше слоя пепла А скребковидный отщеп и тесло (табл. 33, 2, 5).

Однослойная неолитическая стоянка в Доярках (II)

Ее культурный слой прослеживается под пепловым слоем IV-а в верхней части рыхлых отложений высокой террасы с левой стороны ручья, напротив первой стоянки. Здесь собрано очень незначительное количество каменных изделий, преимущественно в осypi террасы. Зато много оказалось частично расколотых костей собаки (54/6), соболя (15/9), лисицы (17/5) (определение В. И. Цалкина). Уголь из-под IV слоя пепла — 1052-70 (МАГ — 36).

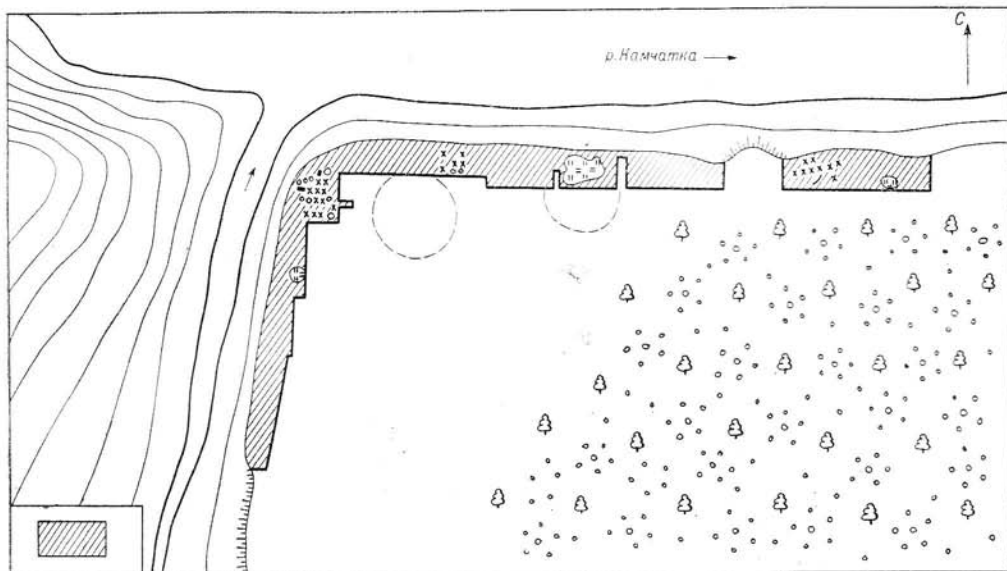

Рис. 42. План неолитической стоянки в местности Доярки (на низком мысе)

I — раскопанная в 1962 г. часть стоянки

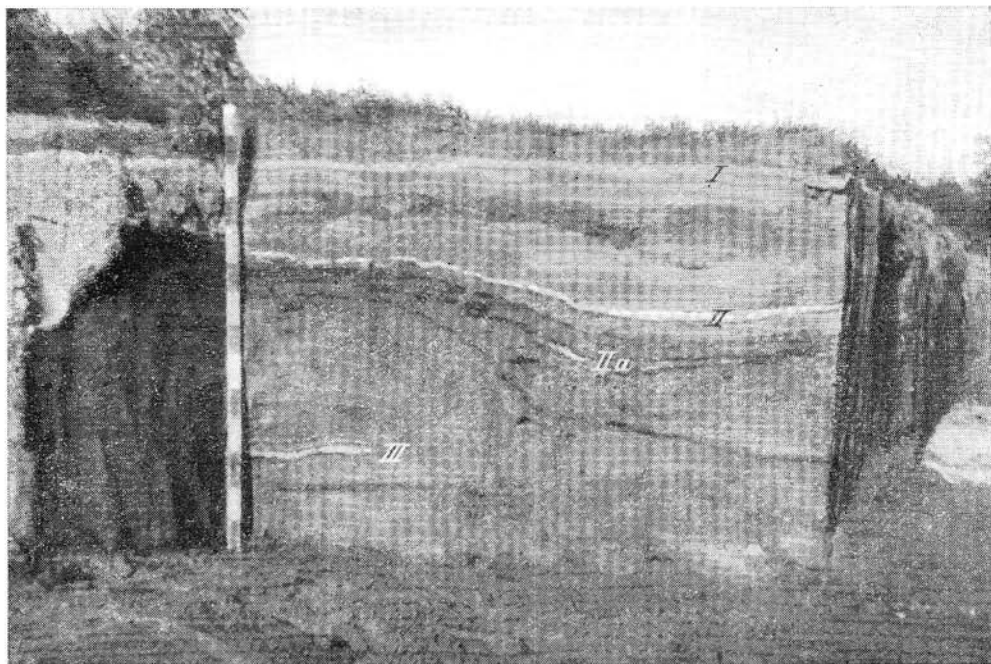

Рис. 43. Разрез стоянки в Доярках на низком мысе

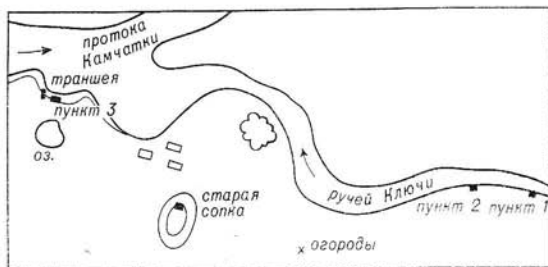

Рис. 44. Расположение древних стоянок на восточной окраине с. Ключи

Рис. 45. Стратиграфический разрез первой неолитической стоянки возле с. Ключи

Однослойная неолитическая стоянка в Ключах (12)

На левом 4-метровом берегу речки Ключи, впадающей справа в р. Камчатку за нижней окраиной с. Ключи, еще в 1961 г. нами было обнаружено два пункта с неолитическим культурным слоем между верхними слоями вулканических пеплов (рис. 44).

В пункте 1-а угли и каменный скребок (табл. 34, 6) были обнаружены под III и IV слоями пеплов (рис. 45), в пункте 1-б под теми же и притом тоже нетронутыми слоями пеплов оказался только уголь, а в пункте 2 между потревоженными IV и V слоями были найдены и угли, и каменный топор (табл. 34, 5). Радиоуглеродная дата углей из верхнего горизонта 490-90 (РУЛ), с нижнего — 3875-350 (МАГ — 4).

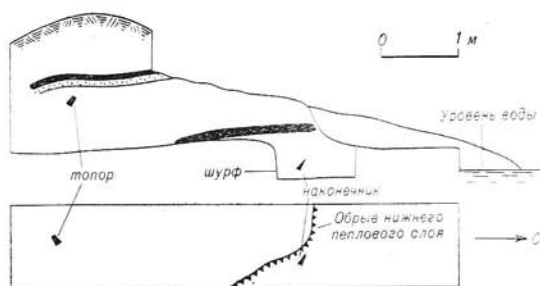
Двуслойная неолитическая стоянка в Ключах, пункт 3 (13)

В 1963 г. было найдено второе неолитическое местонахождение (пункт 3) — от устья речки Ключи, слева, на сравнительно низком 2-метровом берегу (2,3 м от уровня воды 15 августа), в том месте, где река образует небольшой заливчик (рис. 44).

Здесь мы сделали зачистку обнажения размытого берегового уступа и заложили траншею (длиною 5 м, шириною 1 м) поперек его уступа (рис. 46). В верхнем слое (толщина 80—90 см) суглинка (от дерна до вулканического пепла III) обнаружено несколько усеченно-листовидных наконечников стрел, ретушированные ножевидные пластины, обломок крупного обсидианового наконечника, халцедоновые, обсидиановые и кремневые скребки и обломки прямых венчиков от двух глиняных сосу-

дов: один с оттисками шнурового наката, другой — с пальцевыми вдавлениями (табл. 52, 3, 4). Там же были найдены многочисленные обломки черепов и трубчатых костей собак (15/6), а также обломки костей северного оленя (21/2), медведя (1/4) и птицы (1) (определение В. И. Цалкина).

Рис. 46. План и разрез траншеи на неолитической стоянке 3 возле Ключей

В том же коричневом суглинке, ниже вулканического пепла, под которым был и вулканический песок, на глубину до 0,8 м, т. е. до следующей пепловой прослойки IV, прослежены следующие остатки материальной культуры: обломок тесла из глинистого сланца (с овальным поперечным сечением), прямоугольное тесло из мраморовидной породы, два наконечника от стрел, два продолговатых скребка (табл. 34, 5, 35).

Культурный слой на острове в центре поселка Ключи (14)

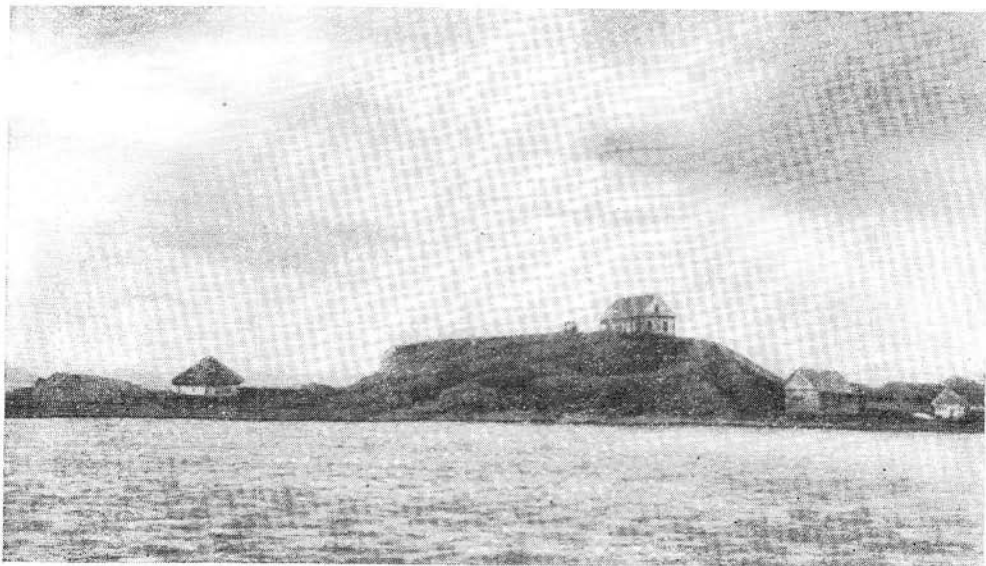
Обнаружен в рыхлых отложениях, перекрывающих этот высокий каменный островок и исследованных в свое время Б. Пийпом. Культурный слой перекрывается только двумя пепловыми горизонтами (I и II) (рис. 47).

Городища (юртовища)

и погребения пережиточного неолита (15—37)

Городище на Старой (Школьной) сопочке возле Ключей (15)

Маленькая эта сопочка (или, точнее сказать, бугор) расположена недалеко от устья речки Ключи на левом ее берегу (см. план местности на рис. 43). Высота ее около 13 м и диаметр подножия около 70 м. Вершина — овальная и плоская с небольшой западинкой на южной стороне. На вершине было обнаружено всего 6 углублений от некогда бывших здесь полумесяцков. Три из них расположены на юго-восточной стороне вершины, а три — на северо-восточной. Ямы от жилищ — мелкие, оплывшие, округлых очертаний, с едва заметными земляными валами. Глубина их сравнительно одинаковая, примерно 90 см, но размеры разные: от 7 до 10 м в поперечнике. Все они перекопаны под огород, кроме одной, которую мы и избрали для раскопок. Диаметр ее поверхностного углубления был равен 7,5 м, и всю эту площадь, очистив от высокой травы и кустов, мы, приступая к раскопкам, разбили на квадраты 1×1 м (рис. 48). Раскопки вели в два слоя, фиксируя основ-

Рис. 47. Вид на островок с древним культурным слоем в с. Ключи

ные стратиграфические разрезы. Из них видно, что мощный слой мешаной супеси, скопившийся над полом землянки (до 2 м толщиной) прорезывал все самые верхние слои шевелуческого пепла, следовательно, они древнее, во всяком случае, XIX в., ибо уже в XIX в. ительмены по долине р. Камчатка давно перешли из земляных юрт в дома русского типа.

В верхнем поддерновом слое на плоском камне лежал череп собаки, а на глубине 40 см — остатки человеческого черепа.

Очаг был на 60—70 см глубже. Сложенный из крупных обожженных камней, он имел подковообразную форму, и камни были пригнаны плотно друг к другу. В стороне от него, у южной стенки жилища, обнаружилось большое скопление мелких круглых камней диаметром от 3 до 5 см. Камни (вулканические бомбы) обожженные, хорошо сохранили следы каления. Вероятно, они использовались для нагревания воды в деревянной посуде. Скопление их вытянулось в длину до 1,5 м, в ширину — до 40 см. Высота кучи равномерная — до 10—15 см.

Судя по расположению 6 ямок от столбов в полу жилища, перекрытие его, как и в нукульских полуземлянках (см. ниже), было продольно-поперечным, покоящимся на столбах. Кусок обуглившегося бревна перекрытия сохранился возле ямы от столба, рядом с кучей вулканических бомб, упомянутых выше (рис. 47).

В центральной части раскопа, ниже уровня очага прослеживался второй слой (нижний культурный слой), соответствующий более древнему обитанию на более ограниченной (в 12 кв.) площади.

Толщина этого слоя, представляющего собой бурую мешаную почву с угольками, достигала 1 м.

Каменные изделия, встреченные как в верхнем, так и в нижнем слое в типологическом отношении были одинаковыми. Кроме многочисленных отщепов, здесь оказались каменные наконечники стрел, копий и ножи (табл. 37), скребки (табл. 38), топоры и тесла (табл. 39), точильные камни, грузила и просто ретушированные отщепы (табл. 40). Среди тесел преобладали односторонне-вышуклые, среди ножей встречались горбатые.

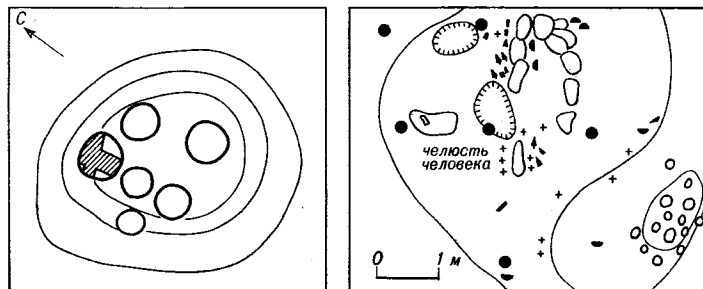

Рис. 48. План раскопа на Старой сопке в с. Ключи

Кроме черепа собаки и обломков ее трубчатых костей, встретились также обломки трубчатых костей и половина нижней челюсти северного оленя (определение В. И. Цалкина).

Никульское городище (16)

Для того чтобы получить исчерпывающее представление об устройстве жилищ на городищах, детальнейшим раскопкам было подвергнуто городище на высоком (15 м высотой) и крутом мысу в излучине р. Первая (Малая) Никулка.

Никульское городище расположено в наиболее обильном рыбой месте (где давно имеется особый пункт ТИПРО по ее изучению), неподалеку от предполагаемого зимовья Федота Алексеева, и является по своему положению самым верхним из известных по р. Камчатка городищем. Сейчас оно так поросло лесом, что обнаружить его заросшие густой и высокой травой жилые ямы не так-то просто (рис. 49). Огражденное с юго-восточной стороны прерывчатым рвом, оно имеет в плане форму вытянутого равнобедренного треугольника. Из 14 составляющих его округлых жилых ям (от 4 м до 9 м в поперечнике) 10 расположены парами и одна из них (тоже парная) отличается особенно крупными размерами (9×7 м). Именно с нее были начаты раскопки на этом городище, где всего нами было раскопано 5 жилищ по всей их площади (рис. 49).

Жилище 1. До раскопок это была округлая яма 7×6 м, глубиной в 1 м от вершины окружавшего его вала. Юго-восточная сторона была в одном месте слегка запавшей, образующей коридорообразный проход с соседней жилой ямой меньшего размера — 5×4 м (жилище 2). Все

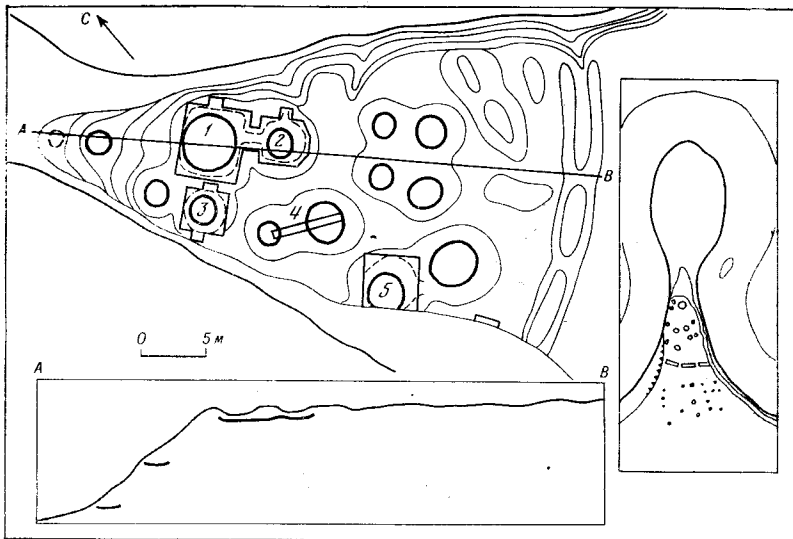

Рис. 49. План Никульского городища

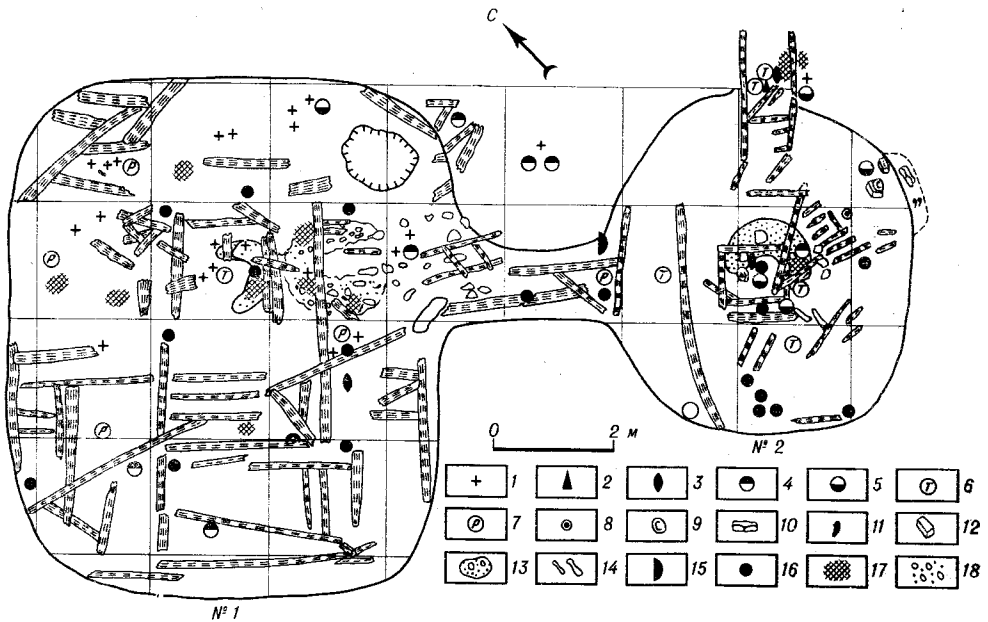

Рис. 50. План двойного жилища (землянки № 1 и № 2) на Никульском городище
 1 — отщеп; 2 — наконечник стрелы; 3 — наконечник копьа; 4 — скребок; 5 — нож; 6 — топор;
 7 — резец-буравчик; 8 — пряслице; 9 — жирник; 10 — посуда берестяная; 11 — зуб медведя;
 12 — наковальня; 13 — череп человека; 14 — кости; 15 — отесанный столб; 16 — столбы; 17 —
 подочажная горелая земля; 18 — подочажные камни

внутреннее пространство ямы поросло высокой густой травой, на валах рос кустарник и деревья.

Расчисткой ямы от травы и кустарников и разбивкой на квадраты (2×2 м) начаты были ее раскопки. Уже после снятия дерна стали выступать обгоревшие бревна перекрытия жилища. С тем чтобы получить полную картину их расположения, слой грязно-желтой супеси (толщиной 30 см), залегающий под дерном, был снят по всей площади ямы, а обгоревшие бревна оставлены на месте. При этом раскоп пришлось значительно расширить, распространив его под валы до стен жилища, облицованных обгоревшей травой и древесной корой. В результате получилась определенная картина продольно-поперечного расположения бревен, образующих в середине раму с бревенчатым накатом на шести столбах (их основание было выявлено в процессе окончательной зачистки пола) и боковые скаты крыши из опиравшихся верхними концами на эту раму наклонных стропил, нижними своими концами укрепленных по краям ямы (рис. 50). Расчистка следующего, более глубокого слоя грязно-желтой супеси толщиной в 10—20 см вплоть до пола жилища раскрыла почти в середине жилища, ближе ко входу в него, на юго-восточной стороне большое скопление крупных очажных камней, окруженное очажными зольными скоплениями, глинистая земля под которыми была интенсивно обожженной, отчего приобрела ярко-оранжевую окраску. Четыре углистых пятна с подочажной оранжевой обгоревшей землей под ними прослежены были и несколько в стороне от центрального большого очага, с восточной стороны. Здесь оказалась большая, вероятно хозяйственная яма (1,2 м в поперечнике и глубиной 25 см, с неровным дном). Вещей в этой большой полуземлянке найдено очень мало: всего несколько отщепов вокруг очага и ближе к северному углу жилища, обломок каменного топора в очаге, халцедоновая проколка в западном углу жилища, да шлифованный нож-скребок из глинистого сланца при входе. Совсем иной оказалась в этом отношении картина в небольшом смежном жилище (№ 2), где находок несравненно большее количество.

Жилище 2. Уже в процессе раскопок первой полуземлянки был прослежен узкий проход в данное жилище. Он представлял собой ограниченный с двух сторон нетронутый землей участок шириной 1,5 м, заполненный мешанной с вулканическим пещлом серой супесью, углями и золой. На этом участке были найдены обгоревшие жерди перекрытия прохода (рис. 50).

До раскопок данное жилище представляло собой округлую мелкую яму, глубиной 1 м и диаметром 4,5 м, с оплывшими краями и едва заметным земляным валом, определяющим границы жилища с юго-восточной стороны. Со стороны обрыва реки заметен отмеченный продольными и поперечными обгоревшими жердями перекрытия второй коридорообразный вход.

Раскопки жилища начали производить со стороны этого входа, с реки и одновременно в центре жилища, предварительно разбив территорию раскопа на квадраты 2×2 м. Грунт снимали по слоям.

На глубине 15 см (в кв. 10—Д) в торфе были обнаружены черепная крышка с лобовой частью и нижняя челюсть с зубами. На этом же

уровне в том же квадрате были обнаружены трубчатые кости человека, а в 10 см от черепа — плоский шлифованный нож из глинистого сланца. Судя по расположению найденных костей, в землянке был полный скелет, так как остатки его лежали в анатомическом порядке. Лучевая кость лежала на расстоянии 60 см от черепа, малая берцовая кость — на расстоянии 140 см от него, а вторая лучевая кость — правой черепа на 14 см и ниже его на 60 см. Череп покоился на плоском гранитном валуне, но уже на глубине 20 см в серо-желтом мешаном грунте. На этой же глубине стали встречаться угли, жженые рыбы кости, прослойки золы, отщепы. На глубине 25 см попадались куски обгоревших жердей перекрытия жилища и отдельные каменные вещи. Так, на расстоянии 30 см от черепа был обнаружен обломок топора из черного глинистого сланца и ряд отщепов. В кв. 10 — Е найден еще один обломок топора из зернистого сланца.

В самом центре жилища на глубине 30 см обнаружили первые детали конструкции жилища, а именно: обгоревшую прямоугольную раму дымового отверстия из коротких, до 1 м длиной, жердей (обрамление дымового отверстия у входа в жилище).

При дальнейших раскопках попадались обгоревшие жерди перекрытия, одним концом неизменно направленные к этой раме, другим же — к стенкам ямы, и лишь некоторые из них лежали в беспорядке.

Пол землянки прослеживался на глубине 80 см. Он был устлан корой березы и обгоревшей травой, встречались отщепы. Возле стенок землянки мы обнаружили несколько «пеньков» (остатков жердей), направленных под углом вверх к центру жилища. В стенках землянки оказались также кусочки бересты и обгоревшая трава, из которой были сплетены циновки.

При дальнейшем прослеживании стен на юго-восточной ее стороне на высоте 20 см от пола обнаружили нишу прямоугольной формы (длинной 1,5 м, высотой 0,5 м, глубиной 0,5 м), заполненную мешаной землей и облицованную сверху досками, которые опирались на деревянные стояки, были плотно пригнаны друг к другу и прикрыты корой. Они были настолько ветхи, что при прикосновении рассыпались. Внутри ниши находились деформированные, сплюснутые под тяжестью земли остатки берестяной посуды и каменный жирник тоже очень плохой сохранности, растрескавшийся от пожара. Он стоял в берестяной посуде. В правом углу ниши на глубине 1,7 м нашли нижнюю челюсть (с зубами) собаки; там же оказался халцедоновый скребок. Ниша являлась, очевидно, кладовой.

В центральной и юго-западной стороне жилища на полу найдены остатки от шести столбов, поддерживавших каркас кровли жилища. Судя по всему, ее центральная прямоугольная рама из четырех бревен, служившая обрамлением дымового отверстия (и, одновременно, верхнего входа в землянку), покоилась на четырех столбах.

Здесь же, в центре жилища обнаружены остатки очага. Он резко обрисовывался на глубине 60 см, представляя собой «подковообразное» скопление вулканических бомб (служивших в накаленном виде для кипячения воды) и небольших валунов вперемешку с глиной и угольками.

Судя по характеру находок, эта маленькая землянка служила для работы, в ней оказалось много отходов производства и недоделанных орудий. Большая часть их обнаружена вокруг центрального очага (заготовки каменных топоров и тесел, отбойник) и в нем самом (пряслице из вулканического туфа, обломок копыя из глинистого сланца, нефритовый топор, скребки и обломок топора).

Еще одно скопление вещей встретилось среди остатков второго не-большого очажка возле наружного входа в эту землянку. Здесь в золе с примесью углей и рыбьих костей найдены халцедоновый скребок, топор из глинистого сланца, кусочки стекловидных пористых шлаков и большой листовидный наконечник из обсидиана. Наконечник был настолько обожжен, что один его конец даже оплавился, вытянувшейся каплей, а по поверхности его распространились застывшие пузырьки и небольшие пористые вспучивания (табл. 41, 7).

Отдельные находки каменных вещей (обломки тесел, скребки, отщепы) были и в других местах жилища (рис. 50, табл. 41), а перед входом в коридор, ведущий в соседнее большое жилище (первое), был обнаружен обрубок затесанного внизу каменным топором горбыля. Своим заостренным концом он был вертикально врыт в земляной пол жилища, будучи обращенным плоской стороной к первой землянке.

Жилище 3 — округлых очертаний в плане (6,5×6 м). До раскопок — глубиной 0,8 м. Земляное дно пола было углублено еще на 1 м. Очажное углистое пятно также оказалось посередине (рис. 51). Таким же, как и в предыдущих жилищах, оказалось и продольно-поперечное расположение жердей рухнувшего после пожара перекрытия крыши, опиравшегося на четыре центральных столба. На стенах сохранились также и береста, и обгоревшая трава, их покрывавшие (типичная для ительменских жилищ особенность). Вещей оказалось немного: обсидиановый нож, круговой скребок и три отщепы (табл. 41, 1—3, 5).

Жилище 4 нами только шурфовалось в том месте, где осталась грабительская яма (результат «раскопок» школьников с. Щацино). Ограничились выяснением стратиграфии, оказавшейся подобной стратиграфии предыдущих землянок. Никаких вещественных находок в шурфе не оказалось.

Жилище 5. Оно заинтересовало нас прежде всего тем, что остатки его находились в состоянии разрушения, так как располагались на самом краю берегового обрыва р. Никулка. Юго-западная часть сооружения была смыта рекой и по обнажению обрыва великолепно прослеживалась его поперечная конфигурация, что значительно облегчило процесс исследования. Жилище оказалось подпрямоугольной формы, с закругленными углами, размером 7×5 м, с очагом с юго-западной стороны, где должен быть вход, разрушенный рекой (рис. 52). Еще до раскопок, в обнажении обрыва, в мешаной земле заполнения полуземлянки, на глубине 60 см были найдены два обломка костяного, орнаментированного нарезками игольника (табл. 44, 7). Но особенно много вещей оказалось в центральной части землянки: сложенные вместе и направленные лезвиями в одну сторону 8 каменных топоров и тесел (табл. 43), скребок из обсидиана, 3 наконечника стрел — один костяной, сильно обожженный, и два обсидиановых.

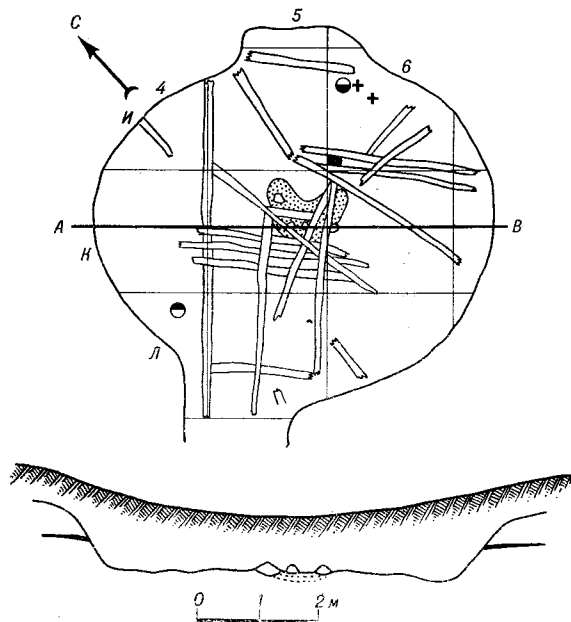

Рис. 51. План и разрез землянки № 3 на Никульском городище (условные обозначения см. на рис. 50)

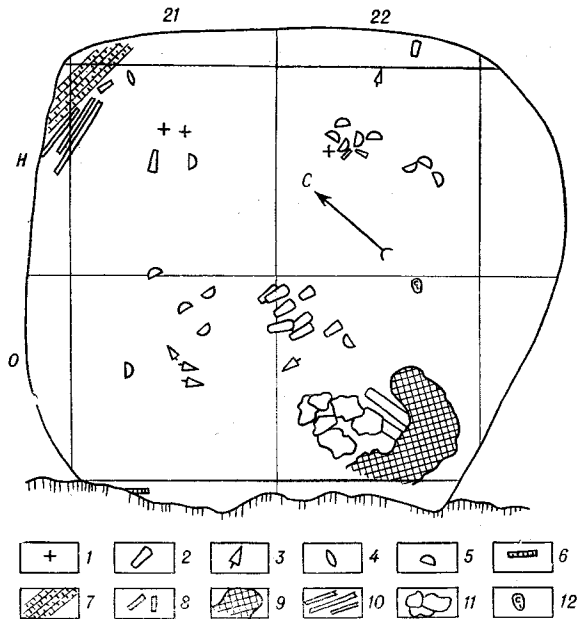

Рис. 52. План Никульской землянки № 5

1 — отщеп; 2 — топор; 3 — наконечник стрелы; 4 — наконечник копья; 5 — скребок; 6 — игольничек; 7 — цыновка; 8 — долото; 9 — жженная земля; 10 — горбыли; 11 — очажные камни; 12 — ложка

диановых (табл. 44). Ближе к обрыву, возле южной стенки жилища, предполагался очаг из крупных пористых вулканических бомб, обмазанных глиной. Очаг возвышался на 40—50 см над полом. Он имел подковообразную форму, как и все очаги никульских землянок. Зато под очажными камнями оказались обгоревшие доски. Ближе к северной стенке (на расстоянии 30 см от очага), на глубине 70 см был найден костяной наконечник стрелы, а в куче пережженных костей и золы с восточной стороны очага — обломок глиняной ложки (вероятно, служившей литейным льячком) и костяная «серьга». В центре землянки, на глубине 60 см обнаружили два скребка из глинистого сланца (один, круговой, — сильно обожжен) и один из зернистого камня, а чуть левее этих находок — обсидиановый скребок (табл. 42).

Возле северной стены жилища выявили остатки лежанки в виде гладко отесанных обгоревших досок, лежащих вдоль стены. Общая ширина лежанки — 60 см. Она была покрыта обгоревшей циновкой из крапивы, которую мы тщательно расчистили и извлекли для специального изучения. При разборе лежанки под ней, на глубине 80 см обнаружен нефритовый топор. На той же глубине, но уже не под циновкой оказалось 9 каменных скребков и два кусочка отшлифованных камней (табл. 42). Пол был значительно ниже, достигли его на глубине 1 м. Он был неровный, изрытый ямами глубиной до 30 см. Они были забиты жжеными костями, золой и углями. В одной из таких ямок найдены обломок каменного орудия, наконечник копья из обсидиана и несколько отщепов. А рядом нашли скребок из обсидиана и топор из глинистого сланца (табл. 44).

Раскопки Никульского городища позволили, таким образом, выяснить многие существенные особенности устройства «юртовищ», наиболее распространенных и заметных, но до наших раскопок по-настоящему неисследованных памятников.

Радиоуглеродная дата угля из жилища 5 (глубина 1,2 м): $750 \pm \pm 110$ (РУЛ — 473).

Остатки двух городищ в Камаках (17, 18)

Они находятся в двух пунктах: на бугре, расположенном на правом берегу речки Букрич в нескольких метрах выше ее устья; на бугре при устье речки Букрич (впадающей слева в р. Камчатка).

В первом пункте оказались очень незначительные следы человеческого обитания: только тонкая углистая прослойка, залегающая в слое мешаной серой супеси на глубине около 1 м под слоем голубого пепла вулкана Безымянного, серой, смешанной с пеплом супеси, желтой супеси — над толщей желтого песка. В этом пункте мы ограничились лишь небольшими земляными работами с целью выявления разреза на юго-западном склоне бугра.

Более плодотворной оказалась разведка на бугре в устье р. Букрич, где в обнажении обрыва (высотой в 6 м), обращенного к р. Камчатка, был обнаружен мощный культурный слой, представляющий собой остатки почти полностью смытой рекой глубокой землянки. Старожилы рассказывают, что прежде на вершине бугра было много ям — жилищ. Теперь

они перекопаны огородами и размыты рекой, и лишь по берегу, под обрывом попадают различные, вымытые сверху старинные каменные предметы: топоры, наконечники, скребки и т. д.

Разведывательный раскоп был заложен нами на самом высоком месте бугра (6 м) размером 2×1 м и был доведен до глубины в 2,8 м.

С первого вскапывания лопатой начали встречаться угольки, зола и кора березы, а на глубине 20 см начали попадаться и вещи, а также

много обломков собачьих костей. Все находки при этом распределялись по трем горизонтам, соответствующим наиболее интенсивным углистым прослойкам (рис. 53).

В первом горизонте под серо-желтой супесь смешанной с пеплом, на глубине 20 см, в углях и золе были найдены череп собаки очень хорошей сохранности и костяной наконечник стрелы, ветхий, полусгнивший; со второго горизонта углей, очажной золы и горелой бересты в глубину на целый метр уходит яма шириной 70 см, заполненная кусками углей, берестой, корой и рыбными костями; в ней же были найдены на дне три тесла из глинистого сланца, вулканические бомбы и скребок из кремнистого сланца. На углях и обожженной бересте, прикрывавших эту яму, лежали три ножа из глинистого сланца и череп собаки, обломки деревянных жердей, щепки. Яма обрамлялась с двух сторон двумя жердочками, и еще три жердочки лежали поперек, так что получилась деревянная обрешетка, которая

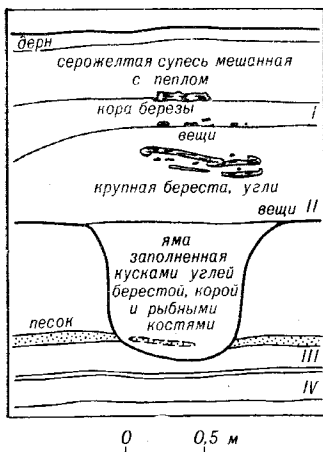

Рис. 53. Разрез через культурный слой в Камачах (при устье р. Бузрич)

поддерживалась четырьмя столбами, найденными здесь же по краям ямы. Дно ямы (на глубине 2,4 м от дневной поверхности) было устлано очень крупной березовой корой, и там, на дне, был найден еще один собачий череп. Под дном ямы — прослойка серого песка без находок толщиной 10 см, под ней опять следовал культурный слой толщиной 20 см (III горизонт), на уровне которого обнаружено большое скопление крупных тяжелых углей и целые куски обгорелых стволов каменной березы. Кору и травы, как и на полу в Никульских землянках, на этом горизонте не было.

Вещи, обнаруженные в данном разведывательном шурфе на всех горизонтах (табл. 46), типологически относятся к одной сравнительно поздней культуре. Для уточнения датировки разреза с каждого из трех уровней взяты пробы угля.

Древние погребения вблизи Камачов (19)

Ительменский обычай — выбрасывать покойников на крышу землянок на съедение зверям — затруднил нам поиски погребений, синхронных древнеительменским городищам. Разрозненные человеческие кости в луч-

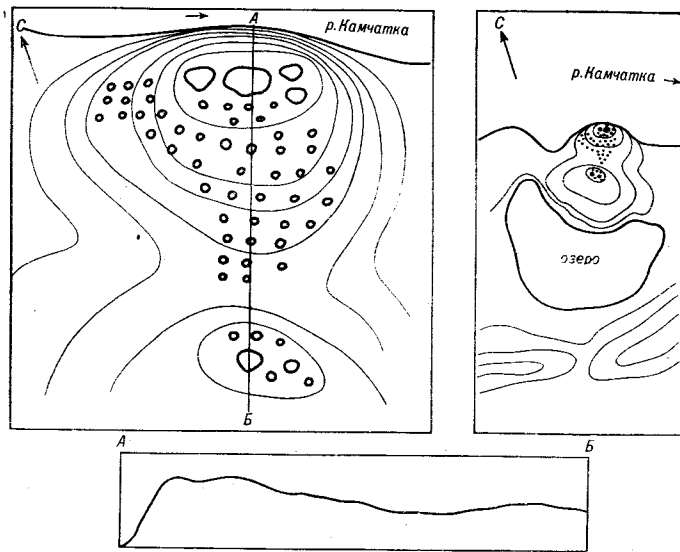

Рис. 54. План городища и могильника в Камаках

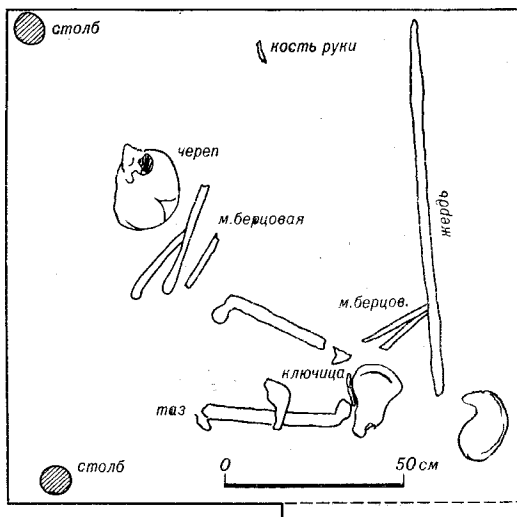

Рис. 55. Погребение 1 в Камаках

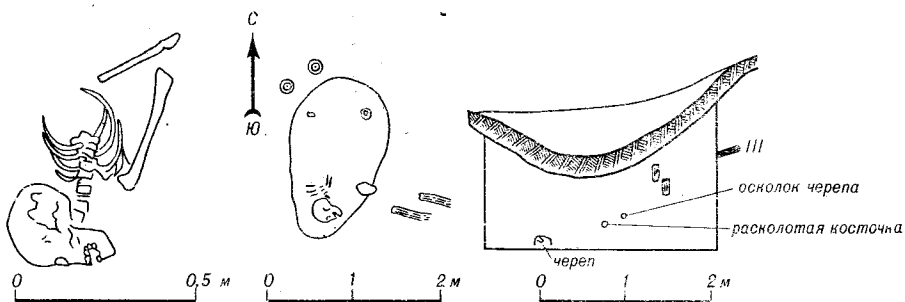
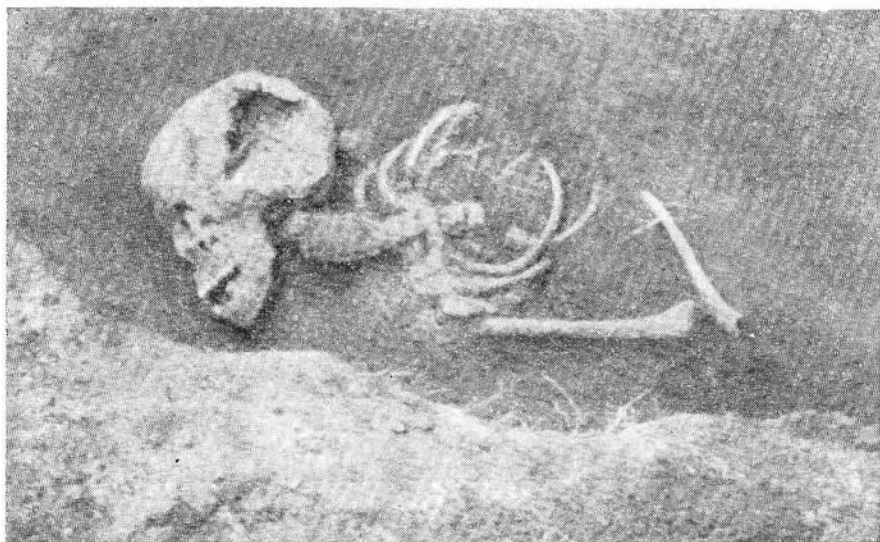

Рис. 56. Погребение 2 в Камаках

Рис. 57. Погребение 2 в Камаках (деталь)

шем случае попадались нам либо поверх рухнувших перекрытий жилищ, либо уже в переотложенном виде на бичевнике, куда их вымывало рекой или озером из разрушенных, находящихся на береговых обрывах, древних землянок. Но настойчивые поиски привели все же к открытию своеобразных захоронений в ямах под настилами, о которых не имеется упоминаний ни у Стеллера, ни у Крашенинникова.

Могильник подобного типа был обнаружен в 1961 г. на правом берегу р. Камчатка на южном склоне бугра, на самой вершине которого находилось городище из четырех подпрямоугольных ям-землянок и нескольких малых. Погребение оказалось в одной из маленьких ямок (до 2 м в поперечнике), обильно, с двух сторон, окружавших городище (рис. 54). Кости погребенного лежали на глубине 1,25 м на дне ямы, заполненной мешаной землей (рис. 55). От помоста, первоначально их перекрывавшего, а затем обрушившегося под тяжестью земли, остались основания двух столбов и несколько почти сгнивших жердей. Положение костей указывает на то, что погребение было весьма своеобразно: покойник был усажен в яме и только впоследствии кости его рассыпались в пустой камере под настилом.

Никаких находок с погребенным не оказалось. Кости же принадлежат девочке-подростку. На сравнительно неглубокую древность погребения указывает то, что могильная яма была перекрыта только одним слоем пепла вулкана Безымянный и то, что все пять горизонтов пепла Шивелуча были прорезаны. Однако древность могилы все же значительно глубже, чем XVIII в., когда подобные захоронения здесь были вовсе уже неизвестны.

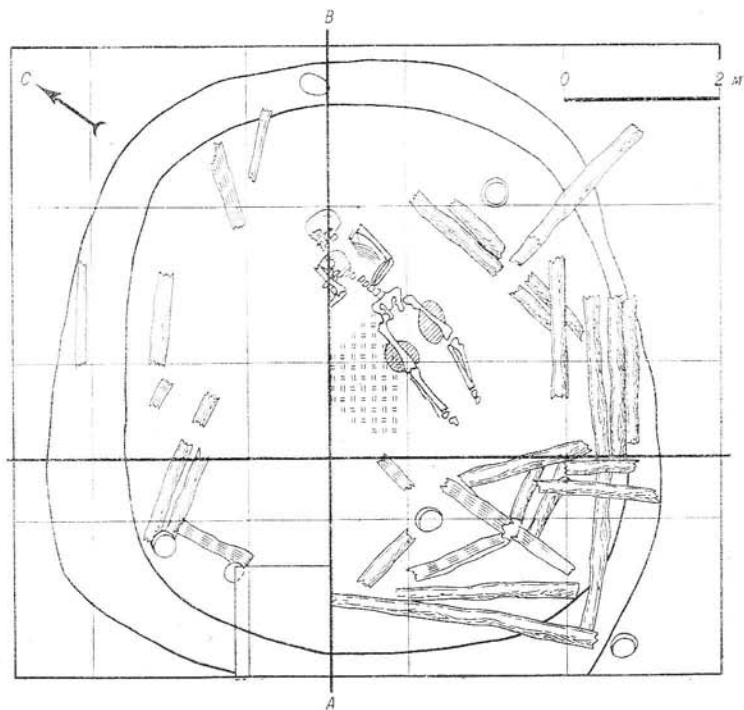

Рис. 58. Погребение 3 в Камаказ

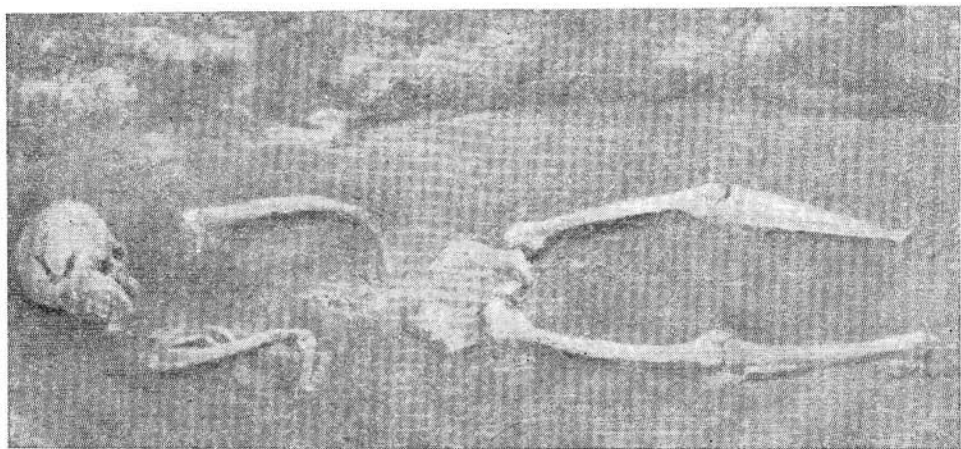

Рис. 59. Погребенный в могиле 3 в Камаказ (после расчистки)

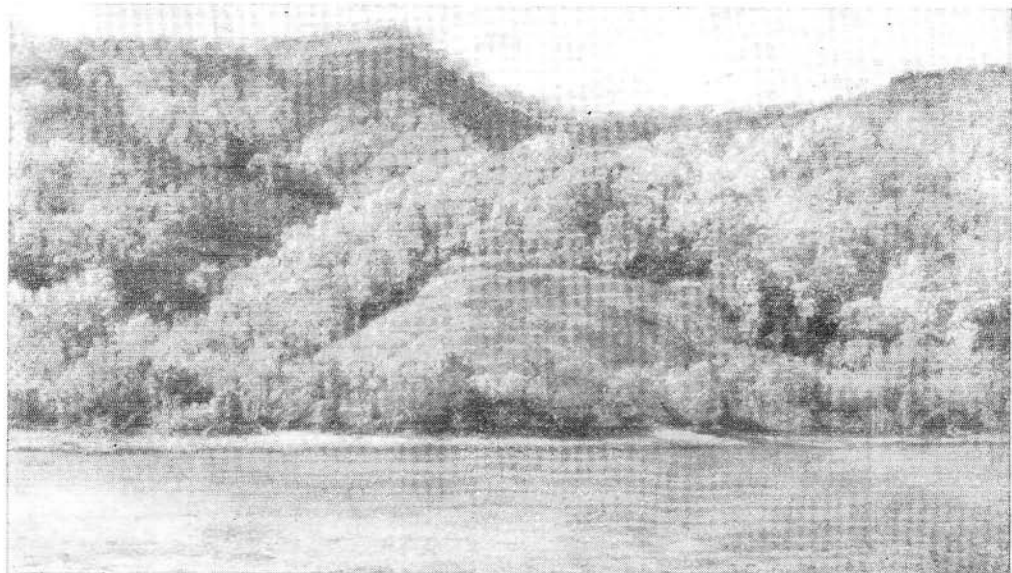

Рис. 60. Вид на городище в Щекях

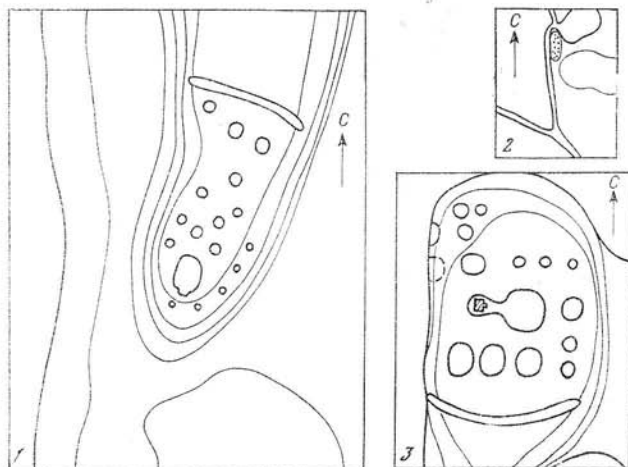

Рис. 61. Городища в долине р. Камчатка
1 — Правая Каваночка; 2, 3 — Левая Каваночка

В 1963 г. было исследовано еще два погребения. Оба отмечены снаружи ямами, первая (2) глубиной 1 м, вторая (3) — 1,5 м.

Погребение 2 — на глубине 1 м от дневной поверхности; сохранилась верхняя часть человеческого скелета с черепом, ориентированным на юг (рис. 56, 57). Погребение впущено через верхний слой пепла.

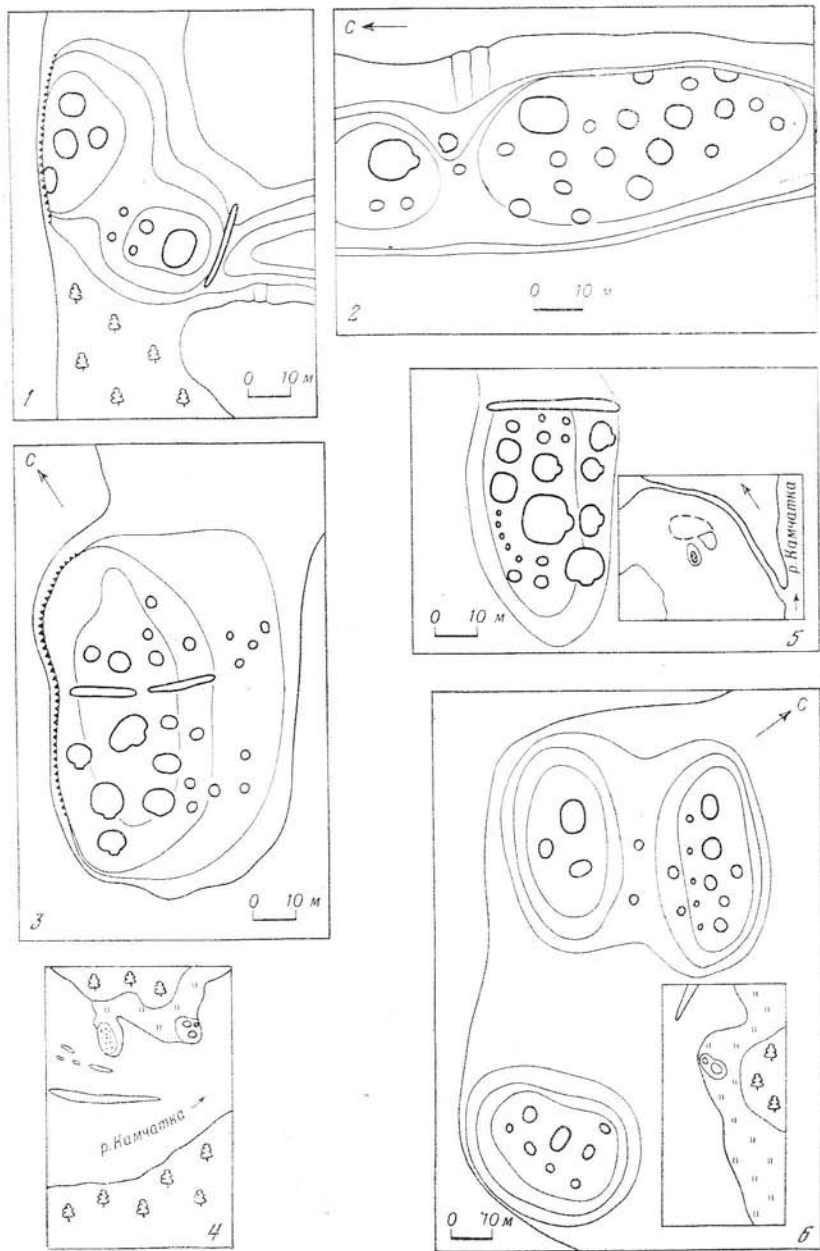

Рис. 62. Городища в долине р. Камчатка

1 — на оз. Каменское и на оз. Гроб; 2 — на оз. Куражечное; 3, 4 — на оз. Казачье; 5 — в местности Тысячное; 6 — на берегу р. Камчатка

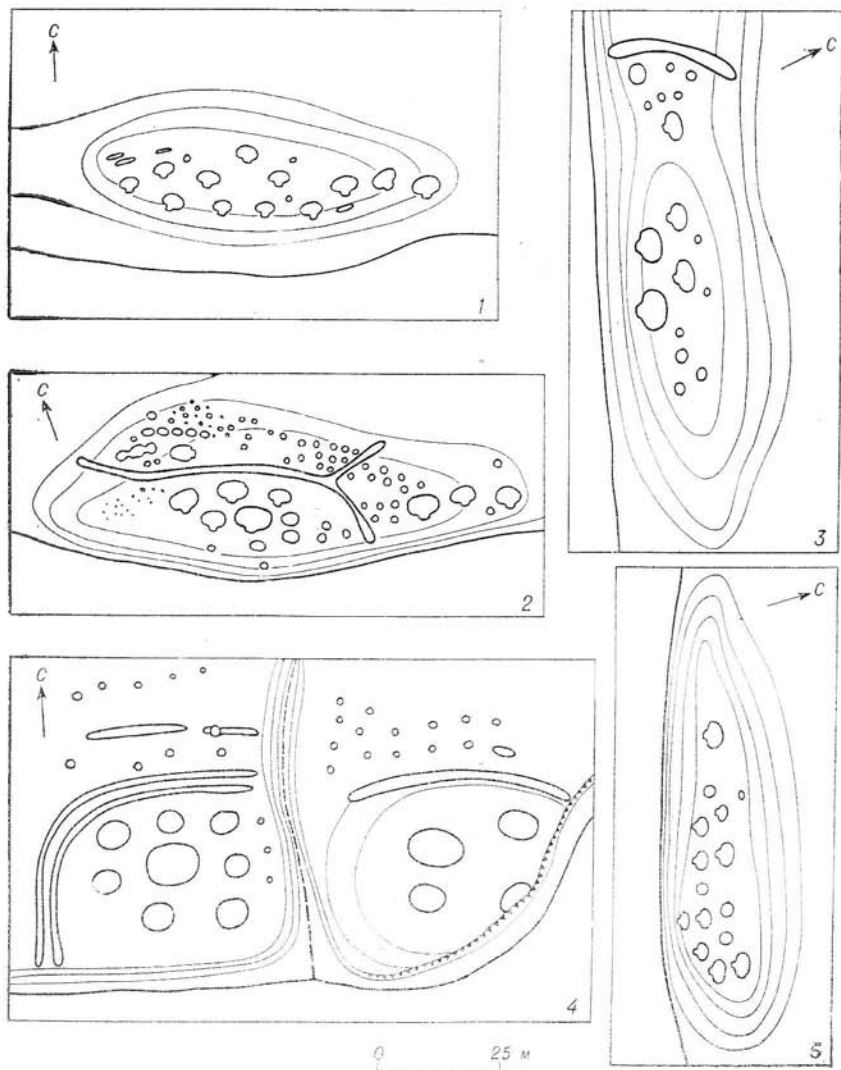

Рис. 63. Городища в долине р. Камчатка, в Щёлах (1—5)

Выше черепа был встречен его осколок и расколота косточка животного. По краям могильной ямы сохранились остатки трех столбов и две жерди перекрытия, которое, вероятно, подпиралось этими столбами.

Погребение 3. Довольно хорошо сохранившийся скелет найден в подтреугольной яме на глубине 1 м от дневной поверхности и 2 м от нижнего (южного) края ямы (рис. 58, 59). Он лежал ничком, с вытянутыми ногами и подогнутыми в локтях руками. Хорошо сохранились места

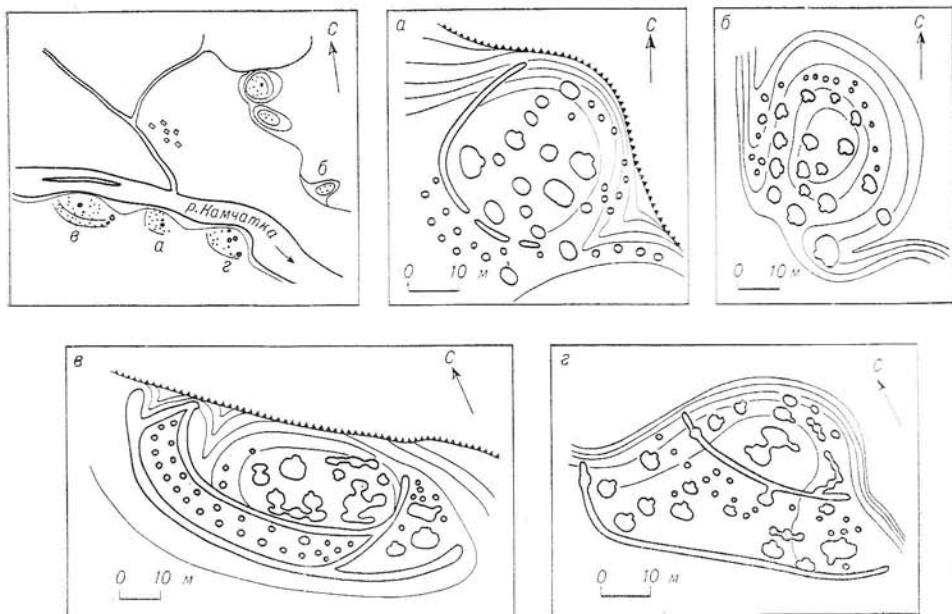

Рис. 64. Городища возле Нижне-Камчатска (план, а — г)

остатки меховой одежды (от плеч до колен). Ориентировка черепом на север. В ходе раскопок этого захоронения, под дерном обнаружено кострище, под ним — кость животного, а еще ниже, на глубине около 0,5 м — углистая прослойка. По краям ямы сохранились остатки обгоревших жердей, перекрывавших могилу. Нижние жерди сохранились в необгоревшем виде. Радиоуглеродные даты: 475 ± 50 (МАГ—232); 680 ± 50 (МАГ—231); 770 ± 30 (МАГ—224).

Другие городища и поздние неукрепленные поселения (20—37)

Наиболее многочисленную группу археологических памятников составляют укрепленные городища. На участке реки, от Ключей до Усть-Камчатска, и на смежных с рекой озерах мы зафиксировали их около 50 (из которых 18 тщательно обмерили) (рис. 60—64). Городища всегда находятся на высоких мысах или островах в непосредственной близости к реке, и подступы к ним преграждены если не самой рекой или озером, то болотом. С той стороны, где склон бугра или мыса пологий, всегда имеются оборонительные валы и рвы, или целая фортификационная система из оборонительных ямок до 2 м в поперечнике. Количество жилищ, от которых сохранились теперь только более или менее глубокие, поросшие травой ямы подпрямоугольных очертаний, в пределах одного городища колеблется от 4 до 25. Размер ям, соответствующих землянкам или полуземлянкам, от 4 до 10 м в поперечнике, причем, как правило, на каждом городище имеется одно более крупное жилище. Не-

редко жилища располагаются попарно, а в отдельных случаях, как на одном из нижнекамчатских городищ, переходами соединены даже 5 жилищ.

Изучение нами городищ не ограничивалось только их обмером и нанесением на план. На каждом из них в одном из жилищ закладывались маленькие шурфы для взятия пробы угля (радиоуглеродного определения даты) и выяснения стратиграфии. В результате выяснилось, что все они моложе последних пяти пепловых слоев вулкана Шивелуч, установленных Б. И. Пийпом по Ключевскому разрезу, и перекрыты только тонким слоем голубого пепла вулкана Безымянного.

Более обширный шурф в самой большой жилой яме (9×10 м) на городище у входа в Каменское озеро позволил выявить подземный туннелевидный вход против очага с юго-западной стороны для тяги, что соответствует описанию ительменских жилищ Крашенинниковым (в верхнем поддепновом слое в центре ямы здесь были встречены обломки человеческого черепа и плечевая кость, а на полу жилища возле очажного углистого пятна (на глубине 2 м) — обломок обсидианового наконечника копья).

Второй большой шурф в землянке на городище, расположенном на левом берегу протоки Малая Каванака, раскрыл нам устройство очага, сложенного из камней посреди жилища, и пола, устланного травой и горбылями (там были обнаружены два грузила, отщепы, обломки черепов и расколотые кости собаки; рис. 61, табл. 47, 5, 6).

Древние памятники на Командорских островах (38—41),
в районе Авачинской губы (42—45)
и в долине р. Пенжина (47—50)

Стоянки морских охотников на о. Беринга (38—41)

Попытка выяснить путь возможного расселения из Азии в сторону Америки была предпринята нами в 1964 г. на о. Беринга — самом большом из Командорских островов.

Мы обошли на моторной лодке Саранное озеро, осмотрели каждую пядь его берега, убедились вполне: на острове следы только поздних неолитических землянок. Мы нашли их на одном мыске (стоянка 38). Такие же ямы от жилищ (стоянка 39) нашли и слева от устья речки, вытекающей из озера, на склоне возвышенности, там, где теперь стоят домики пионерского лагеря.

Чтобы составить более полное представление о древних памятниках острова, мы совершили две поездки к его котиковым лежбищам.

Рис. 65. Вид на древнюю стоянку у котикового лежбища возле северо-западного мыса на о. Беринга

К северному лежбищу мы доехали на машине. Нашли там довольно много таких же сравнительно поздних землянок, конечно алеутских, с обильными признаками морской охоты, с костями различных морских животных (стоянка 40).

К юго-западному мысу мы смогли добраться только на вездеходе. Там, на заросшем высокой травой склоне сопки мы нашли все те же следы пребывания древних морских охотников (рис. 65). В глубоком шурфе мы откопали множество расколотых костей песка и птиц (стоянка 41).

Эти разведки на острове позволяют прийти к заключению, что он был обитаем сравнительно недавно, но до поселения здесь алеутов при русских.

Вместе с тем мы убедились, что в палеолите остров не заселялся. Он был отделен глубокой морской впадиной от п-ва Камчатка даже в то ледниковое время, когда существовал сухопутный мост между Чукоткой и Аляской. Только относительно развитые мореходные средства поздних морских охотников позволили форсировать эту преграду.

Неолитические стоянки в районе Авачинской губы (42—46)

Елизовская двуслойная стоянка (Старый острог) (42)

У моста на правом берегу р. Авачи на мысовидном бугре, высотой около 8 м, сохранились следы неолитической стоянки (рис. 66). Ее культурный слой довольно отчетливо прослеживается по верхнему краю бугра.

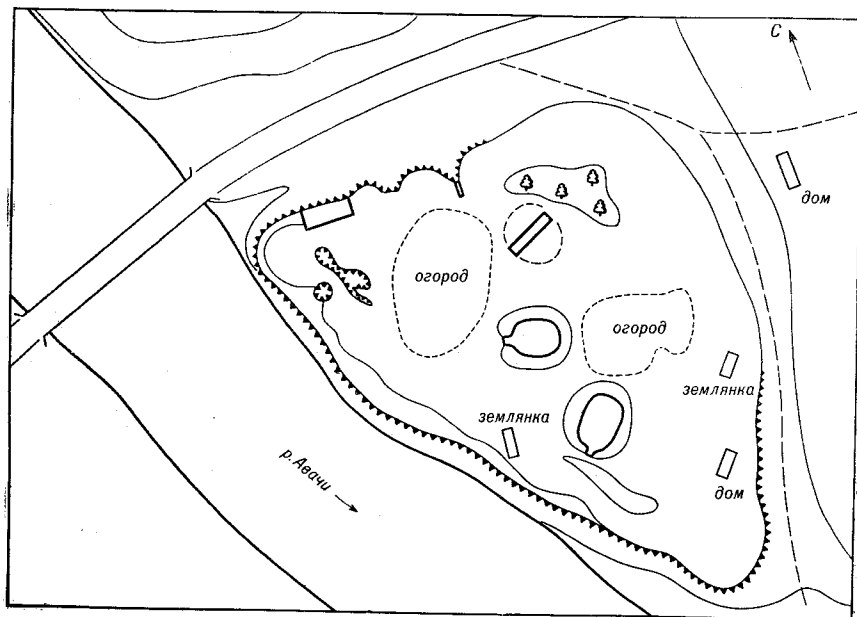

Рис. 66. План Елизовской неолитической стоянки

ра со стороны дороги. Зачистка на этом месте культурного слоя выявила следующую последовательность слоев суглинка и супеси различных тонов в основном коричневого цвета (рис. 67).

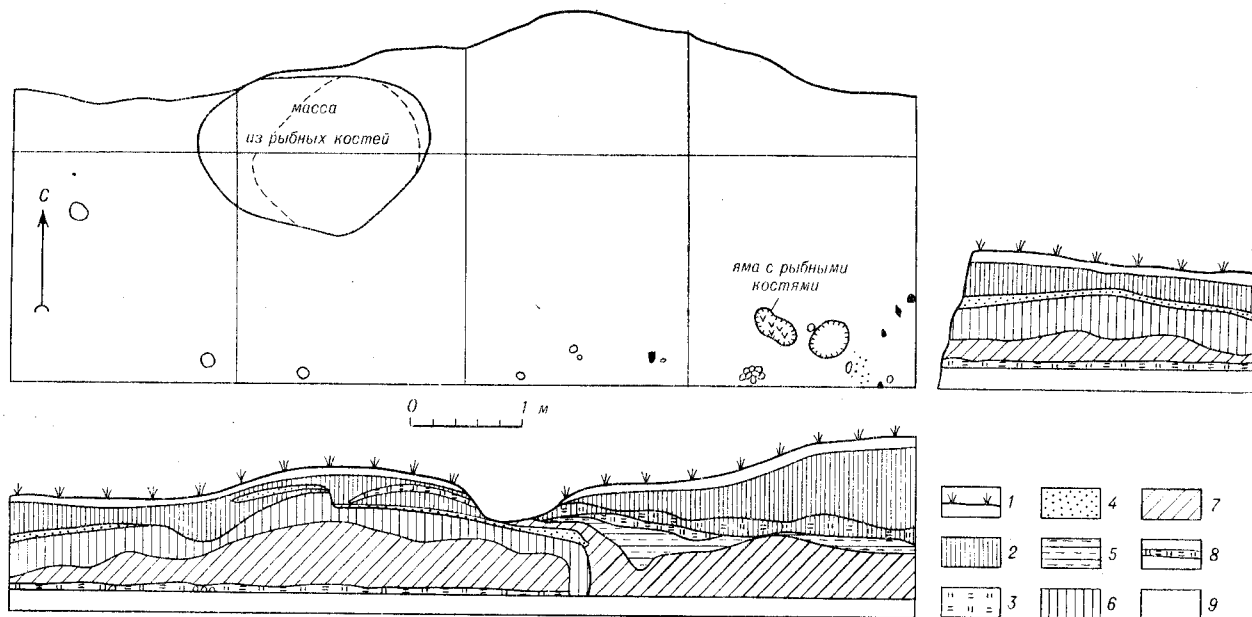
1. Почвенный слой (дерновый и поддерновый, толщиной 15—80 см).
2. Первая углистая прослойка, толщиной 5—20 см. Прослеживается небольшими скоплениями угольков или единичными угольками местами внутри первого слоя, местами непосредственно под ним.
3. Суглинок желтоватого цвета (5—35 см) в западной части разреза.
4. Прерывчатые прослойки желтого вулканического песка (5—10 см).
5. Темно-коричневый суглинок, толщиной 5—60 см, с вкраплениями угля, содержащих культурные остатки (отщепы глинистого сланца и обломки орудий).
6. Светлая супесь в восточной части разреза, толщиной 20—55 см. Также содержащий культурные остатки.
7. Вторая углистая прослойка, толщиной около 5 см, четко прослежена в основном в восточной части разреза.
8. Серовато-желтая супесь (15 см).
9. Серая супесь — материк.

Данный разрез прошел через два одновременных жилых комплекса. Один из них прослежен в восточной части раскопа, другой — в западной.

Более древним является восточный комплекс. Здесь, на глубине 80 см, под слоем вулканического песка, в нижней углистой прослойке (слой 7) очерчиваются два очажных пятна.

В одном из них, наиболее крупном, ($d = 1,4$ м) с обрывками обгоревшей сверху бересты, обнаружены две ямки: одна — овальная (20×30 см) с рыбьими костями, другая — круглая (30 см в поперечнике), пустая, очевидно со столба, и куча из 8 аккуратно сложенных овальных галек. Рядом с очажным пятном найдены каменные изделия типично неолитического облика: большой, фигурного типа, прекрасно отретушированный халцедоновый нож, два крупных и мелких каменных отщепов. Последних много оказалось и в соседнем (на кв. 3 — Б) очажном пятне, на глубине 90 см. По всем данным мы достигли здесь пола жилища. На северной стороне его, но несколько выше пола, у обрыва, в темном, коричневом суглинке (слой 3), на кв. 4 — А в дополнение к перечисленным были найдены также обсидиановый черешковый наконечник стрелы, скребок и обломок орудия вроде топора из глинистого сланца (табл. 48, 49). По всей поверхности и на разных глубинах, между слоем песка и углистым полом жилища обнаружено много мелких отщепов. Уголь из очагов имел радиоуглеродный возраст 3900 ± 100 (ГИН — 183). Вероятно, он несколько завышен.

Более поздним является западный комплекс в виде явно выраженной землянки, врезанной через прослойку вулканического песка (слой 4) в западную часть (описанного выше) более позднего жилища (рис. 66, 67). Этой землянке хронологически соответствует самая верхняя углистая прослойка (слой 2), с уровня которой и была она вырыта. В этой верхней углистой прослойке и в нижней части почвенного слоя (слой 1) попадались отщепы глинистого сланца и обсидиановые (их найдено более 100). Вулканического песка в этой западной части раскопа, совсем нет. Сразу же идет слой желтовато-серого суглинка (слой 3) и под

Рис. 67. План раскопа и разрез Елизовской неолитической стоянки

1 — дерн; 2 — почвенный слой; 3 — следы костров; 4 — вулканический песок; 5 — суглинок желтовато-серого цвета; 6 — суглинок темно-коричневого цвета, культурный слой; 7 — светлая супесь; 8 — углистый слой; 9 — желтая супесь

ним слой перемешанной земли тоже с отщепами (слой 5) — заполнение развалившейся землянки. На квадратах А — 1, А — 2, Б — 1, Б — 2 обнаружена неглубокая (20 см глубиной), но широкая (около 2 м в поперечнике) яма, вырытая в слое серовато-желтой супеси (слой 3) до материка и заполненная перегнившими костями рыб и мелких животных. Разрез через эту яму выявил чрезвычайно интересную структуру ее заполнения. Вся она была перекрыта обгоревшей только сверху берестой, поверх которой — угольный слой толщиной в несколько сантиметров. Угольки были и под берестой, и на дне ямы, которое было выложено мелкими камешками. Возле этой мелкой ямы с рыбьими костями найдены каменный орнаментированный жирник, каменный наконечник стрелы, скребки и отщепы (табл. 49). С восточной и юго-восточной стороны, вокруг нее, в материковой серой супеси выявлены три круглые ямки, вероятно от столбов землянки (рис. 67).

В 35 м юго-восточнее была раскопана более поздняя землянка верхнего слоя. Там оказались обломки гладкостенной глиняной посуды с внутренними ушками и с ребристыми валиками с внутренней стороны, идущими параллельно венчику (табл. 52). Кроме того, были найдены обломки листовидных двусторонне ретушированных наконечников, ножей, обломки шлифованных треугольных в сечении тесел и скребки (табл. 50, 51).

*Двуслойная неолитическая стоянка
на южном склоне Мишенной сопки (43)*

Находящаяся в черте города Петропавловска-Камчатского стоянка впервые была разведана Е. П. Орловой и уже ею определена как двуслойная. «На глубине 30—40 см были найдены лампа-жирник, круглые камни и обломки глиняной посуды, причем один из них имел ручку. Под этим слоем на глубине 70—85 см обнаружен второй культурный слой, из которого извлечены 9 наконечников стрел из обсидиана, 3 скребка и обломок кося. Предметы нижнего слоя были более тщательно обработаны»¹.

Примечательны ярко выраженная двуслойность стоянки и такие детали, как фрагмент керамики с ручкой (внутренним ушком) в первом слое и более тщательная обработка орудий второго слоя, что определенным образом характеризует особенности комплексов.

Во время раскопок 1966 г. автором была подтверждена двуслойность стоянки на Мишенной сопке. К сожалению, верхний слой кроме неопределимых остатков костей ничего не дал. Зато из второго нижнего слоя были извлечены подшлифованный топор, треугольный в сечении, со слегка оббитым, сработанным лезвием, пять обломков топоров и тесел, два узкоклиновых ножа с черенками. Один из них тщательно обработан, сплошь покрыт ретушью, другой изготовлен на пластинчатом отщепе, лезвие отретушировано. В трапеции три трапециевидных скребка, один из них высокой формы, два изготовлены на отрезках широких пластин. Среди других, менее значительных каменных изделий этой

¹ Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки. — В кн.: Сб. МАЭ, т. XI. Л., 1949.

стоянки можно еще отметить плоское рыболовное грузило из песчаника с двумя перехватами (табл. 53, 54).

Возраст углей из нижнего слоя: 2160 ± 90 (МАГ — 34).

*Неолитическая однослойная стоянка
в Петропавловске-Камчатском на Кирпичной улице (44)*

На южной окраине Петропавловска-Камчатского проведены предварительные разведывательные раскопки неолитической стоянки, обнаруженной В. Ткаченко на Кирпичной улице. Стоянка расположена в самом конце улицы, на обрывистом побережье Авачинской губы, на высоте 50 м от уровня моря. Вся территория стоянки занята огородами. На свободном от них месте, в верхней части обнаженного от дерна берегового обрыва зачистили разрез 1×1 м. В результате выявились следующие слои (рис. 68).

1. Дерновый слой 15—20 см.
2. Вулканический серый песок 2—3 см.
3. Супесь коричневого цвета 20—35 см.
4. Вулканический пепел 8—10 см.
5. Вулканический пепел 4—6 см идет прерывистой полосой в слое супеси коричневого цвета с примесью единичных угольков. По-видимому, прорезает культурный слой.
6. Супесь коричневого цвета с примесью единичных угольков, с массой каменных отщепов и изделий из камня. Культурный слой.
7. Слой суглинка красного цвета 15—20 см. Разрыхленная поверхность скалы.
8. Скала.

Таким образом, на глубине 40—45 см под вулканическим пеплом нам встретился культурный слой, мощностью в 70—75 см. Слой по всей толщине насыщен единичными угольками (их возраст по C^{14} — 2390 ± 70 , МАГ — 103). Встречено много каменных отщепов и готовых изделий из камня. Материалом для изготовления каменных предметов служили преимущественно молочно-белый халцедон, обсидиан, песчаник, редко — зеленый кремнь, цветной.

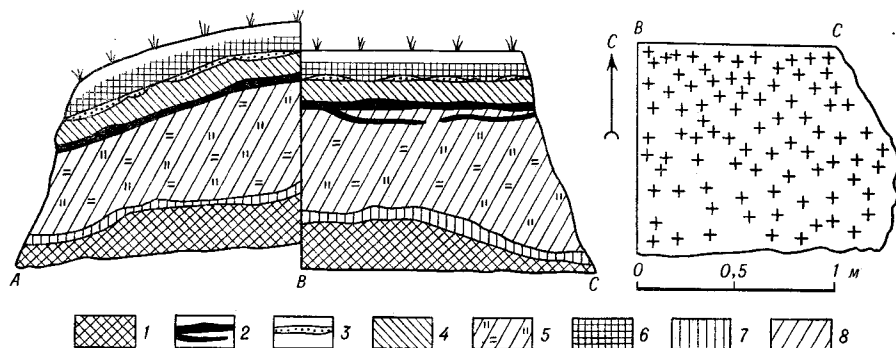

Рис. 68. Разрез и план шурфа неолитической стоянки Кирпичная

1 — красная скала; 2 — вулканический пепел; 3 — вулканический песок; 4 — коричневая супесь; 5 — культурный слой; 6 — поддерновый слой; 7 — красный суглинок; 8 — коричневый суглинок

На вскрытом нами участке стоянки много отщепов из вышеназванного материала, готовые изделия; следует отметить, что из готовых изделий большинство поломаны.

Найдены нож подтреугольной формы из кремнистого сланца, горбатый нож из халцедона, наконечник стрелы обсидиановый, иволистой формы.

Наконечник стрелы — обсидиановый, с выемкой с боку основания; наконечник стрелы — обсидиановый, плоский, с прямым основанием; черешковый наконечник; обломок наконечника стрелы (острие) из обсидиана; пять обломков наконечников стрел (основания) из халцедона, обсидиана и цветного камня; скребок на пластинчатом отщепе обсидиана с тщательной мелкой, высокой ретушью. Все скребки — преимущественно на пластинчатых отщепах, шлифованные тесла — с пристроенным обушком линзовидного и подтреугольного сечения (рис. 55, 56).

Там же были встречены фрагменты плоскодонной гладкостенной глиняной посуды с внутренними ушками и обломки более тонкостенных, слегка отогнутых наружу венчиков (табл. 52, 2). Кроме того, на вскопанной под огород поверхности стоянки был собран обильный подъемный материал (табл. 57, 58).

Стоянка на берегу Раковой бухты (45)

С этой стоянки, расположенной в черте города Петропавловска-Камчатского, на высокой (около 20 м) морской террасе, собран только подъемный материал. Здесь из перекопанного под огород поверхностного слоя суглинка были взяты нами в 1961 г. несколько каменных изделий неолитического облика: наконечники стрел, скребки, отщепы.

Авачинская стоянка (46)

Обнаружена автором в 1971 г. на высоком обрыве на берегу Авачинской губы, слева от устья р. Авача. Неолитический и более поздний культурные слои прослеживаются на протяжении в несколько сот метров в подерновых и более глубоких (до 1 м) супесчаных отложениях этой высокой террасы. Ее высота здесь неравномерная и в средней части стоянки достигает наибольшей величины: здесь стоянка отмечена ямами землянок, перекрытыми более поздними траншеями. Среди многочисленных каменных, преимущественно обсидиановых изделий (наконечников стрел, скребков, ножей), попались также лабреточная шпилька и антропоморфная фигурка. Возраст углей из среднего слоя — 2990 ± 100 (КРИЛ — 252).

Древние стоянки на Зеленом и Большом мысах, в Манилах и возле с. Каменское в низовьях р. Пенжины (47—50)

Здесь были обнаружены только однослойные позднеолитические стоянки: на вершине каменного Зеленого мыса, вниз по течению от с. Манилы, на правом берегу р. Пенжина (стоянка 47); на Большом мысе, тоже каменистом, еще 5 км ниже по реке, на том же берегу (стоянка 48).

Обе стоянки отмечены жилыми ямами глубиной до 1 м, 5—6 м в поперечнике. Культурный слой — в буром суглинке. Среди находок преобладает керамика с налепными валиками с наружной стороны (табл. 60) и грубые скребла, пожи и наконечники из базальта (рис. 61), а также кости морских зверей. Раскопки не производились. Ограничились сбором подъемного материала.

Аналогичный подъемный материал (табл. 62) был собран на огородах в с. Манилы — на террасе в 4—5 м высотой (стоянка 49). В двух местах — в 5 км выше и в 6 км ниже от с. Каменское, на сопках с плоскими открытыми вершинами на мелкощербнистой поверхности собраны незначительные остатки (преимущественно отщепы) древних охотничьих становищ (стоянки 49, 50).

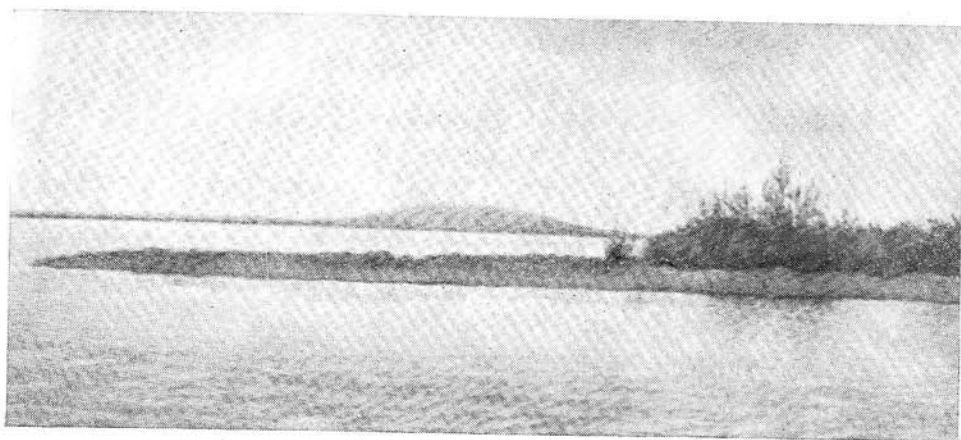
Неолитические и более поздние памятники в бассейне р. Анадырь (51—74)

Несмешанные однослойные стоянки и могильники (51—71)

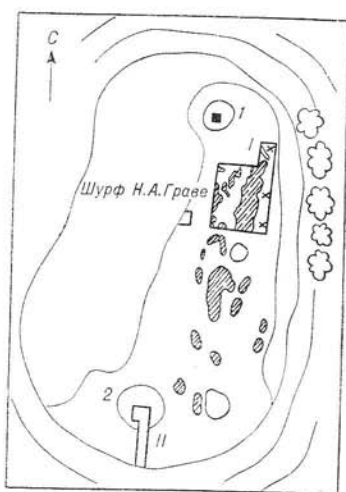
Неолитическая стоянка на Чировом озере (51)

Следы этой стоянки впервые были обнаружены в 1952 г. Н. А. Граве в шурфе на мерзлотном бугре восточного берега оз. Чировое (рис. 69). Высота бугра — 15 м; длина по низу — 115 м, длина по верху — 62 м; наибольшая ширина верхней площадки, имеющей форму неправильного овала, — 40 м, наименьшая — 31 м. Плоская его вершина разделена вдоль на две части: западную, с мелкощебнистой голой поверхностью; восточную, несколько пониженную, обильно поросшую травой, с отдельными пятнами (буграми глины с галькой) и четырьмя неглубокими ямами (глубиной до 0,5 м). Эта пониженная часть бугра представляет собой собственно впадину, ограниченную по ее восточному продольному краю валом (шириной 2—3 м), таким же мелкощебенчатым, как и вся западная половина верхней площадки. Вся эта обширная и мелкая впадина, в северной части которой Н. А. Граве и сделал свой шурф, является площадью обитания здесь в прошлом людей; всюду по этой, поросшей травой, современной почве прослеживается древний культурный слой, датированный еще А. П. Окладниковым по находкам Н. А. Граве эпохой позднего неолита и ранней бронзы в масштабах северной Якутии.

Раскопки этого культурного слоя были предприняты нами в 1959 г. закладкой двух разведывательных шурфов и двух траншей (рис. 70), указавших на скудность находками в южной части и относительное обилие — в северной, где была обнаружена не только углистая земля (как в шурфе № 2 и в траншее № 2), но и глиняные черепки, отщепы (в шурфе 1) и, кроме того, расколотые кости северного оленя (определение В. И. Цалкина), обсидиановые наконечники стрел, скребки (в траншее 1). После этого в наиболее перспективном месте, между траншеей 1 и шурфом 1 в северной части плоской вершины бугра, был осуществлен большой раскоп общей площадью (вместе с примыкающей траншеей 1) в 102 кв. м (рис. 70). Раскопки производились послойным вскрытием площади, с использованием носилок для удаления просмотренной земли с раскопа. В результате тщательной фиксации разрезов была выявлена следующая общая стратиграфия, в общем совпадающая с данными Н. А. Граве. Сверху шел дерн и черная луговая земля (толщина этого слоя 10—20 см). Ниже простирался слой бурого суглинка с мелкой галькой (толщиной 15—20 см). Еще ниже прослеживался пласт светло-бурой супеси тоже с мелкой галькой (примерно такой же толщины). Все это подстилалось желтой глиной различной мощ-

Рис. 69. Вид на мерзлотный бугор с неолитической стоянкой на Чировом оз.

Рис. 70. Раскоп на стоянке Чирова

ности и еще глубже — залегающей зеленовато-серой глиной в тех местах, где желтая глина выклинивалась.

В процессе раскопок выяснились такие резко выраженные поднятия и опадания слоя желтой глины (рис. 70), которые можно объяснить наличием здесь широких морозобойных трещин.

Толщина подпернового культурного слоя во впадинах достигает в среднем 0,5 м, в некоторых ямах она значительно больше — до 1 м от дневной поверхности. Такое западание культурного слоя вызвано мерзлотными процессами, в частности образованием после обитания здесь древних людей морозобойных трещин.

В пределах раскопа оказалась сложная система очагов и хозяйственных ям разного назначения, в том числе с расколотыми костями северного оленя (8/4), собаки (1/1) (определение В. И. Цалкина) и с гли-

няными черепками. Наиболее замечательным хозяйственным сооружением является среди них печь, сделанная в глиняном пласте, с дымоходом, очевидно для копчения рыбы (по крайней мере местный старожил, юкагир Алин Д. А., утверждал, что такой тип очага наиболее удобен именно для копчения рыбы). Дымоход этой печи закопчен, в ее устье сохранилась углистая земля, а в ней — глиняные черепки и расколотые кости оленя; большое количество глиняных черепков имелось и рядом, в соседней яме. Подробное описание всех этих хозяйственных комплексов, обнаруженных на раскопе, нами уже опубликовано¹.

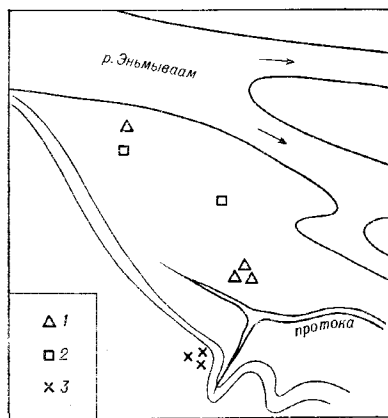
Здесь было большое количество различных остатков человеческой жизни и деятельности, несомненно продолжительной на этом, исключительно удобном для рыбной ловли и охоты на оленей, месте. На стоянке, в пределах раскопа, обнаружено много каменных отщепов, скребков, ножей, наконечников стрел и фрагментов керамики с округлым уплощенным дном и с вафельобразными отпечатками штампа.

В систематизированном виде обнаруженные здесь каменные изделия изображены на таблицах 63—70. Керамика дана в таблицах 71, 1—15. Костяные вещи (наконечники, рукоять ножа, проколка из рога оленя и орнаментированная пластинка) см. на таблице 70.

Возраст углей из культурного слоя: 2800 ± 100 (ГИН — 00).

Рис. 71. Местонахождение древней стоянки в Мухоморном

1 — база оленеводческой стоянки; 2 — магазин; 3 — древняя стоянка

Мухоморненская неолитическая стоянка (52)

На мысовидном выступе высокой (10—12 м) террасы правого берега р. Эньмуваам, возле устья впадающего в нее ручья, неподалеку от нынешней так называемой Мухоморненской метеостанции, в поверхностном культурном слое бурого суглинка собран неолитический материал: острый лавроволостный, оббитый с обеих сторон нож или наконечник копыя из серого кремня, пять обсидиановых отщепов, одиннадцать отщепов из красного кремня, пять халцедоновых и 16 из серого кремня, а также осколок трубчатой кости (рис. 71).

¹ Диков Н. Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году. — В кн.: Записки ЧОКМ, с. 31—33.

Вакаревская стоянка (перезиточный неолит) (53)

На следы древней стоянки на месте рыбалки Вакарево в низовье Майна еще в конце XIX в. обратил внимание А. Е. Дьячков. В 1957 г. археологическая экспедиция Анадырского краеведческого музея осмотрела место этой древней стоянки. Но весенний подъем воды тогда не позволил провести детальное исследование. Только в 1958 г. были произведены раскопки, собран большой материал по неизвестной прежде археологам культуре континентальной Чукотки². В принципе эта культура отличается от так называемой континентальной культуры охотников и рыболовов позднего неолита и раннего бронзового века.

Стоянка располагалась на левом песчаном берегу реки, на косе, имеющей высоту до 6 м. В 8 км вверх по течению этой реки находится ближайший населенный пункт — рыбалка Вакарево.

Культурный слой прослеживается в обнажении длинного прибрежного песчаного бугра (около 200 м) и на находящемся в 400 м к востоку от него мысе, возле устья ручья. Культурные остатки прослеживаются на глубине до 110 см от поверхности в серовато-желтом песке, перекрытом сверху более светлым песком и затем темным гумусированным песком.

Раскопками была вскрыта площадь около 15 кв. м, причем предвзительно пришлось выкорчевывать густой кустарник.

Были определены два горизонта: на глубине 90—100 см и на глубине 100—110 см.

В первом горизонте прослеживалось 5 очажных пятен со значительным содержанием древесного угля, птичьих и рыбьих костей, осколков глиняной посуды и отщепов серого кремнистого сланца. Осколки посуды и отщепы попались и между очагами.

Во втором горизонте была площадка утоптанной земли (остаток размытого рекой жилища) и четыре смежных пятна с черепками, углями и расколотыми костями животных.

Среди костей преобладали олени (44/13). Были определены (В. И. Цалкиным) также кости медведя (1/1), рыбы и утки. Черепки преимущественно с оттисками шнура и прямоугольного гребенчатого штампа (табл. 72), среди отщепов встречались отдельные и из обсидиана.

На этом раскопки были приостановлены, так как культурный слой на этом участке полностью выклинился.

В 1963 г. мы произвели дополнительную зачистку обнажения берега с левой (если посмотреть на раскоп с реки) стороны раскопа и извлекли из нижнего очажного слоя с глубины 1 м уголь для определения возраста стоянки радиоуглеродным способом. Была получена дата: 500±50 (ЛЕ—674).

Усть-Майнская неолитическая стоянка (54)

Неолитическая стоянка обнаружена у прежней летней переправы оленей на правом высоком берегу р. Майн, при самом впадении этой реки в

² Одновременно зачистку культурного слоя этой стоянки предпринял И. А. Некрасов: *Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине реки Майна (по работам 1957 г.). — МИА, 1960, № 86.*

Анадырь, метрах 500 выше развалин некогда бывшего здесь селения Усть-Майн и старого христианского кладбища (рис. 72).

Высота террасы в том месте, где находится древняя стоянка, достигает 11 м. Терраса сверху густо заросла кедрачем. Склон ее довольно крут, с обнажениями (внизу — галечник, выше — суглинок с галькой).

Культурный слой (толщиной 20—30 см) был хорошо отмечен рыжей прослойкой подпочажной земли и прослеживался на глубине около 50 см от верха террасы, в желтой супеси над слоистыми суглинками.

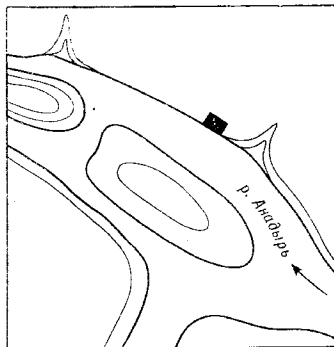

Рис. 72. Расположение неолитической стоянки в Усть-Майне

Первая находка была в осыпи на склоне: два скола с черной гальки и один глиняный черепок.

Культурный слой на раскопанном участке (размером 5/5 м) содержал отщепы такого же черного сланца, расколотые гальки, черепки, расколотые кости животных, угольки. Кроме того, были извлечены: скребочек на отщепе черного кремнистого сланца, короткий нож миндалевидной формы, сделанный из светло-серого кремнистого сланца, и еще несколько менее выразительных предметов (табл. 82, 1—3).

Неолитическая стоянка в Снежном (55)

На голый щебнистой возвышенности, в 1,5 км к северо-востоку от поселка Снежное, на правой стороне ручья был найден один отщеп красного кремня.

В пределах самого поселка, на взгорке среди яранг к северо-западу от поселка и на огородах на краю береговой шести-восьмиметровой террасы встретилось несколько обсидиановых отщепов и ножевидных пластинок, а среди яранг юго-восточной части поселка — кварцитовые скребок и овальное скребло (табл. 82, 21, 22).

Копали в трех местах по краю обрыва на один штык лопаты (глубже шел материк). Нашли еще несколько десятков отщепов и ножевидных пластинок. Культурный слой оказался довольно бедным (табл. 82, 17—20).

На бичевнике, против раскопанного нами культурного слоя, местный житель (заведующий радиоцентром Степанов) нашел большой призматический обсидиановый нуклеус (табл. 82, 23).

Усть-Бельская нижняя стоянка пережиточного неолита (56)

Обнаружена в 1966 г. чукчей-колхозником Вальварой и председателем Усть-Бельского сельсовета А. А. Рыбалкиным в обнажении берегового уступа нижней надпойменной террасы в том месте, где колхозники начали строить склад (рис. 73). В том же году культурный слой стоянки был тщательно исследован автором³. На глубине около 1 м в результате зачистки обнажения было найдено большое количество каменных и костяных изделий, а также обломки глиняной посуды. Очень выразительны и разнообразны обнаруженные здесь так называемые расщепляющие тесла, которые могли служить, очевидно, и ледовыми пешнями. Они сделаны из плотной андезито-базальтовой породы камня. Из глинистого сланца встретились здесь прекрасно отшлифованные ножи (табл. 67, 8—10; табл. 68, 2, 3). Остальные каменные орудия из обсидиана: листовидные, двусторонне обработанные ретушью, метательные наконечники (табл. 67, 1, 2), концевые скребки (табл. 67, 3—6), массивный овальный нож-бифас (табл. 67, 7), ретушированная по граням заготовка призматического нуклеуса треугольного поперечного сечения (табл. 68, 4) и совершенно геометрически правильная призматическая ножевидная пластинка (табл. 68, 5). Очень обиль-

ны и разнообразны орудия труда из кости и оленьего рога; мотыги и кирки (табл. 69, 70), тесла (табл. 71), ножи для разделки рыбы и широкие лезвиеподобные костяные иглы, предназначенные для пронизывания свежешпойманной рыбы (табл. 72), а также многочисленные наконечники стрел и дротиков (табл. 73)⁴. Что касается глиняной посуды, то ее фрагменты обильно украшены горизонтальными рядами отпечатков прямоугольного гребенчатого штампа, а также оттисками шнура (табл. 74).

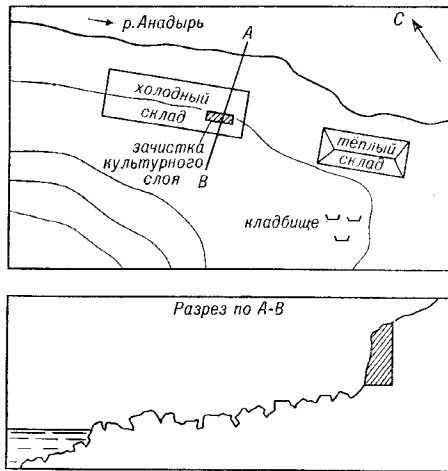

Рис. 73. План и разрез Усть-Бельской нижней стоянки

ны и разнообразны орудия труда из кости и оленьего рога; мотыги и кирки (табл. 69, 70), тесла (табл. 71), ножи для разделки рыбы и широкие лезвиеподобные костяные иглы, предназначенные для пронизывания свежешпойманной рыбы (табл. 72), а также многочисленные наконечники стрел и дротиков (табл. 73)⁴. Что касается глиняной посуды, то ее фрагменты обильно украшены горизонтальными рядами отпечатков прямоугольного гребенчатого штампа, а также оттисками шнура (табл. 74).

Неолитическая стоянка на сопке Увеснования (57)

Тремя километрами ниже Усть-Белой на левом берегу Анадыря сохранились остатки старого урочища и высокий деревянный крест с надписью. В этом месте олени весной переправлялись через реку, отчего урочище получило название «Увеснования».

На противоположном берегу возвышается сопка, почти до самого верха обросшая густым кустарником (рис. 74). Чуть ниже ее голого гребня,

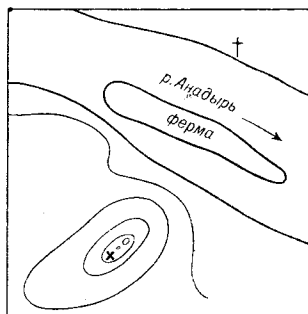
³ Диков Н. Н. Об охране памятников древней культуры на территории Магаданской области.— В кн.: Краеведческие записки, вып. VII. Магадан, 1968, с. 100—107.

⁴ Там же, рис. 3.

метрах 10 к югу — бугор из камней, наложенных в два-три слоя и поросших мхом. Размер бугра достигает 2 м в поперечнике, высота около 60 см. Эта, в целом очень загадочная, куча камней до некоторой степени сходна с усть-бельскими курганами, хотя и меньшими их размерами.

Никаких находок вокруг бугра не оказалось. Зато при разборке, да и по поверхности самого бугра попадались в большом количестве мельчайшие халцедоновые и обсидиановые отщепы. В юго-западной части бугра, в тонком поверхностном слое ярко-бурой горелой подочажной земли с угольками, встретила́сь целая серия халцедоновых и обсидиановых

Рис. 74. Неолитическое местонахождение на стоянке Увеснования

орудий: многогранный резец на нуклеусе, 10 различных наконечников стрел и среди них черешковые (табл. 81) и маленькие скребки. Были там и обломки тонкостенной глиняной посуды двух типов: желтой, с параллельными линиями вдоль горла, и серой, с рядами вертикальных насечек. Глубже, под бугром, ничего не оказалось.

Обилие мелких чешуевидных отщепов халцедона и обсидиана придает этому памятнику явно производственный характер и позволяет отнести его к категории так называемых мастерских каменного века.

Неолитическая стоянка в Камешках (58)

Так называется большая, выступающая скалистым мысом к реке, столбовидная возвышенность в 30—35 м высоты над долиной реки, недалеко от Усть-Белой, откуда она хорошо видна, если смотреть с места наших раскопок (рис. 75).

На совсем голой и плоской мелкощебнистой вершине этой возвышенности были найдены осколки кремнистого сланца, два обсидиановых отщепца и мелкие осколки тонкостенной штрихованной глиняной посуды, а в 100 м к югу в мелкой седловинке — три неглубоких впадины от некогда бывших здесь жилищ. Как впадины, так и имеющиеся здесь бугры заросли мхом, под которым прослеживается пласт мягкого бурого суглинка со щебенкой (рис. 76).

Раскопали яму наиболее определенных очертаний (5 × 2,5). В середине ее, на глубине 0,5 м оказались очажные камни, угольки, грубый обсидиановый наконечник стрелы, волнистой формы отщепы (один пластинчатый с резцовыми сколами) и обломки тонкой глиняной штрихованной посуды серого цвета (табл. 81, 16, 17). Других находок в яме не встретилось (рис. 77).

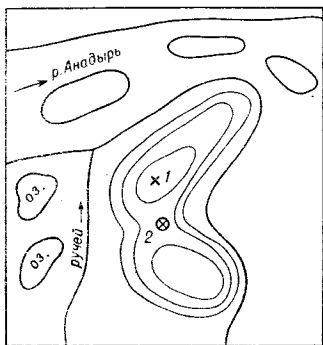

Рис. 75. Неолитическая стоянка на сопке Камешки

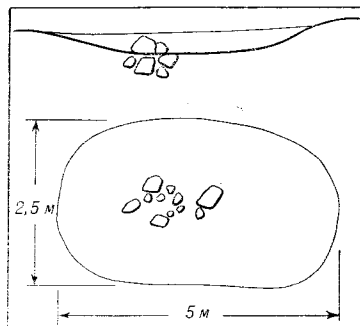

Рис. 76. Неолитическая землянка на стоянке Камешки

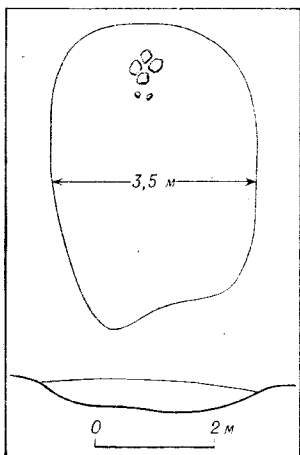
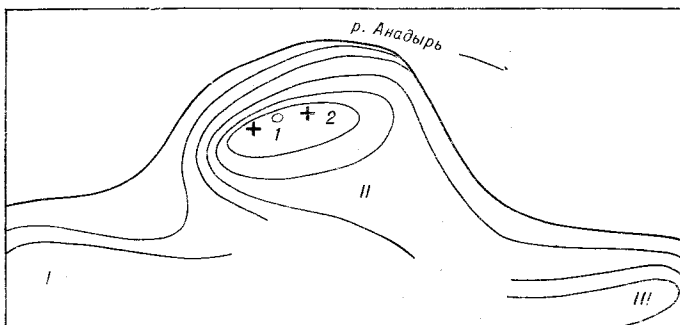

Рис. 77. Неолитическая землянка на сопке Камешки

Рис. 78. Древние стоянки в местности Вилка

Неолитические стоянки Вилка-I и Вилка-II (59, 60)

Вилкой называется возвышенность, подступающая тремя мысами (подобно вилке) к правому берегу Анадыря. Находится примерно в 10—15 км ниже Камешков по течению реки (рис. 78).

На первом мысе, на плоской, щебнистой, в 100 кв. м площадке (на высоте около 30 м) были найдены отщепы, обсидиановая ножевидная пластинка, обломок призматического нуклеуса и обломок наконечника (табл. 82, 6).

На втором мысе, высотой около 40 м, на щебенке в желтом суглинке — куча из оленьих рогов и вокруг нее обсидиановые пластинки, отщепы и боковой резец на пластинке (табл. 82, 4, 6, 7).

Неолитическая стоянка Утесики (61)

Неолитическая стоянка обнаружена была на мысовидном выступе крутого высокого берега, в 1,5 км вниз по течению от впадения в Анадырь р. Утесики, вблизи прежней переправы диких оленей (рис. 79).

Культурный слой с расколотыми обожженными костями оленя прослежен на высоте 15 м от уровня реки, в тонком (около 30 см) пласте поверхностного желтого и буроватого суглинки, под которым залегают такой же суглинки, но со щебенкой, а еще ниже — скала.

В раскопе (площадь 4×5 м) на глубине 5—10 см оказался очаг в виде пятна зольной земли диаметром 1,5 м, а рядом с ним — особенно большое скопление необожженных расколотых оленьих костей, два обломка от мясного кремневого ножа эльгыгытгынского типа и обсидиановые отщепы (табл. 83).

Неолитическая стоянка Анокаттары (62)

Под правым низким 2—3-метровым берегом протоки Анокаттары, недалеко от ее устья, на бичевнике были собраны обсидиановые отщепы, один боковой резец, ножевидная пластинка, скребковидные поделки и большое овальное скребло из глинистого сланца (табл. 82, 5, 8—16). Культурный слой вблизи не обнаружен.

Неолитическая стоянка на Осиновой косе (63, 64)

На косах выше Осиновой сопки (недалеко от устья одноименной речки) обнаружили весьма обильные следы обитания человека в виде обсидиановых отщепов. При этом на ближайшей от Осиновой сопки вверх по реке косе (рис. 80), названной нами условно «Осиновой», оказался хорошо выраженный культурный слой, видный по береговому обнажению (стоянка 64). В этом месте и сейчас находится рыбалка, и весь бичевник правого берега Анадыря вверх от этой косы с рыбалкой до следующей косы и дальше изобилует подъемным материалом (рис. 80): обсидиановыми отщепами, ножевидными пластинами (их мало), скреблами (широкими, плоскими, листовидными ножами, один оказался из шифера), наконечниками стрел и трехгранными заготовками (стоянка 63) (табл. 84—89).

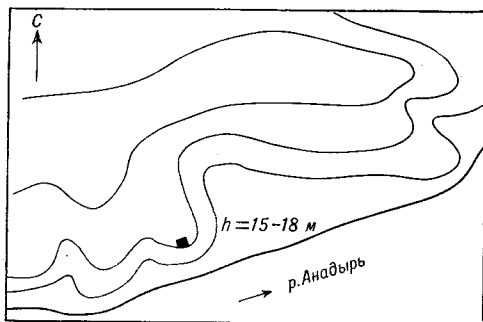

Рис. 79. Древняя стоянка
Утесики

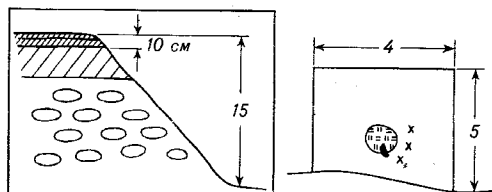
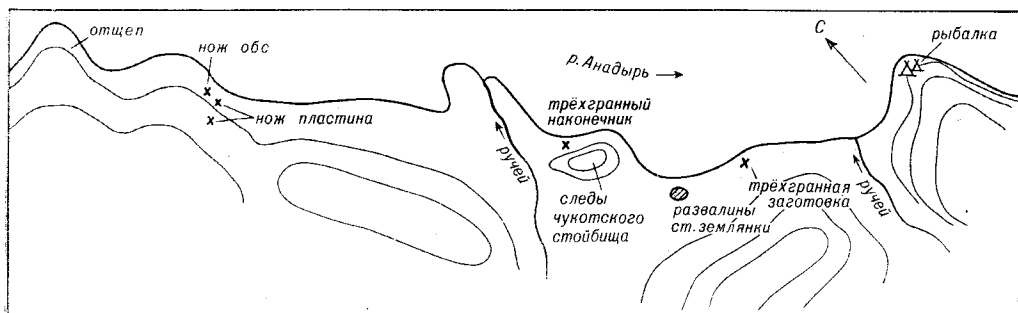

Рис. 80. Древние стоянки
на Осиновой косе

На первой надпойменной террасе над Осиновой косой в 1959 г. нами был заложен раскоп (стоянка 64). Высота этой террасы над уровнем реки была примерно такой же — 3—4 м (в прилив и отлив). Но слагающая ее галька с супесью была более однородной сверху до низу, и следы человеческой стоянки встречались здесь в трех горизонтах: погребенной почве на глубине 50 см, 75 см и 1 м и между верхним и средним горизонтом, составлявшими в сущности единый верхний культурный слой, отделенный от нижнего галькой, без находок. Раскопки наиболее обильными находками участка, площадью около 22 кв. м, расположенного на краю берегового обрыва, производились путем строго послойного последовательного вскрытия по всей площади. Раскоп был разделен с самого начала и до конца работ на четырехметровые квадраты (2×2 м) (рис. 81, А). В верхнем слое удалось установить наличие двух очажных углистых пятен, отстоящих друг от друга на 4 м, и вокруг них. Кроме расколотых оленьих (15/16), нерпичьих (1), медвежьих (20/2) и птичьих (5) костей (определение В. И. Цалкина), были най-

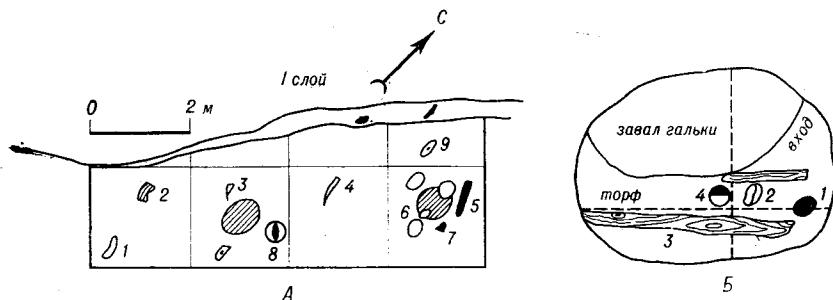

Рис. 81. Раскоп на Осиновой Косе

А. 1 — медвежья кость; 2 — нерпичьи кости; 3 — медвежий клык; 4 — нерпичье ребро; 5 — обломок моржового клыка; 6 — угли и обожженные кости; 7 — черепок; 8 — наконечник стрелы; 9 — колок гарпуна. Б. 1 — жирник; 2 — камень; 3 — бревно; 4 — скребок

дены обсидиановые и из серого камня отщепы, скребки на отщепах, кремневый нож, ретушированный по краям, костяные шилья, тонкий шиферный брусок, два глиняных черепка, костяной зубец остроги, костяная подвеска из медвежьего клыка, обломок моржового клыка, медвежий клык и колок от поворотного гарпуна (табл. 90, 91). В нижнем слое тоже было два очага с расколотыми, преимущественно оленьими, костями, отщепами и скребками, от которых несколько в стороне опять встретились 3 глиняных гладкостенных черепка.

В 4 м к юго-востоку от этого раскопа в почве была впадина, густо поросшая травой. В результате раскопок выяснилось, что здесь была полуземлянка длиной 5 м и шириной 4 м, со входом с северного угла. Ее перекрытие из продольных бревен рухнуло на земляной пол, на котором был обнаружен перевернутый вверх дном каменный жирник и два каменных скребка. Весь пол был покрыт глинистым слоем, сама землянка перекрыта торфом, а с северо-западной стороны — галькой (рис. 81, Б).

Неолитическая стоянка на косе возле рыббазы (65)

На косе, с левой стороны реки, среди построек рыббазы нашлось большое овальное скребло на огромном отщепе и несколько отщепов из обсидиана — бесспорные признаки обитания в древности и этой высокой (около 3 м) косы.

Неолитическая стоянка (мастерская) на Осиновой сопке (66)

Несколькими километрами ниже, на правом берегу р. Анадырь, при устье р. Осиновая возвышается мысовидная сопочка с тремя вершинками. На площадке возле средней вершины, в желтом суглинке с гравием были обнаружены остатки мастерской каменного века (рис. 82, 83).

Высота площадки с культурным слоем над рекой — 15 м. В 1957 г. был заложен первый шурф. Толщина культурного слоя оказалась 30 — 40 см.

Начиная с поверхности, было найдено множество отщепов обсидиана, орудий — мало (боковые и срединные резцы на тонких отщепах, обломок

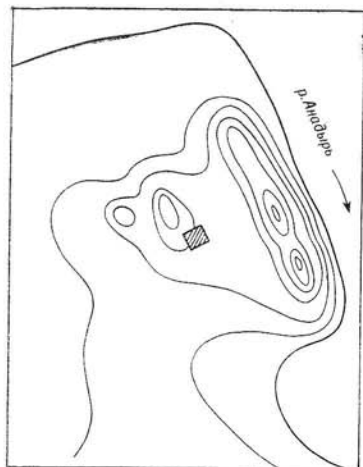

Рис. 82. Неолитическая стоянка на Осиновой сопке

Рис. 83. Вид на Осиновую сопку с неолитической стоянкой

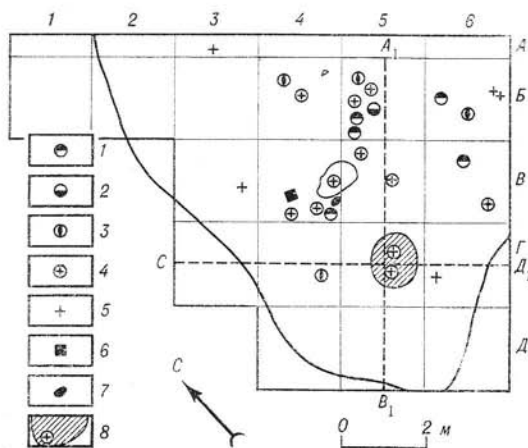
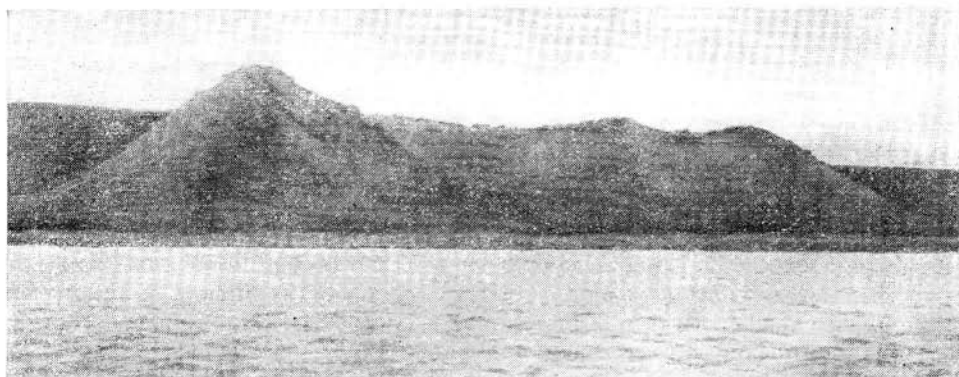

Рис. 84. Раскоп на Осиновой сопке

- 1 — каменный скребок;
- 2 — нож;
- 3 — наконечник стрелы;
- 4, 5 — отщепы;
- 6 — каменная наковальня;
- 7 — отбойник;
- 8 — кострище

наконечника ножа или копья, скребки). Не было ни одной ножевидной пластинки. Но, в отличие от грубых массивных отщепов со стоянок на косах, все отщепы здесь тонкие.

В 1959 г. здесь был заложен большой раскоп площадью 74 кв. м. Раскопкам предшествовала прокладка траншей вдоль края склона с культурным слоем. После того, как намеченная для раскопок площадь была разбита на четырехметровые квадраты (2×2 м), началось вскрытие всей площади стоянки широким фронтом. Стоянка (вернее, мастерская) оказалась однослойной (следы обитания и работы — в дерне и в подперновом желтом суглинке, на глубине до 40 см) и была раскопана полностью (рис. 84).

Особенностью этой древней рабочей площадки оказалось наличие на ней двух ям метрового диаметра (рис. 84) с угольками и перегоревшими камнями, где было особенно много отщепов и возле которых группировались все остальные находки. Особенностью каменной индустрии этого памятника является то, что большинство изделий и подавляющая масса отщепов сделаны из обсидиана и в меньшей степени — из халцедона, а также то, что ножевидных пластинок найдено здесь только 5, в то время как отщепов — несколько тысяч. Из изделий здесь были встречены скребки, наконечники стрел, ножи, резцы на тонких отщепах, каменная наковальня, несколько яйцевидных каменных отбойников и два «терочника» из серого поздраватого камня (табл. 92, 93).

Неолитическая стоянка (мастерская) на косе Красненской (67)

На галечниковой косе (высота 3—4 м), находящейся при устье протоки из оз. Красное, в 1957 г. исследованы обильные следы выделки орудий из обсидиана. Гигантская мастерская каменного века располагается на треугольной площадке косы, на участке не менее 100×150 м

Рис. 85. Древняя стоянка на Красненской косе

- 1 — каменные изделия и отщепы;
2 — домик в 1957 г.

(рис. 85). Масса отщепов — все кучками на буграх — говорит о такой же грубой, можно сказать, расточительной (благо сырья много) технике обработки, как и на косах 1, 2, 3. Немало было собрано здесь скребел, часто на массивных выпуклых отщепах и галечниковых сколах, сохранивших местами галечниковую корку (табл. 94). Было найдено здесь и два двусторонне обработанных наконечника стрелы выпукло-линзовид-

ного сечения, удлинённых, причем один из них с асимметричным, слегка вогнутым насадом⁵. Ножевидных пластинок и призматических нуклеусов обнаружено не было.

В 1959 г. мы снова побывали на Красненской косе и дополнили материалы с нее, а также с других трех кос на Красном озере новыми сборами. При этом, задавшись целью выяснить стратиграфическую зависимость всех этих находок на косах, произвели зачистку берегового обрыва размытого рекой галечникового вала Красненской косы. Зачистка обнажения выявила следующую последовательность расположения слоев сверху вниз: тонкий слой дерна (5 см), мелкая галька с суглинком (до 0,5 м), крупная галька с песком (0,5 м), смешанная галька (крупная и мелкая) с песком (30 см), мелкая галька с песком (15 см), крупная галька с песком (15 см), песок с обсидиановыми отщепами (культурный слой) — видимая толщина более 0,5 м; общая высота разреза — 215 см. Высота верхнего края разреза над уровнем реки — 3,5 м.

Три неолитические стоянки на косах озера Красное (68—70)

Озеро было обследовано кругом на лодке. Всюду берега скалистые (высота 4—6 м), сверху заросли. Бичевник из очень грубо окатанной гальки, что свидетельствует об относительной молодости озера. Только начиная с Белого мыса, на восточной стороне озера, по направлению к выходу из него, галечник становится тоньше и в нем появляется множество обсидиановых галек. Халцедоновые гальки тоже встречаются. Здесь, уже при выходе из озера, были замечены и первые признаки обитания человека в древности на берегах озера.

На правой стороне протоки, выходящей из озера, на косах 1, 2, 3 были обнаружены следы выделки орудий из обсидиана, но не из халцедона, хотя и этого сырья здесь много.

На косе 1 (высота 2—3 м), находящейся на правой стороне впадающей в исток протоки р. Осиновая, находок было мало — только отщепы, большие и массивные, в отличие от тонких пластинчатых отщепов выше описанных стоянок (стоянка 68).

На косе 2 (высота 4—5 м), находящейся в 3 км от устья протоки, на трех параллельных галечниковых гребнях, по 150 м длиной каждый, было найдено множество таких же грубых обсидиановых отщепов и скребловидных орудий (стоянка 69).

На косе 3 такой же высоты, но очень размытой и разрушенной, находящейся рядом, чуть ниже по течению протоки, были тоже обильные находки обсидиановых отщепов и скребловидных орудий, выделанных грубой техникой оббивки (стоянка 70).

На высокой (до 4 м высотой) галечниковой косе Телеграфной, на правом берегу реки, обнаружили несколько обсидиановых отщепов. Кроме этой косы, в 1959 г. были обследованы все приметные косы. На нескольких из них найдены такие же обсидиановые, а также и из грубого се-

⁵ Диков Н. Н. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 г.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1. Магадан, 1958, с. 52, рис. 25, 2, 3.

рого камня отщепы, а на последней косе, перед высоким мысом (с осыпями) правого берега, оказалось заброшенное чукотское стойбище со следами от двух яранг, ямой для мыса и совсем еще целой деревянной оленьей нартой с тремя парами копыльев. Там же нашлось и два скребла из грубого серого камня весьма архаического вида. Подобные скребла столь же характерны и для всего периода от неолита до современности.

Последняя коса со следами древних землянок оказалась справа от устья р. Анадырь (70-а). Подобные древние землянки мы обнаружили также при входе в Капчаланский лиман — на Толстом и Тонком мысах (70-а, б).

*Могильник на Юкагирской сопке
(перезиточный неолит) (71)*

На южном склоне этой сравнительно невысокой сопки с плоской вершинной имеется большой могильник, исследованный до революции доктором Гриневацким и Н. Гондатти. Костяные, деревянные и железные вещи и человеческие черепа из захоронений на Юкагирской сопке поступили от Гондатти в Ленинградский музей этнографии и находятся сейчас в (МАЭ) без соответствующей привязки к могилам и без описания последних.

Могилы представляют собой глубокие (до 1 м) ямы овальной или подпрямоугольной формы, устроенные среди камней, покрывающих склон сопки. Длина их достигает 2—3 м, ширина — 1,5—2 м. Ориентированы продольной осью с севера на юг. Поперечные стороны часто образованы наиболее крупными плитами, что и придает могильному обрамлению прямоугольные очертания, столь типичные на Чукотке для древних каменных могил. Боковые стенки сложены каменной кладкой: глыбы и обломки плит лежат плашмя друг на друге.

Раскопанная нами в 1963 г. могила имела размер 2,5×2 м, глубина впадины — 1 м. Ориентирована была с севера на юг. На северной стороне стояла поперечная плита метровой ширины. Остатки скелета были обнаружены после разборки на дне ямы 30-сантиметрового слоя камней, которыми погребенный был перекрыт. В северной половине ямы сохранились кости правой ноги

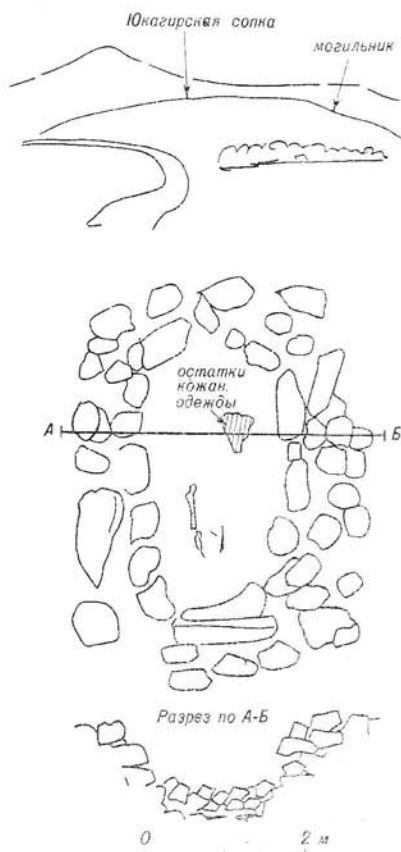

Рис. 86. Могильник на Юкагирской сопке

скелета, в южной — остатки кожи от одежды. Судя по этим остаткам, покойник был положен в могилу на спину с вытянутыми на юг ногами. На могиле лежали истлевшие остатки деревянных полозьев от нарт (рис. 86).

Смешанные стоянки и могильник (72—74)

Усть-Бельские неолитические стоянки и могильник (72)

Возле с. Усть-Белая издавна был главный весенний олений промысел, о чем свидетельствуют упоминаемые Дьячковым и ныне сохранившиеся кресты⁶.

Следы древней неолитической стоянки на увалах, к юго-западу от с. Усть-Белая (рис. 87), впервые исследовались нами в 1956 г.⁷

В 1957 г. были продолжены сборы подъемного материала и раскопки каменных курганов на ближайшей к поселку сопке. Кроме того, была обнаружена еще одна неолитическая стоянка на скалистом мысе правого берега реки, вниз от поселка по течению (рис. 87). Там, на полянах, в тонком поверхностном слое желто-бурого суглинки со щебенкой оказались очень редкие находки: обсидиановые пожевидные пластинки, коричневые тонкие глиняные черенки с текстурными отпечатками и нечто похожее на обломок концевой костяной накладки на лук.

В 1958, 1959 и 1963 гг. все 15 каменных набросков (курганов) на Усть-Бельской сопке были раскопаны полностью (рис. 88). Были вскрыты также три ямы (№ 16, 17, 18) возле каменных останцов с культурными остатками и собран значительный подъемный материал с поверхности сопки между курганами⁸.

Во многих курганах и ямах были обнаружены признаки погребений: человеческие кости, иногда обожженные, охра или угольки. Выяснилось также, что в ряде случаев камни, составляющие курганную насыпь, группируются вокруг останцов (выходов скалы) и что, следовательно, в таких случаях курганы образовывались частично за счет естественного распада этих останцов (рис. 89). Теперь можно с уверенностью считать также, что захоронения Усть-Бельского могильника отнюдь необязательно связаны с курганами: в некоторых случаях они находятся и возле совсем не заваленных камнями останцов (№ 16, 18).

Все усть-бельские курганы раскапывались послойно, большей частью по всей их площади, для контроля оставались поперечные бровки, и под ними на значительную глубину (до 1 м) для проверки прокапывалась также материковая земля.

⁶ Дьячков А. Е. Анадырский край. (Записки жителя села Марково). — В кн.: Записки Общества изучения Амурского края, II. Владивосток, 1898.

⁷ Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1, 1958, с. 43.

⁸ Там же, с. 46—49; *он же*. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 года. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2. Магадан, 1961, с. 10—14; *он же*. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году. — Записки ЧОКМ, вып. 2, с. 21—27.

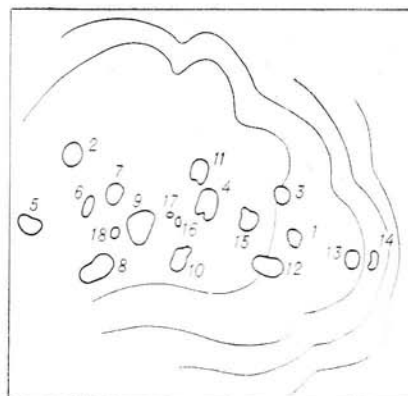
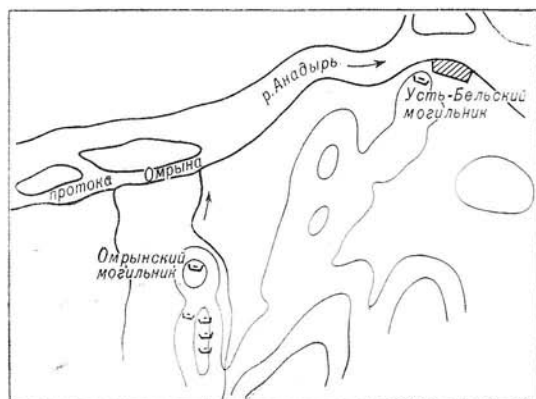

Рис. 87. Расположение Усть-Бельского и Омрынского могильников

Рис. 88. План Усть-Бельского неолитического могильника

Рис. 89. Раскопки Усть-Бельского кургана

В кургане 8 оказались четыре более или менее сохранившихся человеческих скелета с обильным погребальным инвентарем. Они лежали на разных уровнях и были ориентированы в разные стороны⁹.

Напомним, что под черепом первого скелета сохранились бусинки из раковин, среди костей черепа второго скелета — бронзовое четырех-

⁹ Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника..., рис. 1.

гранное шильце, под нижней челюстью третьего скелета — обернутый в бересту бронзовый резец. Среди каменных изделий, которых совсем не оказалось только с третьим скелетом, преобладали наконечники стрел, скребки, ножи, ножевидные пластинки, резцы¹⁰.

В кургане 9 между скальным останком и четырьмя большими глыбами камня тоже были остатки погребения (рис. 90). Заложённый каменными плитами скелет человека (ориентированный головой на юго-

Рис. 90. Погребение в кургане 9

запад) почти полностью сгнил, но при нем лежало много каменных изделий — наконечников стрел, скребков, сплошь ретушированных вкладышевых пластин, просто ножевидных пластин, маленькое, плоское, прямоугольного сечения тесло (табл. 95, 96). И самое замечательное — наконечник настоящего гарпуна поворотного типа (табл. 95, 13). Он лежал на груди вместе с большим бронзовым резцом (табл. 95, 16), возле которого уцелел клочок медвежьей шерсти и длинная обсидиановая ножевидная пластина (табл. 96, 2). А глубже, в особой ямке, обнаружился целый клад из каменных отщепов, скребков, наконечников стрел, резцов и топориков (табл. 97, 98, 99). Все это было в красной охре. А с внешней южной стороны могильного ограждения, в верхней части курганной насыпи, на остатках кострища с угольками лежал череп собаки (первоначально

ошибочно определенный нами как череп росомахи) с ее тонкими трубчатыми костями¹¹.

В большом кургане 15, в пяти пунктах, тоже сохранились остатки человеческих захоронений, подробные сведения о которых нами уже опубликованы¹². Возраст углей из этих захоронений — 2860 ± 95 (РУЛ) и 2920 ± 95 (Крил — 244).

В некоторых усть-бельских курганах (1, 2, 3, 4, 7) совсем не обнаружены человеческие кости. Но наличие в курганной засыпке угольков

¹⁰ Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника..., рис. 2—6.

¹¹ Там же, с. 24.

¹² Там же, с. 25, 26.

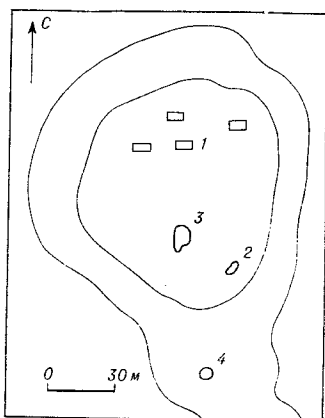

Рис. 91. План курганов Ом-
рынского могильника

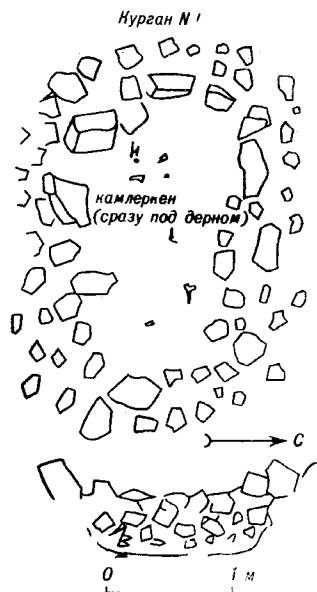

Рис. 92. Курган 1 Ом-
рынского могильника

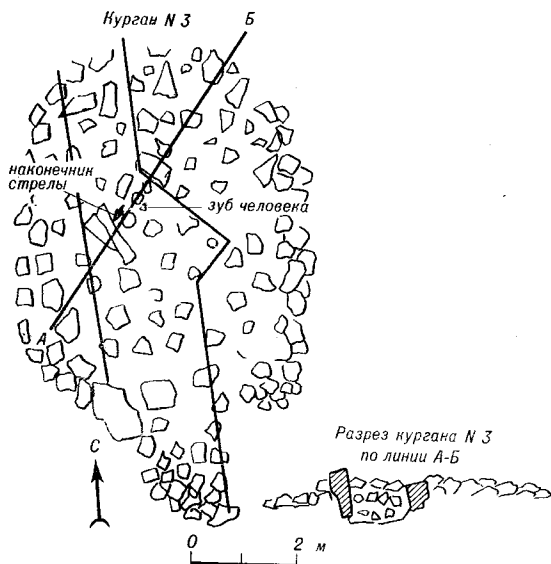

Рис. 93. Курган 3 Ом-
рынского могильника

и золы позволяет предположить, что эти ритуальные, набросанные камнями курганы связаны с обрядом трупосожжения.

В усть-бельских курганах и на стоянке найдено огромное количество каменных изделий: скребков, тесел, ножей, резцов, нуклеусов, ножевидных пластинок, но больше всего наконечников стрел, дротиков и копий. Все они поздненеолитического облика. Встретились среди них и различные украшения из кости и белого нефрита, а также фрагменты керамики (табл. 100). Полное представление обо всех раскопанных нами усть-бельских курганах, погребениях и обнаруженных в них выходах

можно получить из выше названных наших публикаций об этом могильнике, а также из подготовленной к печати специальной о нем монографии.

Омрынская неолитическая стоянка и могильник (73)

Посреди широкой пади, выходящей на правую притоку Омрына, выше Усть-Белой, слева вдоль ручья с севера на юг протянулась гряда низких сопок. Наибольшее количество курганов усть-бельского типа обнаружено на вершине крайней с севера сопки, но несколько таких курганов можно различить среди выходов скал вдоль каменистого гребня к северу по гряде этих сопок (рис. 87).

Мы тщательно раскопали четыре каменные кладки могильного типа на северной сопке (1—4) и одну (5) возле большого останца на западном склоне следующей к северу сопки (рис. 91).

Курган 1. Его диаметр — более 3 м. Имел посредине прямоугольную оградку (2×2 м) из выступающих из него массивных глыб. Под дерном, в камнях заполнения — расколотые оленьи кости и никаких других находок, хотя раскопки внутри оградки были произведены на глубину 70 см, до скалы. Ориентирована оградка продольными своими сторонами с востока на запад (рис. 92).

Курган 2. Самый маленький, овальных очертаний, ориентирован с северо-востока на юго-запад. Длина его 2 м, ширина — 1,3 м. В середине — провал глубиной 0,4 м, заполненный дерном. Никаких находок в нем не обнаружено.

Курган 3. Самый большой, длиной 8 м, шириной 5 м, округлый, с выступом с южной стороны. Находится посреди курганной группы. В средней части и с южного края его плоской каменной насыпи выступают три крупных глыбы-останца. Раскопки провели между двумя центральными останцами, рассчитывая там пайти следы захоронения, и широкой полосой с севера на юг вдоль всего кургана, захватывая и крайний с юга останец (рис. 93). Действительно, между центральными останцами образующими подобие оградки, на глубине 60 см, среди камней найден зуб человека, наконечник стрелы (табл. 101, 1), отщепы и расколотые кости оленя. В насыпи оказались также немногие отщепы и осколки кремня.

Курган 4, диаметр его 3 м. Ничего, кроме нескольких отщепов, в нем не оказалось.

Курган 5 (2×2 м) пристроен к большому двухметровому останцу на склоне сопки. С восточной стороны останца, в каменной наброске — провал. С южной стороны возле останца, под камнями, на глубине 0,4 м найдены кусок кремня и нуклевидная заготовка из серого глинистого сланца (табл. 101).

Чикаевская неолитическая стоянка (74)

Чикаевская скала 8—12 м высотой находится против устья р. Танюер, где раньше была летняя переправа оленей (рис. 94). Верх скалы (цокольной террасы) сложен из рыхлых отложений — желтого суглинка, покрытого пластом торфа толщиной 30—40 см.

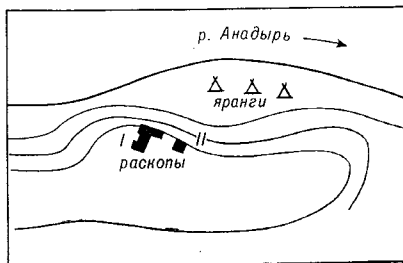

Площадь древней стоянки здесь большая, ее протяженность около 200 м (может быть и 300 м по верху обрыва, если судить по подъемному материалу на бичевнике). Место стоянки покрыто кочками и поросло травой и кустарником. Хорошо заметны следы позднего поселения — землянки с остатками железных орудий.

На разведывательном раскопе площадью $2,5 \times 1,5$ м, в тонкой углистой прослойке в 1957 г. были обнаружены обсидиановые отщепы, полиэдрический резец, угловой резец, скребки, наконечник стрелы со слегка вогнутым основанием, призматический нуклеус, ножевидная пластинка и скребок из зеленого кремня.

В 1958 г. раскопки проводились у берегового обрыва. Площадь первого раскопа 294 кв. м (рис. 95), площадь второго — 30 кв. м. Общая площадь раскопов 324 кв. м (рис. 94).

Рис. 94. Местоположение древней стоянки на Чикаевской скале

16 стратиграфических разрезов выявили следующую, общую для всего памятника, стратиграфию: сверху — дерн и торф от 10 до 40 см толщиной, ниже — бурый суглинок, более или менее перемешанный с подстилающим слоем желтого суглинка. Перемешанность слоев отражает микрорельеф (кочковатость) или является результатом поздних земляных работ человека (копка ям), а также деятельности грызунов. Культурные остатки встречены во всех этих трех слоях почти от самой поверхности до глубины в 60—120 см.

На поверхности раскопанных участков — три каменные кладки позднего происхождения.

Возле одной из них на раскопе 1 непосредственно под дерном были обнаружены черепные кости медведя (10/2), расколотые кости северного оленя (20/6), собаки (3/1) (определение В. И. Цалкина) и каменные тесла, обработанные шлифовкой, а также шлифованные ножи из глинистого сланца, обсидиановые наконечники, отщепы и обломки глиняной посуды, украшенной отпечатками прямоугольного штампа-гребенки. Под камнем этой кладки были найдены истлевшие куски костяных наконечников стрел. Земля под камнями — обгоревшая (восемь буроватого оттенка пятен с незначительной примесью угольков). Под этой кладкой удалось выявить наиболее четкую стратиграфическую картину, в частности, оказалось, что грубо оббитые обсидиановые нуклеусы (непризматические) сохранились только в основании слоя, а не верхней его части, для которой типично преобладание шлифованных орудий. Не исключено, что здесь наблюдается примесь более древних остатков.

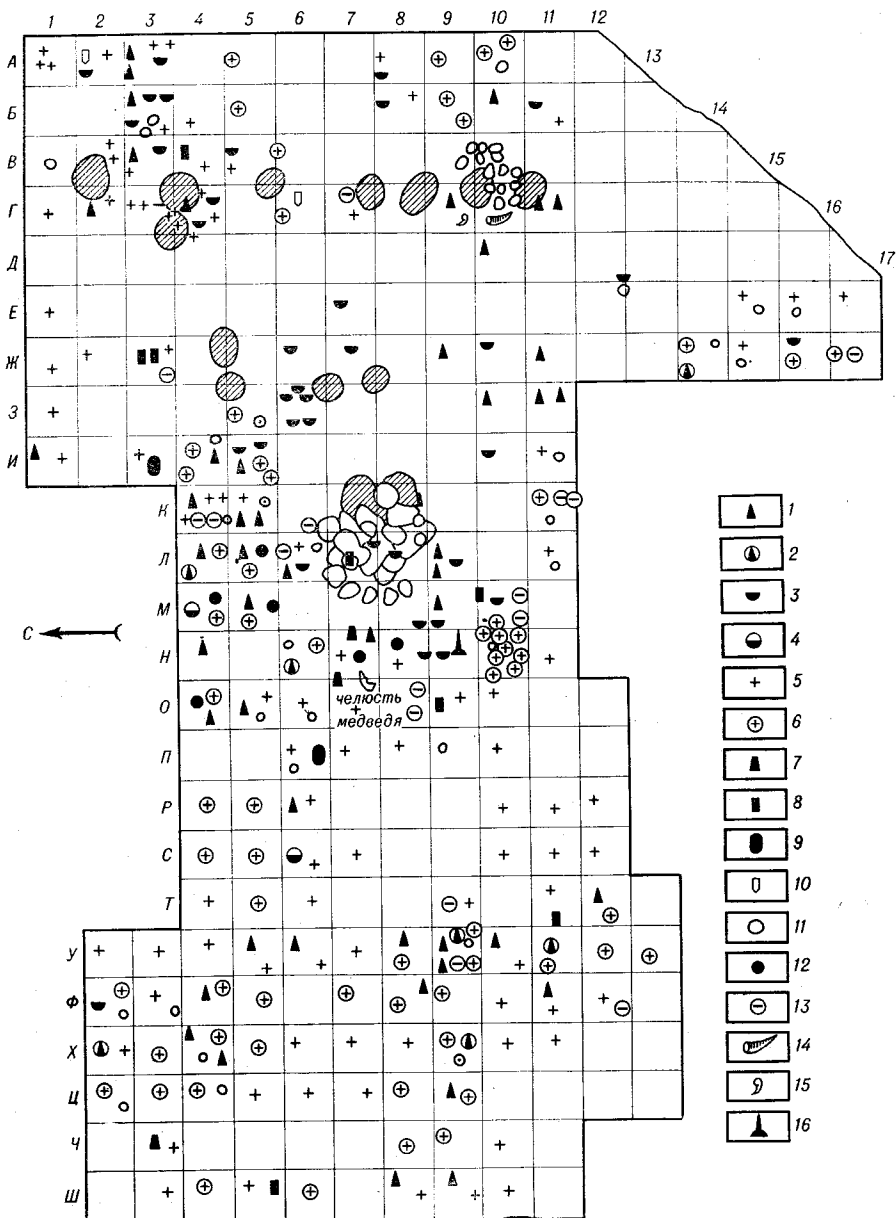

Рис. 95. План раскопа Чикаевской стоянки

1 — наконечник стрелы; 2 — скопление наконечников стрел; 3 — скребок; 4 — скопление скребков; 5 — отщеп; 6 — скопление отщепов; 7 — топор-гесло; 8 — нуклеус призматический; 9 — молот; 10 — резец; 11 — керамика; 12 — скопление керамических фрагментов; 13 — ножевидная пластинка; 14 — моржовый клык; 15 — клык медведя; 16 — костяной инструмент

Кроме очажных пятен перегоревшей земли под второй каменной кладкой, на раскопке № 1 была обнаружена еще целая серия подобных следов от костров (всего 12). Определение возраста угля из них дало 500—400 л. н. (ГИН — 252).

Среди камней третьей кладки (на раскопе 2) был разрушенный в своей верхней части, деревянный, художественно вырубленный крест от христианского захоронения. Вокруг кладки и между камнями преобладали находки позднего характера: расколотые кости, в том числе черепа северных оленей с отпиленными металлической пилой рогами (61/11), кости лисицы (1/1), россомахи (1/1), нерпы (1/1) и морского зайца (1/1) (определение В. И. Цалкина), деревянный прибор для добывания огня, две деревянные фигурки птичек, железный наконечник копья, костяной крюк, а также более древние изделия, проникшие наверх из нижних слоев в результате перемешивания земли: каменные резцы, наконечники, пожевидные пластинки, отщепы.

Вследствие перемешанности почвенных слоев, культурный слой этой смешанной стоянки не поддавался стратиграфическому расчленению. Тем не менее раскопки производились (как и на стоянке Вакарево) по условным слоям: сначала с широкой площади снимался дерн, почти всегда без находок, затем верхняя часть темного слоя, потом его нижняя часть, и, наконец, подстилающий желтый слой, куда сверху проникали только единичные находки.

Количество их уменьшалось по мере удаления от берегового обрыва. Характерно почти полное отсутствие среди них костей животных. Часто попадались на всех уровнях обсидиановые пожевидные пластинки, призматические нуклеусы (табл. 102, 7, 8), отщепы; кремневые, халцедоновые и обсидиановые наконечники стрел (лавролистные, черешковые, с вогнутым и прямым основанием) — все обработанные отжимной ретушью (табл. 102, 1—5). Найдены всевозможные каменные скребки, преимущественно на отщепах и из массивных кусков серого грубого камня (табл. 103, 104).

Несколько многогранных каменных резцов оказалось на разных горизонтах (табл. 103, 1—8). На границе гумусированного слоя с желтым суглинком, на глубине 40 см был найден большой и массивный обсидиановый листовидный пож-бифас.

Для всех условно выделенных горизонтов стоянки характерно сочетание техники оббивания и отжима наряду с техникой шлифования каменных изделий (хотя последняя применялась здесь в меньшей степени, чем оббивка и отжим). Наличие шлифованных расщепляющих тесел (табл. 105) свидетельствует о присутствии на стоянке культурного комплекса, близкого вакаревскому.

Среди находок в дерне преобладают железные, деревянные и костяные изделия (табл. 106), преимущественно возле каменных кладок. Относятся они к позднему времени, составляя совершенно обособленный культурный комплекс.

Большая часть обломков глиняной посуды имеет на внешней поверхности шнуровые отиски или отпечатки прямоугольного гребенчатого штампа, дно сосудов — округлое, уплощенное (табл. 107, 108).

Древние памятники в долинах рек Амгуэма (75—96), Ванкарем (97) и Пегтымель (98—103)

Стоянки в долине р. Амгуэма (75—96)

В 1957 г. по долине Амгуэмы было осуществлено два параллельных маршрута: от 87 до 170 км — на лодке и от Эгвекинота до Иультина на автомашине (200 км). В 1963 г. от Ванкарема на тракторе мы вышли через тундру к Амгуэме и поднялись до впадения в нее справа р. Экиаташ. Здесь, в устье р. Экиаташ были обнаружены и исследованы древние могилы. Затем на лодках и автомашине продвинулись дальше и в долине Амгуэмы произвели разведку неолитических стоянок.

Стоянка у 57 км (75)

На бугре (высота 8—10 м) к востоку от дороги, на щебнистой поверхности был обнаружен мало выразительный отщеп светло-серого кремнистого сланца.

Стоянка возле 61 км (76)

Отщеп светло-серого кремнистого сланца найден на щебнистой поверхности речной террасы высотой 6 м, к западу от дороги.

Стоянка возле 93 км (77)

В карьере, на юго-западной стороне бугра вправо от дороги (в 200 м от мостика), на песчаных выдувах встречен один обсидиановый отщеп.

В районе 102 км Амгуэма широко разливается многими протоками. Широкая ее долина, заключенная между горными хребтами, изобилует богатыми осенними пастбищами для оленей. В глубоких чашевидных впадинах всюду блестят небольшие, но очень рыбные озера, а возле них почти всегда бугры особенно характерной столовидной формы, часто с небольшой вершиной у края. На этих буграх, покрытых серовато-желтым и бурым суглинком вперемежку с мелкой грубоскатанной галькой, были обнаружены порой очень обильные и выразительные следы обитания еще во II тысячелетии до н. э. Судя по всему, здесь издавна был центр расселения древних племен.

Первая неолитическая стоянка у 102 км (78)

На вершине и по склонам приозерного бугра к востоку от дороги (рис. 96), на желтовато-сером суглинке со щебенкой были обнаружены обсидиановые ножевидные пластинки и отщепы, большая, ретуширован-

ная по краю, халцедоновая пожевидная пластина, два обломка тщательно, с обеих сторон ретушированных наконечников стрел и призматический нуклеус резец бурого кремня (табл. 109, 1—4).

Вторая неолитическая стоянка у 102 км (79)

На мысовидном бугре (высотой 8 м, длиной 125 м), с левой стороны Амгуэмы, при впадении в нее небольшой речки (рис. 97, 98), на галечниковой поверхности оказалось много отщепов из цветного кремня и два обсидиановых, а также осколок ретушированного орудия с широким рабочим краем.

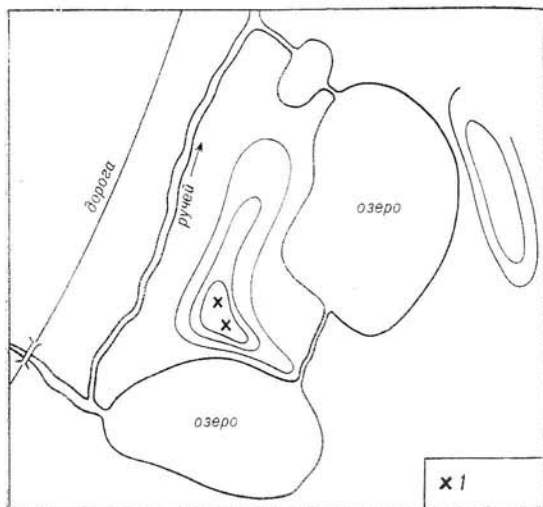

Рис. 96. План стоянки 1 у 102 км
1 — неолитические находки

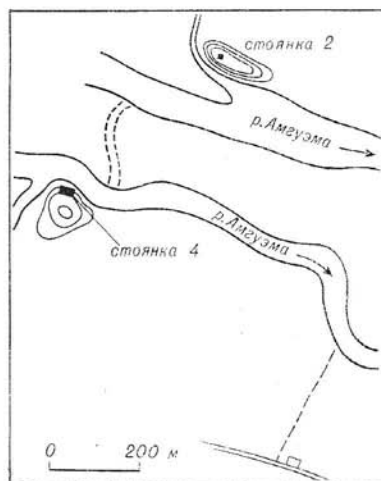

Рис. 97. Местоположение неолитических стоянок 2 и 4 у 102 км

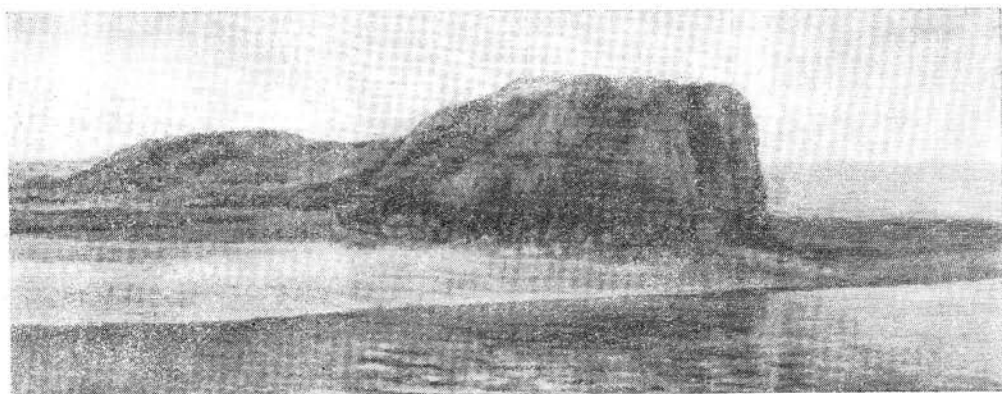

Рис. 98. Вид на скалистый мыс со стоянкой 2 у 102 км

На юго-западном краю этого мысовидного бугра, у выхода скалы в 1957 г. были произведены разведывательные раскопки. В шурфе (4×3 м), в ходе послойных раскопок в темно-бурой земле с крупными обломками камней, на глубине 40 см попадались коричневые черепки от тонкой глиняной посуды с вафельными оттисками, обсидиановый наконечник стрелы удлиненной формы и односторонне выпуклого сечения, скребки и отщепы, обломки небольших каменных плиток с отполированными поверхностями (табл. 71, 16—18; 109, 1).

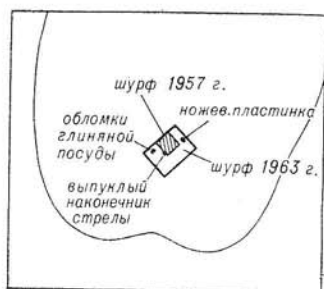

Рис. 99. Местоположение стоянки 2 у 102 км

Глубже земля становилась более светлой, почти охристой по цвету и с примесью грубоокатанной гальки. Толщина этого слоя, не содержащего остатков материальной культуры, составляет 30 см. Еще глубже — примесь грубоокатанной гальки.

На вершине этого мыса, на его поверхностном культурном слое имеется земляной бугор наподобие курганчика диаметром 4 м. Половина его основания была раскопана. Под бугром оказалась мерзлота. После оттаивания в ней были обнаружены незначительные следы угольков и под ними, на глубине 40 см от дневной поверхности — большой отщеп из желтого кремня. Раскопки бугра были приостановлены на этом уровне, с тем чтобы после оттаивания мерзлоты их продолжить.

В 1963 г. раскоп был расширен с северной стороны на 1 м, с восточной — на 1 м и с южной — на 2 м (рис. 99). С южной стороны был найден еще один односторонне выпуклый обсидиановый наконечник стрелы, такой же, как и в 1957 г., только короче. На восточной стороне — еще два наконечника от стрел, но плоских, и тесло из окремнелого сланца. У северного края раскопа встретились обломки одной длинной обсидиановой пластины с ретушью с одной стороны. Кроме того, со всей площади были взяты обломки тонкой, покрытой вафельными оттисками глиняной посуды и отщепы (табл. 109, 2; 110, 5—13). К краям нового раскопа находки настолько убывали, что, видимо, культурный слой на этом мысу последними нашими раскопами в основном исчерпан.

Третья неолитическая стоянка у 102 км (80)

На правом берегу речки Мараваем, впадающей в Амгуэму против 102 км, недалеко от ее устья, возвышается еще один бугор, высотой

около 12 м. На его плоской вершине в 130 м длиной и 50 м шириной¹ были обнаружены обильные следы человеческой деятельности неолитической, примерно четырехтысячелетней древности.— обломки наконечников стрел с вогнутым насадом и плоским линзовидным сечением, длинные наконечники стрел с ромбическим сечением, наконечники стрел с черешком для насада, обломки ножей эльгыгытгынского типа, скребки. Все эти изделия и огромное количество отщепов сделаны из светло-серого кремнистого сланца грубой структуры или из бурого кремня. Только один наконечник стрелы с боковыми выемками возле насада (самый наконечник которого обломан) сделаны из розового халцедона, а несколько ножевидных пластинок — из обсидиана (табл. 111, 112). Глубина культурного слоя (в коричневом суглинке с мелкой грубоокатанной галькой) здесь незначительна, всего 5 см, как показал разведывательный шурф.

Ритуальные кладки. На этой же площадке бугра, возле вершинки на его северном краю были исследованы три продолговатые каменные кладки, две из которых, длиной 4,5 и 2,5 м, были расположены тесно, одна возле другой (рис. 106), а третья, длиной 2 м, — в 4 м к юго-востоку от них. Эти плоские каменные вымостки были ориентированы своими продольными осями с севера-востока на юго-запад. После раскопок выяснилось, что под ними были рога убитых оленей, расположенные «в елочку». Под двумя короткими кладками их было по 6 и 4 пары в каждой, причем ветви рогов ориентированы к юго-западу, а среди камней длинной кладки в ее юго-западной части сохранился только один обломок рога, ориентированный в ту же сторону. В короткой каменной кладке 3, расположенной обособленно, под камнем, над оленьим рогом находилась расколотая трубчатая оленья кость. Расколотые оленьи кости в большом количестве были извлечены и из поверхностного слоя земли между кладками. Других находок не было.

Между речкой Мараваем и озером раскопали на бугре, возле острой сопки, еще одну одиночную каменную вымостку длиной 2,5 м, шириной 1 м, ориентированную по продольной оси с востока на запад. Под нею оказался ряд из пяти пар оленьих рогов, расположенных «елочкой» и ориентированных своими ветвями на запад, а среди них — два массивных отщепы из черного кремнистого сланца и немного угольков. Глубже был материк без признаков могильной ямы.

Небезынтересно отметить, что на широком бугре, рядом с упомянутым выше, имеются следы старого оленеводческого стойбища: круг из камней от некогда стоявших здесь яранг с закрытыми очагами (внутри очажных каменных колец всюду лежит по камню), высокие, конические формы бугорки из дерна, обложенные каменными плитками. И весьма примечательно, что здесь не оказалось ни одного отщепы и вообще никаких признаков древней неолитической культуры.

¹ Диков Н. Н. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях чукотского краеведческого музея в 1957 году.— В кн.: Записки ЧОИМ, вып. 1. Магадан, 1958, с. 53, рис. 27.

Четвертая неолитическая стоянка против 102 км (81)

Была открыта нами на правом берегу Амгуэмы в 1963 г. Культурный слой этой древней стоянки перекрыт стерильным слоем дерна и достигает толщины 0,5 м. Непосредственно под ним — скала, возвышающаяся здесь на 6 м над уровнем Амгуэмы, в которую в этом месте впадает небольшая речка (рис. 97, 100).

Местоположение стоянки очень удобно с точки зрения охотников на дикого оленя и рыболовов. Рядом, у мыса, на котором она расположена, Амгуэму осенью можно перейти вброд (следовательно, здесь олени каждую осень проходили огромными стадами), а в устье речки много рыбы.

На северном краю мыса нами раскопано до скалы 15 кв. м культурного слоя (рис. 102). В темном суглинке, с глубины в 20 см до глубины 70 см, было рассеяно довольно много отщепов и осколков тонкой глиняной посуды, с ложнотекстильными (вафельными) оттисками, подобной той, которая встречалась и на второй стоянке (79). У самого края скалы находок было мало. Количество их возрастало в сторону от края, где сохранились остатки сразу четырех кострищ, одно рядом с другим. Из них были извлечены отщепы, ножевидные пластинки, призматические нуклеусы, черепки, обломки костей ног оленя и следующие вещи из кремнистых пород камня: три наконечника стрелы и три обломка их, скребки и обломки ножей и ножеобразная заготовка из гальки (табл. 113, 114). Был взят из этих кострищ и уголь, но возраст его по C^{14} оказался, вероятно, значительно завышенным: 6665 ± 110 (ГИИ—182).

Стоянка у 115 км (82)

На левом берегу Амгуэмы, на мысовидной террасе высотой в 6 м, при устье небольшой речки, на песчаных выдувах обнажены отщепы зеленой кремнистой породы и широкие плоские тонкие плитки синего глинистого сланца (табл. 115, 2). На вершине мыса — земляной холмик такой же, как и на 102 км.

Рис. 100. Вид на стоянку 4 у 102 км

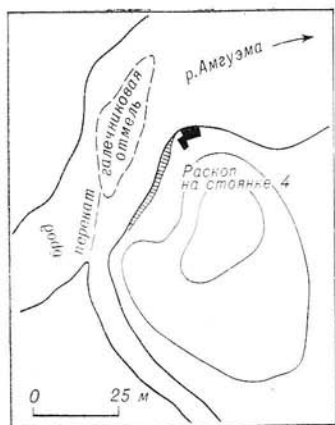

Рис. 101. План стоянки 4 у 102 км

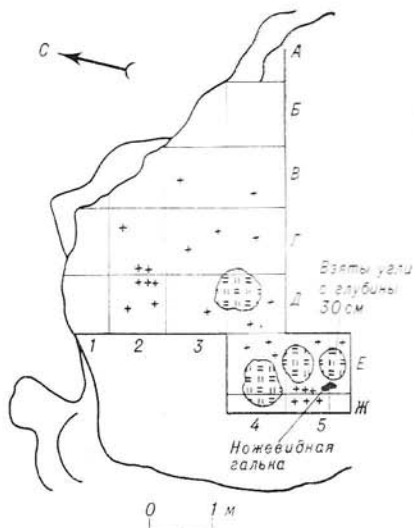

Рис. 102. Раскоп на стоянке 4 у 102 км

Стоянка возле 120 км (83)

На левом берегу Амгуэмы, на высокой седловине между двумя озерами — отщепы, а на одном из бугров — 3 земляных холмика.

Неолитическая стоянка у 123 км (84)

На левом берегу Амгуэмы, слева от устья ручья, на мысовидном бугристом уступе террасы, на высоте 20 м, в тонком поверхностном слое желтой супеси, смешанной с мелкой галькой и щебнем, были обнаружены обломок обсидианового наконечника стрелы, скребок и нож эльгыгытгынского типа из бурого кремня, обломок широкого наконечника или ножа из серого кремнистого сланца и отщепы (табл. 115, 3, 6). Все эти вещи найдены на буграх, пересеченных канавами.

Неолитическая стоянка у 129 км (85)

На правом берегу Амгуэмы, на мысовидном бугре высотой 25 м, на поверхности были собраны большой грубо оббитый нож эльгыгытгынского типа и скребки из светлого кремнистого материала, а из красного кремня — угловой резец и обломок тонкого наконечника стрелы с прямым насадом (табл. 115, 7—9).

Стоянка возле 134 км (86)

На левом берегу Амгуэмы, возле озера, на столбовидной возвышенности высотой 15—20 м находятся две чукотские могилы в виде выложенных из камней овальных колец длиной до 2 м, ориентированных с севера на юг, и куч оленьих рогов в 7 м к северу от каждого такого

овального кольца. Там же — отщепы и обломки грубых скребел и листовидного ножа-бифаса из желтого кремнистого сланца (табл. 115, 10—12; табл. 116, 1, 2).

Стоянка у 141 км (87)

На левом берегу Амгуэмы, на мысовидном бугре (рис. 103) примерно 8 м высотой (при устье речки) в результате беглого осмотра обнаружено несколько отщепов неолитического типа.

Неолитическая стоянка у 143 км (88)

На правом берегу Амгуэмы, на вершине скалистого мыса Чайкино Гнездо, на высоте 15 м, в дерне и в поддерновом слое на раскопанном участке в 28 кв. м (рис. 104) были обнаружены расколотые и частично обгоревшие кости животных и, в том числе, зуб, халцедоновая ножевидная пластинка и отщепы красного кремня (табл. 116, 3, 4). В северной части раскопа начинался разрушенный выход скалы.

Неолитическая стоянка возле 145 км (89)

На правом берегу Амгуэмы, на вершине бугра с карьером, на высоте около 15 м (рис. 105) были обнаружены нож из зеленого кремня, боковой резец из обсидиановой пластины, обломок наконечника, скребла из светлого грубого кремнистого материала (среди них одно — нуклевидное), а также много аморфных отщепов и конический нуклеус из этого материала, обсидиановые пластинки (табл. 116, 5—12).

Стоянка 148 км (90)

На левом берегу Амгуэмы, на бугристом мысу с мелкощебнистой поверхностью обнаружены маловыразительные отщепы из светло-желтого кремня. Чуть ниже по течению, в том месте, где дорога вплотную подходит к Амгуэме, на краю высокой бугристой террасы — ножевидная пластинка, скребок из зеленого кремня и отщепы.

Стоянка возле 153 км (91)

В карьере вправо от дороги, у моста через ручей — грубый нож со стесанной спинкой и массивные отщепы из желтого кремнистого сланца.

Остатки стойбища у 160 км (92)

Вправо от дороги, на бугре в распадке — следы от яранг в виде кругов из камней. Очаги закрыты. Неолитические остатки не обнаружены.

Неолитическая стоянка в устье Якитики (93)

На западном конце возвышенности, при впадении в Амгуэму р. Якитики, справа от устья этой реки, на щебнистой площадке было обнаружено много отщепов, обсидиановые ножевидные пластинки, боковые резцы на пластинках, скребки и ретушированные пластинки, нуклевидное орудие, угловой резец на отщепе бурого кремня, а также скребловид-

Рис. 103. Сбор подъемного материала на древней стоянке на берегу р. Амгуэма, у 141 км

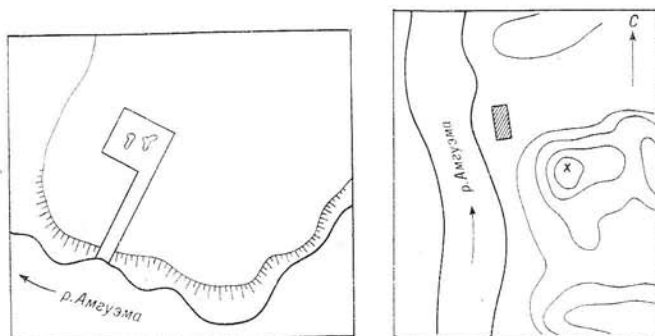

Рис. 104. Местоположение стоянки у 143 км (Чайкино гнездо)

Рис. 105. Местоположение стоянки у 145 км

ное изделие, ножевидные пластинки и отщепы из светло-желтого грубого кремнистого материала (последний материал здесь преобладает) (табл. 117).

Могилы в устье Экиатапа (94)

В устье р. Экиатап, на правом высоком (около 25 м) берегу замечена овальная могильная оградка из положенных на землю камней (рис. 106). Длина ее — 2 м, ширина — 1 м. Ориентирована с северо-востока на юго-

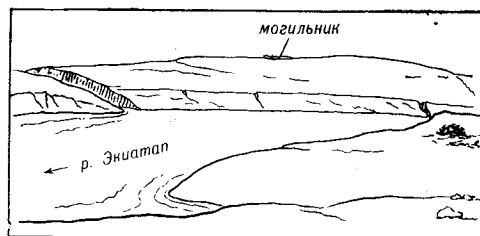

Рис. 106. Вид на Экиатапский могильник

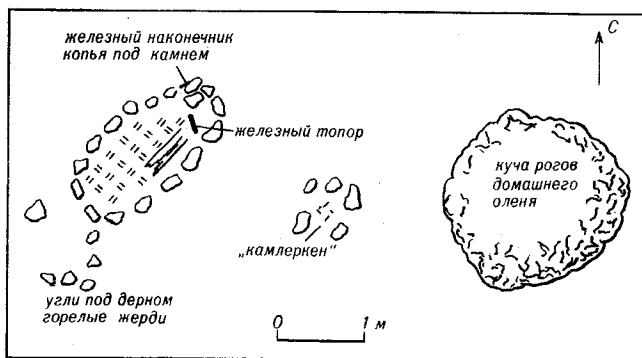

Рис. 107. Кочевническая могила в устье р. Экиатап

запад. На расстоянии 5 м к востоку от нее — куча рогов (домашнего?) оленя, высотой 1,5 м, диаметром 2 м. В куче рогов — камни и собачьи черепа. Рядом с ней (на расстоянии 3 м) — кремневый отщеп. Между кучей оленьих рогов и овальной каменной оградкой — кольцо из положенных на землю камней (диаметром в 1 м). Внутри его, под дерном — осколки трубчатых оленьих костей — «камлёркен» (рис. 107).

Овальная оградка из камней (по-чукотски «поляквын») была раскопана нами полностью до материкового щебня, что не составило, однако, большой глубины, так как для этого достаточно было ограничиться только снятием дерна. Под дерном, по всей площади внутри оградки, оказались древесные угли от сгоревших жердей, причем самые толстые жерди (положенные вдоль оградки) достигали 5 см и сохранились возле юго-западного края оградки. Среди угольков встречались мелкие осколки горелых костей, особенно в северо-восточной части оградки, а под большим камнем с северного ее края — железный наконечник копья. Возраст углей оказался равным 710-40 л. н. (МАГ-230). По другому определению, он современный (ЛЕ-677).

Экиатапский неолитический могильник (95)

На пологой сопке (высотой около 80—100 м), с правой стороны р. Экиатап, недалеко от ее устья, на останцовом скалистом бугре, венчающем ее вершину, мы обнаружили могильник, во многих отношениях близкий известному Усть-Бельскому неолитическому кладбищу среднего Анадыря. Могилы устроены здесь среди обильных естественных выходов глинистого сланца, пристроены к останцам, подобно Усть-Бельским кур-

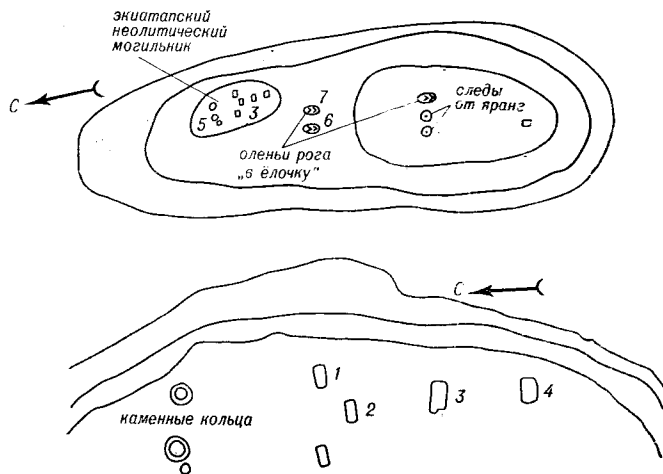

Рис. 108. План Экиатапского могильника

ганам. Разница между ними заключается лишь в том, что Усть-Бельские захоронения перекрыты плоскими каменными курганами. Здесь же имеются только могильные углубления, устроенные в щелях возле останцов, засыпанные крупным щебнем и сланцевым плитняком; курганов над ними нет. Таких впадин, окруженных останцами и отслоившимися от них сланцевыми плитами, здесь четко можно различить, по крайней мере, 5. Все они имеют прямоугольные или близкие к прямоугольнику очертания в плане, ориентированы по продольной оси с востока на запад (рис. 106, 108).

В раскопанной нами могиле (№ 3) в пристроенном к останцу прямоугольном обрамлении (3×2 м) из горизонтально уложенных плит почти никаких человеческих костей не сохранилось, кроме маленького остатка лучевой кости (рис. 109). Зато в ее восточной части после разборки сначала крупного плитняка, а потом, чем глубже, то все более мелкого, на глубине 0,5 м стали попадаться кремневые ретушированные в неолитической манере черешковые наконечники стрел (табл. 118). Их оказалось всего 18 штук (в том числе 3 сломанных), причем особенно много их было с юго-восточной стороны могилы, в ее продольной стенке из горизонтально положенных одна на другую плиток глинистого сланца. Здесь было, очевидно, нечто вроде тайника. Вместе с наконечниками стрел оказались также две ножевидных пластинки.

Важно отметить, что могильное заполнение совсем не содержало земли, состояло только из каменных плиток и крупного щебня (сверху камера была перекрыта несколькими крупными, плашмя положенными плитами). Поэтому вполне естественно, в ней не могла сохраниться ни одна косточка, а уцелел только каменный погребальный инвентарь. Такое допущение тем более вероятно, что, судя по сохранившимся наконечникам

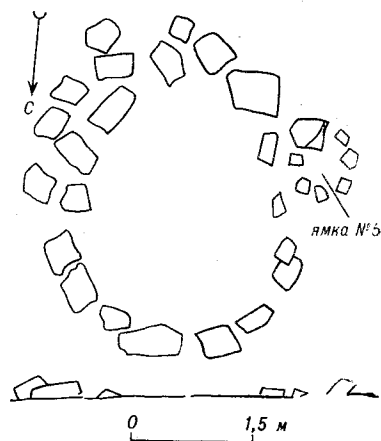
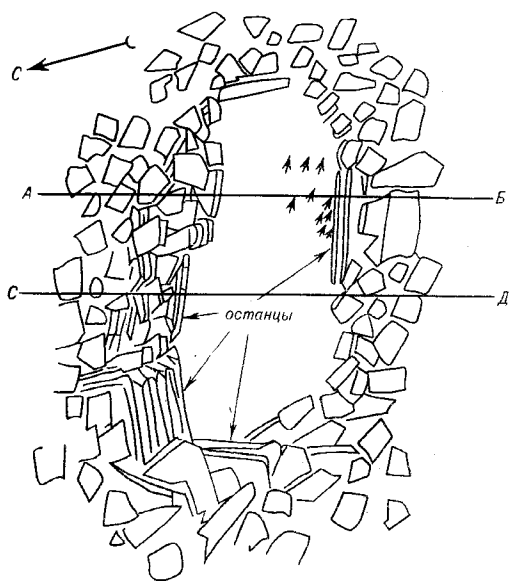

Рис. 110. Каменное кольцо Экиатанского могильника

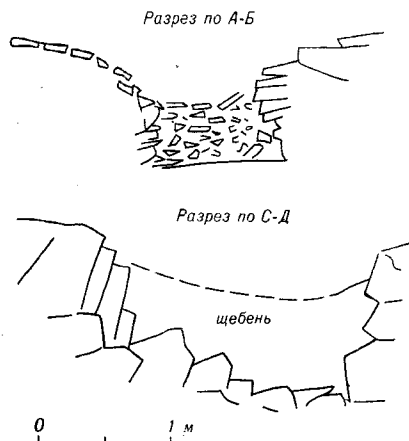

Рис. 109. Могильная кладка с остатками погребения (наконечники стрел) Экиатанского могильника

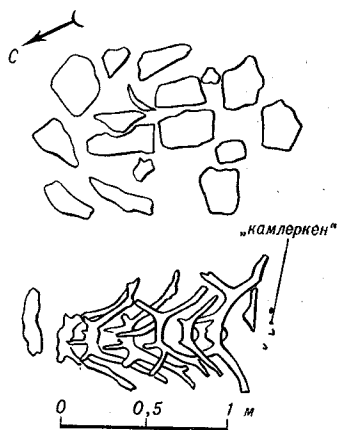

Рис. 111. Кладка из оленьих рогов на Экиатанском могильнике

стрел, захоронение было совершенно достаточно давно, в пору, примерно, позднего неолита, еще до н. э.

К северу от пристанцовых могильных впадин находятся два кольца из плашмя лежащих плит. Их внутренний диаметр — около 3 м. С западной стороны одного из них имеется «пристройка» в виде маленького (до — 1 м) кольца из так же положенных плит. Внутри последнего, под

крупным щебнем, на мерзлоте (на глубине около 20 см) лежали остатки меховой одежды и древки стрел (рис. 110).

К югу от могильника обнаружены две каменные кладки (одна длиной 1,5 м, другая — 3 м) и под ними в дерне оказалось по 5 и 6 пар оленьих рогов, уложенных «елочкой», концами на юго-запад (рис. 111). С юго-западной стороны нашлись мелко расколотые оленьи кости (камлёркен).

Еще одна такая кладка с рогами имеется далее на юг, по плоской вершине данной сопки. Рядом с ней (с запада) — два кольца из камней от яранг (рис. 108).

На левом, тоже высоком (около 20 м) берегу р. Экиатап замечены и зафиксированы следы нескольких одиночных, очень поздних чукотских захоронений в виде узких, выложенных по краю камнями овалов, ориентированных продольной осью с севера на юг (длиной около 2,5 м). С южной стороны всегда одна или две жерди (палки от тагана), прижатые камнями. Внутри овалов иногда находятся различные предметы бытового обихода: трубки, ложки и др. На некотором расстоянии (около 5 м) к северо-востоку от северного края этих овальных кладок находятся большие, достигающие 1 м высотой, кучи оленьих рогов. Эти могилы производят впечатление значительно более поздних, чем подобная (94), раскопанная нами на правом берегу р. Экиатап, описанная в начале данного раздела.

Стоянка на м. Эрпак (96)

Называемый так мыс находится на правом берегу Амгуэмы. С северной его стороны недавно была рыбалка. На плоской вершине его возвышенности обнаружены следы древнего стойбища, осколки и отщепы кремнистого сланца. Стойбище, судя по его расположению, можно отнести к типу неолитических стоянок на местах оленьих переправ через реки.

Памятники в долинах рек Ванкарем (97) и Пегтымель (98—103)

Все нижеследующие археологические памятники, исследованные нами в долинах рек Ванкарем и Пегтымель, сконцентрированы в низовьях названных рек, в 50—60 км от их впадения в Ледовитый океан. На р. Пегтымель они приурочены к высоким (до 25—30 м) скалистым обрывам правого берега и включают в себя древние рисунки (петроглифы) на этих скалах и связанные с петроглифами три стоянки и пещеру².

Неолитическая стоянка в местности Таньгино (97)

В 50 км от впадения р. Ванкарем в Чукотское море, в местности Таньгино (где располагается чукотское стойбище), на южном пологом склоне сопочки с острой вершиной были обнаружены неолитические остатки из частично разрушенного культурного слоя. Остатки неолитической стоянки находятся здесь на высоте около 20 м над уровнем реки,

² Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971.

на площадке размером 30—40 м в поперечнике, прикрытой двадцатиметровой вершиной сошки от жестокого северного ветра.

Рядом с еще сохранившимся на конце площадки дерном с тонким пластом коричневой земли, на охристо-желтой супеси с мелкой щебенкой был обнаружен массивный наконечник стрелы или дротика лавровольстной формы, сделанный из кирпично-красного камня (длиной 6 см, шириной 2,5 см), грубо оббитый с обеих сторон, и четыре осколка желтой кремнистой породы.

Пегтымельская пещера (98)

Пещера хорошо заметна, если смотреть на скалу IV Кайкуульского обрыва со стороны реки, лучше с противоположного ее берега. Она находится как раз на середине высоты скалы, в 15 м от уровня воды. Она очень узкая (2 м при входе и 0,7 м в глубине) и неглубокая (около 2,5 м от входа до задней стенки). Ее высота около 2 м. Так что ее вполне можно бы назвать и просто расщелиной или щелью в скале. Однако она имеет на своем полу довольно значительные наносы с древними культурными остатками — расколотыми оленьими костями, многочисленными обломками белого кварца, несколькими кремневыми отщепами, кремневым наконечником стрелы, панцирными пластинами из оленьего рога и некоторыми другими костяными изделиями³. На стенах пещеры сохранились петроглифы двух типов: в виде графити и выбитых силуэтных изображений оленей, собак и антропоморфных фигур.

Возраст угля из кострища в пещере по радиоуглероду оказался 1460 ± 70 (МАГ—16) и 1397 ± 80 (МАГ—16).

Первая Пегтымельская неолитическая стоянка (99)

Находится на краю обрыва с петроглифами, в 800 м от устья ручья Кайкууль (на камне II)⁴. В 1967 и 1968 гг. мы нашли здесь в поверхностном культурном слое, в пределах небольшого раскопа, огромное количество расколотых и пережженных оленьих костей, кремневые отщепы и расколотый поперек листовидный нож-бифас.

В 10 м к северу от основного раскопа была исследована также куча старых рогов диких оленей. Она овальна в плане (длиной 3,5 м, шириной 1,2 м). Рога уже частично занесены землей. Лопасты у них были очень широкими.

После извлечения всех рогов, под ними обнаружился край каменной плиты, выступающей из-под дерна.

В результате последующих раскопок выяснилось, что на этом месте, под рогами и под поверхностным слоем земли, на глубине в среднем около 5—10 см была устроена незамкнутая оградка из плашмя положенных каменных плит. Длина этой каменной кладки — 2,5 м, ширина в наиболее широком месте — 1,5 м. Эта кладка была устроена поперек кучи оленьих рогов, из очень длинных (до 95 см) и тонких каменных плит. Никаких находок, подобных тем, что были на основном раскопе, здесь не оказалось. Зато под одной плитой, уложенной среди крайних с северо-

³ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971.

⁴ Там же, с. 37, рис. 50.

западной стороны кладки, было нами обнаружено большое скопление обломков белого кварца различной величины и веса — от нескольких килограммов до нескольких десятков граммов. Допустимо предположить, что эти куски кварца были как раз теми орудиями, при помощи которых выбивались на скале петроглифы⁵.

Вторая Пеггымельская неолитическая стоянка (100)

Находится на третьем камне Кайкуульского обрыва с петроглифами и с обильными выходами кварца.

Вокруг довольно небрежной овальной (1,5×0,7 м) кладки, выложенной из больших кусков белого кварца, прямо на поверхности скалы мы в 1968 г. обнаружили довольно много кремневых, обсидиановых и халцедоновых отщепов, и среди них — обломок двухсторонне обработанного остроконечного орудия и два обломка, обработанных с двух сторон уплощающей отжимной ретушью наконечников стрел — задняя часть наконечника с прямым насадом и удлинненно-треугольный кончик передней части. Все эти три обломка из кремня⁶.

В раскопе, заложенном вокруг кладки, тоже встретились отщепы, а также обломок листовидного ножа из бурого камня⁷.

Третья Пеггымельская неолитическая стоянка (101)

Она оказалась ниже устья ручья Кайкууль, на одиночной скале с петроглифами, с правой стороны р. Пеггымель.

На пологой мелкощебнистой поверхности скалы собраны кремневые отщепы, обломок обсидиановой призматической ножевидной пластинки и совершенно целый, обработанный с двух сторон кремневый листовидный нож⁸.

Пеггымельские петроглифы на Кайкуульском обрыве (102)

На одиннадцати утесах (камнях) Кайкуульского обрыва (в 800 м ниже устья ручья Кайкууль), образованного темно-серыми алевролитово-песчаниковыми сланцами, геологом Н. М. Саморуковым в 1965 г., а затем автором в 1967—1968 гг. обнаружены 103 группы петроглифических наскальных изображений животных и антропоморфно-грибовидных фигур⁹.

Петроглифы под третьей неолитической стоянкой на правом берегу р. Пеггымель (103)

Петроглифы обнаружены автором в 1968 г. на совершенно отвесном утесе высотой 25 м, с неолитической стоянкой (102) наверху. На середине высоты утеса, на широкой скальной плоскости, под карнизом выбита большая композиция из силуэтных фигур оленей, человека, собаки и других знаков¹⁰.

⁵ Там же, с. 38.

⁶ Там же, рис. 29, 2, 3, 5.

⁷ Там же, рис. 29—1.

⁸ Там же, рис. 29, 7, 9.

⁹ Там же, с. 1—132.

¹⁰ Там же, с. 30—92, петр. 104 (с. 124)

Памятники пережиточного неолита на морском побережье Чукотки (104—159)

Раскопки Уэленского могильника производились автором в 1956, 1958 и в 1963 гг.

В 1957 г. были предприняты разведки на берегу Анадырского лимана и на участке морского побережья, от м. Шмидта до Ванкарема. В 1963 г. проведена разведка на вельботе от Яндогая до Ванкарема. В 1965 г. была организована экспедиция на морское побережье Чукотки, в район м. Чини и г. Энмынытныи, для осуществления исчерпывающих раскопок обнаруженных там в 1963 г. могильников.

В 1975 г. автором была предпринята экспедиция в Беринговский район, на м. Шмидта (и оттуда на о. Врангеля).

Описание всех, исследованных нами в названные годы на морском побережье Чукотки, археологических памятников мы даем в порядке их географической последовательности — от Сиреников, где автору довелось побывать зимой 1955 г., до м. Шмидта, где он проводил исследования дважды (в 1957 и 1975 гг.).

Древняя стоянка возле лагуны Лахтина вблизи пос. Беринговский (104)

Первые сведения об этой древней стоянке опубликованы Т. М. Диковой¹, сообщившей, что стоянка обнаружена в 1973 г. и Э. В. Гунченко, принимавшим участие в этнографическом маршруте В. В. Леонтьева. Стоянка находится в 6 км к югу от пос. Беринговский, недалеко от лагуны Лахтина. Т. М. Дикова сообщает, что «на глубине 2—3 м экскаватором частично разрушен культурный слой, содержащий множество костей морских животных, птиц. Здесь встречены скребки, каменные светильники и интересной конструкции очаг, сложенный из плоских плит размером 40×10 см, поставленных вертикально»².

Опасаясь за дальнейшую сохранность этой интереснейшей стоянки, автор вместе с научным консультантом Магаданского отделения Всероссийского общества охраны памятников С. П. Ефимовым произвел ее осмотр и частичное исследование. Был заложен небольшой разведывательный раскоп у разрушенного экскаватором края стоянки, остатки которой

¹ Дикова Т. М. Археологические памятники Магаданской области. Магадан, 1974, с. 35.

² Дикова Т. М. Археологические памятники Магаданской области. Магадан.

заметны еще с поверхности на дюнах высокой песчаной косы (рис. 112, 113). Оказалось, что культурный слой идет на месте раскопа на глубину до полуметра и обильно насыщен углем, полновесные пробы которого мы взяли для радиоуглеродного датирования (получилась дата 2330 ± 225 , МАГ-127). Собранные нами на развееванной поверхности стоянки камен-

Рис. 112. Местоположение стоянки у лагуны Ляхтина

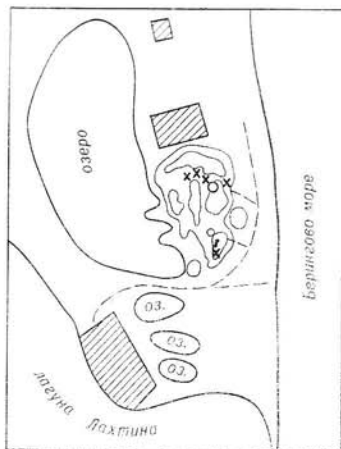
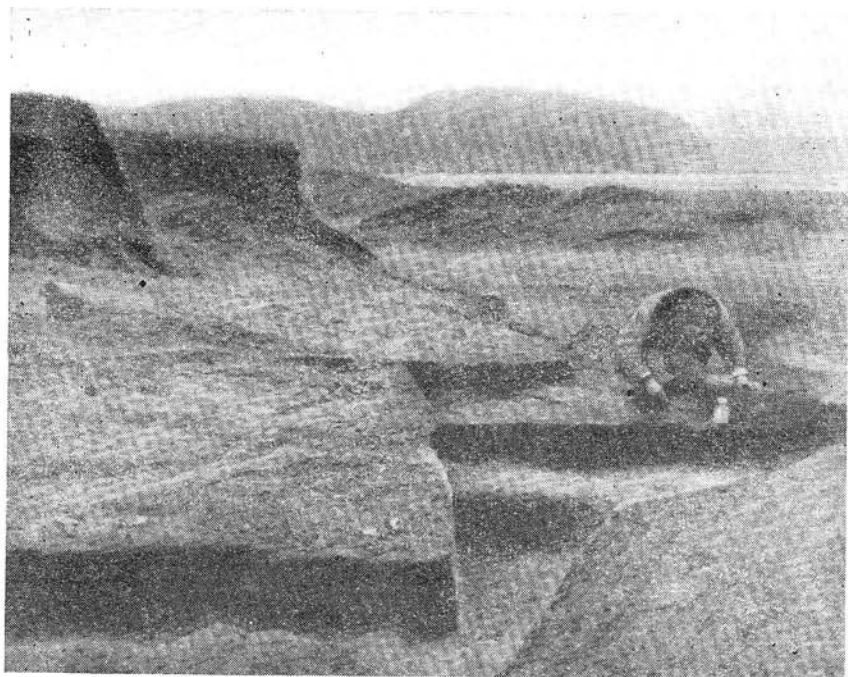

Рис. 113. Вид на раскопки стоянки у лагуны Ляхтина вблизи Беринговского

ные изделия отличаются заметным архаизмом: за исключением одного небольшого тесла (табл. 120, 1), все они сделаны техникой грубой оббивки из кремнистого сланца. Это скребла и грубые отщепы, а также два маленьких обсидиановых скребка (табл. 124). Наиболее характерно массивное скобелеобразное и вместе с тем, очевидно, рубящее орудие с широким клиновидным рабочим краем (табл. 124). Обнаружены также отбойник и два грузила с боковыми выемками — из галек.

Остатки древнего жилища с захоронениями человеческих черепов у Седьмого причала на берегу Анадырского лимана (105)

На высоком скалистом мысе северного берега Анадырского лимана, возле так называемого Седьмого причала, еще в 1957 г. автором был обнаружен интереснейший, уникальный памятник древней приморской культуры, представляющий собой остатки наземного жилища с ритуальными захоронениями человеческих черепов, целых или распиленных. В 1959 г. здесь, между заросшей травой траншеей и южным краем обрыва, был заложен раскоп площадью 36 кв. м, прямоугольных очертаний в плане, длиной с запада на восток в 9 м и шириной с севера на юг 4 м³. В западной половине этого раскопа, в поверхностном слое земли, на глубине 30—40 см и размещался этот весьма своеобразный комплекс. Центральную его часть занимало большое зольное пятно (2 м длиной и 1,5 м шириной). В нем находились куски теменной и затылочной костей человека (№ 2), три поворотных гарпунных костяных наконечника (табл. 122), терка, каменный пест, молот, топор, ложка и другие поделки. Сваленные радиально по отношению к этому скоплению золы бревна лежали с южной и восточной стороны от него. Судя по их расположению, они являются остатками каркаса некогда стоявшего здесь надземного жилища типа яранги или чума, остатками очага которого и является это обнаруженное здесь зольное пятно. Под бревнами широкой дугой вокруг очажной золы располагались другие человеческие черепа или их части вместе с различными каменными и костяными вещами бытового, хозяйственного и охотничьего назначения. Среди них были костяные наконечники стрел, кинжалы, грузила, остатки глиняных сосудов, мотыги из моржовых клыков, шиферные ножи и другие вещи (табл. 123—126), а также многочисленные расколотые кости северного оленя (9/16), собаки (3/2), тюленя (1/1) и даже целый череп бурого медведя, лежавший вместе с кусками человеческого черепа, глиняными черепками и костяными остриями. Как видно из плана размещения в раскопе всех этих вещей, они группировались отдельными скоплениями вокруг человеческих черепных костей, что и придает всему памятнику ритуальный характер. В раскоп попала только часть жилища, вход его, вероятно, был с северной стороны, на месте выкопанной здесь уже в наше время широкой траншеи.

Древние землянки в Сирениках (106)

В 1956 г. автором были получены от местных жителей случайные находки, обнаруженные при рытье ледника на месте больших древне-

³ Диков Н. Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2. Магадац, 1961, рис. 13.

эскимосских землянок, исследованных в 1945 г. С. И. Руденко. В числе этих находок оказались каменные и костяные вещи древнеберингоморского и пунукского облика (табл. 127, 128, 129).

Двуслойное поселение в Яндогае (107)

Культурный слой с предметами пунукского времени обнаружен здесь еще в 1945 г. С. И. Руденко⁴. Мы осмотрели всю эту местность заново, сняли ее топографический план. Здесь оказались три группы развалин древних эскимосских землянок, построенных из китовых костей. Высота бугров с этими развалинами — около 6 м (от бечевника), толщина культурного слоя в обнажениях, размытых морем, — от 1,5 до 2 м. Культурный слой обилен костями китов, моржей, лахтаков, нерп. В верхней части его действительно находились вещи пунукского времени, глубже, в нижней его части, обнаружены значительно более древние, бесспорно древнеберингоморского периода (табл. 130), в их числе — украшенная древним берингоморским орнаментом головка гарпуна и целый «крылатый предмет».

Яндогайский древний могильник (108)

На вершине сопки, к северу от древнего яндогайского поселка, нам удалось разыскать могильник с захоронениями, относящимися к сравнительно позднему периоду. Могилы располагаются на двух каменистых отрогах сопки, покрытых плитняком и глыбовыми обломками. В могильнике, на восточном отроге, много (около 30—40) погребений трех типов: 1) в склепах — сидячие; 2) в неглубоких открытых каменных ящиках — разрозненные кости; 3) в каменных оградках — уложенные с подогнутыми ногами. На южной стороне могильного холма, при входе на него со стороны древней стоянки — три кладки другого типа, очевидно, наиболее древние, в виде низких оградок, плотно окруженных камнями (мы их не раскапывали).

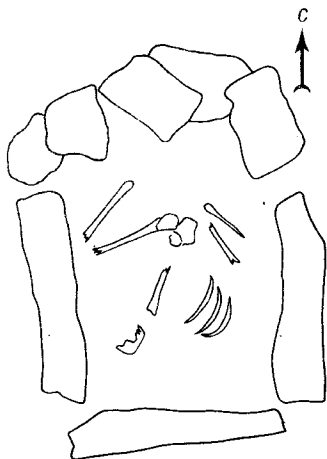
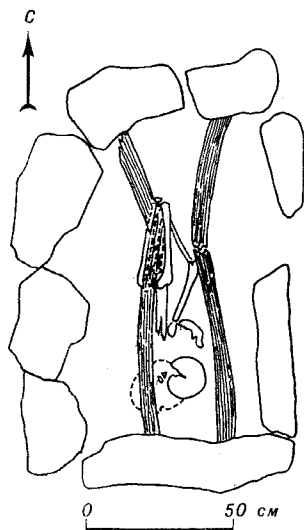
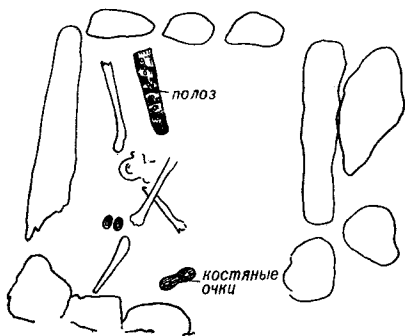
К числу семи раскопанных нами на северном отроге могил относятся следующие.

Могила № 1 (второй тип) вроде плиточной оградки (длиной 1 м, шириной 80 см), окруженной камнями. Под деревом и мелкими камнями — обломок костяного полоза от салазок, костяной стержень и остатки сгнивших, разрозненных, трубчатых костей человека.

Могила № 2 (третий тип). Под дерном и мелкими камнями, на глубине 25 см, в плиточной оградке (1,3 × 1 м) — бедро, таз и кости рук человека. Череп не сохранился. На том месте, где он должен был быть — костяные очки, а вдоль бедра — полоз от салазок. Ориентировка — головой на юг (рис. 114).

Могила № 3 в виде продолговатого каменного ящика (длиной около 2 м), перегороденного поперек плитой, перекрыта двумя китовыми лопатками. Никаких вещей и костей под ними не оказалось.

⁴ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, с. 33.

Могила № 4 (первый тип) представляла собой обвалившийся склеп. Прямоугольная оградка (длиной 1,1 м) окружена камнями и засыпана внутри крупными глыбами. Под ними — два китовых ребра, на которых и лежали когда-то камни перекрытия. Это наиболее глубокий ящик из всех раскопанных здесь нами. Покойника похоронили, определенно, сидячим. Это особенно ясно видно по положению сохранившихся костей ног: бедренные кости лежали поверх костей голени, так как если бы были согнуты в колене, подогнуты под сидячего на корточках человека (рис. 115). Кости рук лежали поверх костей ног, череп в южной части могилы был раздавлен рухнувшей крышей склепа. Вещей в могиле не обнаружено (рис. 115).

Могила № 5 (второй тип). Открытый каменный ящик почти квадратной формы (шириной около 1 м). В нем над дерном и мелкими камнями — остатки расчлененного скелета (человека) черепа нет). Вокруг ящика — курганчик из камней.

Могила № 6 (второй тип). Такой же открытый ящик. В нем под тонким слоем дерна — каменный пест и остатки смешанных костей человека. Тоже без черепа.

Могила № 7 (третий тип). Сходна по устройству с двумя предыдущими. В открытом каменном ящике (глубиной 0,5 м), под тонким слоем дерна сохранились остатки человеческого скелета в положении на левом боку с подогнутыми ногами. От черепа сохранилась только нижняя челюсть. Ориентируя погребенный головой на юг (рис. 116). По всей вероятности, могилы второго, третьего типа являются, по существу,

Рис. 114. Яндогайское погребение № 2

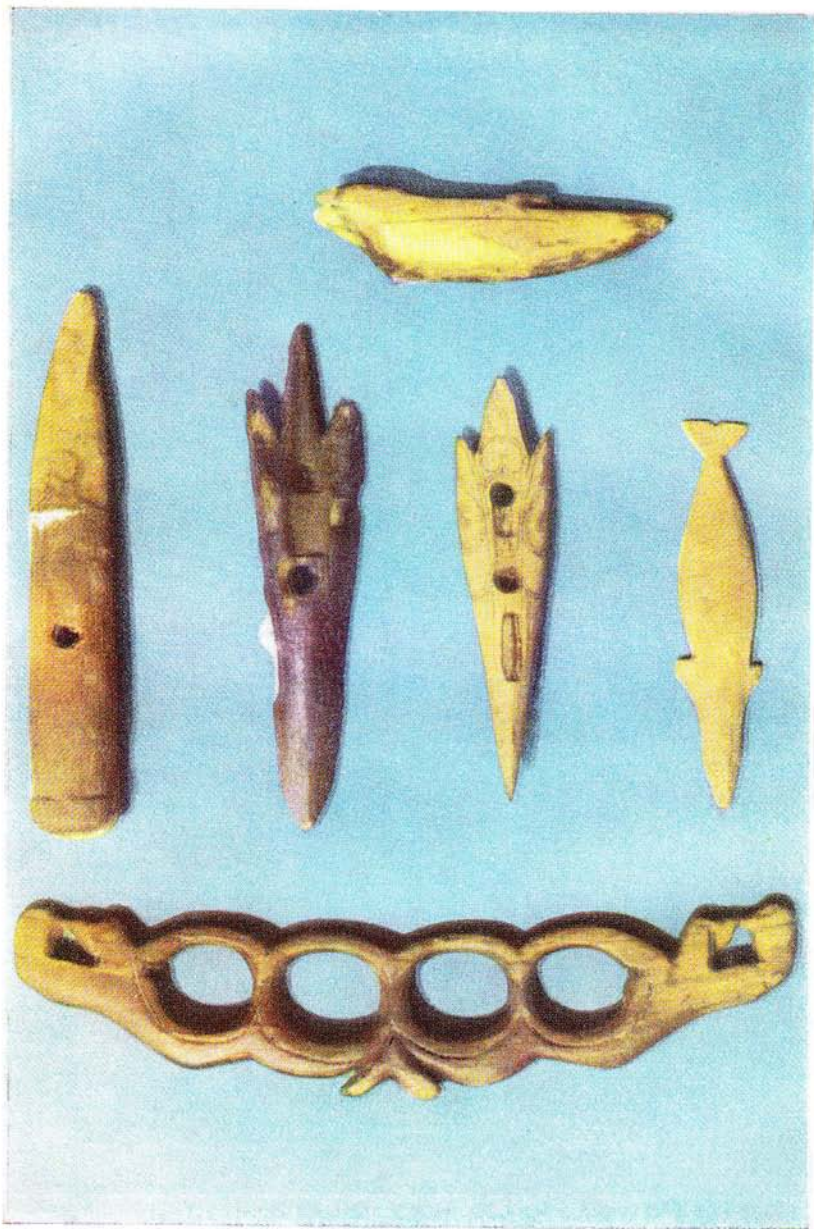
Рис. 115. Яндогайское погребение № 4

Рис. 116. Яндогайское погребение № 7

Крылатый предмет из эминытинского древнеберингоморского погребения

Клык белого медведя с деревянной рукояткой и изделия из моржового клыка из древнеберингоморского (1—4) и пунокского (5, 6) поселков на мысе Шмидта (Чукотка)

одним и тем же типом, так как разрозненные кости в могилах второго типа первоначально могли лежать в таком же порядке, как и в могилах третьего типа.

Культурные слои в Нунямо (109)

Первые разведки мы проводили в Нунямо в 1958 г. Тогда здесь обнаружили культурный слой на бугре, у речки, в самом поселке. Вынужденные остаться в этом поселке на два дня для смены команды вельбота, мы продолжали начатые в 1958 г. исследования и выявили еще три обнажения культурного слоя к северу от бугра, исследованного нами в 1958 г. (рис. 117, табл. 131—135).

Обнажение 2 на обрывистом берегу высотой 12 м. Толщина культурного слоя 1 м (рис. 117). Здесь была древняя землянка. Судя по находкам, крылатый предмет (табл. 135) — древнеберингоморского периода. В культурном слое много костей морских животных.

Обнажение 3 на береговом уступе высотой 8 м. Толщина культурного слоя заполнения землянки — 1,5 м. Возле китового черепа, на глубине 1,2 м обнаружено два берингоморских наконечника поворотных гарпунов, каменный нож с костяной рукояткой, глиняные черепки (табл. 133).

Обнажение 4. Здесь наиболее мощный культурный пласт — 2 м. Высота берега 10—11 м. В нижней части культурного слоя найдены костяные острога, обломок наконечника гарпуна, каменные ножи, наконечники стрел и много обломков нерпичьих костей (табл. 134).

Раскопки в названных пунктах не производились. Пришлось ограничиться лишь частичной зачисткой культурного слоя. Мерзлота не позволяла здесь углубляться более чем на 0,5 м, частичные же раскопки могли повредить памятник. К тому же надо было торопиться к осуществлению главной задачи маршрута: разведке на северном берегу Чукотского полуострова, за Уэленом.

Чинийский древнеберингоморский могильник (110)

Могильник занимает наиболее сухую часть пологого северного склона возвышенности м. Чини (рис. 118). По обеим его сторонам протекают ручьи, и почва вокруг него и в какой-то степени и на нем самом вследствие этого — сырая. Быть может, именно этим обстоятельством (большей, сравнительно с другими могильниками, влажностью почвы могильного поля) объясняется очень плохая сохранность костей погребенных и их костяных заупокойных вещей.

Другой особенностью кладбища явилось наличие видимых еще до раскопок четких признаков местонахождения каждой могилы в виде пятен травы над каждой из них. Эти травянистые овалы четко выделялись на серой мелкощепнистой поверхности могильной площади и весьма облегчали выявление захоронений, позволяя обходиться без поисковых шурфов и траншей. План расположения могил кладбища обозревался, таким образом, полностью еще до раскопок.

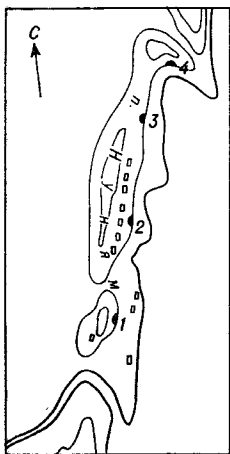
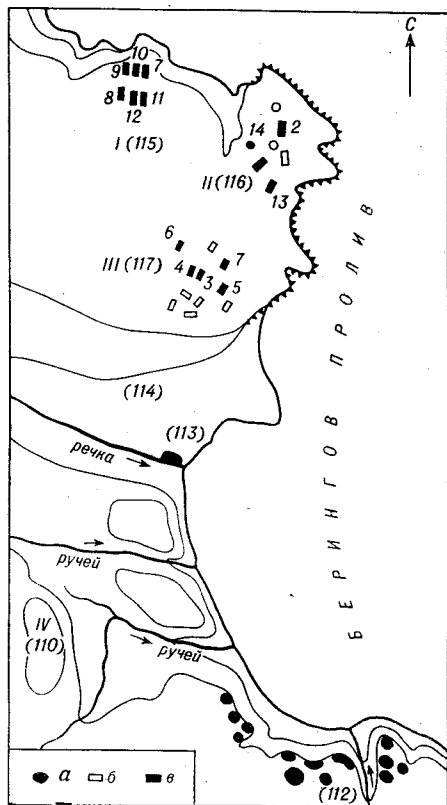

Рис. 117. Расположение древних стоянок в Нуныамо (1—4)

Рис. 118. Расположение древних могильников и погребений у м. Чини и горы Энмынытныи I, II, III — Энмынытныинские могильники; IV — Чинийский могильник; 1—14 — могилы; а — землянка; б — нераскопанные могилы; в — раскопанные могилы

В 1965 г. мы вскрыли здесь 101 погребение с вещами древнеберингоморского облика⁵. Радиоуглеродный возраст одного из них, определенный по остаткам дерева и меха из могилы 5, бказался 1605—40 (МАГ — 228).

Древняя землянка на м. Чини (111)

Рядом, на северо-восточном краю Чинийского могильника, тогда же было раскопано одиночное, слегка (на 30 см) углубленное, округлое жилище (7×6 м) с четырехугольным очагом из пяти поставленных на ребро каменных плит⁶. Плиты заметно накренились. Пространство, ограниченное ими, было полностью занято углисто-зольной очаговой массой. Угли и зола окружали очаг и с внешней стороны. Размер этой углистой «линзы» весьма значителен (до 2 м в поперечнике и до 30 см толщиной). В очаге нашлось два камня и шлифованный нож из глинистого сланца. На остальной площади жилища были встречены отщепы, осколки

⁵ Диков Н. Н. Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974.

⁶ Там же, с. 10, рис. 6.

костей и каменный наконечник копья. В западной части было обнаружено большое скопление черепков от толстостенной глиняной посуды, окруженное массивными плитами камня (табл. 174, 7). Возраст углей из очага по радиоуглероду — 1330 ± 26 (МАГ — 33).

Первое древнеберингоморское поселение на м. Чини (112)

Находится в полукилometре к западу от окончания м. Чини, рядом с Чинийским могильником, на бугре, возвышающемся на 6 м над уровнем протекающего рядом ручья. Здесь имеется около 9 ям (диаметром в 5—8 м) от землянок. Сделав выемку до мерзлоты по склону ниже этих землянок, мы обнажили небольшой участок культурного слоя площадью 4×2 м глубиной 30 см. Здесь, в осыпи, нам попались весьма немногочисленные находки: обломки наконечников стрел и пожей из глинистого сланца, орнаментированный наконечник гарпуна древнеберингоморского типа, проколка из моржевого клыка и отщеп⁷.

К востоку от этого места, по всей мысовидной возвышенности сохранились остатки более поздних землянок. Эскимосы покинули их, видимо, сравнительно недавно.

Второй древнеберингоморский поселок вблизи г. Энмынытнын (113)

Находится на противоположной северо-западной стороне распадка, за ручьем, протекающим западнее м. Чини, на террасовидном уступе высотой около 3 м. Здесь, в обнажении берега, оказались обломок ножа из глинистого сланца, костяная проколка и глиняные черепки. По-видимому, этот поселок более поздний, чем предыдущий.

Одиночная могила вблизи г. Энмынытнын (114)

Находится на левой стороне ручья Чинивеем, на террасе около 4—5 м высотой. Представляла собой до раскопок незаметную прямоугольную оградку с едва выступающими на поверхность краешками каменных плит. Ее длина около 1,8 м, ширина — около 80 см, глубина — около 65 см. На глубине 30 см, в средней ее части найден каменный наконечник копья. Глубже, до самого дна, вся могила была заполнена углестольной горелой массой, свидетельствующей о том, что здесь мы столкнулись с полным трупосожжением.

Первый Энмынытнынский могильник (115)

К северу от ручья Чинивеем и упомянутого культурного слоя на полого поднимающемся в сторону г. Энмынытнын склоне, ведущем на скалистые обрывы, в непосредственной близости один от другого сгруппированы три могильника. Самый дальний, первый, расположенный в 600 м от террасовидного уступа со вторым культурным слоем, второй — на расстоянии 300 м от первого, третий — в 120 м от культурного слоя (рис. 118).

Первый могильник находится у скального останца на мелкощебнистой площадке (20×20 м). К западу от последней склон покрыт крупнообло-

⁷ Там же, рис. 3.

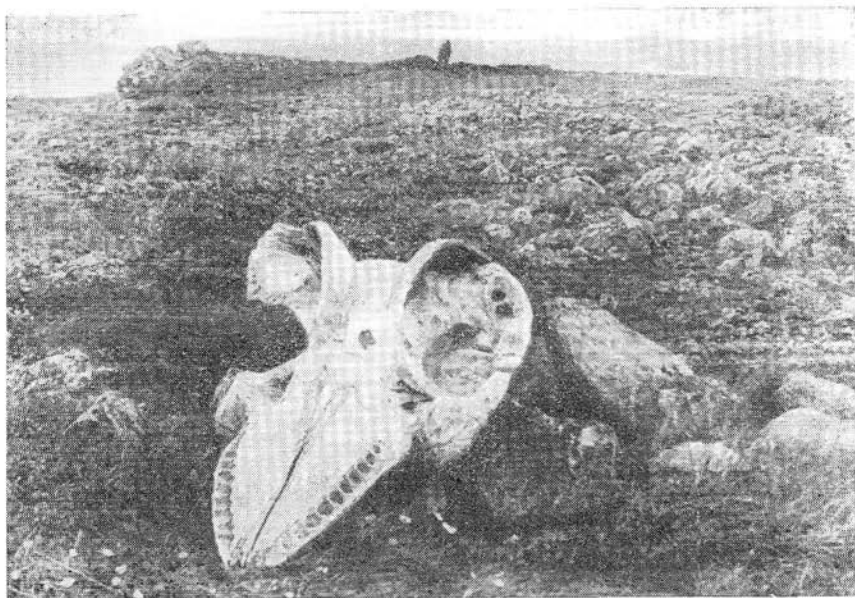

Рис. 119. Вид на Первый Энмынытынский могильник

Рис. 120. Погребение № 1

мочной породой и расчленен щелями. На расстоянии 50 м от могильного поля был установлен череп косатки (рис. 119). Под камнями, которыми он обложен, обнаружено девять медвежьих клыков. Погребения этого могильника почти не имеют наружных признаков. Могильник был открыт нами по нескольким, едва выступающим из земли каменным плитам од-

Рис. 121. Погребение № 8

ной из могильных оградок. Это небольшое кладбище нами раскопано полностью. Всего оказалось здесь шесть могил (1, 8, 9, 10, 11, 12) и ритуальное захоронение моржового лапта (рис. 119).

Могила 1. Это единственная могила первого могильника, плиточное обрамление которой было заметно на могильном поле. Она обратила наше внимание тем, что находилась на «видном» месте, возле выступа скалы. В «саркофаге» из плит дикого камня, на ложе из тонких сланцевых плиток вместе с остатками покойника, положенного на спину, с вытянутыми ногами, оказалось большое количество каменных и костяных изделий (рис. 120). Больше всего их было возле ног погребенного: украшенная роскошным древнеберингоморским орнаментом головка гарпуна из моржового клыка, наконечник поворотного гарпуна, черешковые и с прямым насадом наконечники копий, стрел и гарпунов из шифера, такие же наконечники из обсидиана и кремнистого сланца, фигурка, амулет или просто скребок из обсидиана, обсидиановые отщепы (табл. 136).

Грудная клетка и кости рук скелета не сохранились, череп тоже сильно разрушен. Зато в этой части могилы лежали на месте правого плеча погребенного крылатый предмет и три небольших тонких шиферных наконечника с прямым насадом, обращенные остриями к черепу, один расколотый черешковый наконечник копья лежал острием в противоположную сторону у левого плеча.

Могила 8 без плиточного обрамления, в грунтовой яме, на глубине около 0,5 м. Так же как и в предыдущей могиле № 1, покойник лежал на спине, с вытянутыми ногами, ориентированный головой на север

(рис. 121). Но сохранность его костей несравненно более полная, сгнили только кости ног, ниже колен. Почти весь погребальный инвентарь сосредоточен возле правого плеча. Здесь кучкой лежали с большим вкусом вырезанные из моржового клыка фигурная рукоять со звериными головками на концах, бусы, подвеска, пуговица, скребок для снятия жира, ложка, нож из глинистого сланца⁸. Возле левого плеча сохранились только три костяных держателя стрел, один из них — с наконечником стрелы (табл. 137). Вещи из моржового клыка сохранились в этой могиле лучше, чем в соседних могилах.

Могилка 9 тоже в грунтовой яме и не окружена камнями. На глубине около 0,5 м сохранились далеко не все кости погребенного, лежащего на спине, с вытянутыми ногами, головой на север (рис. 122). Череп его был разрушен, ребра, кости таза и рук почти полностью истлели, сохранились без эпифизов только трубчатые кости ног. Основная часть вещей как обычно, находилась с правой стороны, но на этот раз не у плеча, а ниже локтя. Здесь были каменные скребки, долота, наконечники стрел, отщепы и нуклеусы. По обеим сторонам правой ноги и несколько выше лежали три длинных стержня из моржового клыка (табл. 140, 8—16). Возле верхнего стержня найдены два костяных наконечника багров и наконечники поворотного гарпуна (табл. 139, 1—2). Остальные вещи, а их было много, лежали между ног скелета. Тут обнаружены два комка красной охры, каменные скребки, наконечники стрел, кристалл горного хрусталя и четыре наконечника поворотных гарпунов древнеберингоморского типа (табл. 138—140). Здесь удалось найти и каменный сланцевый нож, заключенный в костяную рукоять. После извлечения костей погребенного, обнаружилось, что он положен на подстилку из продольных деревянных жердей.

Могилка 10 тоже грунтовая, такой же глубины, как и предыдущие с той только разницей, что ее головная (северная) часть была окружена камнями. Покойник был положен на спину, с вытянутыми ногами, но руки его обнимали плечи. Ребра, кости таза и эпифизы длинных костей не сохранились. Череп тоже очень плохой сохранности (рис. 123). Почти все вещи (табл. 141, 142) располагались в области таза (крылатый предмет, четыре шиферных наконечника копья, два из кремнистого сланца, скребки и большой, расколотый пополам, шиферный нож с пятью отверстиями). В стороне от них, вдоль правой голени лежал орнаментированный в древнеберингоморском стиле и составленный из двух частей посредством костяной шпонки стержень из моржового клыка (табл. 143).

Погребение 11. На небольшой мелкощепнистой площадке, в щелке же выбита мелкая, глубиной 18 см, яма (размерами 200×130). По-видимому, яма приготовлялась для двух покойников, но захоронение произведено одно (рис. 124). Сверху покойник был заложен мелкими камнями и присыпан щебенкой до уровня поверхности земли. В засыпке, в северо-западном углу, лежала головка гарпуна из моржового клыка, орнаментиро-

⁸ Диков Н. Н. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке.— В кн.: Записки ЧОИМ, вып. 4. Магадан, 1967, рис. 4.

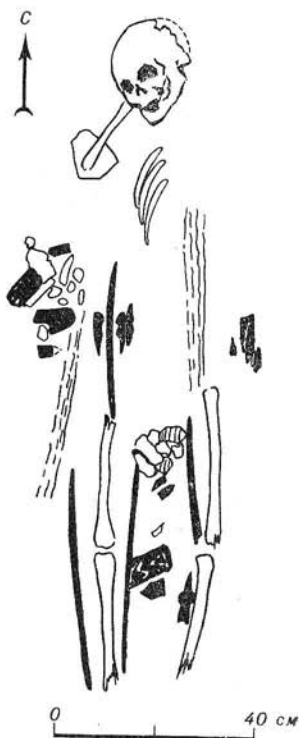

Рис. 122. Погребение
№ 9

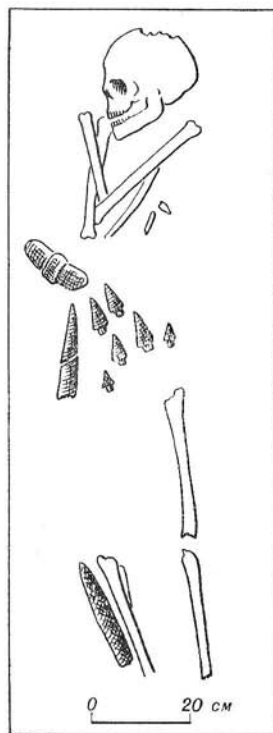

Рис. 123. Погребение
№ 10

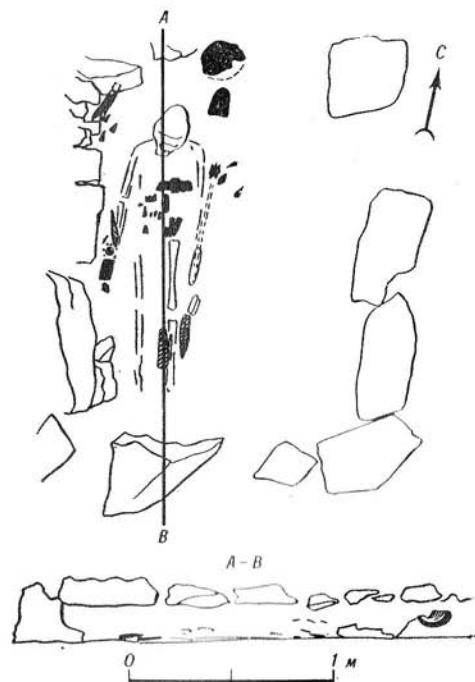

Рис. 124. Погребение № 11

ванная, с вильчатым пазом (табл. 144). На дне могилы, прямо на щебенке, лежали останки погребенного. От скелета сохранились кости черепа, трубчатые кости рук и ног. Покойник был положен в могилу головой на север, на спину, в вытянутом положении, в западной части могилы. Восточная половина могилы осталась незанятой. В головах у погребенного, на возвышении из щебня стоял круглодонный, толстостенный, с прямым венчиком глиняный сосуд плохого обжига. Он буквально тут же распался от соприкосновения. В тесто глины сосуда был добавлен шамот.

У левого виска погребенного лежал массивный шиферный нож с отверстием посредине. Вдоль левой руки был замечен след дерева длиной около 60 см. В верхнем конце его лежали пять шиферных наконечников удлинненных, с широкими черешками.

Большая группа предметов, преимущественно из камня, находилась с левой стороны груди и поясницы. Здесь во главе всего лежал крылатый предмет из моржовой кости, отлично орнаментированный. На поверхности средней части было довольно реалистично изображено человеческое лицо с широким расплывшимся носом и оскаленным ртом (см. цветную вклейку, стр. 160—161).

Ниже его помещались все другие орудия группы: полудунной формы шиферный нож без отверстия; четыре сланцевых ножа с ретушированными лезвиями; обломки четырех небольших шиферных ножей; обломок шиферного ножа полудунной формы — с черешком и сильно сработанным лезвием; тесло, изготовленное из сланцевой гальки, — с шлифованным лезвием и с острым обушком (табл. 144).

У самой кисти правой руки находилась группа орудий. Здесь были: шиферный наконечник с прямым основанием; тонко ретушированный наконечник с широким черешком из розоватого порфира; сланцевый резец с шлифованными гранями; обломок шиферного ножа с отверстием посредине; четырехугольной формы галька роговика; тесло из сланца с шлифованным лезвием и поверхностью, ретушированное грубо по краям и обушку; три отщепы (табл. 144).

В северо-западном углу могилы, под головкой гарпуна, лежали два шиферных наконечника стрел с прямым насадом и кремневый наконечник стрелы с асимметричным, слегка вогнутым насадом. Около берцовых костей левой ноги лежала орнаментированная головка гарпуна из моржового клыка, хорошо сохранившаяся, с вильчатым пазом, чуть выше, у колена находилась вторая такая же головка гарпуна, но очень плохой сохранности (табл. 144).

Погребение 12. Могильная яма выбрана и выбита в скале на глубину 15—18 см. Ориентировка могилы — север — юг. По краям могилы (у западной и восточной стенок) поставлено по две костяные подпорки, которые держали покрытие могилы из ребер кита. Со временем и под воздействием окружающей среды перекрытие рухнуло, а столбики остались стоять (рис. 125).

На каменистое дно очень тесной (150×70) могилы покойник был положен головой на север, на спину, в вытянутом положении. От скелета сохранились фрагменты черепа, следы от ребер и позвонков, трубчатые кости ног.

Рис. 125. Погребение № 12

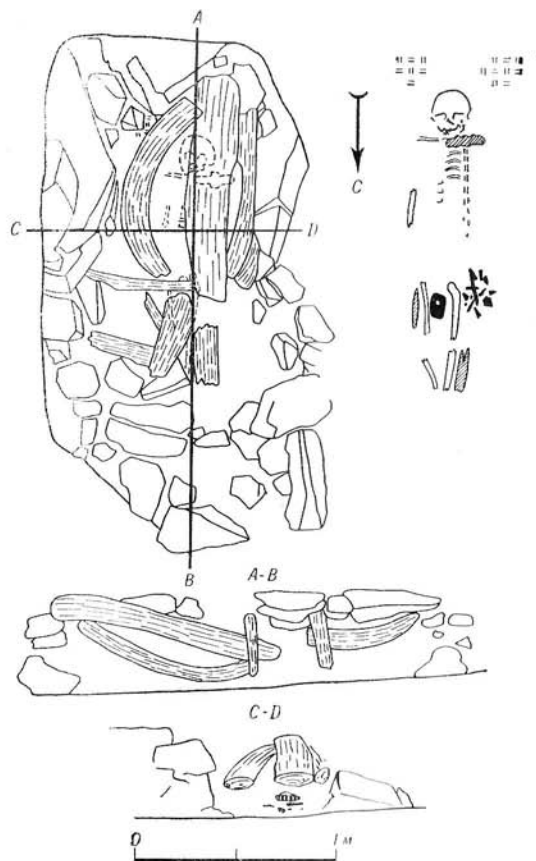

Рис. 126. Погребение № 12

С левой и правой сторон, у верхнего торца могилы виднелись пятна горелой органической массы. Слева, у самого подбородка, лежал орнаментированный крылатый предмет из моржового клыка (табл. 146). От его втулки на 45 см прослеживался след деревянной рукояти. С внешней стороны правого бедра лежало заостренное костяное орудие, плоскоовальное в сечении, а с внешней стороны — шиферный нож с отверстием по середине. У левого бедра находилась группа предметов из камня и кости. Здесь были проколка из моржового клыка; из моржового же клыка рукоять с рядом насечек со спинки и брюшка, видимо от обмотки; гвоздь со шляпкой и обломок второго, аналогичного (табл. 147).

Среди каменных предметов лежали три сланцевых резца с шлифованными гранями; ретушированный наконечник с широким черешком, из кремнистого сланца; скребок с выпуклым лезвием; подтреугольной формы нож из глинистого сланца с подшлифованной поверхностью и ретушированным лезвием; тесловидное орудие из глинистого сланца, вставляемое в рукоять, с шлифованным лезвием; шлифованный обушок топора (табл. 147).

Ниже колена, у левой ноги, лежала головка поворотного гарпуна с вильчатым насадом, орнаментированная, из моржового клыка (табл. 145).

Захоронение моржового лапа

Оказалось в 8 м сверху от раскопанных в 1963 г. могил 9 и 10 и в 4 м от скалистого края могильника. Оно было найдено среди камней сразу же под дерном, на глубине около 10 см. Окружающие ее камни образовывали явно намеренно сооруженную ограду. Интересно, что тут же, в 10 см к югу от остатков моржового лапа, лежал каменный пест из камня.

С западной стороны от этих моржовых костей, на расстоянии около 1,5 м от него, среди крупных глыб камня прослежены остатки кострища и обгоревший глиняный жирник с китовым ребром, а с противоположной стороны, примерно на том же расстоянии, — шлифованный нож из глинистого сланца.

Второй Энмынытнынский могильник (116)

Этот могильник, меньшего размера, примерно из 7 захоронений, располагается среди крупнообломочного коллювия. Захоронения заметны по углублениям, устроенным среди камней.

В 1963 г. здесь была вскрыта могила (№ 2) с двумя (расположенными в два яруса) древнеберингоморскими захоронениями и с большим количеством вещей.

В 1965 г. были исследованы остальные наиболее приметные погребения (№ 13, 14) и, надо сказать, что они уже своим внешним видом выдавали принадлежность к какой-то другой, древнеберингоморской культуре. Раскопки это подтвердили. В провалах под курганообразными нагромождениями камней оказался очень скудный погребальный инвентарь позднего облика.

Могила 2 окружена прямоугольной оградой (2×0,8 м) из врытых на ребро плит дикого камня. Содержала два яруса погребений. Верхний покойник, от которого сохранились только полусгнившие диафизы костей

ног, был положен на глубине около 40 см, головой на юг, очевидно на спине, и завален землей и камнями (рис. 127). Возле левого его бедра уцелела средняя часть сгнившего «крылатого предмета» и каменный наконечник стрелы, а между ног — большой каменный топор, шиферный наконечник и скребки. В области груди сохранились следы истлевшей головки гарпуна, маленький топорик, каменный черешковый наконечник стрелы. На месте черепа нашлось два маленьких каменных вкладыша от поворотного гарпуна (табл. 149).

На 20 см глубже лежали очень скудные остатки нижнего скелета (рис. 128). Сохранились следы длинных трубчатых костей ног и черепа, по которым можно судить, что покойник был погребен головой на север, т. е. в противоположную сторону по отношению к верхнему погребению. Однако здесь уцелел обильный каменный погребальный инвентарь, сконцентрированный с правой стороны уложенного на спину мертвеца, на его груди, возле левого плеча. Здесь были четыре ретушированных черешковых наконечника копий из кремнистого сланца, пять шиферных наконечников, скребки и, в том числе, своеобразный фигурный, три резца, куски охры, угли, зеленые гальки, две точильные песчаниковые плитки и каменные вкладыши от гарпунов (табл. 148).

Погребение 13. Обставлено прямоугольной оградой, продольной осью ориентированной с севера на юг. Под засыпкой из камней, на глубине около 30—40 см обнаружены: в северной части — остатки человеческого черепа, а в южной — обломок поворотного наконечника гарпуна и три каменных наконечника стрелы.

Погребение 14. Устроено в могиле, имевшей вид некоторого подобия склепа. Ее перекрытие образовано поперечно уложенными китовыми ребрами (из них одно сохранилось к моменту раскопок *in situ*), поверх которых навалены плиты камня.

Кости погребенного находились на глубине около 40—50 см, на каменном ложе. Сохранность их — относительно хорошая, особенно костей черепа. Погребенный был уложен в этом прямоугольном каменном склепе на спине, с вытянутыми ногами, головой на юго-восток. Никаких вещей при нем не обнаружено.

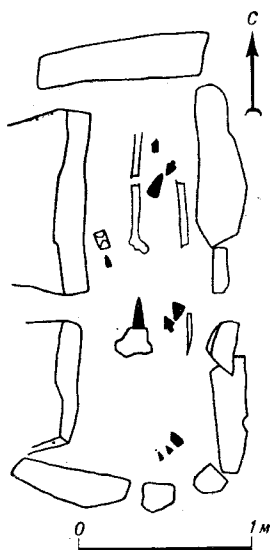

Рис. 127. Верхнее погребение в могиле № 2 Второго Эммыитынского могильника

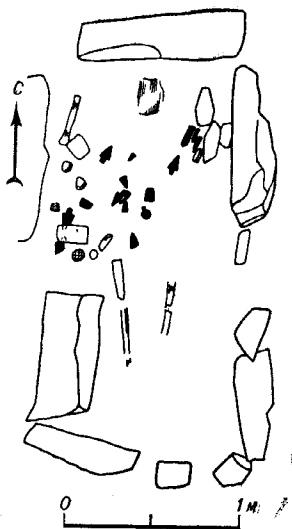

Рис. 128. Нижнее погребение в могиле № 2 Второго Эммыитынского могильника

Третий Энмынытнынский могильник (117)

Этот могильник, самый обширный из Энмынытнынских, насчитывает 11—15 могильных впадин и оградок, довольно хорошо различимых среди крупноблочного коллювия (рис. 123). Здесь исследовано 5 захоронений (№ 3, 4, 5, 6, 7).

Могила 3 в центре каменной оградки, прямоугольных очертаний (2×1,5 м), ориентированная с севера на юг. На вымостке из каменных плит сохранились только диафизы трубчатых костей ног и часть таза, обломок наконечника стрелы из глинистого сланца, а также часть ножа из того же материала — в углах могилы. Западная стенка оградки завалилась во внутрь.

Могила 4 имела оградку (2,1×1 м) такого же устройства и ориентировки, как и у предыдущей могилы, только во внутрь завалились плитки восточной ее стенки. Ее дно также устлано каменными плитками. Северная часть могилы перекрыта двумя обломками китовых ребер.

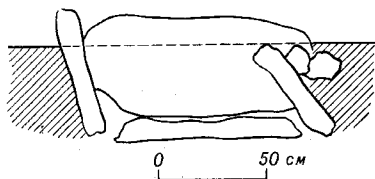
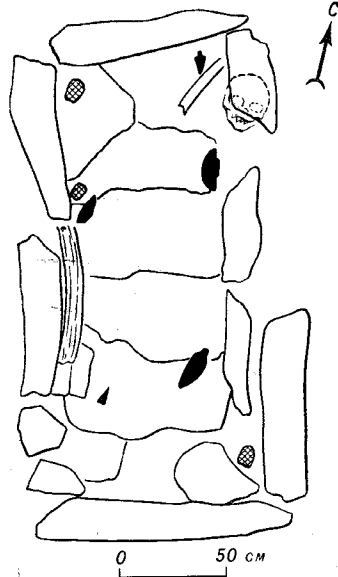

Рис. 129. Погребение № 4 Третьего Энмынытнынского могильника

Кости человека, кроме черепа (в северной части могилы), не сохранились (рис. 129). В северо-западном и юго-восточном углах могилы — обломки глиняной посуды. В том месте, где должна была быть грудь погребенного, лежал большой сланцевый нож без отверстия, кремневый наконечник копья находился у западной стенки оградки. В углу, за головой покойника и несколько выше найден другой каменный наконечник копья, а в ногах его — расколотый на три части большой наконечник копья из шифера, обломок шиферного же ножа и отщепы. Чуть западнее — кремневый наконечник стрелы (табл. 150).

Могила 5 в прямоугольной плиточной оградке (2×0,8 м), под камнями засыпки — никаких человеческих костей. Были обнаружены только каменные изделия. В северной части могилы, на глубине 20 см — топоры из кремнистого сланца и четыре сланцевых ножа. Глубже — два наконечника от стрел. В южной половине могилы — сланцевый нож с дыркой, наконечник и кусок охры (табл. 151).

Могила 6. Имела незамкнутую оградку (2,2×0,8 м), с ее северной стороны плит не было и там вдоль могилы лежала *os penis*. Из остатков человека сохранился разрушенный череп и бедренная кость (на глубине 60 см). Два больших

сланцевых ножа без дырок лежали рядом, возле черепа. Два других лежали порознь в средней части могилы (рис. 130).

Могилы 7. В прямоугольной каменной оградке (2×1 м) сохранились кости ног без эпифизов, судя по положению которых покойник был погребен на спине, с вытянутыми ногами (рис. 131). Возле его левого бедра лежали два каменных вкладыша от поворотного наконечника гарпуна (костяная часть наконечника полностью истлела) и три шиферных треугольных наконечника стрел, положенные один на другой. Чуть выше, возле тазобедренного сустава — метательный халцедоновый наконечник, один кремневый наконечник и еще три шиферных (также один на другом). По другую сторону погребенного, у стенки могилы были еще два наконечника черепшковой формы из кремнистого сланца (табл. 152).

Укрепленный поселок на скале Сенлун (118)

Неприступная скала — м. Сенлун — с развалинами укрепленного поселения находится между Науканом и Уэленом. Высота скалы — более 50 м. С восточной стороны она представляет собою совершенно отвесную, естественную стену, завершающуюся причудливым «гребнем». С западной стороны над ней вздымается более значительная вершина, а на седловинке между последней и «гребнем», примыкая к нему вплотную, располагается укрепленное поселение, обнесенное с двух сторон, не защищенных обрывами, уже развалившейся каменной стеной. С юго-восточной стороны скалы, с моря, к этим руинам можно добраться по очень крутому осыпающемуся склону, но с северо-западной стороны доступа к ним с моря нет, так как подводные камни не дают возможности пристать к скале на вельботе или байдаре.

Развалины поселения занимают четырехугольную площадь размером 55—60×105—110 шагов, ограниченную с восточной стороны гребнем скалы, с северной — обрывом ущелья, а с двух других — искусственной каменной оградой. Размеры ограды теперь: ширина 1,5—2 м и высота до 1 м. Она была сложена всухую, просто нагромождением крупных обломков скалы, имеющих здесь на седловинке, в изобилии (делювий), и, надо полагать, никогда не была особенно высокой, скорее всего — не более человеческого роста. В пре-

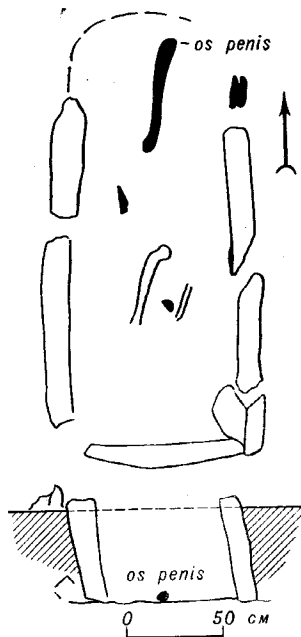

Рис. 130. Погребение № 6 Третьего Энмынгыт-нинского могильника

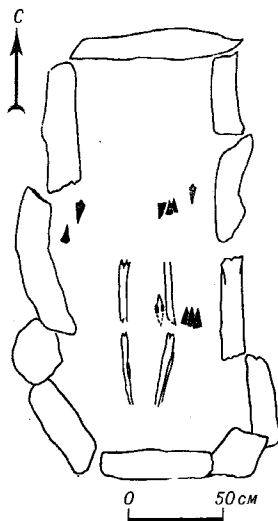

Рис. 131. Погребение № 7 Третьего Энмынгыт-нинского могильника

делах ограждения хорошо видны семь бугров (7—20 м в поперечнике). В каждом из них имеется по несколько провалов. Из бугров торчат китовые ребра, но чаще — камни, служившие для сооружения этих жилищ-землянок. Но есть и несколько круглых оградок из внедренных в землю камней — следы жилищ другого рода, скорее типа яранги, укрепленной вокруг камнями.

Внутри одного такого наиболее крупного круглого жилища (диаметром в 6—7 м), расположенного в самом северо-восточном углу городища, нами в 1956 г. были предприняты разведывательные раскопки⁹. В середине жилища оказалось несколько камней. Плиты ограды были частично вскрыты на ребро, частично лежали плашмя. По всей площади поквдратно был снят дерн. В дерне сразу же стали попадаться черепки, некоторые с наружными «ушками». Венчики их — прямые, с легкими вмятинами от пальцев и без каких-либо орнаментов. Толщина разная. Цвет — от черного до светло-охристого, серого. Черепков было больше в середине, возле поверхностных камней и в западной половине. Все они мелкие, их не более 10—20 штук. Попадались кости нерпы и моржа, а из вещей: 1) обломанный снизу, ретушированный с обеих сторон, кремневый наконечник копья; 2) обломок сланцевого шлифованного ножа; 3) нижняя часть шлифованного топорика. Под дерном земля оказалась настолько жесткой, хотя и не промерзшей, что не поддавалась лопате.

В 100—150 м к юго-западу от городища, на узкой и продолговатой верхней площадке отдельного утеса (высотой в 30 м) обнаружена цепочка тесно друг к другу примыкающих, чуть ли не «влепленных» одна в другую, землянок, построенных из камня и китовых костей. Одна из них, площадью в 6 кв. м (2 × 3 м), была раскопана нами полностью, послойно, тоже в 1956 г.

До раскопки жилище представляло собой подпрямоугольную яму с закругленными углами, по краям обрамленную каменной кладкой из плит неотесанного камня, уложенных плашмя, одна на другую, в несколько слоев. Вход, в виде узкого спуска, располагался с северной поперечной стороны (ближе к северо-восточному углу, почти с угла). С этой же стороны намечалась ниша, а поперек продольных стен, ближе к задней южной стенке, сохранилось китовое ребро перекрытия.

При раскошке этого жилища пришлось извлечь немало крупных камней плитообразного характера. Создавалось впечатление, что эти камни первоначально служили крышей. Действительно, китовые ребра и челюсти рухнувшего перекрытия были обнаружены под камнями¹⁰.

Жилище отапливалось не жирником, а очагом, сложенным из мелких камней, в нише, направо от входа. Камни очага очень перегорели, рассыпались от прикосновения к ним. Среди них встречались гладкие толстые черепки разбитой глиняной посуды. У западной, противоположной очагу стенки было устроено ложе из двух слоев китовых лопаток малого раз-

⁹ Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1. Магадан, 1958, с. 41.

¹⁰ Там же, рис. 17.

мера. Там, возле стены, найдены массивный каменный топор и ретушированный черепковый наконечник копья. Кроме того, в жилище оказались обрывки китового уса, мотыги, кирки и различные другие поделки ¹¹.

Уэленский могильник (119)

Уэленский древнеэскимосский могильник является одним из наиболее выдающихся по своему значению археологических памятников на Чукотском морском побережье.

Местонахождение этого могильника весьма удачно: на краю скалистого прибрежного уступа предгорной холмистой возвышенности, как раз над тем местом, где начинается галечниковая уэленская коса. Отсюда открывается широкий вид на косу, лагуну и льдистое море. У подножия скалы журчит прозрачный ручей. Им пользуются и сейчас уэленцы и, конечно, пользовались в древние времена, когда здесь располагались становища и поселки пунукского и более поздних времен, обнаруженные и исследованные еще С. И. Руденко. Одно древнее стойбище XVII располагается у спокойных вод лагуны, на склоне той же возвышенности, но за оврагом, в нескольких метрах от могильника; другое, «пунукского» времени, сохранилось в виде больших бугров от прежних землянок у подножия возвышенности, на галечниковой косе, отделяющей лагуну от моря, т. е. как раз в том месте, где и сейчас располагается уэленский чукотский поселок.

Могильник находится на едва заметном бугре площадью около 300 кв. м, на наиболее сухом месте возвышенности, покрытом более чем метровым слоем рыхлого делювия из супеси вперемешку со щебенкой.

Впервые Уэленский могильник был замечен в 1954 г. А. Т. Симбирским. В 1955 г. экскурсия школьников во главе с учителем Д. А. Сергеевым раскопала на западной стороне могильника два древнеберингоморских погребения, а в следующем 1956 г. нами были предприняты там уже довольно обширные планомерные исследования. Основная задача их сводилась к тому, чтобы определить границы древнего кладбища, что и было полностью выполнено в течение одного полевого сезона. На юго-западной и северо-восточной сторонах могильного поля нами было вскрыто тогда 11 захоронений (в могилах 1—4), которые дали большое количество ценных археологических находок древнеберингоморской и оквикской культур ¹².

В следующем полевом сезоне, осенью 1958 г., на юго-западном и северо-восточном участках могильника нами было исследовано еще 23 погребения (№ 5—27), в числе которых, кроме древнеберингоморских, оказались и два ярко выраженных бирнирских ¹³.

В 1957 г. в раскопки могильника включилась экспедиция Института этнографии АН СССР, возглавляемая известным антропологом профессо-

¹¹ Там же, с. 42.

¹² Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 1, 1958, с. 32—41.

¹³ Диков Н. Н. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 гг.— «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (М.), 1967, вып. 17, с. 45—79.

рем М. Г. Левиным (с участием археолога Р. В. Чубаровой-Козыревой и этнографов С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева). В течение четырех сезонов (1957—1960 гг.) эта экспедиция раскопала 76 погребений: сначала на участке между захоронениями, вскрытыми нами в 1956 г., а затем на западном склоне могильного поля¹⁴. В последних сообщениях этой экспедиции отмечалось, что Уэленский могильник раскопан полностью и работы на нем прекращены¹⁵. Однако в 1963 г. нами было прослежено продолжение могильника к юго-востоку. Там мы заложили два разведывательных шурфа, в которых исследовали пока только три древнеберингоморских погребения (№ 29, а, б, в) и одно бирнирское (№ 28)¹⁶.

Инчоунское древнеберингоморское селение (120)

На берегу Ледовитого океана за Дырявой скалой (Равыквын), вблизи которой расположено большое моржовое лежбище, находится современный поселок Инчоун и древние большие землянки предков эскимосов. Последние вытянулись по прямой линии от восточной окраины современного поселка в направлении Инчоунской скалы. Часть их расположена на косе, остальные — на возвышенности, ведущей на скалу (рис. 132).

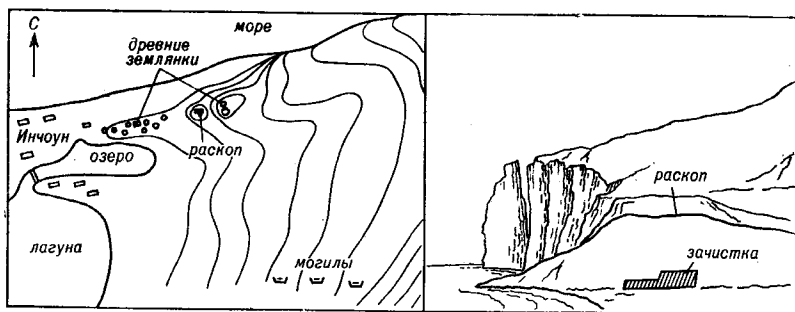

Рис. 132. Местоположение Инчоунского древнеберингоморского поселка

Нами было исследовано одно из больших древнеэскимосских жилищ, расположенное на краю террасовидного уступа, от которого начинается Инчоунская коса. Оно устроено на высоте около 9 м от уровня моря и, судя по 4 впадинам в его руинах (достигающих в поперечнике 40 м) вокруг центрального большого углубления, имело соответственно 4 пристройки. Таким образом, оно относится к типу сложных эскимосских жилищ, состоящих из нескольких помещений (рис. 132, 133).

Мы имели возможность начать раскопки только центрального помещения, округлого в плане, диаметром в 10 м. Глубина соответствующей

¹⁴ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

¹⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древнеэскимосские могильники на Чукотке.— Записки ЦОКМ, вып. 3. Магадан, 1962.

¹⁶ Диков Н. Н. Уэленский могильник, с. 67, 68, 76, рис. 28, 29, 31, 32.

ему впадины до раскопок 1 м. На глубине 40—50 см начиналась вечная мерзлота, и поэтому мы должны были ограничиться снятием только верхнего, немерзлого слоя, предоставив нижележащие слои естественной оттайке, с тем чтобы в будущем вернуться и продолжить раскопки вглубь.

Намеченная для раскопок площадь была разбита на четырехметровые квадраты (2×2 м), ориентированные с севера на юг. Все находки были обнаружены под толстым, чрезвычайно твердым слоем дерна, на глубине 30—50 см (рис. 134). Они распространены были в основном по углам и краям раскопа, причем особенно много их было на северо-западной стороне (квадраты 1—А, 1—Б, 2—А), которая соответствует входу в жилище. Там оказались черепки толстостенной глиняной посуды, обломки сланцевых ножей, наконечников стрел и копий, обломки топоров и заготовки тесел, скребла, а также несколько поделок и заготовок из моржового клыка, и, в частности, обломок сделанного из него скребла для очистки моржовых кишок от жира (табл. 154). В углу, противоположном входу (квадраты 4—А, 4—Б, 5—А), среди кусков ребер кита и отдельных камней встречены обломки такой же толстостенной посуды, большой шиферный нож и несколько обломков таких же ножей, обломок каменного топора и обрубки моржового клыка. На южной стороне (квадраты 3—Г, 4—Г, 5—Г) — те же толстостенные черепки, обломки шиферных ножей и наконечники стрел. В юго-западном углу, напротив входа, обнаружен огромный очаг из камней. В его обожженной земле много толстостенных черепков, каменный топор и обломки китовых ребер (квадраты 2—Б, 2—В, 2—Г). Возле двух больших камней, с северной стороны очага обнаружено несколько десятков круглых галек — камни для пращи. Тут же была и кирка из моржового клыка. Следы маленького очага в виде горелых костей — в центральной части, на квадратах 3—Б, 4—Б. Таким образом, юго-западная и центральная части помещения служили для приготовления пищи, по сторонам же, вокруг нее, там где больше встречено различных вещей, у обитателей землянки были, очевидно, лежанки. Следует отметить, что против входа сохранились два вертикально укрепленных китовых ребра. Их края выступали из ямы еще до начала раскопок. Это, вероятно, те уцелевшие опорные столбы, на которых покоились стропила жилища — тоже из китовых ребер (обломки их кое-где встречены, как указывалось выше, в верхней части культурного слоя).

С разведывательными целями мы обнажили от дерна небольшой (12×3 м) участок склона в основании бугра, на котором размещается данное, подвергнутое раскопкам жилище, в 26 м от центрального его помещения. Здесь оказался очень насыщенный находками культурный слой. В процессе его зачистки от мерзлоты (на глубину 40 см) нашли несколько древнеберингоморских поворотных наконечников от гарсунов (табл. 155), ножи и наконечники из глинистого сланца и поделки из моржового клыка, а также своеобразный «крылатый предмет» с двумя стилизованными скульптурными птичьими головками.

Инчоунский могильник (121)

На Инчоунском могильнике, устроенном в щелях каменной осыпи на склоне сопки, к юго-востоку от древнего поселения, мы раскопали только

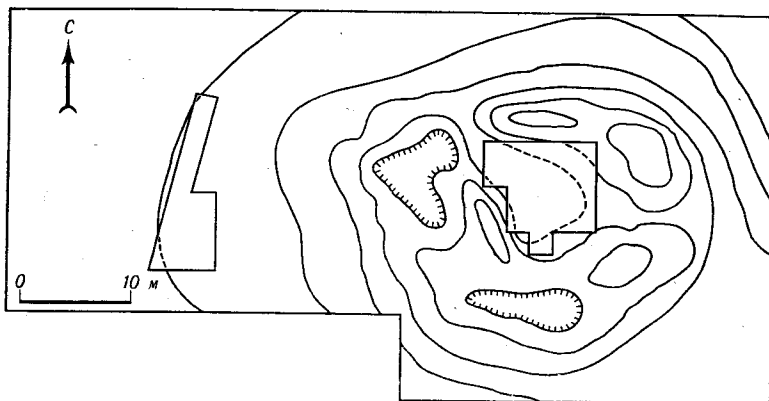

Рис. 133. Большая древнеберингоморская землянка в Инчоуне

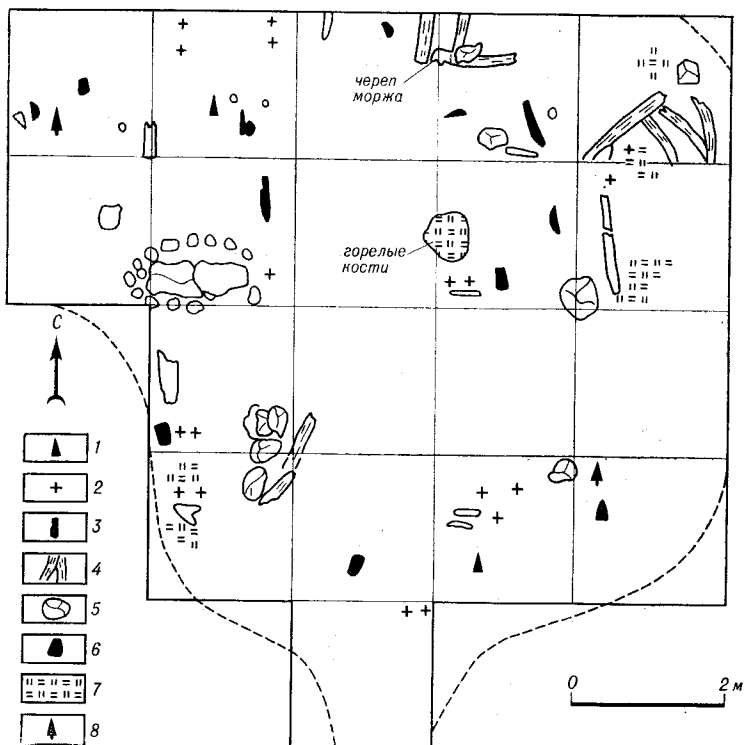

Рис. 134. План раскопа древнеберингоморского жилища в Инчоуне

1 — ножи; 2 — черепки; 3 — костяные мотыги; 4 — китовые кости; 5 — камни; 6 — топор; 7 — угли; 8 — наконечники стрел, ножей

одну могилу. Она представляла собой овальное углубление (2,0×1 м) в каменной крупноблочной осыпи склона, для чего была использована одна из естественных «щелей». Вокруг углубления было сделано каменное ограждение (2,5×1,5 м), перекрытое вдоль и поперек китовыми ребрами. Могилы были засыпаны камнями, кости поэтому в ней сохранились плохо, хотя захоронение было здесь и не очень древним. На глубине 0,5 м найдены 5 наконечников стрел и скребок из глинистого сланца (в северной половине могилы).

Утенский древнеэскимосский поселок (122)

На северо-запад от Инчоуна, за сопкой с кекурами находится обширный распадок, по которому протекает большой ручей. В распадке, на правой стороне ручья, на бугре еще издали заметны руины сравнительно поздних землянок, построенных из китовых костей. Значительно более древние землянки имеются на высоких террасах по обе стороны ручья. С правой стороны — на шестиметровой террасе, а с левой стороны — на двенадцатиметровой (рис. 135). Толщина культурного слоя этих двух древних поселений хорошо видна по обнаженным обрывистым краям этих террас. Она достигает 2,5 м. Из культурного слоя на левой террасе с глубины 1,5 м взяты образцы дерева для радиоуглеродного анализа. Зачистка обнажения в этом месте выявила перекрытое пластом земли в 1,3 м скопление красной охры под большой, метровой, каменной плитой. Под этим слоем охры (толщиной в 20 см) прослеживалась линза очажного угля (такой же толщины), а под нею обгоревшие камни. По сторонам плиты, прикрывающей охру, стояло два деревянных столба (в поперечнике 20—25 см), а под одним из них, в охре, на очажной углистой прослойке — шиферный нож (табл. 156). Других находок здесь не было.

Утенский древнеэскимосский могильник (123)

В Утене, на вершине сопки, с левой стороны распадка, возле скальных останцов — древнеберингоморский могильник, состоящий примерно из 40 могил в прямоугольных каменных оградах, ориентированных с севера на юг. Мы раскопали только две могилы, на южном краю могильного поля (рис. 136).

Могилы 1. В каменной ограде (2,5×1,2 м) под дерном сохранились остатки двух продольно уложенных китовых ребер. Под каменной и земляной засыпкой, на глубине 60 см — следы от двух трубчатых костей, между которыми — шиферный нож (в южной половине могилы). На противоположной стороне могилы, на той же глубине найден шиферный наконечник стрелы. Под наконечником была деревянная подстилка. Ее возраст по радиоуглероду — 1750±100 (МАГ — 354).

Могилы 2. В прямоугольной оградке того же размера сверху был слой щебенки. На глубине 0,5 м — слой из горизонтально уложенных плит, а под ними, в земляной засыпке — очень разрушившиеся остатки человеческого скелета. В юго-западной стороне могилы — остатки черепа, а дальше, по направлению к северу, в анатомической последовательности — плечевые кости без эпифизов, часть таза и берцовые кости (тоже

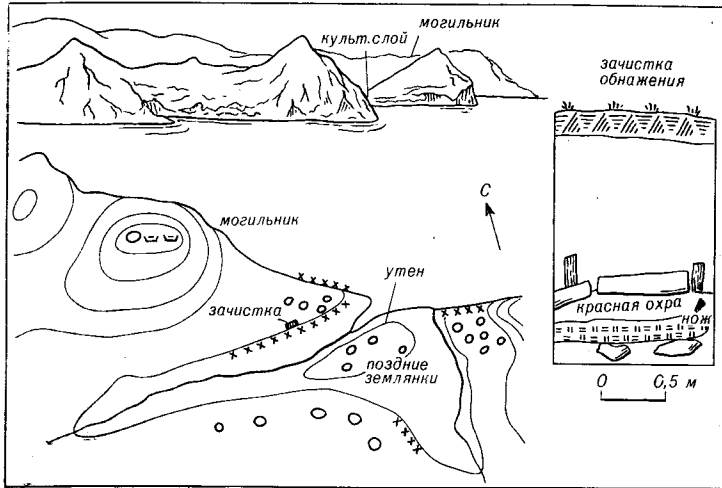

Рис. 135. Культурный слой и могильник в Утене

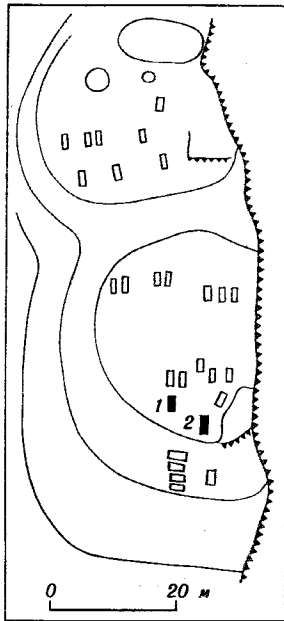

Рис. 136. План могильника в Утене

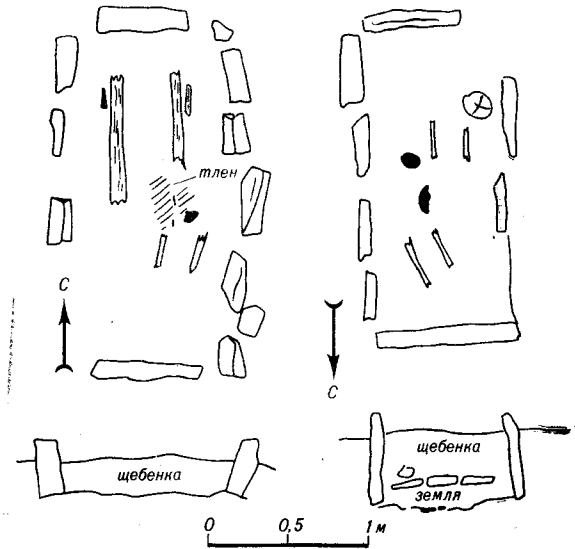

Рис. 137. Могила № 1 и № 2 в Утене

без эпифизов). Неподалеку от тазовых костей был обнаружен нож из глинистого сланца. Судя по этим остаткам, покойник был погребен на спине, с вытянутыми ногами, головой на юг (рис. 137).

Древние стоянки в Четтуне (124)

Не доезжая Чегитуна, в небольшом распадке, окруженном крутыми склонами, в осыпи обрыва, слева от ручья обнаружены грубо оббитые кремнистые орудия (скребки, наконечники), отщепы и обломки толсто-стенной керамики (табл. 157, 158, 159). Культурный же слой оказался на высоте 10—12 м. Его толщина в среднем 50—70 см по обнажению обрыва, и связан он с развалинами двух небольших землянок из китовых костей (рис. 138). Зачисткой обнажения этого культурного слоя в нем найдены отщепы, черешковый наконечник копья или нож (табл. 157, 5), кости оленя, нерпы, моржа и китовый череп.

Экичвервеемский культурный слой (125)

Так же называется река недалеко от Чегитуна, протекающая по широкому распадку. На правой стороне ее, на верху 8-метровой мысовидной террасы имеется культурный слой толщиной до 1 м (рис. 139). Из него нами извлечены поворотный наконечник гарпуна типа «Туле-2», обломки толстостенной глиняной посуды, обломки ножей и заготовки орудий из глинистого сланца, кирки, остроги, скребок для чистки кишок моржа, двойная втулка, украшенная дырчатым орнаментом и другие предметы из моржового клыка (табл. 160).

Чегитунская древнеэскимосская стоянка (126)

При устье р. Чегитун, в окрестностях одноименного чукотского поселка в 1963 г. нами обнаружены культурный слой древней стоянки и три могильника (рис. 140)¹⁷.

Культурный слой древней стоянки прослеживается в верхней части пятиметрового обрыва, слева при устье р. Чегитун, в том месте, где еще несколько десятков лет был старый поселок Чегитун. Ямы от древних землянок здесь уже не видны, они разрушены позднейшими погребями. Зачистка культурного слоя была произведена нами на крутом склоне ниже этих погребов на высоте 4—6 м над уровнем моря. От дерна была обнажена здесь нами полоса длиной 4 м, шириной 1 м, глубиной 0,4 м — до мерзлоты. Были найдены два наконечника поворотных гарпунов типа «Туле» (один с обломанным концом), обломки сланцевых ножей, обломок копья от нарты и рукоятки для резцов из рога оленя и различные поделки из моржового клыка: клип от оленьей упряжки, рыболовный крючок, проколка, заготовка наконечника стрелы и др. (табл. 160).

Первый Чегитунский древнеэскимосский могильник (127)

Находится на одном из увалов, к юго-западу от поселка Чегитун, на расстоянии 400—500 м от реки. Здесь были довольно заметные, рядом

¹⁷ Диков Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники.— В кн.: Краеведческие записки, вып. VI. Магадан, 1966, рис. 1.

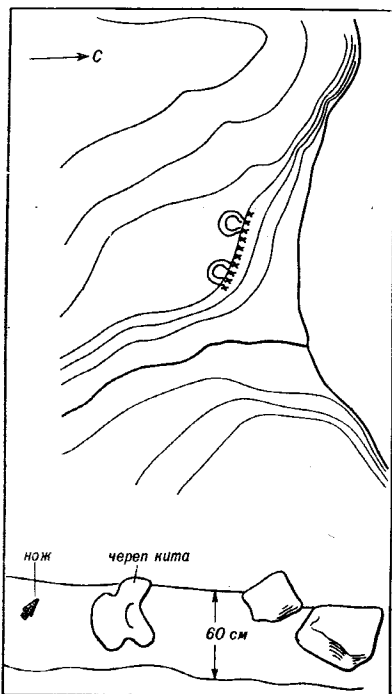

Рис. 138. Расположение древних землянок в Четгуне

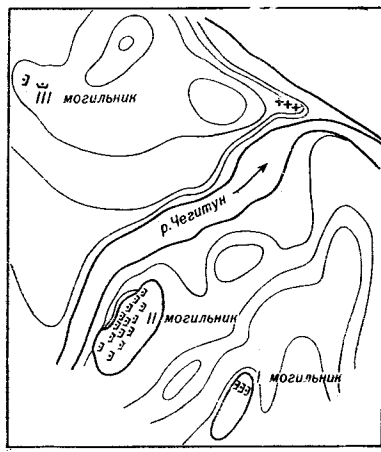

Рис. 140. Древнезскимоский поселок и могильники при устье р. Четгун

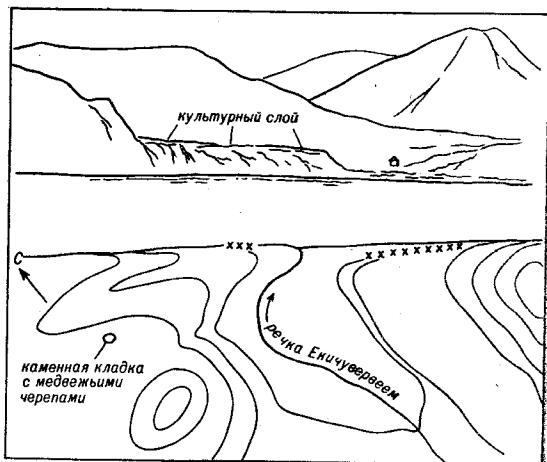

Рис. 139. Древнее поселение при устье р. Экичуереев

расположенные три каменные кладки в виде прямоугольных оградок, ориентированных с северо-востока на юго-запад. Под двумя из них ничего не оказалось, кроме чистого «материкового» грунта сразу же под тонким дерном. И только в одной (№ 1), на глубине 20 см сохранились разрозненные человеческие кости (ребра, бедра, плечевые без эпифизов), а также длинный стержень из моржового клыка. На соседнем бугре этого увала (ближе к поселку, у скального останца замечены следы чьих-то раскопок, возможно М. Г. Левина), произведенных в аналогичных, вероятно поздних могилах.

Второй Четгунский древнезскимосский могильник (128)

Расположен на правом берегу р. Четгун, недалеко от ее устья, на высоком скалистом берегу. Могильник занимает значительную площадь (свыше 150 м протяженностью) и состоит более чем из 50 прямоугольных оградок, устроенных на мелкой щебнистой поверхности, усеянной камнями (рис. 141, 142).

Рис. 141. Вид на второй Чегитунский могильник

Все оградки ориентированы примерно в одном направлении: головной частью на северо-восток, кроме могилы № 3, где человеческие останки лежали в противоположном направлении. Все погребения завалены камнями и лишь слегка присыпаны землей, вследствие чего сохранность скелета неудовлетворительная.

Могила 1 в прямоугольной оградке (2×1 м), содержала неполный скелет покойника, уложенного на спину, с вытянутыми ногами и сложенными на поясе руками (рис. 143). Череп и правое бедро не сохранились. Возле тазовых костей, с правой стороны лежал большой наконечник гарпуна бирнирксского типа, на месте — проколка, а возле костей правой ступни — клык медведя и зуб моржонка (табл. 162, 2).

Могила 2 в такой же оградке, но никаких костей не найдено, только в головной части — костяной наконечник остроги.

Могила 3. В прямоугольной оградке (2×1 м) лежали остатки скелета, расположение которого позволяет допустить, что погребенному (ориентированному в виде исключения головой на юго-запад) здесь была придана поза лежащего на правом боку, с подогнутыми ногами: бедренные его кости (без эпифизов) направлены к черепу, от которого сохранилась только нижняя челюсть. От рук сохранились только плечевые кости (тоже без эпифизов). В области таза оказались обломок наконеч-

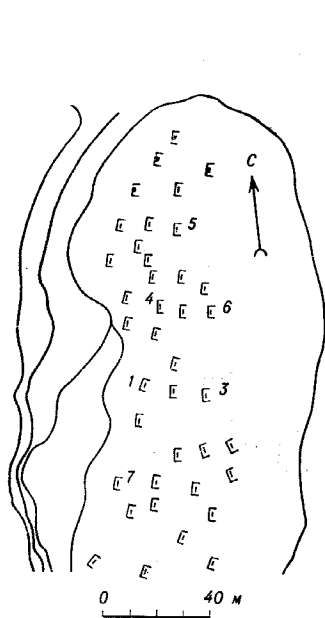

Рис. 142. План второго Чегитунского могильника

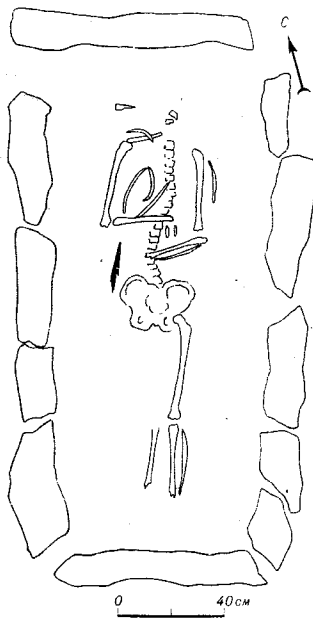

Рис. 143. Погребение № 1 (Чегитун-II)

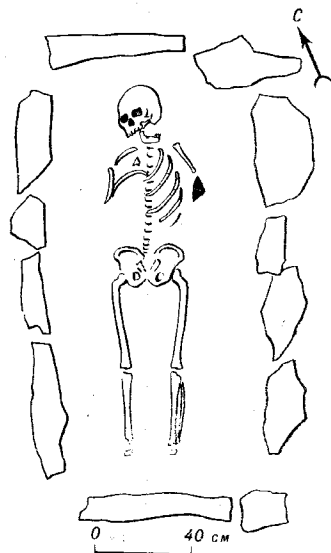

Рис. 144. Погребение № 6 (Чегитун-II)

ника гарпуна бирнирковского типа и наконечник багра, а на месте черепа — костяная проколка.

Могила 4. Возле восточного угла ее каменной оградки (2×1,5×1,2 м), на дневной поверхности лежали обломки толстостенной глиняной посуды и шиферный наконечник копья. Внутри могилы никаких человеческих костей не оказалось, зато вещей было больше, чем в других оградках могильника. В центре, на глубине около 30 см, рядом с большой деревянной пластиной лежало два ножа из глинистого сланца и три наконечника поворотных гарпунов, а также костяные проколки и пластинка от лат, украшенная пунукской гравировкой. В южном углу могилы обнаружен маленький костяной нож с отверстием на рукояти (табл. 163).

Могила 5. Внутри ее оградки, на глубине 0,5 м, заваленный камнями лежал на спине, с вытянутыми ногами почти полный скелет человека с хорошо сохранившимся черепом. Все сопровождающие его вещи находились с правой стороны таза: два костяных острия (одно из них покрыто гравировкой в виде поперечных нарезок), два наконечника острия, два костяных же наконечника от багров, бусина из моржового клыка и два обломка ножей из глинистого сланца¹⁸.

Могила 6. В ее каменной оградке (2×1 м), на глубине 20 см лежал на спине, с вытянутыми ногами, почти полностью сохранившийся чело-

¹⁸ Диков Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники.— В кн.: Краеведческие записки, вып. VI. Магадан, 1966, рис. 3.

веческий скелет. Возле его левого локтя оказался каменный шлифованный нож (рис. 144).

Могила 7. В оградке таких же размеров, на глубине 20 см — обломки таза; два бедра с разрушенными эпифизами и кучка погребальных вещей возле правого тазобедренного сустава: большой, базальтовый, грубо оббитый наконечник копья, нож из глинистого сланца и обломок такого ножа, а также 5 костяных бородчатых наконечников от остроги.

Третий Чегитунский древнеэскимосский могильник (129)

Находится на левом берегу р. Чегитун, на южном склоне сопки, недалеко от устья реки. На небольшой (около 20 м) пологой площадке склона имеется, очевидно, несколько грунтовых могил, но их оградки с поверхности не видны. Только одна могила выдала себя едва выступающими краями каменных плит. Ее-то мы в 1963 г. и раскопали, а в 1966 г. оубликовали. Напомним, что в могиле был богатый погребальный инвентарь и, в частности, три наконечника поворотных гарпунов типа тулебирнир¹⁹.

Древнеэскимосский поселок у Второй речки (за Чегитуном) (130)

В распадке, по которому протекает вторая после Чегитуна речка (в 4—5 км от последней), на мысовидном уступе у подножия сопки, с левой стороны устья оказался культурный слой древнеэскимосского маленького поселка. Его четыре землянки (теперь это ямы с торчащими из них китовыми ребрами) располагаются на краю подмытого морским прибоем обрывчика высотой 7 м. Толщина обнаженного со стороны моря культурного слоя 1—1,4 м. При зачистке в нижней части нами найдены обломки и целые каменные и костяные вещи, а именно: наконечник гарпуна, часть рукоятки отжимника, два костяных стерженька от рыболовных крючков, рукоять ножа, бородчатый костяной наконечник стрелы, обломок шлифованного ножа и сделанный техникой оббивки нож из кремнистого сланца (рис. 145).

Древнеэскимосский поселок в Сешане (131)

На скалах м. Инкигур (Сешан) шумит большой птичий базар. А у подножия утесов еще недавно можно было слышать грозный крик моржей. Естественно, что в этих удобных, обильных пищей местах издавна селились люди. Их поселок Сешан находился за поворотом мыса, на левой стороне распадка, по которому протекает небольшая речка, на высоком обрывистом берегу. А теперь от этого поселка чукчей — морских зверобоев — остались лишь только руины. Более древний культурный слой был прослежен нами по верхнему краю 15-метрового обрыва, под развалинами чукотского поселка. Мы зачистили верхнюю часть обнажения обрыва и стало ясно, что эскимосский слой имеет мощность до 2 м. Он был прослежен нами на протяжении 18 м и вдоль края обрыва. В нем обнаружены вещи древнеберингоморского облика: обломок на-

¹⁹ Диков Н. Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники. — В кн.: Краеведческие записки, вып. VI, 1966, рис. 4, 5, 6.

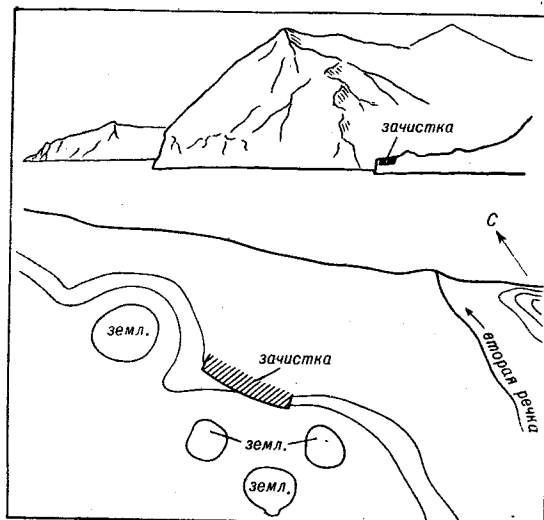

Рис. 145. Древний поселок при устье второй реки (от Чегигуна)

нечника гарпуна поворотного типа, оббитые каменные наконечники копий (один черешковый и два листовидных), сланцевые ножи, костяные наконечники багров, скребки для очистки моржовых кишок, проколки, заготовка поворотного наконечника гарпуна, рукоятки и мотыги из моржового клыка, покрытые гравировкой, пряжка и другие поделки из моржового клыка²⁰. Угли из этого слоя датируются по С—14 2022 ± 100 л. н. (МАГ—104).

Сешанский древнеэскимосский могильник (132)

На вершине скалы, с правой стороны ручья обнаружены ритуальные каменные кладки с медвежьими и моржовыми черепами и могильник из захоронений в каменных щелях.

Моржовые головы в ритуальных кладках лежат в два ряда. Клыками они обращены в сторону лежбища, на северо-восток. Широким овалом вокруг них нагромождены большие глыбы камней. Тут же лежат медвежий череп и рога оленя²¹. Картина типична не только для эскимосов, но и для береговых чукчей — это памятники особого ритуала морских охотников, связанного с забоем моржей на лежбищах. Каждый год после такого забоя чукчи и эскимосы укладывали здесь таким образом голову первого, убитого ими в тот год на этом лежбище моржа. Интересно, что предварительно с каждой такой головой моржа советовались о порядке проведения всего забоя на год. Это связано не только с первобытным мировоззрением человека в связи с промыслом зверя — источником жиз-

²⁰ Диков Н. Н. Древности Сешана.— В кн.: Краеведческие записки, вып. VI, 1966, рис. 2.

²¹ Там же, рис. 4, 5.

ни зверобоя, но и со своеобразным способом упорядочения забоя, его регламентации.

Неподалеку от кладок с моржовыми головами размещается и могильник из захоронений в каменных щелях. На этом, относительно позднем, имеющем скорее этнографическое, чем археологическое значение, могильном поле возвышается несколько вертикально поставленных каменных плит. На западной стороне могильника, ниже по склону в сторону старого Сешана могилы устроены в каменных курганчиках, имеющих посередине провал. Здесь бросилась в глаза одна из них, резко отличающаяся своим устройством: в уже знакомой нам прямоугольной оградке, столь типичной для древних могил этих мест. Эта могила была нами раскопана.

Ее плиточная оградка имела длину 2,2 м, ширину 1 м, а глубину 55 см. Ориентирована она была с севера на юг. Под дерном внутреннее ее пространство было заложено горизонтальными плитами камня. На глубине 35 см, в южной ее части, под одной из плит оказался человеческий череп, а дальше, к северной стороне, — остатки некоторых других костей скелета: истлевший таз, бедренные кости без эпифизов. Судя по расположению этих костей, покойник был положен на спину, с вытянутыми ногами. Здесь был погребен ребенок, так как пропорции костей явно детские. В головах найдены обломки толстостенного горшка. Здесь же лежала кирка из моржового клыка, а на груди — нож из глинистого сланца²².

Отмеченные здесь особенности погребального обряда (а именно: устройство оградки, положение и ориентировка покойника) позволяют считать это детское погребение древнеберингоморским. Очевидно, мы раскопали современника тех людей, которым принадлежало древнеберингоморское стойбище на левой стороне сешанского распада.

Иколиврунвеемский древнеэскимосский поселок (133)

Так же называется речка недалеко от Сешана, на левой стороне устья которой, на 4—5-метровом обрывистом берегу сохранился культурный слой 2-метровой толщины (рис. 146). Зачисткой его на протяжении 15 м обнаружены два сломанных наконечника поворотных гарпунов пунукского типа, два колка от них, лабретка из моржового клыка, тесло, наконечник стрелы и обломки ножей из глинистого сланца, три кирки, три проколки, заготовка бусины — все из моржового клыка (табл. 166, 167), а также орнаментированная концентрическими кругами лопатка (керамический штамп) из того же материала (табл. 168).

Иколиврунвеемский древнеэскимосский могильник (134)

Находится на правом берегу реки, в ее излучине, на скалистом мысу высотой около 12 м, в 2—3 км от устья (рис. 147). На мелкощебнистой площадке (20×25 кв. м) этого каменистого мыса заметно 12—15 прямоугольных плиточных оградок, едва выступающих над дневной поверхностью. Расположены они довольно беспорядочно, основная же масса их

— ²² Там же, рис. 6.

ориентирована на северо-запад — юго-восток (рис. 147). Здесь нами была вскрыта одна могила (№ 1) на западном крае могильника, на краю мыса.

Могила 1 имела хорошо выраженную прямоугольную плиточную оградку (длиной 2 м, шириной около 1 м, глубиной 30 см от поверхности земли), ориентированную с северо-северо-запада на юго-юго-восток. В ее засышке вместе с землей было много камней и обломков каменных плит. От скелета сохранились не все кости: не было, например, черепа, правого бедра, эпифизы длинных костей сгнили. Покойник был погребен на спине, с вытянутыми ногами, головой на северо-северо-запад. В головной части его могилы лежали оббитые по краям два наконечника копий из глинистого сланца, каменный резец и два отщепы. Возле кости левой руки находился сланцевый шлифованный нож и перпичья лопатка.

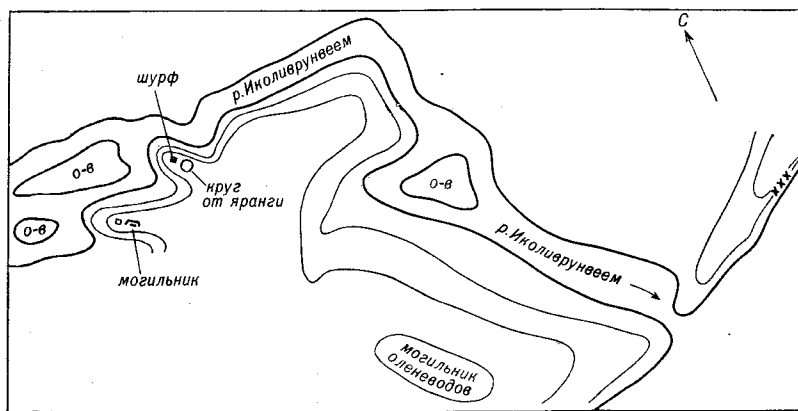

Рис. 146. Культурный слой и могильник при устье р. Иколивруннеем

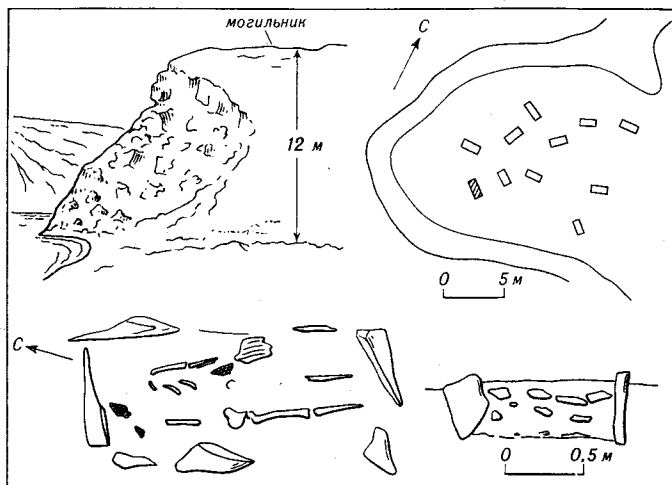

Рис. 147. Могильник и раскопанное погребение при устье р. Иколивруннеем

Рис. 148. Древние поселения у горловины бухты Кенишхун

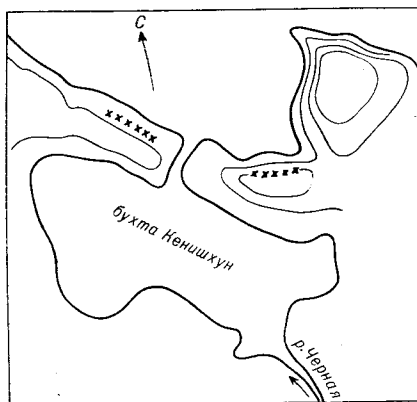
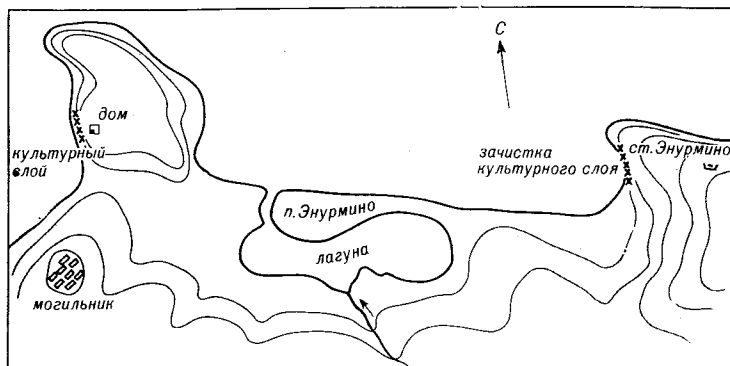

Рис. 149. Древние зверобойные поселки и могильник в окрестностях Энурмино

Древнеэскимосские землянки в Кенишхуне (135)

Перед самым м. Сердце-Камень, с левой стороны выхода из лагуны Кенишхун, в которую впадает речка Черная, в подрытом морем обрыве (около 4 м высотой) обнажились культурные напластования древних землянок (рис. 148). Однако зачистка этого культурного слоя (до 1 м толщиной) не дала достаточно выразительных предметов для определения его возраста. Здесь были обнаружены только обломок пешни из моржового клыка и толстостенные черепки от глиняной посуды, очевидно, сравнительно позднего времени.

Древнеэскимосский культурный слой в Старом Энурмино (136)

На сравнительно невысоком (около 4—5 м) подмытом берегу, на месте недавнего поселка зачистили небольшой (протяжением 5 м) участок культурного слоя толщиной 1,5 м (рис. 149). Обнаружили там три наконечника от поворотных гарпунов типа «Туле-1» и «Бирнирк», а также обломки глиняной посуды и следующие изделия из моржового клыка:

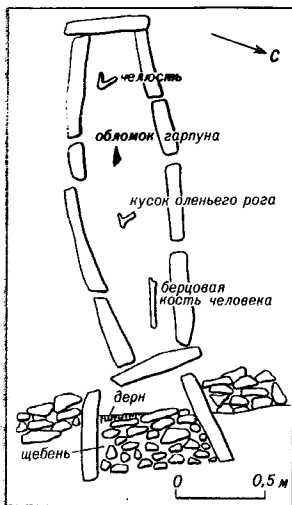

Рис. 150. Погребение на сопке вблизи Энурминской полярной станции

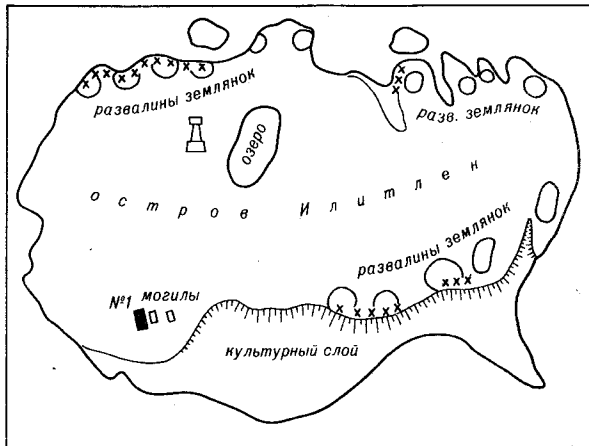

Рис. 151. Древние землянки и могилы на о. Илитлен (Иддилья)

две кирпичи, три пещни, обломок кольца, проколка и другие поделки (табл. 169, 170).

К востоку, выше по склону сопки, на крупнощебнистой поверхности, среди кекуров имеются признаки захоронений в виде прямоугольной незамкнутой наземной оградки длиной 2 м.

Руины древних землянок, по словам древних жителей, сохранились на самом м. Сердце-Камень, в местности Нынвыран и на м. Неттэн.

Древнеэскимосский культурный слой вблизи Старого Энурмино (137)

На территории Энурминской полярной станции мы обнаружили со стороны берегового обрыва культурный слой толщиной около 1 м (высота берега здесь около 4 м), из которого извлекли лишь немногие обломки изделий из моржового клыка, кости моржей, нерп, черепки глиняной посуды.

Могильник вблизи Энурминской полярной станции (138)

К юго-западу от Энурминской полярной станции, на крупнощебнистой площадке (поперечником около 50 м), возле скальных останцов имеется большой могильник из нескольких десятков захоронений в каменных прямоугольных оградках, заваленных камнями (рис. 150). Они очень похожи на чегитунские могилы (треть его кладбища). Вскрыв одну из них (длина 2 м, ширина 0,7, глубина 0,4 м), ориентированную головной частью на юго-запад, мы обнаружили в ней нижнюю часть и бедро погребенного на спине, с вытянутыми ногами, кусок оленьего рога и обломок поворотного гарпуна неопределенного типа (табл. 170).

Древнеэскимосский поселок на о. Илитлен (Идлдия) (139)

Это маленький скалистый островок около 700 м длиной и 500 м шириной. Высота его 10,6 м. Он находится в 9 км от ближайшего берега. С северной стороны его, из моря вздымается утес — там птичий базар. С южной стороны, на косе раньше было моржовое лежбище (рис. 151).

По всему берегу восточной половины острова тесно, одна к другой, лежат древние землянки. Их руины представляют собой глубокие (до 1 м) округлые ямы разных диаметров (от 4 до 8 м). Большая часть этих землянок, построенных из китовых костей и плавникового дерева, размыта прибоем со стороны моря. Мощный культурный слой (до 2 м толщиной) прослеживается почти сплошным бордюром, окаймляющим поверху восточную половину острова. Осыпи этого культурного слоя местами спускаются до самой подошвы острова.

Из основания культурного слоя на северном берегу острова, где на мыске находятся развалины землянок (поперечником 6 м), были извлечены обломки толстостенной глиняной посуды, обломок поворотного гарпуна бирнирского или пунукского типа, черешковый наконечник копья из кремнистого сланца и несколько поделок из шифера и моржового клыка (табл. 171).

На юго-западном краю острова находится небольшой могильник из двух более определенных каменных оградок 2-метровой длины и отдельно торчащих из земли каменных плит.

В одной из этих оградок, ориентированных головной частью на северо-восток, под дерном и глыбами камня найдены два сланцевых шлифовальных камня и обломок наконечника копья. От человеческого скелета сохранились только истлевшие бедренные кости — в юго-западной половине могилы (рис. 152).

Древнеэскимосский поселок вблизи Нешкана (140)

От устья р. Неттевеем до Нешкана и м. Дженретлен, вдоль берега моря длинной однообразной полосой протянулись песчаные косы. По мере нашего продвижения в 1963 г. на вельботе на северо-запад, нам сначала редко, затем все чаще стали встречаться на этих косах песчаные бугры с провалом посередине, с разбросанными возле них черепками глиняной посуды и различными поделками из моржового клыка. Вблизи Нешкана и дальше до м. Дженретлен цепочки таких бугров на месте бывших землянок морских зверобоев стали попадаться особенно часто. Мы имели возможность довольно детально исследовать один из таких бугров в 1,5—2 км к северо-западу от Нешкана. На этом бугре сейчас находится современное кладбище (рис. 153, 1).

Исследованный нами округлый бугор имеет длину (с востока на запад) 70 м и ширину (с юга на север) 50 м, высота его 4,5 м от по-

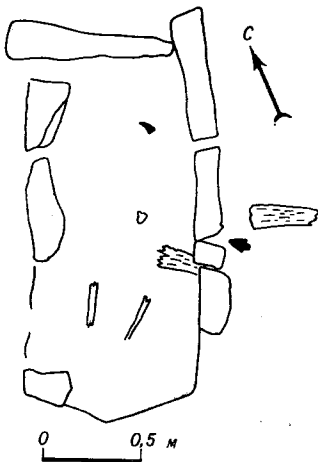

Рис. 152. Могила на о. Илитлен

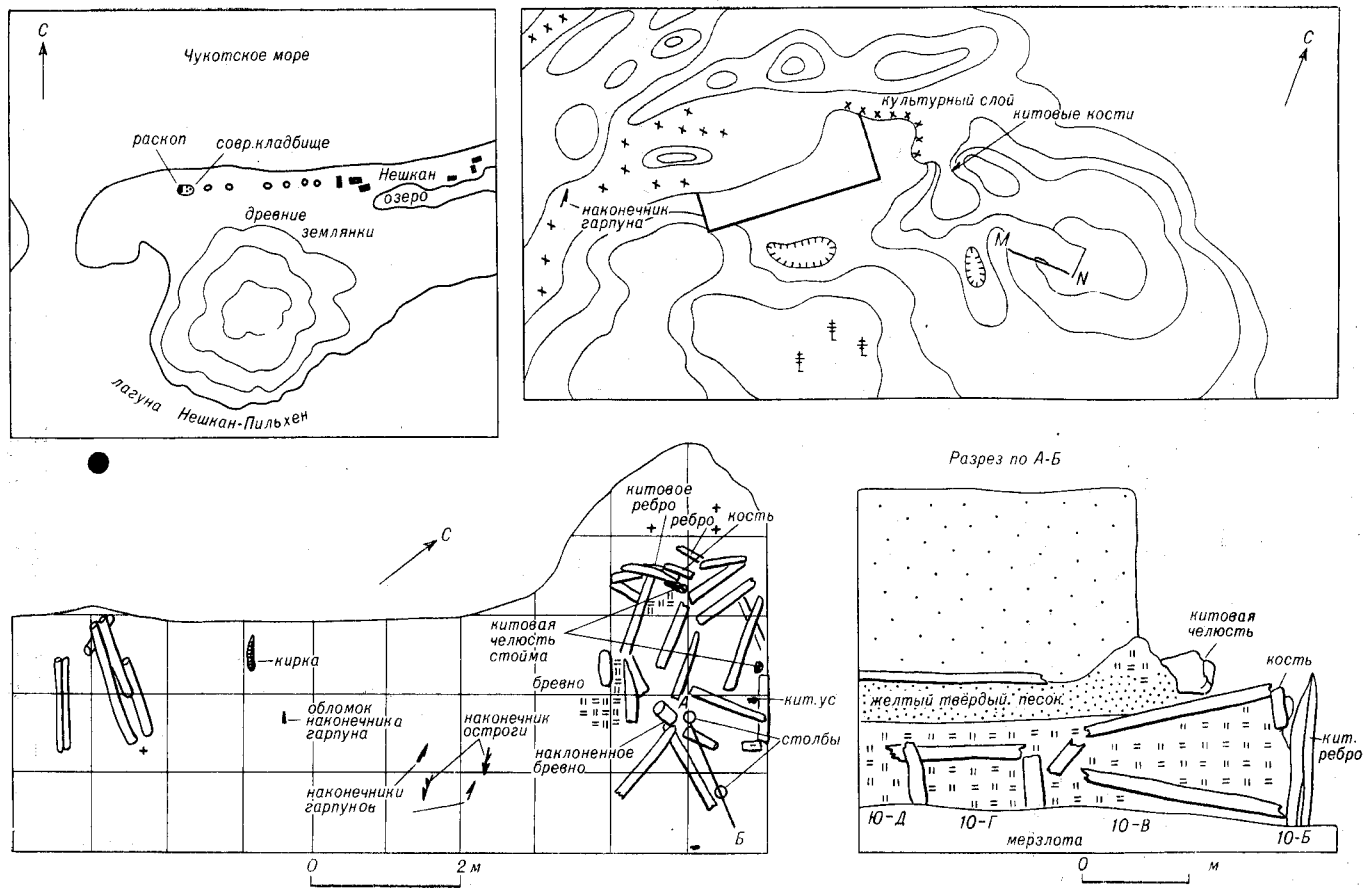

Рис. 153. Местоположение и раскопы древнего поселка вблизи Нешкана

дошвы и 6 м от уровня моря. В 2 м от него возвышаются на 1 м останцы выветривания, а в восточной части имеется впадина (рис. 153, 2). На глубине 1—1,3 м почти всюду на обнажениях, выдутых ветром, прослеживается углистая прослойка, а на 0,4—0,5 м глубже заметна и вторая такая же прослойка. С западной стороны бугор сильно разрушен ветром, в выдувах нам попадалось довольно много различных древних вещей: маленький наконечник гарпуна бирнирского типа (табл. 172, 9) и большой китовый (табл. 172, 13), обломки толстостенной глиняной посуды (табл. 174, 1—4), обломки шлифованных сланцевых ножей и скребков, обломки кирпичи, проколка и другие поделки из моржового клыка (табл. 172).

Раскопки мы предприняли именно с этой, западной стороны бугра, где культурный слой был наиболее обнажен. Здесь была вскрыта полоса культурного слоя длиной 10 м вдоль обнажения и шириной от 3 до 5 м (всего 35 кв. м). В северной части раскопа, под толщей чистого песка были обнаружены бревна крыши жилища, под ними — слой твердого песка (0,4—0,5 м), под которым сохранилось большое скопление бревен рухнувшего перекрытия и остатки трех вертикальных опорных столбов жилища (рис. 153, 3). Два крайних бревна расположены под прямым углом друг к другу и вместе с вертикально поставленными китовыми челюстями составляют определенную конструкцию, вероятно это остатки нар. Мерзлота не позволила углубиться до пола. Однако и теперь уже ясно, что здесь была землянка, построенная преимущественно из бревен (плавник) и лишь в незначительной степени с применением китовых костей. Ее северная и западная стены были полностью разрушены выветриванием. Характер находок, прежде всего обнаруженных в культурном слое, в центре раскопа (обломки двух бирнирских наконечников гарпунов), позволяет датировать данный памятник средним периодом древней эскимосской культуры (конец I и начало II тысячелетий н. э.). Кроме наконечников гарпунов (табл. 172, 1, 2, 8), там же найдены костяные наконечники острог и мотыга из клыка, а в северной части раскопа, в самом жилище, — обломки толстостенной глиняной посуды, обрывки китового уса, деревянные обугленные палочки, деревянные полавки, обломки шиферных ножей, отщепы, обломки ложек, проколоч и других вещей из моржового клыка, куски оленьего рога и песчаниковое грузило (табл. 173). На южном участке раскопа, в песчаном выдуве выявлены остатки стены другой землянки, а именно: вертикальный столб и три примыкающих к нему снаружи бревна, положенные одно на другое.

В 10 м к востоку от северо-восточного угла описанного выше раскопа была проведена расчистка обнажения, по которому отчетливо виден поперечный разрез землянки, точнее — очага из пережженных камней, костей и керамики, пережженного подочажного песка и двух вертикальных столбов по обе стороны очага, отстоящих на 3,5 м друг от друга. Сверху все это перекрыто толщей песка с мелкими угольками (заполнение разрушенной землянки). Между раскопом и этим разрезом — яма (диаметром около 4 м) с узким выходом из нее в сторону обрыва. По сторонам этого узкого выхода — две врытые на ребро китовые кости. Шурф внутри ямы был доведен до мерзлоты (0,6 м).

Два древнеэскимосских поселка вблизи м. Дженретлен (141—142)

Здесь было исследовано два древних поселка: 1) на косе в 2,5 м западнее мыса, 2) на высоком обрывистом берегу, возвышающемся над этой косой, в 2 км западнее мыса (рис. 154).

Первый поселок, самый поздний, сохранился в виде цепочки бугров — землянок, подобных нешканским. Здесь, на песчаных выдувах, нередко встречаются обнажения культурного слоя и всевозможные изделия из моржового клыка, кости и камня — все поздних типов. Обнаруженные здесь нами наконечники поворотных гарпунов относятся к пунукскому типу (табл. 175).

Второй комплекс землянок, расположенный на бугре над обрывом 8—10-метровой террасы, значительно древнее первого и по характеру находок тяготеет к бирнирскому времени. Общая площадь бугра с пятью впадинами на месте бывших землянок 30×20 м. Нами был заложен и доведен до мерзлоты (на глубину 0,7 м) раскоп в 40 кв. м на месте одной впадины с северной стороны бугра (рис. 155). С северо-восточного края раскопа, со стороны обрыва обнаружены следы очага в виде большой (до 2 м в поперечнике) линзы подочажной оранжевой глины, обгорелых камней, костей и обрывков китового уса. А рядом с ними, на глубине 0,7 м были ключья шерсти белого медведя и обломок гарпуна позднего типа. На квадрате 2 — Г под дерном найдены 2 наконечника от стрел из кремнистого сланца, а на квадрате 1 — Г — каменный отбойник, каменные отщепы и шиферные ножи. Кроме того, здесь были найдены блоки от упряжки (вероятно, оленьей), пряжка из моржового клыка от пояса и обломки разных поделок из моржового клыка. Интересно, что наряду с костями морского зверя в культурном слое оказалось немало и оленьих костей.

Древнеберингоморской поселок на м. Дженретлен (143)

Остатки древнего поселка, находящегося непосредственно на м. Дженретлен вблизи маяка, представляют собою более шести впадин поперечником в 6—7 м (рис. 156). Остальные землянки разрушены, их культурный слой до 1,5 м толщиной хорошо виден по верхнему краю каменного обрыва (высотой в 10 м). В результате зачистки этого культурного слоя помимо костей морского зверя (моржа, нерпы, кита) и различных поделок из камня, кости и моржового клыка были найдены и следующие изделия: наконечник гарпуна и костяные стрелодержатели древнеберингоморских типов, а также кремневая фигурка рыбы (табл. 177). Угли из этого слоя датируются 1990 ± 190 (МАГ — 233).

На правом берегу р. Тойгунен, недалеко от ее устья и к югу от заброшенного поселка Тойгунен, на выдувах (на высоте около 8 м) — обломки глиняной посуды и следы поздних чукотских захоронений в палквынах. Возле одного из последних валялся человеческий череп (нами передан в Институт этнографии АН СССР).

Древнеэскимосский поселок на косе Беляка (144)

На косе Беляка, что находится справа от выхода из Колючинской губы, имеется много заброшенных более или менее древних землянок.

Разрез по А-Б

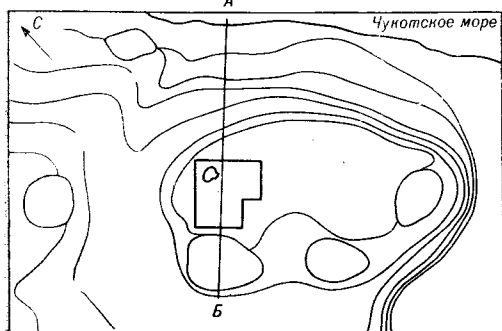
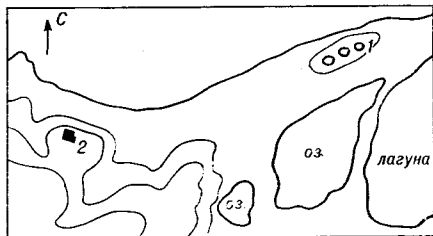
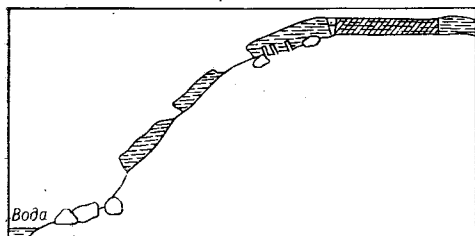

Рис. 154. Древние поселки
Дженретлен-I и II

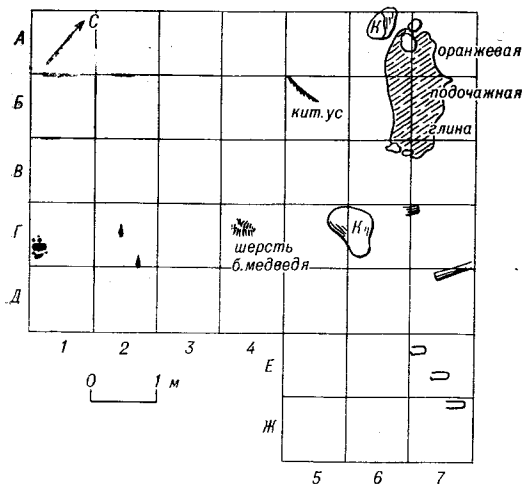
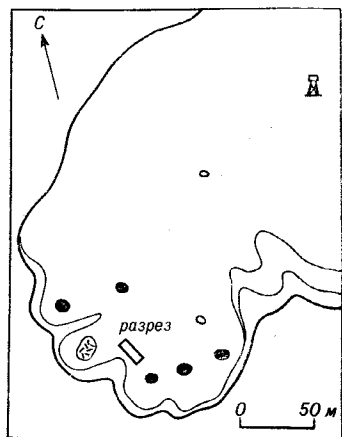
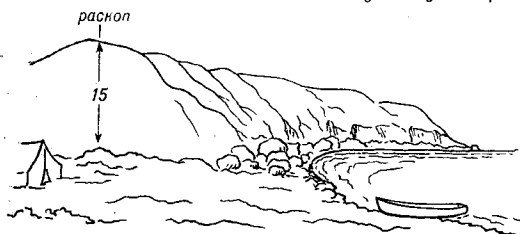

Рис. 155. Раскоп на поселе-
нии Дженретлен-II

Рис. 156. Древнеберинго-
морский поселок Дженретлен-III

Их руины тянутся к юго-западу от маяка, вдоль Колючинского пролива. Жилища были прямоугольной формы в плане (поперечником 5—6 м), с коридорообразными входами с восточной или южной стороны. Их руины имеют вид впадин до 0,5 м глубиной, окруженных невысоким валом. Шурфовкой одной из них до мерзлоты из глубины 30 см взяты для радиоуглеродного определения возраста дерева, угли, китовый ус.

Примерно в 500 м к востоку от берега пролива и на таком же расстоянии к югу от маяка находится вторая группа развалившихся древних землянок (всего их 5) в виде высоких бугров (от 2 до 3 м высотой), достигающих 10—15 м в поперечнике. Посреди их имеется по 2—4 впадины, которые, должно быть соответствуют отдельным тесно соединенным между собою землянкам.

В одном, самом большом (14×14 м) кургане 3-метровой высоты, в западной его впадине нами был заложен шурф (4×3 м) на глубину 0,6 м до мерзлоты. На дне его нашли бревна перекрытия, лежащие крест-накрест, китовые кости, обломки глиняной посуды и каменные скребки, ножи, обломки оленьих рогов.

Древний поселок в Анаяне (145)

На косе у г. Анаян (где раньше был оленеводческий поселок), в глубине Колючинской губы, тянется цепочка из 10 песчаных бугров на месте старых землянок (рис. 157). Высота бугров до 1 м, диаметр — около 6 м. Шурфовкой одного из них до мерзлоты (на глубину 0,7 м) обнаружен каменный скребок, обломок оленьей лопатки и кусок бревна (на глубине 0,4 м). На вершине этого кургана торчал камень, чуть ниже был врыт другой.

Древнеберингоморский поселок на северном конце о. Колючин (146)

Остров Колючин (против поселка Нутепельмен) горист. Сторона его, обращенная к Нутепельмену, не столь крута, как противоположная — обрывистая (там моржовое лежбище). Пристать к острову можно на северном конце, либо к косе, на южной стороне острова. Именно в этих двух местах найдены остатки древних жилищ (рис. 158).

На северном конце острова имеется большое количество развалин древних жилищ. В одном из них, в 50 м к югу от дома полярной станции и в 75 м от западного края острова, в шурфе, при строительных работах сотрудниками «полярки» на глубине 50—60 см была найдена разломанная на три части украшенная древнеберингоморской гравировкой копьёметалка из моржового клыка. Нами была найдена также и кирка из моржового клыка и взяты образцы органики (дерева, китового уса), по которым получена радиоуглеродная дата 1215 ± 30 л. н. (МАГ — 22). Форма и размер этих жилищ неопределимы визуально без раскопок, время их настолько сравняло с окружающей поверхностью, что древнее поселение выглядит здесь как один сплошной культурный слой.

Мы сделали зачистку этого культурного слоя, вернее его осыпи, несколько ниже, на западном склоне острова, на высоте 5—6 м от уровня моря. Обнажив от дерна до мерзлоты (на глубину 0,5 м) участок склона (площадью 5×2 м) возле угольного подъемника, мы нашли там

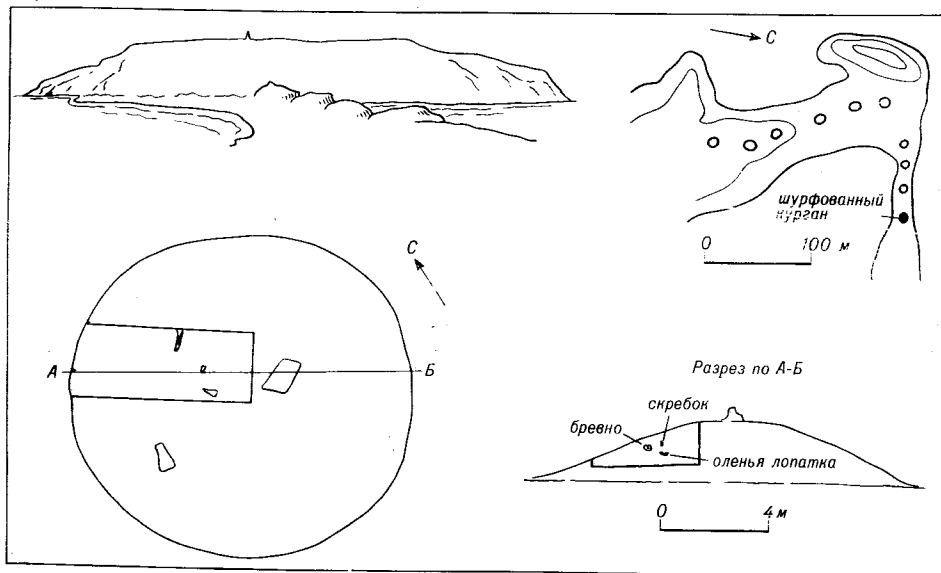

Рис. 157. Древние землянки у м. Аная в Колючинской губе

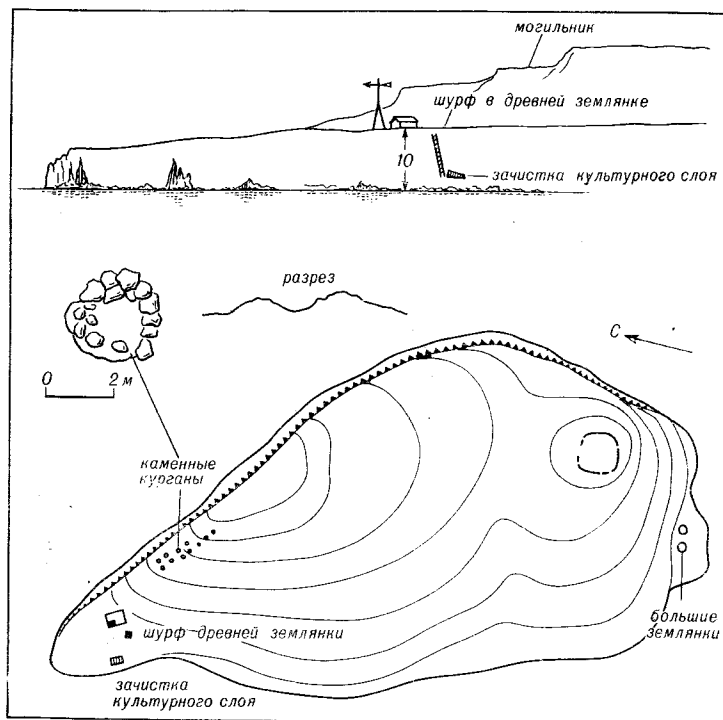

Рис. 158. Древние землянки и каменные курганы на о. Колючин

каменное тесло, обломки шиферных ножей, каменные скребки и просто обрубки моржового клыка, обломки толстостенной глиняной посуды (табл. 178). Уголь отсюда имеет возраст 1220 ± 25 л. н. (МАГ — 223).

В 350 м от «полярки», на юго-запад от нее, значительно выше по склону сопки Любви обнаружили могильник, состоящий примерно из 10 каменных курганов, поперечником от 2 до 4 м, высотой около 0,5 м, с провалом посередине каждого.

Древнеэскимосский поселок на южном конце о. Колочин (147)

На южном конце острова мы исследовали развалины двух огромных землянок, имеющих там на косе. Шурфовка одной из них, диаметром 25 м, позволила обнаружить обломки толстостенной глиняной посуды; в шурфе второй землянки (диаметром в 30 м), на глубине около 30—40 см, на мерзлоте были встречены наконечник стрелы, обломки шиферных ножей, скребло из кремнистого сланца, каменный молот, пешня и колотушка из моржового клыка, колок от поворотного гарпуна (рис. 179).

На склоне, выше этих землянок, обнаружена куча медвежьих черепов. Еще выше имеется не очень древнее кладбище (в камнях найден человеческий череп), а на самой вершине (12 м от уровня моря) — развалины оборонительной стены, сложенной из огромных глыб камня.

Древнеэскимосские землянки в Ванкареме (148—151)

На возвышенности м. Ванкарем, на примыкающей косе, где расположен чукотский поселок того же названия, в 1957 и 1963 гг. нами обнаружены и исследованы четыре группы древних землянок двух типов (большие 30-метрового диаметра и меньше — 20-метрового), а также могильник. Материалы наших ванкаремских раскопок уже полностью опубликованы²³. Напомним только основные сведения о них.

Первая группа (148) из семи землянок второго типа находится на западной стороне косы, у мыса, возле железного склада. Произведенная в 1957 г. зачистка обнажения одной землянки, наполовину разрушенной морским прибоем, выявила оригинальную конструкцию стен из горизонтально положенных бревен, укрепленных стоящими на ребре каменными плитами и деревянными стойками-столбами. Кроме костей морских животных и множества сланцевых ножей, скребков, наконечников копий в ходе зачистки были извлечены и многие другие предметы из кости и моржового клыка, в том числе орнаментированная пунукским геометрическим орнаментом наручная защитная пластинка, применяемая при стрельбе из лука, наконечники кирок и стрел, колок от китового гарпуна и гарпунный поворотный наконечник бирнирковского типа²⁴.

Во второй группе (149) из 9 землянок 15—20-метрового диаметра (на юго-западной стороне возвышенности мыса, над косой) никаких раскопок нами не производилось.

²³ Диков Н. Н. Ванкаремские древности.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 5. Магадан, 1968, с. 60—71.

²⁴ Там же, рис. 3, 1.

Зато в примыкающей с востока *третьей группе* (150) из 4 землянок, расположенных на самом краю обрыва, была предпринята и доведена до мерзлоты зачистка обнажения наиболее разрушенной землянки. Зачисткой был выявлен разрез жилища протяженным в 12 м, глубиной около 1,5 м²⁵. Это жилище было построено преимущественно из бревен с применением костей кита. Интересно, что в пазах между бревен закладывалась медвежья шкура (часть настила из 5 бревен, между которыми сохранились ее остатки, обнаружена в центре зачистки обнажения на глубине 1 м). Вход в него в виде коридора был с севера, прослеживается по морозобойной трещине. В нижней, западной части зачистки обнажения много угля и обгорелых бревен — их радиоуглеродный возраст оказался 870 ± 50 л. н. (МАГ — 201). В нижней центральной части найдено два наконечника от поворотных гарпунов древнеберингоморского или раннецунукского типа, кроме того, в заполнении землянки в процессе зачистки ее обнажения обнаружено много различных вещей и, в том числе, миниатюрная лабретка запонкообразной формы, изображение кита из китового уса и совершенно целый глиняный сосуд сферической формы (высотой 6 см, диаметром 7 см).

Необходимо также иметь в виду, что в основании восточной части разреза ванкаремский учитель В. С. Могила еще в 1961 г. нашел (а затем в 1963 г. передал нам) скульптурное изображение сидящего человека, сделанное из моржового клыка, орнаментированную с двух сторон лопатку-штамп и другие вещи из моржового клыка²⁶.

Четвертая группа (151) развалин землянок находится на вершине мыса и состоит из двух больших, 3-метровой высоты, бугров (метров до 30 в поперечнике) с торчащими из них китовыми костями. Здесь, на площади более 100 кв. м, были предприняты разведывательные раскопки юго-западной землянки и обнаружены различные поделки из камня и моржового клыка. Можно сделать вывод, что эта землянка в большей степени, чем землянки первого типа, на м. Ванкарем строилась из китовых костей (ребер, нижних челюстей и черепов). Наличие в осыпи землянки «крылатого предмета» вырождающегося типа и наконечников гарпунов типа «Туле» заставляет считать данный комплекс смешанным, доживающим до очень позднего времени, возраст углей отсюда составляет 220 ± 50 л. н. (МАГ — 202)²⁷.

Ванкаремские могильник и капища (152—153)

Между третьей и четвертой группами землянок, на наиболее сухой части возвышенности Ванкаремского мыса обнаружены признаки древнего могильника (152). Здесь, в отвалах земли из вырытых местными жителями канав, встретились человеческие кости: нижняя челюсть и бедро человека.

²⁵ Там же, рис. 4.

²⁶ Там же, рис. 8, 20.

²⁷ Там же, рис. 11—17. Следует отметить, что на вершине руин исследованной нами большой землянки, ближе к западной стороне вырыта недавно землянка и что во время ее постройки Олегу Алексеевичу Петрову довелось извлечь с глубины более 1 м много костяных и каменных предметов.

Рядом с ними раскопаны в 1957 г. и 1963 г. две ямы (153) с остатками черепов белого медведя и моржа, со шкурой белого медведя в одной из них и с очагом — в другой, с различными поделками из камня и кости, в том числе наконечниками гарпунов типа «Туле-3» или «Пунук»²⁹. Обе ямы обставлены каменными кладками-оградками и, возможно, являются своего рода капищами, связанными с культом белого медведя и моржа.

Остатки древнего поселения на Ванкаремской косе (154)

По всему протяжению косы заметны следы недавних и древних летних стойбищ, а в одном месте, на выдутой ветром песчаной поверхности бугра, на месте разваливающейся землянки, был найден тщательно ретушированный наконечник стрелы или гарпунное копьцо со слегка вогнутой насадом, из красного кремня, а также тонкостенный глиняный черепок.

Ритуальные скопления нерпичьих черепов и оленьих рогов на речке Куэмкай (155)

На высоком правом берегу р. Куэмкай, среди тундровых кочек находится земляной кочковатый бугор типа уже описанных выше «курганов». Его размер — 6 м в поперечнике, высота — около 0,5 м. К северу от него на расстоянии 5 м — две небольшие кучи оленьих рогов, уже заросших дерном. В результате раскопок под одной из них, меньшего размера (около 1,5 м в поперечнике), обнаружилось скопление уголков и золы и в нем 8 нерпичьих черепов, нижняя челюсть медведя, глиняный черепок и плоский бородчатый наконечник гарпуна типа «Туле-2» с круглой дыркой для линя²⁹.

Еще более значительное скопление нерпичьих черепов и нерпичьих затылочных костей, а также височных (113 штук) вместе с четырьмя черепами белых медведей (их нижние челюсти лежали отдельно в стороне) было под другой кучей оленьих рогов, которых под дерном оказалось гораздо больше, чем можно было видеть с поверхности до раскопок (всего 45 оленьих рогов с остатками черепных костей). Все это скопление рогов и костей занимало площадку размером 2×2,8 м. Рядом с медвежьими черепами находился большой китовый наконечник гарпуна с закрытым конически высверленным гнездом, большой треугольной дырой для линя, прямой, простой, базальной шпорой и прорезом для концевого копьца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя³⁰.

Древние землянки на косе лагуны Нут (156)

Развалины не менее 20 землянок в виде бугров с торчащими из них китовыми костями растянулись длинным рядом и по косе. Вход в землянки имеет вид короткого коридора со стороны лагуны. В одной из землянок найден на поверхности почвы грубый глиняный черепок.

²⁸ Диков Н. Н. Ванкаремские древности. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 5. Магадан, 1968, с. 65, рис. 18.

²⁹ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, рис. 71, 1.

³⁰ Там же, рис. 71, 2.

Древние землянки на Косе двух пилотов (157)

Возле построек временной метеостанции — две древних землянки в виде земляных бугров (до 10 м в поперечнике) с торчащими кое-где костями морского зверя. На обнаженном от дерна участке встретились толстостенные черепки от глиняной посуды и каменный сланцевый нож.

Древний поселок на м. Шмидта (Рыркайпия) (158)

Развалины древних больших землянок у подножия утеса Кожевникова (м. Рыркайпия или Шмидта) (рис. 159) и древние землянки на самой скале были обнаружены еще в 1878 г. Норденшельдом³¹.

Кроме этих памятников мы нашли здесь, внизу, в 1957 г. несколько обставленных камнями ям, очевидно по времени соответствующих этим развалинам, а также старое укрепленное место на скалистой, усеянной крупными обломками камня вершине мыса в виде низкой, до 1 м высотой, стены-вала. Площадь, ограниченная этой стеной из обломков камня, достигает 100 кв. м и не имеет никаких признаков жилья.

Жилища из камней и китовых костей и ямы, обставленные камнями и китовыми костями, прилепились ниже, по пологому гребню скалы тремя группами (одна ниже другой), разделенные крупноблочными осыпями (рис. 160).

Раскопки были предприняты на скале внутри маленькой землянки, обставленной по стенам камнями. Землянка эта, округлая в плане (3×3 м), имеет коридорообразный вход с юго-восточной стороны. Уже сверху было очень много костей морских зверей (нерпы, моржа), расколотые кости оленя, а также черепа песка. Встречались и небольшие поделки из клыка моржа. Дальнейшие раскопки внутри землянки дали каменное, подшлифованное со стороны лезвия, тесло, шлифованные ножи из глинистого сланца, рукоятки молотков или тесла, два колка от гарпунов (большого и малого) и, повсеместно, на разных уровнях, много толстых и тонких черешков, в том числе и венчики от сосудов из обожженной глины. Все это в завале из камней и костей, на глубине до 60 см. Глубже шла мерзлота и, таким образом, самый нижний слой этой, наполовину раскопанной землянки нами не был достигнут. Между прочим, при входе, в коридорообразном пространстве между плит — угли и зола.

У подножия скалы в 1957 г. была раскопана также одна яма, обставленная по сторонам глыбами камня. Площадь, ограниченная камнями, имела подпрямоугольную форму (1,6 м длиной и 80 см шириной); ориентировка продольной осью — с северо-востока на юго-запад. В заполнявшей яму сырой земле, среди обломков костей нерпы и других морских зверей оказались пласты китового уса и толстостенный черепок, а также сгнившие кости на древесной и из китовых ребер подстилке.

В 1975 г. на гребне утеса Кожевникова мы раскопали еще три обставленных камнями ямы. В двух из них оказались черепа белого медведя и гарпун пунукского типа. В третьей яме, каменная оградка которой очень напоминала могильную, на многослойной подстилке из дерева,

³¹ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», ч. II. Л., 1936.

Рис. 159. Вид на утес Кожевников (Рыркайный, м. Шмидта) (вид со скалы)

Рис. 160. Вид со скалы на древние землянки и ямы-капица на утесе Кожевникова

Рис. 161. Древнеберингоморское жилище при подходе к утесу Кожевникова (Рыркайпий)

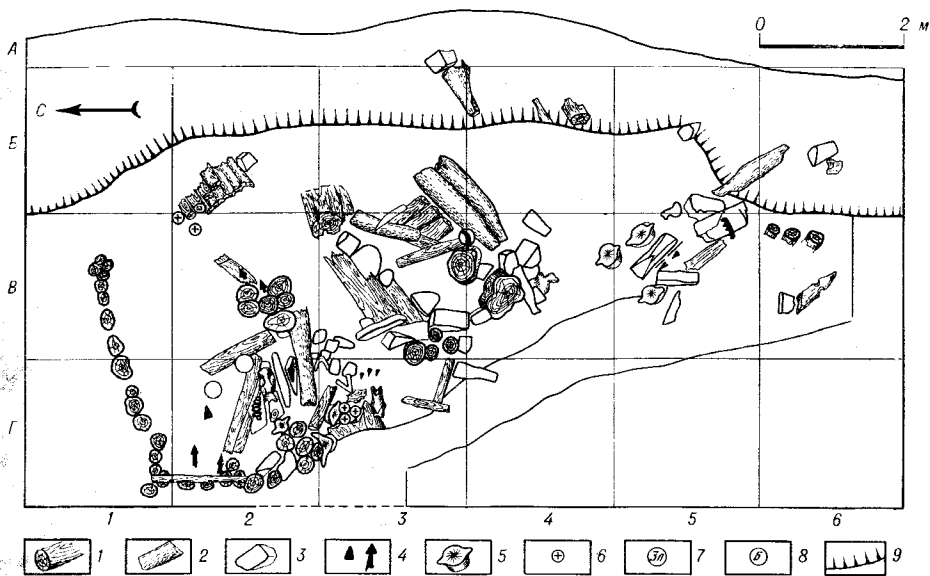

Рис. 162. План остатков древнеберингоморского жилища при подходе к утесу Кожевникова

1 — бревна; 2 — китовые кости; 3 — камни; 4 — изделия из моржового клыка, камня; 5 — китовые позвонки; 6 — отщепы; 7—8 — обрывок кожаной обтяжки бубна; 9 — край обрыва

китового уса, китовых костей и каменных плит встретились деревянная копьёметалка, фигурки кита и белого медведя, обе вырезанные из моржового клыка и обе пунукского типа (см. цветную вклейку, оборот, с. 168—169). Создается впечатление, что эти ямы, исследованные нами в 1975 г., имели ритуальное назначение, связанное с культом белого медведя.

*Древнеберингоморский культурный слой
возле утеса Кожевникова (м. Шмидта) (159)*

Остатки древнеберингоморского поселка обнаружены нами в 1975 г. возле утеса Кожевникова, в том месте, где к нему подходит коса, соединяющая его с материком (рис. 159). Здесь, на высоте примерно в 10 м, при строительных работах бульдозером был снят дерновый слой, в результате чего обнажился древнеберингоморский культурный слой и образовалась осыпь с обильными культурными остатками.

В 1975 г. мы собрали в осыпи подъемный материал и вскрыли уникальное жилище в виде землянки с опорными столбами внутри, которые поддерживали тяжелую, покрытую дерном крышу. Хорошо сохранились нижние части этих опор, каждая из нескольких поставленных рядом (в одну связку) плавниковых бревен (рис. 161). Судя по этим мощным опорам, жилище было построено с избытком прочности. В его конструкции были использованы в обильном количестве и китовые нижние челюсти,

и ребра. По периметру землянка была облицована вертикально поставленными, тесно друг к другу, бревнами (рис. 162). В ее заполнении попадались многочисленные находки: черепа белых медведей и кости морских животных, обломки глиняной посуды, каменные топоры, ножи и метательные наконечники, поворотные гарпуны древнеберингоморского типа и различные художественные изделия из моржового клыка (табл. 180—183). Особенно интересны находки ритуальной ажурной подвески из моржового клыка и амулета в виде клыка белого медведя с деревянной рукояткой (см. цветную вклейку, оборот, с. 168—169). Раскопки, доведенные пока до мерзлоты, будут продолжены.

Археологические памятники

на островах Айон и Врангеля (160—167)

Большой о. Айон, песчаный и слегка всхолмленный, весь глубоко изборозженный ручьями и речками, расположен далеко за Полярным кругом, у северного берега Чукотки.

Археологические исследования на о. Айон производились дважды.

Первая поездка на этот остров в 1959 г. была, к сожалению, очень непродолжительной — всего два неполных дня, да еще почти зимой, в начале октября. Но все же нам удалось воспользо-

ваться оттепелью и тем, что снег частично стаял, и осмотреть местонахождение одной из древних стоянок (163), случайно обнаруженной в 1958 г. проф. В. Д. Лебедевым (проводившим на острове исследования ихтиофауны), а также найти еще 3 новых (160, 165, 166).

Таким образом, выяснилось, что остров был населен в глубоком, неолитическом прошлом, когда еще не было оленеводства, когда сюда прикочевывали, спасаясь от комаров, и для того, чтобы полакомиться соленой морской водой, многочисленные стада диких оленей, на которых люди здесь и охотились.

С начала до середины июля 1972 г. наш археологический отряд совершил вторую археологическую разведку некоторых районов о. Айон. Разведка велась по р. Рывеем, впадающей в Ледовитый океан, на севере острова, и по южному побережью острова.

На большой излучине р. Рывеем, недалеко от ее устья, на левом высоком и обрывистом берегу (рис. 163) были найдены и разведаны еще две неолитические стоянки (161, 162). Одна неолитическая стоянка была обнаружена на южном побережье острова (164).

Первая Рывеемская стоянка (160)

Находится в глубине о. Айона, на высоком (около 25 м высотой) песчаном обрыве левого берега р. Рывеем (ниже устья ее притока Правый Рывеем). В 6—8 м от верхнего края обрыва ясно виден тем-

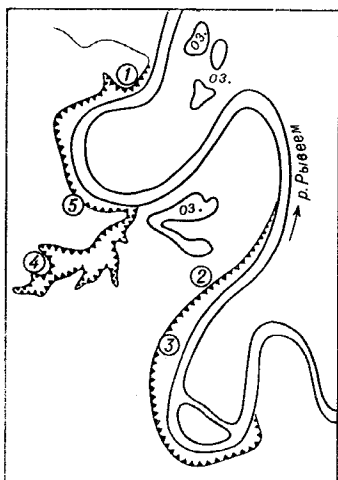

Рис. 163. Древние стоянки на берегах р. Рывеем и о. Айон

ный оторфованный супесчано-сутлинистый слой толщиной 60—70 см, местами буроватой окраски. Напротив крутой излучины реки есть место, где слоистые пески над этим темным слоем выветривались, обнажив его широкую площадку. Здесь, у края обрыва, в 1959 г. удалось найти вполне определенный след обитания человека — маленький обломок сильно патинированной ножевидной пластинки из серого кремня. Шестью метрами ниже по склону обрыва, в его осыпи белели обломанные трубчатые кости маленького мамонта, еще ниже — его ребра и нижняя челюсть, а в самом низу обрыва — череп (рис. 163, 5).

Вторая Рывеемская стоянка (161)

Обнаружена в 1972 г. на северном краю обрыва (его высота здесь около 8 м), слева от устья ручья. Стоянка была найдена благодаря вывалившимся на выдув перед кромкой террасы нескольким черешкам серого цвета и грубой выделки. Здесь был заложен вдоль края обрыва узкий и длинный (12 м) разведывательный раскоп-зачистка. Выяснилось, что основной культурный слой беден, располагается в чистом песке, на глубине 0,9 м, под песчано-супесчанистыми горизонтально-слоистыми отложениями. Стратиграфия оказалась следующей: под дерном (1), на глубине 30 см прослеживается фиолетовый оторфованный слой (2), ниже — слой пылевой супеси (3, 5, 7, 9), перемежающиеся узкими прослойками серо-коричневого тонкого песка с угольками (4, 6, 8). В нижней прослойке песка (10) — обгорелые кусочки и спекшаяся углистая масса. Зачистку делали на полосе шириной 1 м, длиной 12 м, глубиной 1,5 м. Никаких других находок не оказалось.

Третья Рывеемская стоянка (162)

Расположена вверх по течению р. Рывеем от второй стоянки, на обрывистой террасе левого берега, имеющей здесь высоту 10—12 м от уровня реки (рис. 163, 2). Культурный слой прослеживается в слоистых песчаных отложениях верхней части террасы, примерно на 1—2 м выше мощного (до 1,5 м) слоя торфа, залегающего на высоте 10 м от уровня реки. Как и на первой стоянке, остатки человеческой деятельности в виде отщепов и черепков глиняной посуды были обнаружены прямо на разветвленной поверхности террасы. Они приурочены к обнажившемуся здесь слою темного плотного гумусированного песка с включениями угольков, горелых косточек и других органических остатков. Было заложено два разведывательных раскопа. Один — на западном краю стоянки (площадью 26 кв. м) на частично разветвленном культурном слое, вокруг очага из нескольких каменных плиток. Здесь оказалось несколько грубых черепков и отщепов. Другой раскоп — на восточном краю стоянки — был заложен в толще перекрывающего культурный слой золотого песка, благодаря чему выяснилась следующая сверху вниз стратиграфия: серый пылеватый песок (1), фиолетовый оторфованный слой (2), серовато-желтый слоистый песок (3), светло-серый песок (4), темно-серый тонкий и плотный слоистый песок (5) с культурными остатками, среди которых преобладают комки спекшейся углистой массы.

Кроме таких углистых комков, на вскрытой раскопом площади культурного слоя (14 кв. м) было обнаружено также несколько грубых серых черепков глиняной посуды. Для определения возраста культурного слоя (радиоуглеродным методом) взяты образцы углистой массы. Отсюда или несколько южнее собрал подъемный материал и А. А. Калинин (рис. 163, 3) ¹.

*Первая неолитическая стоянка на южном берегу острова
(с восточной стороны памятника из оленьих рогов) (163)*

В. Д. Лебедев дал первое и притом очень точное описание этого местонахождения. «На южном берегу, — писал он, — большая куча оленьих рогов, ее фотография имеется в «Записках...». Если вы поедете вправо от рогов (надо стать спиной к морю) и пересечете небольшой овражек, то увидите следы старых яранг. От этих яранг надо немного пройти вниз к морю. В этом районе по пятнам песка между куртинками куропачьей травы попадаются кремневые орудия и осколки керамики в довольно большом количестве» ².

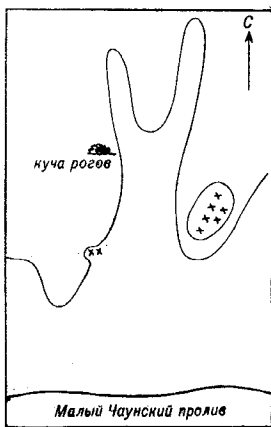

Рис. 164. Неолитическая стоянка на южном берегу о. Айон

Руководствуясь этими указаниями, в 1959 г. мы нашли здесь очень выразительные вещи. И не обсидиан здесь преобладал, как на изученных нами древних континентальных стоянках Чукотки, а кремль светлых тонов, преимущественно желтого или серо-желтого. Из этого материала было 6 наконечников стрел, только обломок седьмого наконечника был из голубоватого кремня.

Из подобного светло-желтого кремнистого сланца на Чукотке нам приходилось встречать наконечники стрел только на берегах р. Амгуэма ³, а геолог Н. Н. Легошин нашел их однажды на р. Якитикивеем ⁴.

Внимательный осмотр айонских наконечников обнаруживает это сходство еще глубже, сходной оказывается и форма, тоже весьма своеобразная. Все наконечники, за исключением двух плоских, необычайно массивны, один имеет длинный черешок, третий (обломанный) — без черешка, с округлым насадом. Наконечники вытянуты в длину и всем своим видом напоминают наконечники с рек Якитикивеем и Амгуэма.

¹ Калинин А. А. Чаун-Чукотка ждет археологов. — В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2. Магадан, 1961.

² Гархов В. С. Древний памятник. — Записки ЧОКМ, вып. 1. Магадан, 1958, с. 61.

³ См. описание третьей неолитической стоянки возле 102 км; Диков Н. Н. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 г. — В кн.: Краеведческие записки, вып. 1, 1958, с. 53, 54.

⁴ Легошин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях реки Якитикивеема. — КСИИМК, 1950, вып. XXXI, с. 193—195, рис. 71, 72.

Было найдено и три миниатюрных халцедоновых скребочка, скребок из серого камня, маленький халцедоновый конический пуклеус-резец и халцедоновая пластиночка. Все это было собрано на сравнительно небольшой пологой площадке (80×60 см), на краю пологого мыса (метров 8—10 высотой) ⁵.

В 1972 г. мы производили сбор подъемного неолитического материала на холме, к востоку от большой погребальной кучи оленьих рогов, на берегу Малого Чаунского пролива, где мы проводили исследования еще в 1958 г. (рис. 164). На песчаных выдувах снова было собрано много двусторонне ретушированных треугольных наконечников стрел, скребки, отщепы и тонкостенная керамика (табл. 184).

Вторая неолитическая стоянка на южном берегу острова (164)

В 250 м к югу от погребальной кучи оленьих рогов в 1972 г. обнаружены следы другой неолитической стоянки. Здесь, у развешенного склона мысовидной террасы, была найдена кучка из 5 черепковых, тщательно, со всех сторон ретушированных наконечников стрел, сделанных из желтого кремнистого сланца (табл. 185).

Неолитическая стоянка Асыквэргыргын (165)

Остатки неолитического стойбища, подобного предыдущему, поспчастливилось найти и в другом месте южного берега о. Айон — на левой стороне речки Асыквэргыргын, на отлогой мысовидной террасе (высотой около 20 м), на песчаных, частично уже поросших травой выдувах. Отысканные там наконечники стрел, скребки и отщепы были из желтого кремня и халцедона, а также из серого кремнистого сланца.

Здесь был обнаружен только обломок массивного наконечника, остальные наконечники стрел, тоже тщательно обработанные отжимной ретушью, были совсем плоскими, они имели слегка вогнутый насад, причем у двух из них кончики были отломаны, а у третьего, целого, ударный конец был закругленным.

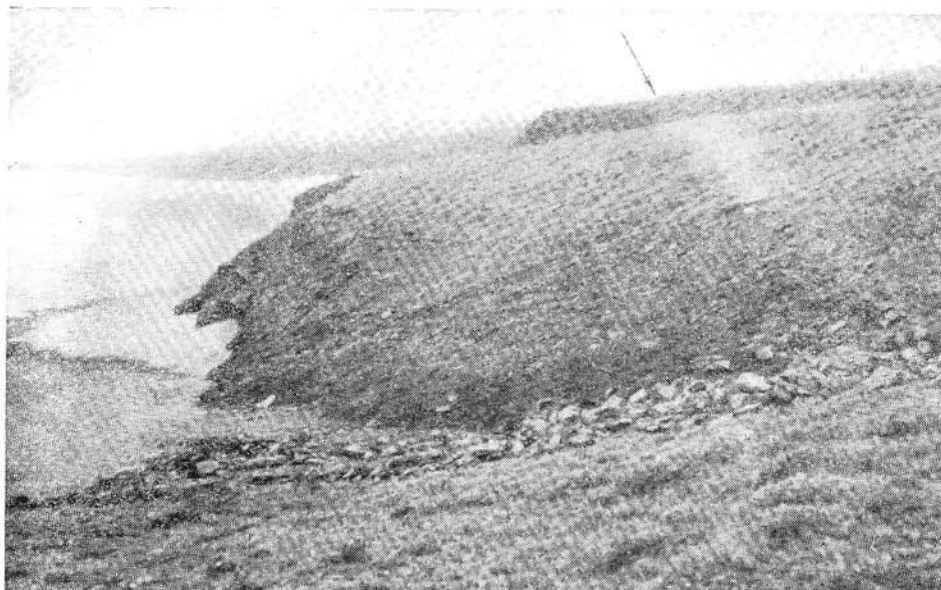
О сходстве с находками В. Д. Лебедева у кучи оленьих рогов свидетельствует также тонкий серый черепок от глиняной посуды (подобные черепки находил и В. Д. Лебедев на обнаруженной им стоянке у кучи рогов).

Поселок морских охотников на западном берегу о. Айон (166)

Еще в 1920 г. возле поселка Айон мореплавателем Свердрупом были обнаружены бугры древних развалившихся землянок, обитатели которых жили много сотен лет назад, занимались морской охотой ⁶. Последующие

⁵ Диков Н. Н. Первые археологические исследования на острове Айон.— В кн.: Записки ЧОКМ, вып. 2, 1961, с. 39.

⁶ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского.— В кн.: Материалы комиссии по изучению Якутской АССР, вып. 30. Л., 1930, с. 213.

Рис. 165. Вид на мыс и палеоэскимосскую стоянку у Чертова оврага на о. Врангеля

наблюдения А. А. Калинина (в 1957 г. внутри землянки он нашел два обломка наконечников от поворотных гарпунов), а затем наши разведки подтвердили эти данные полностью.

В одной из развалившихся землянок (второй по направлению от современного поселка) нами были обнаружены толстые черепки глиняной посуды и расколотые кости моржей, лахтаков, нерп и оленей (табл. 174, 9, 10).

*Палеоэскимосская стоянка у Чертова оврага
на о. Врангеля (167)*

Первая археологическая разведка на о. Врангель, произведенная нами осенью 1975 г., привела к открытию этой, бесспорно очень древней, палеоэскимосской стоянки. Она обнаружена на побережье залива Красина, в 15 км к западу от пос. Звездный (бухта Сомнительная) — на скалистом м. у Чертова оврага. Первые находки каменных орудий были собраны прямо на щебнистой поверхности этого невысокого мыса, с которого открывается широкий вид на море и на старые, ныне заброшенные лежбища моржей (рис. 165). Затем был заложен разведывательный раскоп, площадью 52 кв. м (рис. 166). Выяснилось, что культурный слой здесь местами имеет глубину до 0,6 м. В нем прослежены углистое очажное пятно и ямы, заполненные обломками моржовых, нерпичьих, лахтачьих и птичьих костей, а также костей белого медведя. Кроме того, в культурном слое обнаружены оббитые орудия из темно-серого кремня

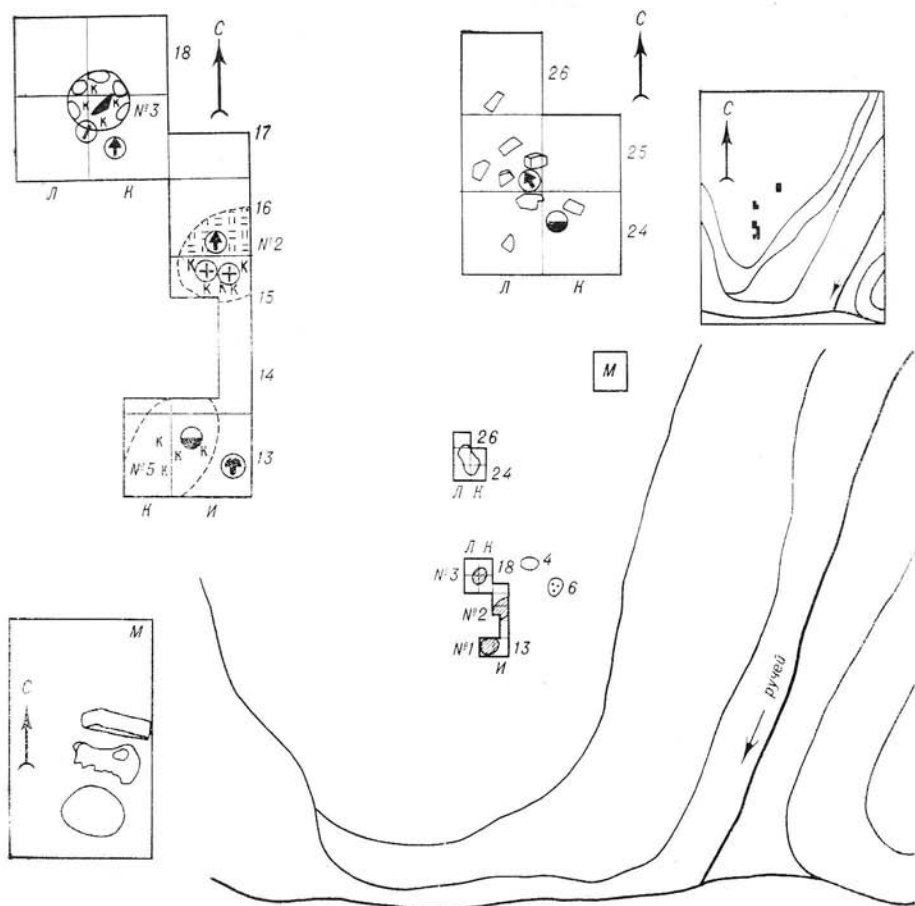

Рис. 166. Местоположение раскопа палеозекимосской стоянки у Чертова оврага на о. Врангеля

и из грубого фелитизированного, почти черного глинисто-песчанистого сланца: метательные двусторонне обработанные наконечники (табл. 186, 1, 2) и ножи (табл. 186, 8, 9; 187, 3, 4, 9, 11), своеобразные резчики из пластинчатых отщепов, обработанных отжимной ретушью только со стороны спинки отщепа (табл. 186, 3, 4, 5), скребки (табл. 186, 6, 7; 187, 5, 6) и массивные, ретушированные по краю, ножевидные пластины, не отличающиеся строгой геометричностью формы (табл. 187, 7, 9). Не встретилось среди них ни одного шлифованного сланцевого наконечника или ножа, столь распространенного в известных до сих пор на Чукотке древнеэзекимских культурах. Пока найдено лишь одно слегка подшлифованное орудие — небольшое тесло из плоской гальки (табл. 187, 10). Облик этой каменной индустрии имеет много общих черт в палео-

эскимосских культурах Арктической Америки, в частности на земле Пири в Северной Гренландии⁷.

Вместе с тем был обнаружен своеобразнейший поворотный наконечник гарпуна (длиной 13 см), сделанный из моржового клыка. Форма его весьма архаична: с одним большим отверстием для линя, с корытообразной открытой втулкой внизу для колка и с почти такой же боковой выемкой и желобком наверху для закрепления там с помощью ремешка концевого каменного черешкового копьенца (табл. 188). Именно такие оббитые с обеих сторон черешковые наконечники из черного сланца являются преобладающими типичными изделиями на этой стоянке. Следует добавить, что при всем своеобразии найденный на о. Врангеля поворотный наконечник гарпуна в общем близок по своей конструкции древнейшим наконечникам северогренландской палеоэскимосской культуры Индепенденс (II—I тысячелетие до н. э.)⁸. Этому не противоречит и радиоуглеродная датировка Врангельской стоянки — 3360 ± 155 (МАГ — 198).

⁷ *Egil Knuth*. Archaeology of the Farthest North.— In: Proceedings of the 32 International Congress of Americanists. Copenhagen, 1958, p. 571, fig. 4, 1—6.

⁸ *Ibid.*, p. 571, fig. 4, 19.

Древние стоянки в бассейне р. Колыма (168—170)

Исследования в бассейне р. Колыма главным образом в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС проводились автором совместно с Т. М. Диковой в 1971—1975 гг. В результате на этой обширной, в археологическом отношении совсем необследованной территории обнаружены интересные памятники широкого хронологического диапазона — от реликтового палеолита до якутской культуры XVIII в. — и, в том числе, стоянки каменного века при устьях ручьев М. Сибердик (168), Конго (169), в зоне затопления в верховьях Колымы, а также на р. Малтан (170), впадающей в правый приток Колымы Бахапчу.

Сибердиковская многослойная стоянка (168)

Находится на мысовидном выступе 14-метровой террасы, на правой стороне р. Детриц, справа от устья ручья М. Сибердик (рис. 167, 168). Цоколь террасы сложен серыми сланцами и сверху перекрыт более чем 3-метровой толщей рыхлых отложений, в верхней супесчаной части которой оказались три культурных слоя (рис. 169). Они прослеживаются в желтой супеси (слой I), белесом суглинке (слой II) и в розовато-коричневой супеси (слой III). Ниже (с глубины 0,9—1,2 м) лежат слои светло-коричневой супеси и серого суглинка (до глубины 1,2—1,6 м), серого песка (около полуметра) и грубо обкатанной гальки (более метра).

Крупномасштабные раскопки Сибердиковской стоянки в 1971—1974 гг. охватили уже более 800 кв. м ее площади (рис. 168, 170).

Приводим описание раскопок культурных остатков по слоям сверху вниз.

Верхний (I) культурный слой. Прослежен под дерном и паходок в нем было мало. Обнаружено только два очажных углистых пятна (около 80 см в поперечнике) в западной части раскопа, а между ними — скопление отщепов. Другое скопление отщепов оказалось на противоположной, восточной стороне раскопа, неподалеку от двух плоских валунов. Следует отметить, что на западном участке встретились ножевидные пластинки, нож-скребло из массивного кремневого пластинчатого отщепка, скребок, несколько отщепов и грубое андезито-базальтовое скребло прямо на дневной поверхности, в дерне. Судя по стратиграфии и характеру находок, этот культурный слой относится к одному из поздних периодов неолита.

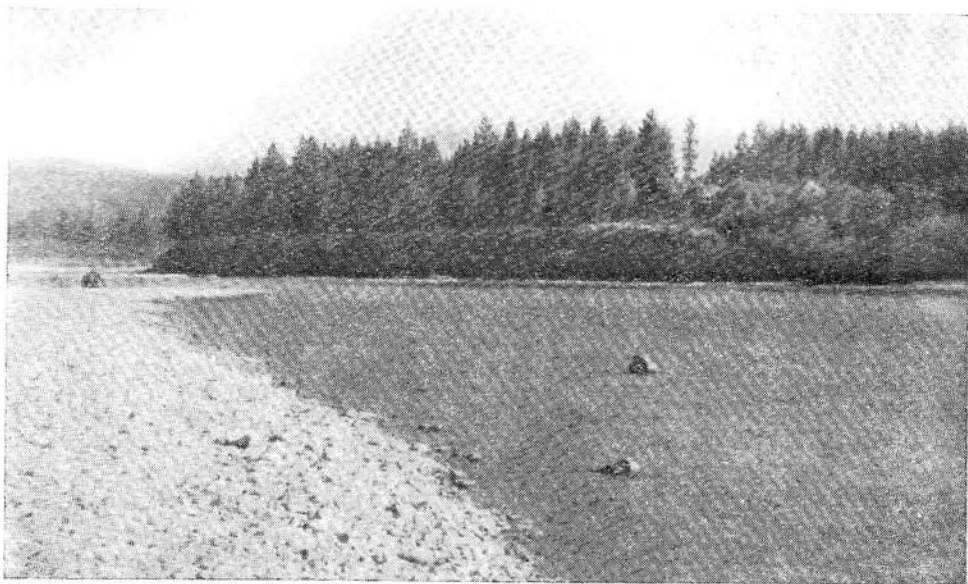

Рис. 167. Вид на Сибердиковскую стоянку

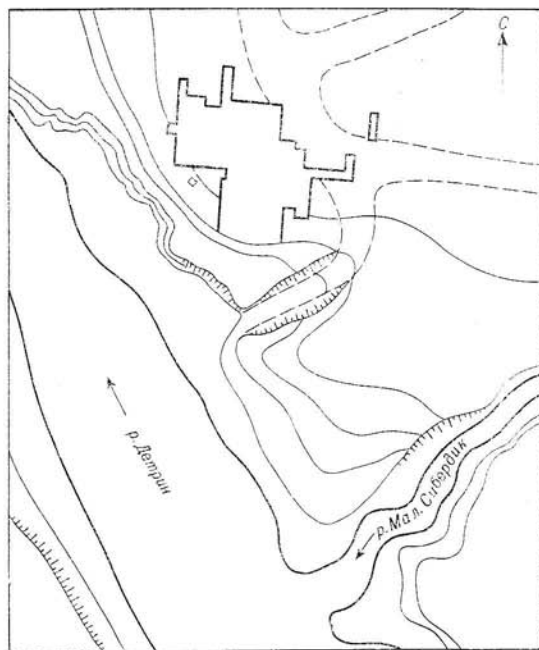

Рис. 168. План Сибердиковской стоянки

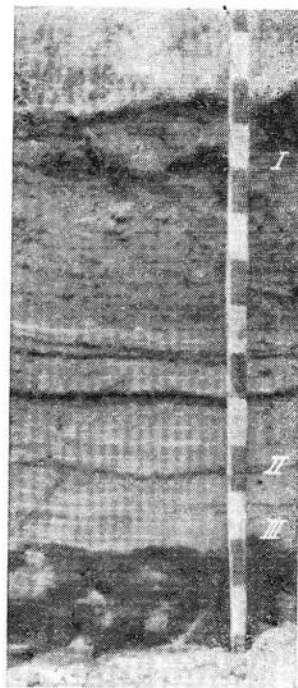

Рис. 169. Стратиграфический разрез Сибердиковской стоянки

Рис. 170. Раскоп на Сибердиковской стоянке

Средний (II) раннеолитический культурный слой. Приуроченный к белесому слою суглинка, местами оторфованному, этот культурный слой прослеживается на глубине около полуметра. Он содержит остатки становища с большим количеством (более 30) кострищ и какого-то очень своеобразного жилого сооружения (с длинным коридором), углубленного наподобие землянки. В слое сохранились пятна разложившихся костей, каменные изделия, отщепы, обломки кварцита и фрагмент керамики.

Каменная индустрия слоя представлена разнообразными изделиями: отбойниками в виде узких продолговатых галек, кремневыми коническими нуклеусами и клиновидно-призматическими нуклеидными изделиями (табл. 189, 1, 2), ножевидными пластинками, листовидными двусторонне обработанными ретушью метальными наконечниками (табл. 190, 1, 2), концевыми скребками на массивных пластинчатых отщепах, базальтовыми скребками, ножами, треугольными остроконечными отщепами со спиной, образованной галечной коркой, обломками глинисто-песчанистого ороговикованного сланца, гранита и кварцита, а также несколькими чопперами.

Единственный фрагмент керамики, тонкостенной, но грубо вылепленной и слегка бороздчатой, обнаружен в заполнении жилища, и если он действительно относится ко второму, а не к первому слою, то может служить указанием на раннеолитический возраст данного второго культурного слоя. Для более точного радиоуглеродного определения его возраста нами взяты образцы угля из кострищ. Оказалось, что им 6300 ± 170 л. н. (Крил — 248).

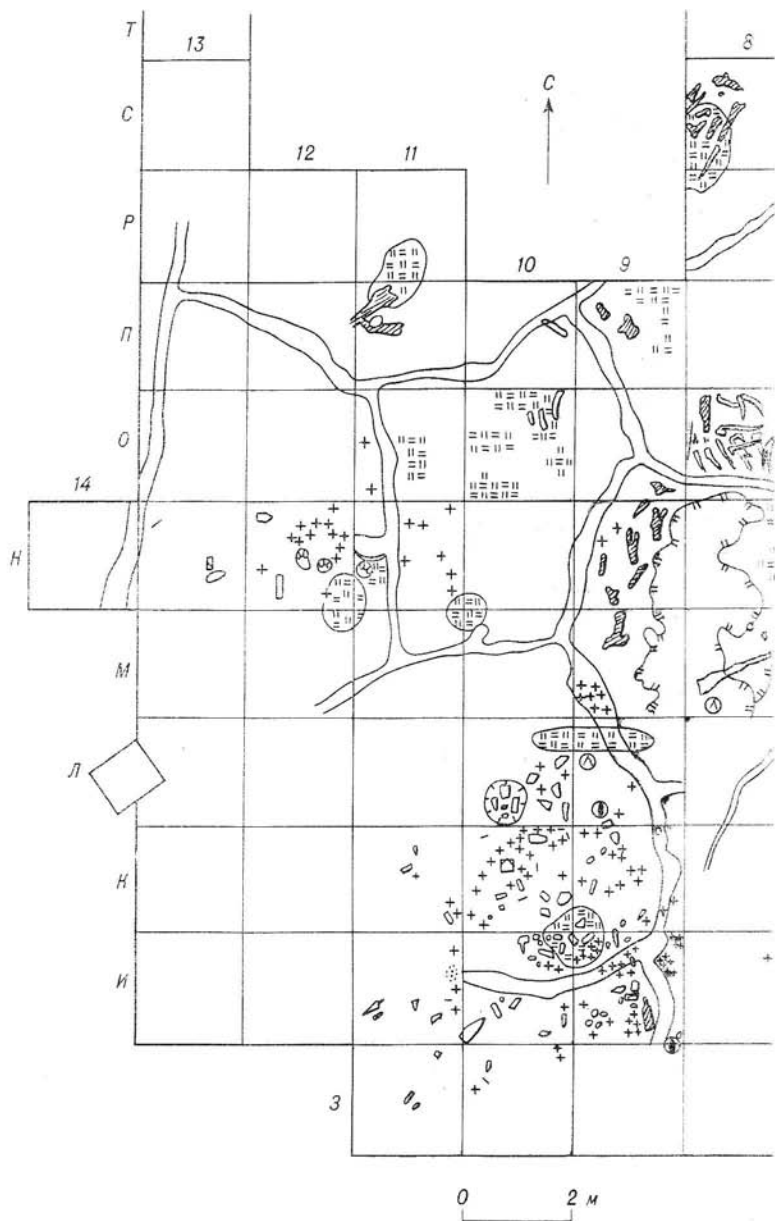

Рис. 171. План третьего (нижнего) культурного слоя Сибирдиковской стоянки
 1 — отщеп; 2 — ножевидная пластина; 3 — скребок; 4 — нож; 5 — наконечник стрелы; 6 —

+   - 2   3   4   5   6   7   8   9   10
 11   12   13   14   15   16   17

треугольный отщеп; 7 — отбойник; 8 — чоппер; 9 — нуклеус; 10 — резец; 11 — кости; 12 —
 обломки горелых костей; 13 — обломки кварцита; 14 — угли; 15 — контур углистых пятен;
 16 — морозобойные трещины; 17 — камни

✓ *Нижний (III) реликтово-палеолитический слой.* Нижний культурный слой Сибердиковской стоянки связан с оторфованным горизонтом в частично смытых и разветвленных супесчаных отложениях на глубине около 1 м (рис. 169) и содержит комплекс изделий палеолитического облика: отесанные с одной стороны, по краю крупные гальки — типичные чопперы (табл. 191), скребла, кощевые скребки на массивных пластинах, двусторонне обработанные ретушью листовидные метательные наконечники (табл. 190, 3, 4), отщепы-остроконечники, ножевидные пластинки. В этом слое совершенно отсутствуют шлифованные орудия и керамика. О распределении всех этих находок в слое позволяет судить прилагаемый план (рис. 171).

Тщательно зачищенная нами площадка III культурного слоя расчленена эпигенетическим полигональным мерзлотным растрескиванием, и поэтому часть культурных остатков оказалась в мерзлотных трещинах. Тем не менее хорошо сохранились кострища и связанные с ними производственные и другие комплексы.

В центре раскопа (в кв. 5, 6, 7 — И, К, Л)₄ вокруг большого очага, вместе с обильными остатками камнеобрабатывающей деятельности в 1973 г. найдены зубы лошади (по последнему определению Н. К. Верещагина) и другие кости. Весь собранный здесь комплекс вещей позволяет думать, что эта площадка вокруг очага была ритуальной (рис. 172).

Она, так же как и площадь всего III культурного слоя, расчленена эпигенетическим полигональным мерзлотным растрескиванием, часть культурных остатков ее оказалась в морозбойных трещинах (рис. 171). Тем не менее в кв. 7—6 — Г — К хорошо сохранилось кострище с очажными обгорелыми камнями, кальцинированными осколками костей и многочисленными осколками белого и розового кварца, которых, кстати сказать, много было и дальше, по сторонам от костра, по всему слою. Чопперы, скребла и остроконечники были сосредоточены почти все вокруг этого очага. Там же было встречено довольно большое количество обломков костей (рис. 172), причем скопление костей в кв. 6—К, 6—И сопровождалось пятнами красной охры, и сами кости здесь, хотя и очень плохо сохранились, но своим расположением внушают подозрение, что здесь мы, вероятно, имеем дело с остатками погребения человека. Не случайно, именно здесь мы нашли обломок каменного двусторонне ретушированного метательного наконечника (табл. 190, 3). Примечательно также, что данное скопление костей с охрой, частично нарушенное мерзлотной трещиной, было густо усыпано мельчайшими кремневыми чешуйками-отщепками (отходами ретуширования кремневых орудий). Рядом был кощевой скребок и кремневая ножевидная пластинка, а несколько в стороне (в кв. 6—И) — листовидные ножи-бифасы из глинистого сланца, кощевой скребок и два отщепы-остроконечника. Третий такой острокопечник оказался значительно дальше — в кв. 7—Л.

✓ Все чопперы, кроме одного, очень массивного, в кв. 7—К лежали в значительном отдалении от следов предполагаемых человеческих костей, засыпанных охрой и микроотщепами. Один из чопперов (тоже очень массивный) был найден в кв. 7—3, другие два (тоже массивные и грубо сделанные) — в кв. 5—3, еще два (очень грубых) — в кв. 7—К, и, на-

Рис. 172. Вид на ритуальную площадку слоя III Сибердиковской стоянки

конец, последний (маленький и тщательно обработанный) — в кв. 3—Л.

В стороне от костей с охрой лежали и массивные ножи-скребла из больших обломков серого глинистого сланца. Одно из этих орудий было среди камней очага в кв. 7—К, два других — в кв. 7—И, четвертое — в кв. 7—Л.

Значительный интерес представляет исследованный в 1974 г. производственный комплекс в западной части раскопа (рис. 173). Здесь сохранились остатки настоящей мастерской каменного века. На довольно обширной рабочей площадке размером 36 кв. м, вокруг большого кострища в виде пятна углистой земли поперечником 1,1 м, располагается не менее шести «рабочих мест» для обработки каменных изделий. На каждом таком рабочем месте имеется целая или уже разбитая наковальня, отбойники, а вокруг них — много отщепов, преимущественно мелких, чешуйчатых.

Очень выразителен такой набор инструментов в юго-восточной части кв. 10—К, рядом с очагом. Здесь и наковальня, и крупные отбойники, и заготовки сырья, а вокруг — отщепы. Или с противоположной стороны очага (в середине кв. 9—И), где также, рядом с большой и массивной каменной плитой-наковальней, лежали отбойник в виде продолговатого булыжника, заготовки андезито-базальтового сырья и множество отщепов и осколков вместе с мельчайшими кремневыми чешуйками (рис. 172); рядом — лопатка травоядного животного и ямка с обломками андезито-базальтового сырья. Или кв. 10—Л, где разбитая на четыре части плита-наковальня и массивный отбойник лежали в неглубокой ямке (рис. 171).

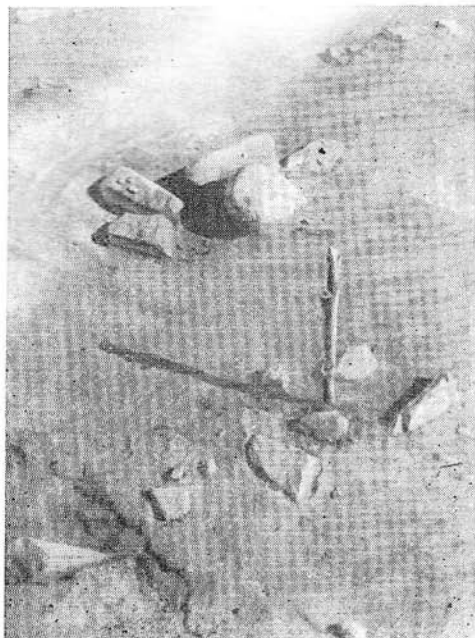

Рис. 173. Часть мастерской третьего слоя
Сибердиковской стоянки

Рядом, ближе к очагу (в кв. 10--К), обнаружены еще две наковальни с разбросанными вокруг отщепками, причем у одной из этих наковален отбит угол, находящийся тут же рядом, а в самом кострище тоже было много крупных андезито-базальтовых заготовок и просто обломков (рис. 171). Впрочем, подобных заготовок и обломков много было здесь раскидано и за пределами кострища, между перечисленными производственными скоплениями, особенно к юго-западу от него (в кв. 10--И, 10--З, 11--И, 11--З). Причем особенно интересными среди этих заготовок оказались три макролита — крупных киркообразных орудия, два из которых находились в морозобойной трещине, а одно, длиной 45 см, — в стороне (в кв. 11--И). Из прочих каменных изделий, встреченных на этой рабочей площадке, следует отметить остроконечник и обломок листовидного наконечника-би-

фаза (в кв. 9 — Л), а также миниатюрный кремневый клиновидный нуклеус (в кв. 9 — И).

К северу от этой обрисованной нами «мастерской» прослежено еще четыре очажных углистых пятна. Возле наиболее крупного — много следов от отдельных костей животных, каменный резец в костяной рукоятке в кв. 9--Н (рис. 171), каменный остроконечник и обломки кварцита. Возле двух маленьких очажных пятен (в кв. 11, 12 — Н) — скопление отщепов, два чоппера (базальтовый и кварцитовый), обломок ножа и два базальтовых скребла. Еще дальше к северу — рога оленя возле небольшого углистого пятна (рис. 171). Еще одно кострище с костями вроде рогов оленя отмечено неподалеку -- в кв. 8--С, Р, А в кв. 8--О в плоскости культурного слоя в мерзлоте встретилось скопление деревянных друтьев, возможно, подделок очень плохой сохранности (рис. 171).

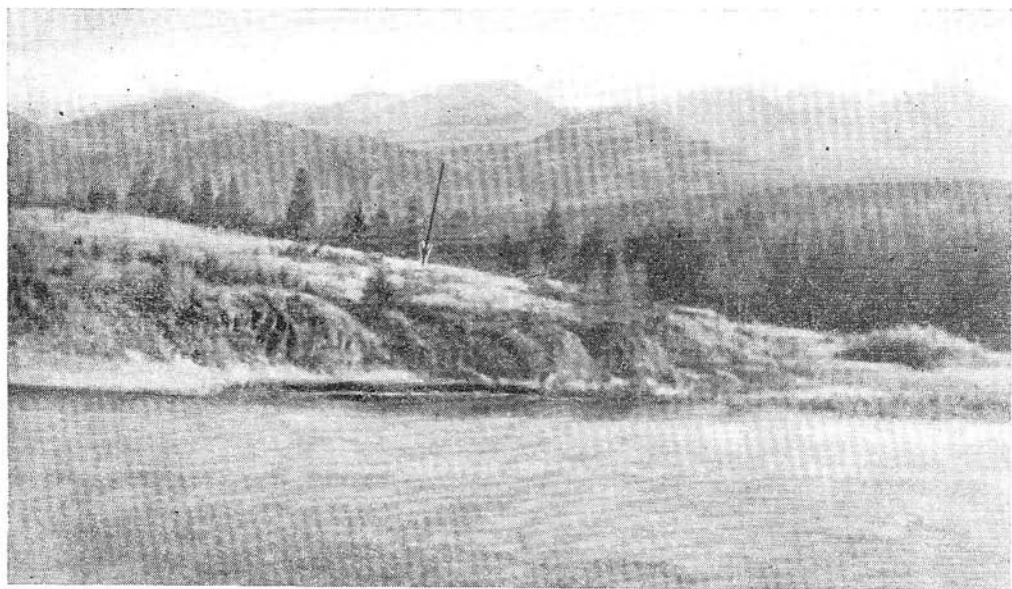
В северо-восточной части раскопа исследована еще одна, насыщенная остатками каменной индустрии, рабочая площадка. Центром ее является яма (поперечником 1 м, глубиной 30 см), наполненная кварцитовыми обломками, в кв. 3--Н, О (рис. 171). Вокруг нее было разбросано множество других обломков кварцита и отщепов, причем в кв. 4--О, М они образовали обособленное скопление. Среди отходов производства на этой площадке встретились два скребка, два ножа, обломок двусторонне обработанного листовидного наконечника стрелы и два чоппера. Так же

как и на юго-западной рабочей площадке, здесь обнаружено несколько плотных валунов со следами ударов по ним — каменные наковальни (в кв. 5—О, 3—Р, 3—Н, 3—М), андезитово-базальтовые заготовки и кучки мелких отщепиков-чешуек от ретуширования кремневых изделий (в кв. 3—М, 2—Н, обведены кружком, см. рис. 172). Были там также и песчанниковые точильные плитки. Встречались и отдельные обломки костей животных. Наконец, на периферии этого участка кроме базальтовых обломков обнаружено еще два чоппера (в кв. 6—М, 3—К).

Характер каменной индустрии и наличие в слое скопаемых субэпидермальных псевдоморфоз — морозобойных трещин протаивания ледяных жил — позволяет относить его к периоду, предшествующему началу потепления в раннем голоцене, вероятно, к самому концу сартанского оледенения или к самому началу голоцена. Для радиоуглеродной датировки этого слоя взяты образцы угля. Они дали даты 8020 ± 80 л. н. (Крил — 50) и 8480 ± 200 (Крил — 249).

Стоянка каменного века у ручья Конго (169)

Стоянка каменного века у ручья Конго (впадающего в р. Колыма справа) находится на правом берегу его устья, на четырнадцатиметровой цокольной террасе, на ее мысовидном выступе с остатками покинутого недавно поселка геологоразведки (рис. 174). Еще в 1971 г. в ходе нашей разведки на спуске к Колыме, на высоте 3 м от уровня реки был обнаружен очень выразительный базальтовый отщеп (табл. 193, 6).

Рис. 174. Вид на стоянку Конго

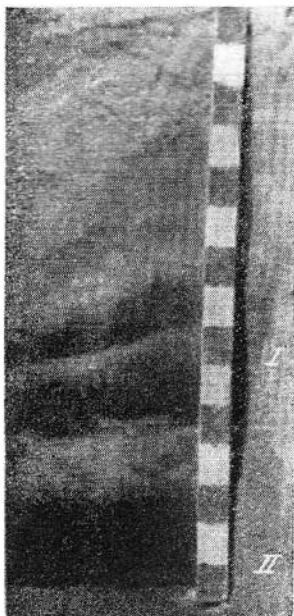

Рис. 175. Разрез стоянки
Конго

Затем в 1973 г. был прослежен *in situ* основной культурный слой. Он оказался на самом верху террасы, почти в 100 м от упсанутого переотложенного отщепа. Предварительные частичные раскопки (на площади 75 кв. м) этого в высшей степени интересного культурного слоя дали весьма древний (возможно, позднепалеолитический или ранний послепалеолитический) комплекс вещей — чопперы в сочетании с ножевидными пластинками (табл. 192, 6—19), без керамики и шлифованных орудий.

В 1974 и 1975 гг. здесь были продолжены раскопки, охватившие более 200 кв. м площади стоянки.

Как явствует из исследованных нами стратиграфических разрезов, рыхлые супесчаные и песчаные отложения серого цвета, покрывающие цоколь террасы, образуют несколько чередующихся прослоек общей мощностью более 1,5 м, а непосредственно под дерном прослеживается ярко-желтая прослойка плотного пылеватого суглинка (рис. 175). Культурные остатки — чопперы, ножевидные пластины и двусторонние ретушированные листовидные наконечники стрел (табл. 192, 1—3) — оказались приуроченными преимущественно к прослойкам розоватого песка, хотя встречены и в сером песке, под желтым суглинком. Все они составляют единый культурный горизонт (слой I) за исключением кремневых резцов (табл. 193, 6) и других находок в самой нижней прослойке гумусированного коричневого суглинка, вмещающего значительно более древний, обнаруженный в 1974 г. культурный слой II на глубине 1,0—1,2 м от дневной поверхности (рис. 175). Радиоуглеродный возраст слоя I — 8655 ± 220 л. н. (МАГ — 196), а слоя II — 9470 ± 530 (Крил — 314).

Материалы стоянки Конго вместе с Сибердиковской стоянкой подготавливаются к монографическому изданию. Для данной же ее характеристики следует добавить, что большая часть вещественных находок концентрировалась вблизи углистых очажных пятен, образующих в ее культурных слоях несколько хозяйственно-бытовых комплексов. Причем в верхнем слое в эти комплексы входят также большие скопления кварцитовых обломков (в одном случае они в специальной яме), подобные обнаруженным нами в третьем слое Сибердиковской стоянки. Там же попадались и мелкие осколки горелых костей.

Древняя стоянка на р. Малтан (170)

В бассейне р. Колыма в 1974—1975 гг. исследовалась также стоянка каменного века на р. Малтан, впадающей справа в правый приток Колымы — Бахапчу.

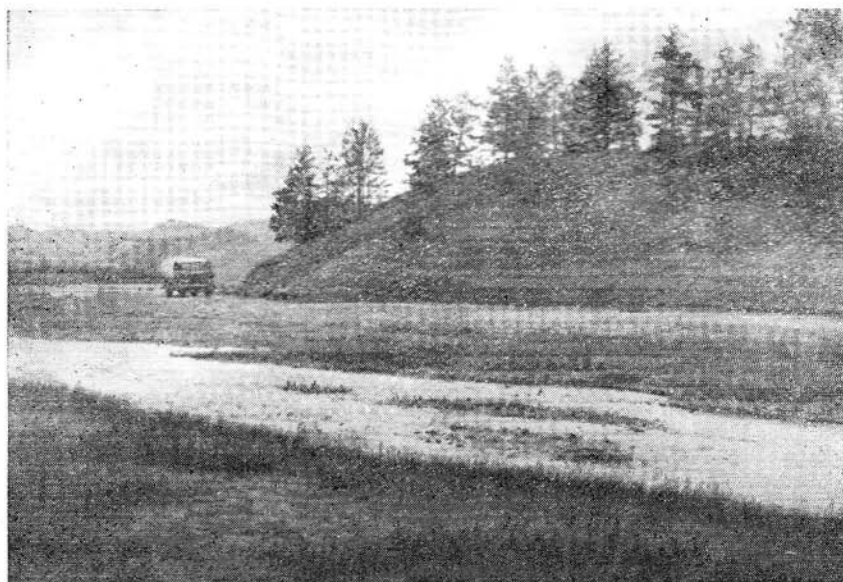

Рис. 176. Вид на стоянку Малтан

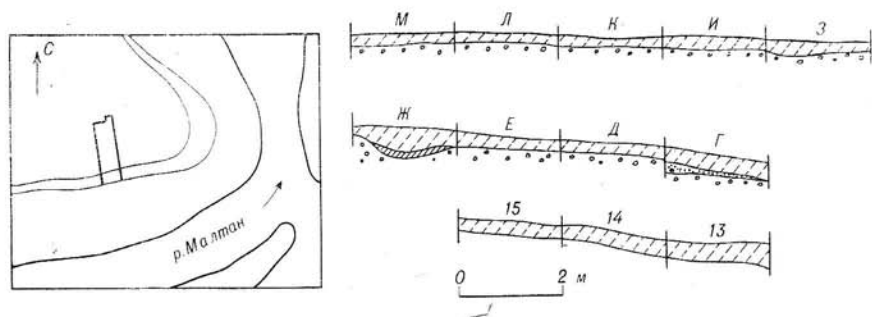

Рис. 177. План и разрезы стоянки Малтан

Стоянка расположена на 8-метровой террасе левого берега р. Малтан, в 30 км от ее истока, в том месте, где терраса образует мысовидный выступ (рис. 176). На его южной стороне в 1974 г. был заложен раскоп площадью 100 кв. м, который в 1975 г. был расширен (рис. 177).

Уже в дерне прослежен верхний культурный слой с большим количеством халцедоновых отщепов и единичными фрагментами керамики. Его радиоуглеродный возраст 3690 ± 50 (Крил — 246) и 4450 ± 50 л. н. (Крил — 247).

Нижний культурный слой оказался неглубоким, в желтой и серо-желтой супеси с мелкой грубо окатанной галькой на глубине 20—50 см (рис. 177).

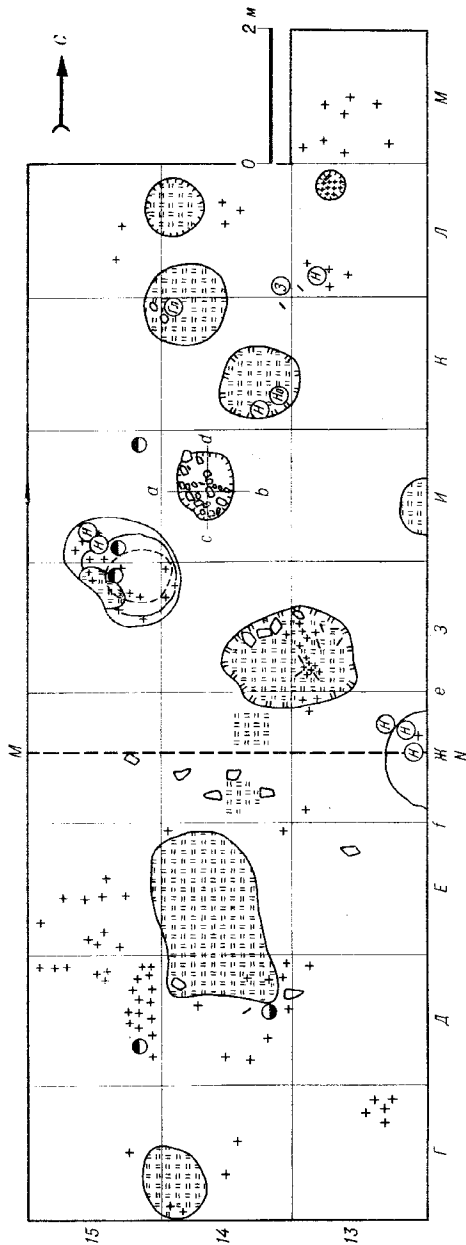

Рис. 178. План нижнего слоя стоянки Малан.

В нижнем культурном слое в пределах раскопа выявлено три ямы и восемь углистых очажных пятен (рис. 178). В них, а также вне их попадались халцедоновые отщепы и обломки, а также отщепы и пожевидные пластинки, нуклеусы, скребки, ножи из окремневого пещлового туфа светло-желтого цвета (табл. 194, 195).

Наиболее интересна яма в кв. 14—И, овальная в плане, она имеет чашевидную форму (глубиной 0,4 м) и заполнена мешаной супесью с мелкой грубо окатанной галькой и более крупными камнями. В яме среди камней обнаружены две крупные пластины серо-желтого кремня и одна микропластинка.

В другой яме (кв. 15—З, И), имеющей неправильные округлые очертания и такую же глубину, найдены угольки, кремневые отщепы, два нуклеуса и и два скребка.

От третьей ямы в пределы раскопа попала лишь ее западная половина. Яма округлая, широкая и неглубокая (около 1,5 м в поперечнике и 30—25 см глубиной), тоже с угольками на южном ее «плече». В ней оказались три нуклеуса и отщеп.

Самое обильное находками углистое очажное пятно было в кв. 13, 14—З. Оно имело неправильно овальное очертание в плане, и в нем, рядом с четырьмя камнями, попадались кремневые отщепы и пожевидные пластинки. В другом углистом пятне (в кв. 14—К) встретились два нуклевидных орудия, а в очажных пятнах (в кв. 14—Г и

14—Д — отщепы, причем между этими двумя углистыми скоплениями оказалось очень много отщепов, а также каменные нож и скребок. Аналогичное сосредоточение отщепов, а также нуклеус, заготовка орудия и ножевидные пластинки зафиксированы и на противоположной, северной стороне раскопа, причем здесь (в кв. 13—Л) обнаружена ямка (поперечником 0,4 м, глубиной 0,2 м), полная мелких халцедоновых осколков и отщепов. ✓

Судя по стратиграфии и характеру находок (среди которых совсем нет керамики и шлифованных орудий), нижний слой Малтанской стоянки, вероятно, относится к раннеолитическому или доолитическому времени. Предварительный радиоуглеродный возраст слоя 7490 ± 70 л. н. (МАГ—183).

Общая классификация и опорная стратиграфия археологических памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы

Категории памятников

С точки зрения возможностей для классификации и датировки, археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы, как и вообще любого другого района, являются далеко не равноценными. Поэтому нам представляется целесообразным дать прежде всего их общую типологию в этом отношении.

Все многообразие археологических памятников Крайнего Северо-Востока составляют следующие их восемь типов.

Стратифицированные многослойные стоянки. Ушки-I (1), Ушки-II (2), Ушки-IV (3), Ушки-V (4), Доярки (10), Третья стоянка в Ключах (13), стоянка на южном склоне Мишенной сопки (43), в Кавране (раскопки В. И. Иохельсона), Сибердиковская стоянка (168), стоянки Конго (169) и Малтан (170). Некоторые участки первого слоя Ушки-I и второго слоя Ушки-II являются смешанными, что хорошо устанавливается по наличию ям.

Однослойные несмешанные стоянки. Елизово (42), Кирпичная (44), Култукская (5), Застойчик (6), на Домашнем озере (7), в Козыревске (8), в Козыревском совхозе (9), в Доярках (11), Первая и Вторая в Ключах (12), Четвертая Ключевская (14), на Чировом озере (51), Мухоморненская (52), Вакаревская (53), Усть-Майнская (54), Снежипицкая (55), Усть-Бельская нижняя стоянка (56), Увеснования (57), Камешки (58), Вилка-I и Вилка-II (59, 60), Утесики (61), Анокаттары (62), на Осиновой косе (63, 64), на Осиновой сопке (66), в Красное (67), на косах озера Красное (68—70), Вторая и Четвертая стоянки на 102 км (79, 81), стоянка «Чайкино гнездо» у 145 км (89), палеоэскимосская стоянка у Чертова оврага на о. Врангеля (167) и древние приморские поселки Чукотки (104, 105, 112, 113, 120, 122, 125, 126, 130, 131, 133, 135, 136, 137, 139—153, 158, 159, 166).

Однослойные смешанные стоянки. Усть-Бельская стоянка (72), Омрынская стоянка (73), Чикаевская стоянка (74), Первая и Третья стоянка возле 102 км (78, 80), другие амгуэмские стоянки (82, 93), стоянки на о. Айон (163, 164), пегтымельские стоянки (99, 100, 101) и др.

Могильники и отдельные погребения. Верхнепалеолитическое погребение на Первой Ушковской стоянке (1), древние погребения вблизи Камаков (19), могильник на Юкагирской сопке (71), в Омрыне (73), на Усть-Бельской неолитической стоянке (72), погребение в устье

р. Экиатап (94), Экиатапский могильник (95), древнеэскимосские могильники в Яндогае (108), на м. Чини (110), вблизи горы Энмынытныи (114, 115, 116, 117), возле Уэлена (119), в Инчоуне (121), в Утене (123), вблизи Чегитуна (127, 128, 129), в Сешане (132), в Иколиврун-вееме (134), вблизи Энурмино (138), в Ванкареме (153), на м. Шмидта (159).

Пещеры. Омаянская (202), Пегтымельская (98), Паланская (333) и др.

Клады, тайники. Эльгыгытгынский (188).

Случайные находки (подъемный материал). На Кирпичной улице (44), в Тарье (282—284), на берегу Раковой бухты (45), на берегу Ушковского озера (1—5), возле Ключей (12—13), в Доярках (10—11), в Манилах, на р. Пенжина (48), в Снежном (55), на Осиновой косе (64), на косе Красное (67), на косах оз. Красное (68—70), на Усть-Бельской сопке (72), на амгуэмских стоянках (78—80, 82—93), на Якитикивеемской стоянке (186), на оз. Экитыки (185), у ручья Матачен (187) и др.

Наскальные рисунки. Первое (Кайкуульское) местонахождение петроглифов на р. Пегтымель (102), Второе местонахождение петроглифов на р. Пегтымель, возле Третьей неолитической стоянки (103).

Наиболее перспективны для периодизации, конечно, стратифицированные стоянки. Именно они создают основную опору для распределения всех других памятников во времени. Обычно в качестве опорных, в дополнение к стратифицированным стоянкам, можно использовать также несмешанные однослойные стоянки, остатки жилищ (1, 3—6, 58, 63, 105, 111, 118, 120, 140, 158, 159, и др.), могильники, клады. В совокупности все эти пять категорий памятников могут быть подвергнуты удовлетворительной периодизации, и с их помощью вполне можно охарактеризовать развитие культуры во времени.

Менее пригодны в этом отношении смешанные стоянки и случайные находки отдельных вещей вне культурного слоя. Последние в лучшем случае дают представление только о распространении тех или иных культур в пространстве. Разумеется, при условии, если путем сопоставления с тем или иным опорным археологическим памятником удастся выделить соответствующие ему культурные элементы.

Особую группу памятников составляют петроглифы. Они могут быть подвергнуты классификации на основе анализа составляющих их образов с последующей корреляцией с основными опорными археологическими памятниками.

Опорная стратиграфия в долине р. Камчатка

Основой для периодизации древних культур в долине р. Камчатка, а затем, как будет показано, и в еще более широком районе, могут служить многослойные стоянки Ушки-I (1), Ушки-II (2), Ушки-IV (3) и Ушки-V (4). Они включают последовательные серии однотипных несмешанных культурных слоев — от самого позднего пережиточного неолита и неразвитого железного века до верхнего палеолита — и отличаются исключительно четкой стратиграфией.

Напомним, что названные стоянки находятся в центре Камчатского полуострова, на южном берегу старичного Ушковского озера, узкой проточкой соединяющегося с р. Камчатка. Они приурочены к 4-метровому падойменному уступу сарганско-остапкинско-го возраста. Нижняя, русловая **фация** их рыхлых отложений состоит из галечника (слегка окатанные вулканические бомбы) и тонкозернистого серого песка. Верхняя **фация**, общая мощность которой достигает 2,6 м, образована супесчано-сутлинистыми пирокластическими отложениями¹, включающими в себя от 5 до 11 культурных горизонтов широкого хронологического диапазона — от XVII в. н. э. до верхнего палеолита (рис. 7, 21, 29, 32).

Стратиграфия всех четырех многослойных стоянок Ушковского озера — Ушки-I (1), Ушки-II (2), Ушки-IV (3) и Ушки-V (4) — весьма сходна, легко сопоставима и идентифицируема в литологическом отношении. Для наглядности приведем один из наиболее полных разрезов Первой Ушковской стоянки в сопоставлении со стратиграфическими разрезами Второй, Четвертой и Пятой Ушковских стоянок (слои даются сверху вниз).

Из сопоставления стратиграфических разрезов хорошо видно, что они отличаются главным образом представительностью культурных слоев. Видно также, насколько все 4 многослойных памятника безупречны в стратиграфическом отношении: все их культурные слои четко разделены стерильными прослойками вулканических пеплов и возможность неконтролируемого перемешивания культурных слоев здесь совершенно исключена.

Известно, сколь большое значение для археологической периодизации имеют несмешанные так называемые чистые культурные слои. Между тем, нередко может возникнуть сомнение относительно чистоты и несмешанности культурных слоев многослойных стоянок даже в тех случаях, когда они не перекопаны ямами, так как смешение возможно за счет естественного перемещения вещественных остатков по вертикали и за счет их втаптывания древними обитателями стоянок. Поэтому в тех случаях, когда нет четкого убедительного критерия несмешанности, установление последней является нередко практически невозможным, как, например, на Белькачинской многослойной стоянке, исследованной на Алдане Ю. А. Мочановым.

Стратиграфия ушковских стоянок идеально контролируется прослойками вулканического пепла. С помощью этого безупречного критерия мы произвели тщательную проверку на смешанность всех ушковских культурных слоев. (Подробный анализ с этой точки зрения стратиграфии ушковских стоянок дается выше вместе с их описанием.)

В результате выяснилось, что ушковские многослойные стоянки в отношении четкости своей стратиграфии неравноценны.

Только на стоянке IV (в пределах раскопа) все без исключения культурные слои совсем несмешаны, так как все они сверху донизу

¹ Диков Н. Н., Тигов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки-V на Камчатке. — «Труды Магаданского отделения Географического общества», (Владивосток), 1977, вып. I.

Таблица 1

№ пеп- ловых слоев	№ всех слоев	Литологическая характеристика слоя	Мощ- ность (см)	№ культурных горизонтов			
				Ушки- I	Ушки- II	Ушки- IV	Ушки- V
	1	Растительный слой	8				
	2	Супесь черного цвета, местами вклю- чающая угли	12	I-a	I-a	I-a	
I	3	Вулканический пепел	2-3				
	4	Супесь темно-бурая, гумусированная (темно-бурая)	2-3	I-б	I-б	I-б	
	5	Супесь светло-коричневого цвета	4-5				
II	6	Вулканический пепел	1-2				
	7	Супесь коричневого цвета, сверху бо- лее темная, гумусированная	5-6	I в			
	8	Песок крупный темно-серый	4-5				
III	9	Вулканический пепел	1-2				
	10	Вулканический песок	1-2				
III-a	11	Супесь светло-коричневого цвета	5-6			I-в	
	12	Вулканический пепел	1-2				
IV	13	Супесь светло-коричневого цвета	5-6				
	14	Пепел вулканический	6-8				
IV-a	15	Супесь желтовато-серого цвета	До 10				
	16	Пепел вулканический	0-1				
	17	Супесь желтовато-серого цвета	До 50	II	II	II	
V	18	Супесь светло-желтого цвета	10	III	III	III	
	19	Пепел вулканический	2-5				
	20	Супесь черного цвета, гумусированная	10-15	IV	IV	IV	IV
VI	21	Супесь охристого цвета	5-10				
	22	Пепел вулканический	2-4				
	23	Суглинок буровато-желтого цвета с углистыми прослойками в средней ча- сти слоя	35-45	V	V		V-a V-б
	24	Суглинок охристо-зеленовато-серого цвета с углистой прослойкой в сред- ней части слоя	20-25	VI-a	VI	VI	VI-a
	25	Суглинок серовато-охристого цвета с прослойкой песка и с культурными остатками в верхней части	10-15	VI-б			VI-б
	26	Суглинок розовато-желтого цвета	6-10				
	27	Охра красная	2-1	VII			VII
	28	Песок светло-желтого цвета	0-1				
	29	Супесь серовато-бурая с включениями угля	5-6	VII			VII
	30	Супесь охристо-зеленовато-серого цвета	5				
	31	Гумусированные прослойки органичес- кого вещества серого цвета с вклю- чениями угля	1-2	VIII			
	32	Супесь охристо-зеленоватого серого цвета	5				
	33	Суглинок буровато-желтого цвета	5-7				
	34	Суглинок ржаво-бурого цвета	1-2				

Таблица 1 (окончание)

№ пепловых слоев	№ всех слоев	Литологическая характеристика слоя	Мощность (см)	№ культурных горизонтов			
				Ушки-I	Ушки-II	Ушки-IV	Ушки-V
VI	35	Суглинок зеленовато-желтовато-серого цвета	2				
	36	Супесь зеленовато-желтовато-серого цвета	5				
	37	Песок зеленовато-серого цвета	25—30				
	38	Конгломерат, слабо цементированный, состоящий из обломков вулканических бомб					

разделены сплошными, совсем ненарушенными пепловыми прослойками (рис. 29).

На стоянке Ушки-II смешанным является только слой II, так как вырытой в нем землянкой нарушена нижележащая пепловая прослойка V и, следовательно, культурные слои III и IV (см. разрез слоев на рис. 21).

На стоянке Ушки-I смешанным является верхний культурный слой, так как с его уровня вырыты землянка и жертвенная яма, проникающие через пепловые прослойки II, III, IV, IV-а, V, VI в культурные слои II—V и VI (рис. 18, 20). Естественно, что вместе с выбросами земли при выкапывании этих углублений в верхний культурный слой I могли попасть вещи из всех этих нижележащих культурных слоев II—VI. Смешанным является на данной стоянке Ушки-I и культурный слой II, о чем свидетельствуют ямы, вырытые в нем до слоев III и IV через пепловые прослойки IV, IV-а и V (рис. 16).

Таким образом, по нарушенным пепловым прослойкам совершенно объективно определяются смешанные культурные слои на двух из четырех ушковских стоянок, причем в каждом из них смешанность может быть в известной мере локализована.

Тем же методом выявлены и абсолютно несмешанные культурные слои. Они значительно преобладают над смешанными и в общей своей совокупности дают чистые опорные комплексы культурных остатков для каждого из семи основных культурных слоев ушковских стоянок — от верхнего палеолита до пережиточного неолита (рис. 179).

Определенное значение для установления возраста рыхлых отложений ушковских многослойных стоянок имеют палинологические данные, т. е. исследование остатков спор и пыльцы, сохранившихся в этих напластованиях. В процессе раскопок нами были взяты необходимые пробы, что и позволило провести соответствующие палинологические исследования.

Исчерпывающее палинологическое описание стратиграфических разрезов многослойных стоянок Ушки-I, Ушки-V уже дано в специальных

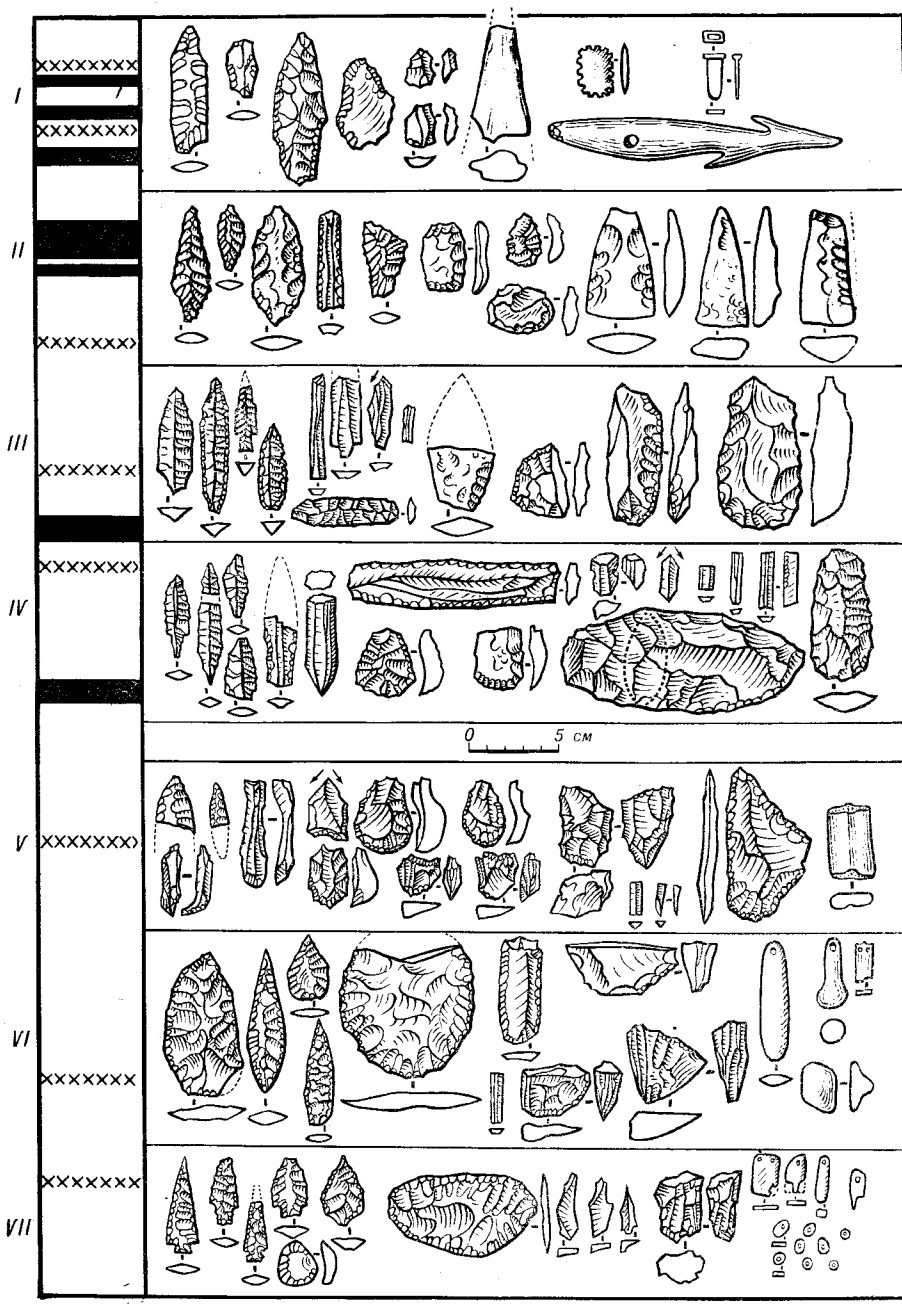

Рис. 179. Опорные стратифицированные комплексы несмешанных слоев ушковских стоянок

Таблица 2

Возраст по С — 14	Культурные слои на Ушковском разрезе	Палинологическая характеристика	Геохронология	
235 ± 145	I-a			
675 ± 80	I-b			
2440 ± 80	II	Березово-ольховниковые леса с участием хвойных	Верхний	Голоцен
	III			
4200 ± 100	IV		Средний	
8790 ± 150	V-a	Луга, кустарниковые березняки и ольховники	Нижний	
	V-b			
10360 ± 350	VI	Голые склоны, луга с редкими кустарниками кедрового стланика, ольховника и березы	Сартанское оледнение	Плейстоцен
10760 ± 110				
13600 ± 250	VII			
14300 ± 200				

Палинологическая характеристика дана по определениям А. В. Ложкина, Т. Д. Давидович и Г. Н. Лисицкой.

работах, написанных в соавторстве с геологами Н. А. Шилов, А. В. Ложкиным, Э. Э. Титовым и палинологом Т. Д. Давидович².

Приведенные в названных статьях палинологические данные Ушковского разреза демонстрируют довольно выразительную динамику развития растительности и климата: от относительно скудной флоры верхнего плейстоцена к кустарниково-луговой растительности нижнего голоцена, а затем к березово-ольховниковым лесам с участием хвойных в среднем и позднем голоцене (см. табл. 2).

Привязка к определенным палинологическим уровням Ушковского разреза может дать ориентировочный возраст его культурных слоев (разумеется, с широким допуском в пределах каждого климатического периода).

Так, явно пережиточнонеолитический по характеру находок слой I и слой II с треугольными в сечении острообушковыми теслами и асимметричными горбатыми ножами относятся к верхнеголоценовому периоду с почти современной растительностью. На верхнеголоценовом уровне находится и слой III с трехгранными наконечниками стрел. Слой IV, характеризуемый обилием ножевидных пластинок и наконечниками стрел ромбического сечения, судя по его промежуточному положению, вероятно, относится к среднему голоцену. Слой V соответствует более холод-

² Шилов Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (М.), 1967, вып. 17; Диков Н. Н., Титов Э. Д., Давидович Т. Д., Ложкин А. В. Комплексные исследования... Палинологические определения были выполнены также Г. Н. Лисицкой (см. Приложение VI).

ному периоду, который, судя по палинологической характеристике, является нижнеголоценовым.

Остальные культурные слои (VI и VII) лежат еще глубже и связаны с верхнеплейстоценовыми ледниковыми палеоклиматическими уровнями, которые, по данным различных палинологических определений, характеризуются наиболее скудной растительностью. Тем самым определяется безусловно палеолитический возраст этих слоев, содержащих клиновидные нуклеусы (в слое VI) и совсем иные, чем в вышележащих слоях, наконечники стрел.

Исследование вещественных остатков из всех этих голоценовых и плейстоценовых слоев в чисто археологическом аспекте подтверждает в общем, как мы подробнее увидим ниже, такую их геохронологическую датировку и дает возможность ее уточнить. Пока же нам существенно отметить, что она хорошо согласуется с радиоуглеродными определениями возраста углей из культурных слоев ушковских стоянок. Их датировка по $C-14$ не противоречит, в частности, верхнеплейстоценовому возрасту слоя VII (13600 ± 250 , 14300 ± 200) и слоя VI (10675 ± 360), нижнеголоценовому возрасту слоя V-а (8790 ± 150), среднеголоценовому возрасту слоя IV (4200 ± 100), верхнеголоценовому возрасту слоя II (2440 ± 80 , 2160 ± 290), (2070 ± 190) и слоя I (235 ± 145 , 675 ± 80) и соответствующим образом ориентирует во времени промежуточные культурные слои³.

Таким образом, пять многослойных ушковских стоянок (даже если учесть все сказанное выше об их смешанных слоях) дают последовательную, хорошо поставленную во времени серию несмешанных культурных комплексов, которые вполне можно использовать в качестве опорных для периодизации остальных памятников Камчатки (рис. 179). При этом, естественно, возникает проблема синхронизации Ушковских культурных слоев с культурными слоями других памятников.

Особое значение для подобной синхронизации археологических памятников долины р. Камчатка имеют отмеченные выше пепловые прослойки Ушковского разреза. Их исключительно важная роль объясняется тем, что они присущи не только данному разрезу, а имеют в бассейне р. Камчатка очень широкое распространение и в том или ином составе сопутствуют там всем остальным культурным отложениям.

Каждое извержение вулкана сопровождается обычно выпадением огромного количества вулканических пеплов на значительной территории вокруг вулкана. Пепловую тучу ветер может унести очень далеко и поэтому его силой и направлением в значительной мере определяются границы территории пеплопадов. Уже в 1961 г., раскапывая вблизи с. Шапино Никульское городище (16), нами были обнаружены прослойки пеплов далекого вулкана Шивелуча, самого восточного в долине. От него до Никульского городища не одна сотня километров.

³ Некоторые исследователи (Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975, с. 9) полагают, что в условиях вулканизма радиоуглеродная датировка нижних слоев ушковских стоянок получилась, возможно, завышенной. Однако они не учитывают, что эти слои лежат ниже уровня вулканической активности, отмеченной прослойками вулканического пепла.

Если пепел выпадает одновременно на столь большой площади и тем самым маркирует поверхность земли в момент пеплопада, то все культурные слои ниже этого пеплового горизонта будут более древними, все вышележащие — более поздними. Если же таких разновременных пепловых прослоек много, то с их помощью можно расчленить все древние культурные остатки на соответствующее количество хронологических ярусов вне зависимости от особенности древней культуры на месте того или иного археологического памятника. Археолог получает, таким образом, новый, совершенно объективный метод относительной, а затем и абсолютной, датировки своих находок.

Сравнивая пеплы какого-нибудь культурного слоя с пеплами эталонного Ушковского разреза, можно безошибочно определять их возраст (в случае их идентификации) в любой точке долины р. Камчатка, а следовательно, и возраст связанных с ними культурных остатков. Разумеется, при условии, что пеплы этого эталонного Ушковского разреза будут надлежащим образом датированы и что будут обеспечены достаточно объективные методы их идентификации с пеплами других разрезов.

Выполняя работу по определению, идентификации и датировке вулканических пеплов, маркирующих культурные отложения в долине р. Камчатка, мы использовали исследованные Л. В. Фирсовым данные их структурно-гранулярного минералогического и химического анализов⁴.

Были учтены и предшествующие нашим тефрохронологические наблюдения Б. И. Пийпа, впервые предпринявшего попытку датировки верхних горизонтов пеплов вулкана Шивелуч.

Б. И. Пийп выбрал, как известно, для датировки пеплов обнаженные рыхлых отложений с пеплами вулкана Шивелуч и древними культурными остатками на высоком острове в центре поселка Ключи (14). Опираясь на исторические свидетельства об извержениях вулкана Шивелуч, он датирует верхний слой пепла этого ключевского разреза 1854 г., второй — 1810, третий — 1780 г., четвертый (под культурным слоем, как он считает) — серединой XVI в. и пятый — началом XV в.⁵ При подобной датировке он руководствуется весьма ненадежным, ошибочным принципом определения времени по толщине вмещающих пеплы рыхлых отложений. Мало того, он неправильно при этом определяет положение явно перекопанного ямами культурного слоя. Культурный слой лежит здесь не под третьим слоем пепла, как считает Б. И. Пийп, а над первым. Подобное расположение остатков каменного века выше самого верхнего шивелуческого пепла нами, кстати говоря, было зафиксировано в долине р. Камчатка неоднократно: и на р. Никулка (16), и на Домаш-

⁴ Данные о гранулярном и минералогическом составе вулканических пеплов и его значениях для их идентификации в стратиграфических разрезах см. в подготовленной по нашим материалам рукописи: *Фирсов Л. В. Гранулярный состав вулканических пеплов бассейна р. Камчатки и возможность их идентификации.* — Архив СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР, № 302.

⁵ *Пийп Б. И. Новое эруптивное состояние вулкана Шивелуч с конца 1944 по май 1945 г. и некоторые замечания о геологической структуре этого вулкана и его прошлых извержениях.* — «Бюллетень вулканологической станции на Камчатке», (М.—Л.), 1948, № 14.

нем озере (7), и в Доярках (10). Поэтому совершенно очевидно, что Б. И. Пийп явно ошибся, датируя два верхних пепловых слоя 1854 и 1810 гг.; отмеченные этими двумя слоями извержения Шивелуча произошли, конечно, еще до поселения здесь русских. Значительно более древними следует считать и три нижних слоя пепла.

В дальнейшем мы все более убеждались в неправоте Б. И. Пийпа, относящего верхний горизонт пеплов Шивелуча к 1854 г., второй — к 1810 г., а третий — к 1780 г. С целью уточнения их хронологии нами было зачищено несколько обнажений в окрестностях поселка Ключи: в трех пунктах на левой 4-метровой террасе речки Ключи (11, 12) и так называемой Старой (Школьной) сопочке (15).

В пункте 1 на речке Ключи (12) угли и два каменных скребка были обнаружены под двумя слоями пеплов; в пункте 2 под теми же и притом тоже нетронутыми слоями пеплов оказался только уголь; в пункте 3 под этими потревоженными пепловыми слоями были найдены и угли, и каменный топор. А на Старой (Школьной) сопочке (15) мы раскопали целое жилище каменного века. Оно прорезывало самый верхний пепловый слой, но и в его инвентаре не было никаких признаков влияния русской культуры.

Таким образом, мы убедились в значительно более раннем, чем полагал Б. И. Пийп, возрасте верхних пепловых горизонтов на ряде стоянок в долине р. Камчатка и, опираясь на их минералогический и химический анализы, удостоверились в том, что в ушковских отложениях они принадлежат вулкану Шивелуч. Здесь, в Ушковском разрезе присутствовали все те же слои пепла этого вулкана, на которые впервые на Ключевском разрезе обратил внимание Б. И. Пийп, а также и более глубокие — всего восемь. Датировка маркируемых ими культурных слоев радиоуглеродным методом дала нам в результате надежную тефрохронологическую основу для периодизации древних культур в долине р. Камчатка. Ее можно выразить следующей таблицей (см. табл. 3) ⁶.

В результате химического исследования пепловых отложений в разрезах неолитических стоянок в Доярках (10) и в Ключах (13) выяснилось (как показал Л. В. Фирсов), что не все эти пепловые слои могут быть отождествлены с относительно более кислыми (т. е. с большим содержанием SiO_2) пеплами вулкана Шивелуч в Ушковских разрезах. Вулканические пеплы в нижних слоях в Доярках (10) оказались по своему химическому составу значительно более основными, чем шивелучские пеплы. Об этом ясно свидетельствует содержание в них SiO_2 (в слое А — 54,40%, в слое Б — 55,0, в слое В — 55,92%, между тем как в Ушковских разрезах содержание SiO_2 никогда не меньше 58,92%). Еще более основным является пепел из разреза Третьей стоянки в Ключах (13). Содержание SiO_2 составляет там только 32,92% (анализы выполнены в химической лаборатории Магаданского научно-исследовательского института золота и редких металлов аналитиками Е. М. Осадченко

⁶ Диков Н. Н. Археология Камчатки и датировка пеплов вулкана Шивелуч. — В кн.: Вопросы стратиграфии плейстоцена Камчатки. — «Тр. СВ КНИИ СО АН СССР», (Магадан), 1974, вып. 59.

Таблица 3

Датировка пепловых слоев по Б. И. Пив- пу (ч. 2.)	Слой пепла в Ушко-ском разрезе	Возраст углей из культурных слоев по С — 14	Культур- ный слой	Стоянка
		235 ± 145 (Мо)		
		675 ± 80 (Je — 70)	I-a	Ушки-I
1854	I			
1810	II			
1780	III			
Середина XVI в.	IV	1052 ± 25 (МАГ — 32)		Ушки-II
Начало XV в.	IV-a	2440 ± 80 (РУЛ — 607)	II	Ушки-III (Култук)
	V	4200 ± 100 (МАГ — 132)	IV	Ушки-V
	VI	8790 ± 150 (МАГ — 215)	V-a	Ушки-V
		10360 ± 350 (Мо — 345)	VI	Ушки-I
		10760 ± 110 (МАГ — 219)		
		13600 ± 250 (ГИН)	VII	Ушки-I
		14300 ± 200 (ГИН — 167)		

и А. А. Александровой — см. Приложение III). Судя по химическому составу названных пепловых слоев в Доярках и Ключах, происхождение в них пепла связано с деятельностью не вулкана Шивелуч, а вулканов Ключевской группы, извергающих относительно более основные, чем у вулкана Шивелуч, пеплы⁷.

Указанное обстоятельство несколько ограничивает возможность тефрохронологического метода в бассейне р. Камчатка, точнее сказать, несколько его усложняет и, во всяком случае, требует дальнейших определений и анализов всех пепловых отложений в рассматриваемом районе, а не только пеплов, связанных с деятельностью Шивелуча.

Однако и той тефрохронологической основы, которая выражена этой таблицей, достаточно, чтобы успешно определить хотя бы относительное хронологическое место некоторых памятников в долине р. Камчатка.

Наиболее древними из них является уже отмеченная в таблице 2 Култукская неолитическая стоянка (5), а также неолитические стоянки в Застойчике (6), на Домашнем озере (7) и в Козыревском совхозе (9), культурные остатки которых зафиксированы под слоем пепла IV-a, что соответствует положению второго культурного слоя на стоянках Ушки-I, Ушки-II, Ушки-IV.

Самыми поздними зафиксированными над слоем пепла 1 памятниками

⁷ Фирсов Л. В. Гранулярный состав..., с. 26.

в долине р. Камчатка оказываются, как и следовало ожидать, многочисленные городища-острожки и просто «юртовища»: Никульское (16), на Старой сопочке в Клочах (15), в Камаках (17, 18) и другие (20—37), а также древние погребения вблизи Камаков (19).

Опираясь на серию стратифицированных комплексов долины р. Камчатка, можно в какой-то мере определить хронологическое место и южнокамчатских памятников.

Совершенно очевидно типологическое сходство тарьинских находок Гурьева и Шнелля, а также культурных комплексов Елизово 1 (42), Кирпичной (44) и нижнего слоя Мишенной сопки (43) с объединенным комплексом вещественных находок из-под пеплового слоя IV-а в долине р. Камчатка. И там и тут встречены совершенно одинаковые каменные кривые (горбатые) ножи, черешковые и листовидные наконечники стрел, скребки, выпуклые треугольного поперечного сечения тесла и специфические проколки. Отсутствие керамики (очевидно, тоже не случайное) объединяет эти южнокамчатские памятники с неолитическими слоями в долине р. Камчатка, перекрытыми горизонтом IV-а пеплов Шивелуча.

По первым находкам в Тарье, памятники этого типа называются по установившейся традиции тарьинскими, т. е. принадлежащими к тарьинской культуре. Однако наиболее четкое стратиграфическое положение в пределах Южной Камчатки остатки этой культуры имеют не в Тарье, а на юго-западном склоне Мишенной сопки (43), где они связаны с нижним культурным слоем, над которым отделенный пепловой прослойкой залегает верхний, более поздний культурный слой.

В этом верхнем культурном слое представлены наряду со старыми тарьинскими преимущественно совсем иные, более грубой выделки, каменные изделия и, что самое знаменательное, обломок глиняной посуды с внутренним ушком. Посуда этого так называемого налычевского (по В. И. Иохельсону) типа, по современной археологической терминологии типа «нейдзи», знаменует собой в истории южной Камчатки наступление нового периода, связанного там с ее распространением. Памятники с этой керамикой известны в виде так называемых городищ-юртовищ в Налычево, на р. Озерная, на Сивуйском мысе Курильского озера и отнесены нами к так называемой налычевской или южнокамчатской культуре.

До последнего времени эти городища, на основании находок В. И. Иохельсона в одном из них (на Сивуйском мысе) трех медных японских монет, относились к XI в. н. э. Последние, однако, оказались значительно более поздними, чем полагал В. И. Иохельсон, относящимися к XVII в.⁸ Такая новая датировка южнокамчатского культурного комплекса с керамикой с внутренними ушками хорошо согласуется с тем фактом, что в этом комплексе, как давно уже отмечалось археологами, довольно много (по тем временам) железных изделий. Десять из них было обнаружено только на Сивуйском поселении.

⁸ Диков Н. П. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 230, рис. 129.

Опорная стратиграфия на Колыме

Среди известных ныне археологических памятников Колымы наиболее четкой стратиграфией отличаются многослойные стоянки Сибердик (168) и Конго (169).

Нижний бескерамический (III) слой стоянки Сибердик хорошо коррелируется с верхним (I) слоем стоянки Конго. Они содержат сходные комплексы каменных орудий (чоперы в сочетании с мелкими изделиями пластинчатой техники) и характеризуются сходной литологией. Их радиоуглеродная датировка тоже дает близкие результаты: для слоя III Сибердиковской стоянки — 7865 ± 310 (МАГ—184), 8020 ± 80 (Крил—250), 8480 ± 200 (Крил—249), а для слоя I стоянки Конго — 8655 ± 220 (МАГ—196). Судя по этим данным, можно при этом допустить, что слой I стоянки Конго является несколько более древним, чем слой III стоянки Сибердик.

Еще более древним является слой II стоянки Конго (9470 ± 530 , Крил—314).

К сказанному надо добавить, что каждая из названных колымских многослойных стоянок обладает достаточно выраженной последовательностью совершенно изолированных, несмешанных культурных слоев с характерными культурными комплексами, и уже поэтому каждая из них может служить надежной опорой для хронологической привязки к ним других культурных остатков.

Иначе обстоит дело со стоянкой Малтан (170), верхний (неолитический) слой которой местами недостаточно четко отделяется от нижнего, значительно более древнего, возраст которого определяется в 7490 ± 70 (МАГ—183).

Опорные культурные комплексы Чукотки

Если для синхронизации культурных, большей частью бескерамических комплексов Верхней Колымы решающую роль играет стратиграфия, а на Камчатке, в частности и прежде всего, — вулканические пеплы, то на Чукотке мы должны использовать в качестве маркирующего материала главным образом керамику. Однако значительная часть стоянок и могильников, дающих нам для классификации этот традиционный и надежный материал, к сожалению, относится к категории смешанных памятников, и поэтому следует выделить из памятников Чукотки прежде всего несмешанные культурные комплексы.

Многослойных, хорошо стратифицированных стоянок на Чукотке пока не обнаружено. Поэтому опорными памятниками для периодизации там могут служить только однослойные несмешанные стоянки, находки в заполнении жилищ, отдельные погребения и тайник на оз. Эльгыгытгын (188).

Последний состоит, как известно, только из каменных изделий — главным образом двусторонне обработанных каменных ножей, и на стоянке

(118), обнаруженной рядом с ним И. А. Некрасовым и А. К. Саяпиным, тоже не было никаких признаков керамики. Быть может, это обстоятельство, т. е. отсутствие керамики, позволяет полагать Эльгыгытгынский тайник, так же как и бескерамическую с архаического вида ромбическими в поперечном сечении наконечниками стрел Третью стоянку против 102 км (80) — древнейшими из известных сейчас на Чукотке. Точно документированное отсутствие керамики среди таких архаичных вещественных комплексов на территории, в древних неолитических культурах которой, в отличие от долины р. Камчатка, было хорошо развито керамическое производство, вполне можно расценивать как признак докерамического периода. Докерамического в смысле донеолитического (мезолитического) или раннеолитического.

Усть-Бельский могильник (72), к сожалению, в значительной своей части смешанный памятник. Однако на этом древнем кладбище обнаружено 23 более или менее сохранившихся погребения. Погребальный инвентарь многих из них можно рассматривать как единовременные комплексы, которые вполне допустимо использовать в качестве опорных для нашей классификации.

Эти погребальные комплексы составляют две близкие в типологическом, а следовательно, и в хронологическом отношении группы.

В первую из них, наиболее определенно выделяемую, входят четыре погребения в кургане 8 и погребение 1 в кургане 9. Они содержат не только погребения позднего неолита — плоские, прямоугольные, иногда уступчатые тесла, двусторонне ретушированные, пластинчатые вкладыши-лезвия, ножи, скребки, многофасеточные, нуклеидные и с ретушированными рукоятями резцы, прекрасной топкой выделки, преимущественно треугольные, двусторонне ретушированные наконечники стрел, — но и бронзовые инструменты: резцы и четырехгранное шило (табл. 95). Для этого комплекса характерна круглодонная глиняная посуда с оттисками рубчатой лопатки на внешней поверхности или гладкостенная (табл. 100).

Твердо установлено, что все пять человеческих захоронений в кургане 8 и 9 относятся к сравнительно узкому промежутку времени, когда в употреблении уже была бронза. Об этом убедительно свидетельствует не только их совершенно одинаковый погребальный инвентарь, но и стратиграфическое положение скелетов в кургане 8. Самыми нижними в нем являются скелеты 1 и 2 с бронзовыми резцом и шилом. Перекрывающие их захоронения 3 и 4 сопровождаются набором совершенно идентичных каменных изделий и, хотя среди них не оказалось вещей из бронзы, своей ориентировкой и типами каменных наконечников, скребков и прочих изделий одно из них, самое верхнее (3), аналогично погребению с бронзовым резцом в кургане 9.

В эту группу входят, очевидно, и погребения 1 и 2 в кургане 15, а также могила 16 — тоже с плоскими прямоугольными теслами и аналогичной керамикой. В целом всю эту первую группу погребальных комплексов следует относить к неразвитому бронзовому веку, что хорошо согласуется с радиоуглеродными датами угля из Усть-Бельского кургана 15 — 2860 ± 95 (РУЛ) и 2900 ± 95 (Крил — 244).

Ко второй (более ранней) группе, тесно связанной с первой, относятся погребения в курганах 11 и 18 с удлинённо-треугольными, двусторонне ретушированными наконечниками стрел, наконечниками стрел из частично ретушированных пластинок, с плоскими прямоугольными и массивными уступчатыми теслами и с такой же, как и в первой группе, гладкостенной и с отпечатками рубчатой лопатки тонкостенной керамикой. К этой группе примыкает и погребение в кургане 4 с плоскими, двусторонне ретушированными тонкой ретушью наконечниками стрел узкой удлинённой формы, с выемкой у основания и с заостренным с двух концов, тонко ретушированным с обеих сторон, длинным, вкладышевым лезвием. Сюда же, вероятно, относится и курган 14.

В Усть-Бельском могильнике обнаружено мало, хотя и довольно разнообразной, керамики. Значительно больше ее найдено на некоторых древних стоянках в бассейне рек Анадырь и Амгуэма. Поэтому в тех случаях, когда они являются несмешанными, они могут служить опорными для нашей классификации на Чукотке.

Культурные слои трех опорных стоянок: на берегу Чирового озера (51) и против 102 км — вторая (79), четвертая (81), — содержат только ложнотекстильную («вафельную») и гладкостенную керамику, судя по характеру обнаруженных в них каменных изделий, хронологически очень близки погребальным комплексам Усть-Бельского могильника (72) и, возможно, занимают между ними промежуточное положение (древнее погребение с бронзой и позднее захоронение со ступенчатыми теслами). Не исключено, что какое-то время культурный комплекс этих стоянок (51, 79, 81) сосуществует с двумя названными хронологическими группами погребений Усть-Бельского могильника. Судя по окружающим аналогиям, это поздненеолитический культурный комплекс, соответствующий по времени ымыяхтахской культуре в Якутии. Ему свойственна в общем такая же техника обработки камня и, что, конечно, существеннее для датировки, некоторые сходные специфические формы орудий вроде треугольных ножей-скребков и близкая по технике изготовления керамика (с ложнотекстильными оттисками). Имеющиеся радиоуглеродные определения возраста Чировой стоянки (2800 ± 100 , ГИН) и Четвертой стоянки у 102 км (6665 ± 140 , ГИН), несмотря на их кажущуюся противоречивость, не противоречат такому пониманию хронологического места этого поздненеолитического комплекса. Учитывая завышенную оценку возраста В. В. Чердынцевым углей из позднего (судя по комплексу вещей) Усть-Бельского кургана 15 (6900 ± 500 , ГИН), датированного в радиоуглеродной лаборатории Института археологии почти вдвое более поздним возрастом (2860 ± 95 , РУЛ), мы сможем решить простое уравнение с одним неизвестным и тогда получим пропорционально уточненную, более древнюю дату для стоянки у 102 км, очевидно, близкую к 3000 лет от настоящего времени. При этом мы исходим из убедительной предпосылки, что дата (2860 ± 95 , РУЛ) более подходит для позднего усть-бельского комплекса с бронзовыми вещами, чем 6900 ± 500 (ГИН).

Опорными памятниками пережиточного неолита внутриконтинентальной Чукотки являются несмешанные стоянки Вакерная (53) и нижняя Усть-Бельская (56). Для них характерны круглодонные глиняные сосуды,

поверхность которых гладкая или покрыта с технологической целью сплошными шнуровыми оттисками и украшена орнаментацией из отпечатков прямоугольного гребенчатого штампа. К числу же наиболее характерных орудий труда на этих стоянках относятся каменные так называемые расщепляющие тесла, костяные мотыжки и ножи с отверстиями на рукояти. Кроме того, в этот комплекс входят двусторонне обработанные каменные наконечники и ножи, скребки и скребла, шлифованные каменные ножи и различные костяные наконечники от метательного оружия. Первое научное описание одного из названных памятников, а именно Вакаревской стоянки (53), было дано А. П. Окладниковым, признавшим его принципиальное значение как источника для освещения совершенно новой и весьма древней культуры и впервые поставившим вопрос о его датировке⁹. В настоящее время, после исследования другого несмешанного культурного слоя на нижней террасе в с. Усть-Белая (56) и после радиоуглеродного определения возраста углей из Вакарной (500 ± 50 , Ле—674), возможности данного культурного комплекса в качестве опорного значительно увеличились.

На морском побережье и островах Чукотки теперь известно довольно много опорных культурных комплексов, относительный возраст которых определен по поворотным наконечникам от гарпунов и стилю орнаментации на костяных изделиях.

Это прежде всего обнаруженная нами в 1975 г. палеоэскимосская стоянка у Чертова оврага (167) на о. Врангеля. Судя по конструкции наконечника поворотного гарпуна (рис. 188), почти такой же, как у гарпунов северогренландской культуры Индепенденс, в сочетании с каменными оббитыми изделиями, тоже близкими к культуре Индепенденс¹⁰, эта стоянка является древнейшей эскимосской в Северо-Восточной Азии, что и подтверждается радиоуглеродной датировкой этой стоянки — 3360 ± 155 (МАГ—198).

Затем это Уэленский (119), Эквенский, Чинийский (110) и Энмынытнинские (115, 116) могильники, относящиеся, кроме многослойного Уэленского (119), исключительно к древнеберингоморской культуре. К ней же относятся культурные слои и развалины землянок, исследованных С. И. Руденко в Энмылене (183), Нунлигране (182), Сирениках (106), на м. Чукотском (179), в Киваке (178), Яндогае (107) и на м. Дежнева (173), а также обнаруженные и частично раскопанные нами в Инчоуне (120), Сешане (131), на Второй речке вблизи Чегитуна (130), Дженретлене (143), Ванкареме (152), на о. Колючин (146) и на м. Шмидта возле утеса Кожевникова (159).

К более поздней туле-пунукской фазе древнеэскимосской культуры можно отнести еще большее количество приморских поселков: 1) обнаруженных С. И. Руденко в Наукане (172), на м. Чаплина (177), в Аванни (180) и в бухте Пlover (181); 2) исследованных нами в Чегитуне (126), Ванкареме (152), на м. Шмидта (158) и в нижеследующих пунктах, где они отмечены влиянием хорошо датированной североаляскин-

⁹ Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине р. Майна (по работам 1957 года). — МИА, 1960, № 86.

¹⁰ Bandi H.-G. Eskimo prehistory. Seattle, 1972, p. 161, fig. 64.

Таблица 4
Хронологическая последовательность археологических памятников
и культур

	Время	Культуры долины р. Камчатка	Культуры Южной Камчатки	Культуры Северного побережья Охотского моря
Голоцен	1700	<p><i>Среднекамчатская</i></p> <p>Ушки-II, сл. I (2): 235±145 (Мо-353) 675±80 (Ле-70)</p> <p>Ключи 2 (10): 490±90 (РУЛ-367)</p> <p>Камаки (19), № 3: 475±50 (МАГ-232) 680±50 (МАГ-231) 770±30 (МАГ-224)</p> <p>Никулка (16): 730±110 (РУЛ-473)</p> <p>Доярки (11): 1052±70 (МАГ-36)</p> <p>Доярки (10): 1145±80 (Ле-71) 1340±50 (МАГ-229)</p>	<p><i>Южнокамчатская</i></p> <p>Мишенная (43), верхн. сл.</p> <p>Налычево (253-255)</p> <p>Мыс Сивуйский (303)</p> <p>Озерная (302) и др.</p>	<p><i>Древнекорякская</i></p> <p>Травяной (359)</p> <p>Кип-Кич (364), 366, 363, 361, 370, 371, 356, 351, 357, 323, 328</p> <p>Атарган (380), 382, 369, 367, 368, 377, 376, 372, 355</p> <p>Богурчан (378), 375, 379</p> <p>Орочан (374), 383</p>
	0	<p><i>Тарьинская</i></p> <p>Ушки-III, Култук (5): 2070±190 (Мо) 2160±290 (МАГ-5) 2440±80 (РУЛ-607)</p> <p>Прочие (5, 6, 8)</p>	<p>Мишенная (43), нижн. сл.: 2160±92 (МАГ-34)</p> <p>Кирпичная-III (44): 2390±70 (МАГ-103)</p> <p>Авача (46): 2990±100 (Крил-252)</p> <p>Прочие 284, 285, 42</p>	<p>Верхняя стоянка о. Завьялова (381)</p>
	1000	<p><i>Поздняя ушков- ская неолитиче- ская</i></p> <p>Ушки-I, II, сл. III: (1, 2)</p> <p>Ключи 3 (13): 3875±350 (МАГ-4)</p>	—	<p>Стоянка на о. Не- доразумения (387)</p> <p>Ойра (388)</p>
	2000	<p><i>Ранняя ушковская неолитическая</i></p> <p>Ушки-I, II, V (1, 2, 4), сл. IV</p> <p>Ушки-V (4): 4200±100 (МАГ-132)</p>	—	—
	3000	—	—	—

Культуры бассейна р. Колыма	Культуры бассейна р. Анадырь	Культуры Север- ной Чукотки	Культуры мор- ского побережья Чукотки
—	<p><i>Вакаревская</i> Вакарево (53): 500±50 (Ле—674) Чикаево (74) Н. Усть-Белая (56) Прочие (54,71)</p>	<p>Экиатап (94): 710±40 (МАГ— 230) Пегтымельская пещера (98): 1397±80(МАГ—18) 1460±70(МАГ—18) о. Айон (160—164) Петроглифы (102, 103), каноны 2—5</p>	<p><i>Тул-Пунук</i> Ванкарем IV (151): 220±50(МАГ—202) Ванкарем III (150): 870±50(МАГ—201) <i>Дреенеберинго- морская</i> Колючин (146): 1215±30 (МАГ— 221) 1220±25 (МАГ— 223) Чиви, жилище (111): 1330±26 (МАГ—33) Чиви, мог. 5 (110): 1605±40 (МАГ— 228) Утен (123): 1750± ±100(МАГ—354) Джевретлеп (143) 1990±190 (МАГ—233) Сешан (131): 2022±100 (МАГ— 104)</p>
<p>Малтан(170), сл. I: 3690±50 (Крил—246)</p> <p>Малтан (170) 4450±50 (Крил—247)</p> <p>Малтан(170), сл. II; 7490±70 (МАГ—183)</p>	<p><i>Усть-Бельская</i> Усть-Белая (72) к. 15: 2860±95 (РУЛ) 2920±95 (Крил—244) Прочие к. 8, 9 (73, 59, 57, 60) Усть-Белая (72), к. 4, 11, 18 Прочие (55, 58, 63, 64)</p>	<p>Петроглифы (102), канон I</p> <p><i>Северочукотская</i> Чировая (51): 2800±100 (ГИН)</p> <p>102 км, 4-я стоян- ка (81) Прочие (79)</p> <p>Амгуэма, 102 км, стоянка 3 (80)</p>	<p><i>Беринговская</i> Лахтина (104): 2330±225 (МАГ—: 197)</p> <p><i>Врангельская</i> Чертов овраг (167): 3360±155 МАГ— 198)</p>
—	—	—	—

Таблица 4 (окончание)

	Время	Культуры долины р. Камчатка	Культуры Южной Камчатки	Культуры Северного побережья Охотского моря
Плейстоцен	6000	Финальная ушковская верхнепалеолитическая Ушки-I, II, V, сл. V, V-a, V-b (1, 2, 4) Ушки-V, сл. V-a (4): 8790 ± 150 (МАГ-231)	—	—
	8000	Поздняя ушковская верхнепалеолитическая Ушки-I, II, IV, V сл. VI (1, 2, 3, 4) Ушки-I: $10,360 \pm 350$ (Мо-345) $10,760 \pm 110$ (МАГ-219)	—	—
	11000	Ранняя ушковская верхнепалеолитическая Ушки-I, V — сл. VII (1, 4)	—	—
	13000	Ушки-I: 13600 ± 250 (ГИН) 14300 ± 200 (ГИН-167)	—	—

ской бирнирской культуры, а именно Иколиврунвееме (125), на о. Илитлен (139), в старом Энурмино (137), в Нешкане. Это бирнирское влияние обнаруживается также в Чегитунских тулепунукских могильниках (128, 129) и в раскопанной А. П. Окладниковым древнеэскимосской землянке на Барановом мысе¹¹. В чистом виде бирнирский комплекс представлен во вскрытых нами погребениях 11 и 28 Уэленского могильника (119).

Классификация и датировка Пегтымельских петроглифов

Особое значение среди памятников Чукотки имеют Пегтымельские петроглифы. Их исследованию мы посвятили специальную книгу¹². Сошлемся здесь на помещенную в ней итоговую таблицу, показывающую корреляционную зависимость между выявленными нами изобразительными канонами (вертикальный ряд) и стилем изображений (верхний го-

¹¹ Береговая Н. А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса.— МИА, 1953, № 39.

¹² Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.

Культуры бассейна р. Колыма		Культуры бассейна р. Анадырь	Культуры Северной Чукотки	Культуры морского побережья Чукотки
—	Сибердик (168), сл. III: 8020±280 (Крил—250) 8480±200 (Крил—249) Конго (169), сл. I: 8655±220 (МАГ—196) сл. II: 9470±530 (Крил—314)	—	—	—
—		—	—	—
		—	—	—

ризонтальный ряд)¹³. Определенная нами последовательность изобразительных канонов соответствует нескольким периодам развития петроглифического искусства в долине р. Пегтымель от конца II тысячелетия до н. э. до I тысячелетия н. э. Эта последовательность может служить хорошей опорой для периодизации известных ныне петроглифов Северо-Восточной Азии.

Синтез

После того, как мы обосновали опорную стратиграфию и выделили основные опорные комплексы среди различных археологических памятников, включая петроглифы, возникла возможность для дальнейшей классификации, датировки и периодизации памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы и, в конечном счете, для выделения археологических культур и их этапов на рассматриваемой территории.

¹³ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля, М. 1971, рис. 27.

Принципы, которых мы при этом придерживались и будем придерживаться в дальнейшем, следующие.

Прежде всего, в основе определения последовательности культурных комплексов — стратиграфический метод. С помощью тефрохронологических и палинологических данных мы идентифицируем культурные слои основных хорошо стратифицированных стоянок с синхронными слоями других памятников.

Затем, с помощью сравнительного метода и опираясь на выявленные сходные формы древних вещей мы привязываем к культурным комплексам опорных стратифицированных памятников другие однотипные комплексы.

Последующий синтез полученных результатов позволяет нам решить задачу определения культурно-исторических этапов на основе качественных и количественных (статистических) характеристик. При этом мы исходим из того, что каждый этап должен характеризоваться преобладанием существенно нового над старым, традиционным в развитии материальной культуры.

Для датировки культурных комплексов мы используем во многих случаях не только стратиграфические и типологические данные, но и результаты радиоуглеродного определения возраста относящихся к этим культурам органических остатков.

Надо заметить при этом, что не все имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты в равной мере могут считаться достоверными. Учитывая, что сами даты по С-14 нуждаются в проверке и оценке, мы не берем слепо на веру все радиоуглеродные определения возраста углей из раскопок на Камчатке, Чукотке и Колыме. Оказалось, что примерно 15% из них явно завышены. Особенно относится это к датам ГИН-а. 50% из них являются более чем вдвое завышенными (5 дат из 10). Причем, не исключено, что в двух из этих сомнительных определений (Ушки-1, $21\ 100 \pm 900$, ГИН-186; Камаки, 9800 ± 340 , РУЛ — 605), повинна не радиоуглеродная лаборатория, а наблюдаемое здесь в виде исключения залегание образца угля в непосредственном контакте с вулканическим пеплом.

Тем не менее, использованные критически в сочетании с другими методами, даты по С-14 оказались весьма полезными и значительно помогли составить схему хронологической последовательности культурных комплексов и культур в разных областях Камчатки и Чукотки (см. табл. 4 на с. 242—245).

Детальное рассмотрение вопросов датировки каждой из культур этой схемы и их характеристику в развитии читатель найдет во второй книге данной монографии.

Резюме

Данная первая часть монографии о древних памятниках и культурах Северо-Восточной Азии («Азия на стыке с Америкой в древности») посвящена топографии, стратиграфии, характеристике, классификации и датировке археологических памятников широкого хронологического диапазона (от палеолита до неразвитого железного века), обнаруженных и исследованных автором в 1956—1975 гг. и публикуемых впервые.

В книге даны обобщающие сведения об опорной стратиграфии Ушковских многослойных палеолитических и неолитических стоянок на Камчатке, характеризуются их культурные комплексы. Приводятся подробные данные о недавно открытых и исследованных автором колымских стоянках реликтового палеолита (Конго и Сибердик), рассматриваются опорные культурные комплексы внутриконтинентальной Чукотки, вводятся в научный оборот новые памятники приморской зверобойной культуры на Чукотке, и в частности на о. Врангеля, где на стоянке у Чертова оврага оказались следы древнейшей в Азии палеоэскимосской культуры.

По многим памятникам впервые публикуются их радиоуглеродные датировки. Они даны в сводной классификационной таблице, в которой читатель найдет синтез всех данных по стратиграфии и классификации археологических памятников Северо-Восточной Сибири.

В вступительном разделе рассматриваются основные этапы и проблемы археологического изучения Северо-Восточной Азии, а в приложениях помещены подробные указатели к картам археологических памятников, обнаруженных и исследованных на Северо-Востоке как автором, так и другими лицами.

В целом работа является источниковедческой основой для второй собственно интерпретационной части исследования, в которой будут охарактеризованы древние культуры Северо-Востока Азии в их развитии.

Summary

This **first part** of the monograph on ancient monuments and cultures of the **North-Eastern Asia** ('Asia Joining America in Ancient Times') is **dedicated** to topography, stratigraphy, characteristic, classification and **dating** of archeologic monuments in a wide chronologic range (from Paleolithic through underdeveloped Iron Age) which were found by the author in 1956—1975 and which are now published for the first time.

The book summarizes basic stratigraphy of the Ushki multilayered Paleolithic and Neolithic sites on Kamchatka Peninsula and characterizes their cultural complexes. The work presents a detailed account of newly opened and investigated by the author the Kolyma sites belonging to remnant Paleolithic (Congo and Siberdik). Discussed are basic cultural complexes of the interior Chukotka; introduced here are new monuments of maritime culture of seamammals hunters at Chukotka, particularly, those ones at Wrangel Island where the traces of the most ancient Asiatic Paleo-Eskimo culture were found at the Chyortov ravine site.

Radiocarbon datings for many a monument are published for the first time here. These are presented in a summary classification table of the last chapter where the reader can find a synthesis of all the stratigraphical and classificational data on archeological monuments from North-Eastern Siberia.

The introduction deals with main stages and problems inherent to archeologic investigation of North-Eastern Asia, while the supplement contains thorough explanations for the maps of archeologic monuments found and studied in the North-East both by the author and other individuals.

On the whole, this work is a study of scientific sources and as such it serves as a basement for the second part of investigation, properly historical one, that will delve into every ancient culture of North-Eastern Asia in its development.

Приложения

Приложение I

Археологические памятники,
исследованные автором на Камчатке и Чукотке
(см. рис. 3)

Памятники в долине р. Камчатка (1—37)

Многослойные стоянки (палеолит-неолит. 1—4).

1. Первая Ушковская стоянка (Ушки-I).
Первый (верхний) культурный слой (пережиточный неолит).
Второй поздненеолитический культурный слой.
Третий средненеолитический культурный слой.
Четвертый ранненеолитический культурный слой.
Пятый верхнепалеолитический слой.
Шестой верхнепалеолитический слой.
Седьмой верхнепалеолитический слой.
2. Вторая Ушковская стоянка (Ушки-II).
Первый культурный слой (пережиточный неолит).
Второй поздненеолитический культурный слой.
Третий средненеолитический культурный слой.
Четвертый ранненеолитический культурный слой.
Пятый верхнепалеолитический культурный слой.
3. Четвертая Ушковская стоянка (Ушки-IV).
Восточный участок. Верхнепалеолитический слой V.
Западный участок. Двуслойное верхнепалеолитическое жилище (слой V).
4. Пятая Ушковская стоянка (Ушки-V).

Несмешанные (неолитические) стоянки (5—14).

5. Однослойная стоянка в Култуке (Ушки-III).
6. Однослойная неолитическая стоянка в Застойчике.

7. Однослойная неолитическая стоянка на Домашнем озере.
8. Однослойная стоянка в Козыревске
9. Однослойная неолитическая стоянка в Козыревском совхозе.
10. Двуслойная поздненеолитическая стоянка в Доярках.
11. Однослойная неолитическая стоянка в Доярках.
12. Две однослойные неолитические стоянки в Ключах.
13. Двуслойная неолитическая стоянка в Ключах (пункт 3).
14. Культурный слой на островке в центре поселка Ключи.

Городища (юрговища) и погребения пережиточного неолита (15—37).

15. Городище на Старой (Школьной) сопочке возле Ключей.
16. Никульское городище.
- 17, 18. Остатки двух городищ в Камаках.
19. Древние погребения вблизи Камаков (пережиточный неолит).
- 20—37. Другие городища и поздние неукрепленные селения.

Памятники

*на Командорских островах (38—41),
в районе Авачинской губы (42—45)
и в долине р. Пенжина (47—50)*

- 38—41. Стоянки морских охотников на о. Беринга.
42. Елизовская двуслойная стоянка.
43. Двуслойная неолитическая стоянка на южном склоне Мишенной сопки.
44. Неолитическая однослойная стоянка в Петроавловске-Камчатском на Кирпичной улице.
45. Стоянка на берегу Раковой бухты.
46. Авачинская стоянка.
- 47—50. Древние стоянки на Зеленом и Большом мысах, в Манилах и возле с. Каменское в низовьях р. Пенжина.

*Памятники в бассейне р. Анадырь
(51—74)*

Несмешанные однослойные стоянки и могильники (51—71).

51. Неолитическая стоянка на Чировом озере.
52. Мужоморненская неолитическая стоянка.
53. Вакаревская стоянка на р. Майна (перехиточный неолит).
54. Усть-Майнская неолитическая стоянка.
55. Неолитическая стоянка в Снежном.
56. Усть-Бельская пижия стоянка.
57. Неолитическая стоянка на сопке Увеснования.
58. Неолитическая стоянка в Камешках.
- 59, 60. Неолитическая стоянка Вилка-I и Вилка-II.
61. Неолитическая стоянка Утесики.
62. Неолитическая стоянка Анокатгары.
- 63, 64. Неолитическая стоянка на Осиновой косе.
65. Неолитическая стоянка на косе возле рыббазы.
66. Неолитическая стоянка (мастерская) на Осиновой сопке.
67. Неолитическая стоянка (мастерская) на косе Красное.
- 68—70. Три неолитические стоянки на косах озера Красное.
71. Могильник на Юкагирской сопке (перехиточный неолит).

Смешанные стоянки и могильники (72—74).

72. Усть-Бельские неолитические стоянки и могильник.
73. Омрынская неолитическая стоянка и могильник.
74. Чикаевская неолитическая стоянка.

*Древние памятники
в долине р. Амгуэма (75—96)*

75. Стоянка 57 км.
76. Стоянка 61 км.
77. Стоянка 93 км.

*Четыре неолитических стоянки 102 км
(78—81).*

78. Первая неолитическая стоянка 102 км.
79. Вторая неолитическая стоянка 102 км.
80. Третья неолитическая стоянка 102 км.

81. Четвертая неолитическая стоянка 102 км (на правом берегу Амгуэмы).
82. Стоянка 115 км.
83. Стоянка 120 км.
84. Неолитическая стоянка 123 км.
85. Неолитическая стоянка 129 км.
86. Стоянка 134 км.
87. Стоянка 141 км.
88. Неолитическая стоянка 145 км.
89. Неолитическая стоянка 145 км.
90. Стоянка 148 км.
91. Стоянка 153 км.
92. Остатки стоябища 160 км.
93. Неолитическая стоянка в устье р. Якитика.
94. Могила в устье р. Экиатап.
95. Экиатапский неолитический могильник.
96. Стоянка на м. Эрпак (на правом берегу р. Амгуэма).

*Памятники в долинах рек
Ванкарем (97) и Пегтымель
(98—103)*

97. Неолитическая стоянка в местности Таньгино.
98. Пегтымельская пещера.
99. Первая Пегтымельская неолитическая стоянка.
100. Вторая Пегтымельская неолитическая стоянка.
101. Третья Пегтымельская неолитическая стоянка.
102. Пегтымельские наскальные изображения.
103. Второе местонахождение петроглифов.

*Памятники
на морском побережье Чукотки
(104—159)*

104. Стоянка Берингово (Ляг. Лахтина).
105. Остатки древнего городища с захоронениями человеческих черепов у Седьмого причала на берегу Анадырского лимана.
106. Древние землянки в Сирениках.
107. Двуслойное поселение в Яндогае.
108. Яндогайский древний могильник.
109. Культурные слои в Нунымо.
110. Чинийский древнеберингоморский могильник.
111. Древняя землянка на м. Чини.
112. Древнеберингоморское селение на м. Чини.
113. Древнеэскимосский поселок вблизи г. Энмыныттын.

114. Одиночная могила вблизи г. Энмынытны.
115. Первый Энмынытнынский могильник.
116. Второй Энмынытнынский могильник.
117. Третий Энмынытнынский могильник.
118. Укрепленный поселок на скале Сенлун.
119. Уэленский могильник.
120. Инчоунское древнеберингоморское селение.
121. Инчоунский могильник.
122. Утенский древнеэскимосский поселок.
123. Утенский древнеэскимосский могильник.
124. Древние землянки в Четтуне.
125. Экичувреемский культурный слой.
126. Чегитунская древнеэскимосская стоянка.
127. Первый Чегитунский древнеэскимосский могильник.
128. Второй Чегитунский древнеэскимосский могильник.
129. Третий Чегитунский древнеэскимосский могильник.
130. Древнеэскимосский поселок у Второй речки (за Чегитуном).
131. Древнеэскимосский поселок в Сешане.
132. Сешанский древнеэскимосский могильник.
133. Иколиврунвеемский древнеэскимосский поселок.
134. Иколиврунвеемский древнеэскимосский могильник.
135. Древнеэскимосские землянки в Кенишхуне.
136. Древнеэскимосский культурный слой в Старом Энурмино.
137. Древнеэскимосский культурный слой вблизи Старого Энурмино.
138. Могильник вблизи Энурминской полярной станции.
139. Древнеэскимосский поселок на острове Илитлен (Идлидля).
140. Древнеэскимосский поселок вблизи Нешкана.
- 141—142. Два древнеэскимосских поселка вблизи м. Дженретлен.
143. Древнеберингоморский поселок на м. Дженретлен.
144. Древнеэскимосский поселок на косе Беляка.
145. Древний поселок в Анаяне.
146. Древнеберингоморский поселок на северном конце о. Колючин.
147. Древнеэскимосский поселок на южном конце о. Колючин.
- 148—152. Древнеэскимосские землянки в Ванкареме.
153. Ванкаремский могильник.
154. Остатки древнего селения на Ванкаремской косе.
155. Ритуальные скопления **перпичьих** черепов и оленьих рогов на речке Куэмкай.
156. Древние землянки на косе лагуны Нут.
157. Древние землянки на Косе двух платов.
158. Древний поселок на м. Шмидта.
159. Древнеберингоморский культурный слой возле утеса Кожевнинова (м. Шмидта) (159).

Археологические памятники на островах Айон (160—166) и Врангеля (167)

160. Первая Рывеемская неолитическая стоянка.
161. Вторая Рывеемская неолитическая стоянка.
162. Третья Рывеемская неолитическая стоянка.
163. Первая неолитическая стоянка на южном берегу о. Айон возле памятника из оленьих рогов.
164. Вторая неолитическая стоянка на южном берегу острова.
165. Неолитическая стоянка Асыквэргыргын.
166. Древний поселок морских охотников на западном берегу о. Айон.
167. Древняя стоянка у Чертова оврага на о. Врангеля.

Древние стоянки в бассейне Верхней Колымы (168—170)

168. Сибердиковская трехслойная стоянка.
169. Двуслойная стоянка Кюнга.
170. Двуслойная стоянка Малтан.

Приложение II

Археологические памятники, обнаруженные на Северо-Востоке (кроме обнаруженных автором; см. рис. 1)

18. Городище в Камаках (К. Д. Логиновский¹ и Г. А. Крамаренко, 1910; Б. П. Папура, 1954, Н. Н. Диков, 1961).
42. Елизовская стоянка (Старый острог, Завойко) (Дитмар К., 1901; О. Ф. Герц, К. Д. Логиновский, 1910; Иохельсон В. И., 1930, 1910; Н. Н. Диков, 1961).
43. Стоянка на юго-западном склоне Мишенной сопки (Орлова Е. П., 1947; Н. Н. Диков, 1966).
47. Стоянка Зеленый мыс (Семенов А. В., 1964; Н. Н. Диков, 1962).
49. Стоянка в с. Манилы (Семенов А. В., 1964; Н. Н. Диков, 1962).
51. Неолитическая стоянка на Чировом озере (Н. А. Граве, 1952; Окладников А. П., 1953; Н. Н. Диков, 1959).
53. Вакаревская стоянка (И. А. Некрасов, 1957; Окладников А. П., Некрасов И. А., 1960; Н. Н. Диков, 1957, 1958).
102. Пегтымельские петроглифы, первое местонахождение (И. М. Саморуков, 1965 г.; Диков Н. Н., 1971).
106. Древние землянки в Сирениках (Руденко С. И., 1947; Н. Н. Диков, 1955).
107. Двуслойное поселение в Яндогае (Руденко С. И., 1947; Н. Н. Диков, 1963).
119. Уэленский могильник (А. Т. Симбирский, 1955; Д. А. Сергеев, 1955; Р. В. Чубарова-Козырева; М. Г. Левин, 1957; Диков Н. Н., 1967; Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969).
151. Древние землянки на м. Ванкарем (Nelson, 1899; Диков Н. Н., 1968).
159. Мыс Шмидта (Рыркайпий), древние поселения (Норденшельд, 1878 г. (1936); Н. Н. Диков, 1957, 1975).
163. Стоянка I на южном берегу о. Айон (В. Д. Лебедев, 1958; Диков Н. Н., 1961).
166. Древнее селение на о. Айон (Свердруп Г. У., Диков Н. Н., 1960).
170. Малтан, неолитическая стоянка (Ю. А. Калганов, 1971; Н. Н. Диков, 1974, 1975 гг.).
171. Уэленские древние землянки (Руденко С. И., 1947; Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969).
172. Культурный слой в Наукане (Руденко С. И., 1947).
173. Культурный слой в Дежнсово (Руденко С. И., 1947).
174. Эквенский могильник (Иванов О. Н., 1967; Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975).
175. Эквенская стоянка (Иванов О. Н., 1967; Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975).
176. Древние землянки на о. Аракамчен (Руденко С. И., 1947).
177. Древнее поселение на м. Чаплина (Руденко С. И., 1947).
178. Культурный слой в Киваке (Руденко С. И., 1947; Г. С. Абакумов, 1975 г.).
179. Древнее поселение у м. Чукотского (Руденко С. И., 1947).
180. Древнее поселение у оз. Истихетского (Авань) (Руденко С. И., 1947; Г. С. Абакумов, 1975 г.).
181. Древние землянки в бухте Пловер (Руденко С. И., 1947).
182. Нунлиграп, древнее поселение (И. П. Лавров, 1945; Руденко С. И., 1947).
183. Энмылен, древнее поселение (Свердруп Г. У., 1930; И. П. Лавров, 1945; Руденко С. И., 1947).
184. Древнее поселение в заливе Креста (Г. Б. Лебедев, 1975).
185. Неолитическая стоянка на оз. Экитыки (В. Н. Смирнов, 1974).
186. Неолитическая стоянка на р. Якиткивеем (Левощин Н. Н., 1950).
187. Неолитическая стоянка у ручья Матачен (А. Е. Катенин, 1900; Диков Н. Н., Катенин А. Е., 1971).
188. Неолитические стоянки и тайник на озере Эльгыгытгын (И. А. Некрасов, А. К. Саяпин, 1955; Окладников А. П., Некрасов И. А., 1957; Саяпин А. К., Диков Н. Н., 1958).

¹ Фамилия, не выделенная курсивом, принадлежит автору, открывшему памятник, фамилия, выделенная курсивом, — автору, опубликовавшему материалы памятника.

189. Канчаланская стоянка (В. В. Нарышкин, 1953, 1954; *Окладников А. П., Нарышкин В. В.*, 1955).
190. Нигринутэтэгийн (земля Гека). Древнее поселения (В. В. Леонтьев, 1972).
191. Туманская. Разновременные поселения (В. В. Леонтьев, 1973).
192. Бухта Угольная (И. Васильев, 1973).
193. Бухта Лахтина (Гагатагын). Древнее поселение (Э. В. Гунченко, 1973; в 1975 г. раскапывалось Н. Н. Диковым).
194. Отвесный (Панкинмын). Древняя крепость и поселение (В. В. Леонтьев, Э. В. Гунченко, 1973).
195. Амаам. Древнее поселение (В. В. Леонтьев, 1973).
196. Губа Гавриила. Каныйун. Древнее поселение (В. В. Леонтьев, Э. В. Гунченко, 1973).
197. Этчун. Древнее поселение (В. В. Леонтьев, 1970).
198. Озеро Ваамочка. Холмы Янкинан. Древнее поселение (В. В. Леонтьев, 1970).
199. Хатырка, древнее поселение на правом берегу р. Хатырка, ниже села (Беляева А. В., 1968; А. А. Орехов, 1975).
200. Рыткылъвээм. Подъемный пуклеус (И. Ивтэгин, 1973).
201. Три стоянки на Коряжском нагорье (С. Г. Бялбжеский, Ю. А. Калясинов, В. В. Смирнов, 1972, 1975).
202. Омаян (Вернандер, 1930-е годы).
203. Кавача (*Малюкович В. Н.*, 1972).
204. Ачайбаям (*Малюкович В. Н.*, 1972).
205. При устье р. Апуки (*Малюкович В. Н.*, 1972).
206. Залив Олюторский (*Антропова В. В.*, 1948).
207. Мыс Говена (*Малюкович В. Н.*, 1972).
208. Тиличики, Зеленый холм (К. Д. Логиновский, 1910).
209. Река Ветвей, жертвенное место (*Вдовин И. С.*, 1971).
210. Остров Корф, культурный слой (К. Ф. Логиновский, 1910).
211. Полуостров Ильпинского (*Малюкович В. Н.*, 1972).
212. Анапка (*Малюкович В. Н.*, 1972).
213. Кичига (*Логиновский К. Д.*, 1910).
214. Тымлат (*Малюкович В. Н.*, 1972).
215. Осора (*Малюкович В. Н.*, 1972).
216. Карага (К. Д. Логиновский, 1910; Н. Гондатти, 1898; *Малюкович В. Н.*, 1972).
217. Остров Карагинский, культурный слой в бухте Ложных вестей (К. Д. Логиновский, 1910).
218. Каюм (*Малюкович В. Н.*, 1972).
219. Ивашка (*Малюкович В. Н.*, 1972).
220. Укинская губа, подъемный (Гайдукевич, 1961).
221. Полуостров Озерной, культурный слой возле Уки (Ю. М. Стефанов, 1973).
222. Юртовица в местности Максимово возле Мильково на левом берегу р. Камчатка (Д. К. Змиин, 1960-е годы).
223. Второе городище на р. Никулка (А. А. Горбач, 1969).
224. Юртовица на Харчинском озере (*Слюнин Н. В.*, 1900; К. Д. Логиновский, 1910).
225. Ключи (Державин, 1908; К. Д. Логиновский, 1910).
226. Стоянка на Ажабачьем озере.
227. Юртовица в Усть-Камчатске (*Слюнин Н. В.*, 1900; Каррз, 1907; К. Д. Логиновский, 1910; Накаяма, 1933, 1934).
- 228, 229. Пять древних поселений восточнее Усть-Камчатска (А. А. Никонов, 1969).
230. Слева от устья р. Сторож (*Малюкович Н. В.*, 1900; Анжинов, 1968).
231. Юртовица на Кроноцком озере (*Пономаренко А. К.*, 1975).
232. Юртовица на р. Кроноцкой (*Дитмар К.*, 1901; А. К. Пономаренко, 1975).
233. Юртовица на Кроноцком озере (*Дитмар К.*, 1901).
234. Стоянка в долине Гейзеров (В. И. Семенов, 1974).
235. Стоянка Тихая-I (А. К. Пономаренко, 1975).
236. Стоянка Тихая-II (А. А. Пономаренко, 1975).
237. Стоянка Шумная-I (*Пономаренко А. К.*, 1976).
238. Стоянка Шумная-II (А. К. Пономаренко, 1975).
239. Стоянка справа от устья Третьей речки (А. К. Пономаренко, 1975).
240. Стоянка на северном побережье Семьячинского лимана (*Пономаренко А. К.*, 1976).
241. Стоянка справа от устья р. Семьячик (*Дитмар К.*, 1901; *Пономаренко А. К.*, 1976).
242. Стоянка «Красный партизан-I» (А. К. Пономаренко, 1975).
243. Стоянка «Красный партизан-II» (А. К. Пономаренко, 1975).
244. Стоянка на мысе в пос. Жупаново (*Дитмар К.*, 1901; *Пономаренко А. К.*, 1976).

245. Стоянка на северном берегу лимана Березового (А. К. Пономаренко, 1975).
246. Стоянка «Беднячка» против устья р. Жупановая (А. К. Пономаренко, 1975).
247. Стоянка «Жопыто» против устья р. Жупановая (Дитмар К., 1904; А. К. Пономаренко, 1975).
248. Стоянка Большая Медвежка-I (А. К. Пономаренко, 1975).
249. Стоянка Большая Медвежка-II (А. К. Пономаренко, 1975).
250. Стоянка Большая Медвежка-III (А. К. Пономаренко, 1975).
251. Юртовища на м. Шипунском (Дитмар К., 1901).
252. Юртовища в Бичевинской губе (Дитмар К., 1901).
253. Юртовища на р. Налычева (Дитмар К., 1901; Слюнин Н. В., 1900).
- 254, 255. Юртовища на оз. Налычева, на м. Налычева (Дитмар К., 1901; Иохельсон В. И., 1930).
256. Юртовища в Халактырке (К. Д. Логиновский, 1910; В. И. Иохельсон, 1911; Т. М. Дикова, 1972).
257. Дюнная неолитическая стоянка на правом берегу устья р. Халактырка (Т. М. Дикова, 1972).
258. Стоянка на юго-востоке Большой океанской базы (Пономаренко А. К., 1976).
259. СРВ (судо-ремонтная верфь) — коллекции Камчатского краеведческого музея.
260. На Никольской сопке в Петропавловске-Камчатском, подъемный (А. Афанасьев и А. Серошкин, 1975).
261. Стоянка на улице Космонавтов, д. 34 (на огороде) в Петропавловске-Камчатском (В. Примаков, 1965).
262. Стоянка в Сероглазке (Н. Гондatti, 1898; Иохельсон В. И., 1928, 1930; А. Соловьев, 1959).
263. Юртовища недалеко от Лысой горы вниз по р. Авача (Пономаренко А. К., 1976).
264. Юртовища вблизи пос. Елизово на левом берегу р. Авача (Пономаренко А. К., 1976).
265. Юртовища на правом берегу р. Авача, на 39 км, у моста (Пономаренко А. К., 1976).
266. Юртовища на 40 км, на правом берегу р. Авача (Пономаренко А. К., 1976).
267. Юртовища на 42 км (А. Н. Горчаков, 1955 г.; Пономаренко А. К., 1976).
268. Юртовища на 44 км, пос. Кеткино (Пономаренко А. К., 1976).
269. Юртовища вблизи пос. Ц. Коряки (Пономаренко А. К., 1976).
270. Пос. Ц. Коряки, на берегу р. Корякская (Н. И. Селиванов, 1971).
271. Китхойская стоянка (С. Е. Апрельков, 1960-е годы; Сяенов Ю. М., Харченко Ю. И., 1965).
272. Культурный слой на левом берегу р. Плотниковая, выше моста (Пономаренко А. К., 1976).
273. Двуслойная стоянка на правом берегу р. Плотниковая, в 3—4 км выше предыдущей (Пономаренко А. К., 1976).
274. Два культурных слоя недалеко от турлагеря «Горизонт» (Пономаренко А. К., 1976).
275. Культурный слой на левом берегу притока р. Паратунка, недалеко от пос. Термального (Пономаренко А. К., 1976).
276. Двуслойная стоянка на левом берегу р. Паратунка, выше слияния ее с р. Быстрая (Пономаренко А. К., 1976).
277. Многослойная стоянка на «Большом камне» — слева от устья р. Тихая (Пономаренко А. К., 1976).
278. Стоянка в районе бухты Турпановка (Пономаренко А. К., 1976).
279. В пос. Советский, подъемный (П. Д. Луцкевич, 1960-е годы).
280. Юртовища в бухте Сельдевой (коллекции Камчатского краеведческого музея, Круглов, 1957 г.).
281. Стоянка на одном из островов в устье р. Авача (К. Д. Логиновский, 1910).
282. Тарья, бухта Богатыревская, стоянка на Соленом озере (К. Д. Логиновский, 1910; Иохельсон В. И., 1928, 1930; Шмидт, 1900).
283. Тарья, стоянка вблизи Соленого озера (Иохельсон В. И., 1928, 1930; Шнелл И., 1932).
284. Тарья, стоянка на склоне горы, на северо-восточной стороне Богатыревской бухты (Иохельсон В. И., 1928, 1930; 1910; Н. А. Гурьев, 1930-х).
285. Стоянка на п-ове Крашенинникова (Фельдман; В. Несмашный, 1969; В. Н. Малюкович, 1972).
286. Стоянка в бухте Русской, на Хантее (Кукин, 1962).
287. Стоянка в бухте Вилучинской (Г. М. Власов, 1960-е годы).

288. Стоянка на правом берегу р. Журовая, вблизи устья (Г. М. Власов, 1960-е годы).
289. В бухте Журовой, подъемный (В. С. Шеймович, 1960-е годы).
290. Стоянка в Лиственничной бухте (*Шнель*, 1932).
291. На м. Крестовом (коллекция Камчатского краеведческого музея).
292. В бухте Ходутка, подъемный (В. С. Шеймович).
293. На м. Желтом, раковинная куча (В. С. Шеймович, 1963).
- 294—299. Разновременные стоянки на м. Лопатка I—V (Т. М. Дикова, 1972; Дикова Т. М., 1976).
300. Двуслойное поселение Семеновка и два местонахождения юртовещ у ручья Рябухина, м. Лопатка (Т. М. Дикова, 1972, 1973, 1975).
301. Юртовещица в устье р. Камбальная.
302. Юртовещица недалеко от истока р. Озерная из Курильского озера (*Иохельсон В. И.*, 1928, 1930).
303. Юртовещица на м. Сивуйском на Курильском озере (В. И. Иохельсон, 1928, 1930; Т. М. Дикова, 1972, 1976).
304. Культурный слой в гейзеритах на р. Паужетке (Р. Л. Дунин-Барковский, 1973).
305. Древние землянки в Озерновском (Ямада Сигекура, 1924).
306. Находки в Явино (К. И. Богданович, в конце XIX в.).
307. Стоянка слева от устья р. Кошегочек (М. И. Барабанов, 1970-е годы).
308. Находки в Голыгино (К. Н. Богданович, конец XIX в.).
309. Землянка в Опале (Ямада Сигекура, 1924).
310. Находки в Большерецке (Н. Гондати, 1898).
311. Юртовещица между Большерецком и Кихчином (В. Головин, 1861).
312. Малка (К. Д. Логиновский, 1910).
313. Ганалы (К. Д. Логиновский, 1910).
314. Слева от устья р. Облуковина (*Малюкович В. И.*, 1971).
315. В устье р. Ича (*Накаяма*, 1933).
316. Вблизи с. Ича — Старый острог (*В. Н. Тюшов*, 1906).
317. Саичи I, II, III, IV (В. И. Рубан, 1975).
318. Кисун (В. И. Рубан, 1975).
319. Землянки в Сопочном (Ямада Сигекура, 1920-е годы).
320. В устье р. Плахэн, притока р. Хайрюзовая (Е. П. Орлова, 1928).
321. Белоголовое (*Малюкович В. И.*, 1971).
322. Землянки возле селения Хайрюзово (Е. П. Орлова, 1928; *Малюкович В. И.*, 1972).
323. Кавран (В. И. Иохельсон, 1911; В. И. Рубан, 1975).
324. Усть-Кавран (В. И. Рубан, 1975).
325. Утхолос (*Змиев*, 1960-е годы).
- 326, 327. Мыс *Андреевский* I, II, слева от устья р. Тигиль (В. И. Рубан, 1975).
- 328—330. Кулка I (В. И. Иохельсон, 1911; В. И. Рубан, 1975; Кулка II, III (В. И. Рубан, 1975).
331. Усть-Ваямполка (*Малюкович В. И.*, 1971).
332. Устье р. Палана, консервный завод. Вещи подарены В. И. Иохельсону (*Семенов А. В.*, 1964; В. И. Рубан, 1975).
333. Палана (Фельдман). Находки в пещере (Еккерман; *Иохельсон В. И.*, 1930).
334. В устье речки Ападырка (*Смирнов П. И.*, 1900).
335. В устье р. Крестовая (*Семенов А. В.*, 1964).
336. Мыс Тваян (*Семенов А. В.*, 1964).
337. Шаманка (*Малюкович В. И.*, 1971).
338. Бухта Подкагерная (*Малюкович В. И.*, 1971).
339. На правом берегу р. Пустая (*Малюкович В. И.*, 1972).
340. Культурный слой в Рекиники (В. И. Заярнов, 1972).
341. Аянка (М. Ю. Хотин, 1968).
342. Каменка (*Семенов А. В.*, 1964).
343. Первореченск (В. П. Похилайнен, 1964).
344. Лыват (*Семенов А. В.*, 1964).
345. Орнички (*Семенов А. В.*, 1964).
346. Ольховка (*Семенов А. В.*, 1964).
347. Микино (*Семенов А. В.*, 1964).
348. Куял (*Семенов А. В.*, 1964).
349. Хаимчик (*Семенов А. В.*, 1964).
350. Парень (*Билибин Н. И.*, 1934; *Малюкович В. И.*, 1971).
351. Имповеем, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С.*, 1971).
352. Гижига, Маячная (*Васильевский Р. С.*, 1971).
353. Мыс Вархаламский (*Васильевский Р. С.*, 1971).
354. Наяхан, древнекорякское поселение (В. И. Иохельсон, конец XIX в.; М. Г. Левин, 1931; *Васильевский Р. С.*, 1971).
355. Наяхан, верхняя терраса (*Васильевский Р. С.*, 1971).
356. Кушка, древнекорякское поселение (М. Г. Левин, 1931; Р. С. Васильевский, 1971).

357. Таватум, корякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
358. Аппапель, **вблизи** устья р. Таватум — древнекорякский жертвенник (*Васильевский Р. С., 1971*).
359. Мыс Травяной, жилища XVII—XVIII вв. (*Васильевский Р. С., 1971*).
360. Остров Буяц, древнекорякский жертвенник (*Слюцин Н. В., 1900; Васильевский Р. С., 1971*).
361. Варганчик, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
362. Койтэвап, временное корякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
363. Иткилан, временное корякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
364. Кип-Кич (Кашкичу), древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
365. Бухта Средняя, древнекорякское поселение XIII—XVI вв. (М. Г. Левин, 1931; В. Е. Липовский, 1954; Г. А. Пытляков, 1955; *Васильевский Р. С., 1971*).
366. Нантаджа, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
367. МБА (мыс бухты Астрономической); два сезонных древнекорякских поселения (*Васильевский Р. С., 1971*).
368. Бухта Астрономическая, древнекорякское поселение (В. Е. Липовский, 1954; Г. А. Пытляков, 1955; *Васильевский Р. С., 1971*).
369. Мыс Трех братьев, древнекорякские поселения, пещера и погребения (К. А. Новикова, 1946; В. А. Липовский, 1954; *Васильевский Р. С., 1971*).
370. Неривдан, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
371. Бокиджакчан, остатки двух древнекорякских жилищ (*Васильевский Р. С., 1971*).
372. Сивуч, корякское поселение XVI—XVII вв. (В. Н. Липовский, 1954; Г. А. Пытляков, 1955; *Васильевский Р. С., 1971*).
373. Сиглан, корякское поселение XVII—XVIII вв. (*Васильевский Р. С., 1971*).
374. Орочан, древнекорякское поселение (В. И. Левин, 1931; *Р. С. Васильевский, 1971*).
375. Наргабьен, древнекорякское поселение (В. И. Левин, 1931; *Васильевский Р. С., 1971*).
376. Река Авара, древнекорякское поселение (А. П. Окладников, 1946; *Васильевский Р. С., 1971*).
377. Мыс Алевина, древнекорякское поселение (А. П. Окладников, 1946; *Васильевский Р. С., 1971*).
378. Богурчан, древнекорякское поселение X—XIII вв. (Г. А. Пытляков, 1955—1956; *Васильевский Р. С., 1971*).
379. Бухта Найденова, древнекорякское поселение X—XIII вв. (Г. А. Пытляков, 1955; *Васильевский Р. С., 1971*).
380. Атарган, древнекорякское поселение X—XIII вв. (В. А. Цареградский, начало 1930-х годов; И. Л. Симоненко, 1939; А. П. Окладников, 1946; *Васильевский Р. С., 1971*).
381. Остров Завьялова (верхняя терраса), неолитическая стоянка (Озолин, 1920-е годы; М. Г. Левин и В. И. Левин, 1930—1931; В. А. Цареградский, 1931; А. П. Окладников, 1946; *Васильевский Р. С., 1971*).
382. Бухта Рассвет, древнекорякское поселение X—XIII вв. (Озолин, 1920-е годы; М. Г. Левин, В. И. Левин, 1930—1931; В. А. Цареградский, 1931 г.; А. П. Окладников, 1946; *Васильевский Р. С., 1971*).
383. Находка, бухта на о. Завьялова, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
384. На Речной улице — костяная статуэтка (Д. И. Райзмац, 1960-е годы).
385. Мыс Чирикова, древнее поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
386. Марчекан, древнее поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
387. Остров Недоразумения, неолитическая стоянка (*Васильевский Р. С., 1971*).
388. Река Ойра, неолитическая стоянка (*Васильевский Р. С., 1971*).
389. Мыс Онацевича, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
390. Остров Спафарьева, древнекорякское поселение (*Васильевский Р. С., 1971*).
391. Тунгусский могильник на территории совхоза Дукча (*Симоненко И. Ф., 1939*).
392. Майорыч, позднепалеолитическая стоянка (*Мочанов Ю. А., 1972*).
393. Палеолитическое (?) местонахождение на ручье Шило (*Диков Н. Н., Герасимчук В. И., 1971*).
- 394—396. Три неолитических стоянки в местности Лабуя (А. П. Окладников, 1946).
397. Неолитическая стоянка в Помазкино (А. П. Окладников, 1946).

398. Неолитическая стоянка в Крестах (Окладников А. П., 1947).
399. Неолитическая стоянка в Петушках (Окладников А. П., 1947).
400. Древняя стоянка на правом берегу р. 1-я Березовая (Иванов О. Н., 1976).
401. Обсидиановый наконечник с Чапаевского перевала (Билибинский музей).
- 402—405. Четыре древнеэскимосских поселения вблизи Баранова мыса (Г. А. Сарычев, 1789; Окладников А. П., Береговая Н. А., 1971).
406. Остров Четырехстолбовой (Свердруп Г., 1930; А. М. Сырчин, 1947; Береговая Н. А., 1954).
407. Остров Шалаурова, древнеэскимосское поселение (Свердруп Г., 1930; С. А. Пчелко, 1953; Береговая Н. А., 1960).
408. Полуостров Аачим, стоянка I (Красков В., Дикова Т. М., 1966).
409. Полуостров Аачим, стоянка II (Дикова Т. М., Воробьев В. А., 1973).
410. На левом берегу р. Чегитун — костяные наконечники (Б. А. Клубов, 1973).

Приложение III

Химический состав вулканических пеплов в стратиграфии древних памятников в долине р. Камчатка *, в %

Компоненты	Ушковское озеро							
	I сл.	II сл.	III сл.	IV сл.		IV-а сл.	V сл.	V сл.
	Ушки-III Култук (5)	Ушки-I (1)	Ушки-I (1)	Ушки-I (1)	Ушки-III Култук (5)	Ушки-I (1)	Ушки-I (1)	Ушки-III Култук (5)
	пр. 7	пр. 6	пр. 5	пр. 1	пр. 8	пр. 3	пр. 2	пр. 9
SiO ₂	63,32	61,02	60,02	62,80	61,20	58,92	61,70	64,58
TiO ₂	0,48	0,51	0,56	0,56	0,54	0,63	0,30	0,36
Al ₂ O ₃	15,37	15,17	15,83	14,52	14,83	14,99	16,16	14,94
Fe ₂ O ₃	1,81	0,81	0,82	1,88	1,06	1,06	1,56	2,13
FeO	1,60	3,08	3,22	2,42	2,92	2,92	1,16	1,24
MnO	0,05	0,10	0,12	0,08	0,14	0,13	0,06	0,06
MgO	1,38	2,46	3,50	1,30	0,93	3,25	1,54	2,80
CaO	3,42	4,42	5,40	3,66	2,80	5,48	2,52	3,94
K ₂ O	3,97	1,93	1,60	1,21	3,57	1,60	4,77	2,00
Na ₂ O	4,86	4,76	4,76	4,94	6,02	4,57	3,88	3,98
+ H ₂ O	2,13	3,05	2,96	4,35	4,18	4,24	3,73	2,06
- H ₂ O	0,87	0,92	0,66	1,49	1,36	1,64	2,26	1,74
P ₂ O ₅	0,41	0,40	0,23	0,20	0,20	0,34	0,20	0,13
CO ₂	0,09	1,30	0,15	0,23	0,19	0,00	0,08	0,06
SO ₃	0,020	0,05	0,04	0,035	0,05	0,04	0,00	0,00
Cl	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00
F	0,03	0,02	0,02	0,05	0,03	0,02	0,04	0,03
Поправка на F	0,01	0,01	0,01	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01
Итого:	99,80	99,99	99,88	99,72	100,01	99,82	99,94	100,06

* Анализ проведен Е. М. Александровой и А. А. Осадченко.

Приложение III (окончание)

Компоненты	Долярки (10)						Нижняя (16)	Ключи III (13)
	II сл.	II-а сл.	III сл.	А сл.	Б сл.	В сл.	I сл.	I сл.
	пр. 10	пр. 11	пр. 12	пр. 13	пр. 14	пр. 15	пр. 17	пр. 36
SiO ₂	65,20	59,58	59,22	54,40	55,00	55,92	60,96	34,92
TiO ₂	0,34	0,56	0,63	0,38	0,78	0,78	0,56	0,50
Al ₂ O ₃	14,29	14,66	16,91	19,87	16,10	16,49	15,02	13,37
Fe ₂ O ₃	1,38	2,39	1,23	1,22	4,68	3,66	0,41	2,05
FeO	1,46	2,48	3,29	2,42	3,29	2,56	3,07	2,48
MnO	0,05	0,05	0,12	0,08	0,15	0,20	0,13	0,05
MgO	2,42	3,64	3,69	4,04	3,44	3,22	2,58	1,84
CaO	4,00	5,24	5,91	5,92	5,34	4,74	4,71	12,60
K ₂ O	3,60	2,95	1,37	2,47	1,40	1,60	1,82	2,21
Na ₂ O	5,01	4,05	4,76	3,40	3,74	3,40	4,50	1,63
+ H ₂ O	1,08	2,71	1,76	3,31	3,27	3,89	4,45	6,31
- H ₂ O	0,78	1,16	0,52	1,96	2,00	2,23	0,97	8,00
P ₂ O ₅	0,41	0,32	0,32	0,41	0,52	0,85	0,36	13,09
CO ₂	0,00	0,22	0,00	0,07	0,15	0,23	0,23	0,55
SO ₃	0,03	0,05	0,03	0,02	0,06	0,07	0,05	0,06
Cl	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,05
F	0,04	0,02	0,03	0,02	0,02	0,02	0,01	0,20
Поправка на F	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01	0,01	0,00	0,09
Итого:	100,07	100,07	99,78	100,05	99,93	99,86	99,83	99,82

9*

Приложение IV

Некоторые данные по одонтологии древнего населения Чукотки и Камчатки

А. А. ЗУБОВ

Рассматриваемый материал собран и доставлен в Москву археологом Н. Н. Диковым и относится к некоторым разным могильникам с территории Чукотки. В основном коллекция состоит из изолированных зубов и отдельных фрагментов челюстей с зубами. Небольшая численность, фрагментарность материала, а также, в ряде случаев, его плохая сохранность не позволяют произвести сколько-нибудь полный одонтологический анализ. Однако мы сочли целесообразным воспользоваться хотя бы минимальной возможностью, чтобы углубить наше представление об одонтологическом типе населения Чукотки, учитывая редкость и ценность любого материала, относящегося к этой интересной области и тем более к его древнему населению. Получение новых антропологических данных с любой территории способствует более полному воссозданию картины исторических событий, связанных с ее заселением и формированием живущих и живших на ней народов. Хотя материал, как мы уже говорили, в данном случае недостаточен и труден для изучения, все же мы считаем, что даже те общие, приблизительные суждения, которые он позволяет сделать, могут представить некоторый интерес для археологов и историков, как и вообще для лиц, интересующихся происхождением народов Северо-Восточной Сибири.

Описание коллекции удобнее всего будет сделать отдельно по каждому из могильников, из которых происходит материал.

Могильник Усть-Бельский. Одна нижняя челюсть пожилого индивидуума, 5 фрагментов нижних челюстей с зубами, изолированные зубы с верхней и нижней челюстей разных индивидуумов.

Нижняя челюсть — массивная, почти лишенная *torus mandibularis* (балл 1). С обеих сторон сохранились все моляры, с правой стороны имеются два премоляра. Оба премоляра обнаруживают высокий уровень дифференциации (Р и Р имеют тип 5, т. е. трехбугорковую форму).

Первый правый моляр (тип У5) — крупный, с выраженным дистальным гребнем тригониды. Сильно выражен межкорневой эмалевый затек (балл 6). Второй правый нижний моляр (тип +5). Эмалевый затек так же сильно выражен (балл 6). Дистальный гребень отсутствует. Третий нижний правый моляр (тип +6^a) с намечающейся экспансией гипоконулиды. Затек эмали — балл 6. Все моляры довольно сильно стертые, так что некоторые признаки (например, коленчатая складка метакониды) не просматриваются. Первый и второй левые моляры в основном повторяют морфологический тип своих правых антимеров. Асимметрия выражена только у зубов мудрости: левый из них обнаруживает большую степень экспансии гипоконулиды (тип У5А).

В пяти упомянутых фрагментах нижних челюстей имеются в основном моляры. Два премоляра в одном из фрагментов отличаются довольно низким уровнем дифференциации при очень крупных размерах. В том же фрагменте имеются два первых моляра, один из которых разрушен, а второй отличается следующими показателями: очень большими размерами, узором У6, мощным дистальным гребнем тригониды, коленчатой складкой метакониды, межкорневым затеком эмали (балл 6), развитым протостилидом (балл 4). На всех фрагментах слабо выражен *torus mandibularis*. Равным образом везде отсутствует краудинг.

Изолированный третий нижний правый моляр. Тип узора +4^a. Отсутствуют дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метакониды протостилида. Межкорневой затек — балл 4.

Два первых верхних изолированных моляра (по-видимому, от одного и того же индивидуума) сильно стертые, признаки коронки неразличимы, межкорневой затек отсутствует.

Два вторых верхних моляра (от разных индивидуумов). Типы коронок 4- и 3+, редукция метаконауса 2 и 3, эмалевые затеки 6 и 6, бугорок Карабелли отсутствует.

Два третьих верхних моляра (от одного индивидуума). Узоры коронки 4- и 4- редукция метаконауса 3 и 3. Складчатость умеренная, бугорок Карабелли отсутствует.

Три клыка (от разных индивидуумов). Небольшой верхний правый клык с мало дифференцированным лингвальным бугорком и искривленным корнем. Правый нижний клык с довольно сильно развитыми краевыми гребнями лингвальной поверхности (тенденция к «лопатообразной» форме). Мощный верхний левый клык с массивной коронкой и длинным корнем. Также некоторая тенденция к лопатообразности.

Могиляник Седьмой причал. Зубы, вероятно, принадлежавшие пожилому мужчине: верхний клык, второй верхний премоляр, первый и второй верхние моляры, штифтовидный третий верхний моляр. Все зубы сильно стерты. На молярах можно определить лишь относительные размеры бугорков (на M^1 метаконаус больше гипоконуса) и степень редукции метаконауса (на M^1 — M^2 баллы 1 и 1). Клык и премоляр имеют небольшие размеры.

Зубы, очевидно, принадлежали молодой женщине: нижний клык, верхние и нижние премоляры, нижние моляры. Нижний клык мал, слабо дифференцирован. Верхние премоляры мелкие, корни сросшиеся, вестибулярные бугорки коронки сильно превосходят по размерам лингвальные (явление очень типичное для серий из Эквенского и Уэленского могиляников). Нижние премоляры мелкие, P_2 отличается, однако, высоким уровнем дифференциации (тип 5). Нижние моляры небольших размеров. M_1 — тип Y_5 , лишен дистального гребня, коленчатой складки метаконаида и протостилида; затек эмали — балл 5(6). M_2 — тип +4^a, лишенный дистального гребня, коленчатой складки метаконаида, дополнительных бугорков. Складчатость умеренная.

Фрагмент нижней челюсти индивидуума средних лет. Ряд зубов ровный, отсутствует краудинг, нет гиподонтия, отмечается обширное ретромолярное пространство.

Зубы довольно сильно стерты, большинство признаков не просматривается. Типы узора коронок моляров — Y_5 и +5^a, протостилид отсутствует, затек эмали — баллы 4 и 6.

Фрагмент верхней челюсти молодого индивидуума (приблизительно 12 лет). Премоляры (в ячейках) имеют тип I по соотношению бугорков коронки (тип. характерный для Эквенского и Уэленского могиляников). M^1 — средних размеров, метаконаус больше гипоконуса, редукция метаконауса — балл 2, затек эмали — 4.

Фрагмент верхней челюсти. Сохранились два премоляра и два моляра. Зубы сильно стерты. Тип коронки M^2 — 3⁺, затеки эмали 3 и 7 («зерно» эмали).

Нижняя челюсть ребенка (7 лет). Сохранились все молочные моляры. Зубы невелики и слабо дифференцированы. На вторых молочных молярах отмечается дистальный гребень тригонида. Краудинг в челюсти отсутствует.

Фрагмент нижней челюсти молодого индивидуума (14—16 лет). Правые M_1 и M_2 , а также зачаток M_3 . M_1 — тип Y_5 , имеет четко выраженный дистальный гребень тригонида. Протостилид и другие дополнительные бугорки отсутствуют, M_2 — тип +4^a (+5^a). Отсутствуют дистальный гребень тригонида, протостилид, дополнительные бугорки. Складчатость невелика. Затек эмали 5.

Фрагмент нижней челюсти пожилого индивидуума. Сохранился лишь левый M_2 , сильно стертый. Затек эмали 4. Дополнительный корень на уровне гипоконуса.

Фрагмент верхней челюсти старого индивидуума. Зубы очень сильно стерты. Можно отметить лишь тип 3 коронки M^3 и сильно развитый затек эмали на M^1 (балл 6).

Фрагмент нижней челюсти пожилого индивидуума. M_1 и M_2 , типы Y_5 и +5. M_2 больше M_1 . Зубы крупные. Отсутствует протостилид и другие дополнительные бугорки. Остальные признаки на зубах выявить трудно. *Torus mandibularis* отсутствует.

Изолированные зубы.

Левый нижний M_1 , тип V_5 , дополнительные бугорки отсутствуют, четко выраженный дистальный гребень тригонида, затек эмали 4, дополнительный корень от энтоконаида, общие размеры крупные. Левый верхний второй молочный моляр. Тип 4, бугорок Карабелли отсутствует, затек эмали 4. Коронки правого и левого моляров (M_1) ребенка (5 лет). Размеры крупные, тип коронки обоих зубов — V_5 , дистальный гребень отсутствует, на правом зубе исключительно четко выражена коленчатая складка метаконаида (на левом она выражена слабее). Затек эмали 3, складчатость умеренная.

Первый верхний правый моляр молодого индивидуума, тип 4, метакокус больше гипокуса, редукция метакуса 1, затек эмали 5.

Зубы пожилого индивидуума (два сильно стертых нижних моляра). Затек эмали 4 и 6.

Второй нижний правый моляр, тип +5, отсутствуют дистальный гребень тригониды и коленчатая складка и дополнительные бугорки, затек эмали 5.

Третий нижний левый моляр, тип +5, отсутствуют дистальный гребень тригониды и коленчатая складка. Имеется сильно развитый протостилид (балл 4), снабженный собственным, не вполне выделенным корнем. Затек эмали 5.

Третий верхний левый моляр. Тип 3, метакокус редуцирован (3), затек эмали — балл 5, размеры небольшие.

Второй верхний правый премоляр. Небольшой, слабо дифференцированный зуб со сломанными корнями. По типу коронки (1) сближается с зубами, очень характерными для серий из Эквенского и Уэленского могильников.

Чинийский могильник. Левая половина нижней челюсти с тремя молярами. M_1 сильно стерт, узор рассмотреть трудно. M_2 — тип V4, затек эмали 5. M_3 — тип +5, затек эмали 4, наибольший по размеру зуб в ряду. *Torus mandibularis* отсутствует.

Фрагмент нижней челюсти с правыми премолярами и первым моляром. P_2 — тип 5 (высокий уровень дифференциации). M_1 — тип +5, дистальный гребень тригониды отсутствует, имеется коленчатая складка метаконида. Затек эмали 5, дополнительные бугорки отсутствуют.

Фрагмент нижней челюсти с двумя премолярами и двумя молярами. P_1 и P_2 — типы 2 и 5. M_1 — тип +5, затек эмали 4, дополнительных бугорков нет. M_2 — тип +4^a, дистальный гребень тригониды отсутствует, имеется коленчатая складка метаконида. *Torus mandibularis* на челюсти отсутствует.

Могильник Камали. Фрагмент черепа молодого индивидуума (возраст приблизительно 15 лет). Зубы мелкие, расположены ровным рядом, без краудинга и диастем. Отчетливо выражена «лопатообразная форма» верхних резцов (баллы 3 и 3). Лингвальная поверхность верхнего клыка также изменена в сторону лопатообразности. Верхние первые премоляры имеют тип I (сходны с премолярами из Эквенского и Уэленского могильников). Типы верхних моляров — 4,3+ и 4,3 — соответственно для первого и второго моляров правой и левой сторон. Бугорок Карабелли на M^1 — балл 1 (едва заметная шероховатость). Метакокус на M^1 больше гипокуса, редукция метакуса на M^1 и M^2 оценивается баллом 1 (слабая). Нижний первый моляр имеет небольшие размеры и низкий уровень дифференциации (балл 2). Первый нижний моляр (тип Y5) с мощным дистальным гребнем тригониды и коленчатой складкой метаконида. Небольшой протостилид (балл 2). На M_2 (тип +5) четко выражена коленчатая складка метаконида. Затек эмали 5 и 5. *Torus mandibularis* выражен слабо (балл 1).

Могильник Чегитун. Фрагмент верхней челюсти с двумя молярами (M^1 тип 4-; M^2 , тип 3+). Редукция метакуса на M^1 и M^2 — балл 1. Затек эмали 6 и 6. Краудинг отсутствует, диастрема 1¹—1². Умеренно развит *torus mandibularis* (2).

Изолированный M^3 , тип 3, метакокус умеренно редуцирован (балл 2), корни полностью сращены, затек эмали 5.

Могильник Ключи. Фрагмент челюсти с двумя нижними премолярами (типы коренок 5 и 5) высокий уровень дифференциации. Краудинг в области P_1 . *Torus mandibularis* отсутствует.

Фрагмент нижней челюсти со вторым премоляром (тип 4) и первым моляром (тип Y5), на котором четко просматривается коленчатая складка метаконида.

Два изолированных нижних моляра от одного индивидуума. M_2 правый тип +5, затек эмали 6, корни сращены.

Изолированный нижний клык (легкая «лопатообразность»).

Два изолированных третьих нижних моляра от одного и того же индивидуума.

M_3 правый, тип +5, дополнительных бугорков, дистального гребня тригониды и коленчатой складки метаконида нет. Затек эмали 3. Сильнейшая складчатость жевательной поверхности. M_3 левый отличается от правого антимера лишь типом +5B и сходен с ним по всем другим основным показателям.

1. Все изученные серии зубов по основным одонтологическим признакам говорят о монголоидном расовом типе населения, представленного рассмотренными могильниками.

2. Вследствие недостаточности материала трудно говорить о каком-то специфическом арктическом комплексе зубной системы изученных групп. Однако, как нам кажется, можно предположить, что здесь этот комплекс не был выражен вполне определенно.

3. Если сравнивать полученный материал с имеющимися данными по арктическим группам, то могильник Усть-Белая можно было бы сблизить с серией из Эквенского могильника, имея в виду высокую концентрацию монголоидных черт, тенденцию к макродонтизму, налет архаизма. Однако, могильник Усть-Белая лишен некоторых особенностей арктического комплекса и в этом отношении сближается с некоторыми «континентальными» монголоидами, например юагирами, одонтологический тип которых, по имеющимся у нас немногим данным, в общем близок к «эквенскому». Может быть в глубокой древности существовал исходный «протоюагирский» тип, который одновременно явился в какой-то мере и «протоарктическим». Остатки этого недифференцированного типа мы, возможно, и видим на примере могильника Усть-Белая. Из сформировавшихся арктических групп наиболее ярко черты этого типа сохранила серия из Эквенского могильника.

4. Могильник Седьмой причал, несколько отличаясь от предыдущего в отношении концентрации монголоидных черт и архаизма, в то же время обнаруживает ряд арктических черт. Хотелось видеть в нем особое сходство с Уэленским могильником.

5. Материал по могильникам Чегитун и Чинийский слишком мал для каких-либо выводов. Ослабленность концентрации архаических черт, пестрота в распределении различных дифференцирующих признаков, по-видимому, тоже сближают их с Уэленским могильником.

6. В могильниках Ключи и Камаки можно констатировать некоторое повышение концентрации монголоидных особенностей, носящее скорее характер «континентального», нежели арктического комплекса.

7. Недостаток материала, а также отмеченная выше неполная дифференцированность арктических особенностей, не позволяют провести каких-либо определенных параллелей между изученными сериями и современными группами Арктики и Северо-Восточной Сибири.

Приложение V

Результаты предварительного определения костных остатков рыб из раскопок археологических памятников на Камчатке

Е. А. ЦЕПКИН

1. Ушки-I (1), слой I, в яме под жертвенным местом (на дне), 1962 г. Найдено 68 фрагментов различных костей, принадлежавших представителям рода дальневосточных лососей *Oncorhynchus*, предположительно кете, кижучу, нерке (красной): dentale (3), articulare (5), parasphenoideum (1), hyomandibulare (4), ceratohyale (2), operculum (6), vertebrae (1), мелкие обломки костей черепа (46).
2. Ушки-I (1), из ямы верхнего слоя на квадрате 5 — Ж, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (предположительно кета, нерка): обломки dentale (3), articulare (1), operculum (2); ceratohyale (1); всего 7 экз.
3. Култук (5), раскоп 1, в землянке. Ушковский слой II, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (кета или кижуч). Позвонки — 15 экз.
4. Ушки-I (1), слой I, в яме под жертвенным местом (на дне), 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (предположительно кета, кижуч, нерка): operculum (10), dentale (12), articulare (5), hyomandibulare (2), praepoperculum (2), parasphenoideum (3), vertebrae (14), обломки костей черепа (12); всего 57 фрагментов.
5. Ушки I (1), слой I, квадрат 6 — В, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (кета, кижуч, нерка): позвонки — 25 экз.
6. Козыревский (8), правый берег р. Камчатка, подъемный материал, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (видимо кета). Позвонки — 15 экз.
7. Ушки-I (1), слой I (сверху), в землянке, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (кета?). Обломок dentale.
8. Ушки-I (1), слой I, в яме, под большими камнями в юго-восточной части землянки, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (предположительно кета, кижуч, нерка): operculum (6), praepoperculum (3), articulare (3), parasphenoideum (2), dentale (7), cleithrum (1), vertebrae (130), тазовая кость (1), обломки различных костей черепа (20); всего — 173 экз.
9. Ушки-I (1), слой I, квадрат 5 — Ж, рыбная яма, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (предположительно кета, кижуч, нерка): operculum (9), praepoperculum (1), articulare (1), dentale (2), hyomandibulare (2), cleithrum (1), vertebrae (70), обломки различных костей черепа (15); всего 101 экз.
10. Ушки-I (1), в яме верхнего слоя, на границе квадратов 3 — Д, 2 — Д, 1962 г. *Oncorhynchus* sp. (предположительно кета, кижуч, нерка): operculum (36), praepoperculum (17), dentale (27), parasphenoideum (14), quadratum (1), hyomandibulare (12), ceratohyale (4), ceratohyale (5), articulare (17), praemaxillare (2), vertebrae (40); всего 173 фрагмента.
11. Ушки-I (1), слой VI, серо-желтый суглинок. Верхний палеолит, 1964 г. Неопределимые остатки Pisces sp. Очень мелкие обломки (крошка) костей рыб, вероятно лососевых.
12. Ушки-IV (3), слой VI, 1964 г. Кета — *Oncorhynchus keta*. Обнаружен один экземпляр maxillare.

Приложение VI

Результаты спорово-пыльцевого анализа. Ушки-V *

Состав ископаемых пыльцы и спор	Глубина в м								
	0,04—0,1	0,18—0,23	0,25—0,3	0,35—0,42	0,51—0,57	0,6—0,67	0,7—0,75	1,07—1,11	1,23—126
Пыльца древесных пород	246—88%	43—78%	121—65%	262—68%	233—52%	120—67,5%	270—83%	65—65%	84—52%
Пыльца травянистых и кустарничковых растений	11—4%	4—7,5%	5—3%	12—3%	12—3%	8—4,5%	10—3%	6—6%	4—3%
Споры	21—8%	8—14,5%	56—32%	111—29%	200—45%	50—28%	43—10%	29—29%	75—45%
Picea	16—12%	4—9,4%	1—0,9%	73—32,5%	34—16,6%	19—16%	5—2%	2—3%	—
Pinus	41—27,5%	31—71%	24—19%	129—42,5%	17—7,2%	12—10%	24—10%	3—5%	11—13%
Betula	73—48%	7—17%	55—46%	34—15%	131—54%	51—43%	103—36%	42—64%	49—59%
Alnus	13—10%	—	—	26—10%	51—22%	34—28%	138—52%	18—28%	24—28%
Ulmus	3—2,5%	—	41—34,1%	—	—	—	—	—	—
Tilia	—	1—2,6%	—	—	—	—	—	—	—
Salix	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Corilus	—	—	—	—	—	4—3%	—	—	—
Gramineae	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Cyperaceae	—	—	1—20%	—	2—7%	1—12,5%	—	1—16,6%	1—25%
Onagraceae	7—69%	3—75%	—	3—25%	—	—	—	4—66,8%	—
Artemisia	4—31%	—	4—80%	9—75%	7—27%	6—75%	7—70%	1—16,6%	3—75%
Compositae	—	—	—	—	13—52%	—	—	—	—
Chenopodiaceae	—	1—25%	—	—	4—14%	1—12%	3—30%	—	—
Bryales	—	—	3—5,2%	2—0,9%	2—1%	3—6%	—	—	—
Sphagnum	—	1—12,5%	—	—	5—2,5%	1—2%	—	—	—
Polypodiaceae	21—100%	7—86,5%	53—94,8%	109—91,9%	193—96,5%	46—92%	43—100%	29—100%	75—100%
Всего	278	55	182	385	445	178	323	100	163

* Определения выполнены и таблица составлена Г. Н. Лисицкой.

Приложение VI (окончание)

Состав ископаемых пыльцы и спор	Глубина в м											
	1,43—1,48	1,57—1,63	1,63—1,7	1,81—1,85	1,92	2,05	2,19—2,2	2,32	2,38	2,54	2,60	2,8
Пыльца древесных пород	125—63%	256—7,82%	248—82%	276—93%	248—66%	346—77%	3—20%	—	—	1	—	—
Пыльца травянистых и кустарниковых растений	18—10%	24—7,5%	14—5%	11—4%	6—2%	25—6%	1—7%	—	—	—	—	—
Споры	53—27%	48—14,3%	40—13%	9—3%	118—32%	73—17%	11—73%	3	—	1	2	—
Picea	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pinus	10—8%	2—0,8%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Betula	73—58,4%	161—63%	215—87%	112—40,5%	54—22%	77—22%	2—66,5%	—	—	1	—	—
Alnus	42—33,6%	93—36,2%	33—13%	140—51%	182—73%	221—65%	1—33,5%	—	—	—	—	—
Ulmus	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Tilia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Salix	—	—	—	24—8,5%	12—5%	48—13%	—	—	—	—	—	—
Corilus	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Gramineae	4—11%	7—29,5%	1—7%	1—0,9%	5—83%	19—76%	—	—	—	—	—	—
Superaceae	12—88%	16—66%	4—28%	24—59,1%	—	3—12%	—	—	—	—	—	—
Onagraceae	1—5,5%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Artemisia	1—5,5%	—	—	—	—	1—4%	—	—	—	—	—	—
Compositae	—	—	9—65%	16—40%	—	2—8%	1	—	—	—	—	—
Chenopodiaceae	—	1—4,5%	—	—	1—17%	—	—	—	—	—	—	—
Bryales	52—98,1%	43—91,5%	12—30%	1—1,2%	22—19%	43—59%	—	2	—	1	—	—
Sphagnum	—	—	—	—	2—2%	—	—	—	—	—	—	—
Polypodiaceae	1—1,9%	4—8,5%	28—70%	8—98,8%	94—78%	30—41%	11—100%	1	—	—	2	—
Всего	196	328	302	296	372	444	15	6	Пустой	4	4	Пустой

Таблицы

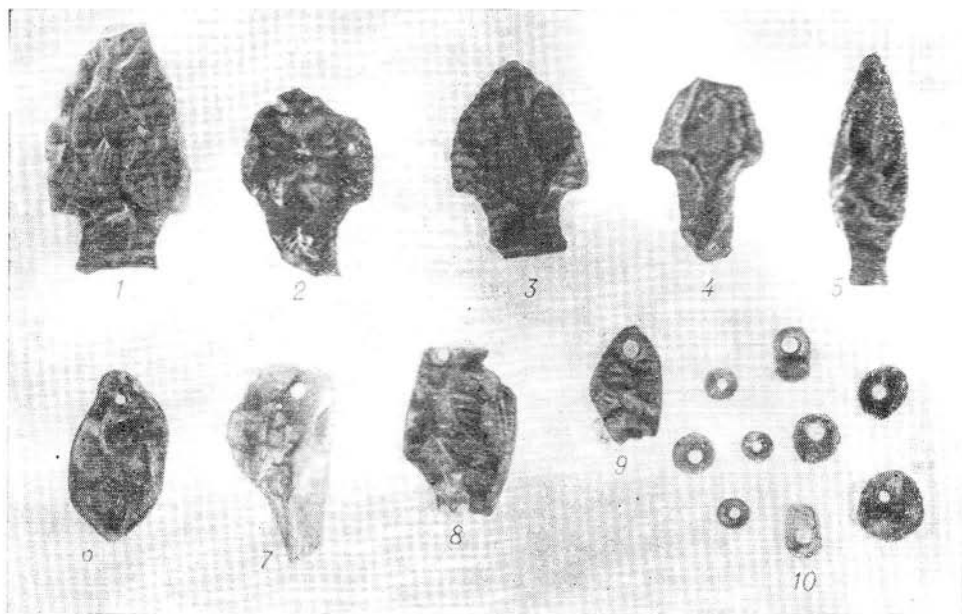

Таблица 1. Каменные изделия из седьмого (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-I ($\frac{1}{8}$ натуральной величины)

1-5 — наконечники стрел; 6-9 — подвески; 10 — бусы. 1, 3, 5 — из кремня; 2, 4 — из базальта; 6-10 — из пиррофилита

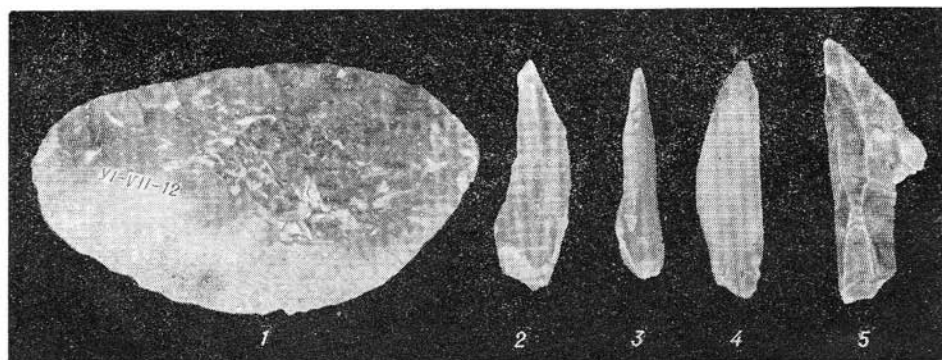

Таблица 2. Изделия из седьмого (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-I ($\frac{3}{4}$ натуральной величины)

1 — нож; 2-5 — резцевидные остря; 1-4 — из халцедона; 5 — из кремня

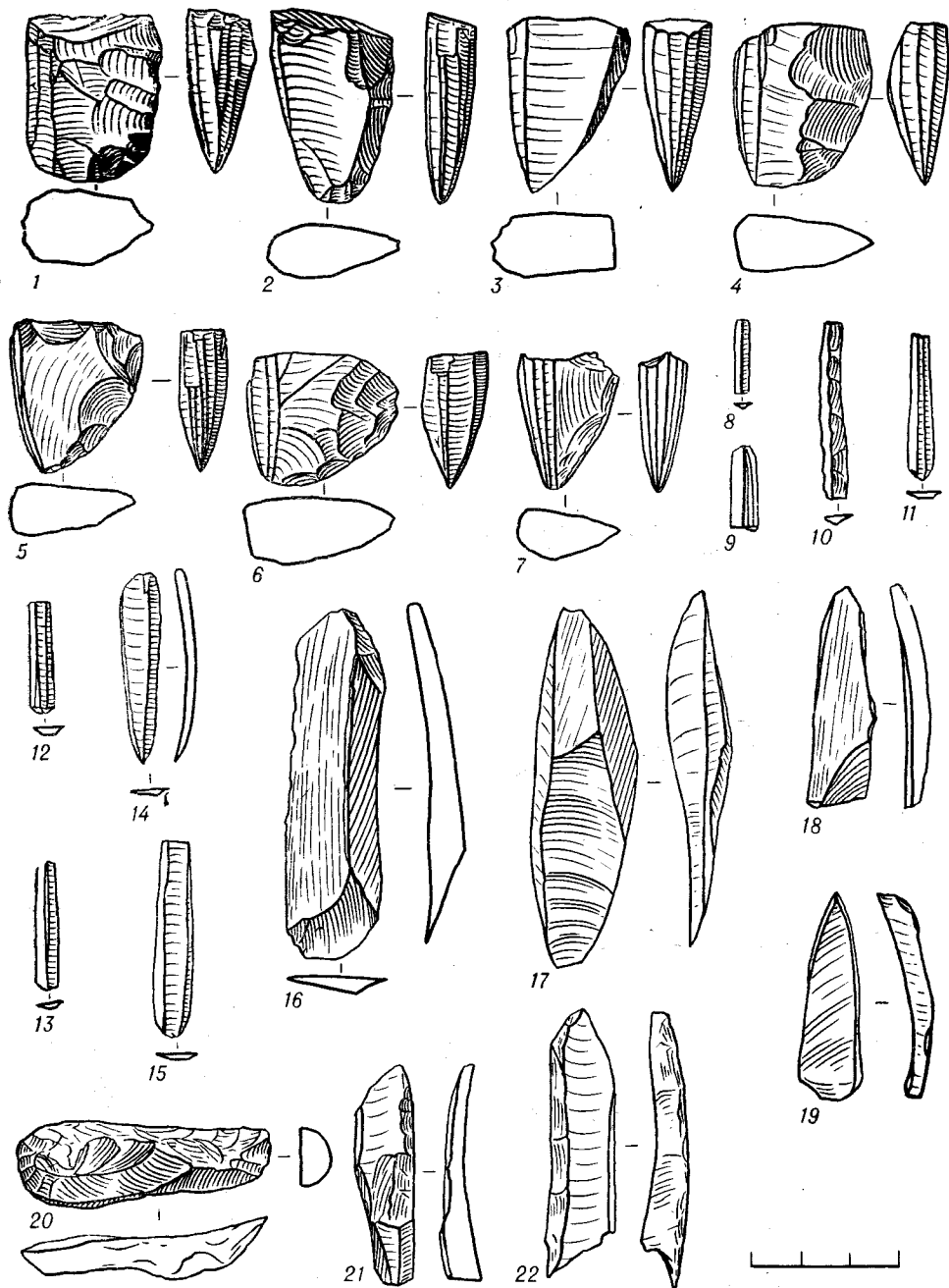

Таблица 3. Каменный инвентарь из палеолитического жилища шестого слоя стоянки Ушки-1, 1965 г. (1—22)

2 — из обсидиана; 15 — из халцедона; 20 — из кремня; 1, 3—14, 16—19, 21, 22 — из кремнистого сланца

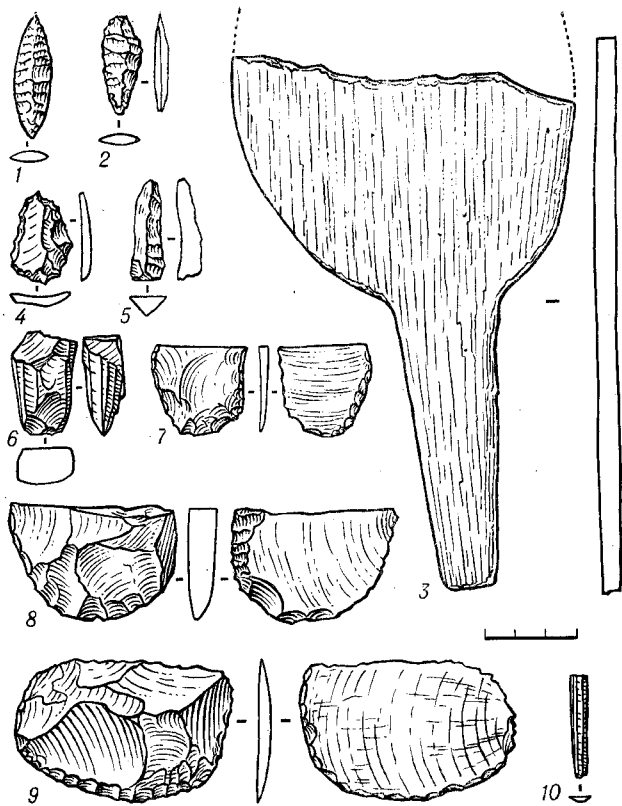
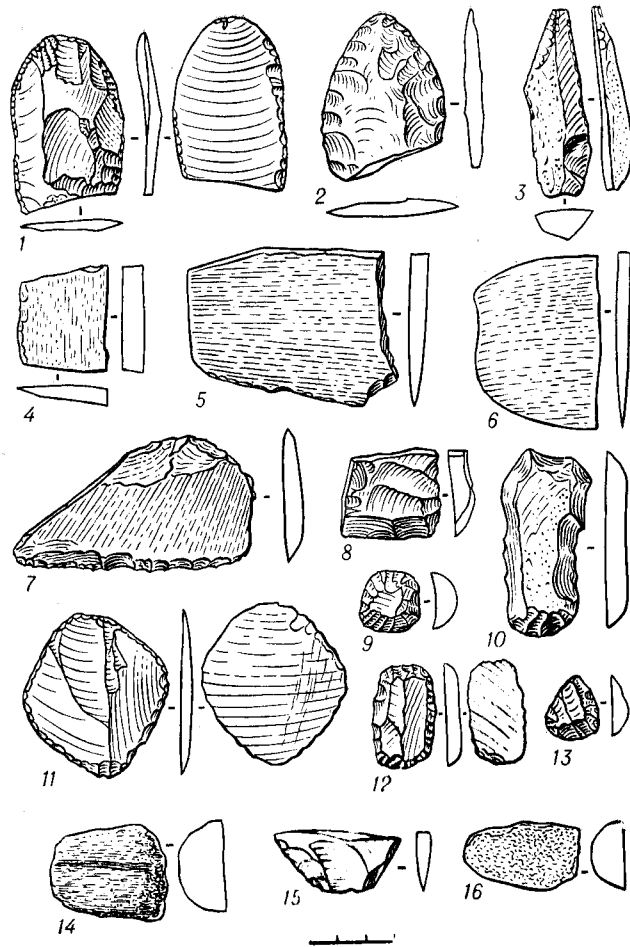

Таблица 4. Орудия из жилища в шестом (палеолитическом) слое стоянки Ушки-1, 1965 г.

1, 2, 4—10 — каменные; 3 — костяное

Таблица 5. Каменные орудия из жилища в шестом (палеолитическом) слое стоянки Ушки-1, 1965 г.

1 — из обсидиана; 2, 4—7, 11 — из глинистого сланца; 3, 8, 9, 12, 13 — из кремня; 10, 15 — из кремнистого сланца; 14, 16 — из пемзы

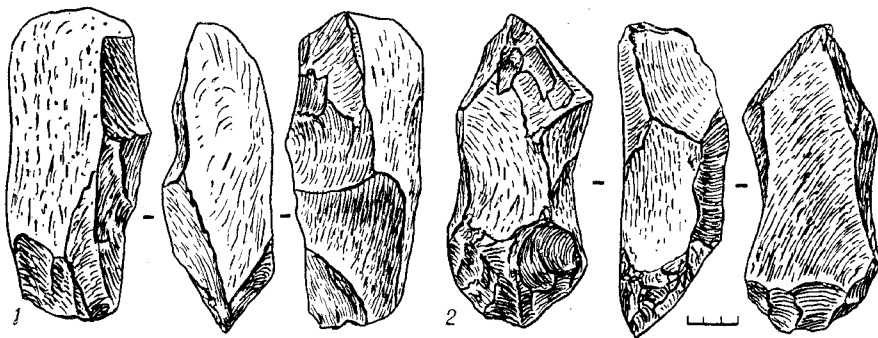

Таблица 6. Грубые ударные
из базальта орудия из жили-
ща в шестом (палеолитиче-
ском) слое стоянки Ушки-1,
1965 г. (1—2)

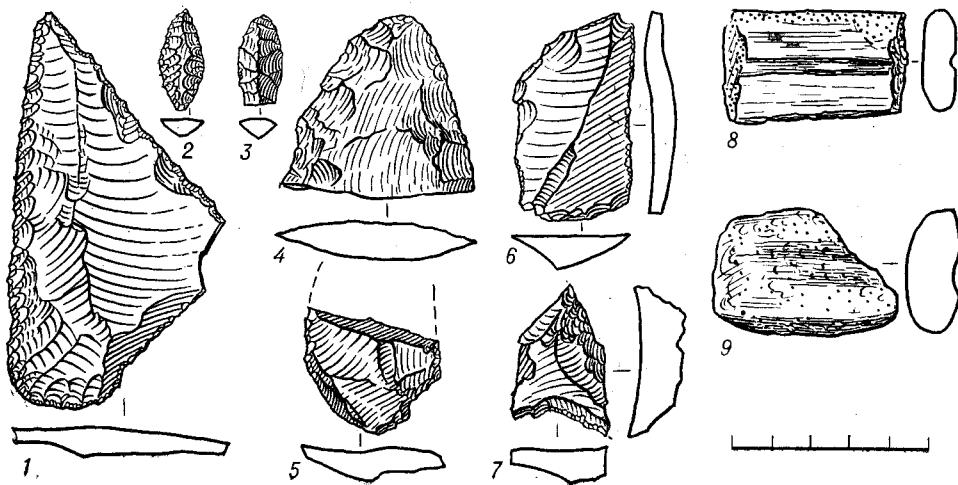

Таблица 7. Каменные орудия
из пятого (финальнопалеоли-
тического) слоя стоянки Уш-
ки-1, 1973 г. (1—9)

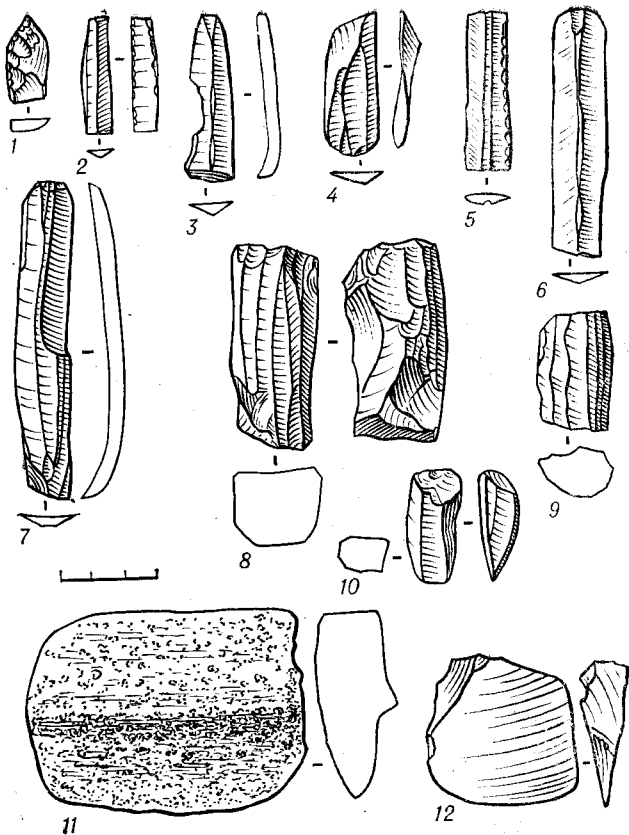

Таблица 8. Каменные изделия из четвертого (ранне-неолитического) слоя стоянки Ушки-1, 1962 г. (1—12); 10 — из обсидиана; 11 — из песчаника

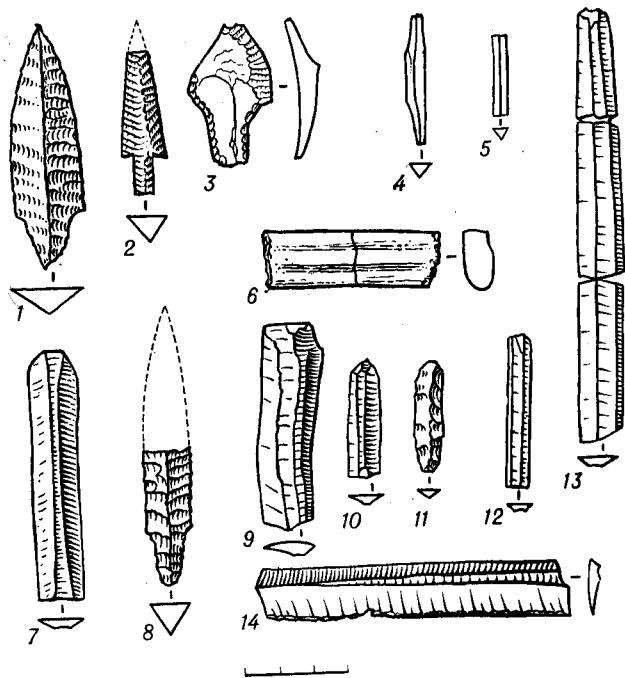

Таблица 9. Каменные изделия из третьего (палеолитического) слоя стоянки Ушки-1, 1962 г.

1—3, 8 — наконечники стрел; 4, 5, 7, 9—14 — ножевидные пластинки. 1, 2, 7 — 14 — из обсидиана; 3—5 — из кремнистого сланца; 6 — из песчаника

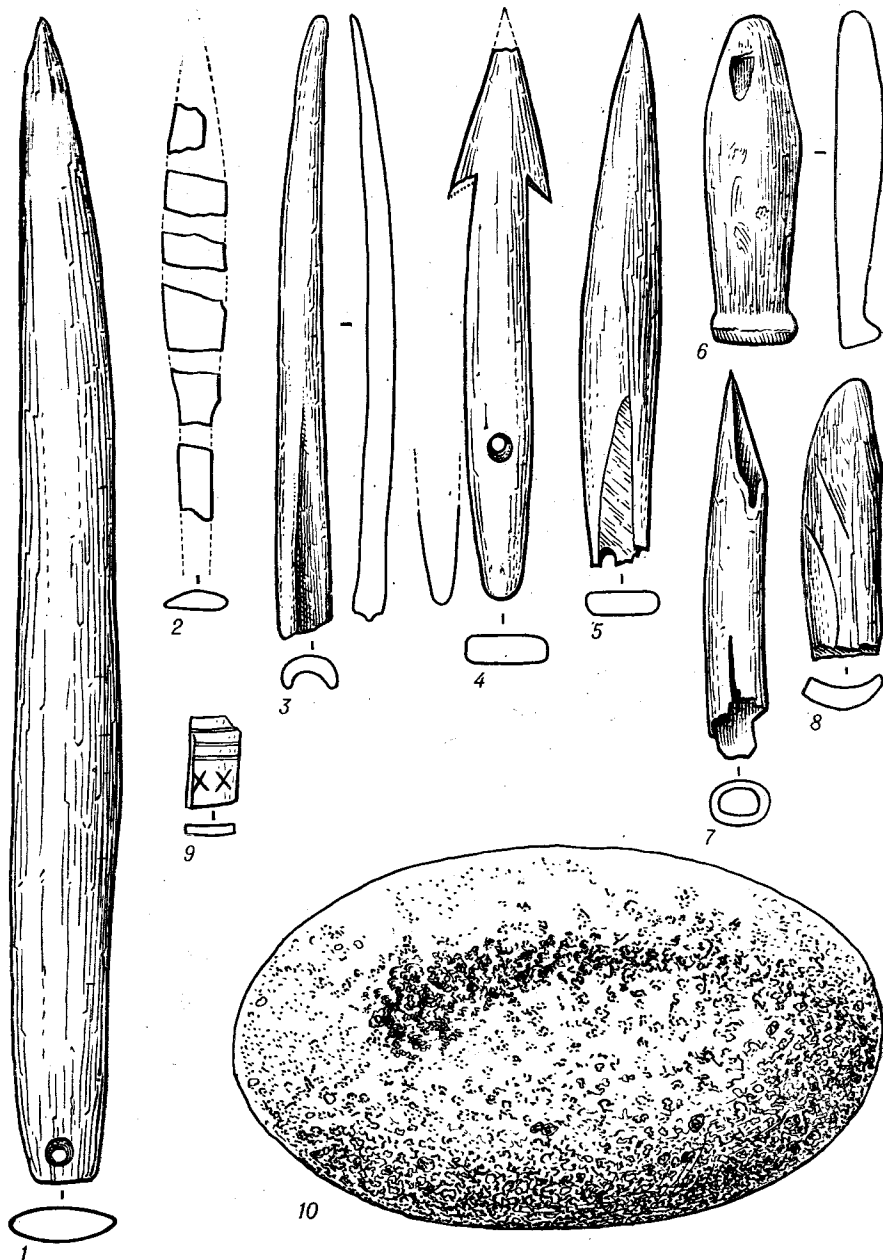

Таблица 10. Изделия из землянки в верхнем слое стоянки Ушки-1, 1962 г. (1—8)
1—9 — из кости, 10 — из камня

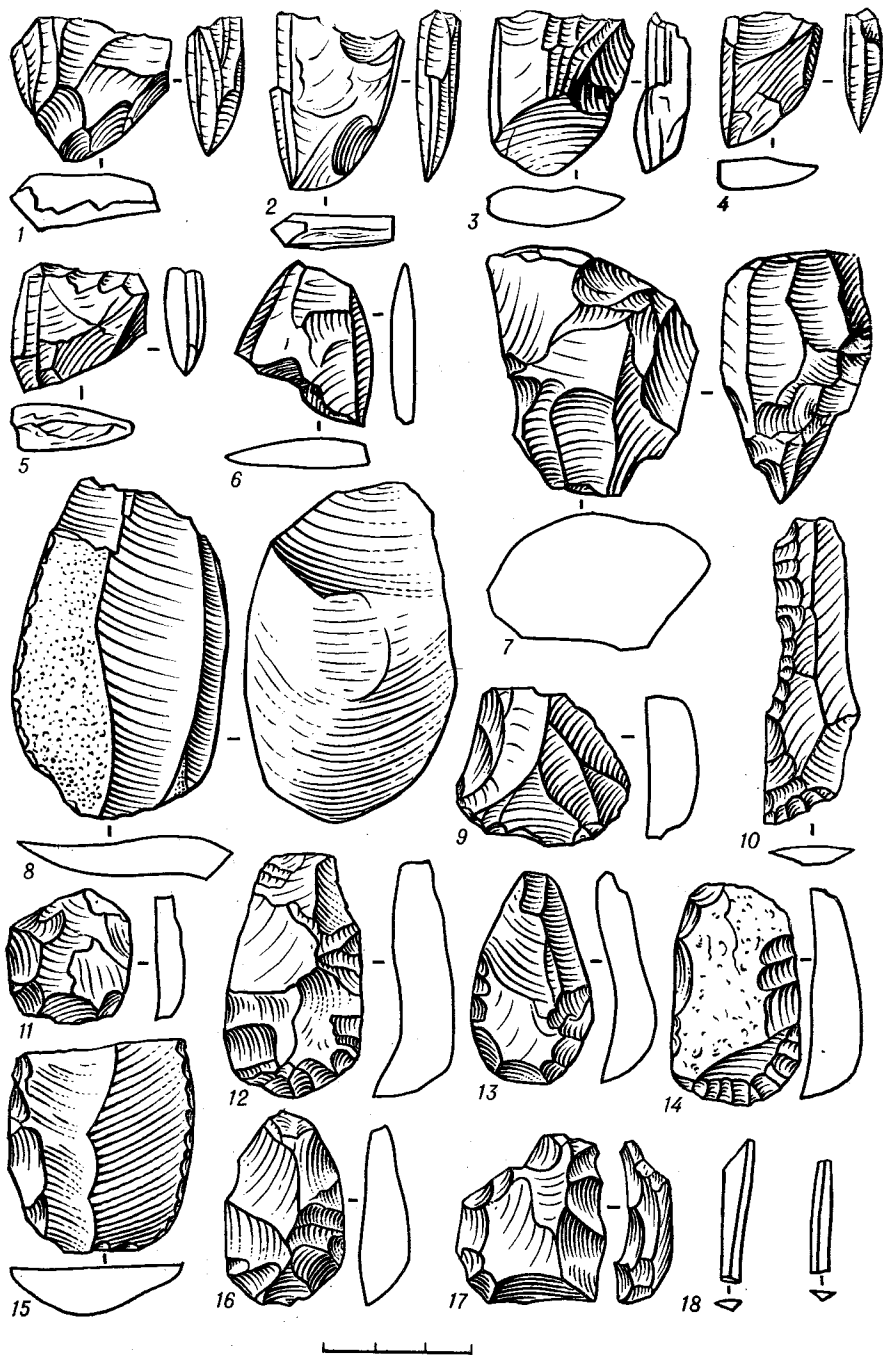

Таблица 11. Каменные изделия из пятого (финальнопалеолитического) слоя стоянки Ушки-II, 1962 г.

1, 3—8, 12—14 — из кремня; 2, 9—11, 15—18 — из кремнистого сланца

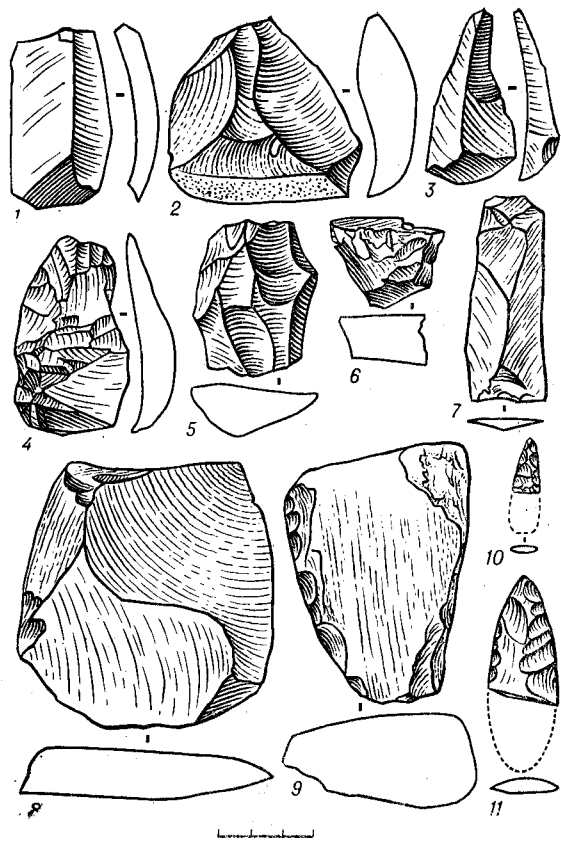

Таблица 12. Каменные орудия из пятого слоя стоянки Ушки-II, 1962 г.
1, 4—7, 10 — из кремня; 3 — из кремнистого сланца; 2, 8, 9 — из глинистого сланца

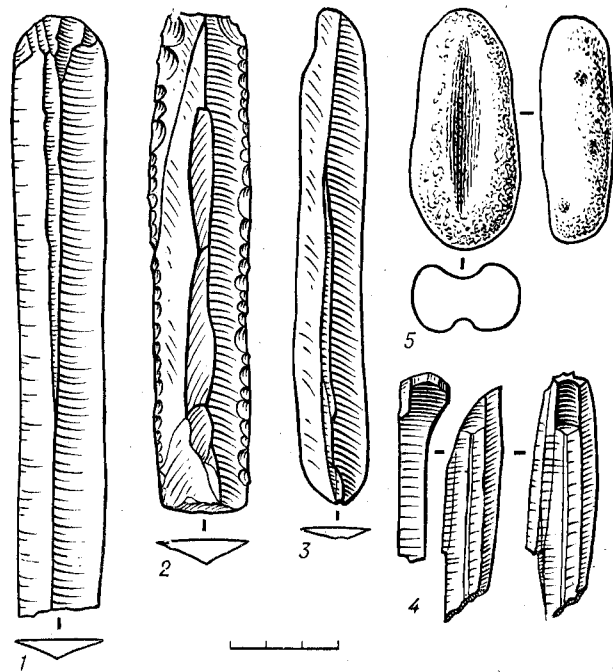

Таблица 13. Каменные изделия из четвертого культурного слоя стоянки Ушки-II, 1964 г.
1—4 — из обсидиана; 5 — из вулканического туфа

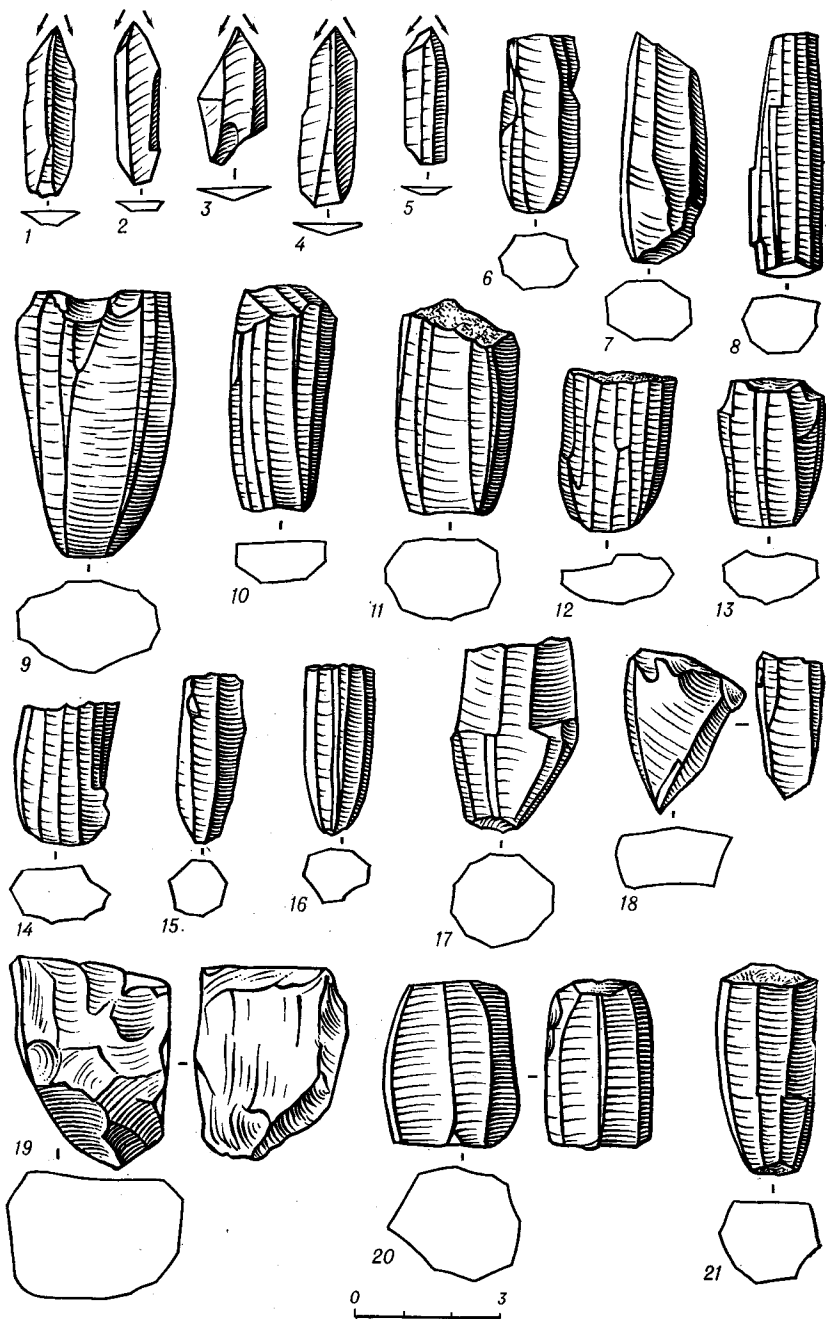

Таблица 14. Каменные резцы и нуклеусы из четвертого слоя стоянки Ушки-II, 1964 г. (1-21)

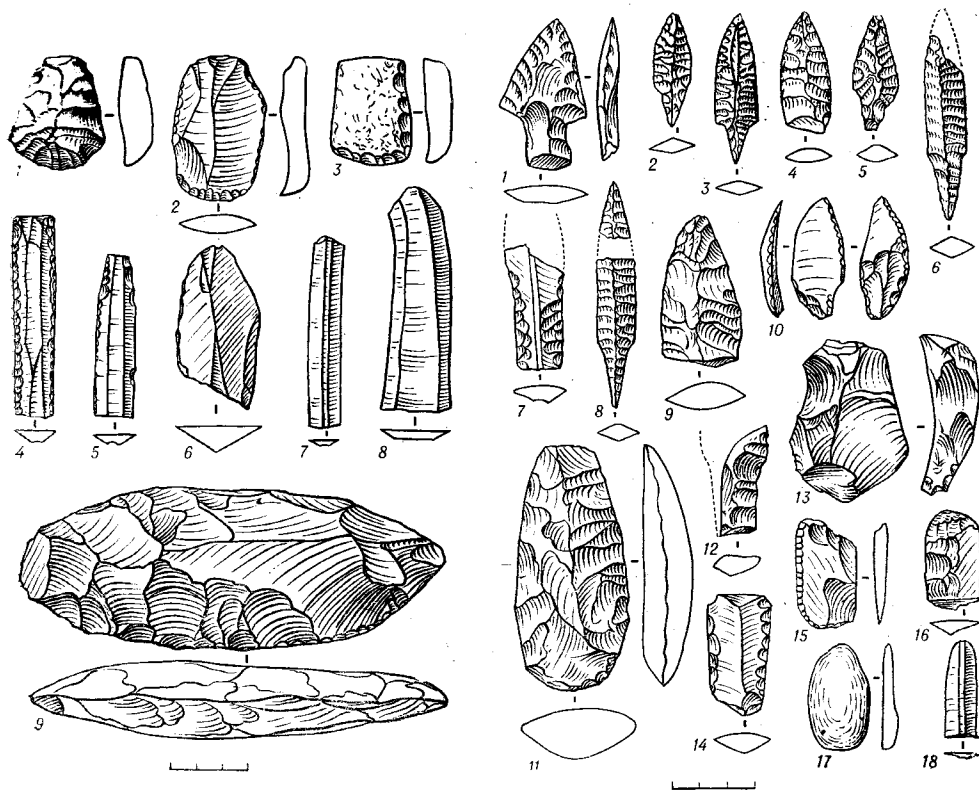

Таблица 15. Изделия из четвертого слоя стоянки Ушки-II, 1964 г. (1-9)

1-3 — каменные скребки; 4-8 — ножевидные пластины; 9 — нож

Таблица 16. Каменные изделия из четвертого слоя стоянки Ушки-II, 1964 г.

1-8 — наконечники стрел; 9, 10 — ножи; 11 — тесло-скребло; 12 — обломок наконечника дротика; 13-16 — скребки; 17 — заготовка; 18 — ножевидная пластинка

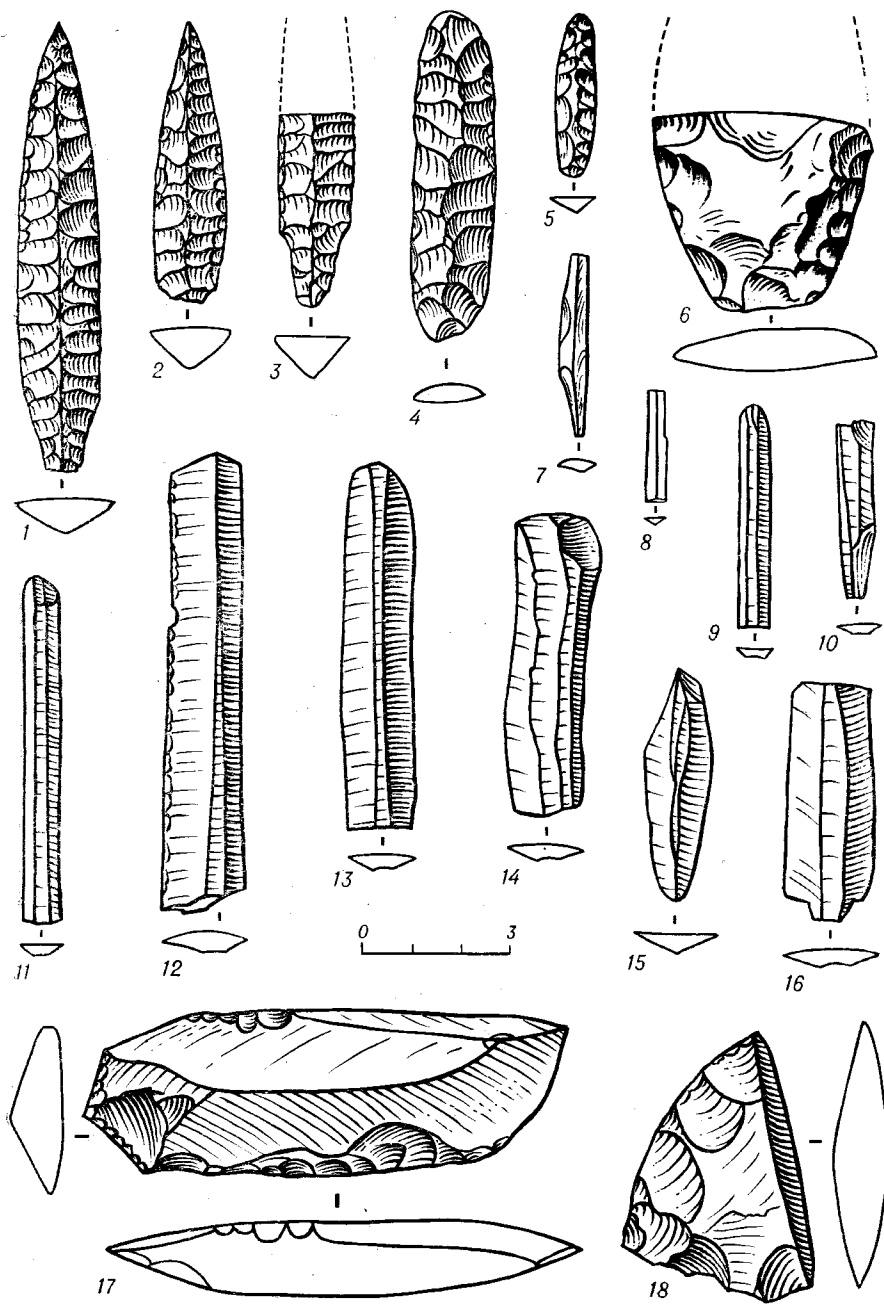

Таблица 17. Каменные изделия из третьего культурного слоя стоянки Ушки-II, 1964 г.

1-3 — наконечники стрел; 4, 5 — вкладыши; 6, 17, 18 — ножи; 7-16 — ножевидные пластинки

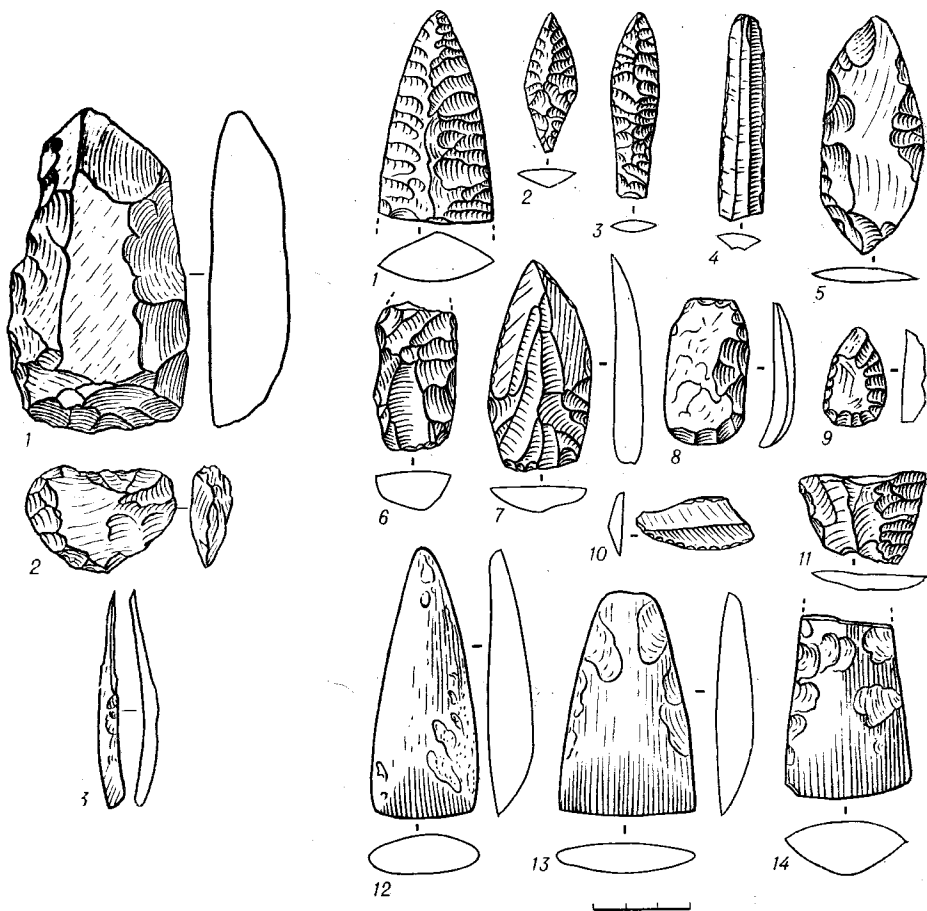

Таблица 18. Каменные изделия из четвертого слоя стоянки Ушки-II, 1964 г.

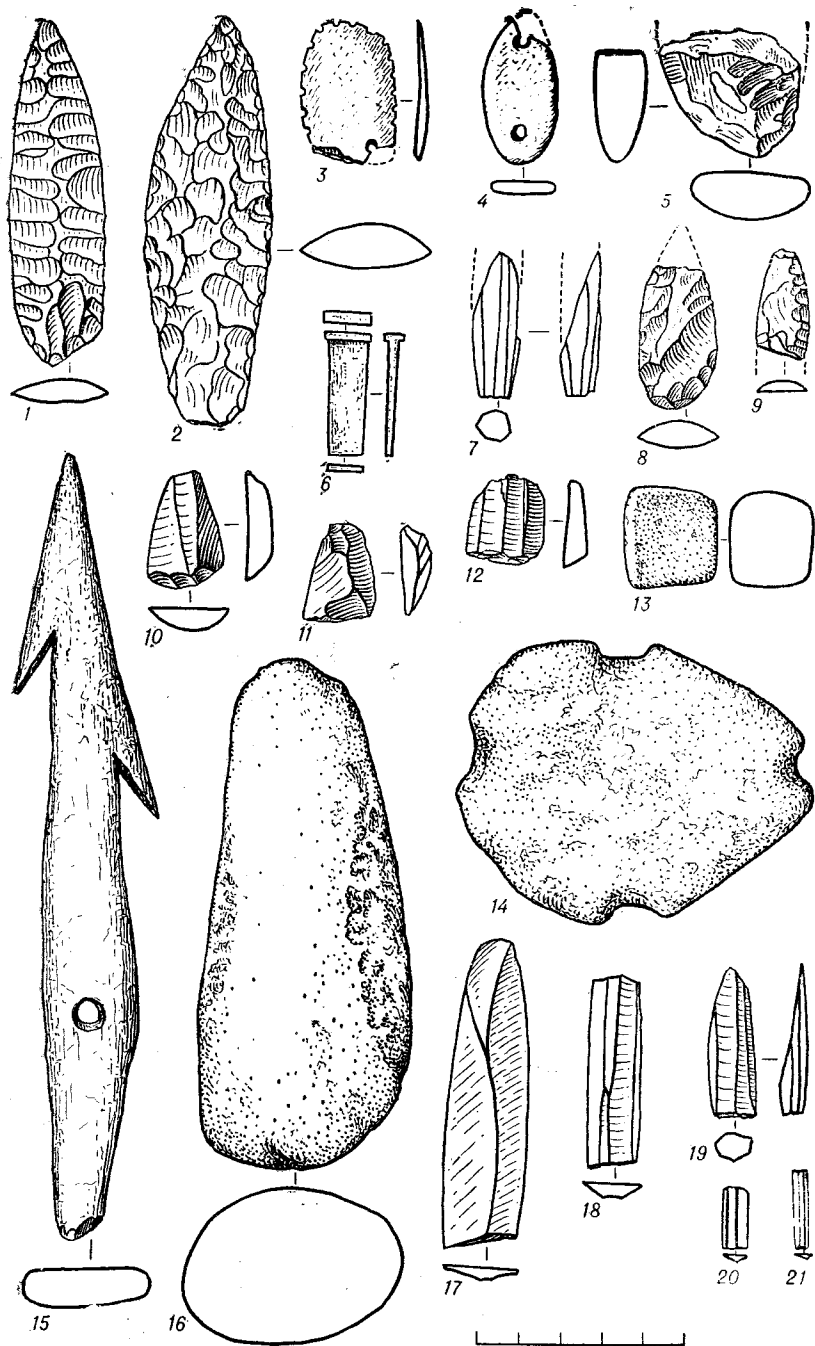
1 — скребловидное тесло; 2 — скребок; 3 — резцевидное острие

Таблица 19. Каменные орудия из второго культурного слоя стоянки Ушки-II, 1964 г.

1 — обломок наконечника копья; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — ножевидная пластинка; 5 — нож; 6—11 — скребки; 12—14 — тесла

Таблица 20. Изделия из верхнего слоя стоянки Ушки-II, 1964 г. →

1—5, 7—14, 16—21 — из камня; 6 — из меди; 15 — из кости

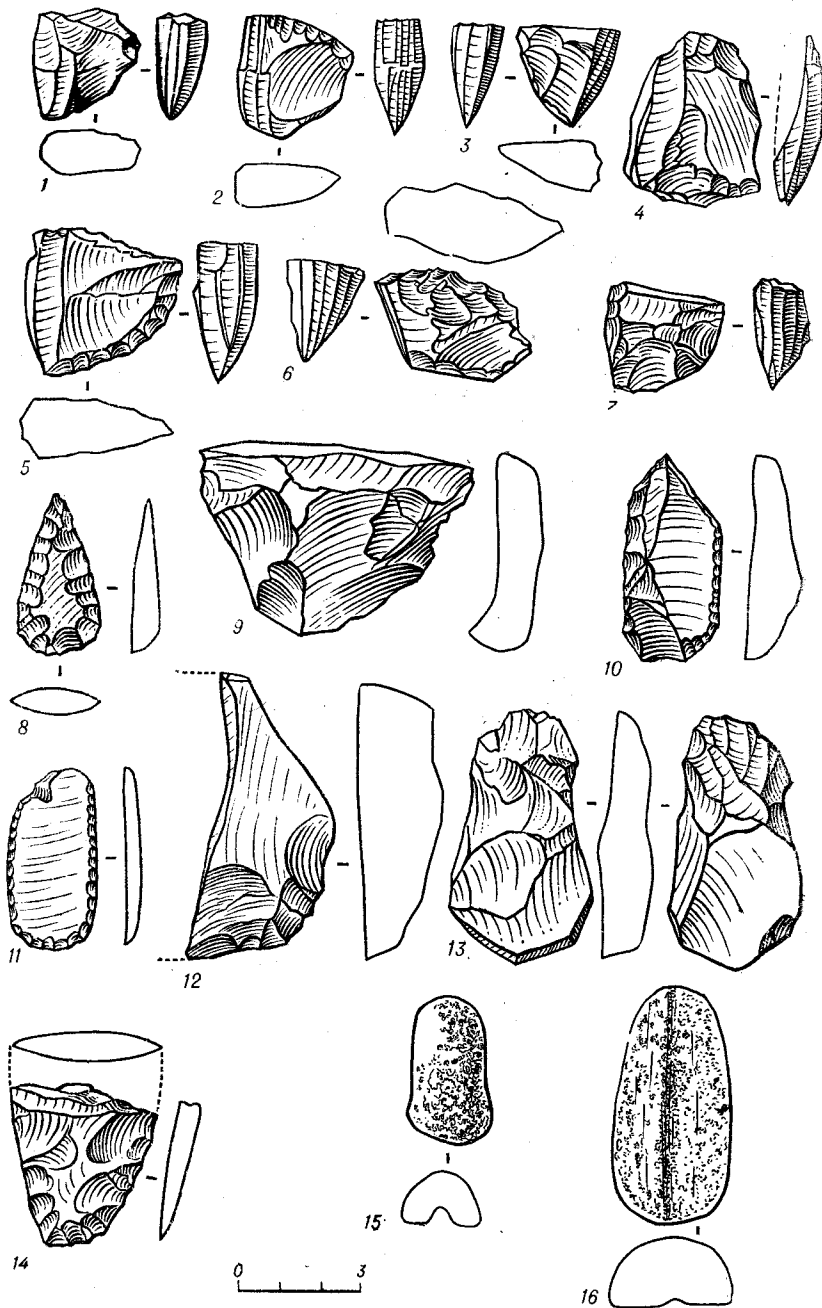

Таблица 21. Каменные изделия из шестого слоя стоянки Ушки-IV, 1962 г.
 1—3, 5—7 — клиновидные нуклеусы; 4—12 — скребки; 13 — нож; 15, 16 — точильные камни

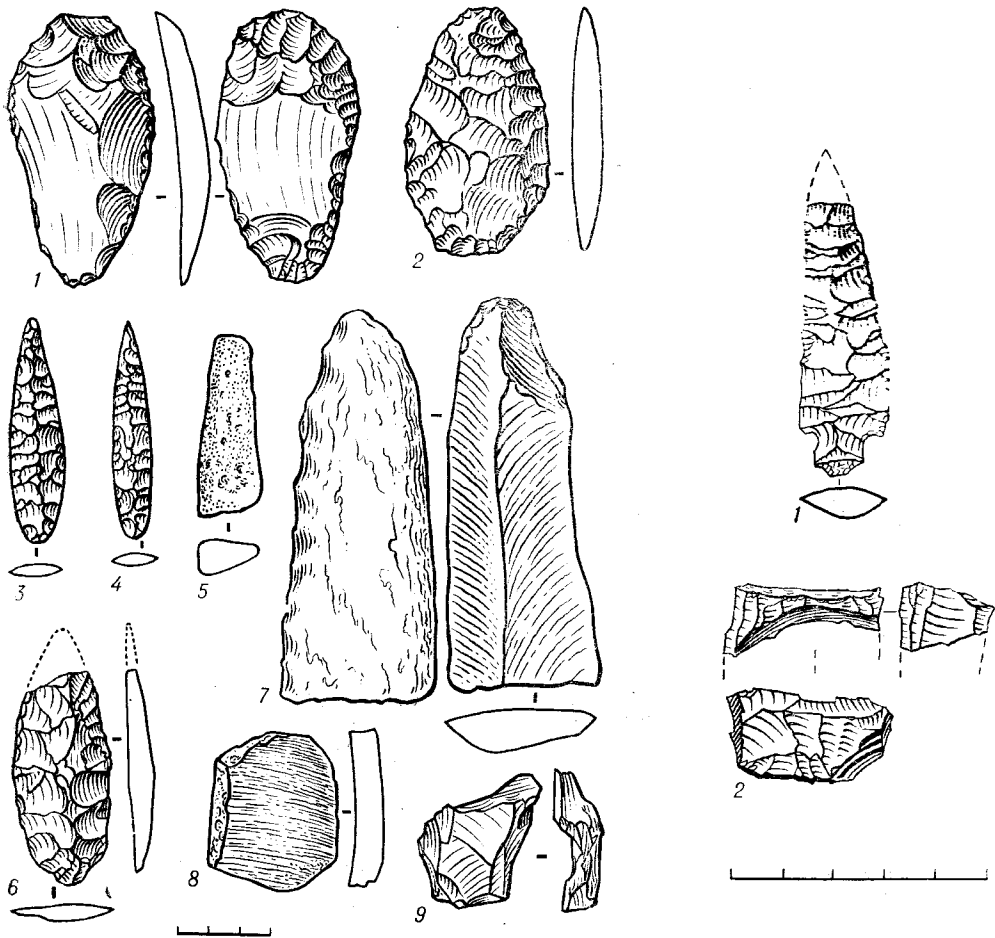

Таблица 22. Каменные изделия из шестого (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-IV, 1962 г.

1, 2 — ножи; 3, 4, 6 — метательные наконечники; 5 — точильный камень; 7—9 — скребки

Таблица 23. Каменные изделия из седьмого (верхнепалеолитического) слоя стоянки Ушки-V, 1974 г.

1 — халцедоновый наконечник стрелы; 2 — обломок обсидианового призматического нуклеуса

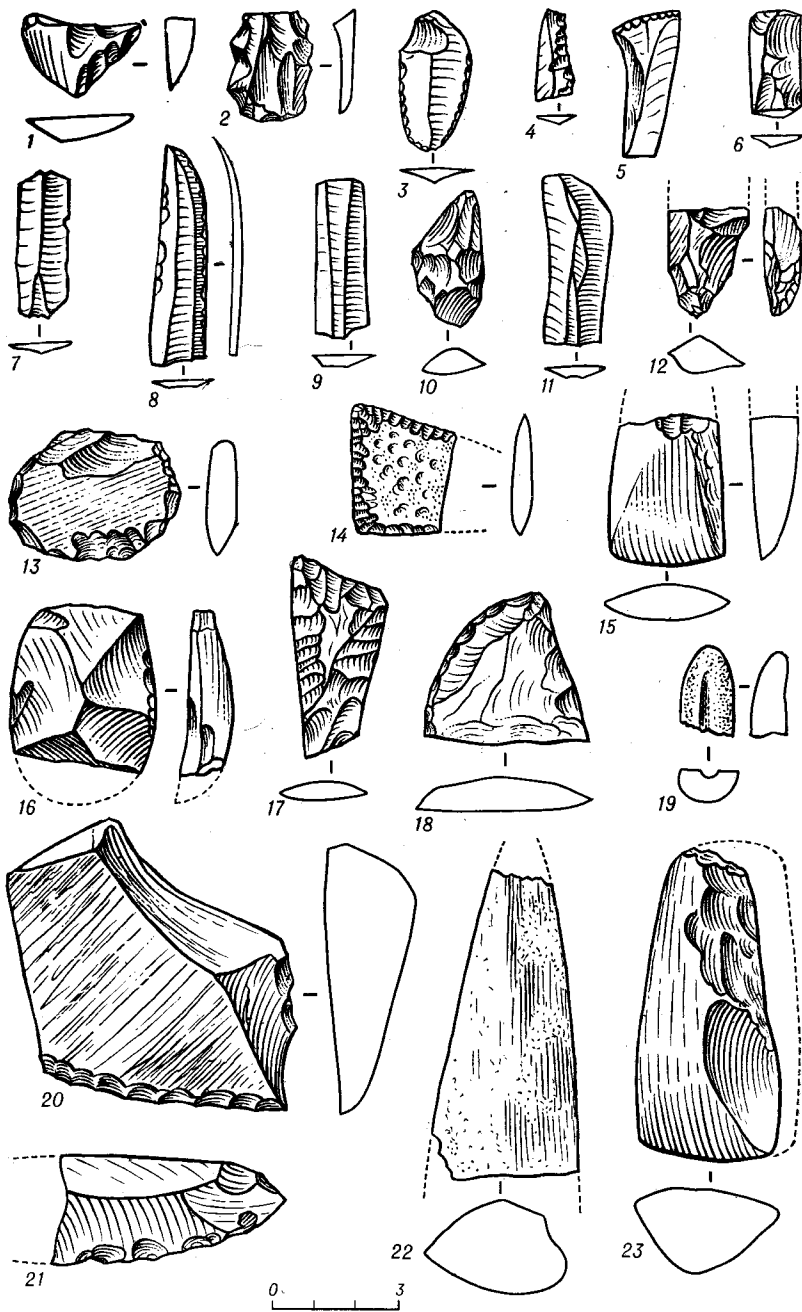

Таблица 24. Каменные изделия из неолитической землянки в Култуке, Ушки-III (5)
 1—3, 13, 18—20 — скребки; 4—12, 14, 17, 21 — ножи; 15, 22, 23 — тесла; 19 — точильный камень

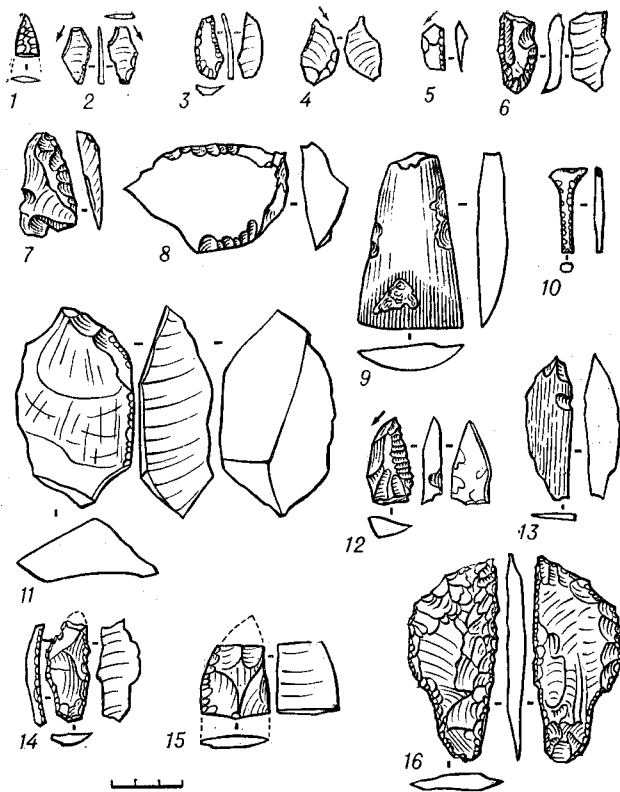

Таблица 25. Каменные изделия стоянки Застойчик (6)

1 — обломок наконечника; 2, 5, 12 — резцы; 9 — тесло; 10 — лабретная шпилька; 3, 4, 6—8, 11, 13—15 — скребки; 16 — нож. 1 — из обсидиана; 2, 5, 10, 14, 16 — из кремня; 3, 4, 6 — из халцедона; 7, 8, 11 — из базальта; 9 — из глинистого сланца

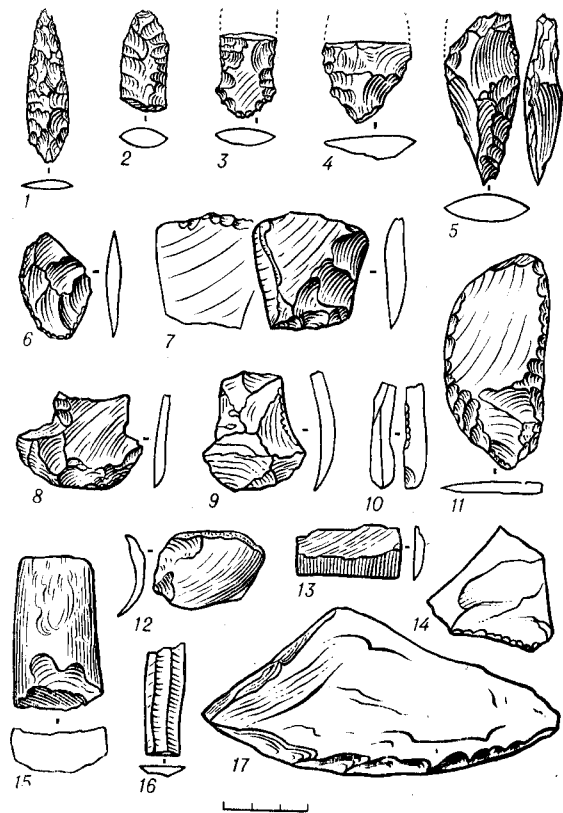

Таблица 26. Каменные изделия и землянки № 1 на Домашнем озере (7)

1, 4, 5 — наконечники стрел; 2, 3, 11, 17 — ножи; 6—9, 14 — скребки, 10, 16 — пожевидные пластины; 12, 13 — отщепы; 15 — скол с тесла. 1, 4, 3, 8—10, 14, 16 — из обсидиана; 2, 7, 11, 17 — из кремнистого сланца; 6 — из кремня; 5, 15 — из глинистого сланца

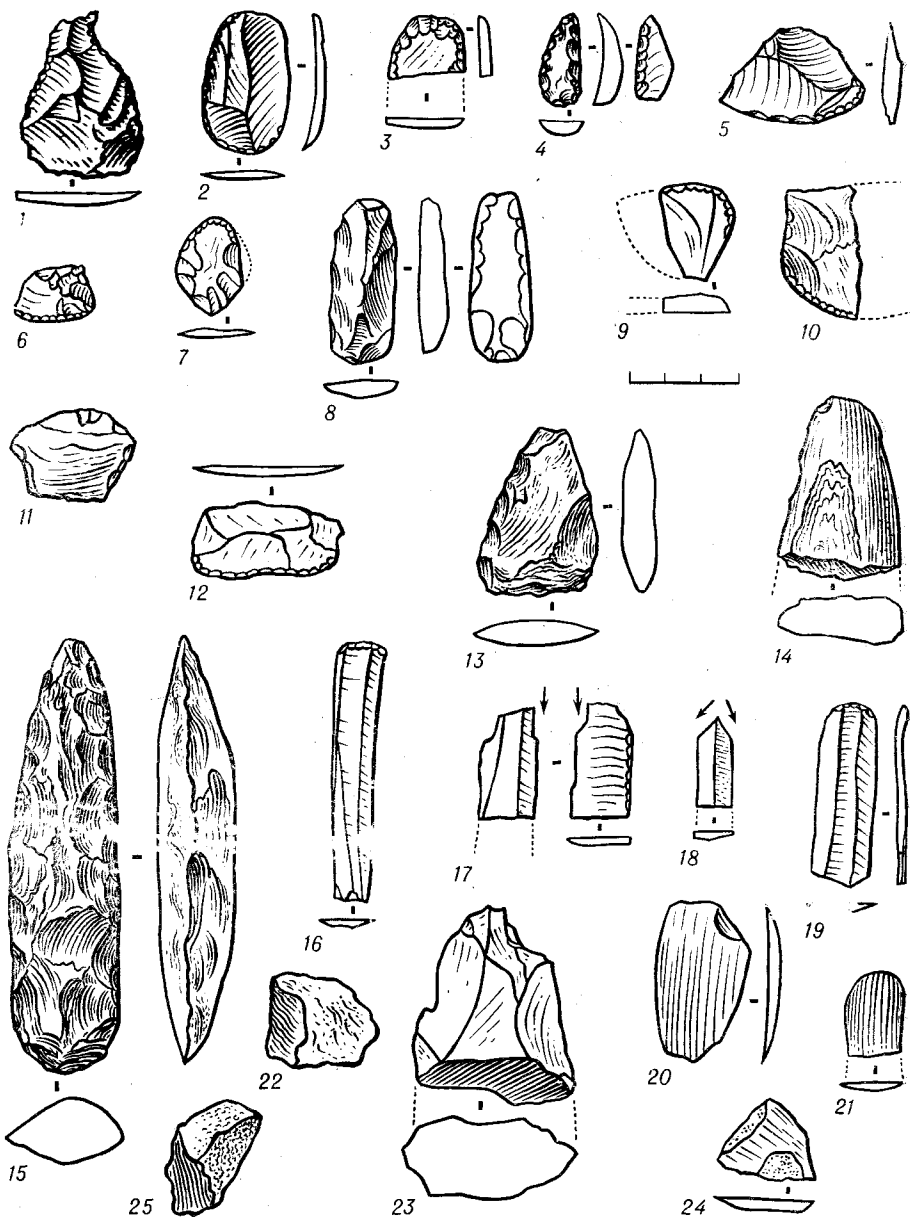

Таблица 27. Каменные изделия из землянки № 2 на Домашнем озере (7)

1, 4 — комбинированные орудия; 2, 3, 5, 6, 7—12 — скребки; 13—15, 20—25 — тесла и сколы с них; 16, 19 — ножевидные пластины; 17, 18 — резцы. 1, 2, 3, 5, 6, 9—11, 16, 18, 19 — из обсидиана; 4 — из кремня; 7, 8, 12 — из кремнистого сланца; 13—15, 20—25 — из глинистого сланца

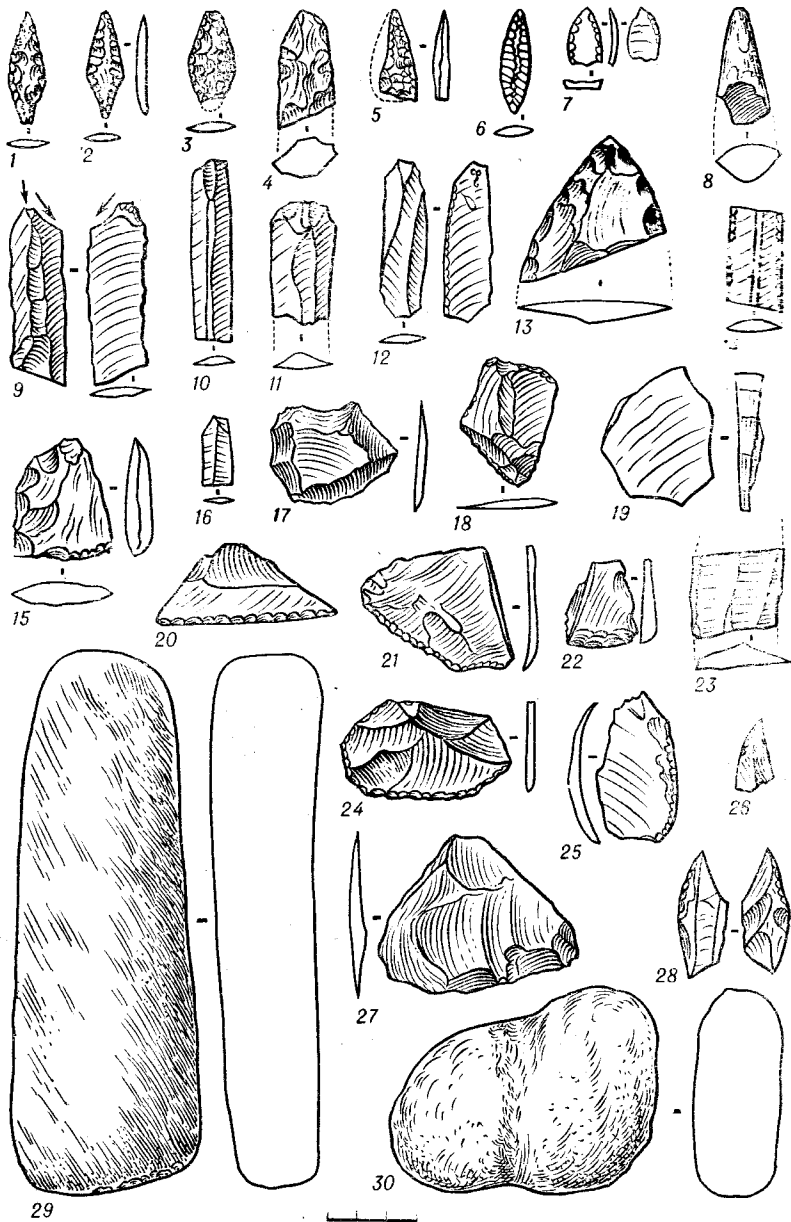

Таблица 28. Каменные изделия из землянки № 3 на Домашнем озере (7)

1—7 — наконечники стрел; 8 — обухок тесла; 9 — резец; 10—12, 14, 16, 23 — ножевидные пластины; 15 — тесло; 17, 18, 27 — отщепы; 19 — скол с призматического нуклеуса; 20—22, 24, 25 — скребки; 13 — обломок ножа; 26, 28 — проколки; 29 — отжимник; 30 — грузило. 4, 13, 15, 21, 27 — из кремнистого сланца; 7 — из халцедона; 8, 14 — из глинистого сланца; остальные из обсидиана

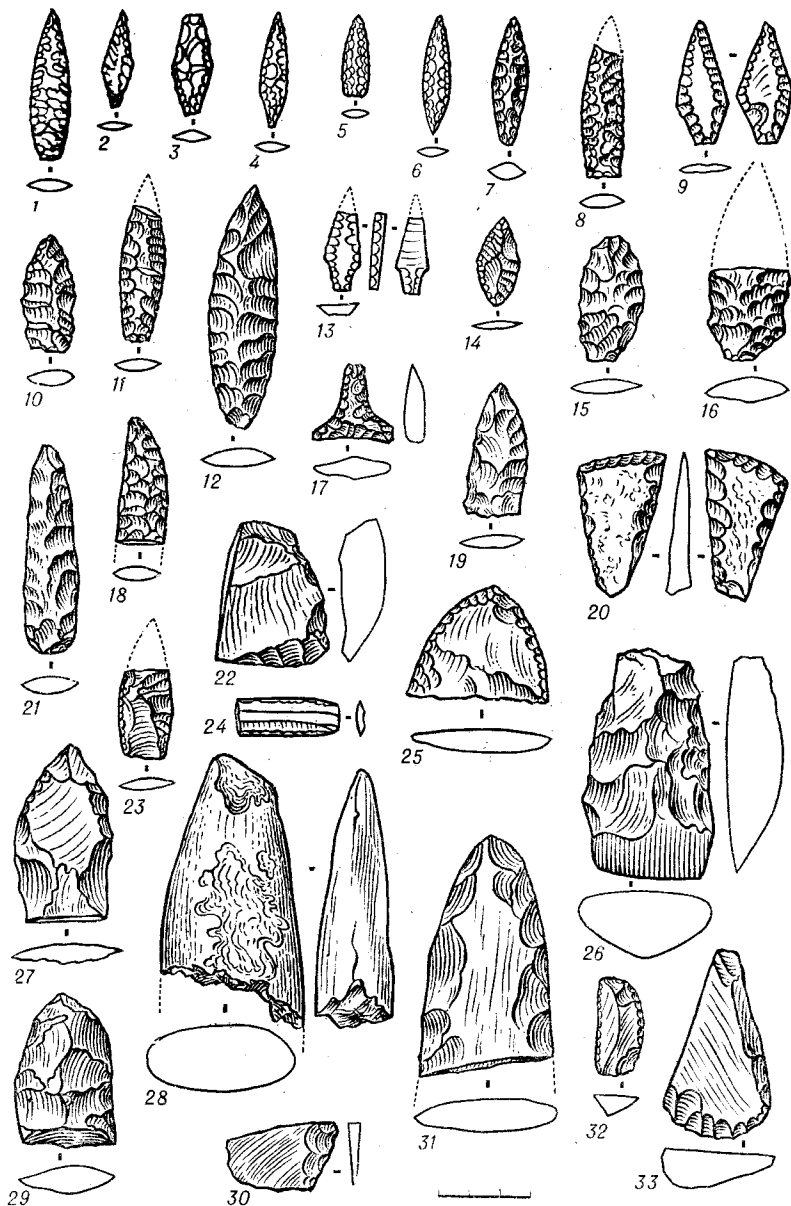

Таблица 29. Каменные изделия с поверхности стоянки у Домашнего озера (7)

1—16, 19, 21, 23 — наконечники; 17 — лабреточная шпилька; 18, 20, 22, 27, 29 — ножи; 24 — ретушированная ножевидная пластина; 25, 30, 32, 33 — скребки; 26, 28, 31 — тесло и обломки тесел. 1—6, 9, 13—17, 23, 24, 30 — из обсидиана; 10 — из кремня; 20, 29, 32 — из халцедона; 7, 8, 11, 12, 19, 25, 33 — из кремнистого сланца; 18, 21, 22, 27, 28, 31 — из глинистого сланца; 26 — из нефрита

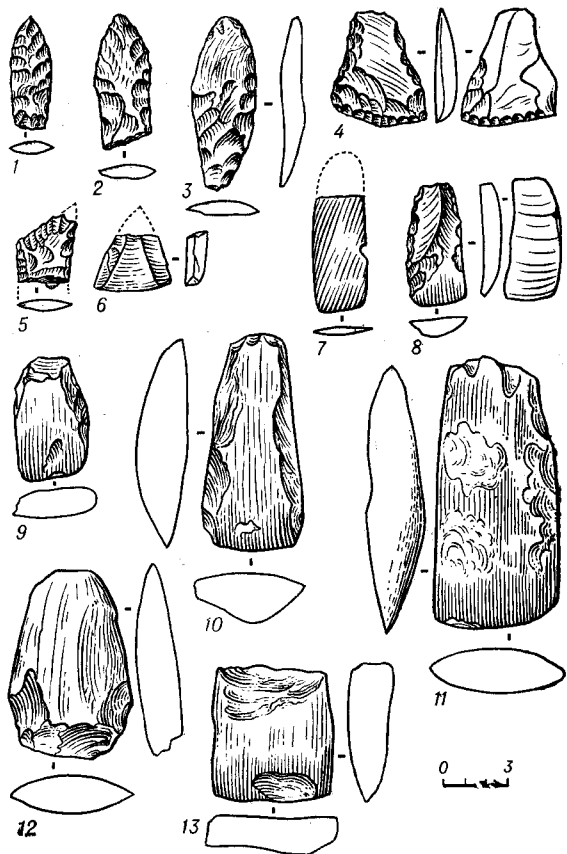

Таблица 30. Каменные изделия с правого берега р. Камчатка в пос. Козыревск (8)

1, 2 — метательные наконечники; 3, 5, 7 — ножи; 4, 6 — скребки; 8—13 — тесла

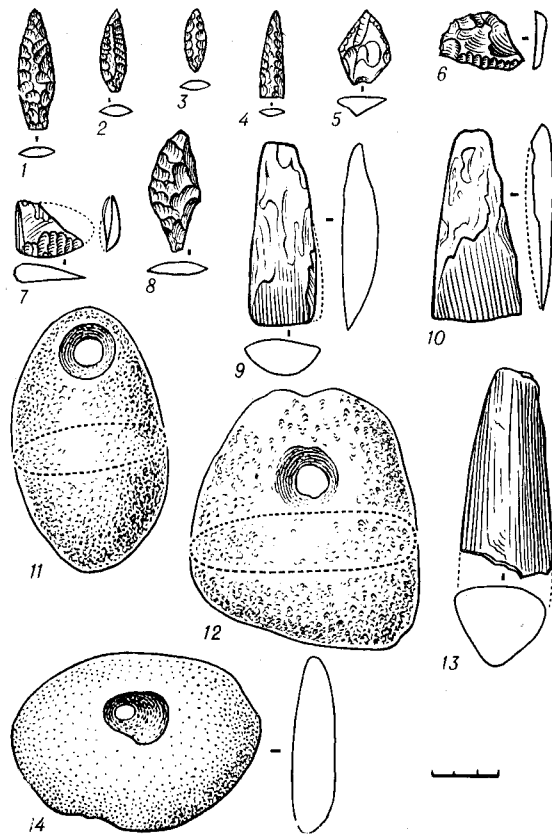

Таблица 31. Каменные изделия (подъемные) со стоянки возле Козыревского сопки (9)

1—4, 8 — метательные наконечники; 5—7 — скребки; 9, 10, 13 — тесла; 11, 12, 14 — грузила

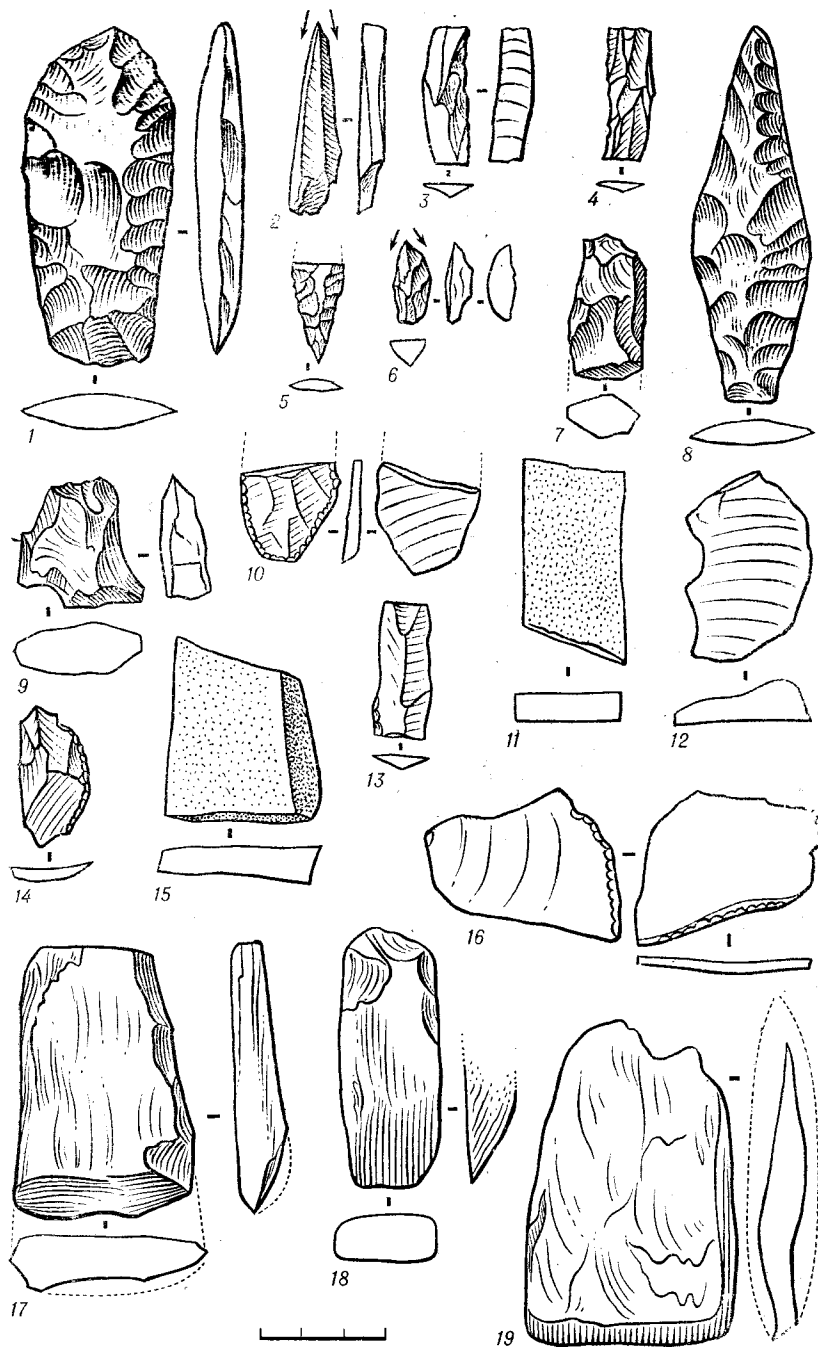

Таблица 32. Каменные изделия в Доярках (10) из-под второго слоя пепла (11—19)
1, 5, 8 — металлические наконечники; 2, 3 — резцы; 17—19 — гесла

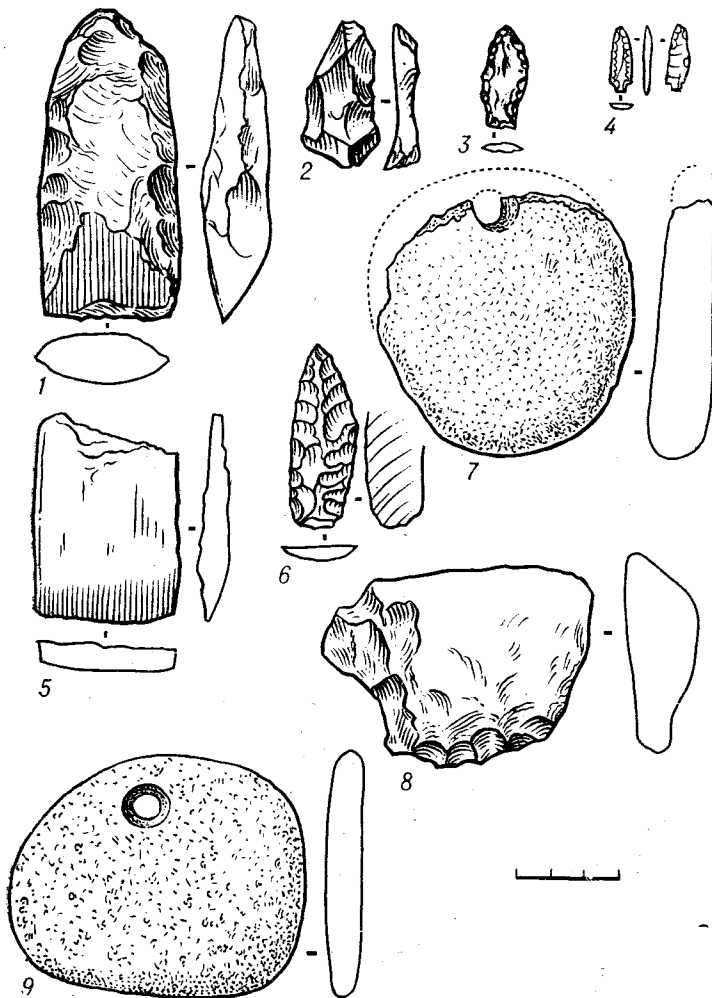

Таблица 33. Каменные изделия с нижней стоянки Доярки (10)

1, 5 — тесло и скол с тесла; 2 — скребок; 8 — заготовка скребла; 4 — комбинированное орудие; 3 — наконечник стрелы; 6 — наконечник стрелы; 7, 9 — грузила. 1, 5, 6 — из глинистого сланца; 2 — из кремня; 3 — из обсидиана; 4 — из халцедона; 5 — из базальта. 1, 3, 4 — обнаружены под IIIa слоем вулканического пепла на глубине 1,8 м (на полу землянки); 6, 9 — под II слоем вулканического пепла, на глубине 1 м; 2, 5 — на 30 см выше слоя А вулканического пепла, на глубине 1,7 м; 7, 8 — в очаге над белым пеплом

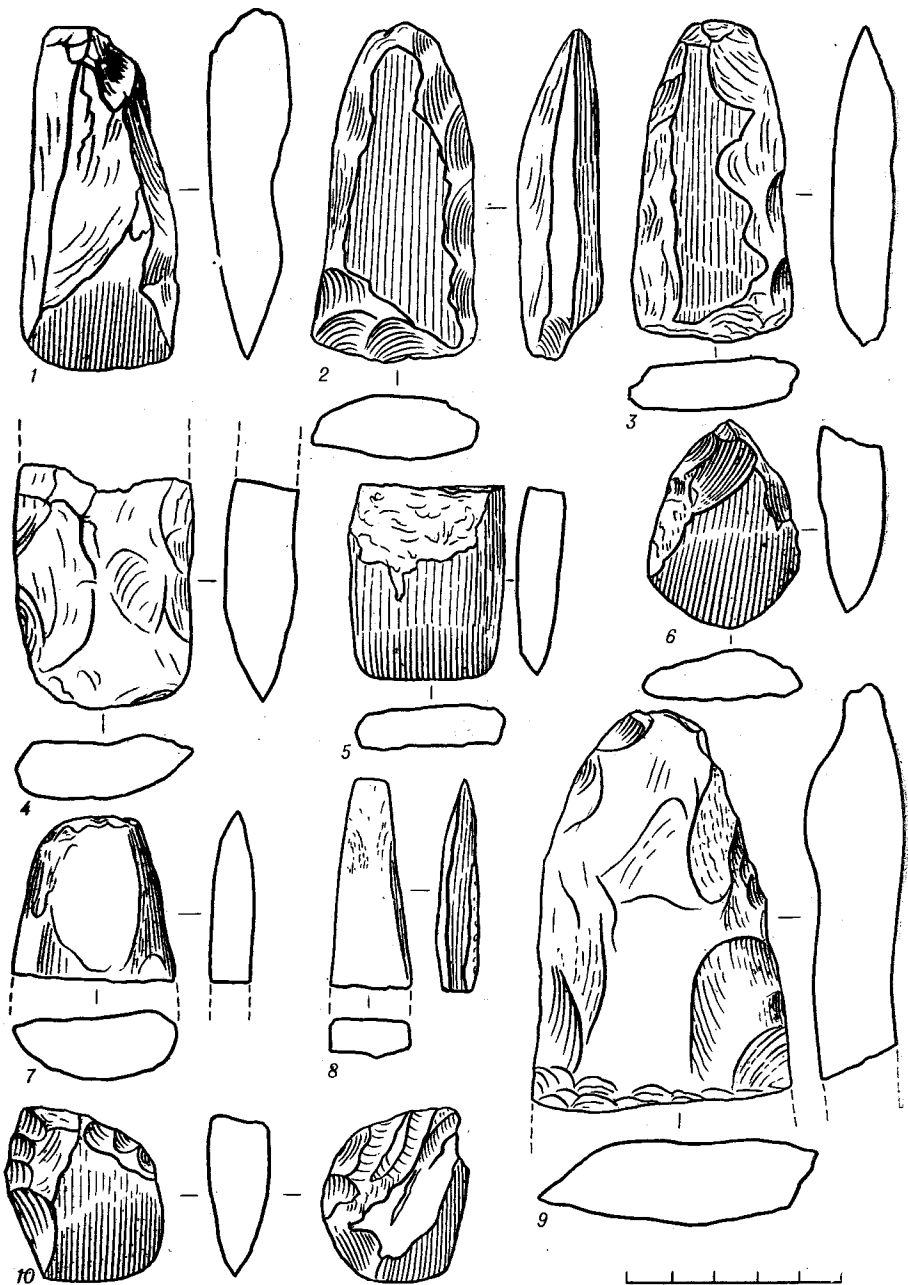

Таблица 34. Каменные изделия со стоянок в с. Ключи (12)

1 — старая сопка (подъемный); 6 — Ключи I, над I слоем пепла; 5 — Ключи II (между 3 и 4 слоями пепла); устье ручья Ключи (подъемный) — остальные

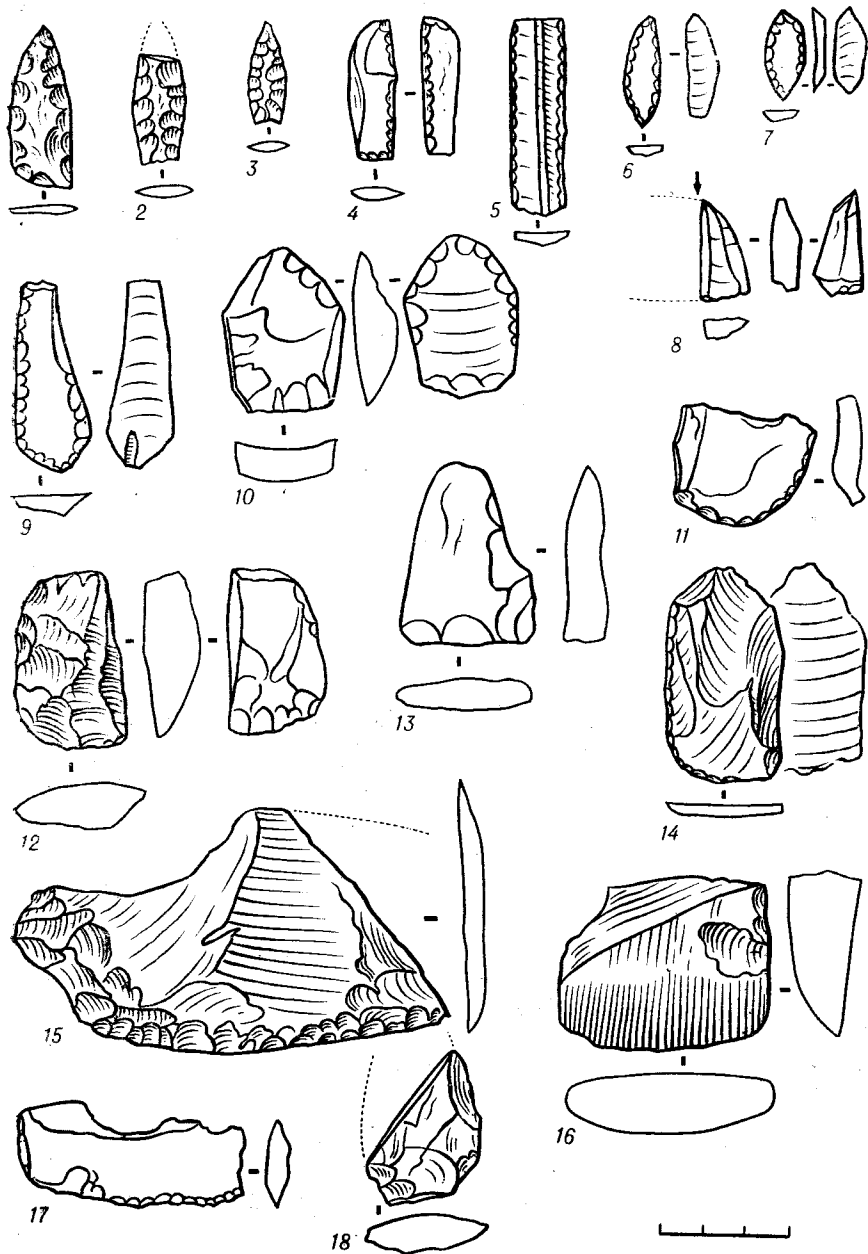

Таблица 35. Каменные изделия со стоянки при устье ручья Ключи (13)

1—3, 18 — наконечники и обломок наконечника; 4, 5 — ретушированные пластины; 6, 7, 9, 11, 12 — скребки; 14, 15, 17 — ножи; 8 — резец; 13, 16 — обломки тесел; 10 — тесло. 2, 6, 11 — из кремня; 1, 3, 4, 9, 18 — из кремнистого сланца; 5, 8, 14, 15 — из обсидиана; 7 — из халцедона; 10, 12, 13, 16, 17 — из глинистого сланца

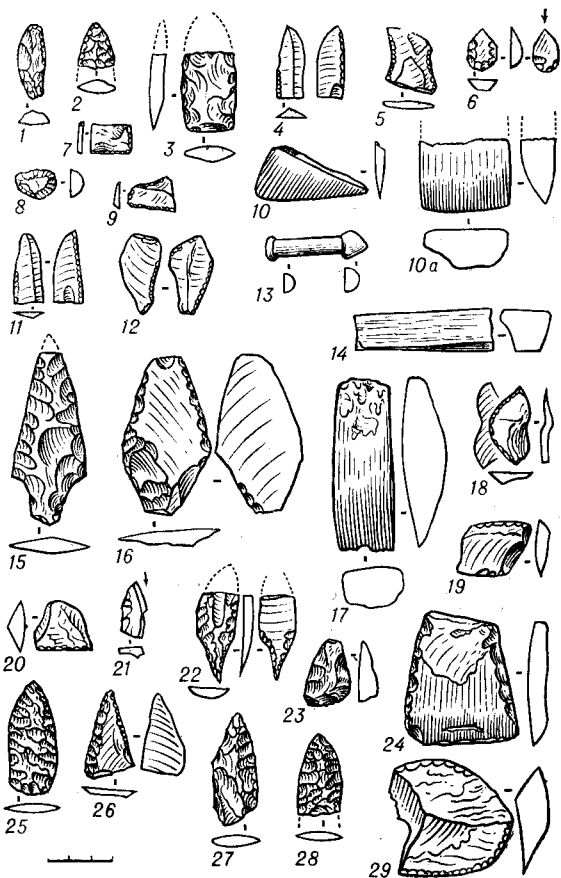

Таблица 36. Изделия со стоянок у ручья Ключи (12, 13)

1—3, 15, 16, 22, 25, 28 — наконечники; 4, 26, 27, 10, 11 — ножи; 10а, 17, 24 — тесла; 5, 7—9, 12, 19, 20, 23, 29 — скребки; 6 — резчик; 21 — резец; 14 — точило; 18 — отщеп; 13 — застежка. 3, 4, 11, 16, 13, 28 — кремнистый сланец; 10, 10а, 17, 19, 24, 27, 29 — глинистый сланец; 14 — песчаник; 15 — базальт; 6, 8, 20, 23 — халцедон; 1, 2, 5, 7, 9, 12, 21, 22, 25, 26, 28 — обсидиан; 13 — из кости

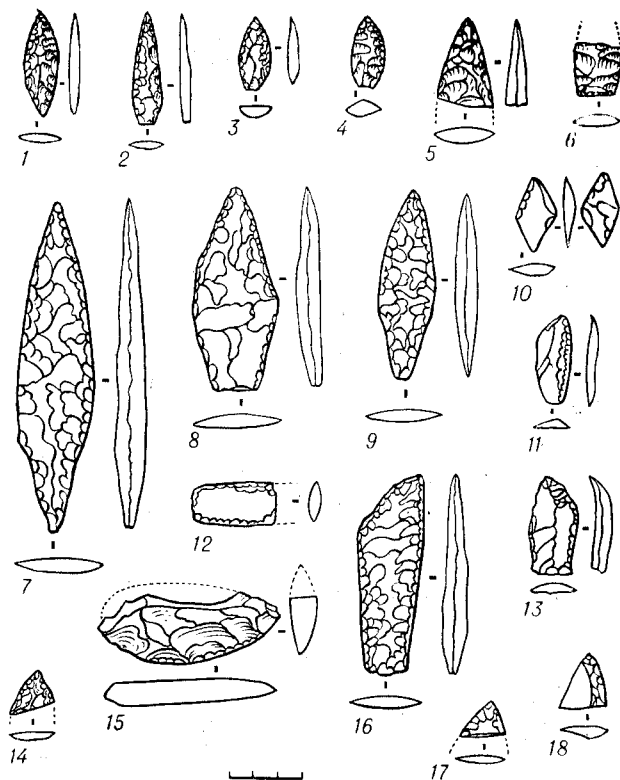

Таблица 37. Каменные наконечники и ножи со стоянки Старая сопка в Ключах (15)

4, 11 — из обсидиана; 6, 9 — из кремнистого сланца; 14, 17, 18 — из халцедона; остальные — из глинистого сланца

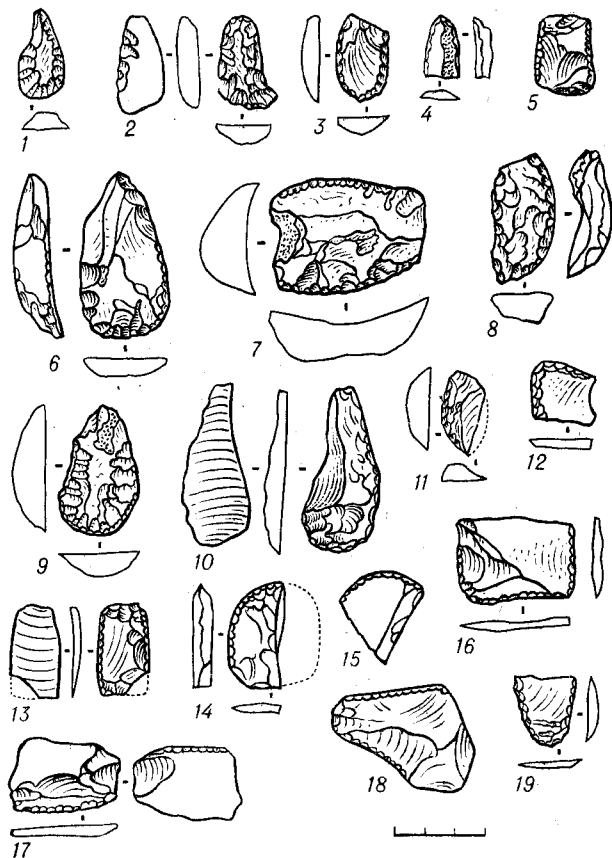

Таблица 38. Каменные изделия со стоянки на Старой сопке в Ключах (15)

1, 2 — скребки-резцы; 3—19 — скребки

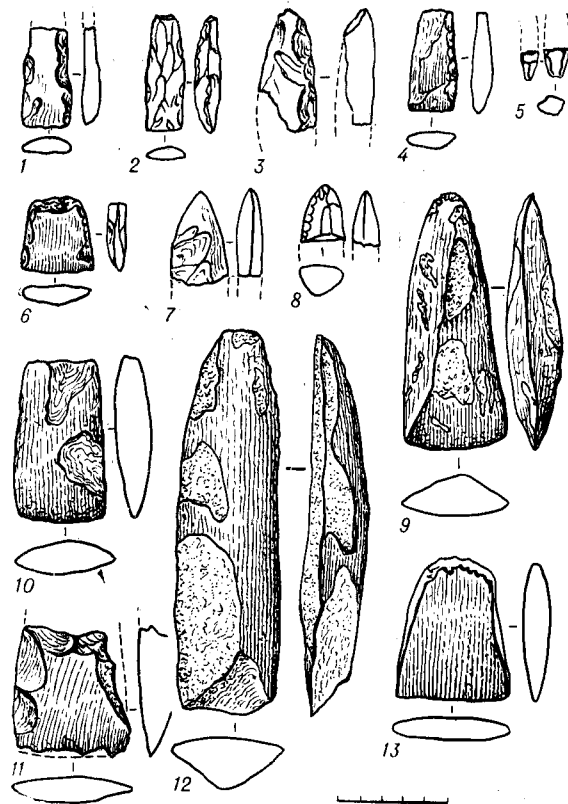

Таблица 39. Каменные топоры, тесла и их обломки со стоянки на Старой сопке в Ключах (15)

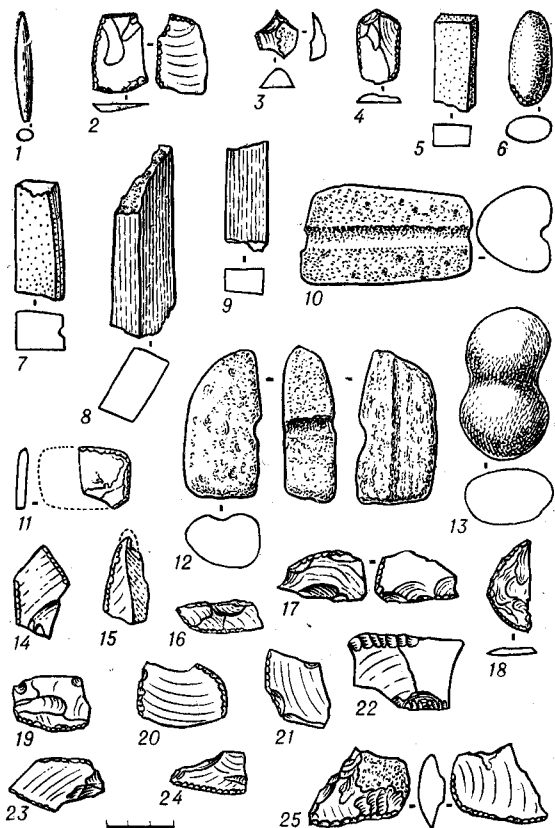

Таблица 40. Каменные вещи со стоянки на Старой сопке в Ключах (15)

1 — острие; 2, 4, 11, 14—25 — скребки; 5, 7—10, 13 — точильные камни; 6 — галька; 13 — грузило

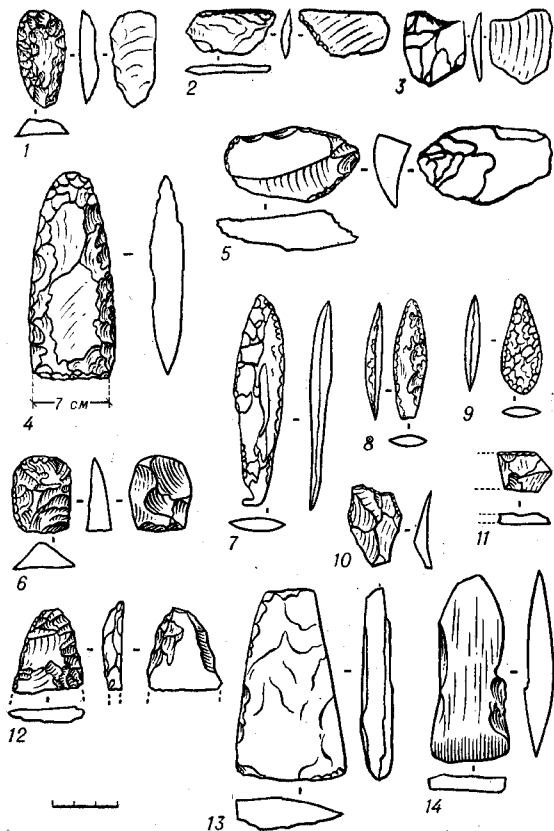

Таблица 41. Каменные изделия из землянок № 2 и 3. Никулка (16)

1, 6, 11 — скребки; 7—9 — наконечники; 4, 13, 14 — топоры; 12 — обломок ножа; 2, 3, 5, 10 — ретушированные отщепы. 1, 4, 13, 14 — из глинистого сланца; 6 — из кремня; 11 — из халцедона; остальные — из обсидиана

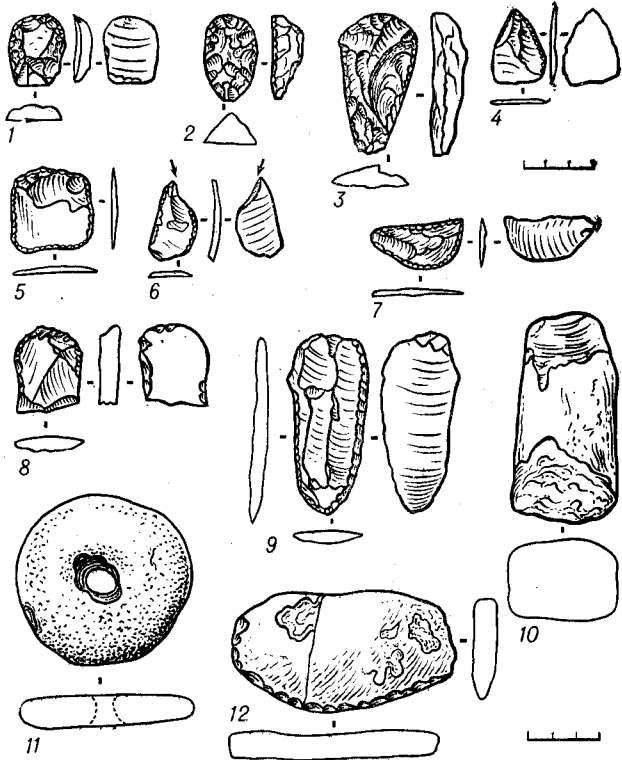

Таблица 42. Каменные изделия из землянки № 5. Никулка (16)

1—5, 7, 8, 12 — скребки; 6 — скребок-резец; 9 — нож;
10 — обух топора; 11 — грузило. 1, 2, 4, 6, 7 — из обсидиана; 8, 11 — из песчаника; 5, 9, 10 — из глинистого сланца; 3 — из кремнистого сланца

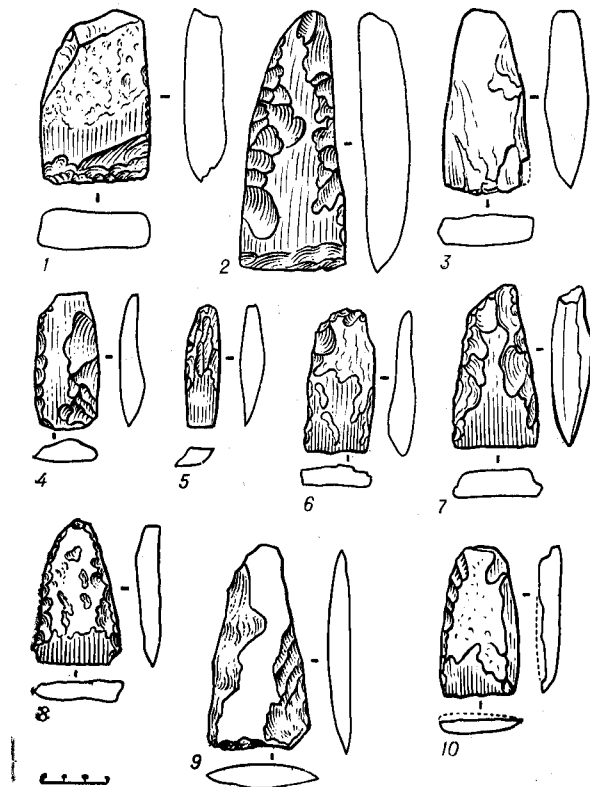

Таблица 43. Топоры и тесла из глинистого сланца, собранные в землянке № 5. Никулка (16)

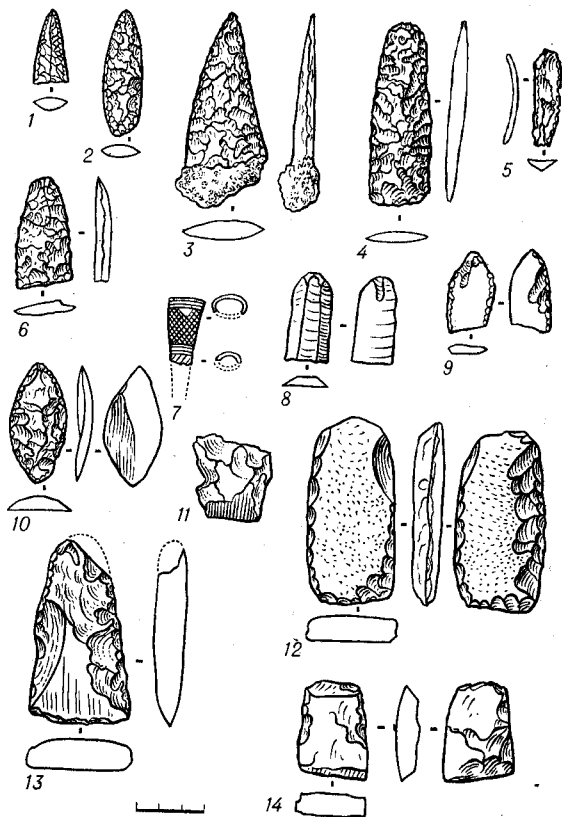

Таблица 44. Изделия из землянки № 5. Никулка (16)

1—2, 10 — наконечники; 3—6, 9 — ножи; 7 — игольник (обломок); 8 — обломок пожевидной пластины; 11 — обломок топора; 12, 13 — топоры; 14 — тесло. 1, 9, 11—13 — из глинистого сланца; 2—5, 8 — из обсидиана; 6, 10 — из кремнистого сланца; 14 — из кремня; 7 — из кости

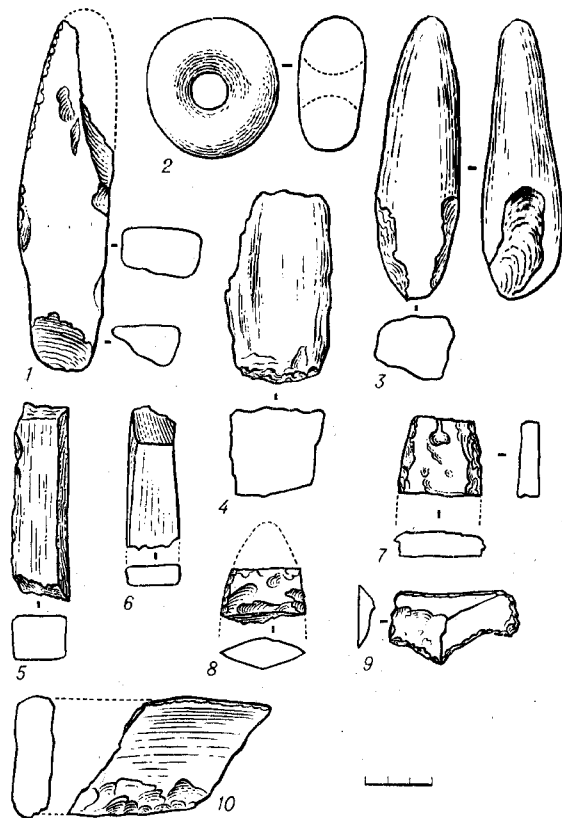

Таблица 45. Каменные изделия из землянки № 5. Никулка (16)

1, 10 — скребловидное орудие; 2 — пряслице; 3, 4 — отбойники; 5, 6 — обломки шлифовальных камней; 7 — обломок тесла; 8 — обломок наконечника; 9 — ретушированный отщеп. 2 — из вулканического туфа; 5, 6 — из песчаника; 8 — из кремнистого сланца; остальные — из глинистого сланца

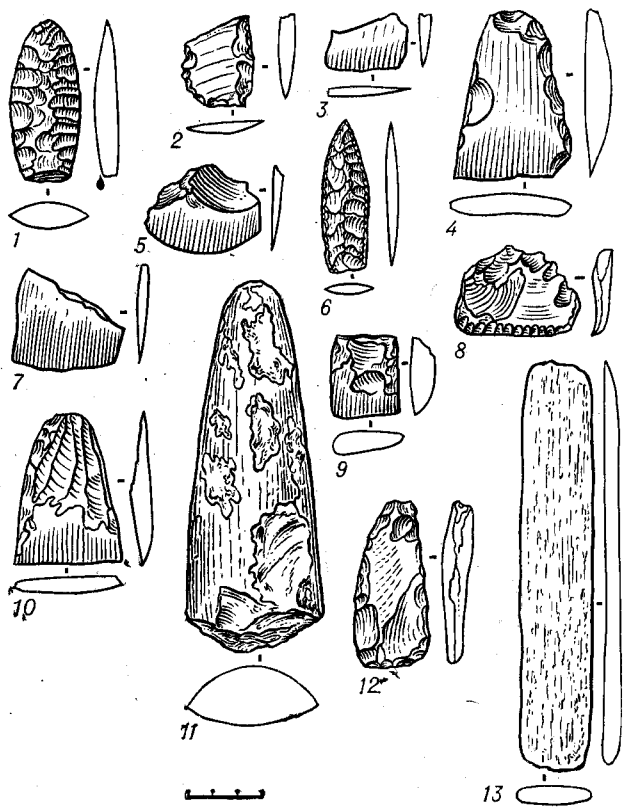

Таблица 46. Изделия, собранные у р. Букрич в Намаках (17, 18). Подъемный материал

1, 6 — наконечники; 3 — шлифованный скол; 4, 9 — 12 — тесла; 5, 7 — ножи; 2, 8 — скребки; 13 — топор. 1 — из обсидиана; 2 — из базальта; 6, 8 — из кремнистого сланца; остальные — из глинистого сланца; 13 — из кости

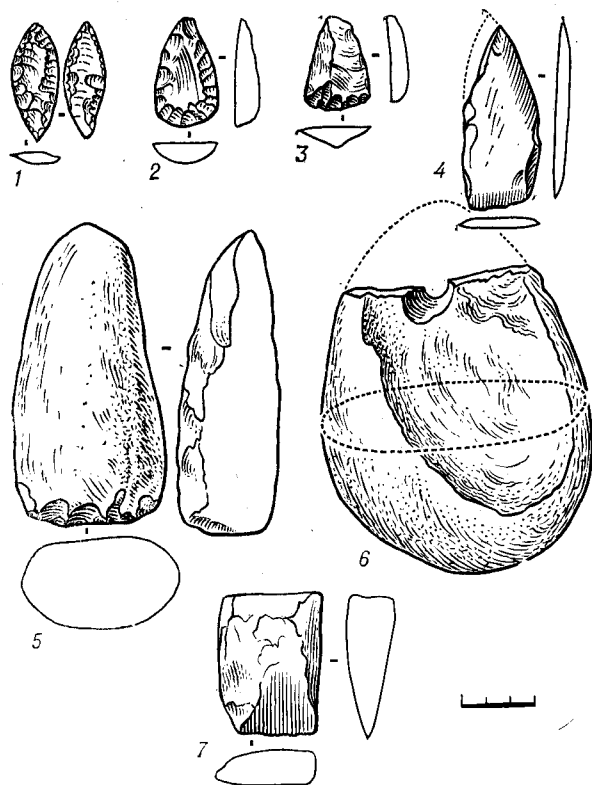

Таблица 47. Каменные изделия состынок у оз. Кавачье, местечка Каваноки, селения Нижне-Камчатск

1 — Нижне-Камчатск; 2, 3, 4, 7 — оз. Кавачье; 5, 6 — Каваноки. 1 — наконечник; 2, 3 — скребки; 4 — нож; 5 — отбойник; 6 — грузило; 7 — тесло. 2 — из кремнистого сланца; 3 — из базальта; 4, 5, 7 — из глинистого сланца

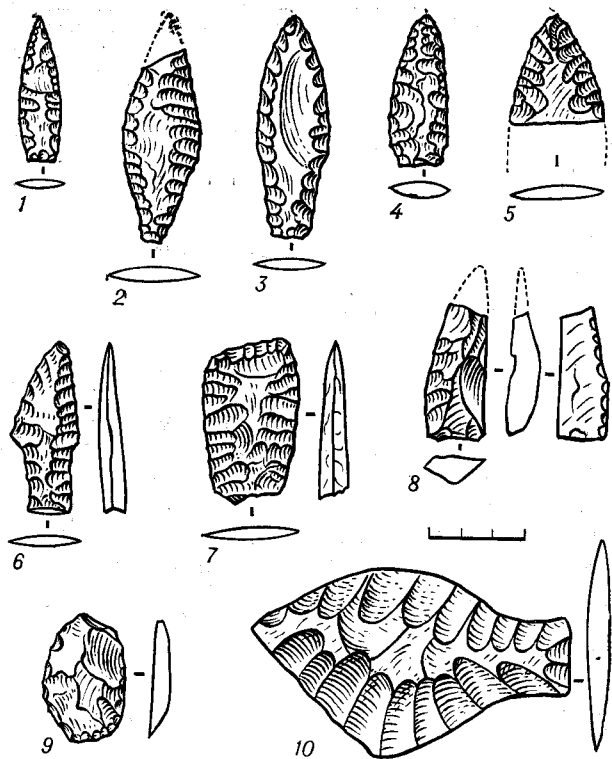

Таблица 48. Каменные изделия стоянки Елизово (42), раскоп I

1-6 — наконечники; 7, 10 — ножи; 8 — проколка; 9 — скребок. 1, 2, 4 — кремнистый сланец; 5, 6 — обсидиан; 3, 8 — глинистый сланец; 7, 10 — кремнь

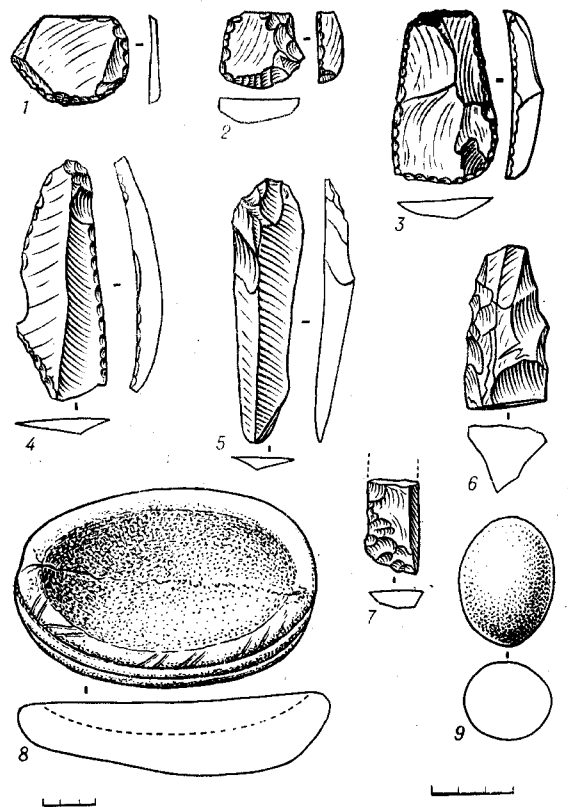

Таблица 49. Каменные изделия стоянки Елизово-1 (42)

1-3 — скребки; 4, 7 — ножи; 5 — пластина; 6 — обломок нуклеуса; 8 — жирник; 9 — галька. 1, 2, 5, 6 — глинистый сланец; 3, 4 — обсидиан; 7 — кремнистый сланец

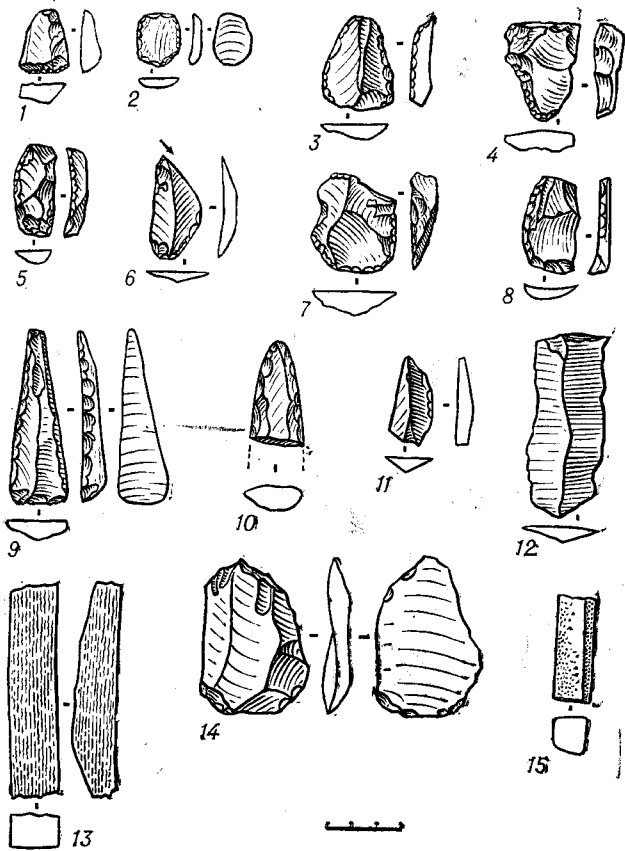

Таблица 50. Каменные изделия со стоянки Елиза-
во-II (42)

1—5, 7—9 — скребки; 6 — скребок-резец; 10 — обломок
тесла; 11 — проколка; 12 — пластина; 13, 15 — шлифо-
вальные камни; 14 — отщеп. 2 — халцедон; 9, 10 —
глинистый сланец; 13, 15 — песчаник; 12, 14 — кремль;
остальные — обсидиан

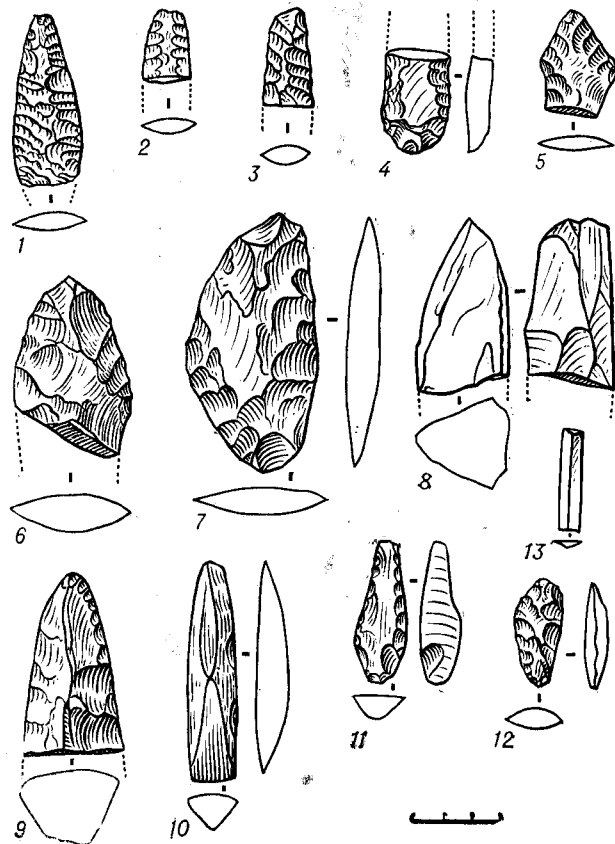

Таблица 51. Каменные изделия со стоянки Елиза-
во-II (42)

1—3, 6 — наконечники; 4, 5, 7 — ножи; 8 — нуклеидное
орудие; 9, 10, 12 — тесла; 11 — проколка; 12 — вкладыш;
13 — ножевидная пластинка. 1, 5, 9, 10 — глинистый сло-
анец; 2, 4, 8 — кремнистый сланец; 2, 7 — халцедон; 6,
11 — обсидиан; 13 — кремль

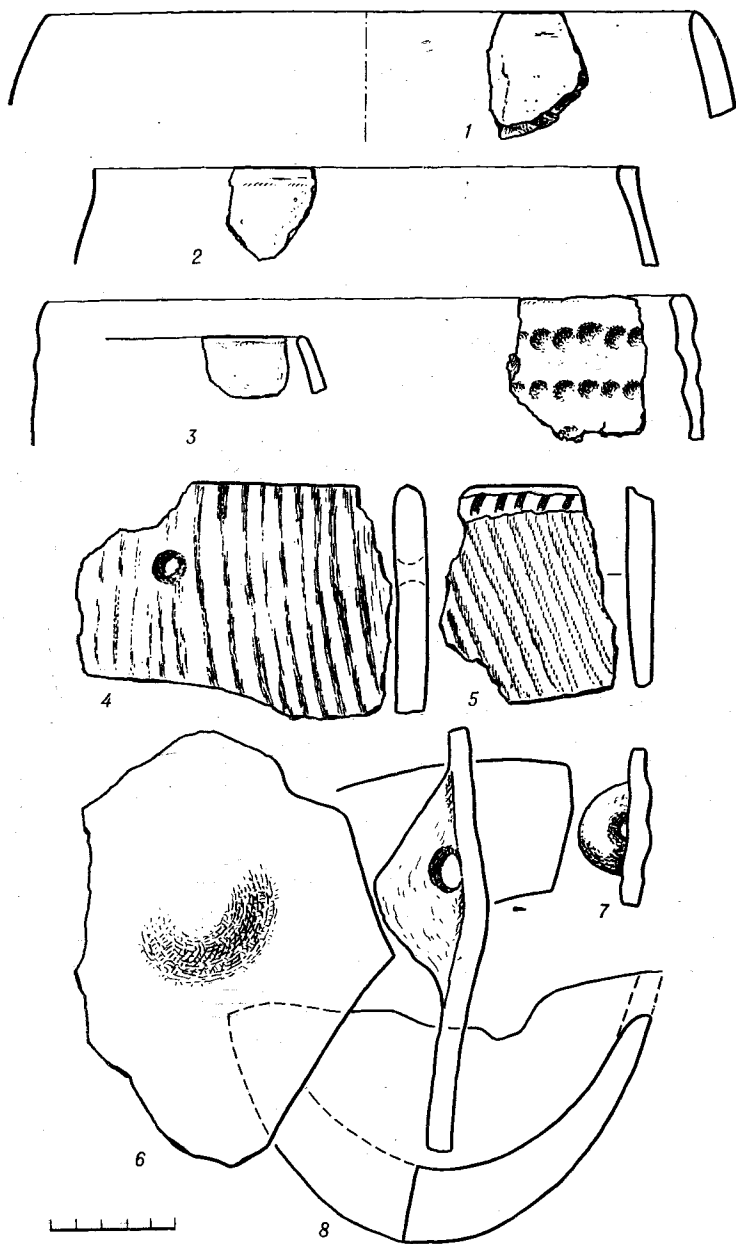

Таблица 52. Керамика с южнокамчатских стоянок
 1 — Елизово-II (42); 2 — Кирпичная (44); 3 — Ключи, п. 3 (13), верхний слой;
 4—8 — Налычево (255), фонды ГИМ, из раскопок В. И. Иохельсона

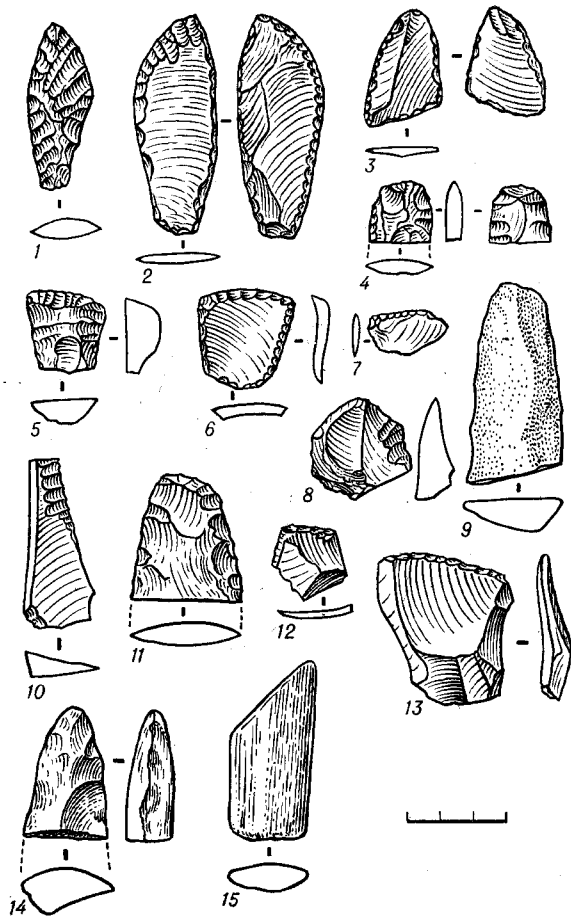
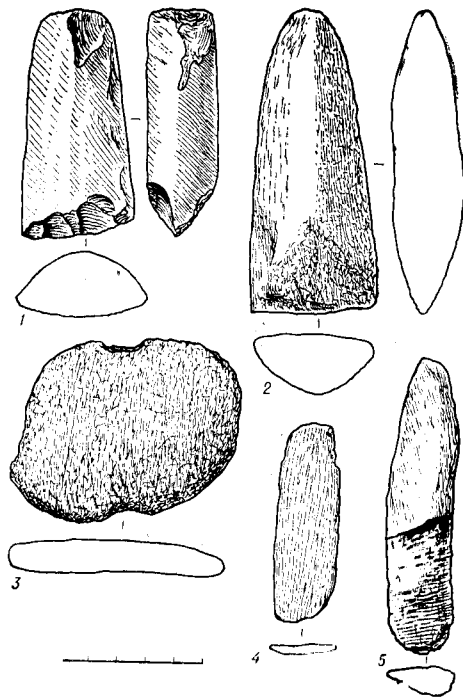

Таблица 53. Каменные изделия со стоянки на южном склоне Мишенной сопки (43)

1—4, 11, 12 — пожи; 5—9, 13, 14 — скребки; 10, 15 — обломки тесел

Таблица 54. Каменные вещи с неолитической стоянки на юго-западном склоне Мишенной сопки (43)

1, 2 — тесла; 3 — грузило; 4—5 — заготовки

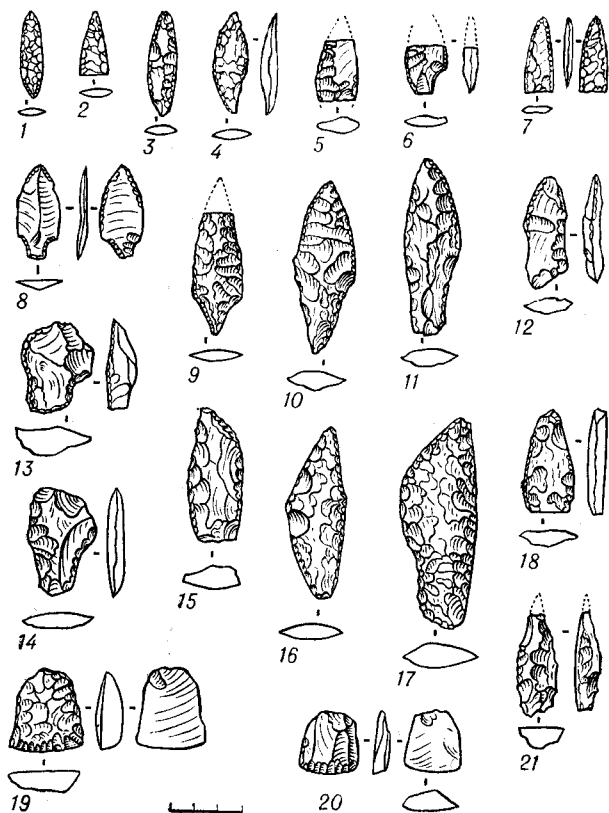

Таблица 55. Каменные изделия стоянки Кирпичное (44)

1—6, 8—10, 18 — обсидиановые наконечники стрел; 7 — из кремнистого сланца; ножи: 11, 15 — из кремня, 12 — из халцедона, 14 — из обсидиана, 16, 17 — из кремнистого сланца; 13, 19, 20 — скребки из кремня; 21 — обсидиановая проколка

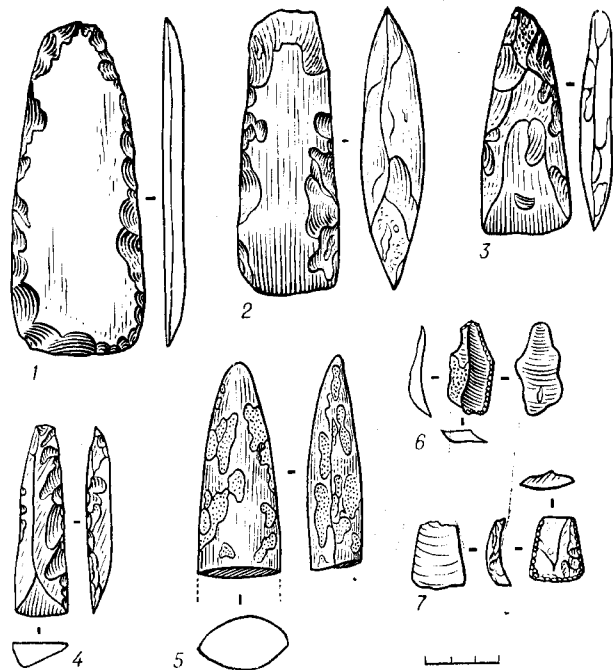

Таблица 56. Каменные изделия со стоянки Кирпичное (44)

1—5 — тесла и обломок тесла из глинистого сланца; 6—7 — скребки из обсидиана

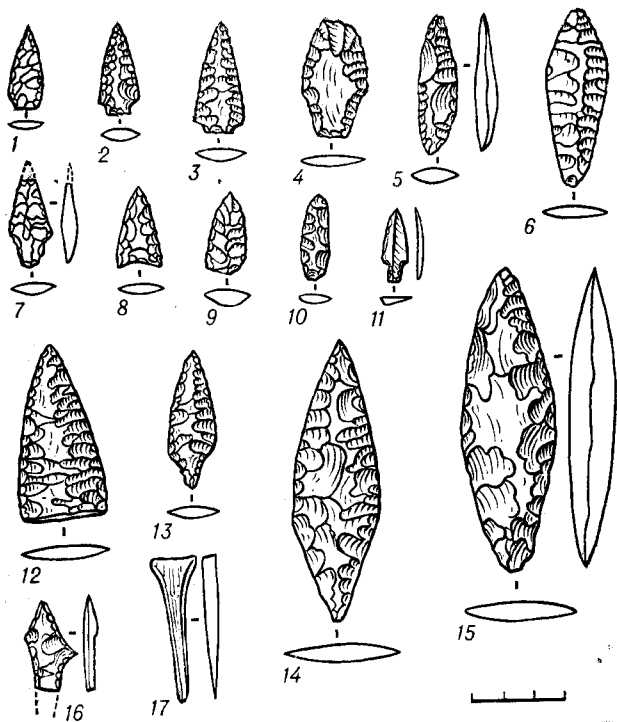

Таблица 57. Каменные изделия со стоянки Кирпичная (44)

1—15 — наконечники; 16 — фигурная поделка; 17 — проколка

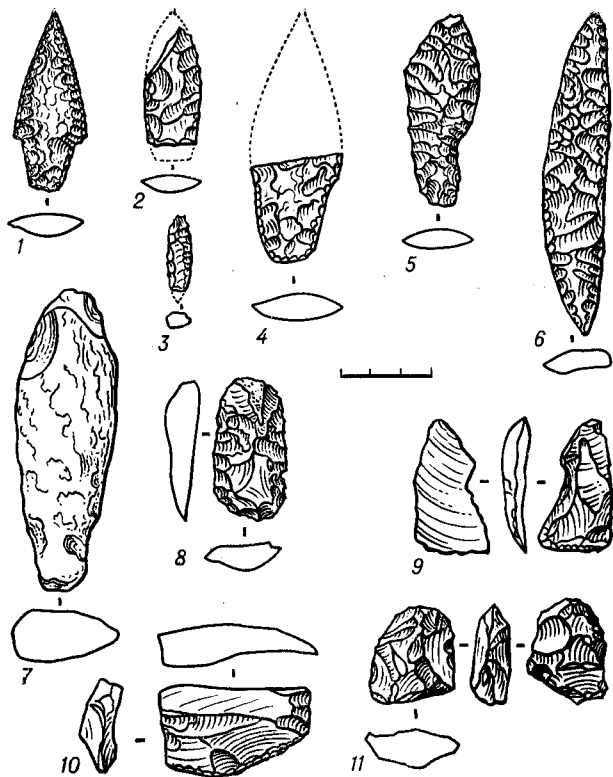

Таблица 58. Кирпичное (44), подъемный материал

1—4 — наконечники; 5—7 — ножи; 8 11 — скребки

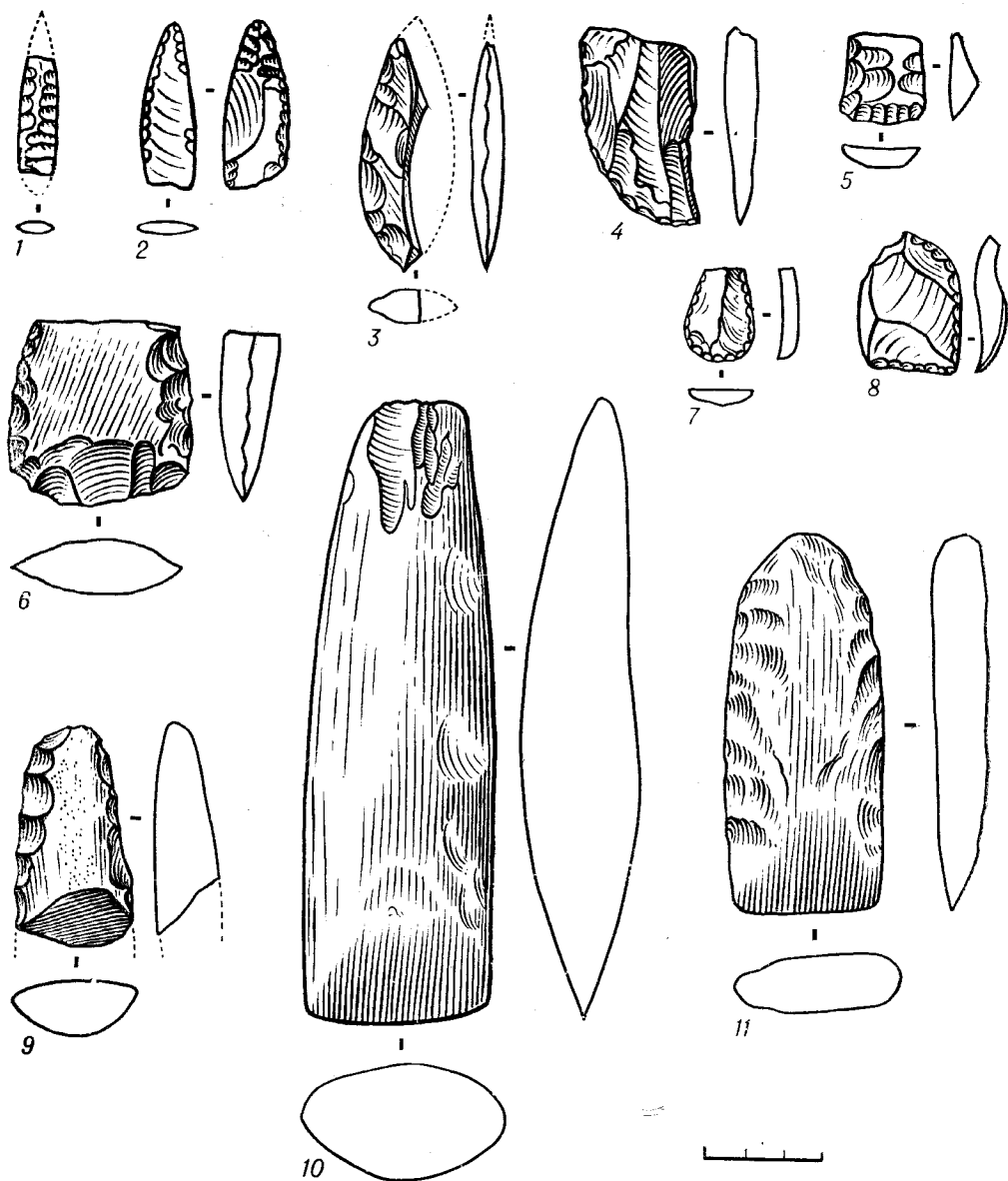

Таблица 59. Каменные изделия со стоянки в бухте Раковой (45)
 1—3 — наконечники; 4—8 — скребки; 9—11 — гесла

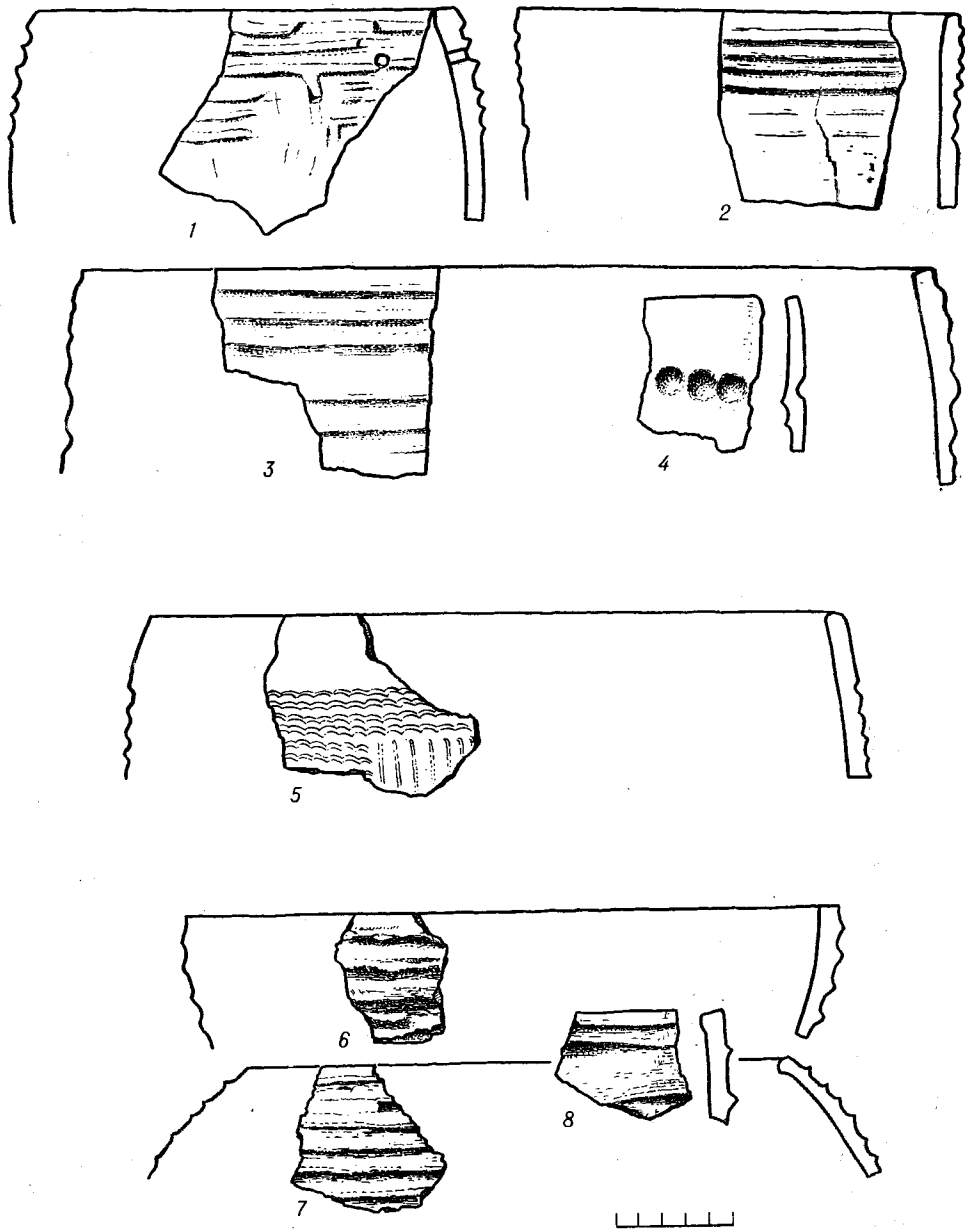

Таблица 60. Фрагменты северокамчатской керамики

1-4 — Кулка (328) и Кавран (323); 5 — Палана, пещера (333); 6-8 — Зеленый мыс (47);
 1-5 — фонды ГИМ, из раскопок В. И. Иохельсона

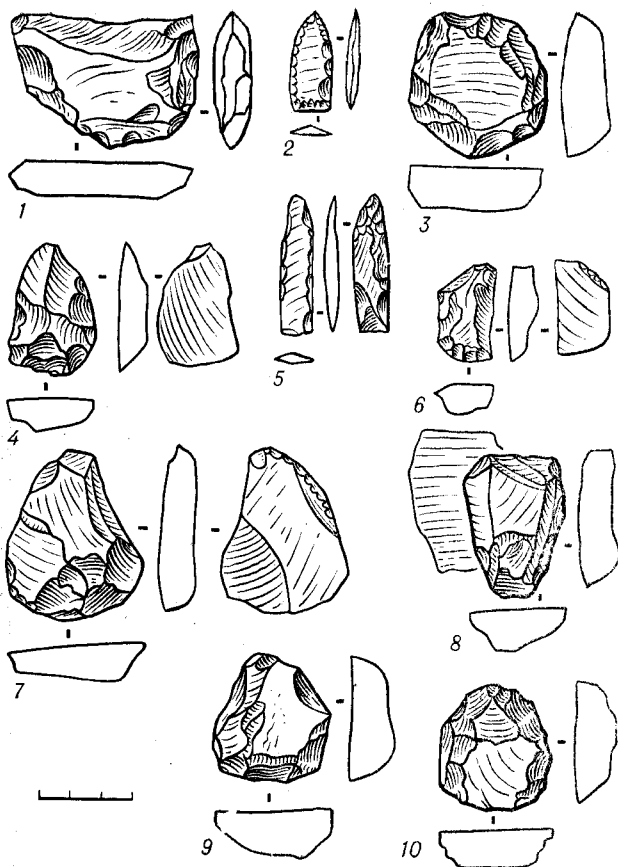

Таблица 61. Изделия со стоянки каменного века на Зеленом мысе в низовьях р. Пенжина (1—10)

2, 5 — каменные наконечники; остальные — скребки

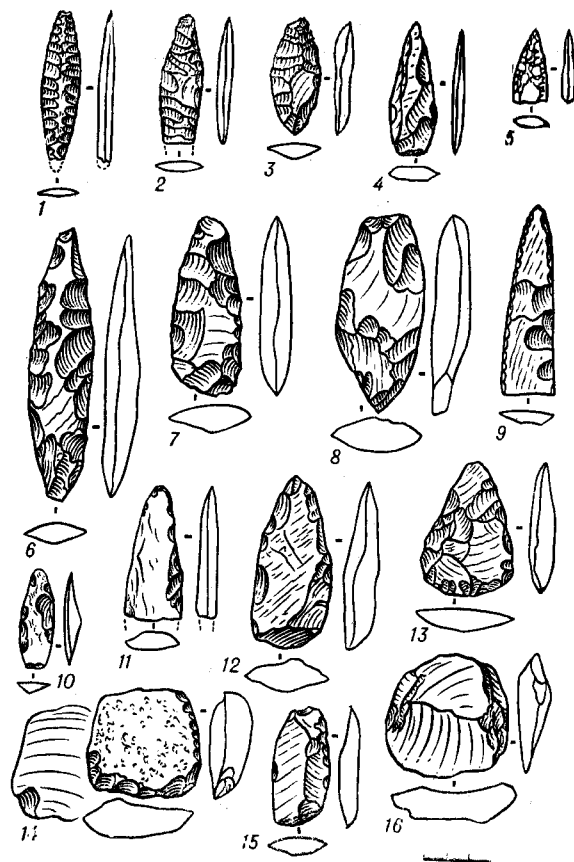

Таблица 62. Каменные изделия со стоянки каменного века в с. Манилы в низовьях р. Пенжина

1—6 — металлические наконечники; 7—9, 11, 12 — ножи; 10 — ваготвка; 13—16 — скребки

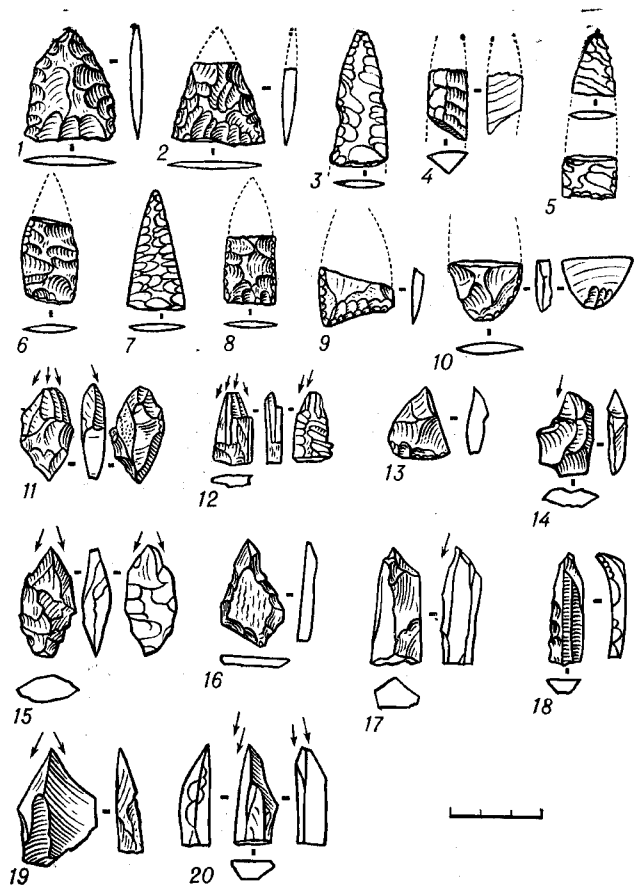

Таблица 63. Изделия со стоянки на берегу оз. Чировое (51)

1—10 — каменные наконечники и их обломки; 11—20 — резы. 1, 2, 6, 10, 13—15, 20 — из кремня; 4, 7, 12, 18 — из обсидиана; 3, 5, 8, 9, 11, 19 — из кремнистого сланца; 16, 17 — из халцедона

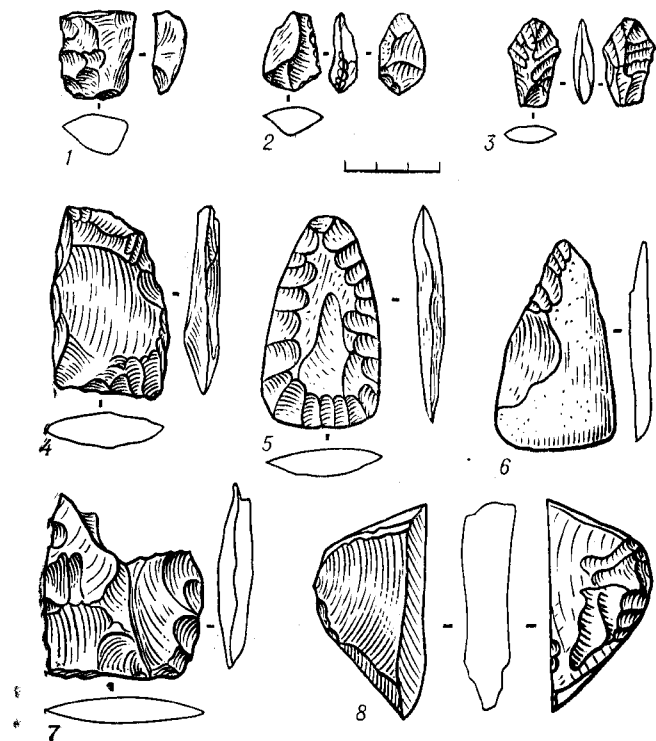

Таблица 64. Каменные изделия со стоянки Чировая (51)

1, 2 — долотца из халцедона, 3 — ии кремня; 4—7 — тесла из кремнистого сланца; 8 — заготовка килевидного нуклеуса из обсидиана

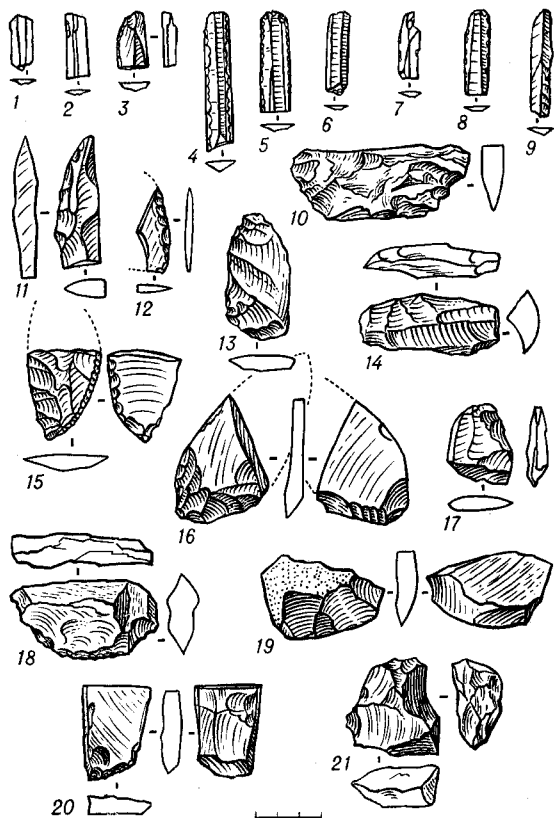

Таблица 65. Каменные ножи и ножевидные пластины со стоянки Чировая (51)

1, 2, 4—9, 13 — из обсидиана; 3, 14, 15, 18, 21 — кремль; 10 — 12, 16, 17, 19, 20 — из кремнистого сланца

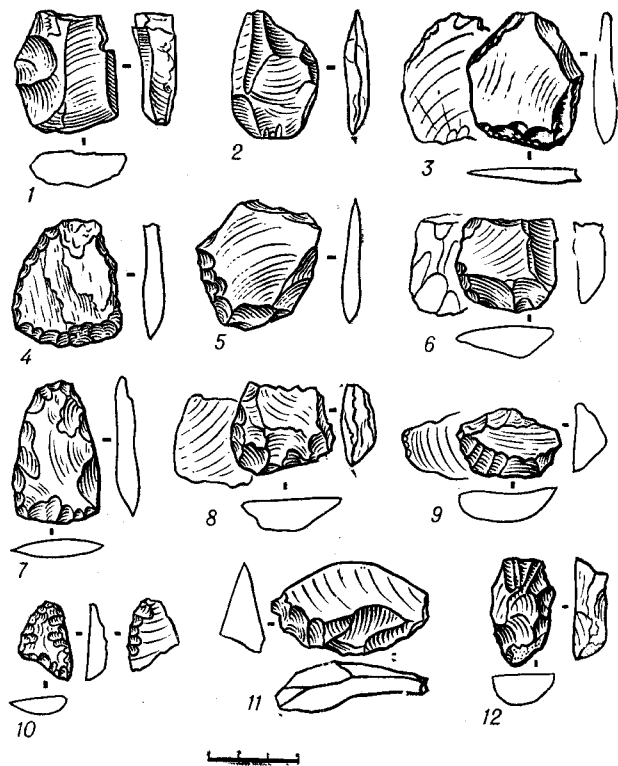

Таблица 66. Каменные скребки со стоянки Чировая (51)

1, 3, 5, 6, 8, 9, 11 — из кремня; 2, 10, 12 — из халцедона; 4, 7 — из кремнистого сланца

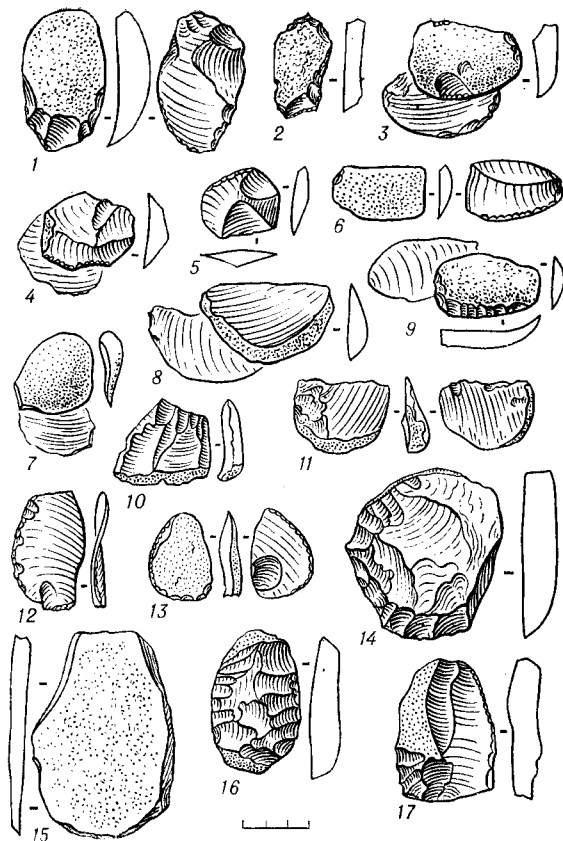

Таблица 67. Скрепки на отщепках со стоянки Чировая (51)

14 — из базальта; 15 — из глинистого сланца; остальные — из обсидиана

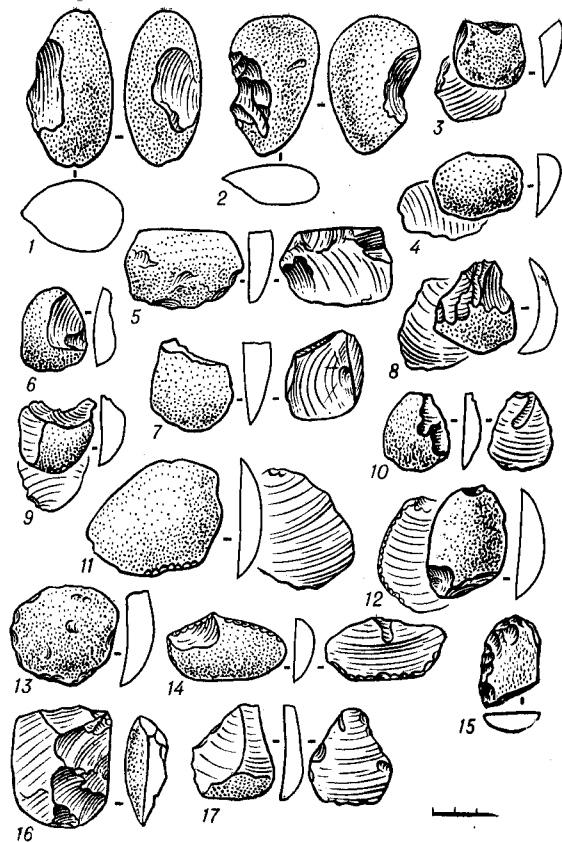

Таблица 68. Скрепки на отщепках с валечной коркой со стоянки Чировая (51) (1—17)

16 — из базальта; остальные — из обсидиана

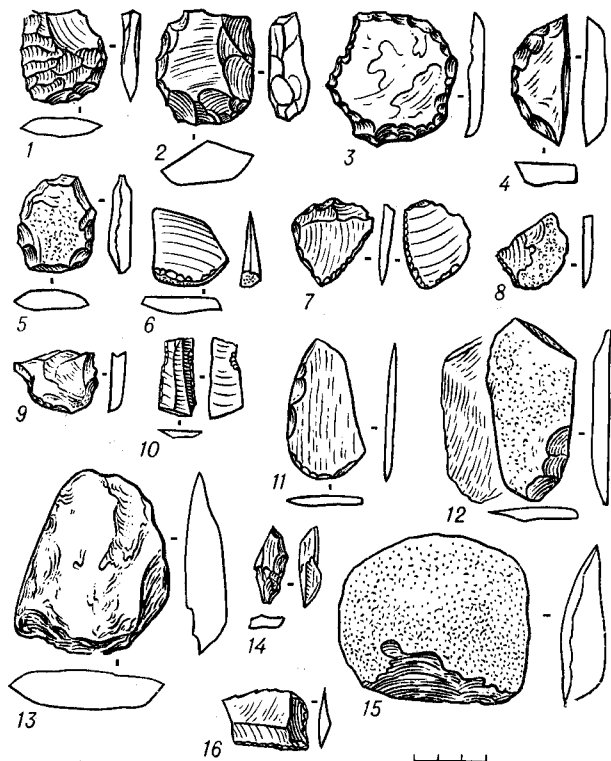

Таблица 69. Каменные скребки со стоянки на берегу оз. Чировое (51)

1, 2 — кремьнь; 4 — базальт; 3, 5 — кварцит; 6—8, 10, 16 — обсидиан; 9, 14 — халцедон; 12, 15 — гранитные породы; 11 — кремнистый сланец; 13 — глинистый сланец

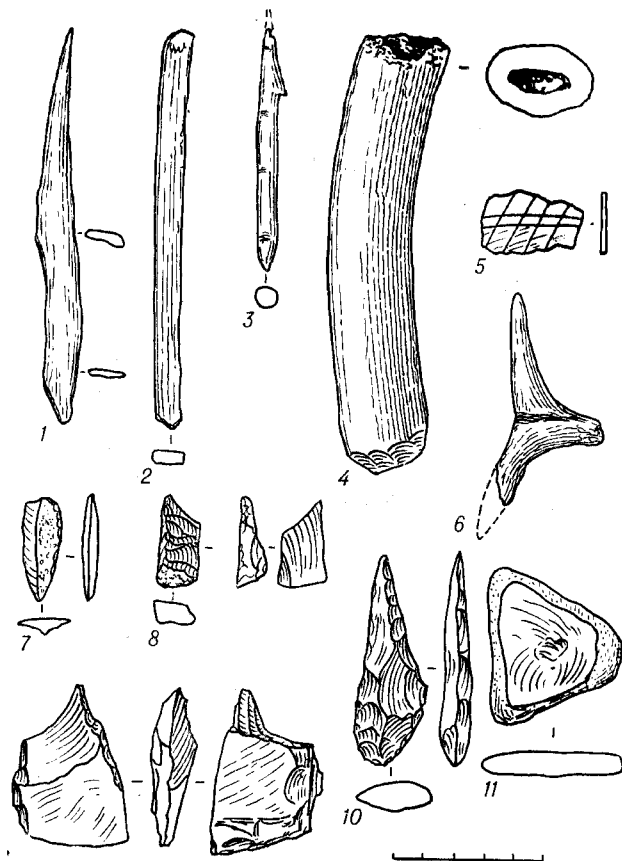

Таблица 70. Изделия со стоянки Чировая (51)

1—6 — костяные изделия; 7 — скребок из обсидиана; проволчки: 8 — обсидиановая; 9, 10 — из кремнистого сланца; 11 — кремневая; 12 — скол с гальки

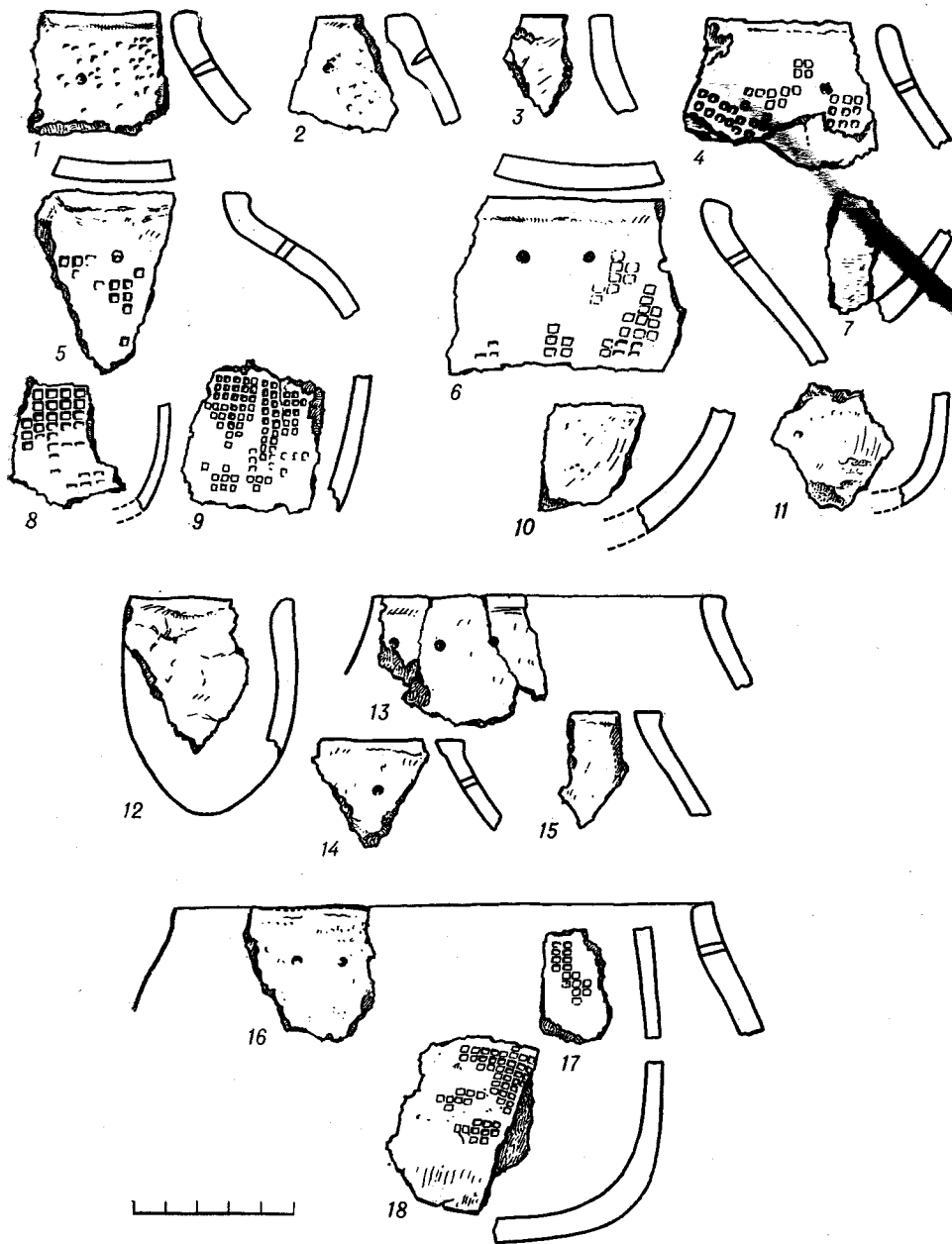

Таблица 71. Фрагменты глиняной посуды из неолитических стоянок на берегу оз. Чировое (51)

1—15 — со стоянки Чировая (51); 16—18 — со второй стоянки 102 км (79)

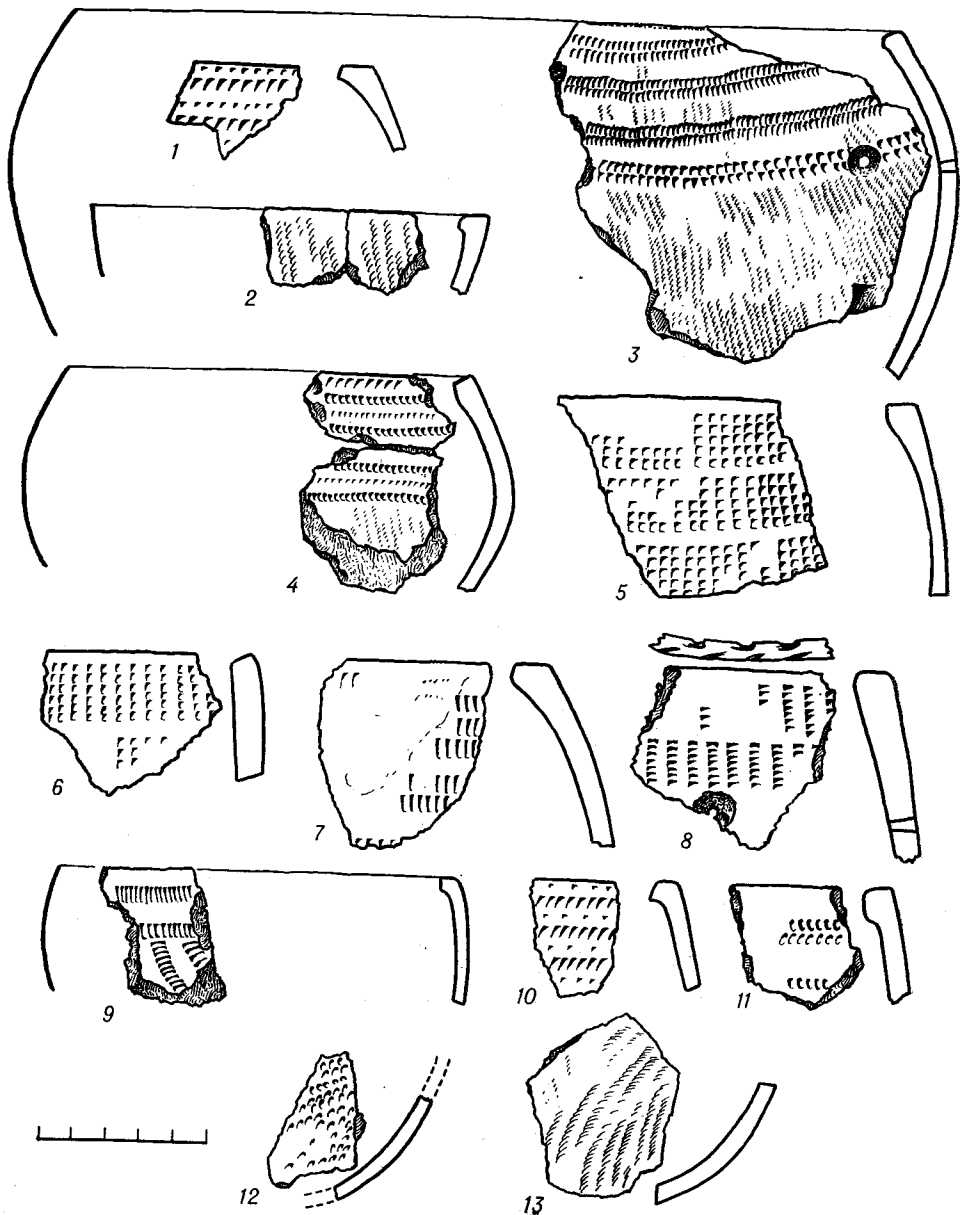

Таблица 72. Керамика с Вакаревской стоянки (53) (1—13)

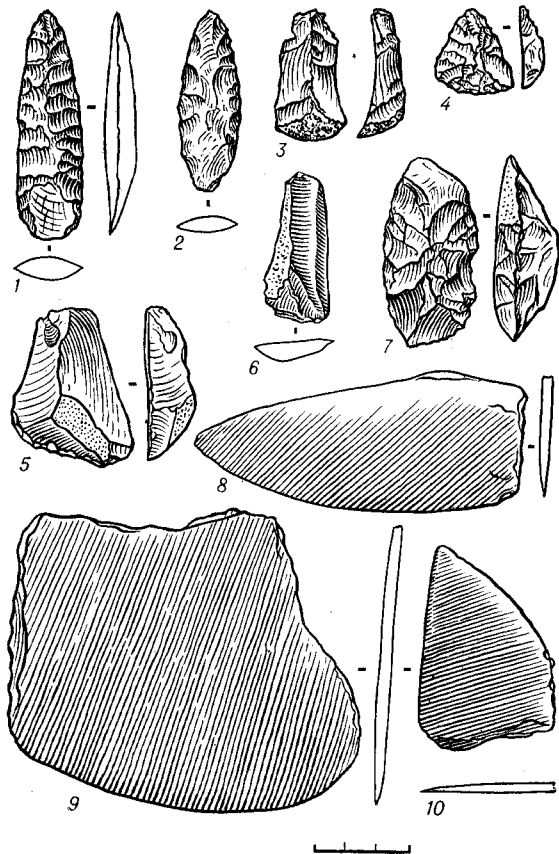

Таблица 73. Каменные орудия с нижней стоянки в Усть-Белой (56)

1, 2 — наконечники; 3—7 — скребки; 8—10 — ножи. 1, 3, 5 — из обсидиана; 2 — из кремнистого сланца; 4 — из халцедона; 8—10 — из глинистого сланца

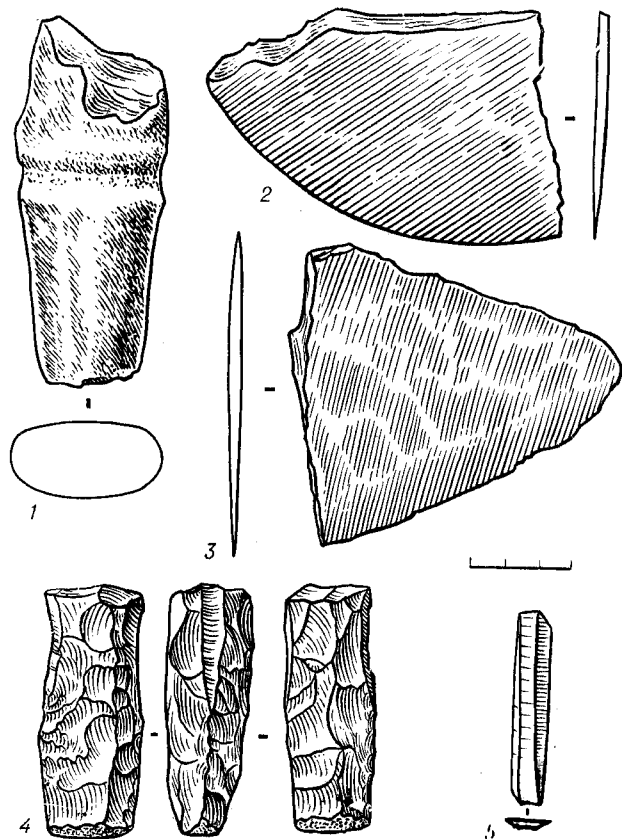

Таблица 74. Каменные орудия с нижней стоянки в Усть-Белой (56)

1 — обломок молота; 2, 3 — ножи; 4 — заготовка нуклеуса; 5 — ножевидная пластина. 1—3 — из глинистого сланца; 4, 5 — из обсидиана

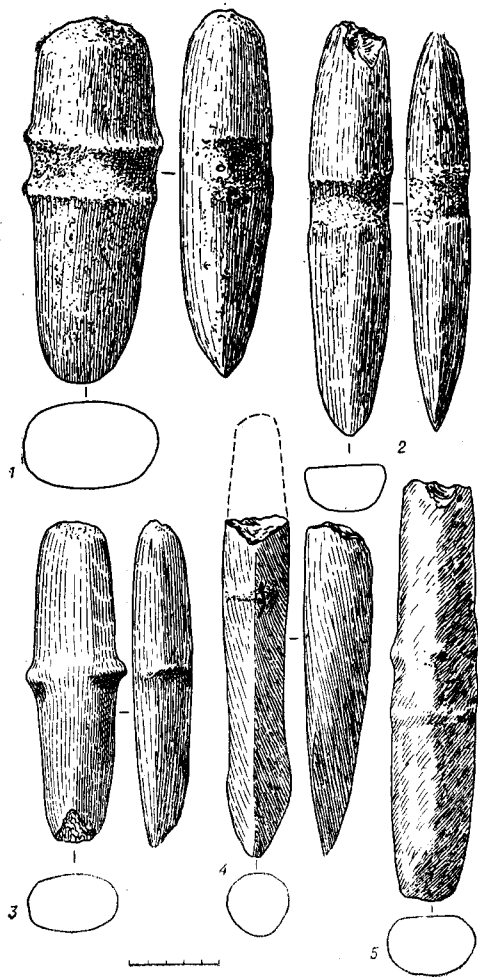
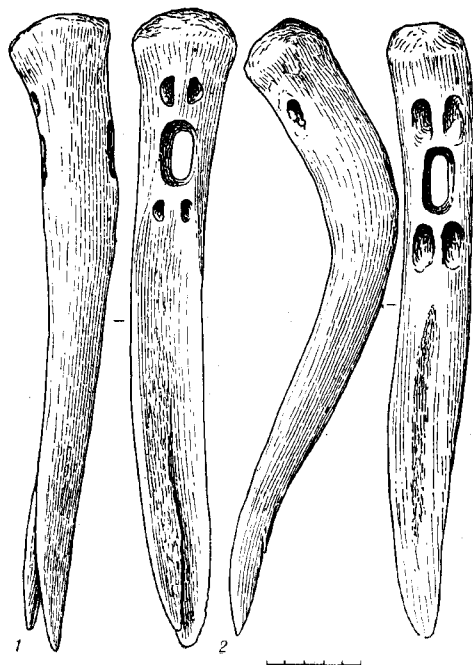

Таблица 75. Расщепляющие тесла из глинисто-сланца с нижней Усть-бельской стоянки (56) (1—5)

Таблица 76. Мотыги из рога дикого оленя с нижней стоянки в Усть-Белой (56) (1—2)

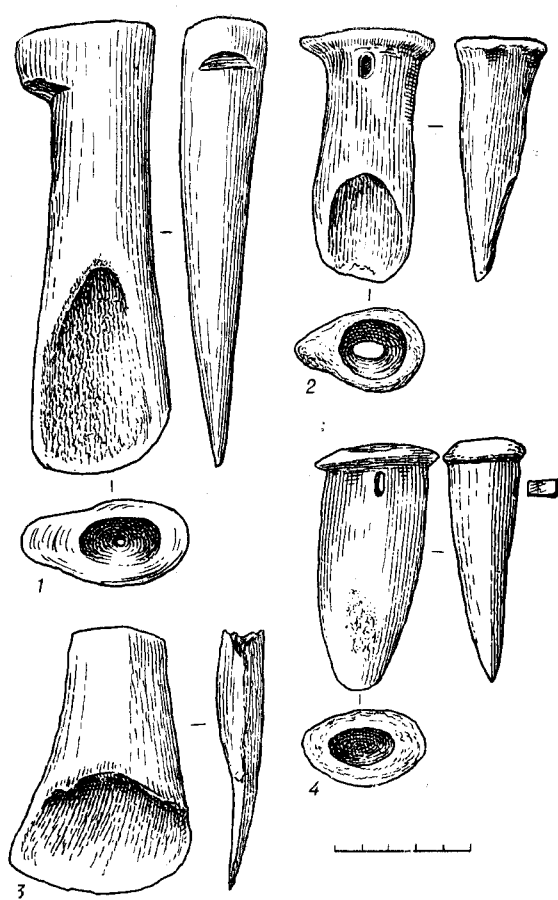

Таблица 77. Орудия из оленьего рога с нижней стоянки в Усть-Белой (56) (1—4)

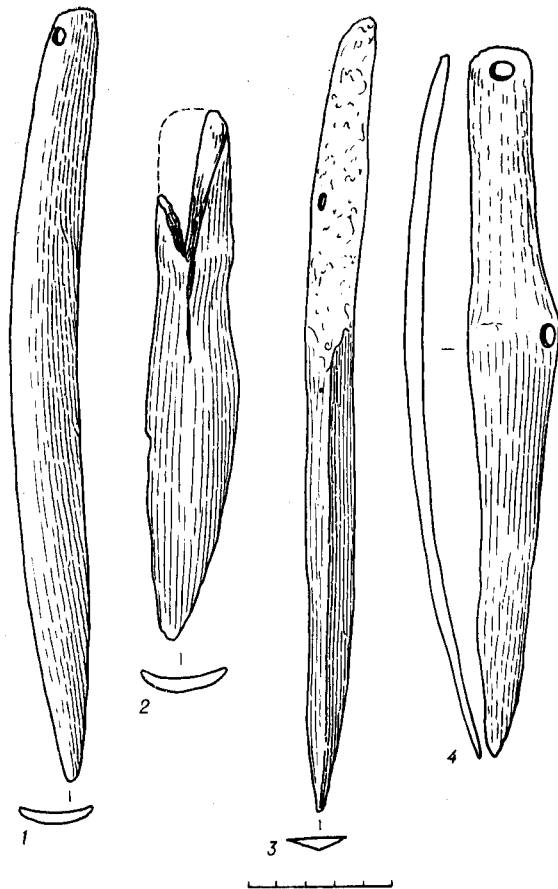

Таблица 78. Костяные ножи и наконечники стрел с нижней стоянки в Усть-Белой (56) (1—4)

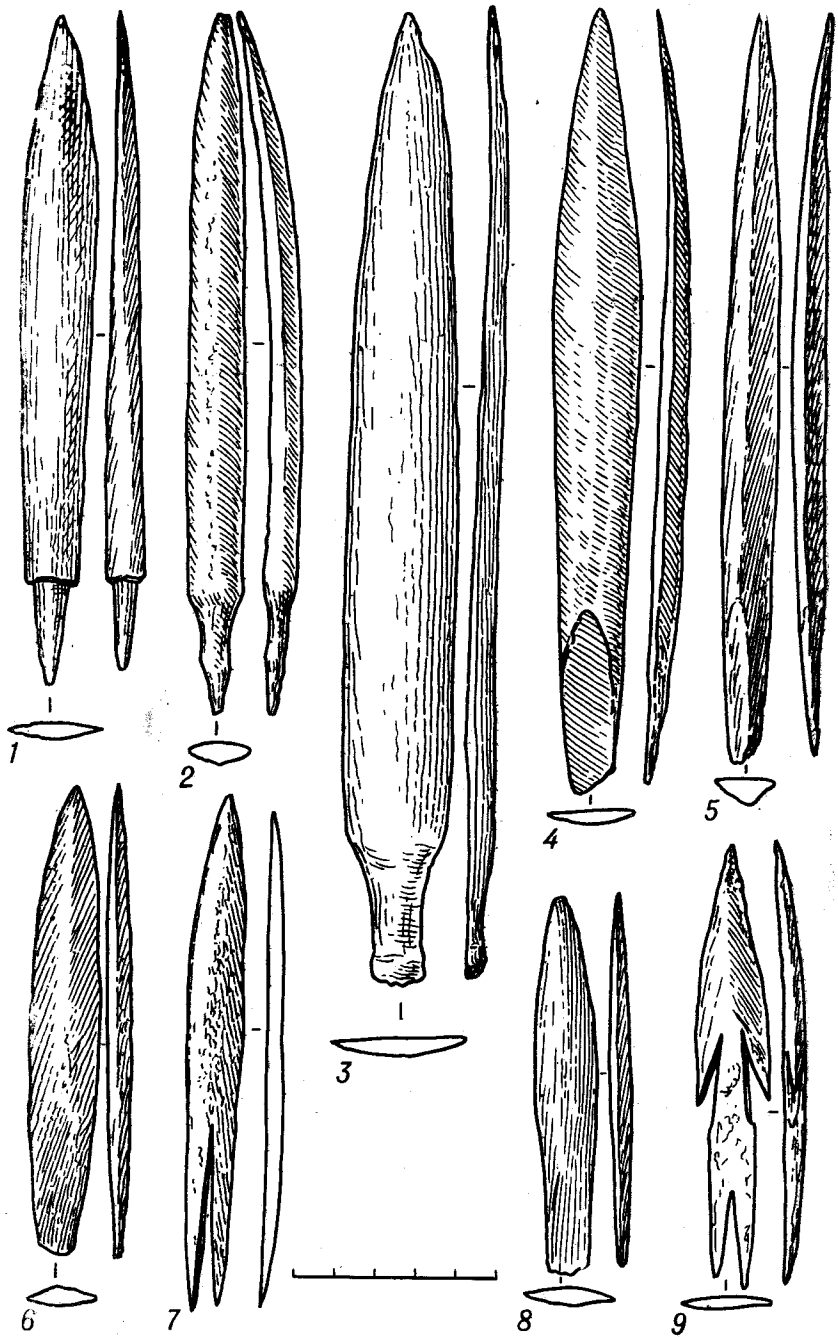

Таблица 79. Костяные наконечники с нижней Усть-бельской стоянки (56) (1—9)

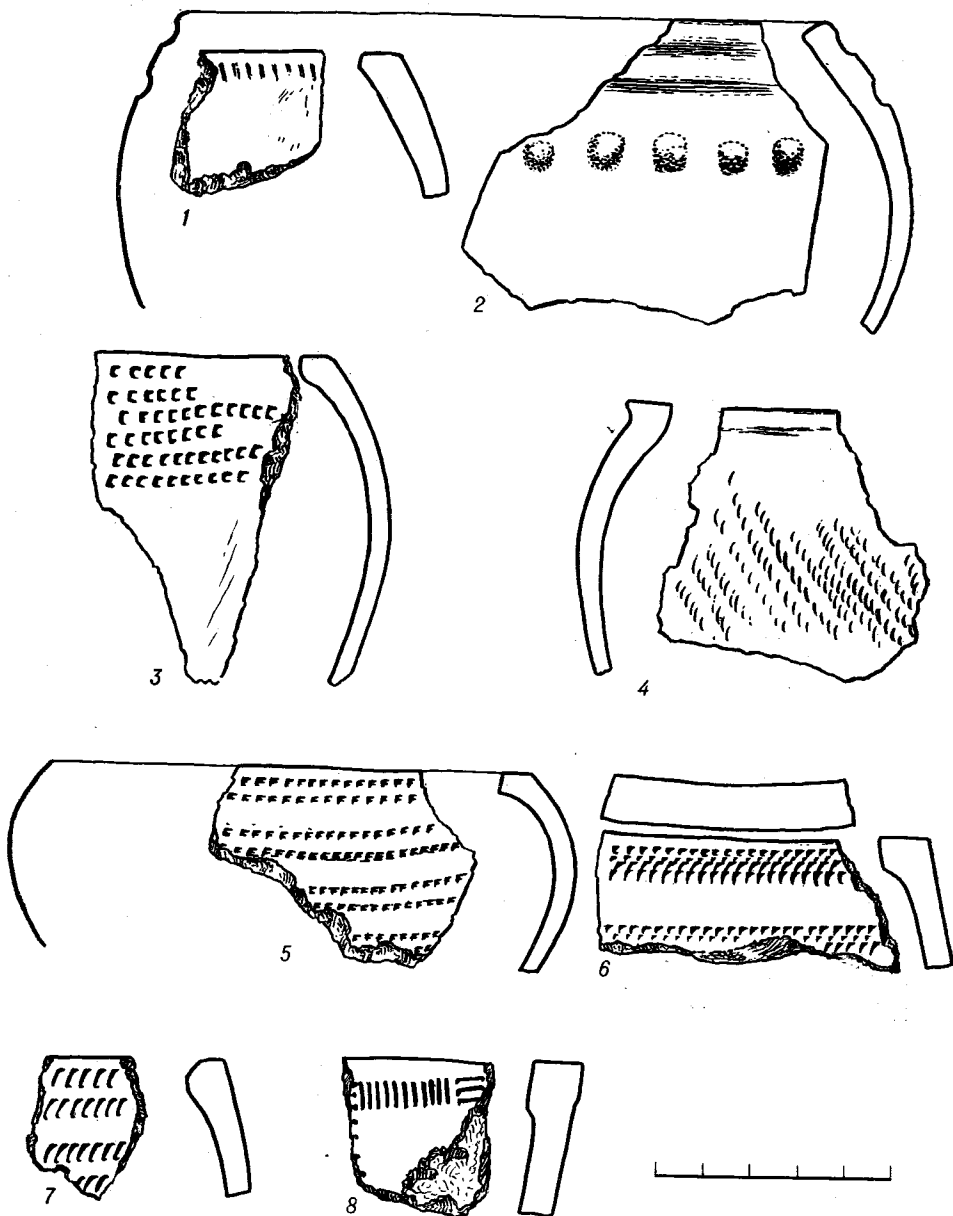

Таблица 80. Фрагменты глиняной посуды с нижней стоянки в Усть-Белой (56) (1-8)

Таблица 81. Каменные изделия со стоянок Увеснования (57) и Камешки (58)

1—15 — Увеснования; 16, 17 — Камешки. 1—9, 17 — наконечники и их обломки; 10—12, 16 — резцы; 13, 15 — скребки; 14 — ножевидная пластина. 5 — из сланца; 12 — из халцедона; 11, 13 — из кремня; остальные — из обсидиана

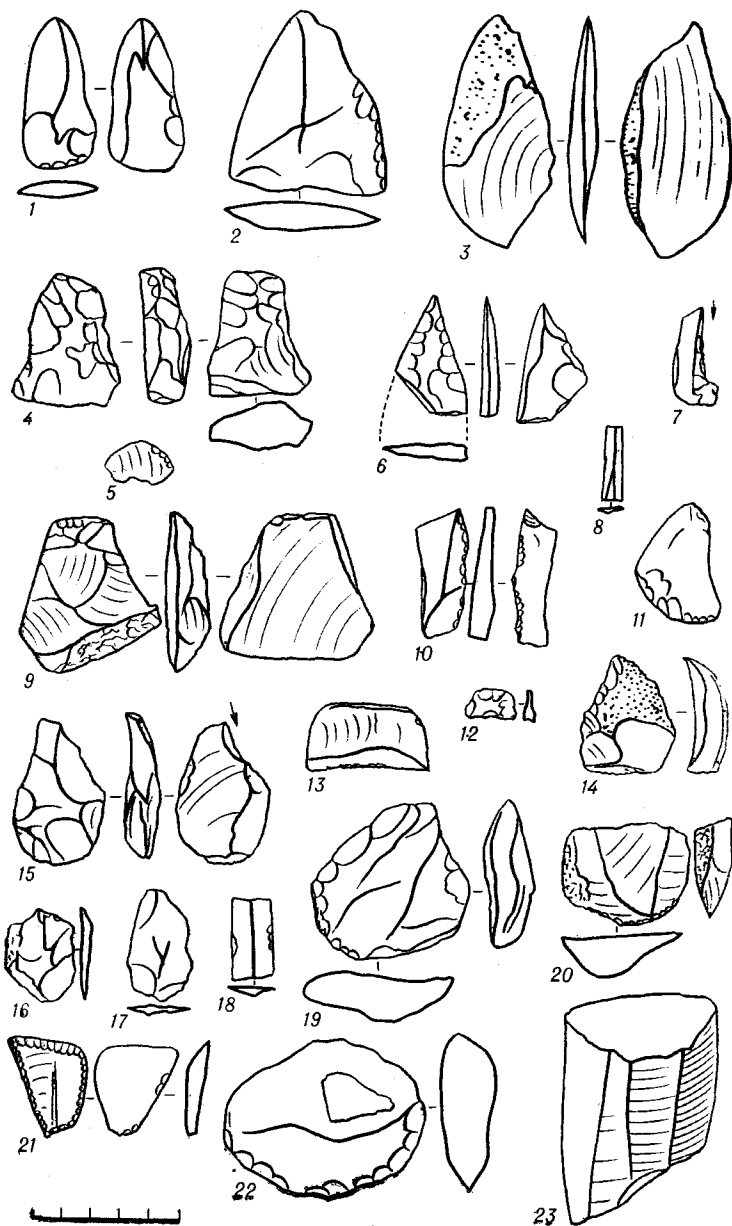

Таблица 82. Каменные изделия с андырских стоянок

1—3 — Усть-Майн (54); 6 — Вилка I (59); 4—7 — Вилка II (60); 5, 8—16 — Аюкатрары (62); 17—23 — Снежное (55)

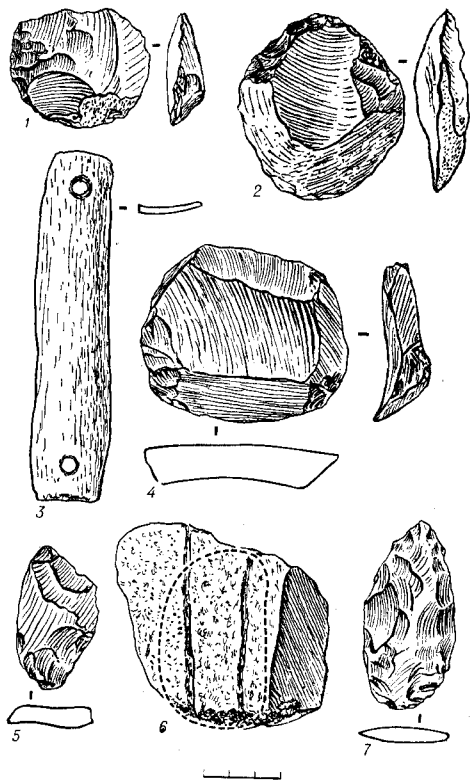

Таблица 83. Вещи со стоянки каменного века в Утесиках (61)

1, 2, 4, 5 — скребки; 6 — заготовка; 7 — наконечник;
3 — костяная пластина

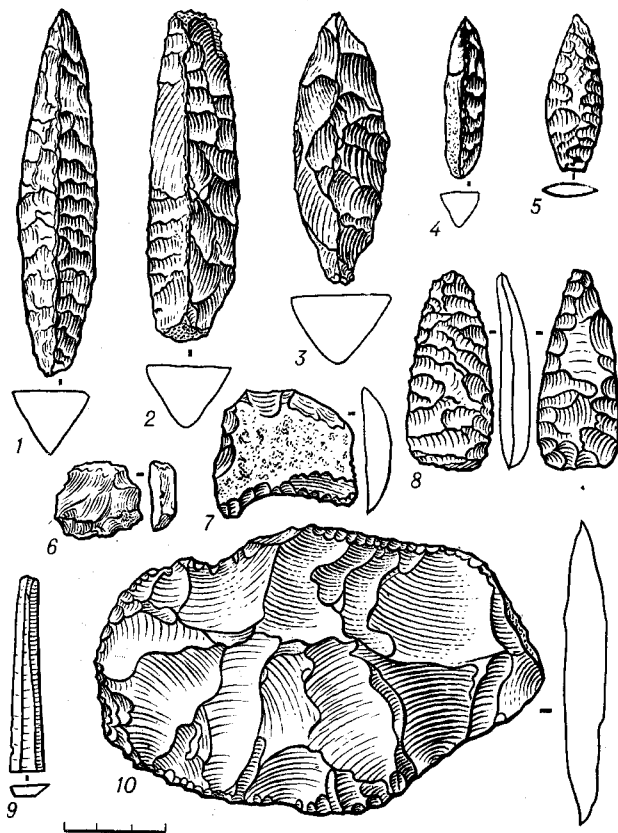

Таблица 84. Каменные орудия, собранные у Основной косы (63, 64), подъемный материал

1—5 — наконечники; 6, 7 — скребки; 8, 10 — ножи; 9 —
ножевидная пластина. 5 — из кремнистого сланца;
остальные — из обсидиана

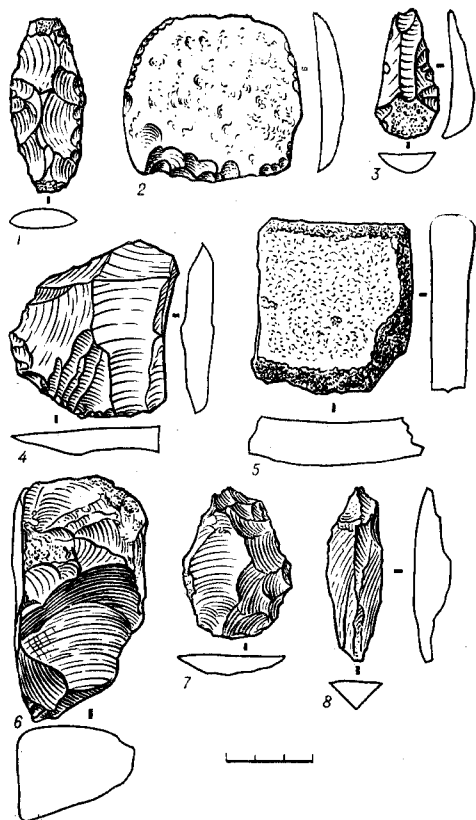

Таблица 85. Изделия из обсидиана и керамики со стоянки Осинвая коса (63, 64), подъемный материал

1 — заготовка наконечника; 2 — скребло; 3 — скребок; 4 — обломок ножа; 6 — рубильце; 7, 8 — скребки; 5 — фрагмент глиняной посуды

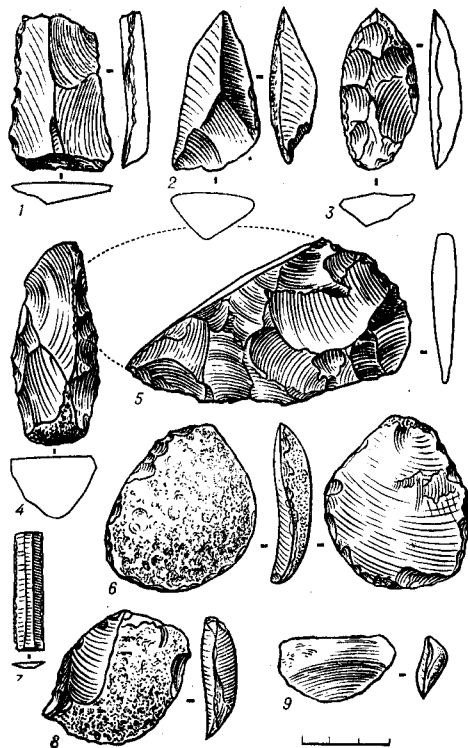

Таблица 86. Каменные орудия, собранные близ Осинвой косы (63, 64), подъемный материал

1, 5 — обломки ножей; 2 — отщеп; 3 — заготовка наконечника; 7 — ножевидная пластина; 4, 6, 8, 9 — скребки. 1 — из глинистого сланца; 9 — из кремнистого сланца; остальные — обсидиановые

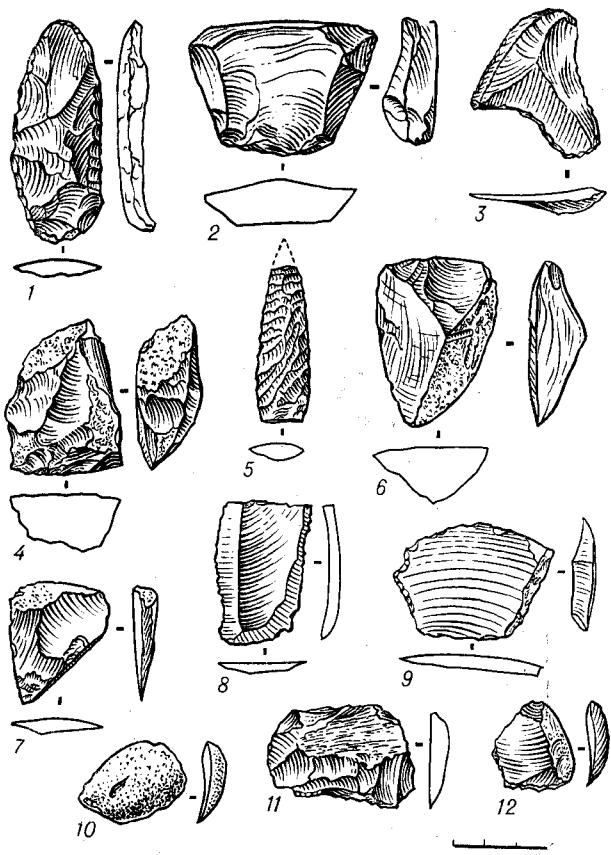

Таблица 87. Obsидиановые изделия со стоянки Осиновая коса (63, 64)

1 — нож; 2—4 — скребла; 5 — наконечник; 6—12 — отщепы

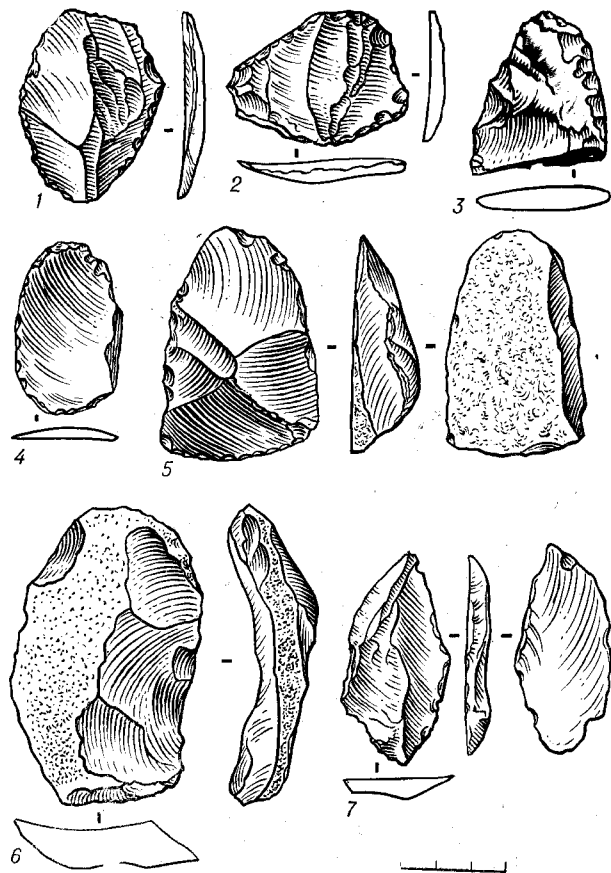

Таблица 88. Obsидиановые скребла, ножи и заготовки со стоянки Осиновая коса (63, 64) (1—7)

Таблица 89. Obsидиановые скребла и скребки со стоянки Осиновая коса (63, 64) (1-12)

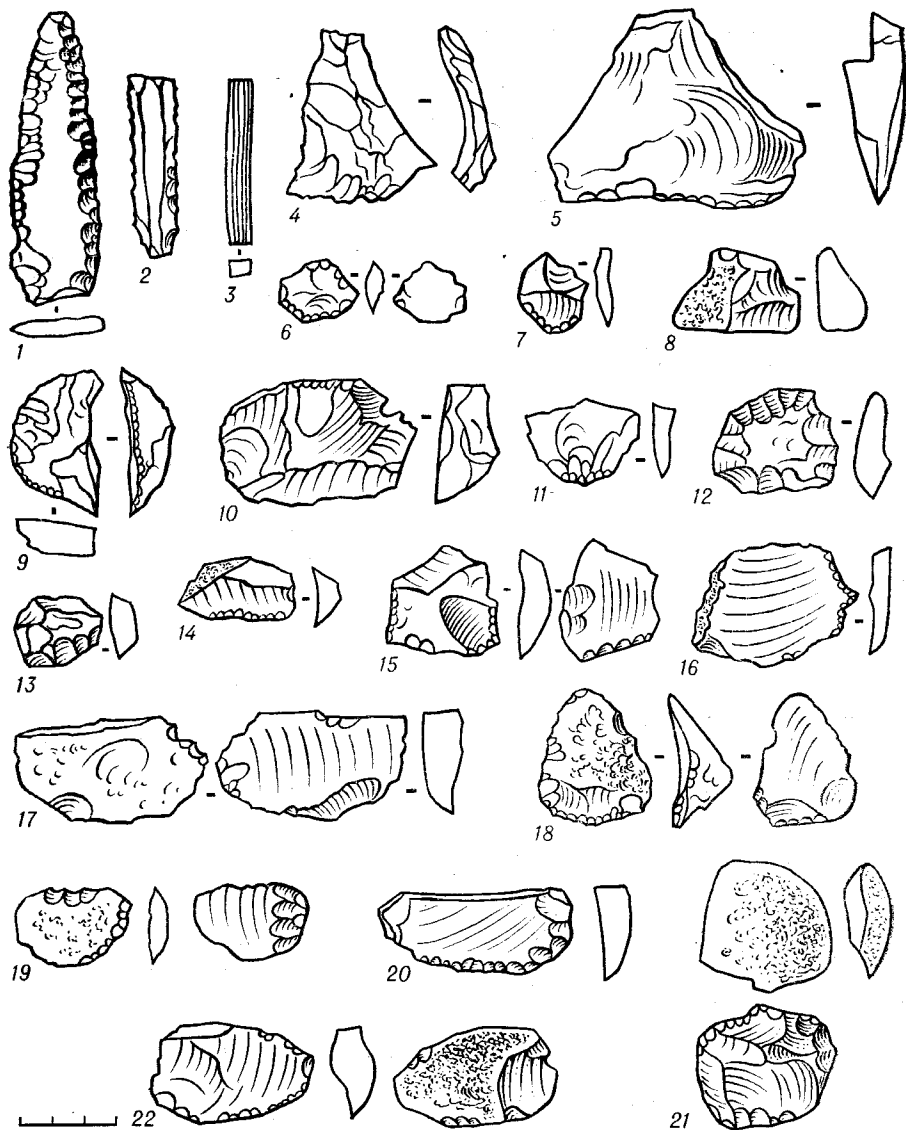

Таблица 90. Obsидиановые изделия со стоянки Осиновая коса (63, 64)

1 — нож; 2 — ножевидная пластинка; 4—21 — скребки

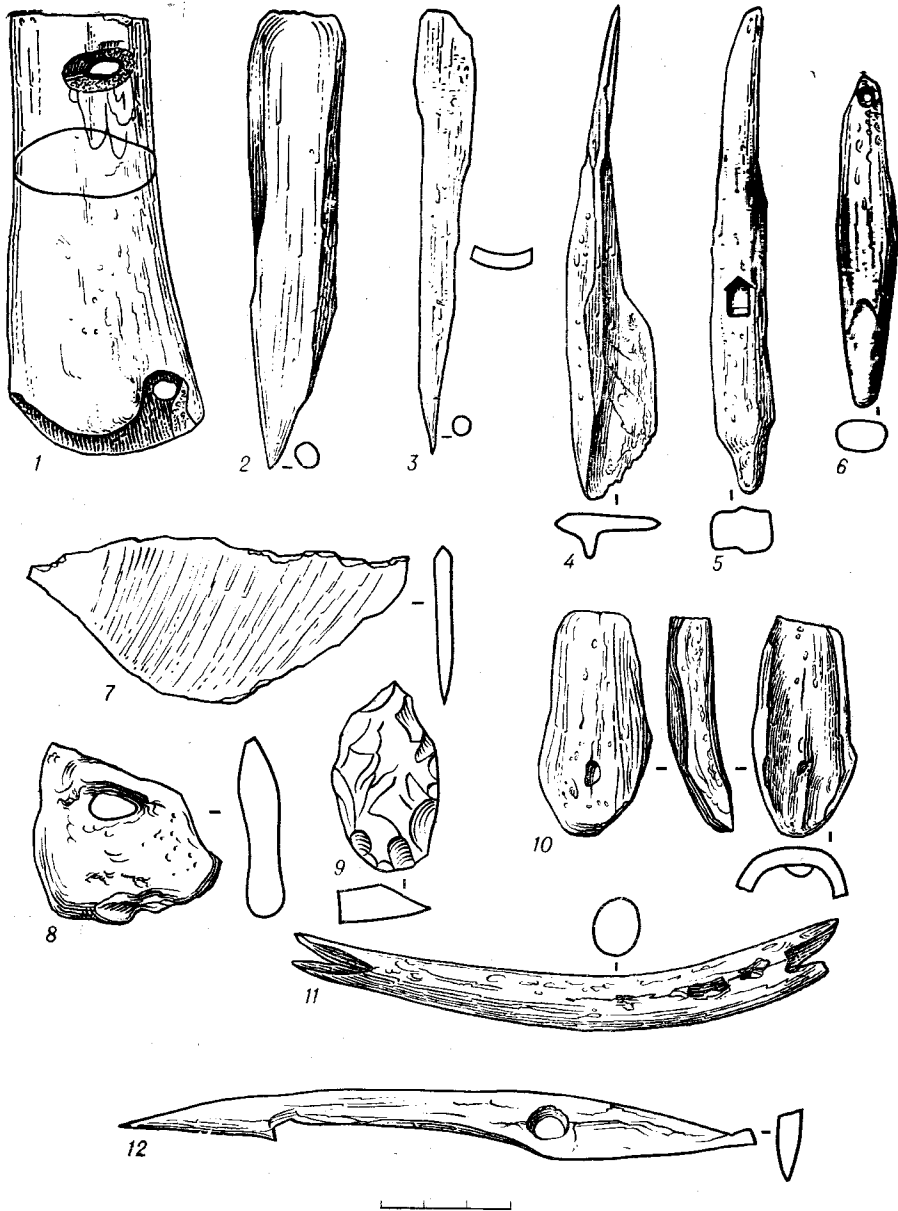

Таблица 91. Костяные изделия из раскопок на Осиновой жосе (63, 64) (1—12)

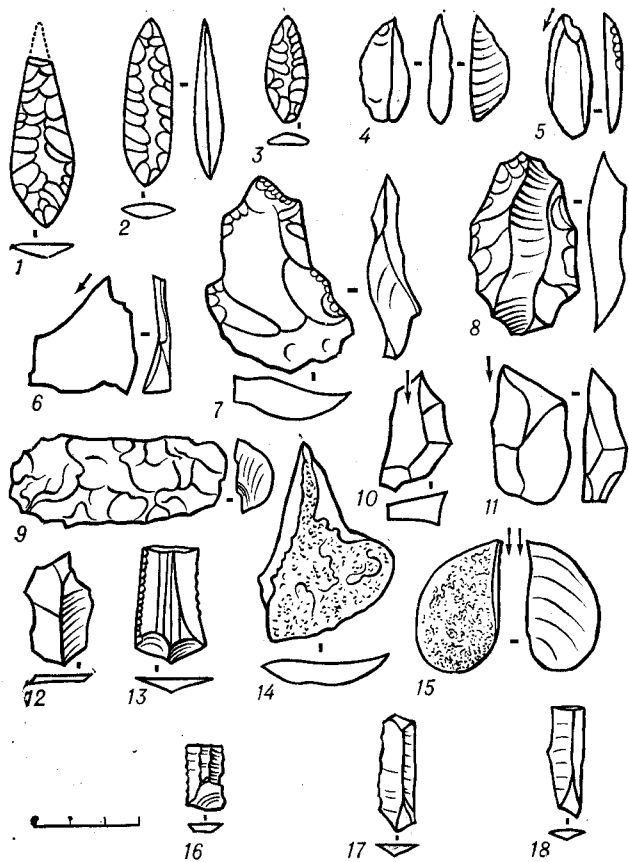

Таблица 92. Obsидиановые орудия со стоянки Осин-
овая сопка (66) (1—18)

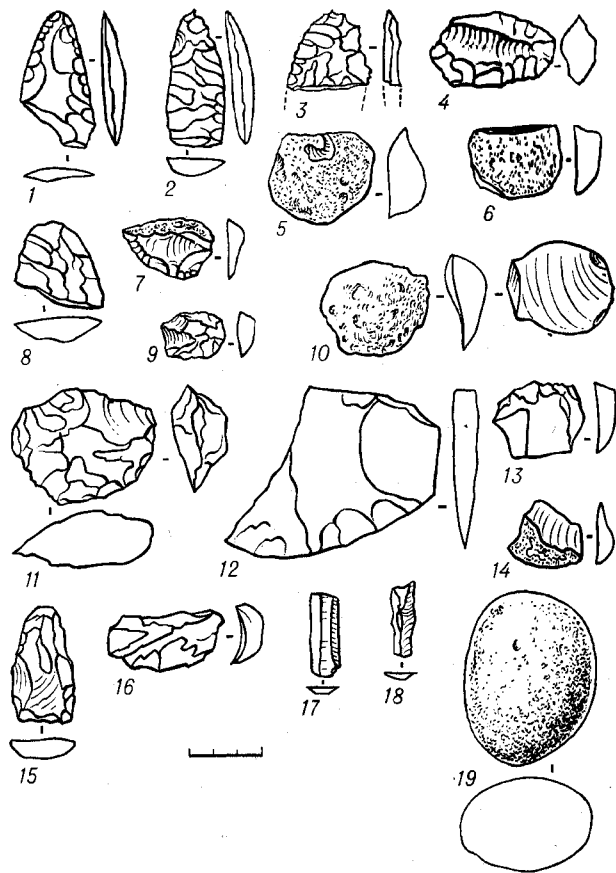

Таблица 93. Каменные орудия со стоянки Осин-
овая сопка (81) (1—19)

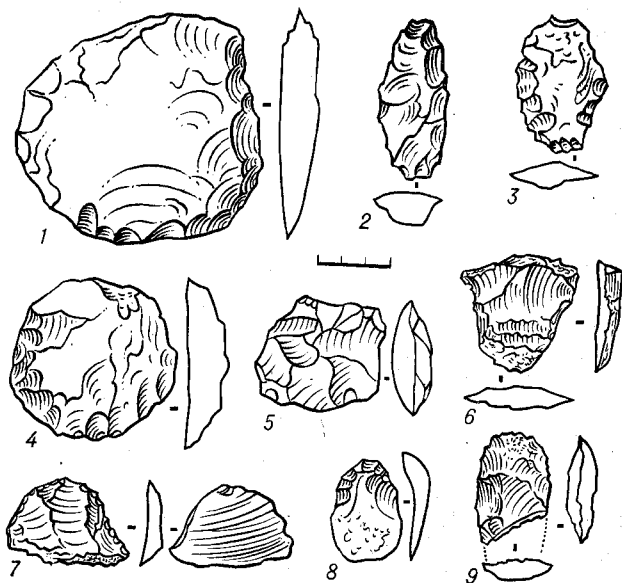
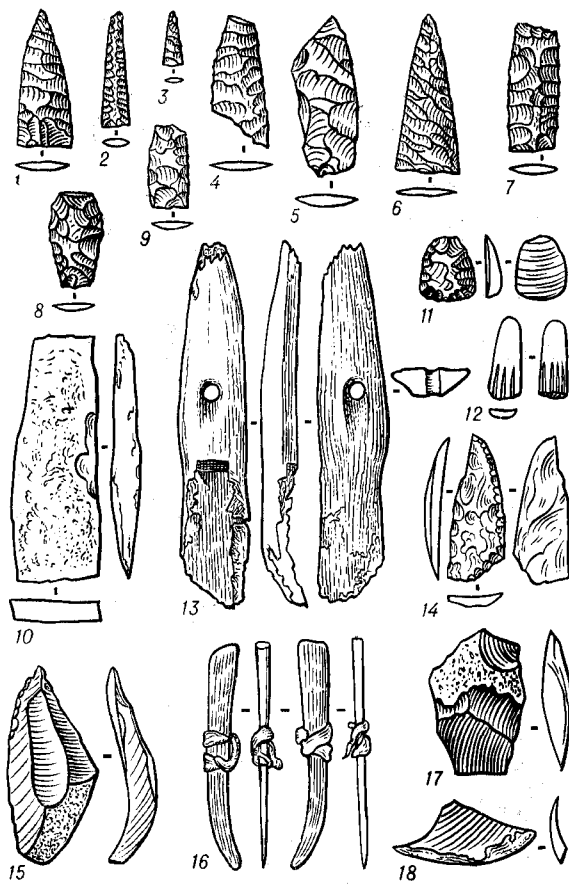

Таблица 94. Obsидиановые орудия с косы Красно (67) (1—9)

Таблица 95. Изделия из погребения в кургане 9 Усть-Бельского могильника (72)

1—9 — наконечники; 10 — тесло; 11 — скребок; 12 — поделка; 13 — наконечник гарпуна; 14 — нож; 16 — резец; 15, 17, 18 — отщепы. 1—12, 14, 15, 17, 18 — из камня; 13 — из моржового клыка; 16 — из бронзы

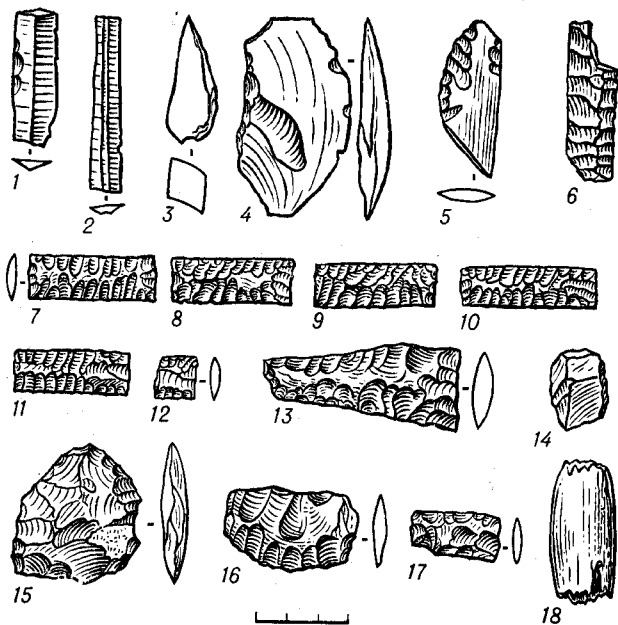
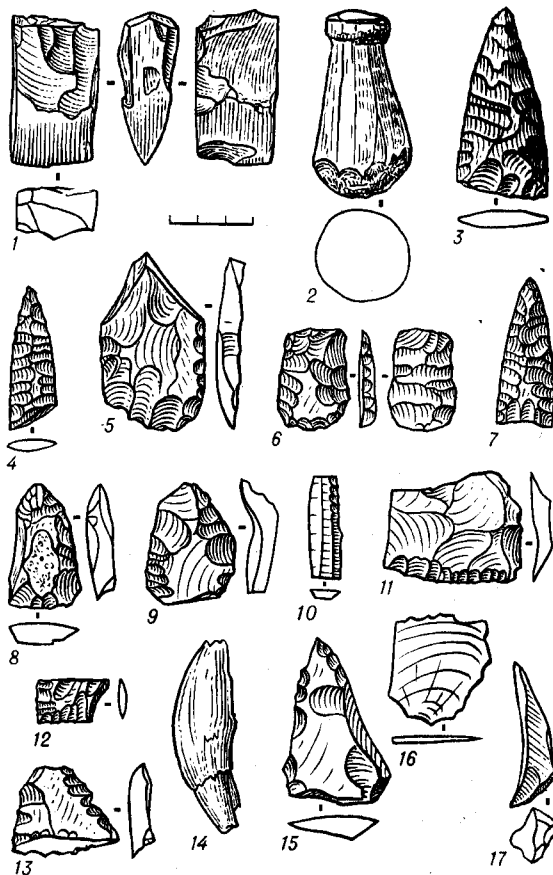

Таблица 96. Орудия из погребения в кургане 9 Усть-Бельского могильника (72)

1, 2 — ножевидные пластинки; 5, 13, 16 — ножи; 6—12, 17 — вкладыши; 15 — скребок; 3—14 — отщепы; 18 — поделка. 1—17 — из камня; 18 — из кости

Таблица 97. Погребальный инвентарь нижнего уровня могилы 1 в кургане 9 Усть-Бельского могильника (72)

1 — тесло; 2 — затычка; 3, 4, 7 — наконечники стрел; 5, 6, 8, 9, 11, 13 — скребки; 10 — ножевидная пластинка; 12 — вкладыш; 14 — клык медведя; 15—17 — отщепы. 2, 14 — из кости; 1, 3—13, 15—17 — из камня

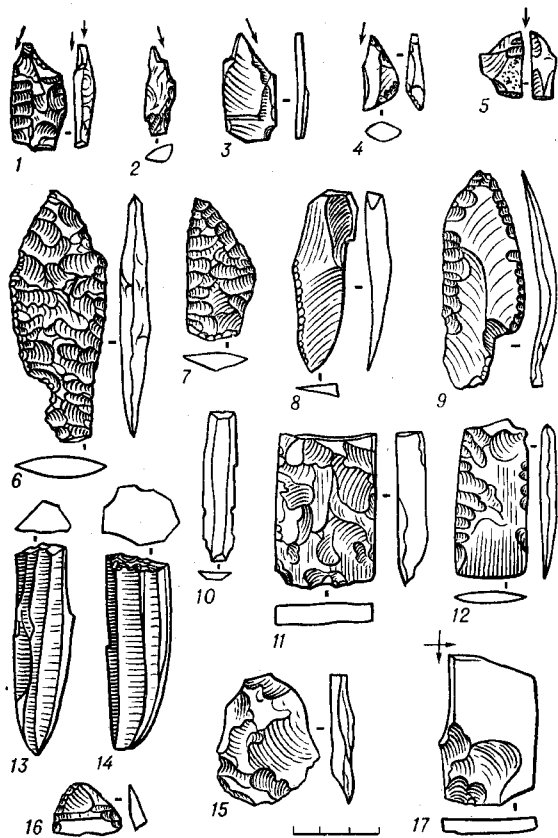

Таблица 98. Каменные изделия из ямки под могилой 1 в кургане 9 в Усть-Белой (72)

1—5, 17 — резцы; 6—9 — ножи; 10 — ножевидная пластинка, 11, 12 — тесла; 13 — нуклеус; 14—16 — скребки

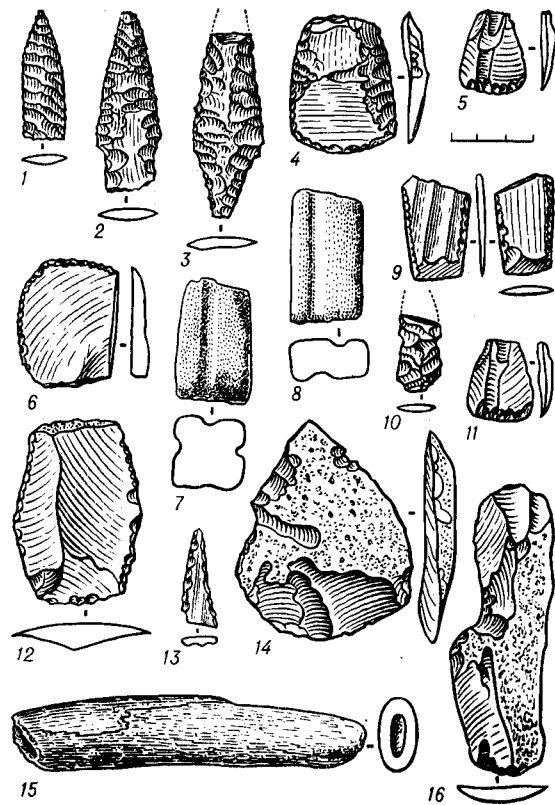

Таблица 99. Каменные и костяные (15) изделия из ямки под могилой 1 в кургане 9 в Усть-Белой (72)

1—3 — наконечники; 4, 5, 11, 14, 16 — скребки; 6, 9, 10, 12 — ножи; 13 — острие; 15 — рукоять; 7, 8 — точильные камни. 1—6, 16 — из кремня; 7, 8 — из песчаника; 9, 13 — из глинистого сланца; 11 — из халцедона; 10, 14, 14 — из обсидиана; 15 — из рога оленя

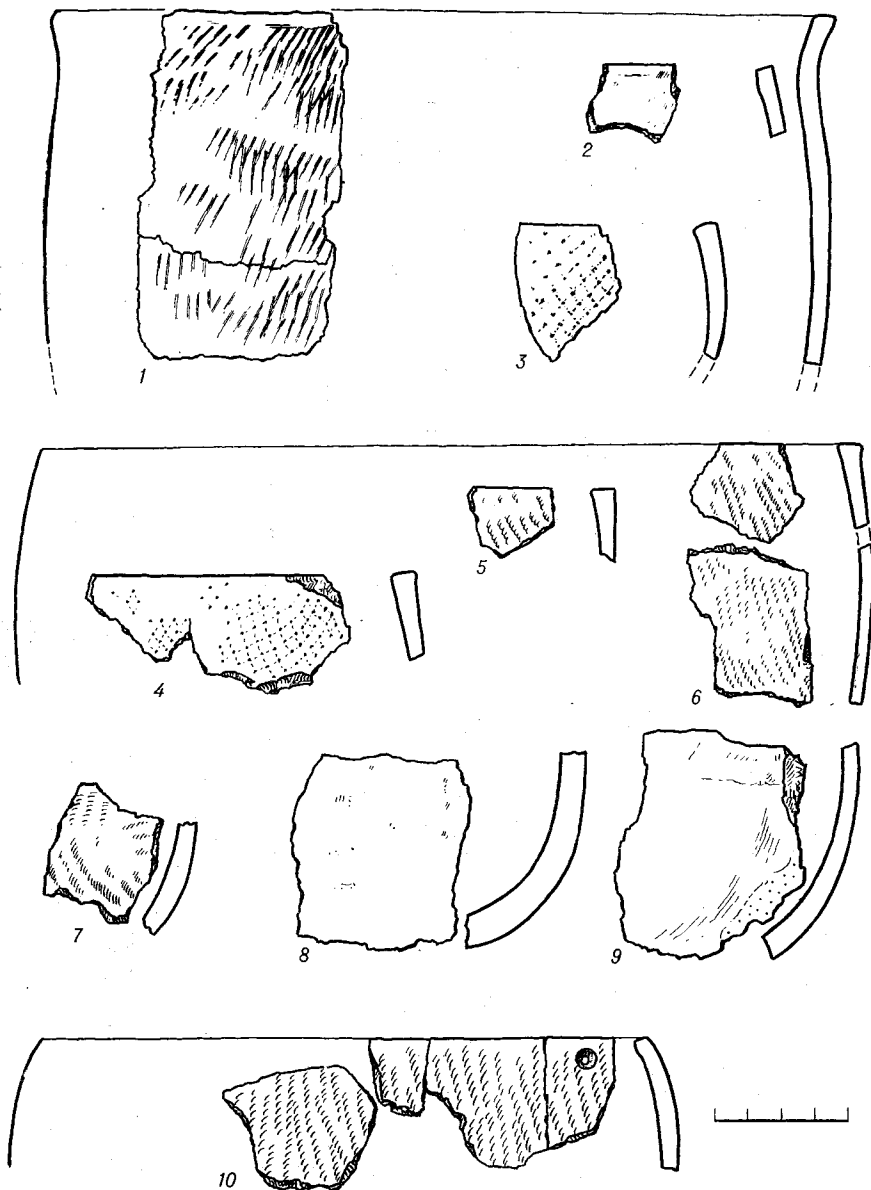

Таблица 100. Фрагменты глиняной посуды из Усть-Бельского могильника (72) и стоянки Камешки (58)
 1—9 — Усть-Бельский могильник; 10 — Камешки

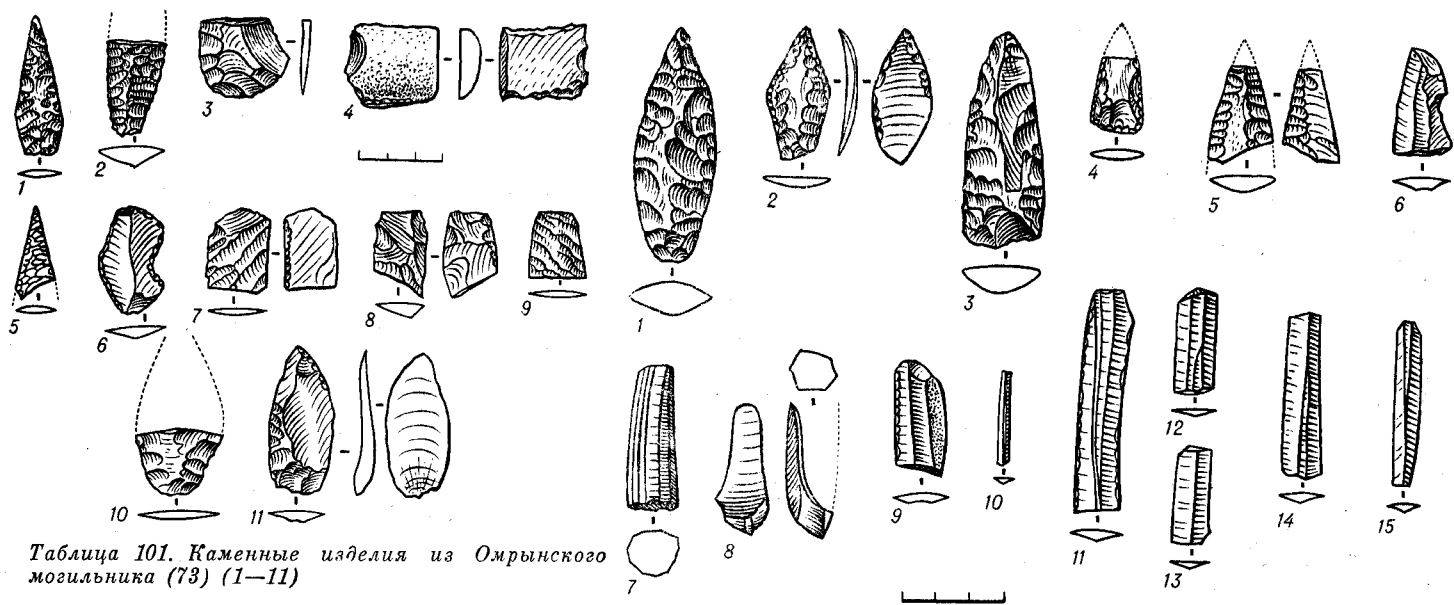

Таблица 101. Каменные изделия из Омрынского могильника (73) (1—11)

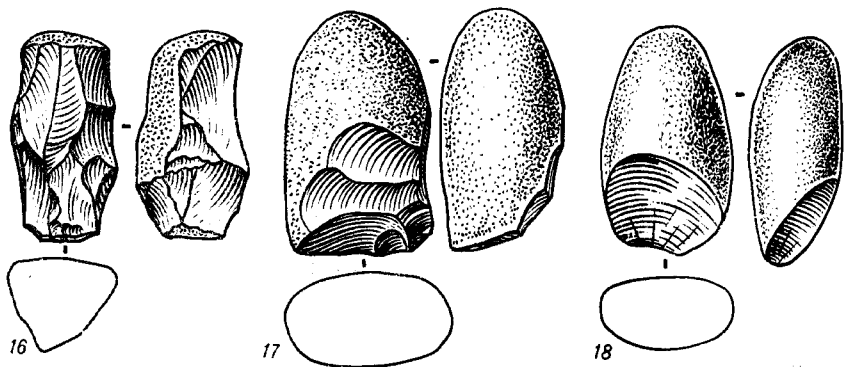

Таблица 102. Каменные изделия Чикавской станции (74)

1—5 — наконечники стрел; 6, 9—15 — ножевидные пластинки; 7, 8, 16—18 — нуклеусы

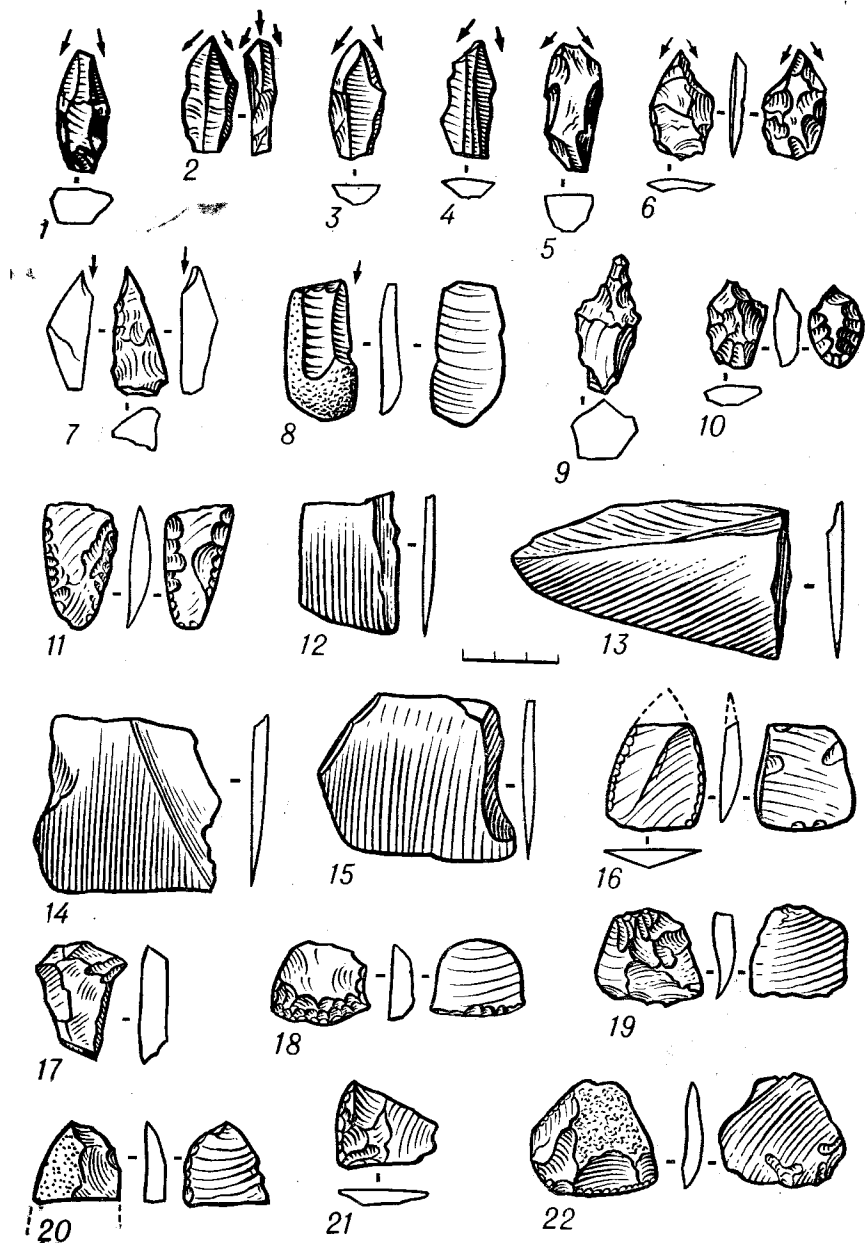

Таблица 103. Каменные изделия Чикаевской стоянки (74)

1—8 — резцы; 9 — проколка; 10, 16—22 — скребки; 11—15 — ножи. 1 — халцедон; 5 — кварц, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 17, 18 — кремь; 12—15 — глинистый сланец; 4, 8, 11, 16, 19, 20—22 — обсидиан

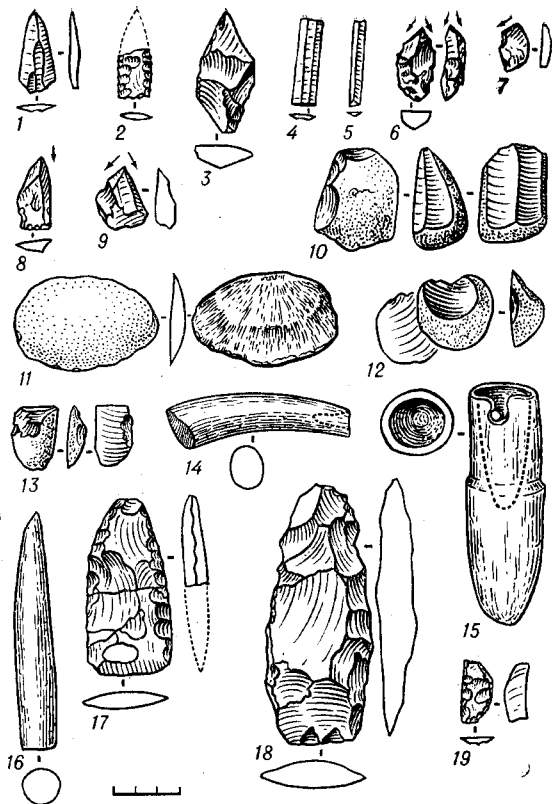

Таблица 104. Каменные изделия Чикаевской стоянки (74)

1 — пластинчатый отщеп; 2 — обломок наконечника; 3 — проколка; 4, 5 — ножевидные пластины; 6—9 — резцы; 10 — нуклеус; 11—13, 19 — скребки; 17 — топор; 18 — тесло; 14, 16 — костяные изделия. 1, 7, 8 — кремень; 2, 6, 9, 20 — халцедон; 3—5, 10, 12, 13 — обсидиан; 11, 18, 19 — глинистый сланец

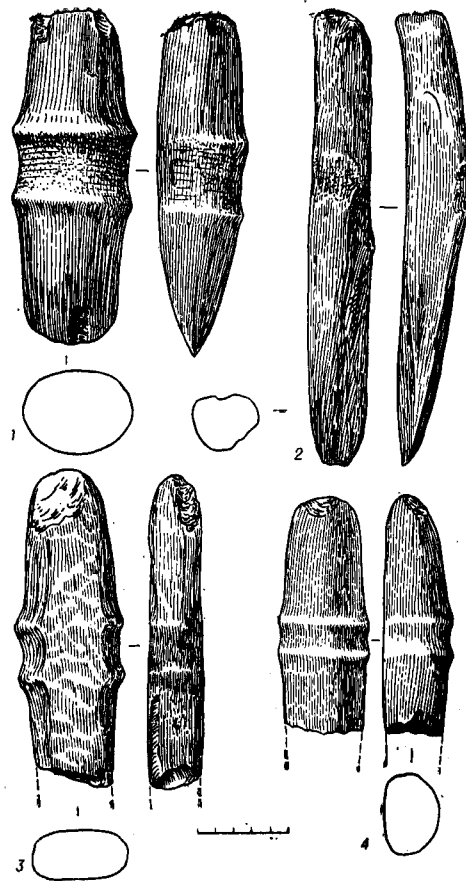

Таблица 105. Каменные расщепляющие тесла Чикаевской стоянки (74) (1—4)

Таблица 106. Костяные изделия Чикаевской стоянки (74)

1 — наконечник; 2, 3 — пряжки; 4 — тесло; 5 — лопатка; 6, 8, 9 — ножи; 7 — заготовка. 1 — из моржового клыка; 3 — из китового ребра; 4, 4, 5, 8 — из рога оленя

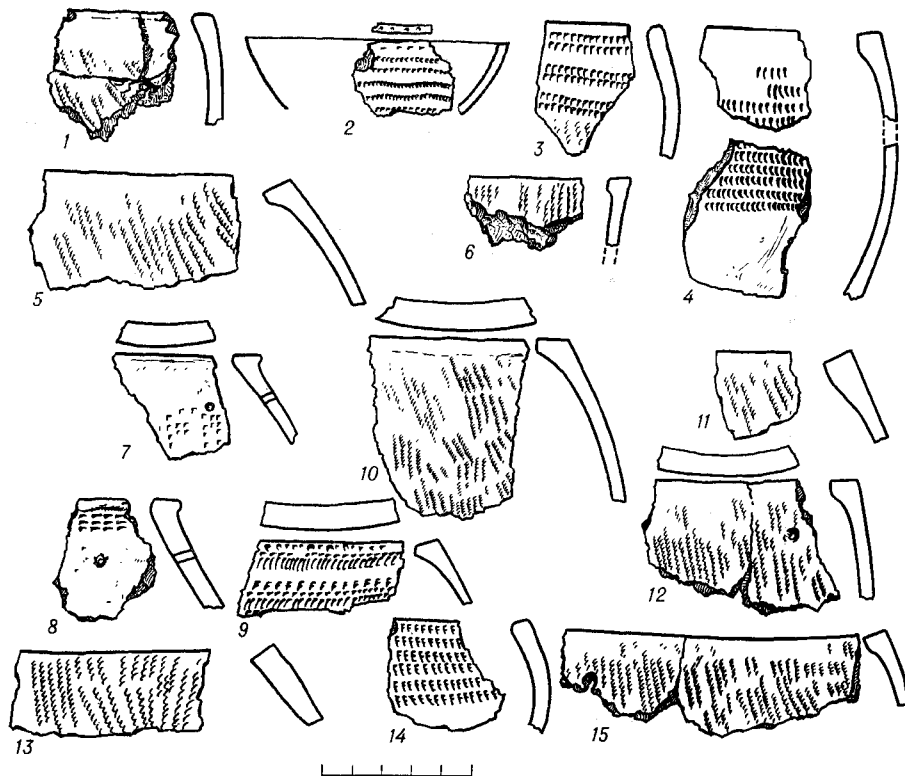

Таблица 107. Фрагменты керамики с Чикаевской стоянки (74) (1—15)

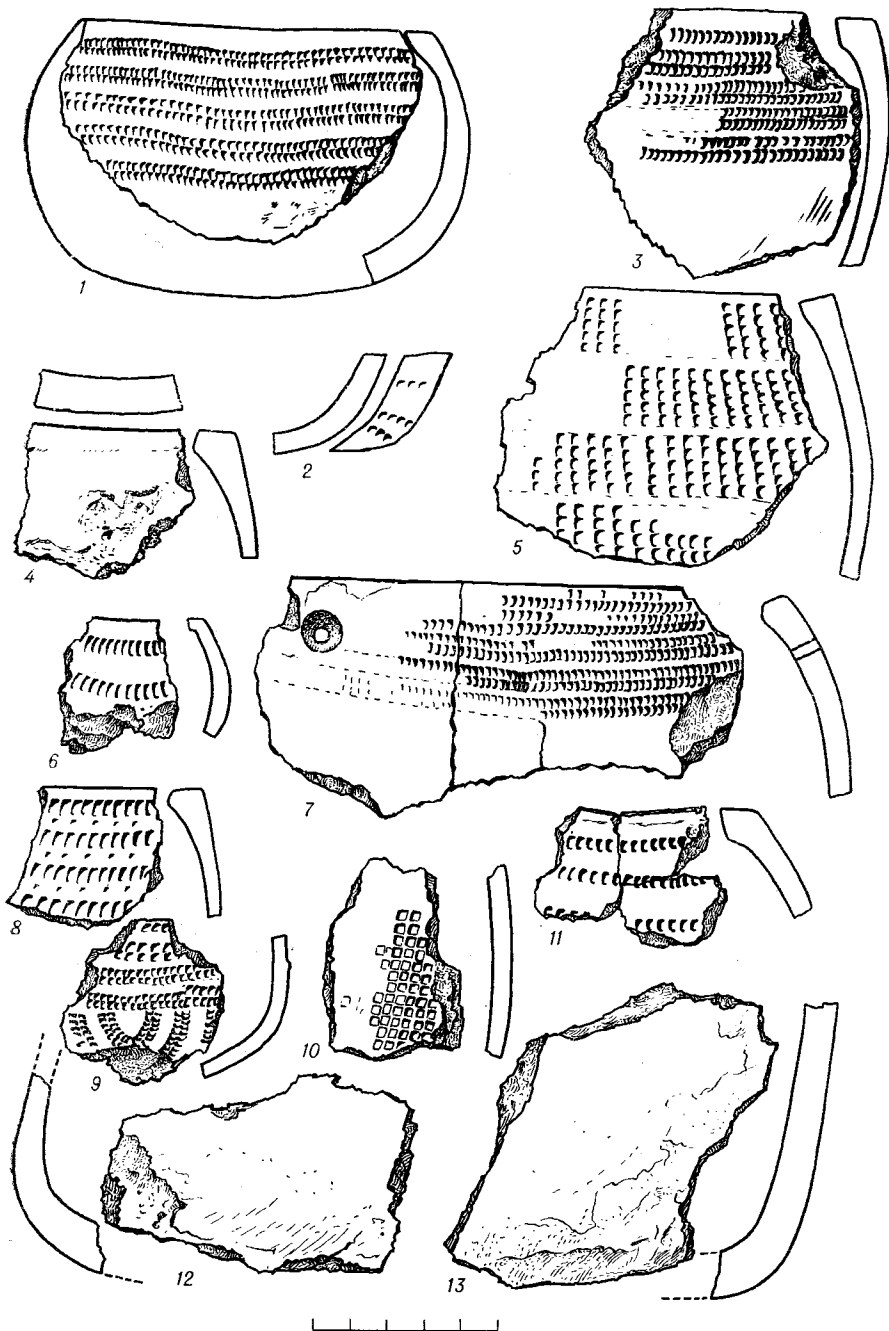

Таблица 108. Фрагменты керамики с Чикаевской стоянки (74) (1—13)

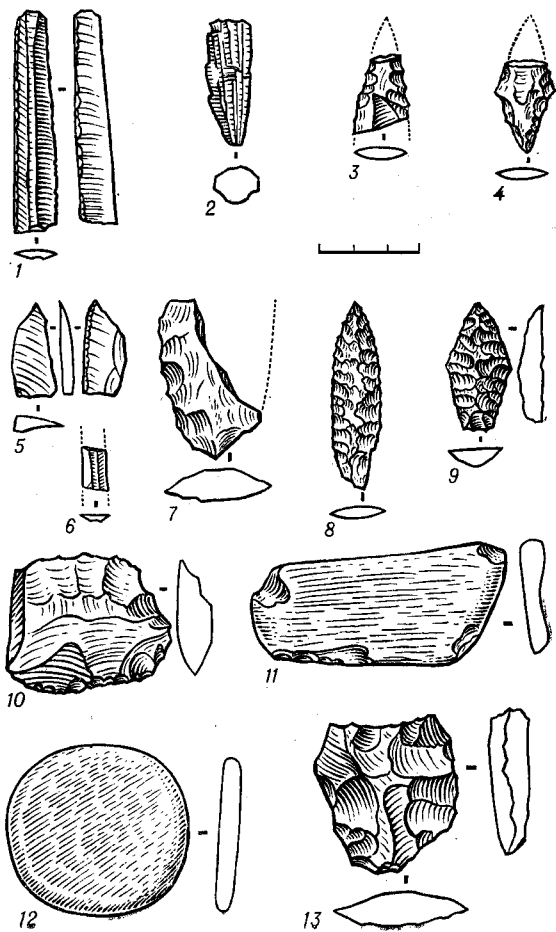
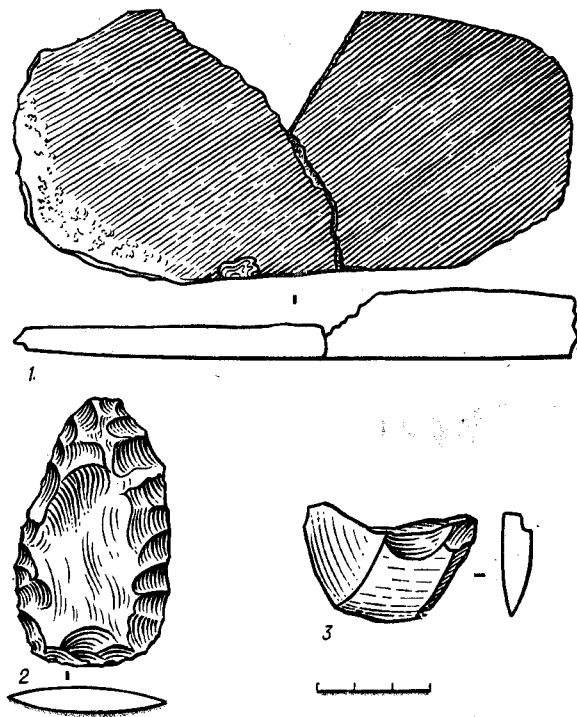

Таблица 109. Каменные изделия с первой (78) и второй (79) стоянок у 102 км (78) на берегу р. Амеуэма

1, 6 — ножевидные пластинки; 2 — нуклеус; 3, 4, 8, 9 — наконечники стрел; 5 — резчик; 7, 10, 13 — обломки ножей и скребков; 11, 12 — шлифованные плитки

Таблица 110. Каменные предметы со второй стоянки у 102 км (79)

1 — пришлифованная плитка; 2 — тесло-скребок; 3 — отщеп

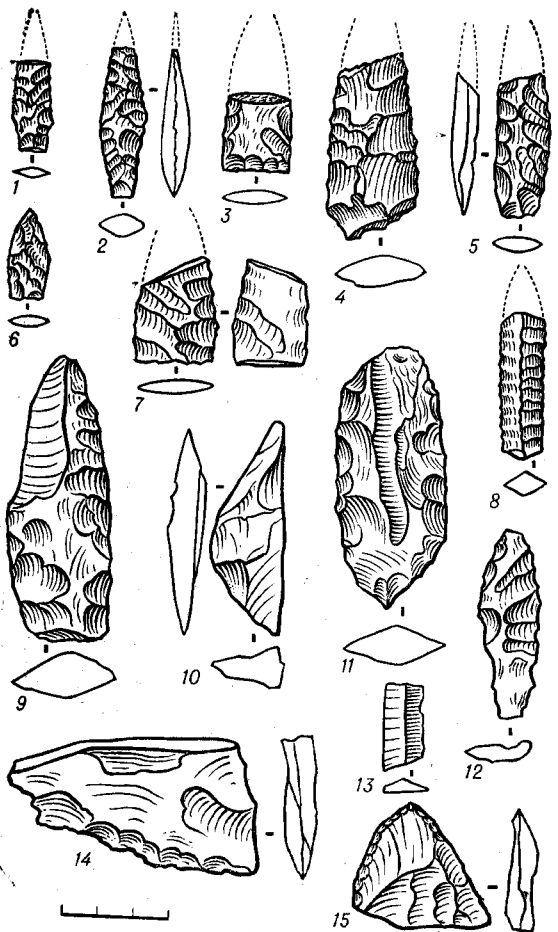

Таблица 111. Мезолитные наконечники и ножи из кремня с третьей стоянки у 102 км (8) (1—15)

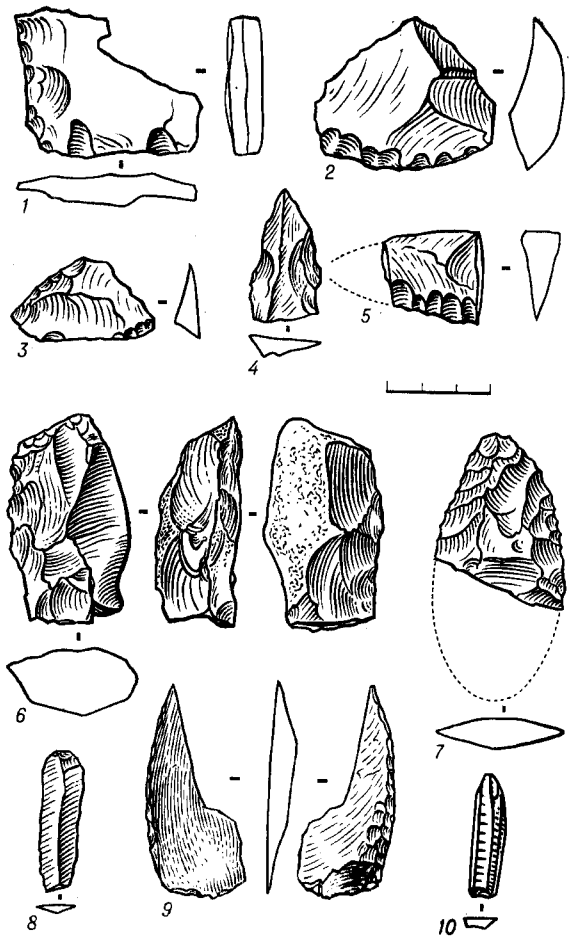

Таблица 112. Каменные орудия с третьей стоянки у 102 км (80) (1—10)

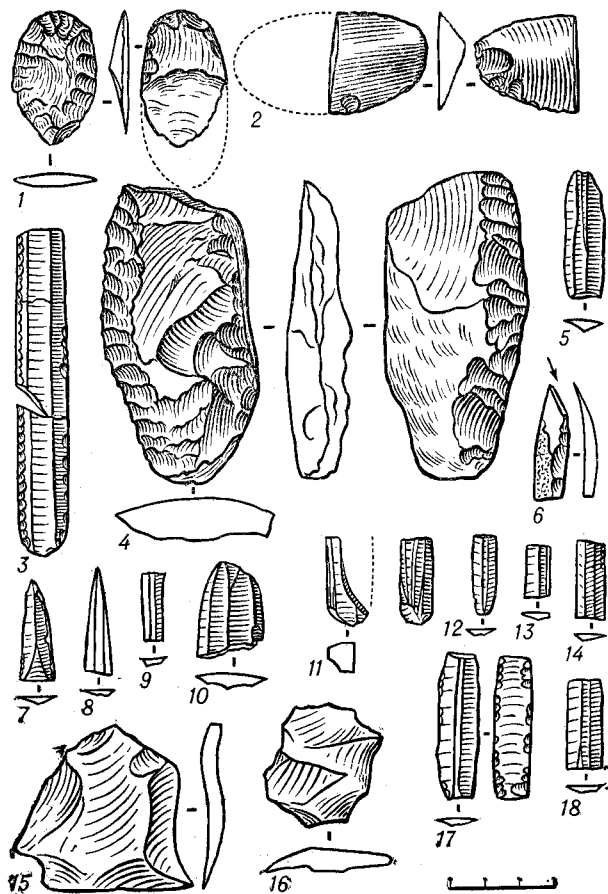

Таблица 113. Каменные изделия с четвертой стонки у 102 км (81) (1—18)

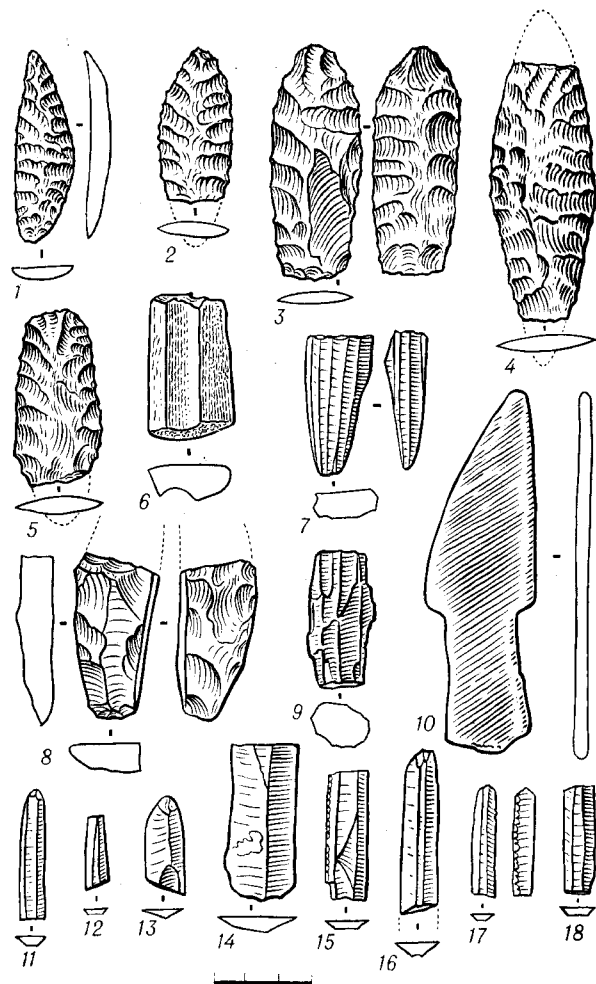

Таблица 114. Каменные изделия с четвертой стонки у 102 км (81) (1—18)

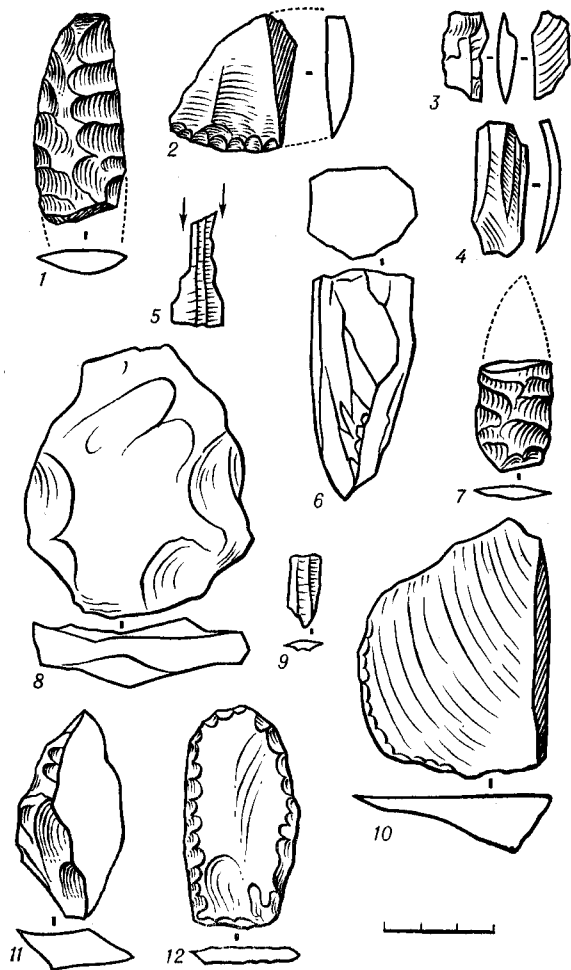

Таблица 115. Каменные изделия с амгуэмских стоянок

1 — из могилы; 2 — у 115 км (82); 3—6 — у 123 км (84);
7—9 — у 129 км (85); 10—12 — у 134 км (86)

Таблица 116. Каменные вещи с амгуэмских стоянок

1—2 — со 134 км (86); 3—4 — со 143 км (88); 5—12 — со 145 км (89)

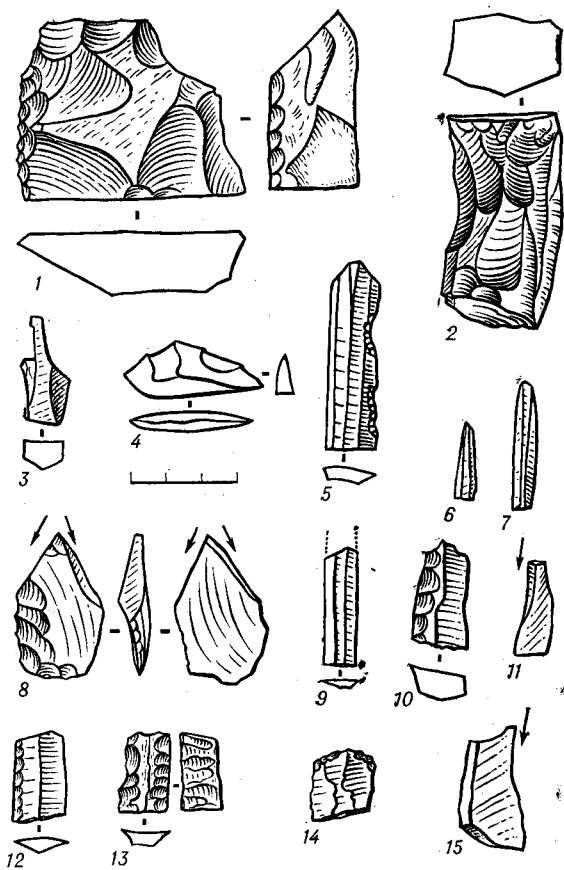

Таблица 117. Каменные изделия с амгузмской стоянки при устье р. Якигика (93) (1—15)

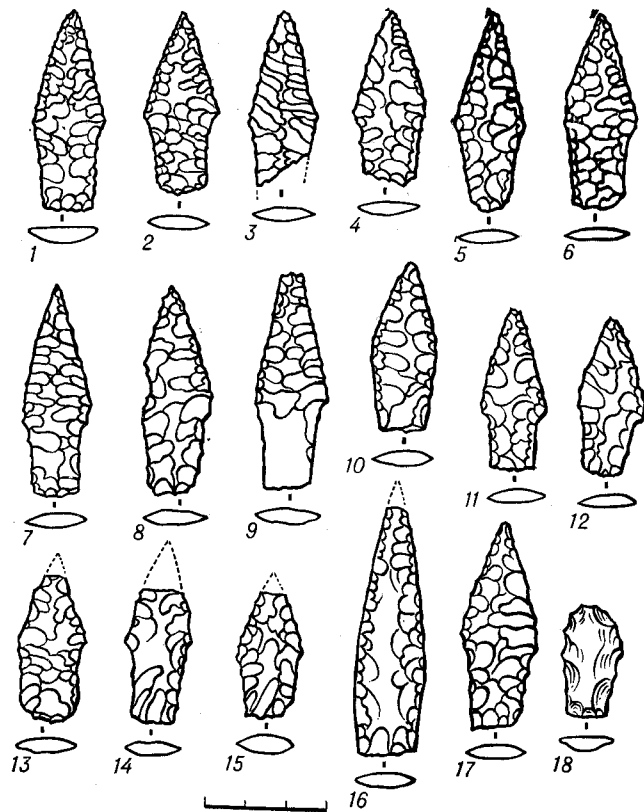

Таблица 118. Кремневые черешковые наконечники стрел из Экиатанского могильника (95) (1—18)

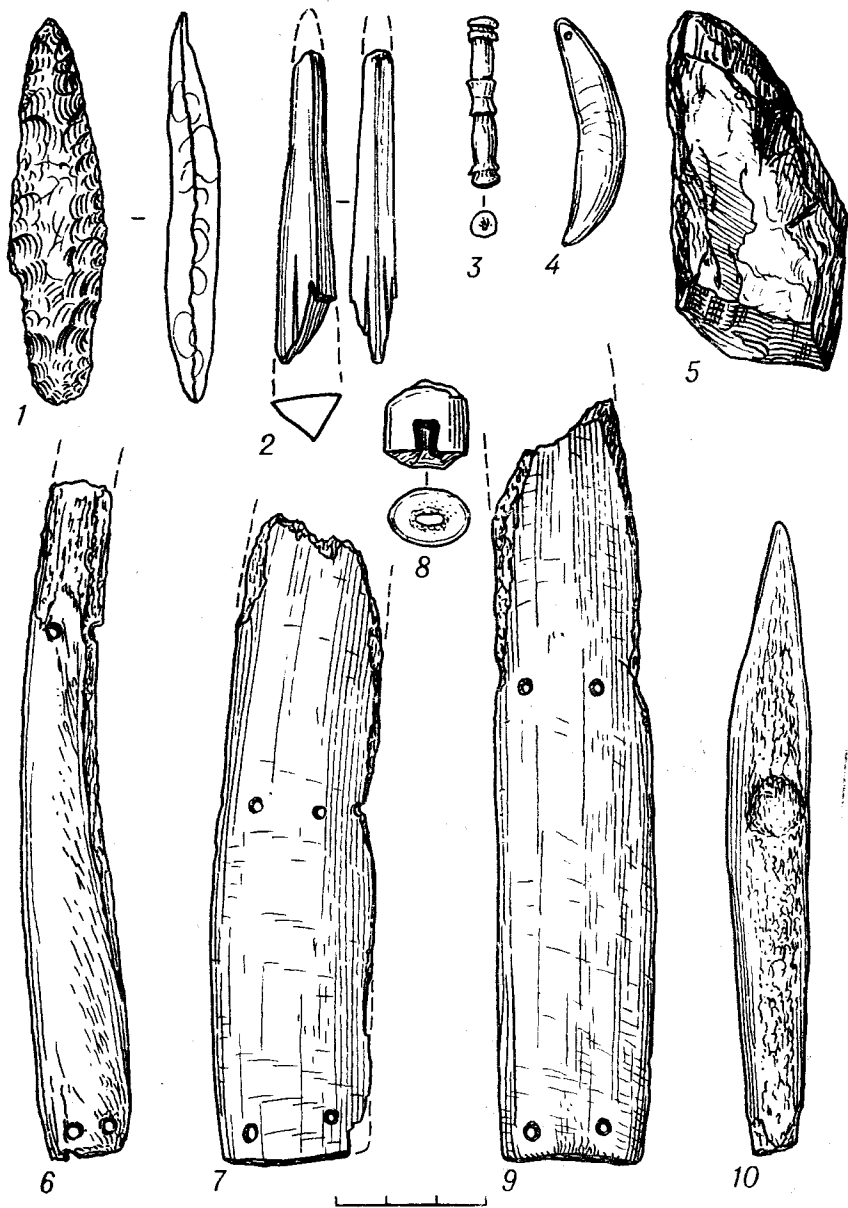

Таблица 119. Изделия из Пеггымельской пещеры (98)

1, 5 — из камня; 2, 4, 3, 10 — из кости; 6—9 — панцирные пластины

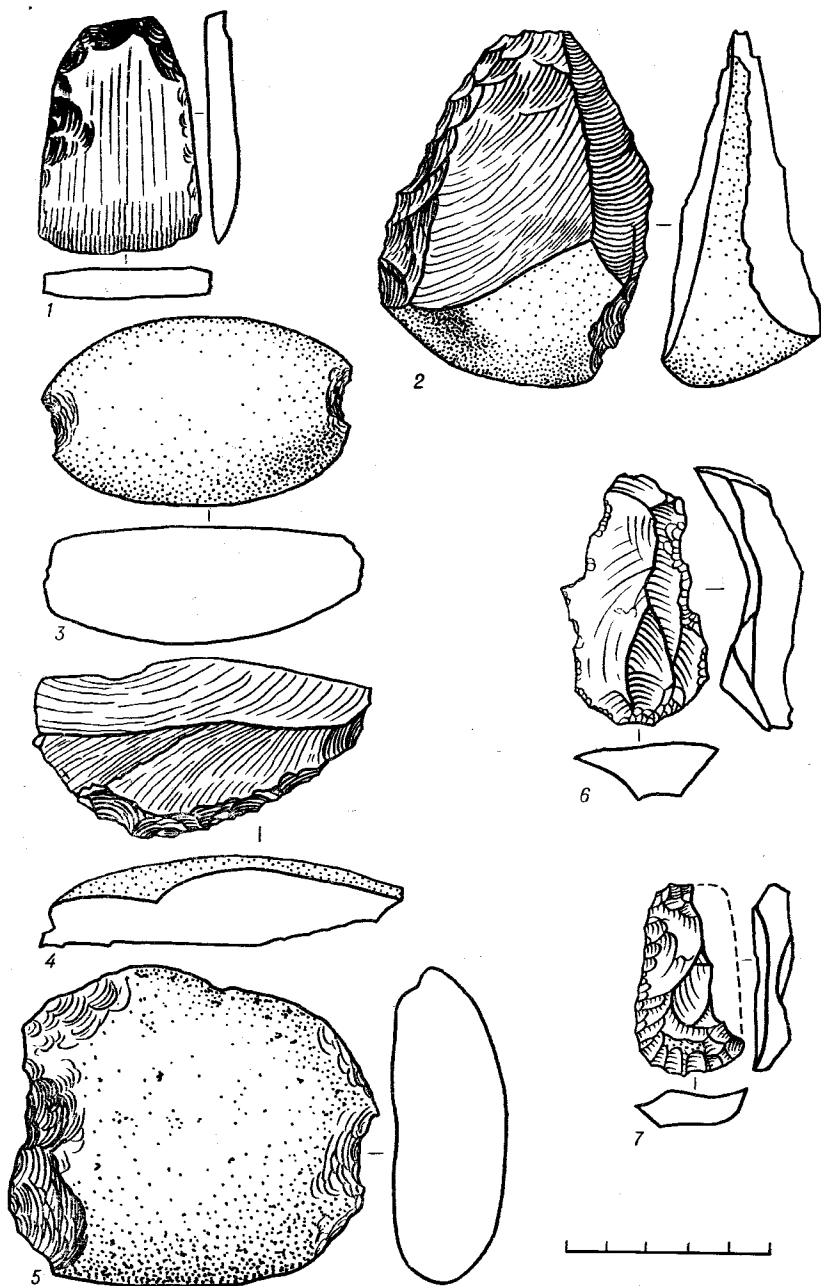

Таблица 120. Каменные изделия со стоянки у лагуны Лагтина (104) (1-7)
 1 — тесло; 3-5 — грузила; 6, 7 — скребок; 2, 4 — ножи

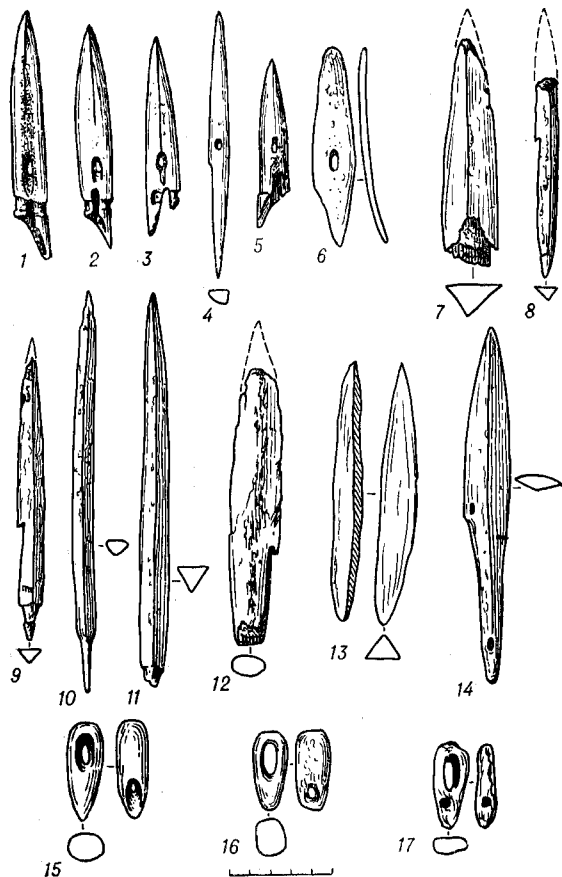
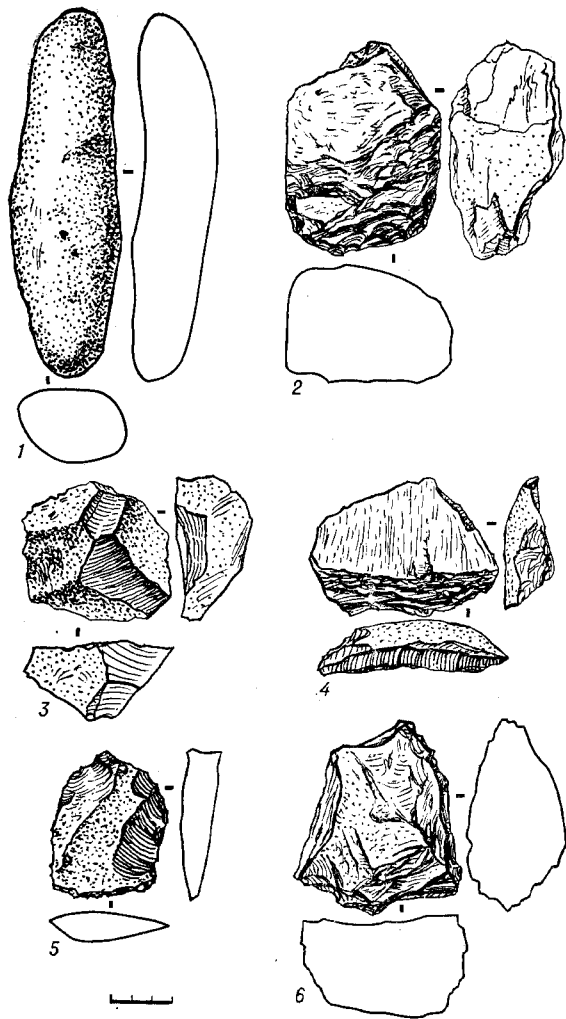

Таблица 121. Каменные отбойник, скребловидные орудия и отщепы со стоянки Лазгина (104) (1—6)

Таблица 122. Костяные изделия со стоянки у Седьмого причала (105)

1—6 — наконечники поворотных гарпунов; 7—13 — наконечники стрел; 14 — нож; 15—17 — карабинчики

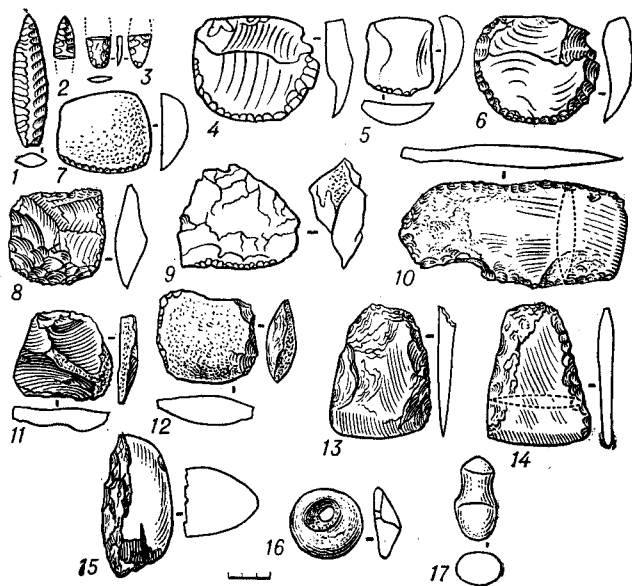

Таблица 123. Каменные изделия со стоянки у Седьмого причала (105) (1—17)

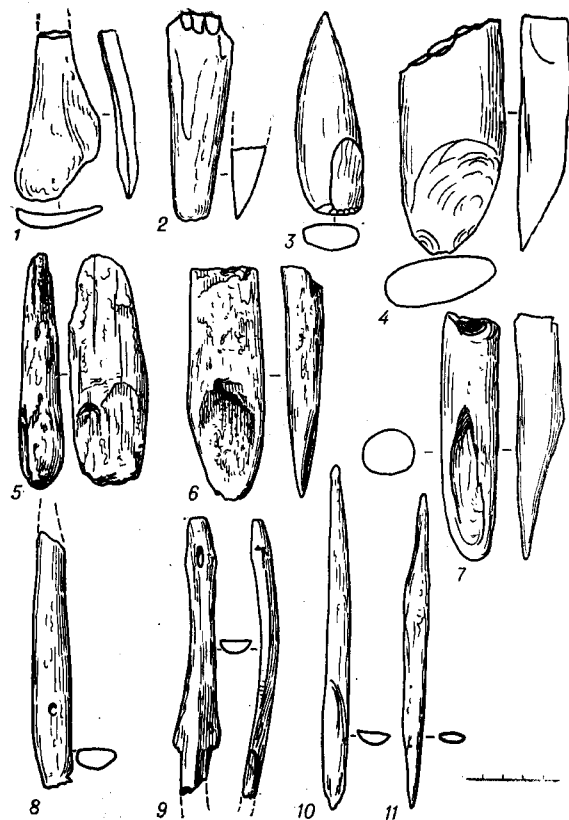

Таблица 124. Костяные изделия со стоянки у Седьмого причала (105)

1 — лопатка; 4—7 — тесла; 3 — поделка; 8—11 — ножи

Таблица 125. Костяные вещи со стоянки у Седьмого причала (105) (1—5) ($\frac{1}{3}$ натуральной величины)

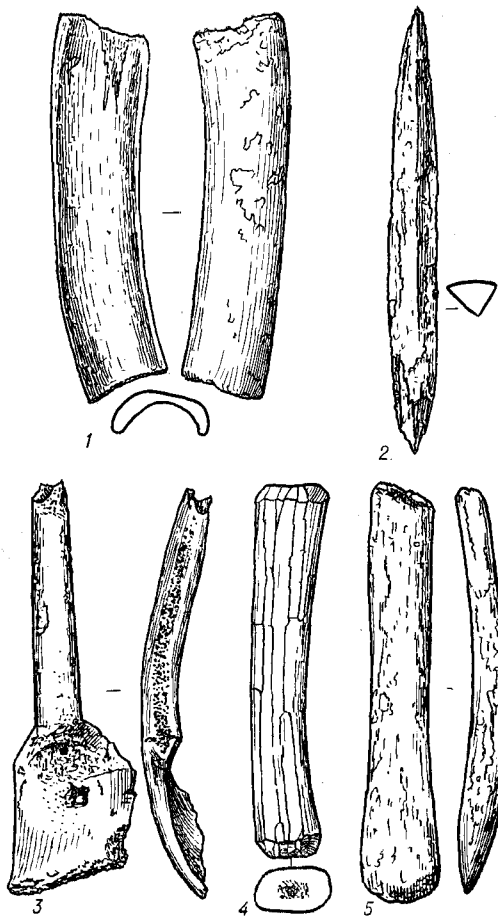
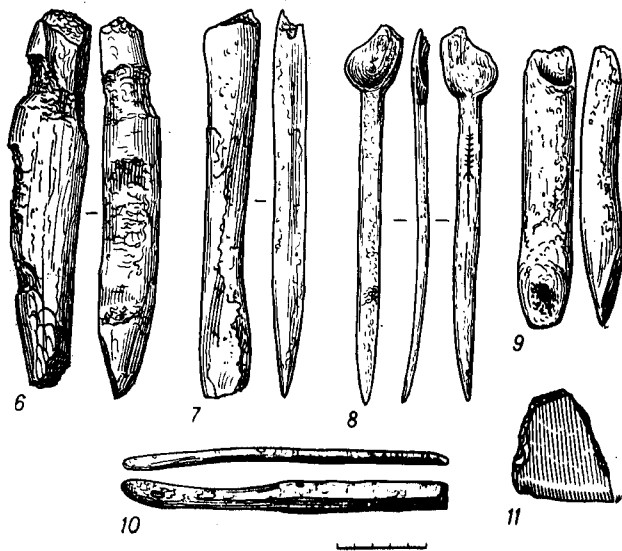

Таблица 126. Костяные предметы со стоянки у Седьмого причала (105) (1—11)

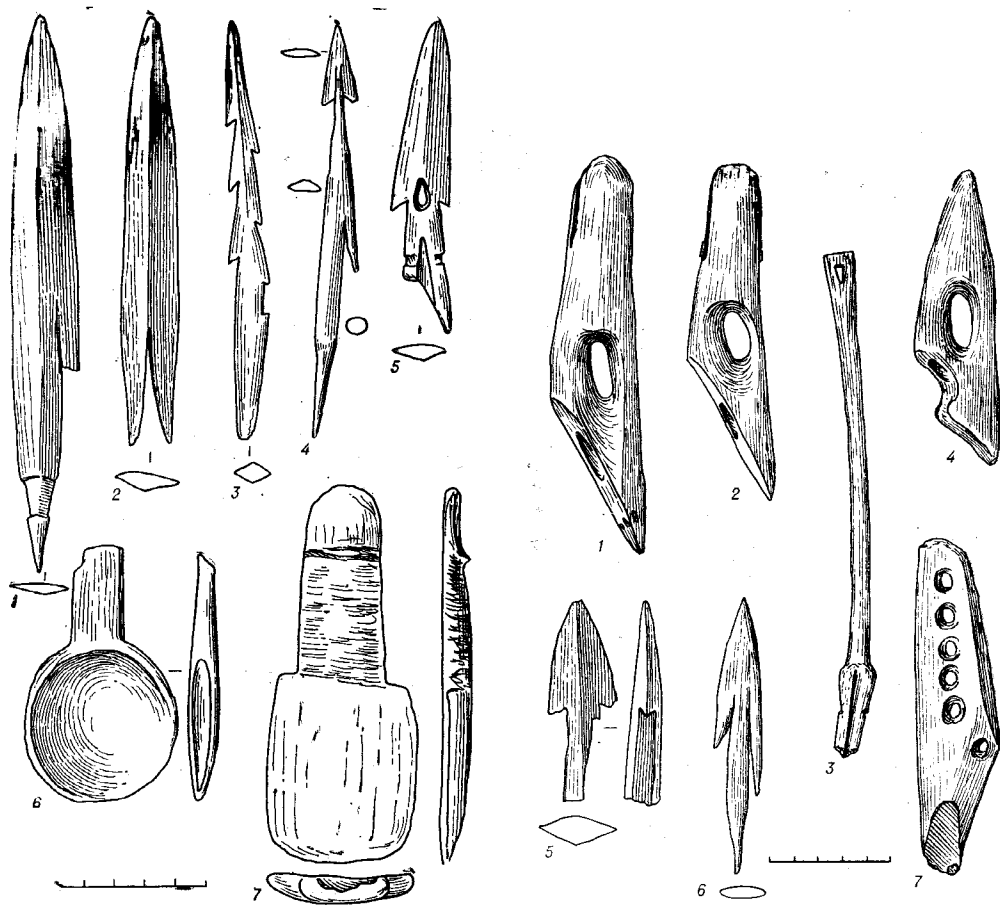

Таблица 127. Предметы из древних землянок в Сирениках (106)

1, 2, 4 — наконечники китовых гарпунов; 3 — фрагмент лучка; 5, 6 — наконечники стрел; 7 — деталь лодочного багра. 1, 2, 4—7 — из моржового клыка; 3 — из рога оленя

Таблица 128. Предметы из древних землянок в с. Сиреники (106)

1, 2 — наконечники стрел; 3, 4 — наконечники дротиков; 5 — наконечник поворотного гарпуна; 6, 7 — ложки. 1—5, 7 — из клыка моржа; 6 — из рога оленя

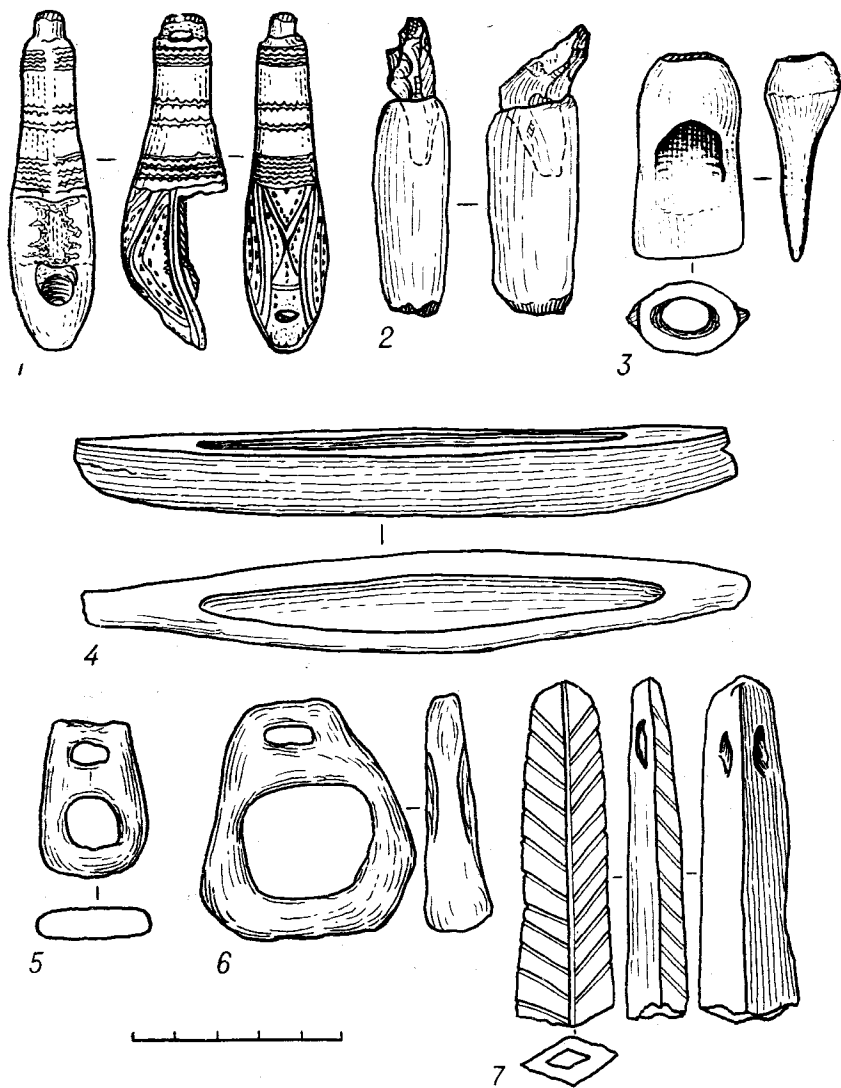

Таблица 129. Предметы из древних землянок в Сирениках (106)

1 — стерженек рыболовного крючка; 2 — каменный резец в костяной рукоятке; 3 — тесло; 4 — модель лодки; 5, 6 — пряжки; 7 — амулет

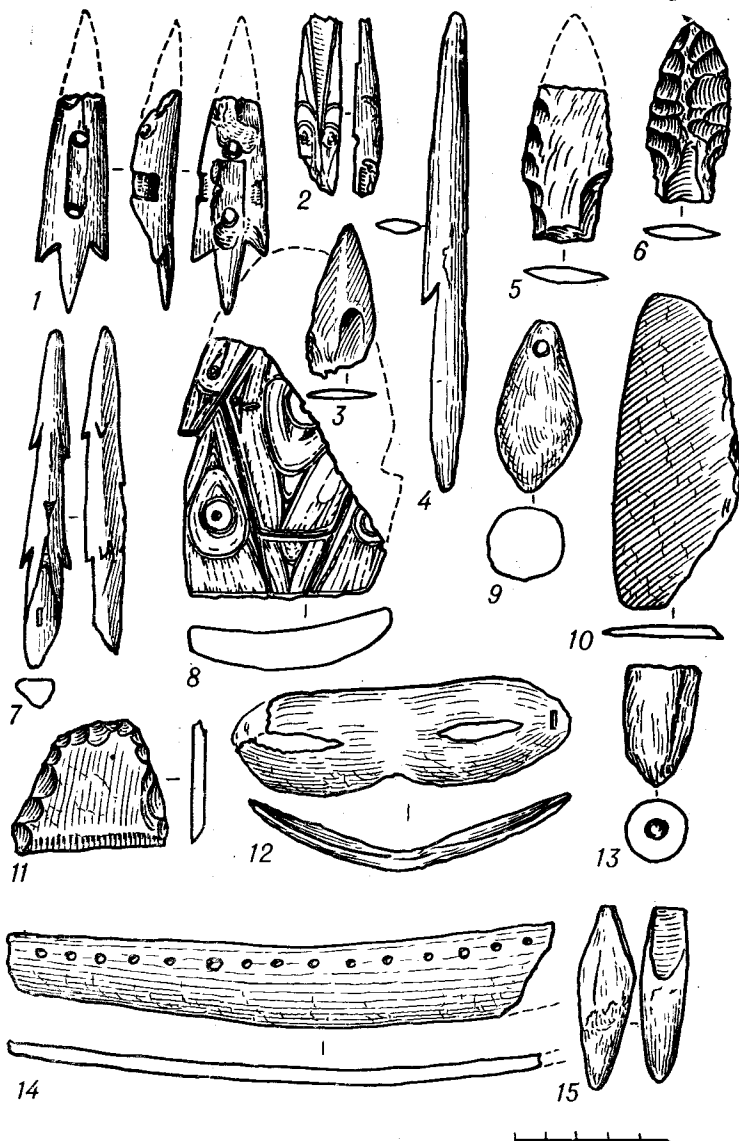

Таблица 130. Костяные и каменные орудия из Яндогая (107)

1, 2 — фрагменты поворотного гарпуна; 3, 5, 6 — наконечники; 4 — наконечник остроги; 7 — наконечник гарпуна; 8 — фрагмент орнаментированной пластины; 9 — грузик для птичьего бола; 10 — нож; 11 — тесло; 12 — снеговые очки; 13, 15 — наконечники стрел; 14 — фрагмент полоза санок. 1, 2, 7—9, 12—15 — из клыка моржа; 4 — из рога оленя; 3, 5, 6, 10, 11 — из глинистого сланца

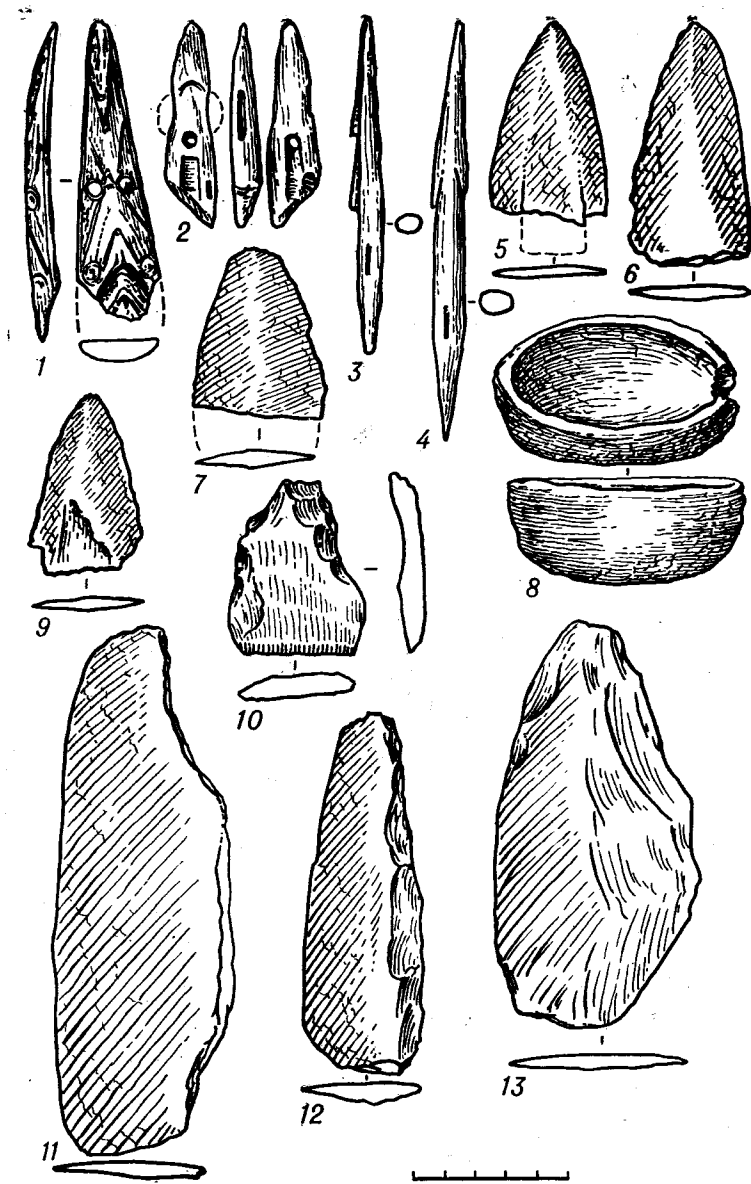

Таблица 131. Орудия из древнеберингоморского слоя в Нуныамо (109)

1, 2 — наконечники поворотных гарпунов; 3, 4 — остроги; 5—7, 9 — наконечники; 8 — жирник; 10 — тесло; 11—13 — ножи; 1—4 — из клыка моржа; 8 — из дерева; 5—7, 9—13 — из глинистого сланца

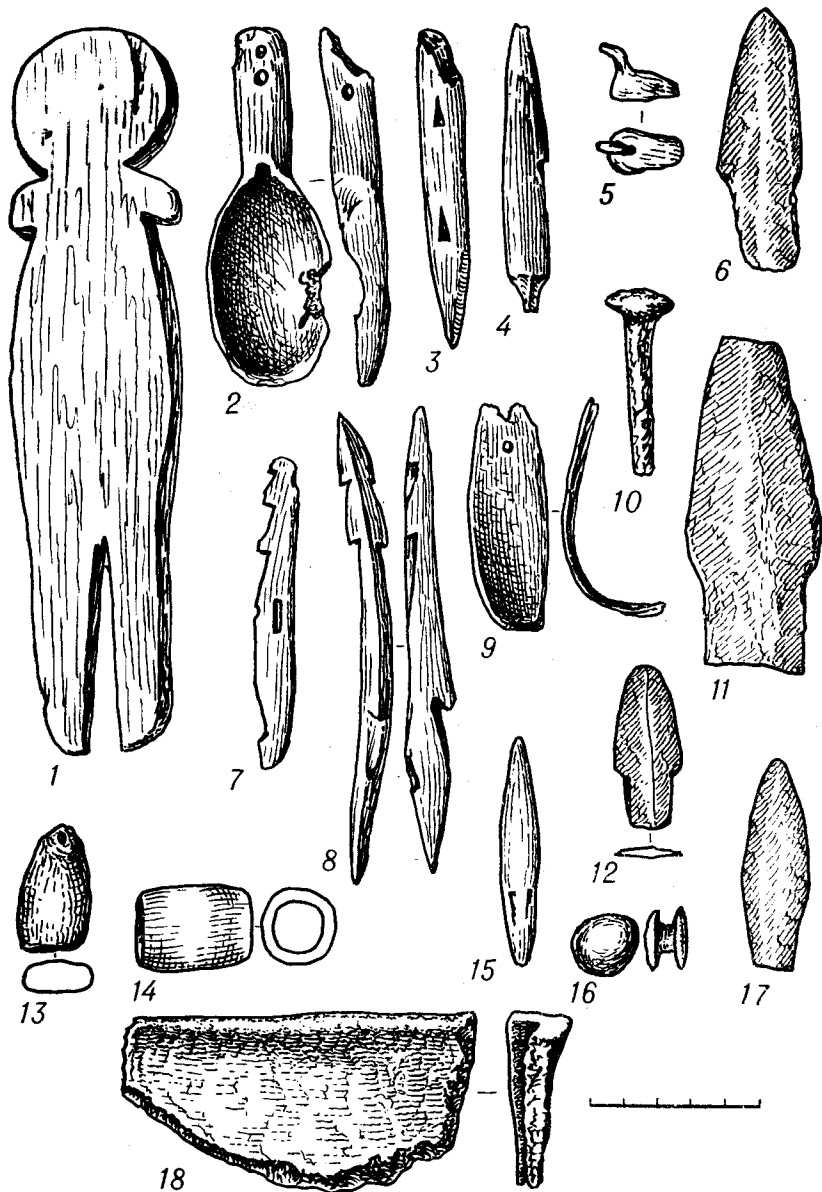

Таблица 132. Орудия из Нунымо (109)

1, 5 — амулеты; 2 — ложка; 3 — обломок колка для насадки наконечника гарпуна; 4, 7, 8 — наконечники острог; 6, 11, 12, 17 — наконечники; 9 — обломок скребка для снятия жира; 13 — подвеска; 14 — бусинка; 10 — гвоздь; 15 — колок гарпуна; 16 — пробка от гарпунного поплавка; 18 — фрагмент венчика глиняного сосуда. 1 — из дерева; 2—5, 8—10, 15, 16 — из моржового клыка; 13 — из зуба моржа; 7, 14 — из рога оленя; 6, 11, 12, 17 — из глинистого сланца; 18 — керамика

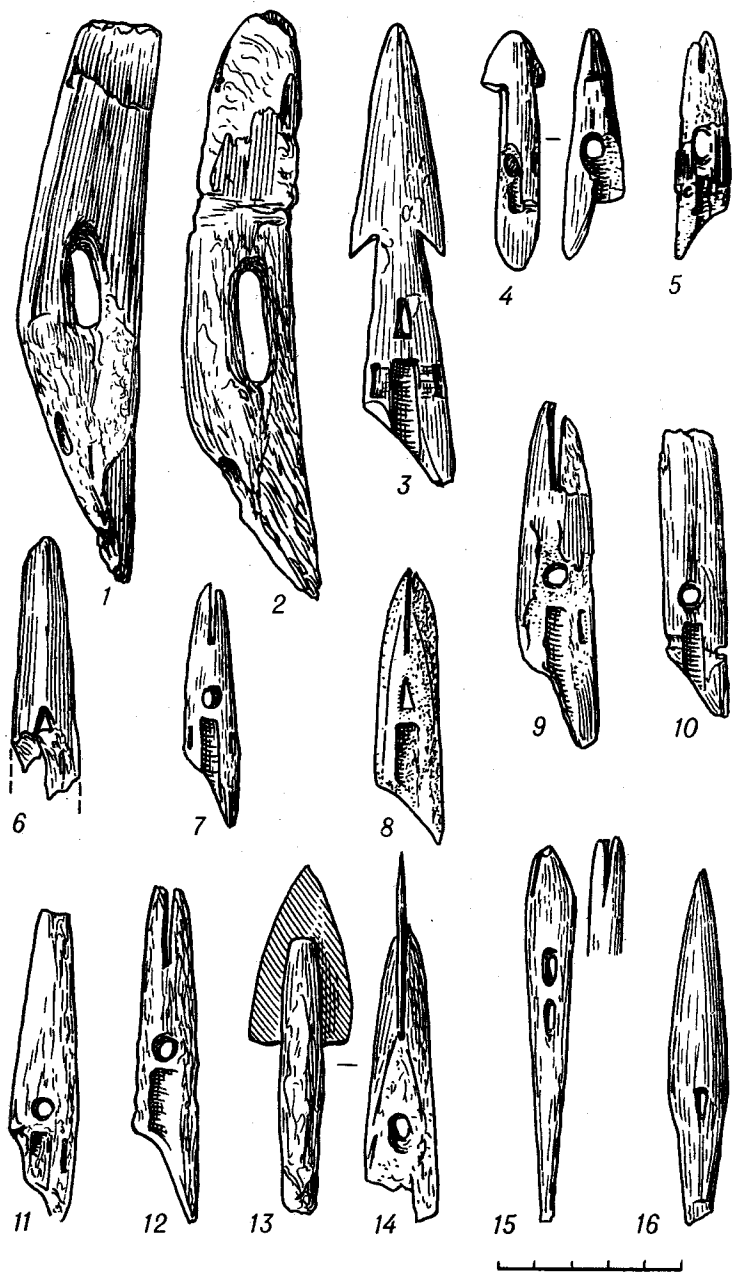

Таблица 133. Наконечники поворотных гарпунов и другие изделия из Нунымо (109)
 14 — с вкладышем из глинистого сланца; 1, 2, 4 — 13, 15 — из моржового клыка; 3, 16 — из рога оленя; 14 — из моржового клыка и железа

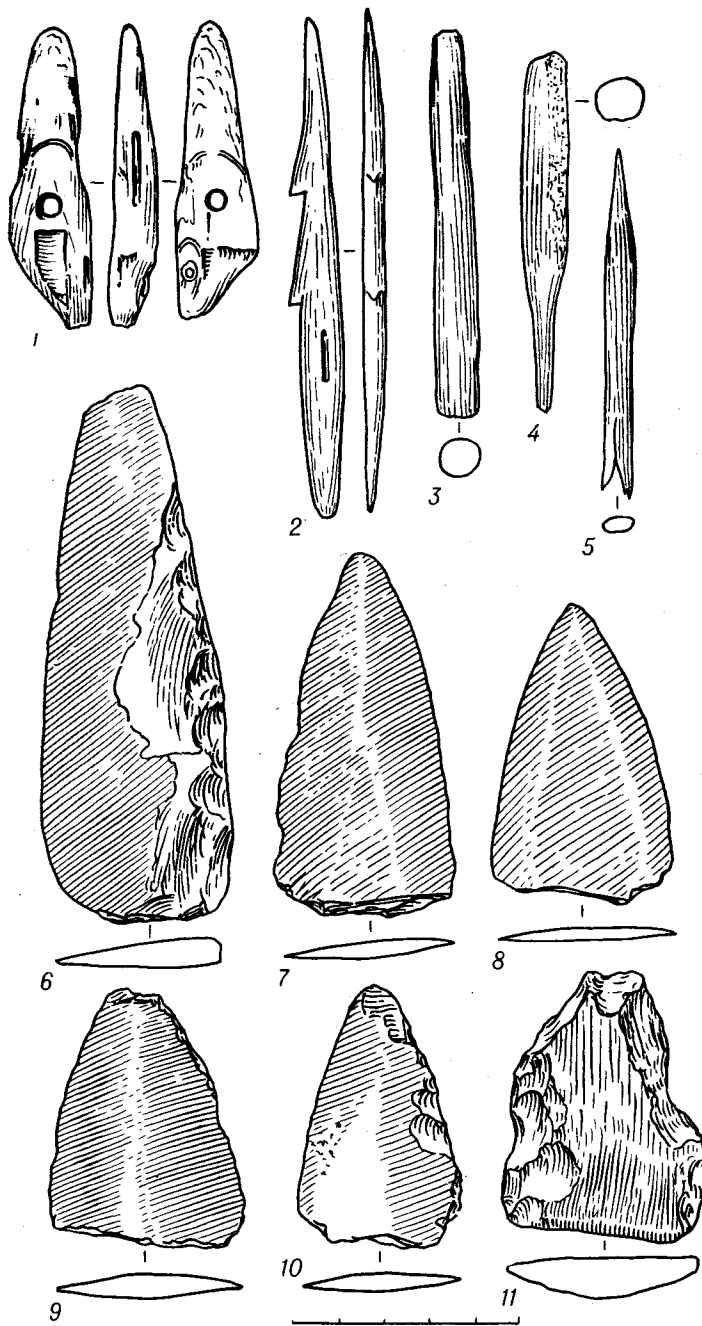

Таблица 134. Изделия из Нунымо. Местонахождение 4 (109)

1 — наконечник поворотного гарпуна; 2 — наконечник остроги; 3 — костяной стержень; 4, 5 — наконечники; 6—10 — ножи; 11 — тесло. 1—5 — из моржового клыка; 6—11 — из глинистого сланца

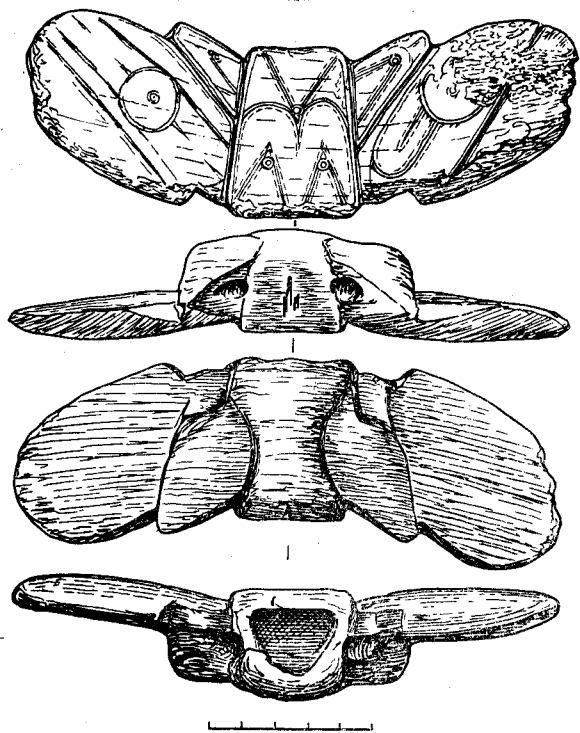

Таблица 135. «Крылатый предмет» из Нуныа (109)

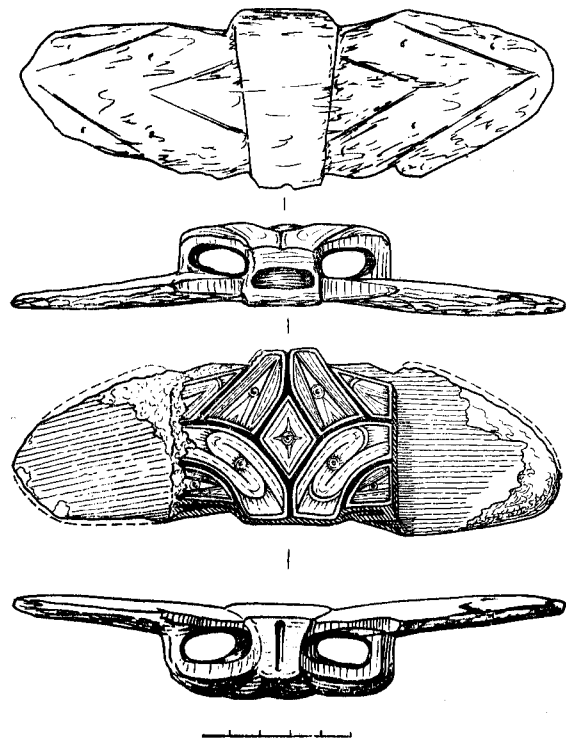

Таблица 136. «Крылатый предмет» из могилы № 1
Первого Энмынтннского могильника (115)

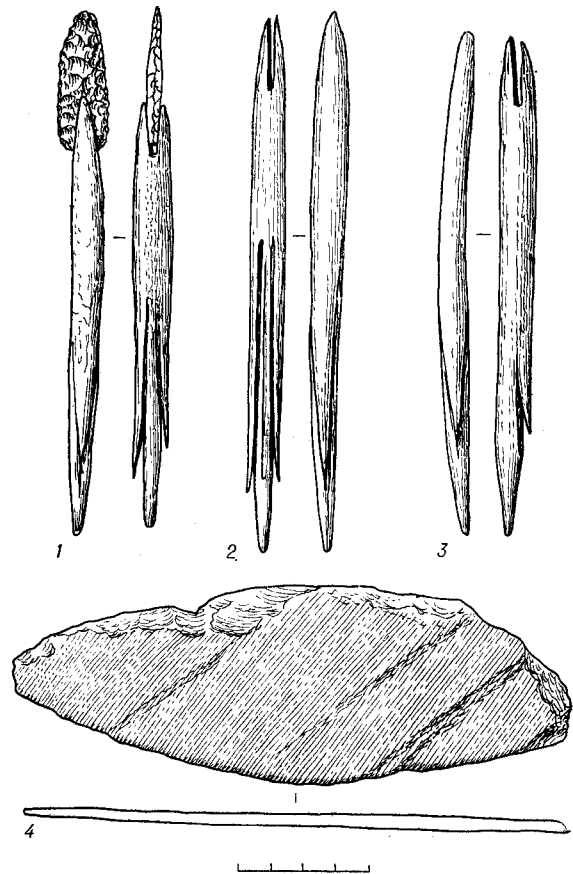

Таблица 137. Предметы из могилы № 8 Первого Энмынгынского могильника (115)

1 — наконечник стрелы; 2—3 — костяные строгодержатели; 4 — шлифованный сланцевый нож

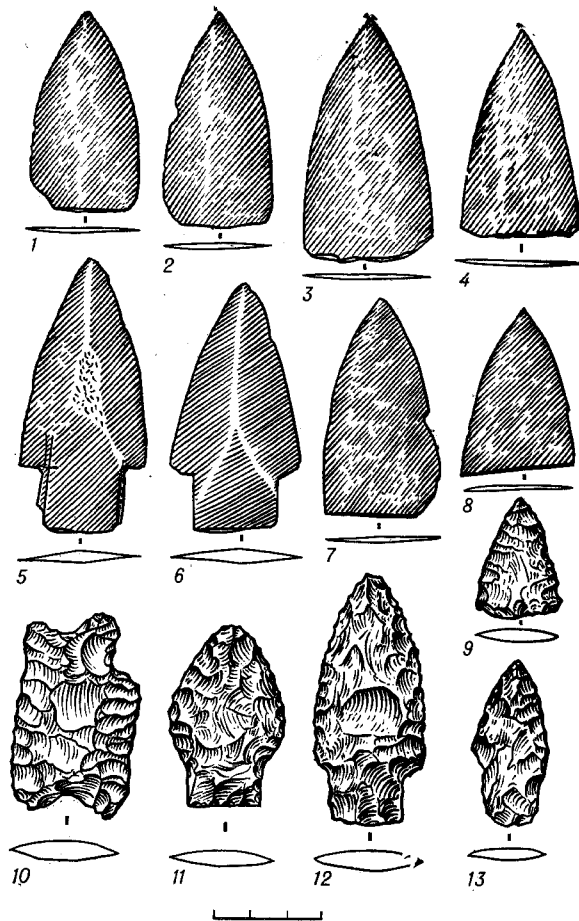

Таблица 138. Каменные наконечники и скребок из могилы № 9 Первого Энмынгынского могильника (115) (1—13)

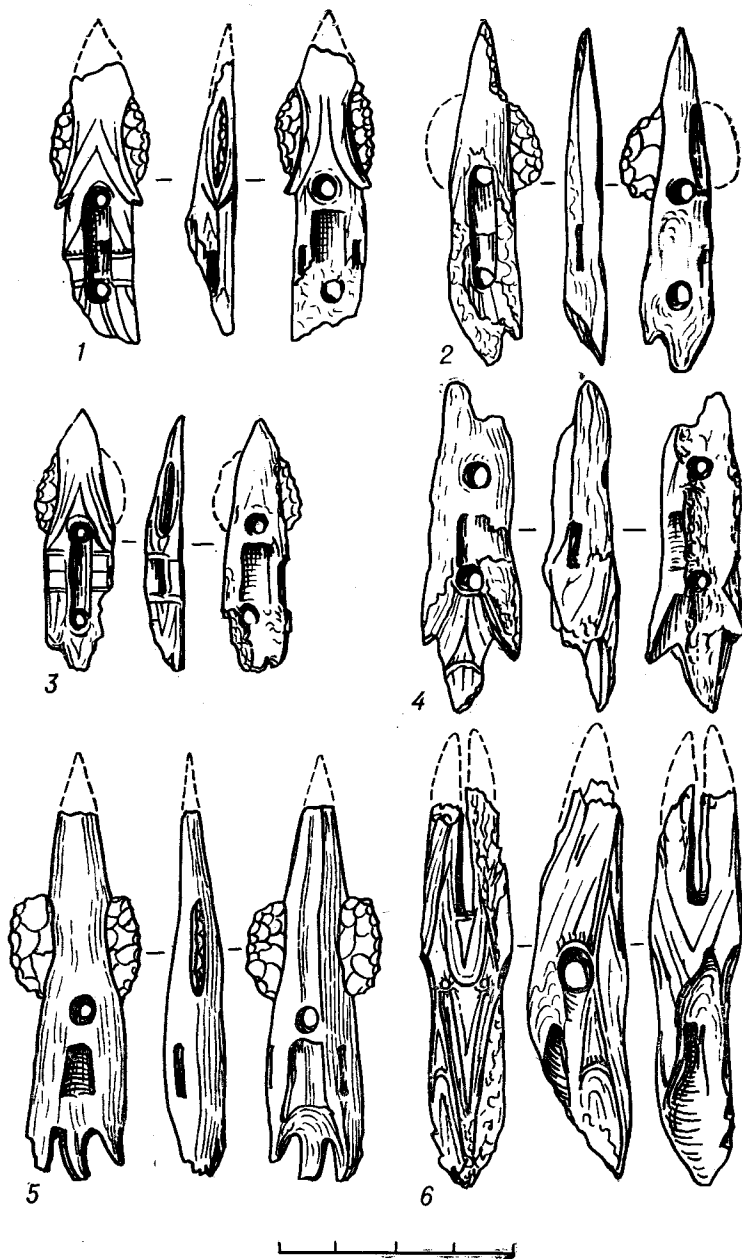

Таблица 139. Поворотные наконечники гарпунов из могилы 9 Первого Эммынтнынского могильника (115) (1-6)

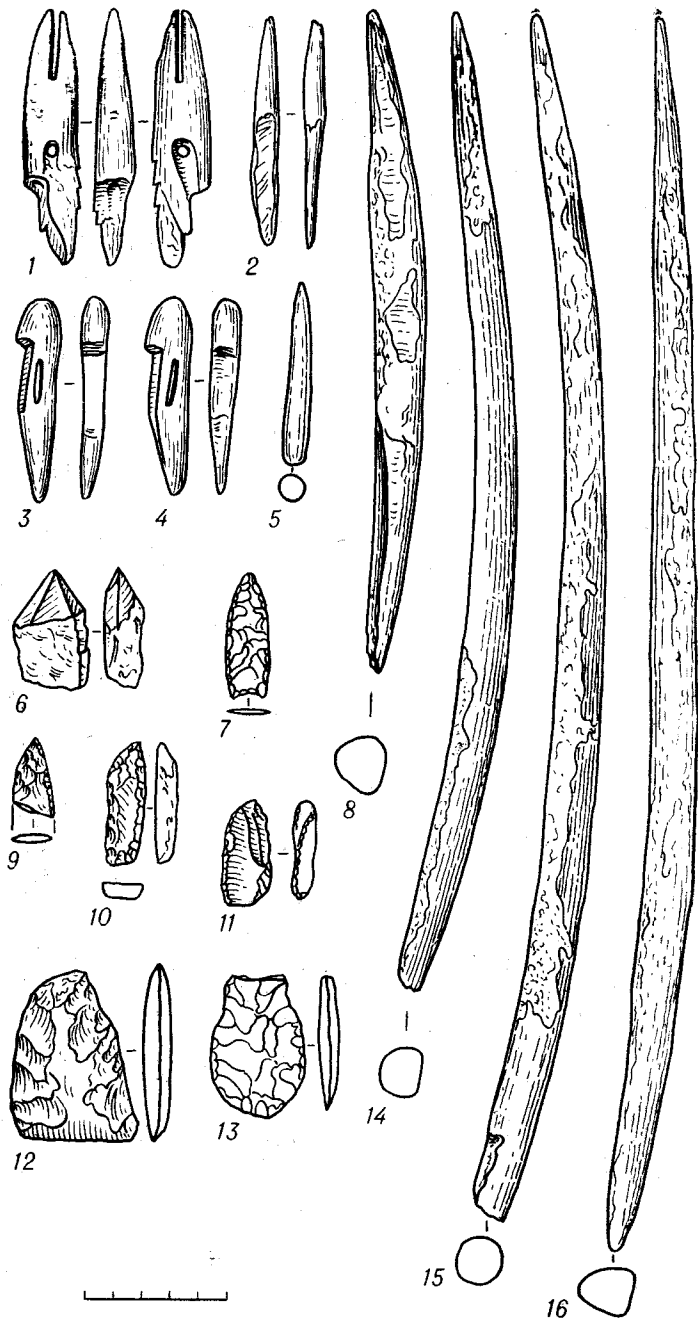

Таблица 140. Стержни из моржового клыка и другие изделия из могилы 9 Первого Эммыгтынского могильника (115) (1—16)

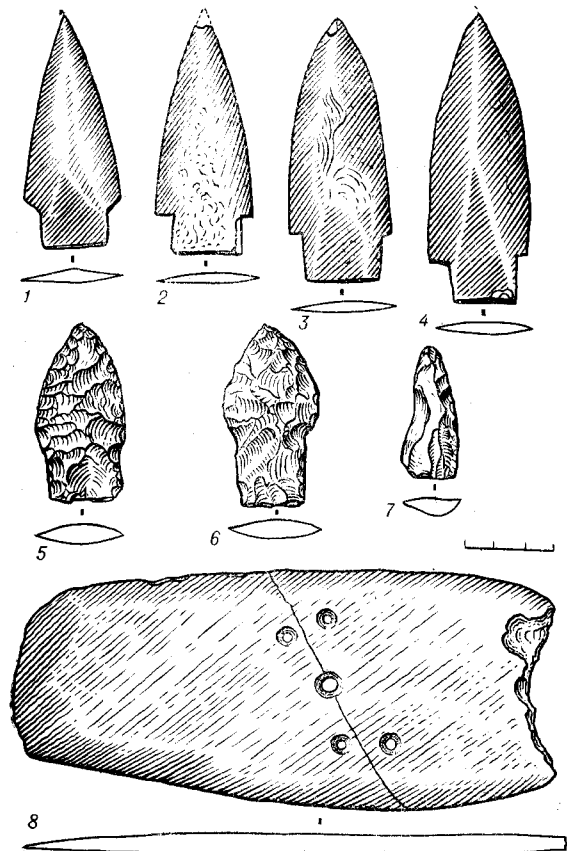

Таблица 141. Каменные наконечники и нож из погребения № 10 Первого Эммынтнынского могильника (115) (1-8)

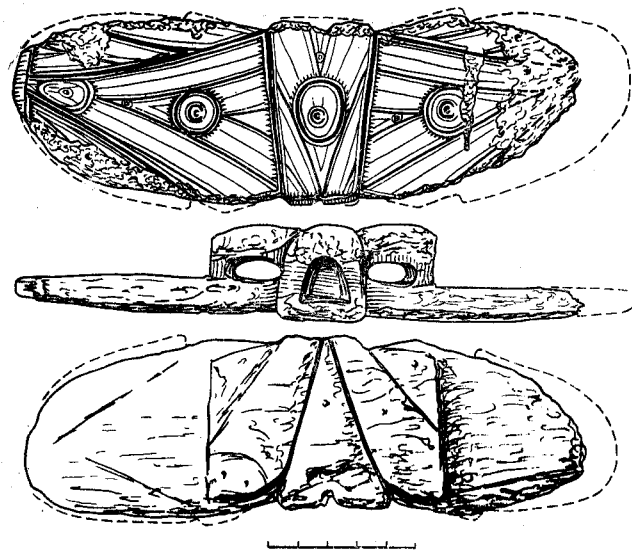

Таблица 142. Крылатый предмет из могилы 10 Первого Эммынтнынского могильника (115)

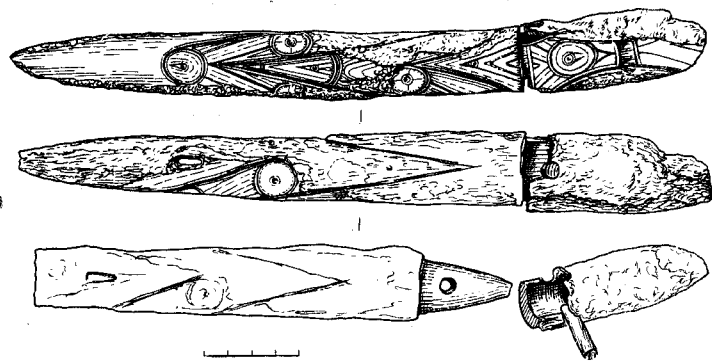
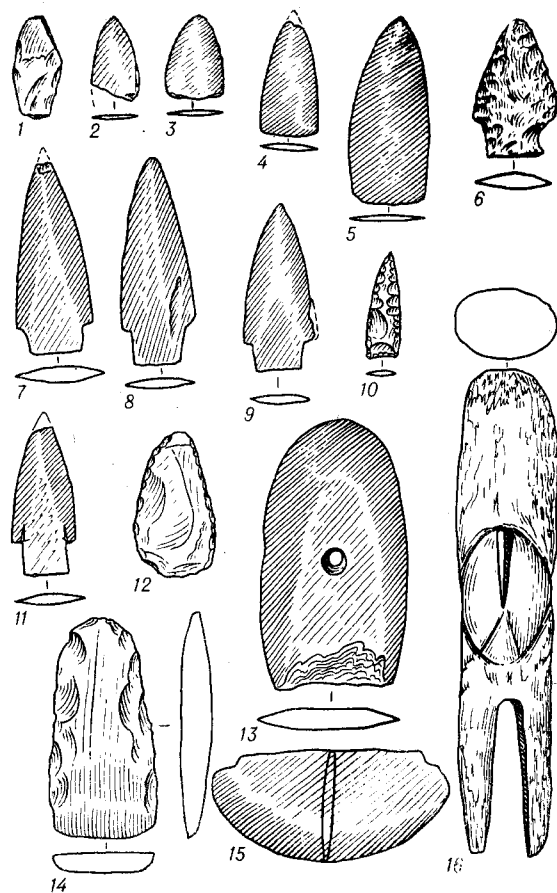

Таблица 143. Составной стержень из моржового клыка из могилы 10 Первого Эммынитынского могильника (115)

Таблица 144. Каменные и костяные изделия из могил 11 и 12 Первого Эммынитынского могильника (115)

1 — резец; 2—12 — наконечники; 13, 15 — ножи; 14 — тесло; 16 — головка гарпуна

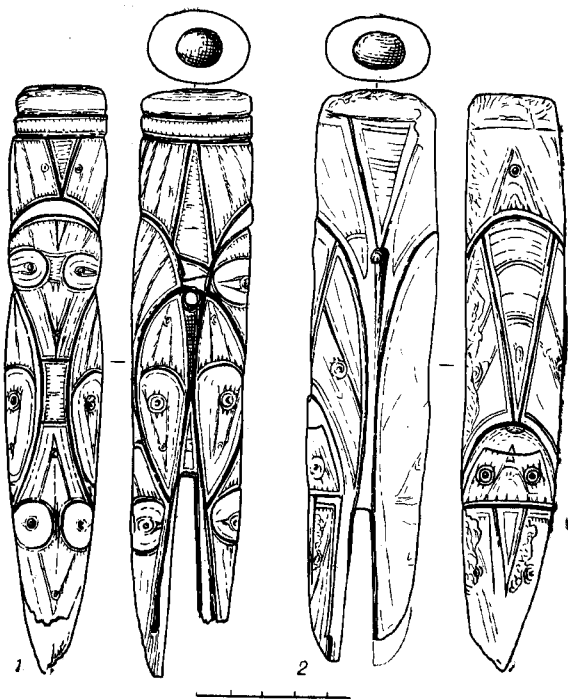

Таблица 145. Головки гарпунов из могилы 12 Первого Димыитнынского могильника (115) (1—2)

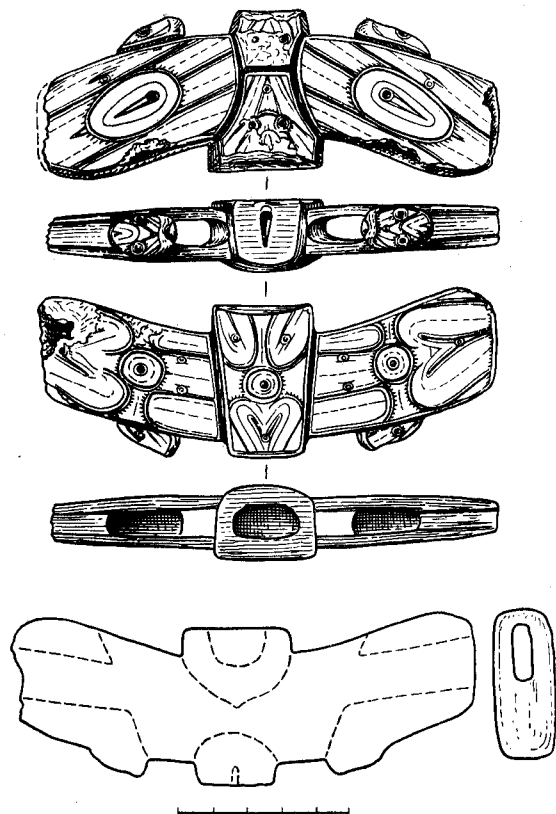

Таблица 146. Крылатый предмет из могилы 12 Первого Димыитнынского могильника (115)

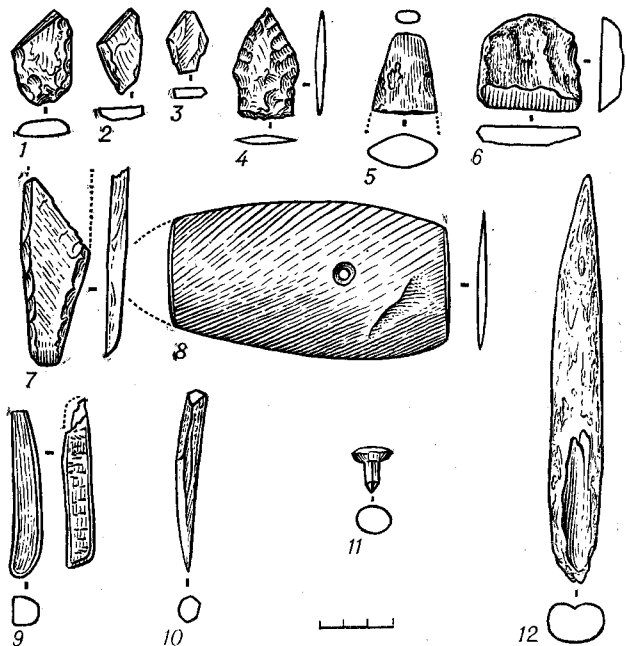

Таблица 147. Каменные и костяные изделия из могилы 12 Первого Эммынытнынского могильника (115)

1, 3 — резцы; 4 — наконечник; 5, 6 — тесла; 7, 8 — ножи. 9, 10, 2 — поделки; 11 — гвоздь. 1—8 — из камня; 9—12 — из кости

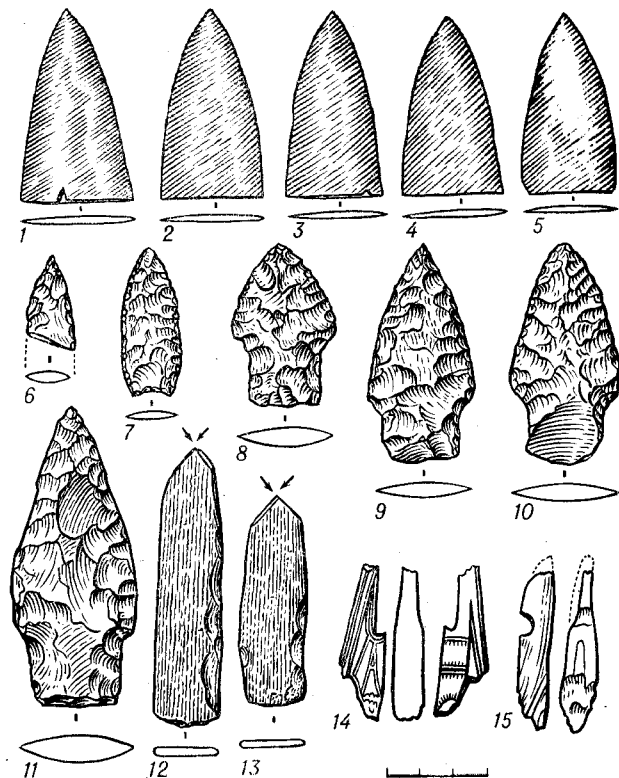

Таблица 148. Каменные и костяные изделия из могилы 2 Второго Эммынытнынского могильника (116)

10—11 — наконечники; 12, 13 — резцы; 14, 15 — обломки поворотных гарпунных наконечников. 1—13 — из глинистого сланца; 14, 15 — из моржового клыка

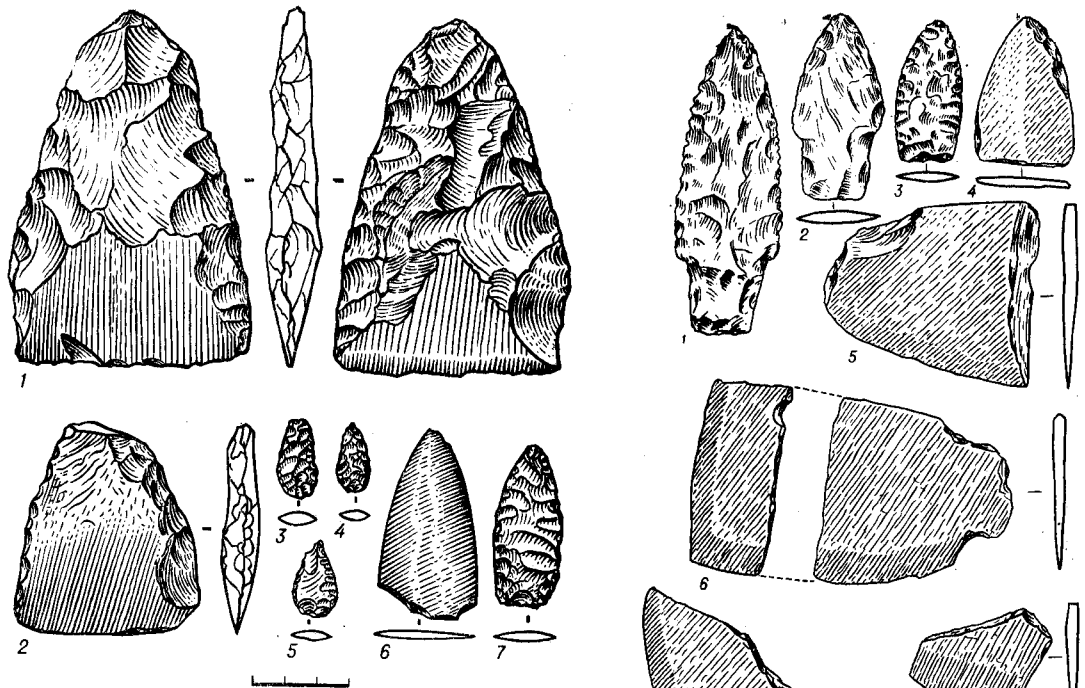

Таблица 149. Каменные изделия из могилы 2
Второго Энмынгтынского могильника (116)

1--2 — тесла; 3--7 — наконечники

Таблица 150. Каменные изделия из погребения
№ 4 третьего Энмынгтынского могильника (117)

1--4 — наконечники; 5--8 — ножи

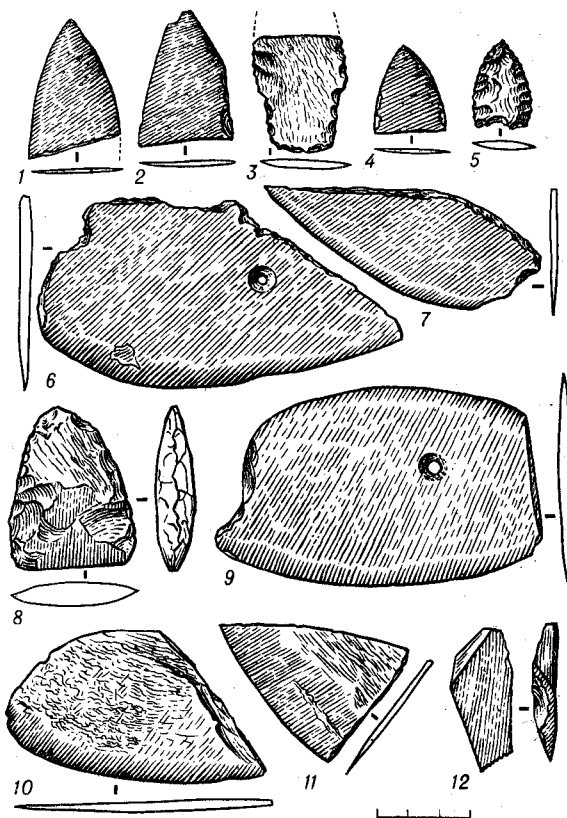

Таблица 151. Каменные изделия из погребения № 5 Третьего Эммынытнынского могильника (117)

1—4 — шлифованные наконечники; 6, 7, 9—11 — ножи; 8 — тесло; 12 — резец

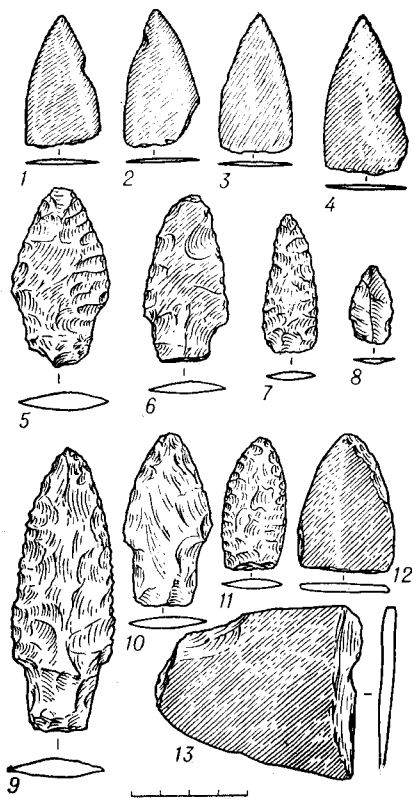

Таблица 152. Каменные шлифованные и оббитые наконечники и нож из погребения 7 Третьего Эммынытнынского могильника (117) (1—13)

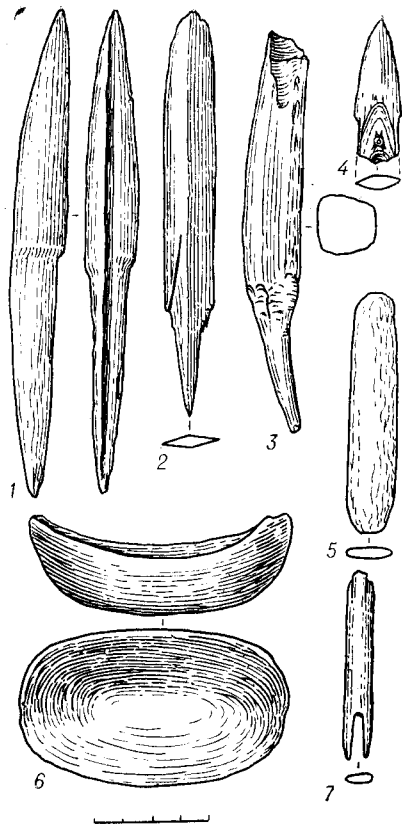

Таблица 153. Костяные орудия из раскопа на склоне сопки в Илчоуне (120)

1 — пещия ледовая; 2 — наконечник; 3 — проколка; 4 — обломок наконечника поворотного гарпуна; 5 — галька плоская; 6 — скребок для снятия жира; 7 — черенок наконечника. 1—4, 6, 7 — из моржового клыка; 5 — камень

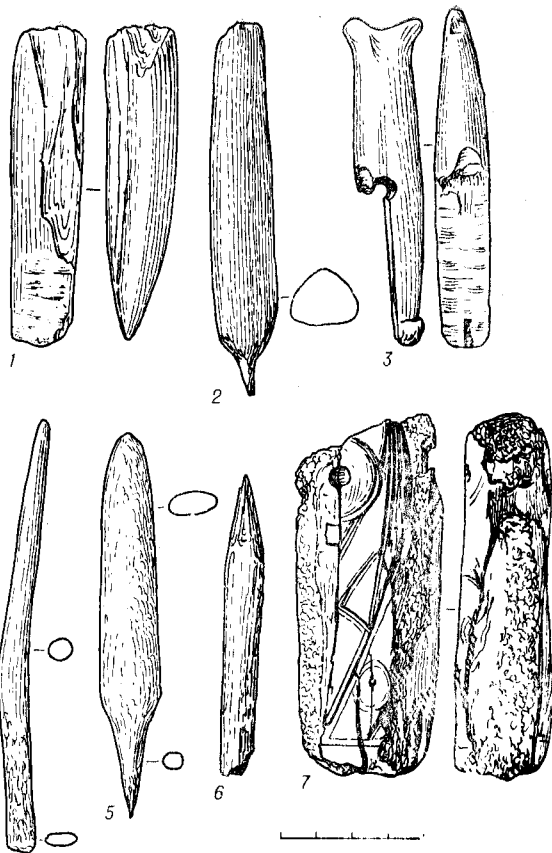

Таблица 154. Костяные орудия из раскопа в Илчоуне (120)

1 — кирка; 2, 4, 5, 6 — проколки; 3 — деталь рыболовного крючка; 7 — обломок головки поворотного гарпуна. 1—5, 7 — из моржового клыка; 6 — из os penis нерпы

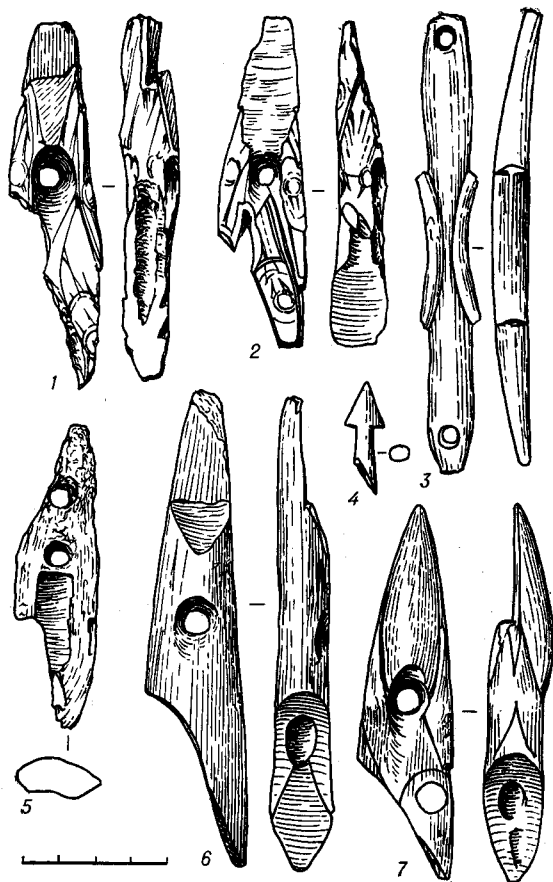

Таблица 155. Наконечники поворотных гарпунов из древнеберингоморского жилища в Инчоуне (120) (1-7)

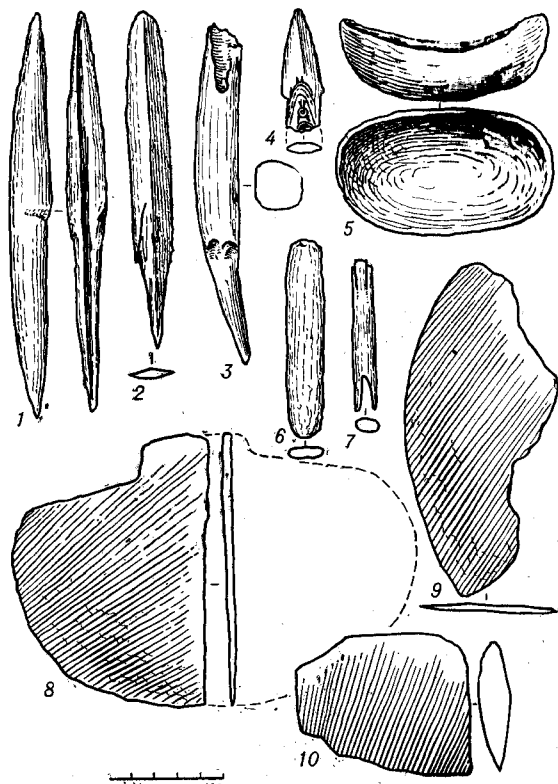

Таблица 156. Иаделия из Угэнского древнеберингоморского поселка (122)

1 — наконечник с пазом для вкладыша; 2 — наконечник; 3 — обломок пещни; 4 — обломок наконечника поворотного гарпуна; 5 — скребок для снятия жира; 6 — пластина из моржового клыка; 7 — фрагмент наконечника; 8-10 — ножи. 1-7 — из моржового клыка; 8-10 — из глинистого сланца

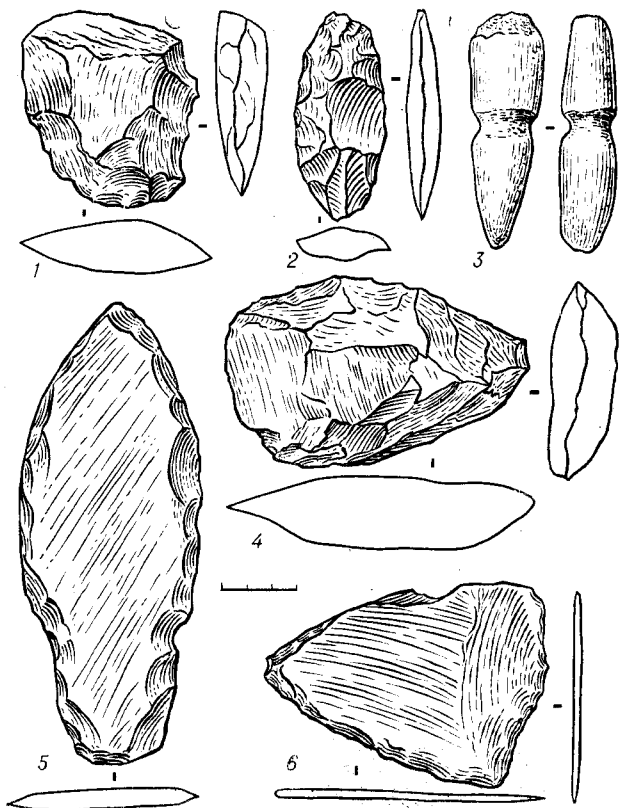

Таблица 157. Орудия из глинистого сланца и моржового клыка. Четгун (124)
1 — скребло; 2, 4—6 — ножи; 3 — заточка

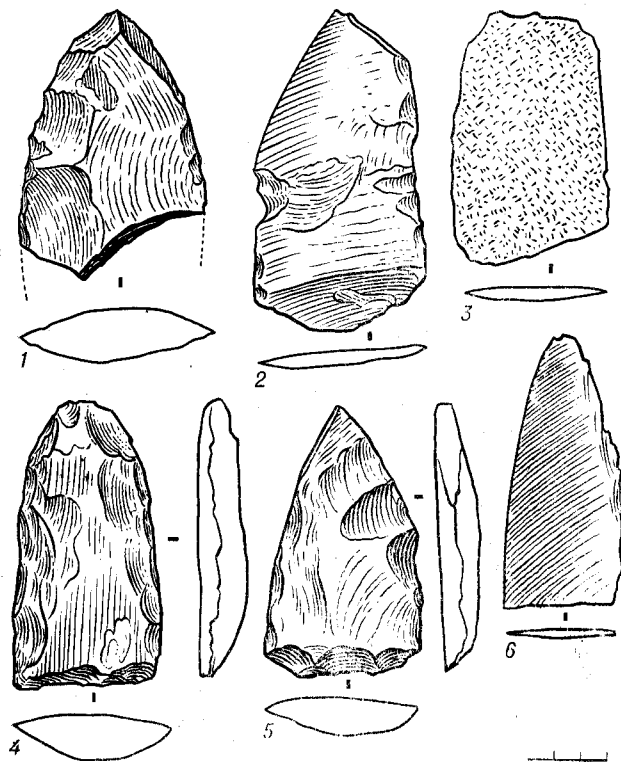

Таблица 158. Орудия из глинистого сланца. Четгун (124)

1—3, 6 — ножи; 4 — тесло; 5 — заготовка тесла

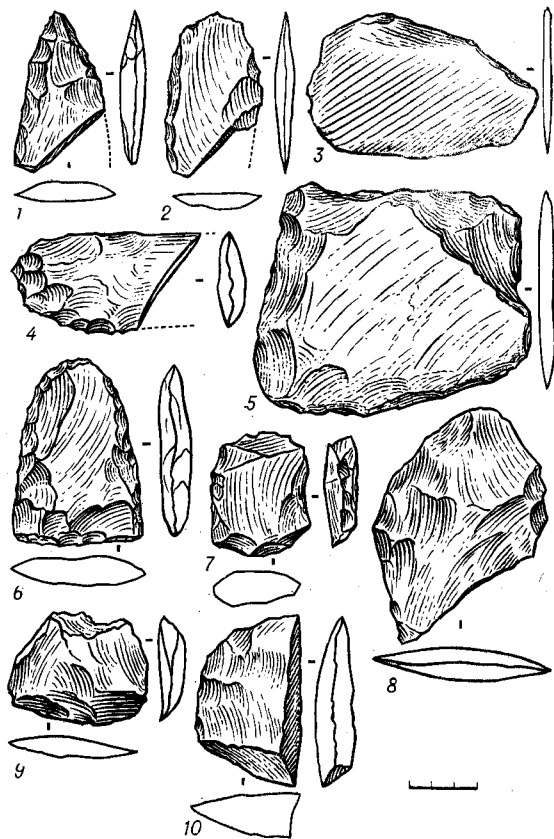

Таблица 159. Орудия из глинистого сланца. Четгун (124) (1—10)

1—5 — ножи; 6 — заготовка тесла; 7—9 — скребки

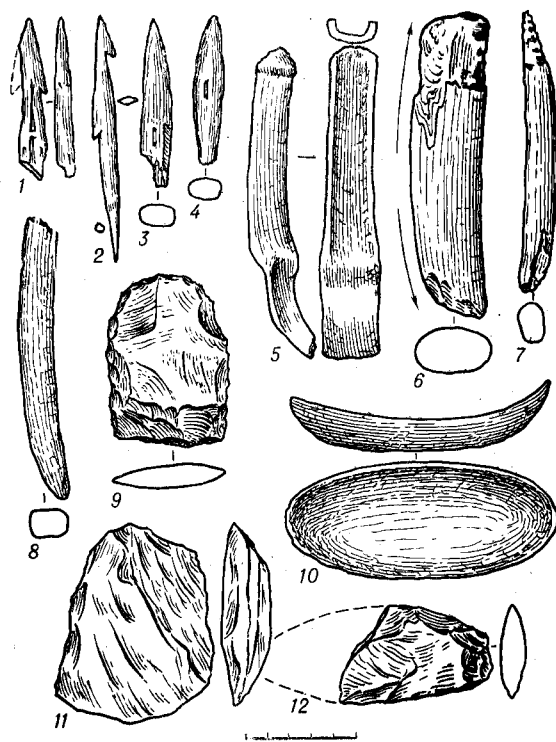

Таблица 160. Изделия из культурного слоя в Эки-чуврееме (125)

1 — наконечник поворотного гарлуна; 2 — наконечник остроги; 3, 4 — наконечники; 5 — рукоять отжимника; 6 — кирка-мотыга; 7 — ледовая пещня; 8 — обломок моржового клыка; 9 — нож-скребок; 10 — скребок для снятия жира; 11 — скребло; 12 — обломок ножа. 1—8, 10 — из моржового клыка; 9, 11, 12 — из глинистого сланца

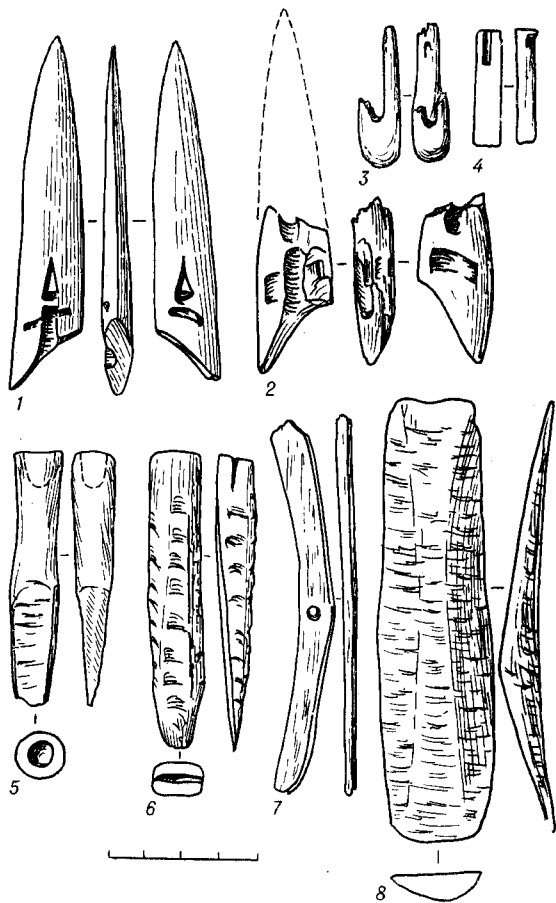

Таблица 161. Костяные орудия со стоянки Чегигун (126)

1, 2 — наконечник и обломок поворотных гарпунов; 3 — фрагмент рыболовного крючка; 4 — деталь рыболовного крючка; 5, 6 — рукоятки; 7 — костяные поделки; 8 — скребок. 1—3 — из моржового клыка; 6—8 — из оленьего рога

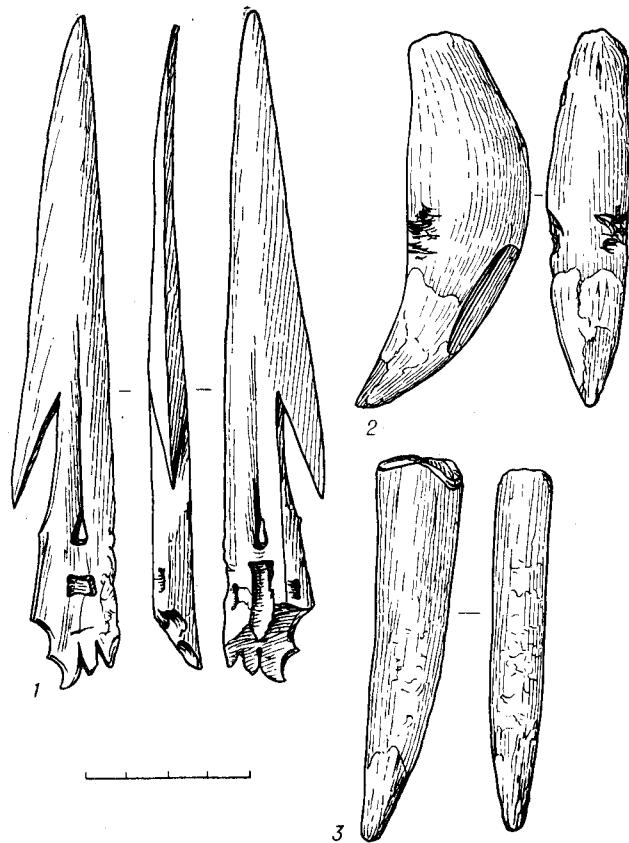

Таблица 162. Наконечник поворотного гарпуна и медвежьих клыки из погребения 1 Чегигунского могильника (128) (1—3)

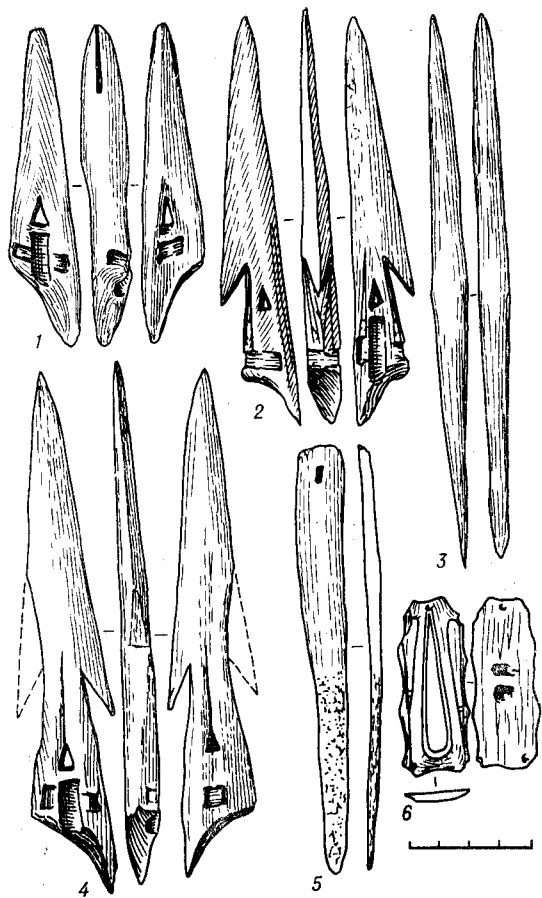

Таблица 163. Изделия из могилы № 4 Второго Чегунского могильника (128)

1—2, 4—поворотные наконечники гарпунов; 3, 5—костяные стержни; 6—нашивная бляшка. 1, 2, 6—из моржового клыка; 4—из носовой кости кита; 5—из оленьего рога

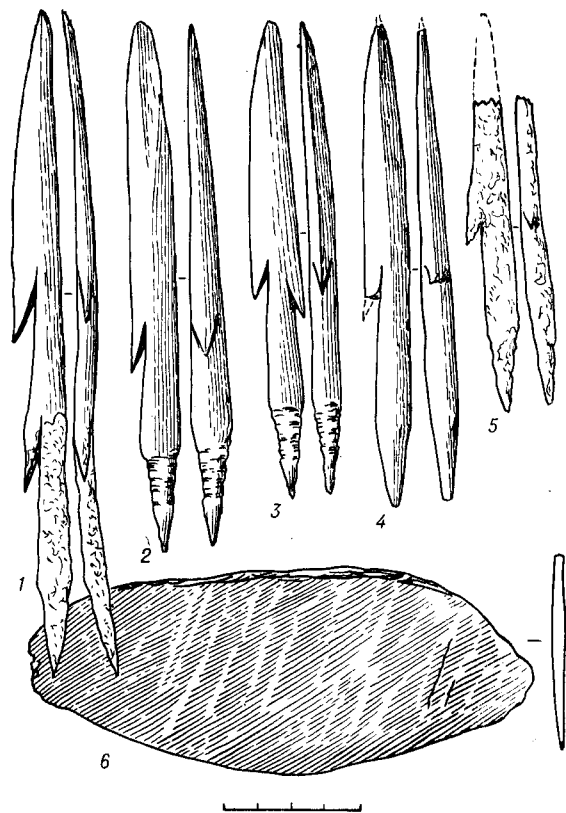

Таблица 164. Костяные зубчатые наконечники и сланцевый шлифованный нож из могилы 7 Второго Чегунского могильника (128)

1—из трубчатой кости; 2—4—из моржового клыка; 5—из носовой кости кита; 6—из глинистого сланца

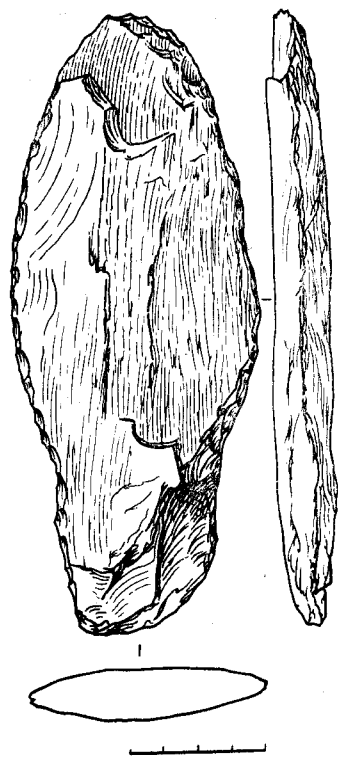

Таблица 165. Сланцевый нож из могилы 7 Второго Чегунского могильника (128)

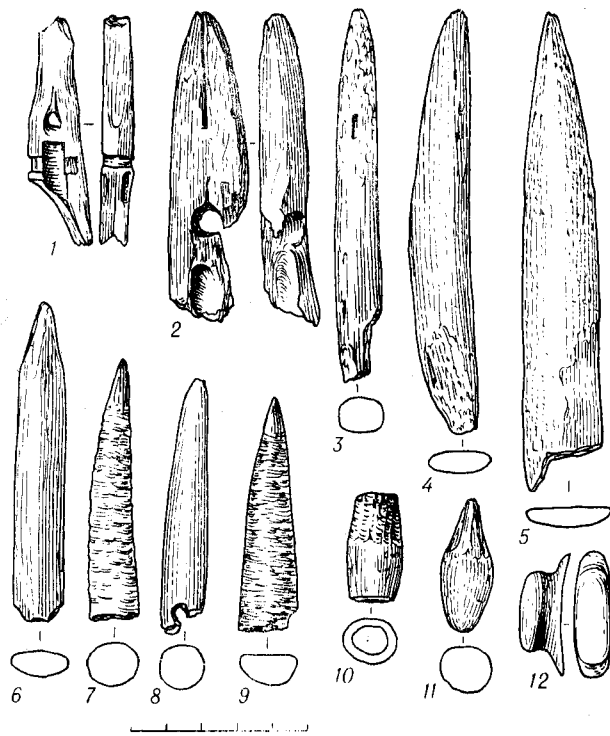

Таблица 166. Костяные изделия из древнего поселка Иколиарунгеем (133)

1, 2 — поворотные наконечники гарпунов; 3—9 — острия; 10 — втулка; 11 — поделка; 12 — лабретка

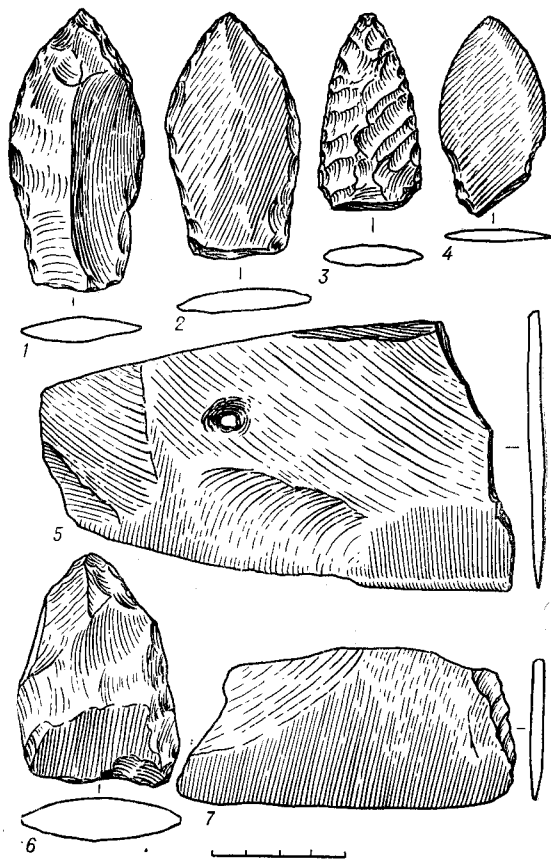

Таблица 167. Орудия из глинистого сланца. Иколиерунвеем (133)

1—4 — наконечники; 5, 7 — ножи; 6 — тесло. 1, 3, 4 — из раскопа; 2, 5—7 — из могилы

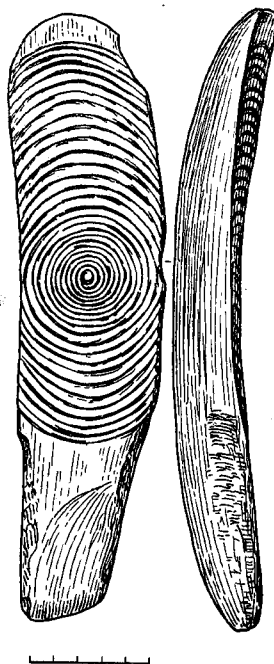

Таблица 168. Керамический штамп из моржового клыка. Иколиерунвеем (133)

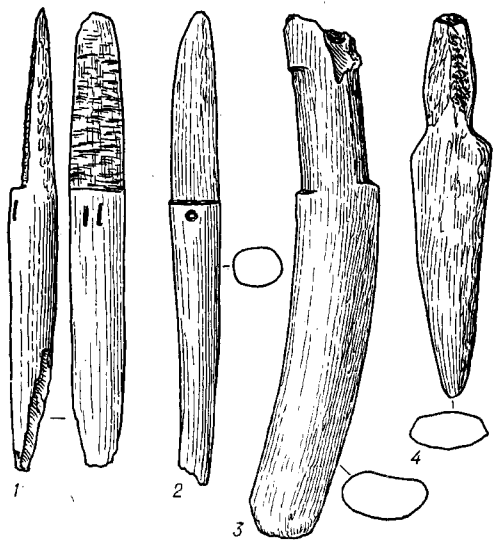

Таблица 169. Изделия из моржового клыка. Энурмино (136, 137)

1, 2 — ледовые пещни; 3, 4 — кирки-мотыги

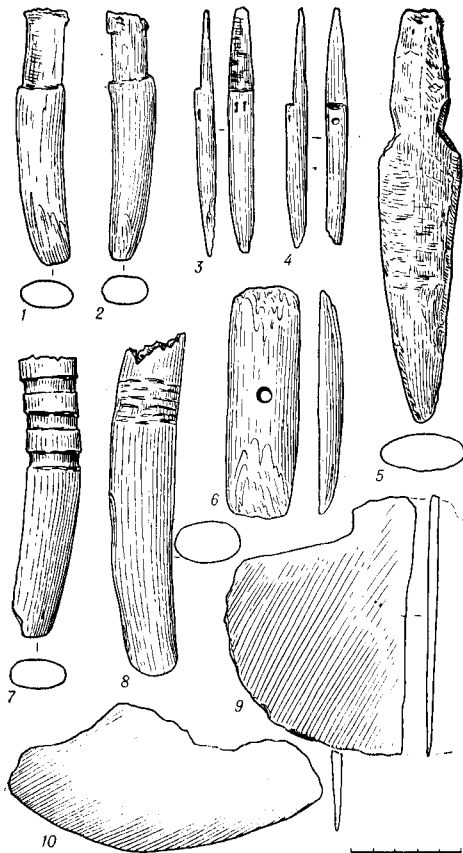

Таблица 170. Изделия с древних поселений в Энурмино (136, 137), на о. Илитлен (139) и в Утене (122)

1-4 — Энурмино; 5-8 — Илитлен; 9, 10 — Утен, 1, 2, 3, 7, 8 — кирки-мотыги; 3, 4 — ледовые пещни; 6 — костяная поделка; 9, 10 — ножи. 1-8 — из моржового клыка; 9, 10 — из глинистого сланца

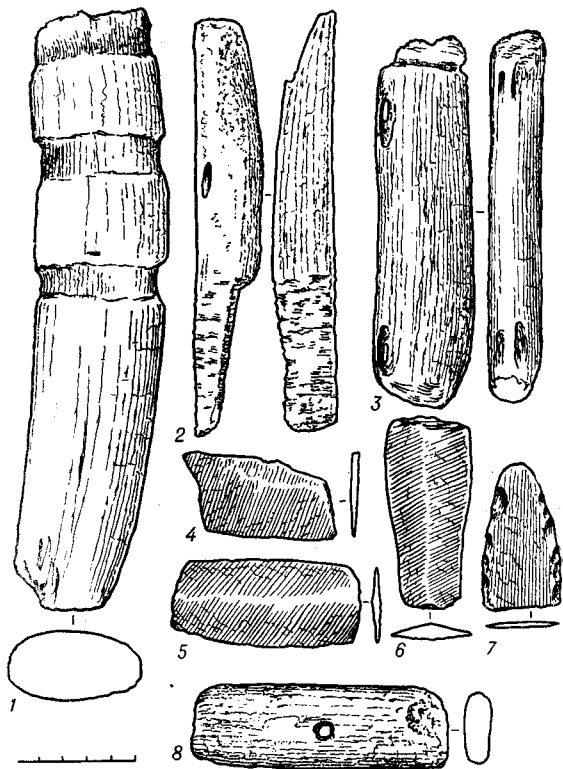

Таблица 171. Каменные и костяные вещи, о. Илитлен (139)

1, 2 — кирки; 3 — рукоять; 4—7 — ножи и наконечники; 8 — грузило. 1—3, 8 — из моржового клыка; 4—7 — из глинистого сланца

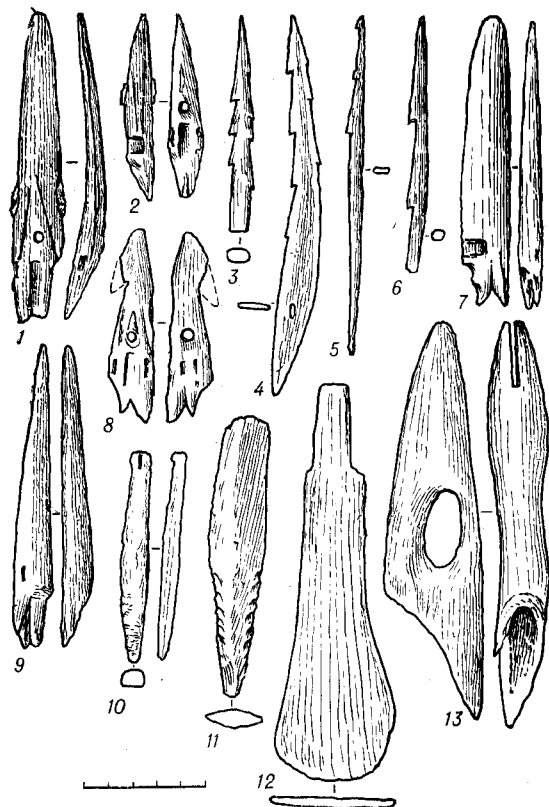

Таблица 172. Изделия из моржового клыка с древнего поселения в Нейшкане (140)

1, 2, 3—6, 10—12 — из землянки; 7—9, 13 — на дневной поверхности. 1, 2, 7—9 — наконечники поворотных гарпунов; 3—6 — наконечники острог; 10 — деталь рыболовного крючка; 11 — наконечник; 12 — ложка; 13 — наконечник гарпуна на кита

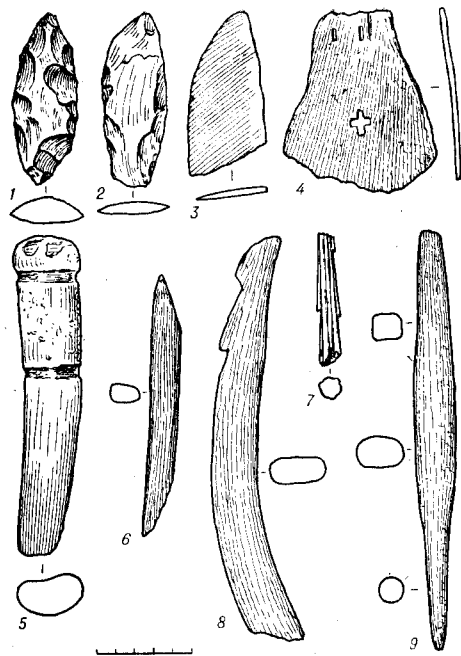
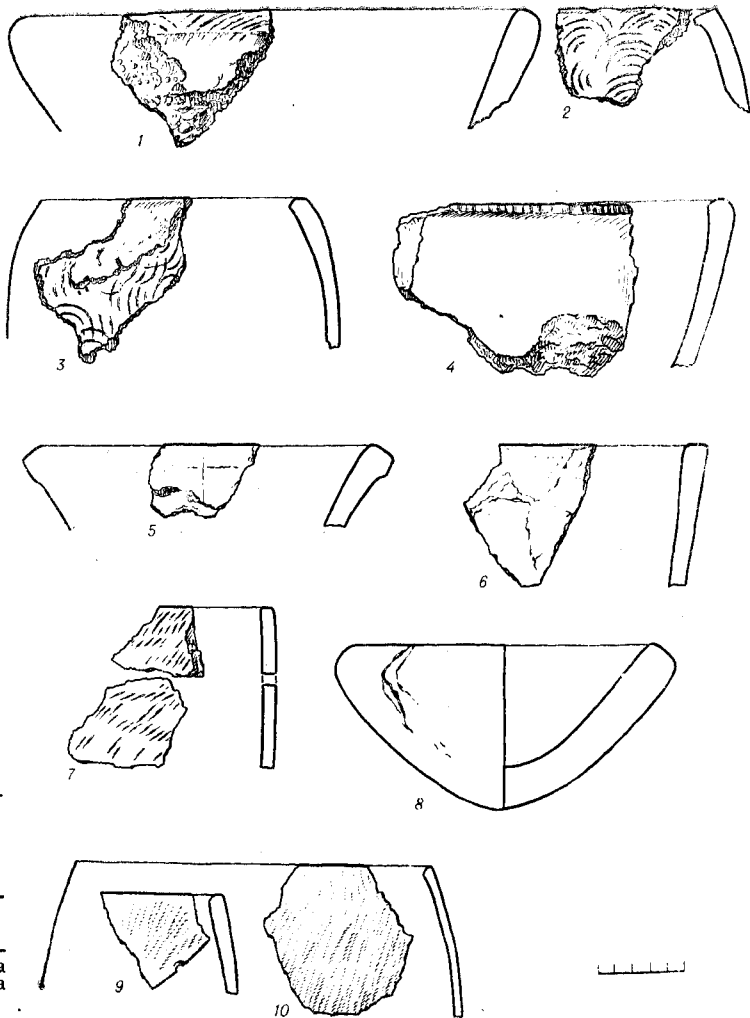

Таблица 173. Изделия из древней землянки в Нешкане (140)

1—3 — каменные; 4—9 — костяные

Таблица 174. Фрагменты и реконструкция глиняной посуды

1—4 — из древней землянки в Нешкане (140); 5, 6, 8 — из Чинийского могильника (110); 7 — из жилища на Чинийском могильнике (111); 9, 10 — из землянки на о. Айон (160)

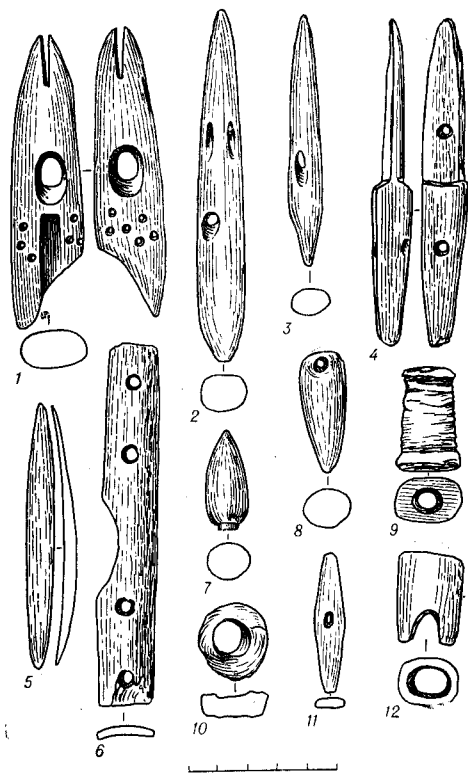

Таблица 175. Костяные изделия, подъемный материал с первого древнего стойбища. Дженгетлен (141)

1 — наконечник поворотного гарпуна; 2, 3 — наконечники гарпунов; 4 — ледовая пещия гарпунная; 5 — наконечник; 6 — панцирная пластина; 7 — наконечник стрелы; 8 — грузик птичьего бола; 9, 10, 12 — мундштуки к поплаву гарпунному; 11 — застежка

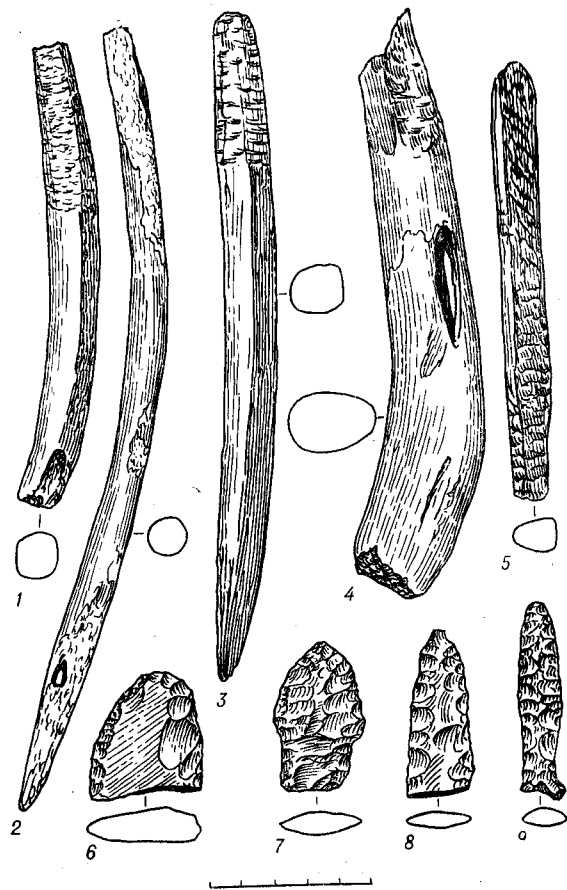

Таблица 176. Костяные и каменные орудия с третьего древнего поселка. Дженгетлен (142) (1—9)

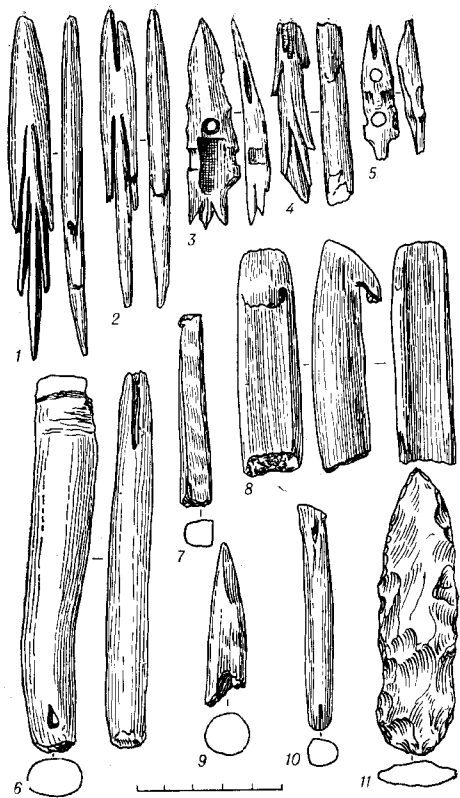

Таблица 177. Изделия из древнеберингоморского поселения (третьего) на м. Дженретген (143)

1—10 — костяные; 11 — каменное

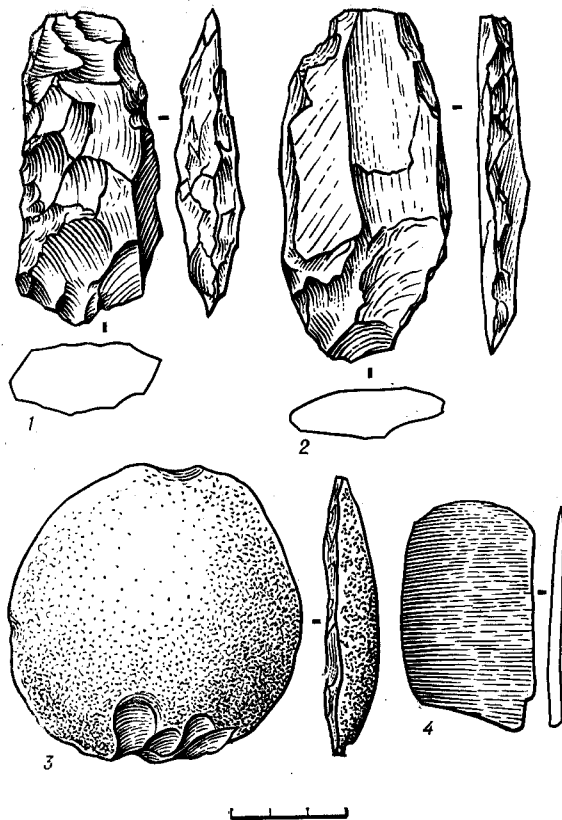

Таблица 178. Каменные орудия с северной оконечности о. Колучин (146)

1 — тесло; 2 — молоток; 3 — сребро

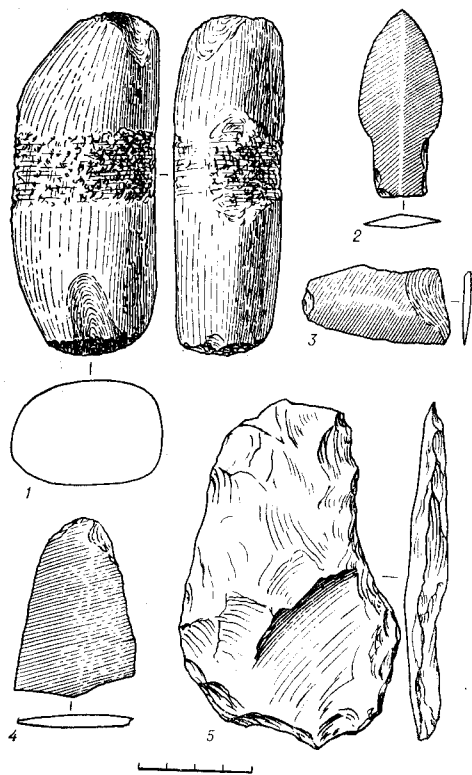

Таблица 179. Каменные изделия с южной оконечности о. Колучин (147)

1 — молот; 2 — наконечник; 3, 4 — ножи; 5 — скребло.
6 — моржовый клык; 7—9 — глинистый сланец

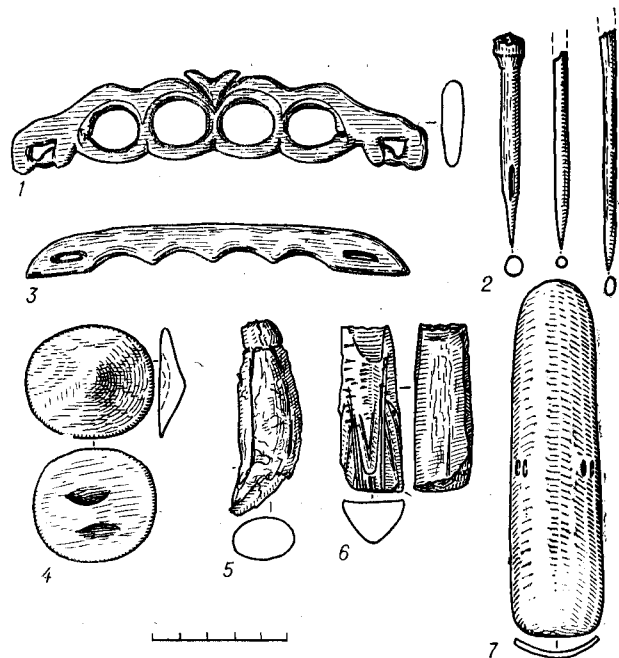

Таблица 180. Изделия из моржового клыка и древнеберингоморского жилища возле утеса Кожевникова, м. Шмидта (159)

1 — предмет для подвешивания амулетов; 2 — иглы; 3 — рукоять; 4 — пуговица; 5 — подвеска из клыка белого медведя; 6 — фрагмент; 7 — защитная пластина для стрельбы из лука

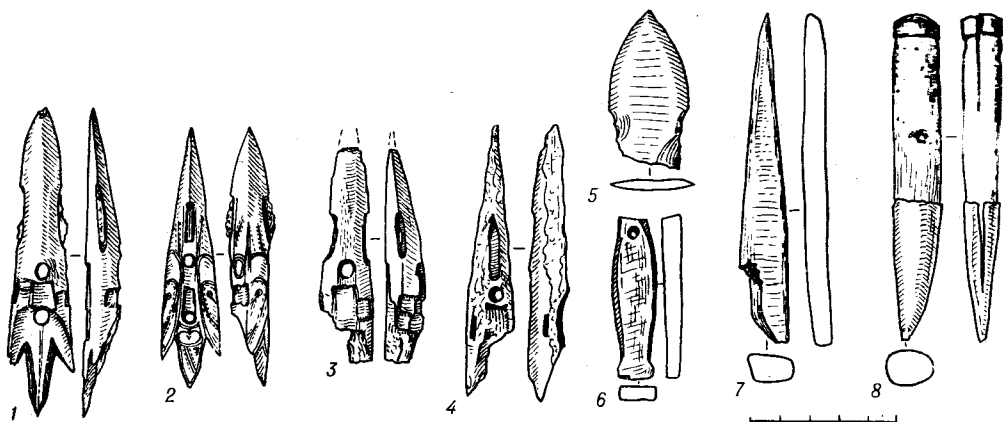

Таблица 181. Изделия из древнеберингоморского культурного слоя возле утеса Кожевникова (159)

1—4 — наконечники гарпунов; 5 — копыто; 6 — рыбьевидная подвеска; 7 — острие; 8 — медвежий клык в деревянной рукоятке. 1—4, 6—8 — из моржового клыка; 5 — из сланца

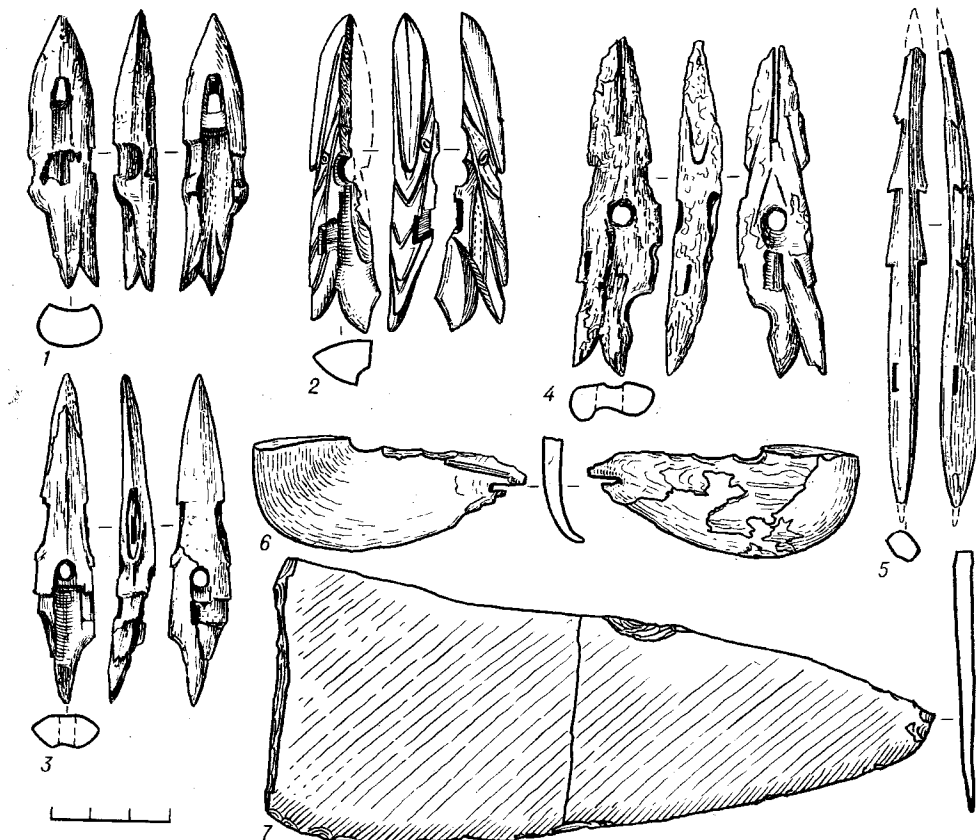

Таблица 182. Изделия из культурного слоя возле утеса Кожевникова (159)

1—4 — поворотные наконечники гарпунов; 5 — наконечник дротика; 6 — поделка; 7 — сланцевый нож

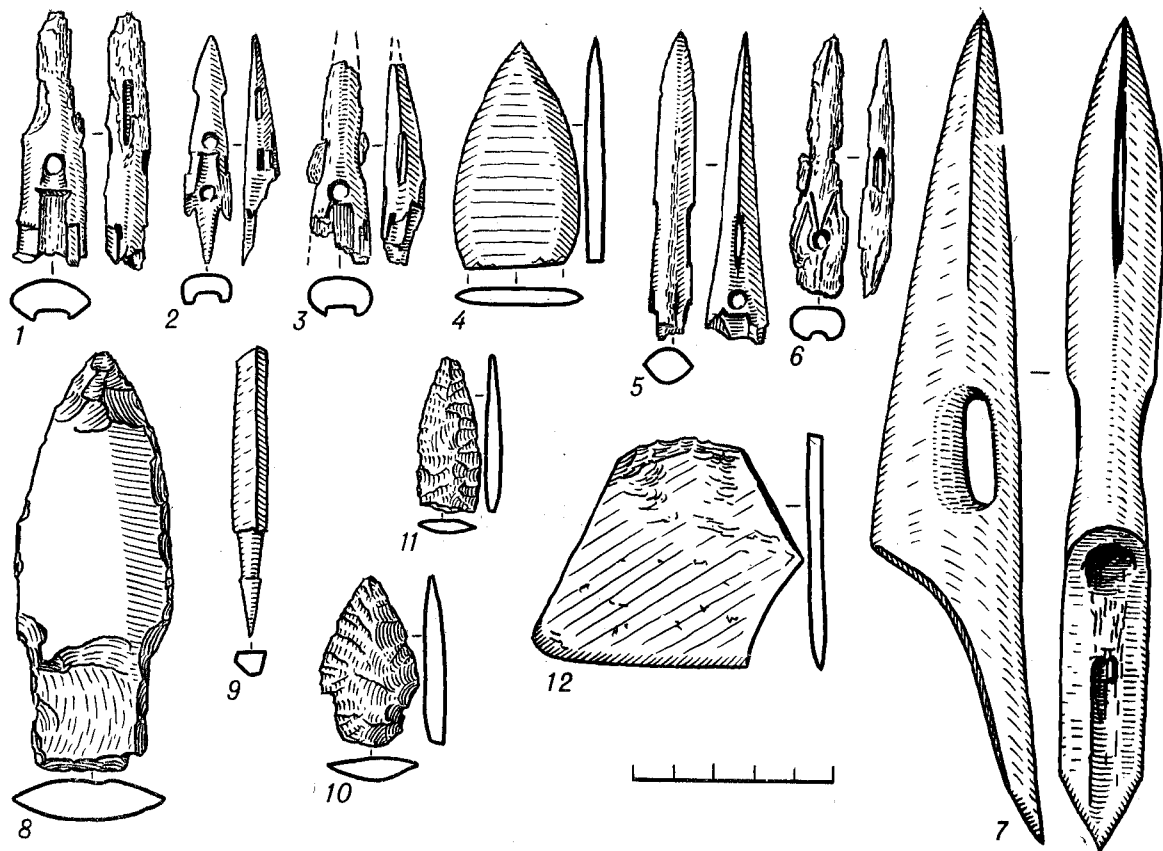

Таблица 183. Изделия из древнеберингоморского жилища возле утеса Кожевникова (159)
 1—3, 5—7 — поворотные наконечники гарпунов; 4, 8, 10, 11 — наконечники; 9 — фрагмент
 наконечника стрелы; 12 — нож

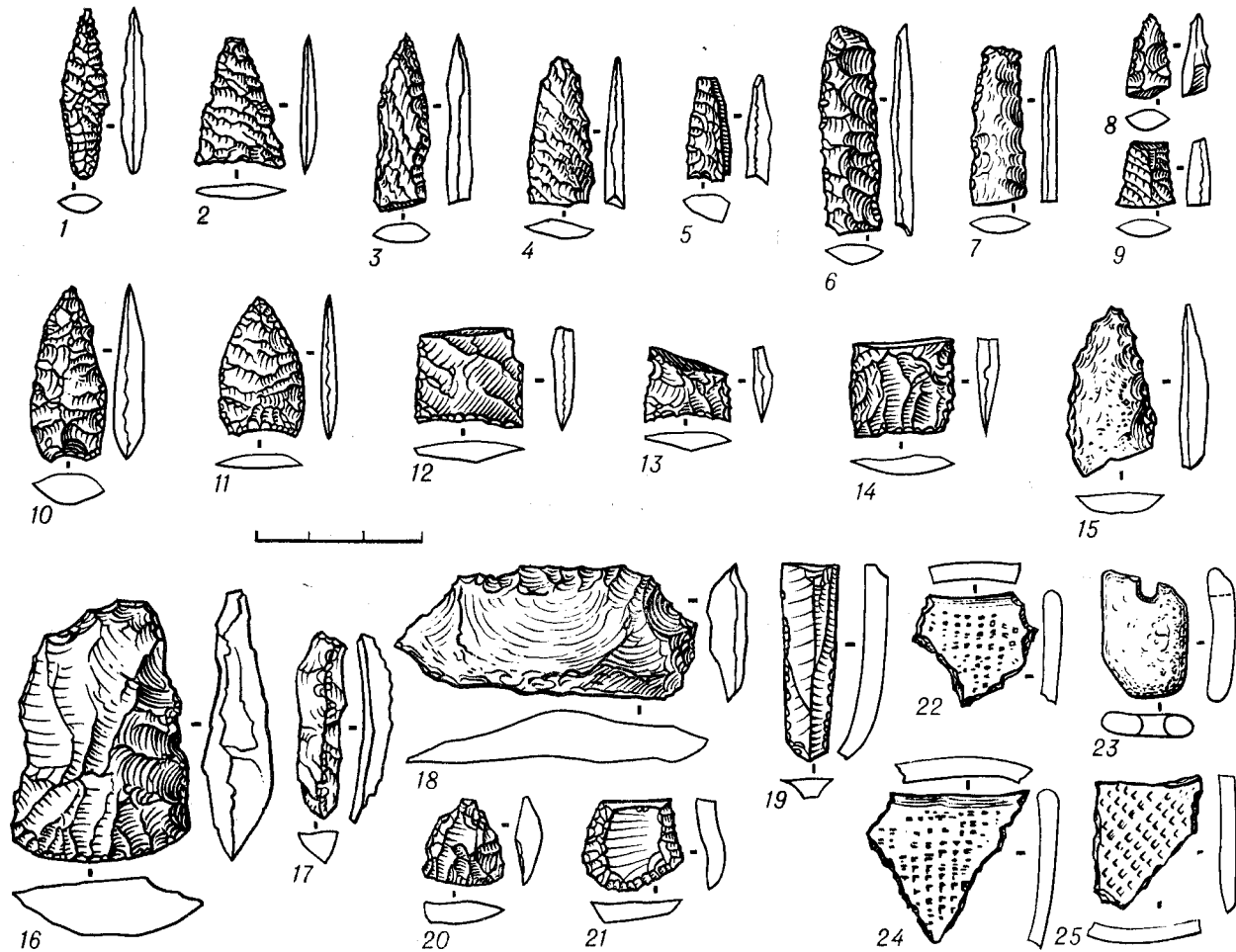

Таблица 184. Изделия с поверхности неолитической стоянки на юге о. Лийо (163)

1—21 — из камня; 22—25 — керамика

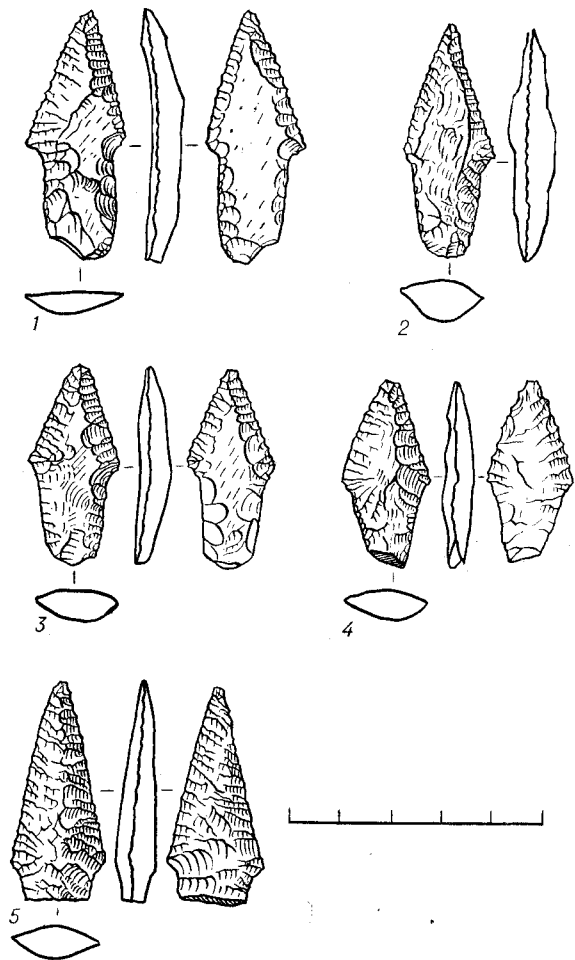

Таблица 185. Кремневые наконечники стрел с развешанной неолитической стоянки на юге о. Айон (163) (1—5)

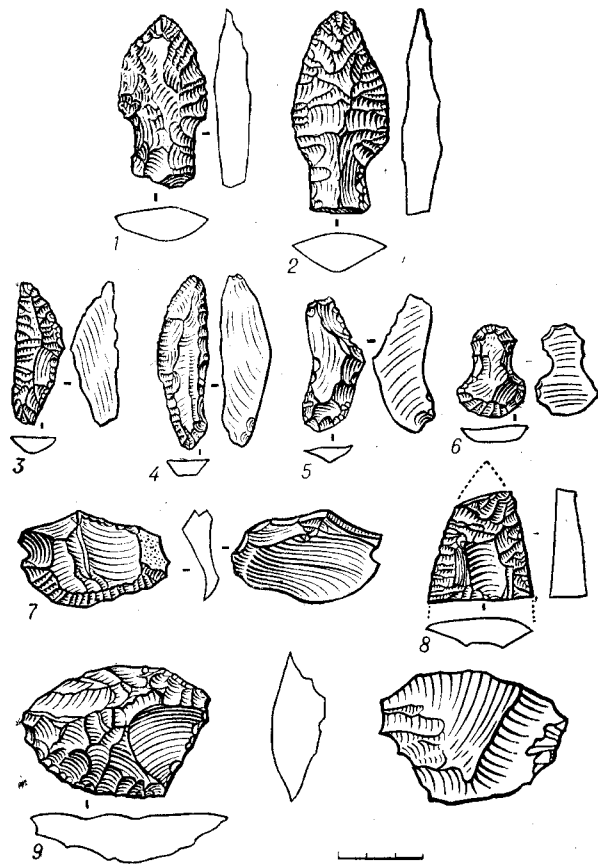

Таблица 186. Изделия из черного кремнистого сланца со стоянки у Чергова озера на о. Врангеля (167) (1—9)

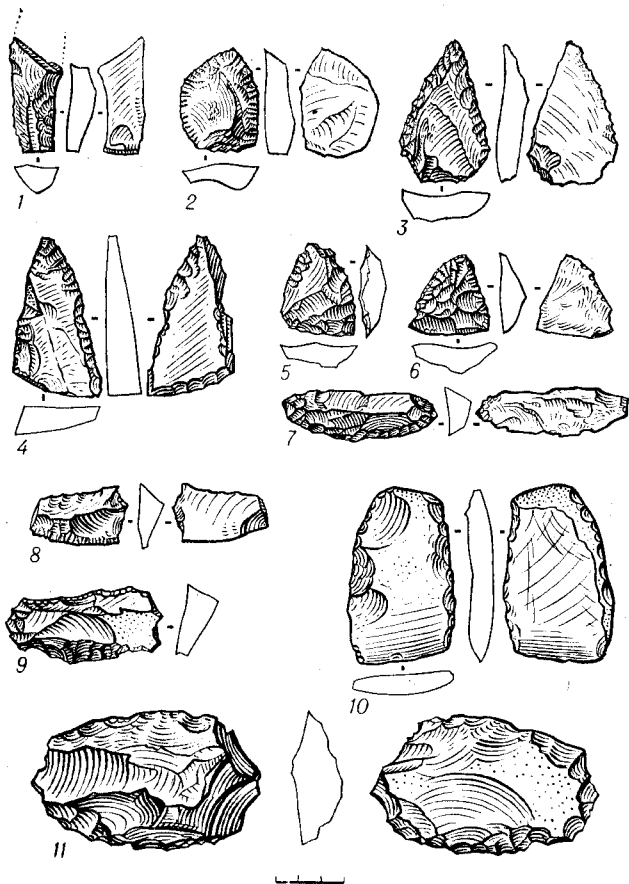

Таблица 187. Изделия из черного кремнистого сланца со стоянки у Чертова оврага на о. Врангеля (187) (1—11)

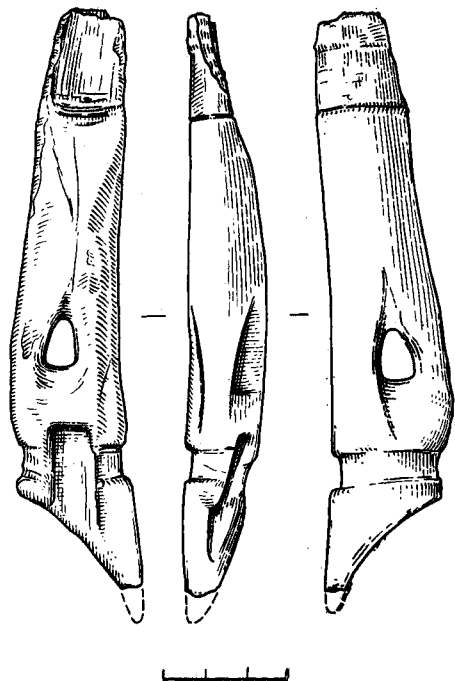

Таблица 188. Поворотный наконечник гарпуна со стоянки у Чертова оврага на о. Врангеля (187)

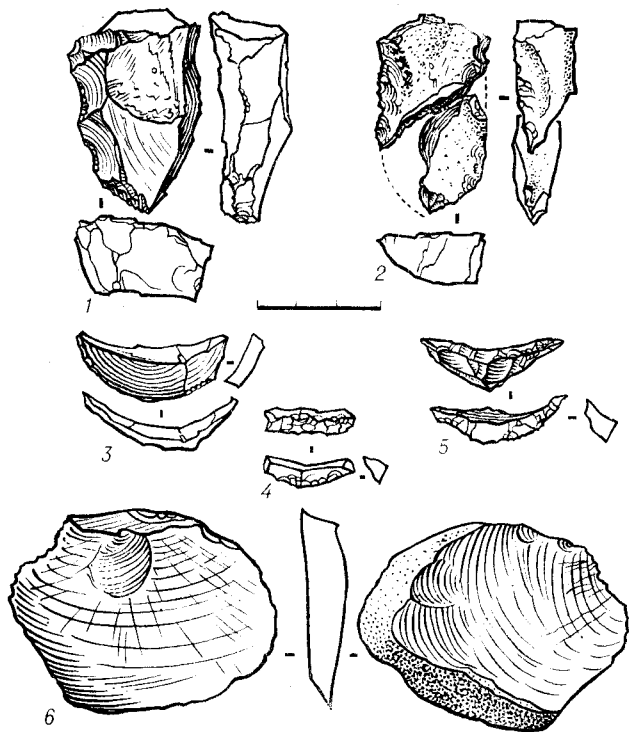

Таблица 189. Каменные изделия Колымских стоянок
1-5 — Сибердиковская стоянка (168), сл. II; 6 — стоянка
Конго (169), подъемный

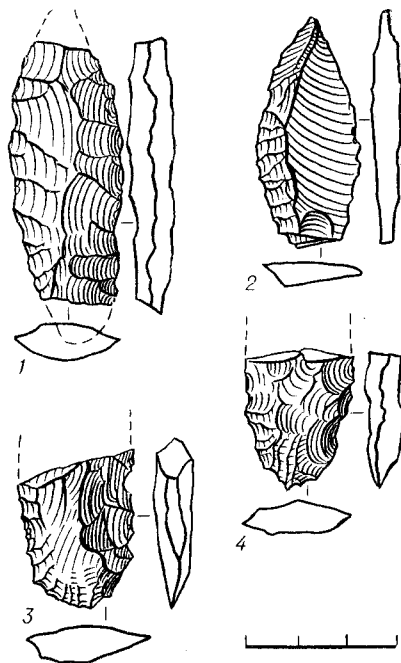

Таблица 190. Кремневые наконечники Сибердиков-
ской стоянки (168) (1-4)
1-3 — сл. II; 2, 4 — сл. III

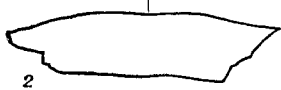
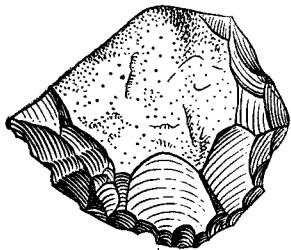
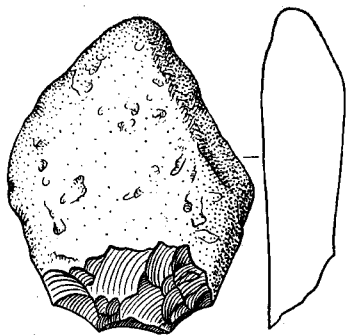
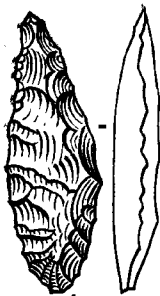

Таблица 191. Чоперы
Сибердиковской стоянки
(168) (1—2)

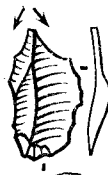
Таблица 192. Кремневые
изделия со стоянки Кон-
го (169) (1—19)

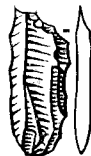
2

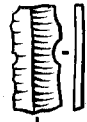
3

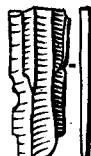
4

5

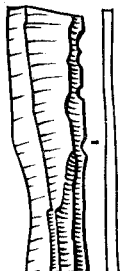
6

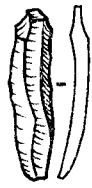
7

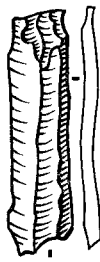
8

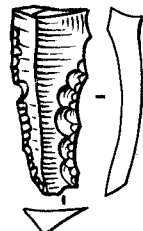
9

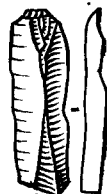
10

11

12

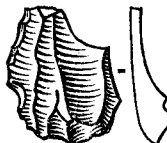
13

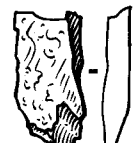
14

15

16

17

18

19

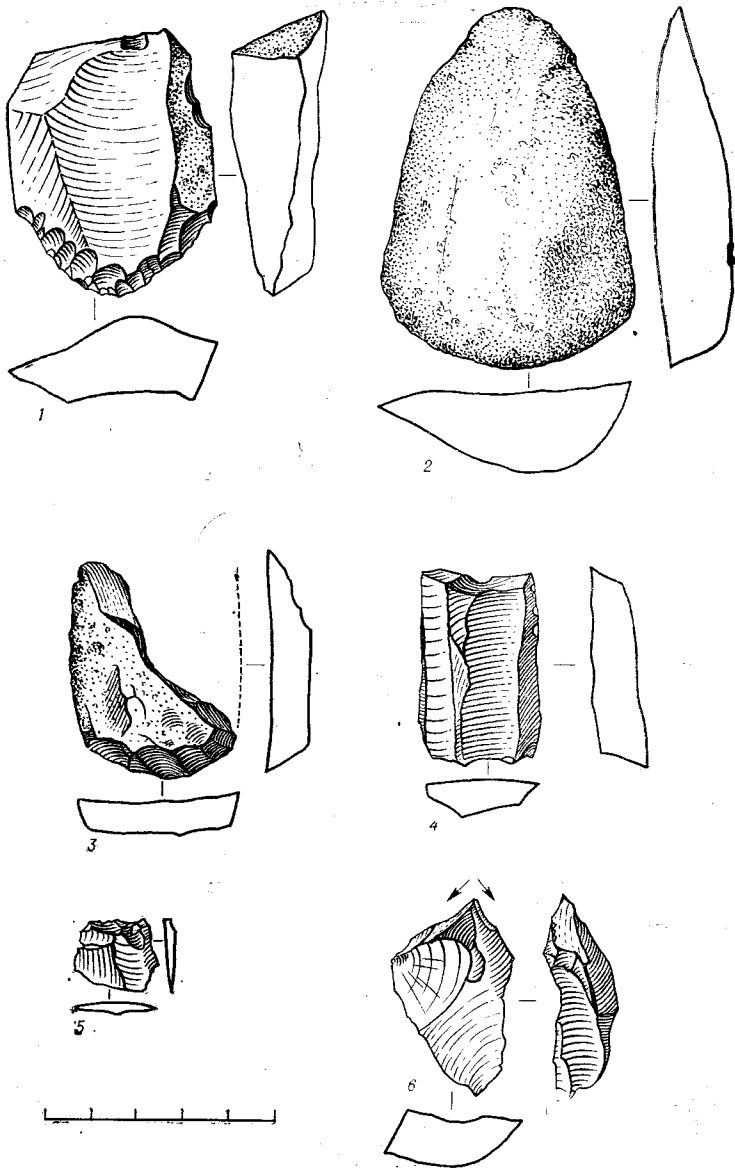

Таблица 193. Каменные изделия со стоянки Конго (169) (1—6)

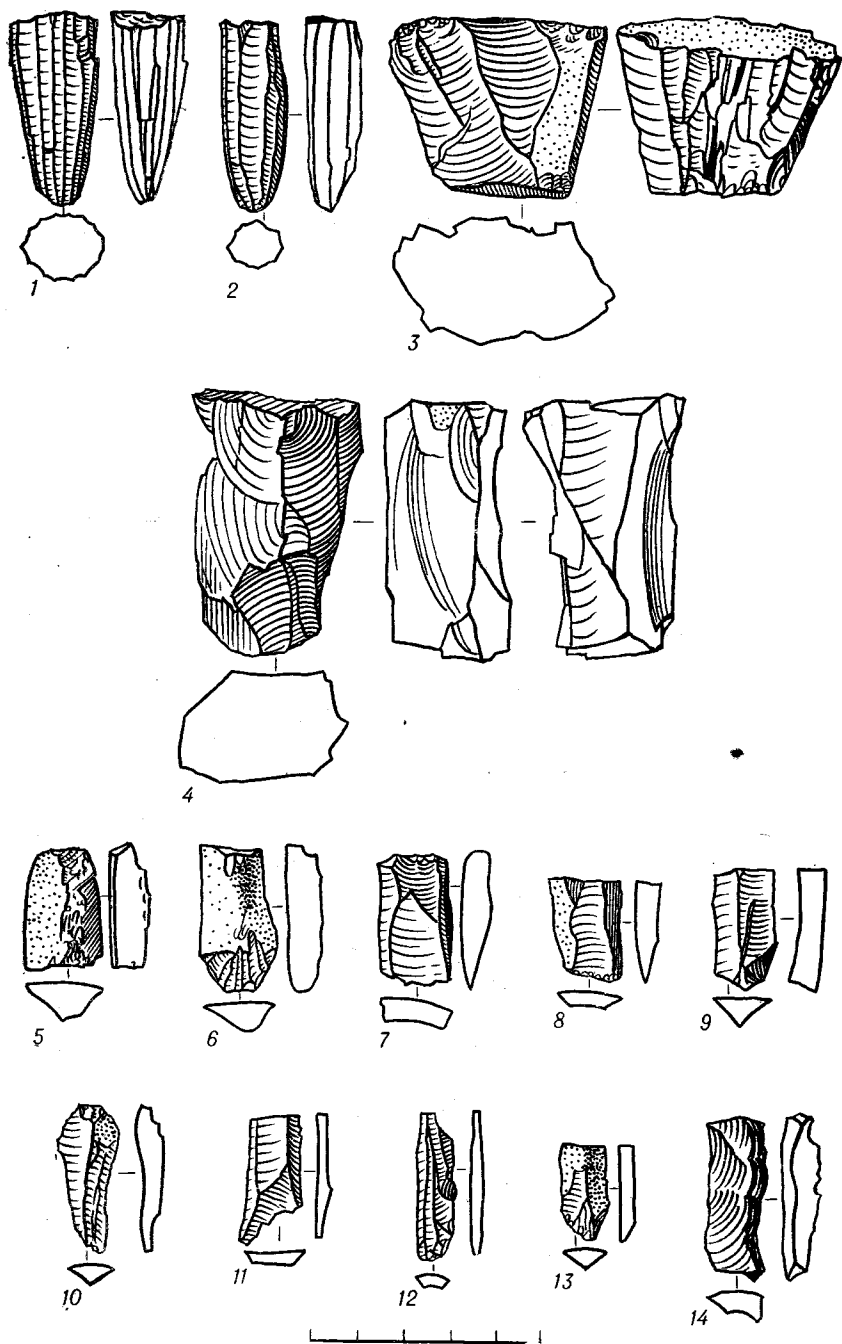

Таблица 194. Пужлеусы и ножевидные пластины из окремленного слоистого пеплового туфа из нижнего слоя стоянки Малтан (170) (1—14)

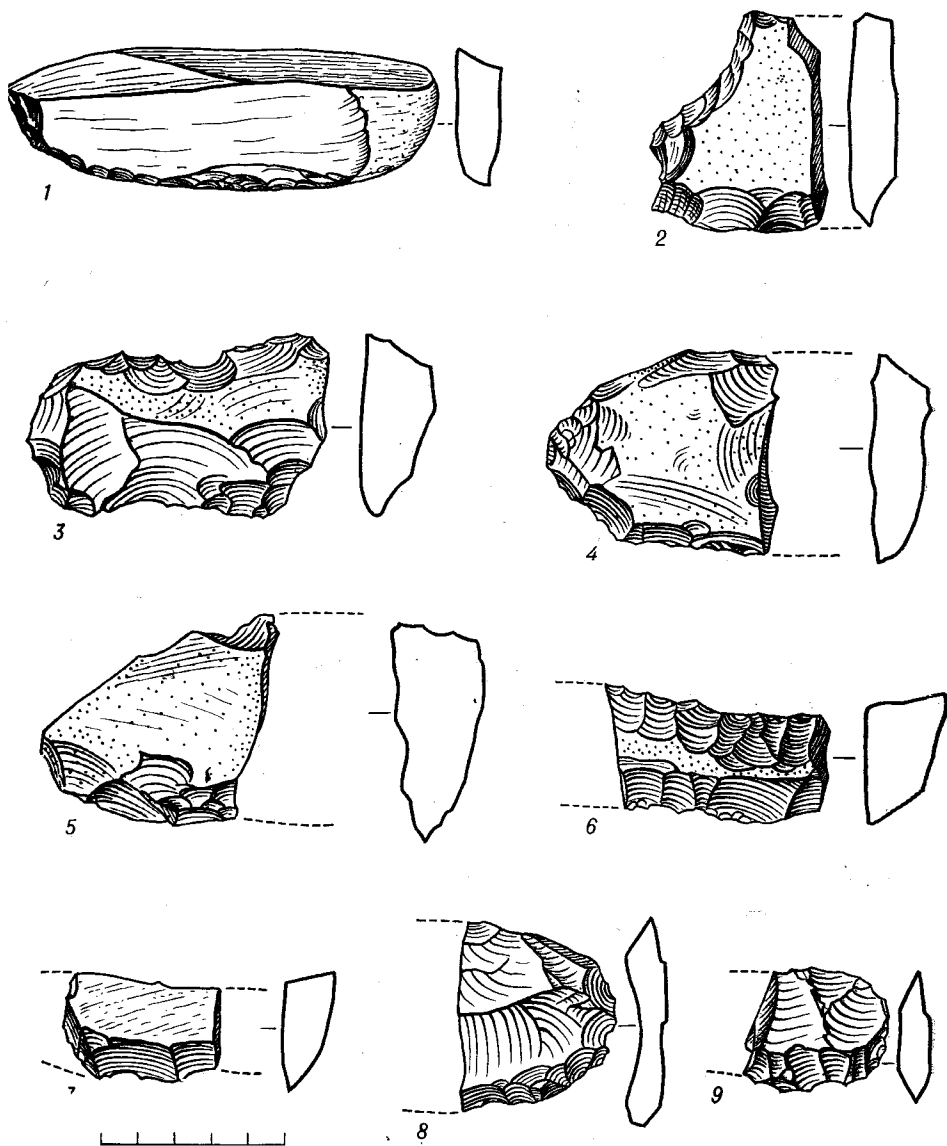

Таблица 195. Ножи из кремневого пеплового туфа из нижнего слоя стоянки Малтан (170) (1—9)

Список сокращений

- ВГО — Всесоюзное географическое общество
- ВДИ — Вестник древней истории
- ГМЭ — Государственный музей этнографии
- Записки ЧОКМ — Записки Чукотского окружного краеведческого музея
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
- РГО — Русское географическое общество
- СА — Советская археология
- Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
- СЭ — Советская этнография
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
- Тр. СВ КНИИ СО АН СССР — Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР
- Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
- AA — American Antiquity
- APAMNH — Anthropological papers of the American Museum of Natural History
- APUA — Anthropological papers of the University of Alaska
- ArA — Arctic Anthropology
- ICAES — International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences
- SWJA — South-Western Journal of Anthropology

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Основные этапы и проблемы археологического изучения Крайнего Северо-Востока Азии</i>	7
<i>Археологические памятники в долине р. Камчатка (1—37)</i>	43
Многослойные стоянки (палеолит-неолит, 1—4)	43
Несмешанные (неолитические) стоянки (5—14)	82
Городища (юрговища) и погребения пережиточного неолита (15—37)	93
<i>Древние памятники на Командорских островах (38—41), в районе Авачинской губы (42—45) и в долине р. Пенжина (47—50)</i>	111
Стоянки морских охотников на о. Беринга (38—41)	111
Неолитические стоянки в районе Авачинской губы (42—46)	112
Древние стоянки на Зеленом и Большом мысах, в Манилах и возле с. Каменское в низовьях р. Пенжина (47—50)	117
<i>Неолитические и более поздние памятники в бассейне р. Анадырь (51—74)</i>	119
Несмешанные однослойные стоянки и могильники (51—71)	119
Смешанные стоянки и могильники (72—74)	134
<i>Древние памятники в долинах рек Амгуэма (75—96), Ванкарем (97) и Пегтымель (98—103)</i>	142
Стоянки в долине р. Амгуэма (75—96)	142
Памятники в долинах рек Ванкарем (97) и Пегтымель (98—103)	153
<i>Памятники пережиточного неолита на морском побережье Чукотки (104—159)</i>	156
<i>Археологические памятники на островах Айон и Врангеля (160—167)</i>	206
<i>Древние стоянки в бассейне р. Кольма (168—170)</i>	213
<i>Общая классификация и опорная стратиграфия археологических памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы</i>	226

Категории памятников	226
Опорная стратиграфия в долине р. Камчатка	227
Опорная стратиграфия на Колыме	238
Опорные культурные комплексы Чукотки	238
Классификация и датировка Пегтымельских петроглифов	244
Синтез	245
<i>Резюме</i>	247
<i>Summary</i>	248
<i>Приложения</i>	249
Приложение I. Археологические памятники, исследованные автором на Камчатке и Чукотке (см. рис. 3)	249
Приложение II. Археологические памятники, обнаруженные на Северо-Востоке (кроме обнаруженных автором; см. рис. 4)	252
Приложение III. Химический состав вулканических пеплов в стратиграфии древних памятников в долине р. Камчатка	258
Приложение IV. Некоторые данные по одонтологии древнего населения Чукотки и Камчатки (А. А. Зубов)	260
Приложение V. Результаты предварительного определения костных остатков рыб из раскопок археологических памятников на Камчатке (Е. А. Цешкин)	264
Приложение VI. Результаты спорово-пыльцевого анализа. Ушки-V (Г. Н. Лисицына)	265
<i>Таблицы</i>	267
<i>Список сокращений</i>	387

Contents

<i>Introduction</i>	5
<i>Main stages in archeologic study of the North-East Asia and related problems</i>	7
<i>Archeologic monuments in the valley of the Kamchatka River (1—37)</i>	43
Many-layer sites of Palcolithic-Neolithic (1—4)	43
Unmixed (stratigraphically differentiated) Neolithic sites (5—14)	82
Fortified settlements and burial places of the remnant Neolithic (15—37)	93
<i>Ancient monuments upon the Commander Islands (38—41), in the vicinity of the Avacha Bay (42—45) and in the valley of the Penzhina River (47—50)</i>	111
Sites of the sea hunters upon the Bering Island	111
Neolithic sites in the area Avachinsay country	112
Ancient sites on the Green and Great Capes in the Manily and Kameskoe villages in the valley of the Penzhina River	117
<i>Neolithic and more recent monuments in the basin of the Anadyr River (51—74)</i>	119
Unmixed one-layer sites and cemeteries (51—71)	119
Mixed sites and cemeteries (72—74)	134
<i>Ancient monuments in the valleys of the Amguema (75—96), the Vankarem (97) and the Pegtymel (98—103) rivers</i>	142
Sites in the valleys of the Amguema river (75—96)	142
Monuments in the valleys of the Vankarem (97) and the Pegtymel (98—103) rivers	153
<i>Monuments of the remnant Neolithic upon the coast of Chukotka (104—159)</i>	156
<i>Archeologic monuments of the isles of Aion and Wrangel (160—167)</i>	206
<i>Ancient sites found in the area of the upper reaches of the Kolyma River (168—170)</i>	213

<i>General classification and basic stratigraphy for archeologic monuments of Kamchatka, Chukotka and upper reaches of the Kolyma</i>	226
Categories of the monuments	226
Basic stratigraphy for the valley of the Kamchatka	227
Basic stratigraphy for the Kolyma	238
Basic cultural assemblages of Chukotka	238
Classification and datings for petroglyphs of the Pegtymel	244
Synthesis	245
<i>Resume</i>	247
<i>Summary</i>	248
<i>The Supplements</i>	249
Supplement I. Index to the map of archeologic monuments studied by the author in the regions of Kamchatka, Chukotka and the Kolyma basin	249
Supplement II. Index to the map of archeologic monuments found by other investigators	252
Supplement III. Data on volcanic ash layers' chemical composition in stratigraphy of ancient monuments belonging to the Kamchatka River valley	258
Supplement IV. Some facts on odontologies for ancient people Chukotka and Kamchatka (A. A. Zuboff)	260
Supplement V. The results of preliminary determination of bone remnants of fish from archeological monuments excavated at Kamchatka (E. A. Tsepkin)	264
Supplement VI. Results of spore-dust analysis, Yshki-V (G. N. Lisicina)	265
<i>Tables</i>	267
<i>List of abbreviations</i>	387